F 66
197

М. А. МИРОПІЕВЪ

О ПОЛОЖЕНІИ

РУССКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ

(Т. Т. 97)

Румянцевский Музей Библиотека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Сунодальная Типографія
1901

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется С.-Петербургъ. Августа 3-го дня 1901 года.

Старшій Цензоръ Архимандритъ *Антонинъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Страницы.
1. Современное движеніе среди русскихъ инородцевъ	1— 76
2. Критика отрицательныхъ началъ ислама, мѣшающихъ сближенію мусульманъ съ другими народами	77—279
3. Положеніе инородцевъ въ Сибири	281—352
4. Положеніе инородцевъ въ Туркестанѣ	353 515

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Современное движеніе среди русскихъ инородцевъ.

Уже болѣе двѣнадцати вѣковъ существуетъ исламъ и, конечно, онъ долженъ имѣть исторію своего развитія. Зародившись на арабской почвѣ у народа, чуждаго образованности, исламъ, воодушевляя своихъ исповѣдниковъ дикимъ фанатизмомъ, пронесся ураганомъ надъ тогдашнимъ образованнымъ міромъ; результатомъ чего было распространеніе этой новой религіи,—внѣшній ея ростъ. Придя въ соприкосновеніе съ тогдашней азіатской и европейской цивилизаціей, исламъ обратилъ вниманіе на внутреннее свое содержаніе; результатомъ чего явился внутренній его ростъ,—явилась систематическая обработка религіи. Исламъ заключился въ строго опредѣленную и законченную религіозно-политическую систему. Эта работа шла такъ усиленно [1]), что скоро все небогатое содержаніе ислама было исчерпано. Послѣ этого въ исламѣ явился застой, который такъ властно царитъ въ немъ и доселѣ. Вся мусульманская наука въ настоящее время состоитъ въ изученіи того, что было сдѣлано въ прошлое счастливое время; вся она теперь теряется въ схоластическихъ тонкостяхъ и ухищреніяхъ и не только не просвѣщаетъ, но, напротивъ, помрачаетъ духовныя спо-

[1]) См. мою ст. «Хаджъ» (по шаріату) въ «Турк. Вѣд.» 1885 г., № 23.

собности своихъ адептовъ. Характерной чертой ислама новаго времени служитъ раболѣпное отношеніе его послѣдователей къ буквѣ закона. Выставляя Коранъ, писалъ я въ другомъ мѣстѣ, вѣнцомъ мудрости, трактуя о судьбѣ міра съ точки зрѣнія предопредѣленія, не признавая свободы въ человѣкѣ и не одобряя занятій науками, исламъ тѣмъ самымъ подавилъ въ своихъ послѣдователяхъ свободно-разумное отношеніе не только къ религіи, но и къ природѣ. Поэтому весьма рѣдко можно встрѣтить между мусульманами, получившими свое образованіе, людей мыслящихъ, критически относящихся къ окружающей дѣйствительности. Мусульмане смотрятъ на все созданіе Божіе и произведенія человѣка до крайности апатично; головъ ихъ почти никогда не будитъ мысль, обоснованная на вопросахъ: почему и для чего? Этотъ индифферентизмъ мусульманъ къ причинѣ и цѣли фактовъ особенно рельефно выражается въ ихъ отношеніи къ религіи, гдѣ онъ считается даже добродѣтелью. Оставаясь вѣрнымъ такому индифферентизму и боясь впасть въ ересь, мухаммеданинъ позволяетъ себѣ заниматься изученіемъ только обрядовой стороны религіи. Обряды занимаютъ мусульманина настолько же сильно, насколько—самая сущность религіи занимаетъ христіанина. Такимъ образомъ обряды замѣнили для мусульманина теоретическое и нравственное ученіе религіи. Свое и чужое благочестіе онъ измѣряетъ именно съ религіозно-обрядовой точки зрѣнія. Обряды и только обряды указываютъ ему цѣль жизни и даютъ извѣстное направленіе послѣдней. Итакъ мухаммеданинъ живетъ въ области религіи только обрядами, которые могутъ возбуждать или подавлять его жизнедѣятельность [1]).—Дѣйствительность такого прискорбнаго положенія современнаго ислама не отрицается и самими мусульманами.

Но въ настоящее время среди мусульманъ замѣчается особое движеніе, которое имѣетъ цѣлью воскресить преж-

---

[1]) См. мое соч. «Религіозное и политическое значеніе хаджа, или свящ. путеш. мухаммеданъ въ Мекку», Каз. 1877 г., стр. 232—233.

нее золотое время ислама, время аббасидовъ, но, впрочемъ,—на совершенно другихъ началахъ. Нѣкоторые изъ мусульманъ, получившихъ то или другое европейское образованіе, задумали примирить ученіе ислама, которое, какъ они говорятъ, «не боится свѣта никакой науки и не боится прогресса ума», съ современнымъ положеніемъ европейской науки и доказать, что исламъ способствуетъ прогрессу, что «исламъ и наука, какъ близнецы, вездѣ неразлучны, являются вмѣстѣ; куда проникъ исламъ, туда проникаетъ и наука». Они желаютъ сдѣлать своихъ собратьевъ по вѣрѣ европейски образованными людьми и въ то же время оставить искренними послѣдователями Корана, который, безъ всякихъ измѣненій, добавленій и отмѣненій, долженъ остаться ихъ религіозно-законодательнымъ кодексомъ. Это движеніе имѣетъ цѣлью, какъ заявляютъ сами мусульманскіе реформаторы, «поднять уровень образованія мусульманскихъ народовъ и искоренить въ нихъ тотъ невѣжественный и обрядовый взглядъ на исламъ, который, будто бы, распространился въ средѣ мусульманскаго міра только послѣ нашествія монголовъ, татаръ и туркменъ, уничтожившихъ плоды просвѣщенной эпохи багдадскаго халифатства и наложившихъ мертвящую свою руку на умственное развитіе побѣжденныхъ ими народовъ... Мы, торжественно заявляетъ одинъ изъ нихъ, русскій мусульманинъ г. Мурза-Алимъ, стоимъ наканунѣ великой религіозной реформаціи въ мусульманскомъ мірѣ, которая будетъ имѣть на дальнѣйшее развитіе мусульманъ то самое вліяніе, которое имѣла реформація Лютера на старый католическій міръ, и эта реформація неминуемо возродитъ къ новой жизни и дѣятельности временно усыпленное мусульманство. Старовѣры и старообрядцы этой религіозной формы монотеизма останутся безъ всякаго вліянія на умственное развитіе будущихъ мусульманскихъ поколѣній и въ неравной борьбѣ за существованіе будутъ ими поглощены; таковъ ужъ роковой историческій ходъ умственнаго развитія въ человѣчествѣ. Библія, Евангеліе и Коранъ не будутъ служить, какъ теперь, знаменемъ раздора, но будутъ

служить лишь руководствомъ къ нравственному и умственному усовершенствованію людей».

Это религіозно-реформаторское движеніе въ исламѣ идетъ изъ Индіи. «Первое мѣсто, говоритъ г. Мурза-Алимъ, въ движеніи мусульманской мысли, на пути научнаго и философскаго прогресса, принадлежитъ мусульманамъ Индіи, во главѣ которыхъ особенно обращаетъ на себя вниманіе Саидъ-Ахмедъ-ханъ-багадуръ, который въ послѣднія двадцать лѣтъ устроилъ, большею частью на свой счетъ, въ разныхъ мѣстностяхъ «англо-восточныя» учебныя заведенія, въ которыхъ ученикамъ различныхъ вѣроисповѣданій преподаются на англійскомъ и мѣстномъ языкѣ Библія, Коранъ и всѣ науки въ ихъ современномъ развитіи (?!). Въ городахъ Бомбеѣ, Калькуттѣ, Бенаресѣ, Лакнахѣ, Дельхи, Лагорѣ и другихъ быстро возникаютъ подобныя заведенія и различныя научныя мусульманскія общества, имѣющія цѣлью бороться съ невѣжествомъ и фанатизмомъ старо-мусульманскаго воззрѣнія. Калькуттское «мусульманское литературное общество» находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ лондонскимъ обществомъ «East-Indian Assotiation». Издающійся въ Бомбеѣ, на англійскомъ языкѣ, подъ редакціей г. Олькота и г-жи Блаватской, ежемѣсячный журналъ философскаго содержанія «Теософистъ» и другія подобныя сочиненія успѣшно распространяются въ средѣ мѣстнаго мусульманскаго населенія, въ которомъ пользуется большимъ почетомъ Библія въ прекрасномъ переводѣ на арабскій языкъ, сдѣланный (sic) въ 1865 году лондонскимъ библейскимъ обществомъ.—Если волна религіозной реформаціи, идущая изъ Индіи, коснется русскаго магометанства, то неминуемо произойдетъ въ средѣ его религіозный расколъ. Молодое и болѣе интеллигентное населеніе послѣдуетъ современному возрожденію мусульманства, ведущему своихъ послѣдователей къ общечеловѣческой цивилизаціи, какъ бы ее ни называли—греческой, латинской, еврейской, христіанской или мусульманской; названіе тутъ не имѣетъ значенія. Старое же поколѣніе съ отжившими понятіями составляетъ (sic) въ средѣ рус-

скихъ магометанъ мусульманское старообрядчество, съ одностороннимъ и фанатичнымъ взглядомъ» [1]).

Эта волна религіозной реформаціи въ исламѣ, идущая изъ Индіи, уже коснулась и нашихъ русскихъ мусульманъ. Среди послѣднихъ явились предвозвѣстники, предтечи этой реформаціи. Разумѣю въ данномъ случаѣ Гаспринскихъ, Девлетъ-Кильдѣевыхъ, Мурза-Алимовъ, Баязитовыхъ, Искандеръ-Мурзъ и др. лицъ, которыя иногда скромно укрываются подъ разными псевдонимами. Каждый изъ нихъ, получивши такое или иное образованіе, остался вѣрнымъ исламу, но не въ той формѣ, въ какой мы привыкли его видѣть, а въ другой, болѣе или менѣе просвѣтленной, очищенной отъ фанатизма, фатализма и грубыхъ чувственныхъ воззрѣній. По крайней мѣрѣ сами себя эти лица выставляютъ въ такомъ свѣтѣ. Они поставили своей задачей просвѣтить своихъ собратій по вѣрѣ и происхожденію, погрязшихъ въ религіозной обрядности, умственномъ невѣжествѣ и нравственной грубости, свѣтомъ истинной науки и лучшаго ислама. Но, какъ кажется, вся дѣятельность ихъ въ данномъ случаѣ ограничивается только этими завѣреніями; по крайней мѣрѣ только одинъ изъ нихъ выступилъ на указанную просвѣтительную дѣятельность и съ этой цѣлью издаетъ въ Бахчисараѣ на русскомъ и татарскомъ языкахъ газету «Таржуманъ» (переводчикъ); это Измаилъ Гаспринскій [2]). Вмѣсто духовно-просвѣтительной миссіи по отношенію къ своему народу, всѣ эти лица задались другой, болѣе легкой задачей—убѣдить насъ, русскихъ, въ необходимости и возможности этой благодѣтельной по своимъ послѣдствіямъ реформы ислама. Съ этой цѣлью они выступаютъ въ нашей печати съ своими трудами, изъ которыхъ отмѣчу слѣдующіе. 1) Г. Гаспринскій въ 1881 г. помѣстилъ въ газетѣ «Таврида» рядъ статей, которыя потомъ издалъ отдѣльной брошюрой, подъ заглавіемъ «Русское мусульманство».

---

[1]) Мурза-Алимъ «Исламъ и магометанство». См. «СПБ. Вѣд.» 1882 г., № 180.

[2]) Конечно, совершенно другой вопросъ, какъ выполняетъ редакторъ-издатель г. Гаспринскій свою задачу.

2) Г. Девлетъ-Кильдѣевъ въ томъ же году издалъ брошюру, подъ заглавіемъ «Магометъ, какъ пророкъ» (СПБ.). 3) Г. Мурза-Алимъ въ 1882 г. помѣстилъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» рядъ статей, подъ заглавіемъ «Исламъ и магометанство». 4) С.-Петербургскій ахундъ мударрисъ г. Атаулъ-Баязитовъ въ 1883 году издалъ «Возраженіе на рѣчь Ренана: Исламъ и наука» (СПБ.) и въ 1898 г.—«Исламъ и прогрессъ» (СПБ.). 5) Какой-то «Мусульманинъ» противъ Ренана же помѣстилъ въ 1883 г. въ № 24 «Восточнаго Обозрѣнія» статью, подъ заглавіемъ «Мусульманство и раціонализмъ». 6) Искандеръ-Мурза тогда же и тамъ же (№№ 36 и 38) помѣстилъ противъ меня статью «Русскія школы для мусульманъ въ Туркестанѣ». И 7) кто-то «изъ образованныхъ лицъ, хорошо знающихъ магометанскую литературу», помѣстилъ противъ меня же статью въ томъ же «Вост. Обозр.» за 1885 г. въ № 10. Сюда же должно отнести и бакинскую газету «Каспій», редакторомъ-издателемъ которой состоитъ татаринъ Топчибашевъ.

Всѣ эти радѣтели, защитники ислама, предвозвѣстники мусульманской реформаціи, вмѣсто того, чтобы приготовить путь послѣдней, приготовить своихъ единовѣрцевъ къ принятію будущаго мусульманскаго Лютера, сидятъ сложа руки и ждутъ себѣ помощи со стороны. Иначе говоря: они желаютъ всю эту работу свалить на русское общество и правительство. Они приняли на себя только роль глашатаевъ, а самую главную роль, роль дѣлателей, предоставляютъ и даже насильно навязываютъ намъ русскимъ. Въ этихъ своихъ крикахъ они, съ теченіемъ времени, дѣлаются все болѣе и болѣе запальчивыми.

«Не грустно ли въ самомъ дѣлѣ, взываетъ одинъ изъ нихъ, г. Гаспринскій, что русское господство не ведетъ мусульманъ къ прогрессу и цивилизаціи (!!); безсильно (!) вдохнуть новую жизнь, идеи и стремленія въ область русско-татарской мертвечины, не говоря уже о матеріальныхъ преуспѣяніяхъ. Мало того,—я съ болью долженъ констатировать, что при русскомъ господствѣ пришли въ нѣкоторый упадокъ и тѣ средства умственнаго развитія татаръ, кои представлялись ихъ школами и письменностью»

(стр. 8—9). «Да, любезные соотечественники русскіе, продолжаетъ онъ, намъ нужны знаніе и свѣтъ; такъ примитесь же серьезно и дайте намъ «свѣта и знаній, знаній и свѣта», иначе господство ваше, какъ господство ради господства, станетъ ниже китайскаго» (!!) (стр. 13). «Свѣта, свѣта дайте намъ, старшіе братья, иначе мы задохнемся, будемъ разлагаться и заразимъ мѣстность. Мы, мусульмане, еще дѣти, такъ будьте же разумными педагогами; говорите съ нами такъ, чтобы мы понимали васъ, а не хлопали только глазами. Когда мы поймемъ васъ, когда въ своемъ мектебѣ мы пріобрѣтемъ первоначальные плоды вашей науки и знаній; когда мы изъ татарскихъ книгъ (странно!) узнаемъ нашу родину Россію и ея порядки: будьте увѣрены, у насъ явятся и желанія и средства наполнить ваши гимназіи и университеты, чтобы трудиться рядомъ съ вами на поприщѣ жизни и науки. А до того мы, не зная ни вашей науки, ни вашей жизни, будемъ чуждаться, избѣгать ихъ и не будемъ сознавать ихъ пользы и значенія, не смотря на трогательное краснорѣчіе и убѣжденіе чиновниковъ разныхъ невѣдомыхъ намъ вѣдомствъ» (стр. 35—36). «Я вѣрю, восклицаетъ тотъ же г. Гаспринскій, что рано или поздно русское мусульманство, воспитанное Россіей, станетъ во главѣ умственнаго развитія и цивилизаціи остальнаго мусульманства» (стр. 30.—Статочное ли дѣло, спрошу я г. Гаспринскаго, воспитывать намъ русское мусульманство для такихъ цѣлей?!) «Если цивилизацію Востока водворили на Западѣ римляне и арабы, то, можетъ быть, Провидѣніе предназначило русскихъ и татаръ къ водворенію западной на Востокѣ» (стр. 31). Изложу въ короткѣ pia desideria этого мусульманскаго дѣятеля, г. Гаспринскаго [1]). Авторъ вооружается противъ той ассими-

[1]) Прошу читателя великодушно извинить меня, что я въ этой своей статьѣ буду утруждать его вниманіе длинными выдержками изъ брошюръ и статей указанныхъ авторовъ. Мнѣ необходимо это сдѣлать потому, чтобы, когда я приступлю въ послѣдующихъ статьяхъ къ разбору и критической оцѣнкѣ ихъ положеній и желаній, меня не могли обвинить въ искаженіи ихъ взглядовъ и чтобы безпристрастный читатель яснѣе составилъ себѣ понятіе о томъ, чего и какими средствами добиваются наши мусульмане. Подробный разборъ бро-

ляціонной политики, которой держатся русскіе по отношенію къ инородцамъ. «Система ассимиляціонной политики, говоритъ онъ, съ какой бы выдержкой и тактомъ она ни проводилась, носитъ на себѣ характеръ принужденія, ограниченія правъ данной народности, и по этому одному уже имѣетъ за собой очень мало симпатій. Но, игнорируя по ходячей доктринѣ всякія симпатіи въ области политики и обращаясь только къ цѣлесообразности, полезности ея, мы не находимъ необходимыхъ оправданій для политики поглощенія одной народности другою, политики руссификаціонной въ нашемъ отечествѣ, если слово «руссификація» понимать именно въ смыслѣ поглощенія русскими другихъ народностей имперіи... Обращаясь къ другой системѣ политики, проистекающей изъ уваженія къ національности и всестороннему равенству племенъ, населяющихъ государство, мы замѣчаемъ, что она, отлично служа дѣлу государственнаго единства, въ то же время споспѣшествуетъ образованію, прогрессу и выработкѣ лучшихъ формъ труда и жизни; какъ система, имѣющая за собой правду и справедливость, она привлекательна и дѣйствуетъ среди большинства цивилизованныхъ народовъ міра. На основѣ всесторонняго равенства и племенной самобытности мирно и счастливо живутъ въ государствѣ Соединенныхъ Штатовъ нѣмцы, французы и англичане, въ Швейцаріи нѣмцы, французы и итальянцы, которые въ то же время готовы бы потопить другъ друга на берегахъ По, Тибра и Рейна. Даже въ болѣе разношерстномъ и отсталомъ государствѣ, именуемомъ Австро-Венгріей, начинаютъ мирно уживаться и развиваться нѣмцы, славяне, мадьяры, итальянцы, евреи и прочіе, не ослабляя, а напротивъ укрѣпляя государственное единство, конечно, въ иной формѣ, чѣмъ обыкновенно думаютъ укрѣпить при дѣйствіи системъ зануздываній и поглощеній... Впрочемъ, къ чему намъ образцы и при-

---

шюры г. Гаспринскаго уже сдѣланъ мною въ другомъ мѣстѣ. См. мою ст. въ газетѣ «Русь» 1884 г. № 17: «Какія главныя начала должны быть положены въ основу образованія русскихъ инородцевъ-мусульманъ?»

мѣры другихъ государствъ и народовъ, когда у себя дома мы имѣемъ не менѣе краснорѣчивыя данныя... Мы думаемъ, что, не смотря на нѣкоторую самостоятельность учрежденій, языка и литературы и вообще народности въ Финляндіи, не смотря на централизацію и многоразличныя ограниченія, дѣйствующія въ духѣ руссификаціи въ Польшѣ, первая страна несравненно больше русская [1]), чѣмъ вторая, и останется всегда таковой, никогда не представляя собой больнаго, слабаго мѣста отечественнаго организма. Говоря все это, намъ хочется лишь высказать, что какъ между отдѣльными человѣческими единицами лучше и легче живется на основѣ взаимнаго уваженія, признанія правъ и солидарности интересовъ, такъ и общежитіе человѣческихъ группъ и народностей должно исключительно покоиться на такихъ же основахъ (стр. 16—19). Я глубоко убѣжденъ, что только незнаніе, невѣдѣніе и недоразумѣніе сдерживаютъ мусульманина отъ близкаго, дѣятельнаго и сочувственнаго пріобщенія къ общей русской, отечественной жизни. Исламизмъ непосредственно тутъ вовсе не мѣшаетъ. Есть нѣчто посильнѣе и постарѣе его, которое мѣшаетъ и портитъ тутъ дѣло, какъ и вездѣ,—это невѣжество, борьба съ которымъ до сихъ поръ не организована какъ слѣдуетъ и для борьбы съ которымъ должны дружно приняться лучшіе мусульмане и русскіе (стр. 22). Словомъ нравственное обрусеніе мусульманъ можетъ совершиться путемъ подъема ихъ умственнаго уровня и знаній, а это можетъ совершиться только путемъ признанія за татарскимъ языкомъ правъ гражданства въ школѣ и литературѣ. Русскіе мусульмане не имѣютъ ни науки, ни литературы, ни печати и, полагаю, надо облегчить, поощрить ихъ развитіе. Мнѣ, можетъ быть, скажутъ, что они могутъ учиться въ русскихъ школахъ и затѣмъ пользоваться русской литературой и печатью для своего развитія. Въ отношеніи единицъ—это такъ, но если дѣло идетъ о массахъ, то безсиліе русскихъ школъ и науки въ обсуждаемомъ нами

[1]) Никогда она таковой не была.

вопросѣ, мнѣ кажется, очевидно и не допускаетъ возраженій (стр. 32)... Было время, когда мусульмане учились въ своихъ медресе—ильми-тыбіе (медицина), ильми-икметъ (физика), ильми-кимья (химія), ильми-набадатъ (ботаника), ильми-нуджумъ (астрономія), ильми-эндесе (геометрія) и пр. Это смутныя воспоминанія и преданія о медресе арабовъ временъ блестящей эпохи ихъ калифатствъ, когда въ Багдадѣ, Кордовѣ и другихъ городахъ мусульманскаго Востока были медресе съ 20—30 профессорами (мудеррисы, муальлимы), преподававшими разныя умозрительныя и опытныя науки. Программа же теперешняго татарскаго медресе—арабскій книжный языкъ, теологія и схоластика. Методъ преподаванія—долбленіе и зубреніе, зубреніе и долбленіе».

«Мнѣ кажется, продолжаетъ г. Гаспринскій, что русскіе сослужатъ великую службу отечеству и человѣчеству, воскресивъ для своихъ мусульманъ на русской почвѣ славныя арабскія медресе, давшія въ свое время столько знаменитыхъ тружениковъ науки и мысли. Дать этому дѣлу толчекъ будетъ нетрудно и недорого. Надо лишь подвергнуть небольшимъ преобразованіямъ 9—10 медресе по Россіи въ такихъ мусульманскихъ центрахъ, какъ Казань, Уфа, Оренбургъ, Астрахань, Ташкентъ, Самаркандъ, Баку, Нуха и Бахчисарай, чтобы поставить дѣло умственнаго развитія русскихъ мусульманъ на прежнее основаніе. Всѣ преобразованныя медресе могли бы именоваться «великими» или «перворазрядными» въ отличіе отъ непреобразованныхъ, и можно бы дать ихъ «сохтамъ» (студентамъ) нѣкоторыя преимущества и права. Сутью преобразованія должно бы, по нашему мнѣнію, быть введеніе въ курсъ этихъ медресе преподаванія элементарныхъ общеобразовательныхъ наукъ на татарскомъ языкѣ (сокращенные курсы географіи, исторіи, естественныхъ наукъ, ариѳметики съ планиметріей, основанія педагогики и краткое законовѣдѣніе). Преподавателями могли бы быть лица, получившія образованіе на восточномъ факультетѣ университета или въ Лазаревскомъ Институтѣ восточныхъ языковъ. За руководствами серьезной остановки

быть не могло бы. По три преподавателя, изъ коихъ одинъ въ то же время въ качествѣ мудерриса-директора, намъ кажется, было бы достаточно для одного медресе. Это нововведеніе могло бы стоить (жалованье учителей и учебныя пособія) по 7—8 тысячъ на каждое медресе, а на всѣ 10 медресе важнѣйшихъ центровъ потребовалось бы до 80 тысячъ. Допуская даже до 100 тысячъ расхода въ годъ для десяти медресе, мы находимъ этотъ расходъ, для коего можно установить спеціальный сборъ съ мусульманъ, по образцу бывшаго татарскаго сбора въ Крыму, ничтожнымъ, сравнительно съ блестящими результатами, коихъ можно ожидать. Въ какіе-нибудь 15 лѣтъ русское мусульманство, вмѣсто нынѣшняго невѣжественнаго духовенства, имѣло бы развитое духовенство, образованныхъ улемовъ, вмѣсто нынѣшнихъ тупыхъ учителей (ходжей),—подготовленныхъ къ своей дѣятельности и развитыхъ педагоговъ; и тогда можно бы поднять курсъ начальныхъ училищъ—мектебовъ до уровня требованій времени и ввести въ нихъ лучшія, усовершенствованныя методы преподаванія, вмѣсто существующихъ нынѣ долбленія и палки. Этимъ путемъ быстро проникли бы въ массу русскія, или, лучше сказать, общечеловѣческія идеи и знанія. Разъ пробужденная любознательность вызвала бы среди татаръ сознательное, а не принужденное изъ-подъ палки стремленіе къ просвѣщенію. Тогда не существовало бы недовѣрія къ русскому просвѣщенію, апатичнаго равнодушія къ русской наукѣ. Мусульмане убѣдились бы въ томъ, что есть еще чему учиться кромѣ свящ. писанія арабовъ... Тогда русскіе гимназіи и университеты пріобрѣли бы значеніе въ глазахъ мусульманъ, ихъ отчужденность, недовѣріе и апатія, эти слѣдствія невѣдѣнія, разсѣялись бы, какъ туманъ» (стр. 39—41).

Итакъ вотъ къ чему стремятся, вотъ чего добиваются наши мусульмане.

Другой изъ предвозвѣстниковъ мусульманской реформаціи, г. Девлетъ-Кильдѣевъ, съ своею брошюрой «Магометъ, какъ пророкъ», старается какъ-бы пополнить тотъ пробѣлъ, какой замѣчается у его собрата, г. Гаспринскаго.

Послѣдній, разсуждая о сближеніи между русскими и мусульманами, выразился между прочимъ такъ: «исламизмъ непосредственно тутъ вовсе не мѣшаетъ», но для доказательства этого своего положенія, которое, по моему мнѣнію, авторъ долженъ былъ бы положить въ основу значительной части своихъ проектовъ, почти вовсе ничего не сдѣлалъ. Г. Девлетъ-Кильдѣевъ задался цѣлью познакомить русскихъ съ мусульманствомъ, какъ религіей. Пользуясь незнаніемъ со стороны русской публики всего того, что касается ислама, авторъ старается выставить этотъ послѣдній самой чистой религіей въ мірѣ и чуждой фанатизма и прибѣгаетъ для этого къ непозволительнымъ средствамъ. Умалчивая о всемъ томъ, что хотя отчасти можетъ компрометировать исламъ и его основателя, онъ, безъ всякаго стѣсненія, заявляетъ, что, на основаніи «довольно добросовѣстныхъ изслѣдованій исламизма и сочиненій во Франціи: Бартелеми С.-Илера (Barthelemy St.-Hilaire), Кузена-де-Персеваль (Cousin de Perseval), въ Англіи—доктора В. Муиръ (W. Muir), въ Германіи—Г. Вейля и Шпренгера (G. Weil, Sprenger), можно составить себѣ болѣе вѣрное понятіе о Магометѣ» (стр. 5), хотя, замѣчу кстати, авторъ настолько знакомъ съ этими оріенталистами, что совершенно не знаетъ даже правописанія фамилій нѣкоторыхъ изъ нихъ. Если бы г. Девлетъ-Кильдѣевъ прочиталъ сочиненіе хотя бы одного только Шпренгера («Das Leben und die Lehre des Mohammad», Berlin), то ясно увидалъ бы свою безцеремонность. Я имѣю полное основаніе употреблять такое рѣзкое выраженіе по отношенію къ указанному автору потому, что онъ почти на каждомъ шагу практикуетъ довольно неудобные пріемы для разныхъ своихъ цѣлей; такъ напр., ссылаясь на сужденія объ исламѣ Дрэпера, онъ приводитъ только тѣ мѣста изъ сочиненія этого англійскаго ученаго [1]), которыя служатъ подтвержденіемъ его предвзятыхъ убѣжденій, совершенно замалчивая о другихъ, помѣщенныхъ даже въ той же главѣ, гдѣ указываются

[1]) Дж. В. Дреперъ «Исторія умственнаго развитія Европы», пер. съ англ. подъ редакціей А. Н. Пыпина. СПБ., 1873 г., т. 1, стр. 270.

недостатки ислама [1]). Вотъ этотъ-то безпристрастный изслѣдователь, г. Девлетъ-Кильдѣевъ, старается представить намъ своего Мухаммеда въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ, какъ человѣка возвышеннаго характера, какъ пророка, а его ученіе—самой чистой религіей въ мірѣ. «Магометъ, говоритъ онъ, провозгласилъ себя послѣднимъ изъ пророковъ, потому что онъ сказалъ народу всю истину» (стр. 24). «Магомету, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ словами Вейля, безспорно принадлежитъ слава распространенія ученія Библіи и Евангелія (?!) въ странѣ и народѣ, который не былъ осѣненъ никакимъ лучемъ разумной вѣры въ безсмертіе души и загробную жизнь, а потому, въ виду этой заслуги, онъ можетъ быть признанъ посланникомъ Божіимъ даже народами, почему-либо не принявшими его закона» (стр. 19—20). «Лучшаго понятія о Богѣ, чѣмъ даетъ исламъ, трудно себѣ представить» (стр. 13). «Религіозныя понятія, изложенныя въ Коранѣ, съ аппломбомъ заявляетъ г. Девлетъ-Кильдѣевъ, прекрасны, лучшаго желать нельзя» (стр. 35). «Нигдѣ въ Коранѣ нельзя найти повелѣнія пророка угнетать или уничтожать христіанъ и евреевъ, какъ это принято думать, а потому несправедливо, говоритъ намъ справедливый мусульманинъ, приписывать Магомету фанатизмъ и неразумныя дѣйствія его послѣдователей» (стр. 22). «Только незнакомые съ его ученіемъ могутъ распространять такую ложь. Напротивъ Магометъ вездѣ и всегда предписывалъ милосердіе даже къ врагамъ» (стр. 3). Все это очень неприглядно и, конечно, разсчитано на полное незнакомство русской публики съ Кораномъ и вообще исламомъ. Въ заключеніе своей брошюры нашъ г. Девлетъ-Кильдѣевъ съ видомъ серьезнаго, многосторонняго и глубокаго изслѣдователя ислама изрекаетъ слѣдующее: «если мусульмане будутъ болѣе придерживаться смысла ученія своего пророка, изложеннаго въ Коранѣ, чѣмъ буквъ этого самаго Корана, отнесутся менѣе фанатично къ своимъ преданіямъ, въ такомъ случаѣ можно съ достовѣрностью предсказать мусульманамъ

[1]) Тамъ же, стр. 279—281.

блестящую будущность (?!), какъ народу [1]), богато одаренному природою въ матеріальномъ и умственномъ отношеніи» (стр. 34—35). Все это было бы только смѣшно, если бы не было такъ грустно, о чемъ рѣчь дальше.

Третій изъ выставленной мною серіи современныхъ мусульманскихъ дѣятелей, г. Мурза-Алимъ, въ 1882 году помѣстилъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» цѣлый рядъ статей, подъ заглавіемъ «Исламъ и магометанство» [2]). Мурза-Алимъ старается доказать, на основаніи историческихъ данныхъ, тѣ же положенія, какія доказывалъ и Девлетъ-Кильдѣевъ, т.-е. что «ученіе ислама принадлежитъ всему человѣчеству», что «исламъ не боится никакой науки и не боится прогресса ума», затѣмъ онъ высказываетъ возможность поднять уровень современнаго образованія мусульманъ и приходитъ, наконецъ, къ тому же практическому выводу, къ какому пришелъ и г. Гаспринскій, къ необходимости воскресить для нашихъ мусульманъ на русской почвѣ славныя арабскія медресе временъ золотаго вѣка ислама. Позволю себѣ подробнѣе познакомить читателя со взглядами г. Мурза-Алима. Сначала, какъ я уже показалъ раньше, онъ трактуетъ о томъ, что мусульмане въ настоящее время стоятъ наканунѣ великой религіозной реформаціи, идущей изъ Индіи, и заранѣе распредѣляетъ и выясняетъ роли въ этомъ предстоящемъ реформаторскомъ движеніи. Далѣе нашъ авторъ весьма политично и, нужно признаться, довольно хитро разграничиваетъ понятія «мусульманинъ» и «магометанинъ». Это разграниченіе настолько любопытно, что не мѣшаетъ намъ познакомиться съ нимъ подробнѣе: «Вѣрованіе, говоритъ онъ, въ существованіе единаго Бога, нераздѣльнаго, творца и повелителя вселенной (Ла Иллаха Илла-Лахъ), вѣрованіе въ безсмертіе человѣческаго духа или души, словомъ все то, что составляло религію Авраама и прочихъ патрі-

[1]) Этнографическая нелѣпость, замѣчу кстати.

[2]) Къ сожалѣнію, мнѣ, не смотря на всѣ мои старанія, не удалось достать всѣхъ статей г. Мурзы-Алима; у меня подъ руками находятся «С.-Петербургскія Вѣдомости» за 1882 г. только слѣдующ. №№: 188, 224, 229, 239, 244 и 285.

арховъ и что до сихъ поръ составляетъ сущность всѣхъ магометанскихъ религій, называлось издревле у аравитянъ, и до появленія еще пророка Магомета, исламъ. Исповѣдующіе это вѣрованіе назывались, въ отличіе отъ идолопоклонниковъ и язычниковъ, мусульманами, что означаетъ людей исполняющихъ и подчиненныхъ волѣ Божіей. Магометанами же въ тѣсномъ смыслѣ этого слова слѣдуетъ называть всѣхъ тѣхъ, которые приняли законы и обрядность пророка Магомета и прибавили къ вышеозначенному въ скобкахъ арабскому изреченію слова: Магометъ Рессуль Аллахъ (Магометъ пророкъ Божій). Нельзя быть магометаниномъ, не бывъ мусульманиномъ, но можно быть послѣднимъ, не бывъ первымъ, такъ точно, какъ нельзя быть православнымъ, не бывъ христіаниномъ, но можно быть послѣднимъ, не бывъ православнымъ... Исламъ соединяетъ въ себѣ всѣ вѣрованія индусскихъ и персидскихъ мудрецовъ, патріарховъ и пророковъ библейскихъ, а также ученіе Іисуса Христа и Магомета, насколько всѣ эти вѣрованія и ученія согласны съ основными истинами ислама, что «Богъ единъ, нерожденный и нерождающій (Аллахъ-ла Ялидъ, уалла ювладъ)» (№ 188). Если повѣрить автору, то и всѣ мы должны быть причислены къ мусульманамъ. Все это сказано очень тонко и хитро; но вотъ вопросъ, на чемъ, на какихъ данныхъ все это основано. Вѣдь, г. Мурза-Алимъ, въ такихъ важныхъ пунктахъ нужно представлять неопровержимыя историческія свидѣтельства; а если ихъ нѣтъ, то свои собственныя умствованія, хотя бы и еще болѣе хитрыя, нельзя выдавать за историческіе факты. Такимъ путемъ мы, пожалуй, всѣ свои фантазіи припишемъ исторіи.

Затѣмъ, въ видѣ предисловія къ главной своей мысли, г. Мурза-Алимъ пишетъ слѣдующее: «Чтобы имѣть справедливое сужденіе о вліяніи ислама съ законами и обрядностью пророка Магомета на культурное развитіе мусульманскихъ народовъ, необходимо обратить вниманіе на то, что эта религіозная форма болѣе, чѣмъ на шестьсотъ лѣтъ моложе христіанской, и можетъ быть выражена въ цифрахъ, какъ 1882 г. къ 1250 г., если считать со

смерти Магомета въ 632 г. по Р. Хр. распространеніе его ученія. Слѣдовательно, для сравненія степени культурнаго развитія христіанскихъ и магометанскихъ народовъ въ извѣстный періодъ времени, нужно сравнить культурное положеніе магометанъ въ настоящее время, т.-е. въ 1882 г., съ таковымъ же положеніемъ христіанъ въ XIII вѣкѣ, т.-е. въ 1250 г. по Р. Хр.» (№ 188). Все это можетъ быть вѣрно и можетъ быть невѣрно, смотря по тому, съ какихъ точекъ зрѣнія смотрѣть на христіанство и мусульманство. Разсужденія эти отчасти справедливы, если разсматривать эти религіи со стороны усвоенія ихъ исповѣдниками; но въ то же время разсужденія эти не выдерживаютъ никакой критики, если мы возьмемъ эти религіи безотносительно къ ихъ исповѣдникамъ, если будемъ разсматривать ихъ въ ихъ сущности, какъ онѣ выражены основателями ихъ, Іисусомъ Христомъ въ Евангеліи и Магометомъ въ Коранѣ. Разсуждая съ точки зрѣнія исторической, мы должны потребовать отъ Корана большей высоты ученія, какъ отъ такой религіозной формы, которая явилась на 600 слишкомъ лѣтъ позже христіанства. Вслѣдъ за этимъ г. Мурза-Алимъ выставляетъ на видъ отрицательныя явленія, нашедшія себѣ мѣсто въ христіанской Европѣ въ прежнее время, какъ-то: папскій деспотизмъ, крестовые походы, фанатизмъ во всѣхъ формахъ, преслѣдованіе свободы мысли и слова, инквизицію, Варѳоломеевскую ночь, тридцатилѣтнюю войну, сектантство, атеизмъ, матеріализмъ и, наконецъ, нигилизмъ; при чемъ совершенно неосновательно заявляетъ, что «всѣ эти прискорбныя явленія и другія общественныя болячки культурныхъ европейскихъ народовъ пока чужды магометанскому міру» (№ 188) [1]).

Дальше у г. Мурзы-Алима идетъ ужъ настоящій панегирикъ исламу, гдѣ выставляется и восхваляется то золотое время, когда у мусульманъ процвѣтали разныя

---

[1]) Чтобы лучше и полнѣе убѣдиться въ противномъ, я позволю себѣ отослать читателя къ книгѣ Уманца: «Очеркъ развитія религіозно-философской мысли въ исламѣ». СПБ., 1890.

науки, философія и вообще просвѣщеніе. Все это далеко не ново, и я буду имѣть случай возвратиться къ разсмотрѣнію этого пункта, а потому теперь пройду его молчаніемъ; но не могу не остановиться на одномъ любопытномъ мѣстѣ, гдѣ г. Мурза-Алимъ старается доказать, что пророкъ Мухаммедъ былъ человѣкъ образованный. «Знаменитый европейскій ученый, А. Фонъ-Гумбольдъ, въ своемъ знаменитомъ сочиненіи «Космосъ», говоритъ онъ, утверждаетъ, что пророкъ Магометъ и первый послѣ него халифъ, Абу-Бекръ, жили, въ г. Меккѣ, въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ врачами, окончившими свое образованіе въ знаменитой въ то время несторіанской академіи, въ г. Эдессѣ, что, конечно, говоритъ въ пользу образованности самого пророка, которую многіе отрицаютъ. Между тѣмъ Магометъ всегда высоко цѣнилъ знаніе и науку, и особенно благоволилъ къ греческимъ мудрецамъ» (№ 224). Въ другомъ мѣстѣ г. Мурза-Алимъ прямо говоритъ: «пророкъ Магометъ не только поощрялъ ученіе во всѣхъ его видахъ, но самъ восхищался философіей греческихъ мудрецовъ Аристотеля, Платона и другихъ» (№ 180). Что это?! Сама наивность, или разсчитано на наивность другихъ?! Вотъ то и худо, что эти гг. предвозвѣстники мусульманской реформаціи, эти предтечи мусульманскаго Лютера только и разсчитываютъ на незнакомство русской публики съ затронутымъ ими вопросомъ. Кому изъ лицъ, читавшихъ Коранъ, не извѣстно, что самъ Мухаммедъ по этому поводу говорилъ слѣдующее: «вѣруйте въ Бога и Его посланника, неученаго пророка» (Коранъ, гл. 7, ст. 158)?! Да если бы даже Мухаммедъ не заявлялъ объ этомъ прямо, категорично, то уже одно ученіе Корана, которое въ своей космологіи не далеко ушло отъ ученія перваго греческаго философа, Ѳалеса, ясно свидѣтельствуетъ, что Мухаммедъ былъ совершенно незнакомъ съ философскими системами такихъ великихъ мудрецовъ Греціи, какъ Платонъ, Аристотель и др.

«Послѣ упадка знанія, продолжаетъ далѣе нашъ авторъ, въ мусульманскомъ мірѣ, вслѣдствіе опустошитель-

ныхъ войнъ съ нашедшими изъ внутренней Азіи дикими племенами и другихъ причинъ, замѣтна остановка въ культурномъ развитіи магометанъ. Но позволительно думать, что эта остановка только временная, и теперь уже мы присутствуемъ при началѣ новой культурной эволюціи послѣдователей ислама, идущей изъ Индостана... Неудивительно будетъ, если магометане Индостана, съ своей философско - религіозной подготовкой, не только скоро догонятъ народы Европы, но станутъ на ряду съ ними. Очень много будетъ способствовать просвѣщенію мусульманъ правильный взглядъ на школьное дѣло и на устраиваемыя повсюду въ Индіи, Турціи и пр. мѣстахъ народныя свѣтскія и спеціальныя школы. Конечно, пострадаетъ немного при этомъ односторонній взглядъ нѣкоторыхъ магометанъ, но законы развитія, установленные въ природѣ Самимъ Богомъ, не подчиняются мудрствованіямъ человѣка; они незамѣтно заставляютъ людей подчиняться общему движенію впередъ по пути цивилизаціи. Движеніе это можно остановить на время, но совсѣмъ его прекратить не дано человѣку» (№ 239). Вслѣдъ за симъ онъ приводитъ взглядъ г. Гаспринскаго на современное умственное положеніе нашихъ русскихъ мусульманъ и на средства выдти изъ такого положенія (№ 244). Для вновь проектируемыхъ г. Гаспринскимъ мусульманскихъ медресе г. Мурза-Алимъ указалъ даже и хорошее учебное руководство. «Въ X-мъ в., говоритъ онъ, когда науки (калямъ) были между арабами въ большомъ развитіи, образовалось въ г. Бассорѣ философское общество, члены котораго получили прозваніе «братьевъ чистоты» или, правильнѣе, «чистосердечныхъ братьевъ» (Ихнаваль-Сафа). Цѣль этого общества состояла въ томъ, чтобы сдѣлать общедоступными всѣ главнѣйшія отрасли человѣческаго знанія и въ особенности нравственно-богословскія, естественно-философскія науки. Для достиженія этой цѣли общество обнародовало сочиненіе, въ родѣ энциклопедіи, которая состояла изъ 50 отдѣльныхъ статей, изложенныхъ просто, въ общедоступной формѣ. Эта энциклопедія была издана въ Калькуттѣ въ 1812 году.

Есть ли на русскомъ или на татарскомъ языкѣ переводъ этого сочиненія, мнѣ неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ этотъ переводъ былъ бы чрезвычайно полезенъ для школъ (мектебовъ и медресе) русскихъ магометанъ» (№ 229).

Трудно придумать что-нибудь болѣе нелѣпое. Нечего сказать, хороши будутъ эти вновь проектируемыя мусульманами школы и высоко образованы ихъ студенты, если послѣдніе будутъ слагать свое міровоззрѣніе по энциклопедіямъ X вѣка, хотя бы и составленнымъ «чистосердечными братьями»! Понимаютъ ли ясно гг. прожектеры то, что говорятъ?—Выражая свою полную солидарность съ г. Гаспринскимъ по вопросу объ образованіи нашихъ мусульманъ, г. Мурза-Алимъ вдругъ совершенно неожиданно высказываетъ относительно татарскаго языка слѣдующее: «Нельзя однако не пожелать для пользы этихъ же магометанъ, русско-подданныхъ, чтобы русскій языкъ обязательно былъ преподаваемъ въ ихъ школахъ, какъ преподается любой иностранный языкъ въ учебныхъ заведеніяхъ не только русскихъ, но и турецкихъ, египетскихъ и др. Тѣмъ болѣе этого желательно, что существующій въ Россіи татарскій языкъ мало обработанъ и составляетъ лишь жаргонъ или, какъ французы выражаются, «patois». Врядъ ли разумно и практично терять дорогое время на выработку этого языка и созданіе какого-то литературно-татарскаго нарѣчія, когда уже существуютъ готовые арабскій и русскій языки и когда въ высшихъ интеллигентныхъ слояхъ человѣчества существуетъ стремленіе, совершенно справедливое, къ единенію всѣхъ нарѣчій въ одинъ общій научный языкъ, какъ цифры въ ариѳметикѣ, ноты въ музыкѣ, французскій языкъ въ дипломатіи и пр.» (№ 285).—Интересно, наконецъ, и слѣдующее мнѣніе г. Мурзы-Алима относительно возможности распространенія между нашими мусульманами русскаго языка. «Мнѣ кажется, пишетъ онъ, что желаніе водворить русскую образованную и литературную рѣчь, взамѣнъ не литературнаго татарскаго жаргона, можетъ осуществиться другими путями, чѣмъ

инородческой школой. Правительство можетъ, напримѣръ, обязать всѣхъ лицъ, желающихъ посвятить себя на должность муллы или судьи, знать русскій языкъ настолько, чтобы умѣть читать и писать по русски и говорить безъ переводчика. Я убѣжденъ, что при такомъ обязательномъ обученіи русскаго языка, совершенно легальномъ въ государствѣ, гдѣ этотъ языкъ есть государственный, въ скоромъ времени русская рѣчь распространится между татарскимъ населеніемъ посредствомъ тѣхъ же муллъ, которые, при болѣе мусульманскомъ и менѣе татарскомъ взглядѣ на исламъ, вслѣдствіе постепенно развивающагося между ними просвѣщенія, скоро поймутъ, что ученіе пророка Магомета не ставитъ преградъ для изученія русскаго, французскаго или другаго языка. Это мнѣніе особенно сдѣлается господствующимъ между просвѣщенными магометанами, когда всякое участіе правительства въ обращеніи магометанъ въ православіе будетъ устранено и когда русскіе мусульмане на дѣлѣ убѣдятся, что знаніе русскаго языка не влечетъ за собой непремѣннаго обязательства сдѣлаться православными» (№ 285).

Таковы взгляды и воззрѣнія на затронутый вопросъ объ образованіи нашихъ инородцевъ-мусульманъ г. Мурза-Алима.

Гораздо сдержаннѣе всѣхъ этихъ мусульманскихъ дѣятелей петербургскій ахундъ г. Атаулъ Баязитовъ. Возражая Ренану противъ главной мысли его рѣчи, сказанной въ собраніи «Научной французской Ассоціаціи» на тему «Исламъ и наука» (перев. на русск. яз. А. А. Ведровъ, СПБ., 1883), что исламъ враждебенъ прогрессу, что онъ всегда преслѣдовалъ науку и философію, пока наконецъ не задушилъ ихъ окончательно, г. Баязитовъ разсуждаетъ довольно спокойно, хотя и часто прибѣгаетъ къ недомолвкамъ, софизмамъ, а иногда даже и къ извращенію положеній Ренана. Прочитавъ сдѣланный Ренаномъ неумолимый приговоръ надъ культурнымъ значеніемъ ислама, нашъ авторъ былъ печально пораженъ и замѣтилъ, между прочимъ, въ своемъ введеніи, что, при проведеніи параллели между исламомъ и наукой, казалось бы, прежде

всего необходимо познакомить публику съ ученіемъ ислама и внутреннимъ его содержаніемъ, другими словами, разобрать сущность ислама; между тѣмъ какъ Ренанъ этого не сдѣлалъ и аналитическому способу сужденія предпочелъ синтетическій, посредствомъ сравненія современнаго умственнаго развитія мусульманства относительно другихъ европейскихъ народовъ, и вывелъ заключеніе, что исламъ враждебно относится къ наукѣ (стр. 4—5).

Разбирая по пунктамъ рѣчь Ренана, г. Баязитовъ прежде всего останавливается на томъ его положеніи, что, хотя и составилось у историковъ убѣжденіе въ существованіи въ IX, X и XI вв. арабской или мусульманской науки, но на самомъ дѣлѣ таковой никогда не было, потому что вся эта наука была заимствована изъ Греціи. Греція, говоритъ Ренанъ, была единственнымъ источникомъ какъ знанія, такъ и правильнаго мышленія. Всѣ возраженія нашего автора противъ этого сводятся къ слѣдующему. Если—такъ, то «какое же право принадлежитъ Европѣ назвать европейской наукой ту науку, начало точки исхода которой принадлежитъ той же счастливой Греціи?!. Позволимъ себѣ привести примѣръ, говоритъ г. Баязитовъ, какимъ образомъ составляется эта логика у Ренана; то, что называется арабскими науками, не суть, по его мнѣнію, арабскія, потому что начало ихъ принадлежитъ Греціи. Слѣдуя такой логикѣ, мы съ своей стороны скажемъ: познанія, называемыя европейскими науками, не суть европейскія, а суть греческія или азіатскія, потому что начало ихъ принадлежитъ Греціи или Азіи» (стр. 8—9). Далѣе г. Баязитовъ возстаетъ противъ того положенія Ренана, что религія Магомета всегда преслѣдовала науку и философію и подъ конецъ задушила ихъ; въ отвѣтъ на это онъ говоритъ только слѣдующее: исламъ «берется за греческое ученіе чрезъ 2 вѣка по своемъ возникновеніи и передаетъ въ 1275 году свою жизненную силу латинскому Западу, а христіанская Европа берется за то же ученіе послѣ 12 вѣковъ своего духовнаго рожденія. Способность и преимущество младшаго надъ старшимъ становится здѣсь

очевиднымъ» (стр. 9). Сравненіе г. Баязитовымъ Греціи съ отцомъ, а ислама съ матерью европейской науки мало убѣдительно, рядомъ съ такими категорическими положеніями, которыя приведены Ренаномъ.

Далѣе, «все семивѣковое умственное движеніе арабовъ, говоритъ г. Баязитовъ, и научную дѣятельность мусульманскихъ халифовъ Ренанъ признаетъ какъ движеніе, происходившее не по волѣ ислама. Такой выводъ дѣлаетъ Ренанъ на основаніи двухъ слѣдующихъ соображеній: 1) никто не былъ болѣе чуждъ всему тому, что зовется философіей и наукой, какъ первый вѣкъ ислама, и 2) арабы совсѣмъ не философы» (стр. 11). На основаніи подобной аргументаціи г. Баязитовъ дѣлаетъ такое же заключеніе о европейской цивилизаціи. «Можно сказать, говоритъ онъ, что Европа неспособна къ раціонализму, и объяснить современное умственное движеніе помимо и вопреки ея, потому что Европа оставалась чужда всякому философскому и умственному движенію не только въ первые вѣка, но даже 12 вѣковъ послѣ своего духовнаго возрожденія чрезъ принятіе христіанства»... (стр. 12).

Для доказательства происхожденія арабской науки помимо и вопреки ислама Ренанъ, говоритъ нашъ авторъ, употребляетъ до крайности странные пріемы. Онъ анализируетъ сокровенное состояніе души мусульманскихъ цивилизаторовъ, извѣстныхъ своею ученостью и дѣятельностью халифовъ. Наприм. Ренанъ говоритъ: «Халифъ Мансуръ, Гарунъ-аль-Рашидъ и халифъ Мамунъ почти (?!) не были мусульмане»; не мусульманство этихъ халифовъ Ренанъ видитъ лишь въ томъ, что «всѣ эти халифы интересовались преимущественно всѣмъ иностраннымъ и иновѣрческо-языческимъ: они вопрошаютъ Индію, древнюю Персію и въ особенности Грецію», восклицаетъ Ренанъ. Итакъ, изъ приведенныхъ словъ составляется слѣдующая логическая формула: 1) кто интересуется иностраннымъ или языческимъ, тотъ принадлежитъ къ нимъ, т.-е. къ иностранцамъ или язычникамъ; 2) халифы интересовались всѣмъ иностраннымъ и иновѣрческо-языческимъ, слѣдовательно 3) всѣ мусульманскіе халифы не

мусульмане. При помощи такой логики можно, пожалуй, по замѣчанію Баязитова, обвинить и Магомета въ не мусульманствѣ. Напротивъ, вышеприведенныя соображенія Ренана, говоритъ г. Баязитовъ, «доказываютъ лишь одно, что какъ самъ Магометъ, такъ и всѣ мусульманскіе халифы не были узкими, односторонними фанатиками, а обладали самымъ широкимъ взглядомъ на науку, при чемъ сильно интересовались всѣми отраслями ея, нисколько не пренебрегая и языческими ея источниками. Такимъ образомъ, исламъ и наука, какъ близнецы, вездѣ неразлучны, являются вмѣстѣ, совершенно не впопадъ заключаетъ нашъ ахундъ; куда проникъ исламъ, туда проникаетъ и наука. Чему же приписать такое явленіе, какъ не поощренію науки ученіемъ самого Магомета?» (стр. 14—16).

«Ренанъ говоритъ, продолжаетъ г. Баязитовъ, что исламъ не только не покровительствовалъ наукѣ, но задушилъ въ своихъ нѣдрахъ науку и философію». Къ такому печальному для ислама выводу Ренанъ приходитъ потому, что послѣ того, какъ наука, именуемая арабской, вдохнула свою жизненную силу латинскому Западу, она исчезаетъ, и приблизительно послѣ 1200 л. нѣтъ болѣе ни одного сколько-нибудь извѣстнаго философа. Этотъ научный застой въ мусульманской наукѣ г. Баязитовъ, какъ и всѣ другіе мусульмане, приписываетъ нашествію дикихъ племенъ на культурныя страны мусульманскаго Востока. «Однако, добавляетъ онъ, не слѣдуетъ забывать, что эти варвары-завоеватели впослѣдствіи времени подчиняются исламу и подъ вліяніемъ этой религіи развиваются, хотя медленно, вслѣдствіе разныхъ причинъ, о которыхъ не мѣсто здѣсь говорить, но неуклонно и постепенно, такъ что, быть можетъ, не далеко то время, когда, сравнявшись умственно своимъ развитіемъ съ Европой, они пойдутъ рука объ руку съ нею по пути научнаго прогресса» (стр. 18). Что же касается того, что среди мусульманъ были такіе фанатики, которые являлись врагами науки, то это правда; «но вѣдь и Ренанъ, замѣчаетъ г. Баязитовъ, въ свою очередь не можетъ ска-

зать, чтобы въ Парижѣ, центрѣ современной цивилизаціи, не говоря уже о прочихъ городахъ Европы, не нашлись бы католическіе монахи или ихъ поклонники, ненавидящіе Ренана и его образъ мыслей, которые отказались бы и въ настоящее время возобновить для него и его единомышленниковъ пытки испанской инквизиціи» (стр. 19).

«Окончивъ нашъ далеко не полный разборъ рѣчи знаменитаго и уважаемаго нами французскаго ученаго, позволяемъ себѣ, пишетъ въ заключеніе петербургскій ахундъ, еще разъ высказать наше глубокое сожалѣніе о томъ, что Ренанъ не привелъ тѣ догматы или положенія ислама, которые послужили ему основаніемъ приписать исключительно этой религіи тотъ умственный застой въ культурномъ прогрессѣ, который Ренанъ замѣтилъ въ мусульманскомъ мірѣ» (стр. 32). Наконецъ, г. Баязитовъ приводитъ нѣсколько изреченій разныхъ мусульманскихъ знаменитыхъ мужей въ доказательство того, насколько высоко цѣнится и уважается въ исламѣ наука (стр. 33—35).

Хотя задача второй брошюры г. Баязитова гораздо шире,—а именно «познакомить европейскую публику съ ученіемъ Магомета и отношеніемъ ислама къ образованію, прогрессу и другимъ вѣроученіямъ» (стр. 3),—но выполнена она весьма слабо. Первая глава перваго отдѣла, гдѣ излагается краткая исторія Корана, трактуется о значеніи ислама для аравійскаго полуострова, восхваляется золотой вѣкъ ислама, эпоха аббасидовъ, — когда у мусульманъ процвѣтали школы, науки, искусства, промышленность и торговля,—ничего особеннаго не представляетъ. Выводъ изъ всѣхъ этихъ разсужденій тотъ, что исламъ не только не препятствуетъ прогрессу, но, напротивъ, способствуетъ умственному развитію его исповѣдниковъ. «Если уже допускать, говоритъ между прочимъ авторъ, что фанатизмъ присущъ исламу, то онъ всего болѣе обнаружился бы, безъ сомнѣнія, при первомъ же своемъ появленіи, подъ обаяніемъ изустныхъ проповѣдей самого Магомета и его собесѣдниковъ (асхабовъ—членовъ его кружка). По здравому смыслу, тормозящій характеръ ислама обнаружился

бы въ первые вѣка возникновенія религіи, а не теперь» (стр. 11). Двѣ слѣдующія главы имѣютъ своимъ предметомъ выяснить отношенія ислама къ образованію. Для рѣшенія этого важнаго, существеннаго вопроса, г. Баязитову слѣдовало бы потрудиться болѣе серьезно и основательно, подкрѣпить свои доводы неопровержимыми фактами; но, вмѣсто этого, разработкѣ даннаго вопроса онъ посвятилъ только 8 страницъ довольно крупной печати, наполнивъ ихъ или неидущими къ дѣлу стихами Корана, или разными преданіями, которыя, въ большей части случаевъ, подъ «наукой», «ученіемъ» и проч. разумѣютъ богословіе, или, наконецъ, изреченіями такихъ авторитетныхъ мужей науки, какъ какой-то тулякъ XI вѣка.

Второй отдѣлъ,—этика ислама,—еще болѣе слабъ, чѣмъ первый. Сначала авторъ почему-то силится доказывать, хотя этого никто не отрицаетъ и не будетъ отрицать, что Мухаммедъ училъ народъ правиламъ нравственности. Ужъ если Мухаммедъ проповѣдывалъ религію, то, само собою ясно, что въ его ученіе должна входить и этика, потому что безъ этики нѣтъ религіи. Далѣе идетъ самый длинный и скучный отдѣлъ, гдѣ ссылками на многочисленныя преданія доказывается, что исламъ порицаетъ тотъ или другой порокъ, восхваляетъ ту или другую добродѣтель. Только въ концѣ, гдѣ авторъ говоритъ о положеніи женщины и отношеніяхъ мусульманъ къ инородцамъ, этотъ отдѣлъ становится интереснымъ. Наибольшій интересъ представляетъ взглядъ г. Баязитова на женщину. Хотя Мухаммедъ, разсуждаетъ ахундъ, и позволилъ многоженство, «но нельзя сказать, чтобы онъ похвалилъ и абсолютно рекомендовалъ его; напротивъ, какъ видно, онъ въ принципѣ не одобрялъ этого, а лишь допускалъ и терпѣлъ его въ силу необходимости, впрочемъ съ ограниченіемъ числа женъ». Исламъ, будто бы, рекомендуетъ мусульманину «оставаться съ одной женой». Далѣе г. Баязитовъ утверждаетъ, что Мухаммедъ далъ довольно либеральныя права женщинѣ (стр. 68). Права эти состоятъ въ томъ, что жена можетъ жаловаться на мужа, что дѣвица свободна въ выборѣ жениха, что мужъ долженъ прилично

содержать жену и обращаться съ ней, что женщина допускается быть свидѣтельницей на судѣ, что она имѣетъ право на извѣстную часть наслѣдства. Но рядомъ съ этимъ нашъ почтенный ахундъ говоритъ слѣдующее: «Что же касается до деспотизма мужей надъ женами, онъ проявляется лишь въ ихъ физическихъ отношеніяхъ, такъ какъ мужья, при своихъ весьма естественныхъ требованіяхъ, никогда не принимаютъ во вниманіе отговоры женъ, подъ предлогомъ нерасположенія, разстройства нервовъ и т. п.» (стр. 72). До крайности странны эти сужденія! «Ограниченіе свободнаго доступа женщины, продолжаетъ авторъ, въ общество мужчинъ, для нея чуждыхъ, также имѣло свой здравый смыслъ и свою цѣль. Какъ 7-я заповѣдь закона Моисеева запрещаетъ прелюбодѣяніе, такъ же строго запрещается оно и Кораномъ. Но воздержаться и соблюсти эту заповѣдь, при свободномъ доступѣ молодыхъ женщинъ въ общество мужчинъ и при свободной бесѣдѣ, какъ-бы (!) съ равными, женщинъ съ мужчинами, люди ученые сочли въ исламѣ невозможнымъ, и лучшимъ средствомъ избавиться отъ искушенія и отъ этого зла, разрушителя всего семейнаго счастья, признали необходимымъ ограниченіе свободы женщинъ... Запрещеніе женщинамъ доступа въ общество мужчинъ съ точки философскаго взгляда совершенно разумно (!!). Каждому (нужно бы прибавить: мусульманину) понятно, что этотъ свободный доступъ женщины всюду—ничто иное, какъ проповѣдь соблазна и подготовка почвы для посѣва любви. Въ природѣ есть законы, которые стоятъ внѣ или по крайней мѣрѣ слишкомъ высоко надъ волей человѣческой; человѣкъ, однажды отвѣдавъ этой сладкой отравы, дѣлается ребенкомъ и лишается нравственной точки опоры. Тутъ нѣтъ мѣста для разсудка и мышленія, тутъ человѣкъ готовъ на всякое преступленіе. Потому-то аравитяне и говорили: любовь слѣпа и глуха. Признаніе полной свободы женщины влечетъ за собой распространеніе и проповѣдь соблазна, искушенія, приближаясь къ которому (sic), уже нѣтъ возможности избѣгнуть оковъ любви: огня масломъ

не залить. Таковъ былъ взглядъ на этотъ предметъ въ исламѣ. Справедливость требуетъ сказать, что взглядъ этотъ былъ правиленъ, оправданіемъ ему служатъ дѣйствительные, очевидные факты. Что же мы видимъ въ XIX вѣкѣ, чѣмъ даритъ насъ свобода, предоставленная женщинамъ? Всѣ похвальные, называемые школой, театры съ пышной, богатой обстановкой даютъ иногда результаты лишь противоположные означеннымъ цѣлямъ. Въ большинствѣ представленій женщина выходитъ въ роляхъ, возбуждающихъ къ ней жалость и вызывающихъ снисхожденіе къ ея проступкамъ. Заранѣе заручается она здѣсь сочувствіемъ и расположеніемъ общества, и стоитъ ей лишь увлажить глазки своими слезами, она изглаживаетъ всѣ свои ошибки, и общество мало по малу свыкается и смотритъ на ея недостатки и ошибки со снисхожденіемъ, какъ на дѣтскій проступокъ, и такъ мало по малу устанавливается легкомысленный взглядъ на ея назначеніе» (стр. 73 и 74). «Въ нашемъ цивилизованномъ вѣкѣ, при современныхъ понятіяхъ и гражданственности, конечно, нельзя безусловно запретить женщинамъ посѣщать общество, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо не только поднять общественную нравственность, чтобы правила ея, равносильныя закону, охраняли честь и доброе имя женщины отъ дерзкихъ посягательствъ. Необходимъ законъ, до нѣкоторой степени ограничивающій и самую свободу молодыхъ дѣвицъ, подающую поводъ людямъ развратнымъ увлекать ихъ; относительно же замужнихъ женщинъ, не ограничивая ихъ свободы, необходимъ неумолимый, карающій законъ, дабы за малѣйшее нанесеніе обиды кѣмъ-либо личному ея достоинству или достоинству ея мужа налагать строгое наказаніе» (стр. 75 и 76). «Мужъ, говоритъ далѣе г. Баязитовъ, долженъ стараться терпѣливо переносить огорченія, причиняемыя ему женой. Нѣкоторые изъ арабскихъ ученыхъ говорили, что перенести одно огорченіе отъ жены въ сущности равносильно перенесенію предстоящихъ новыхъ двадцати огорченій. Другими словами, перенесеніемъ одного огорченія, избавишься отъ многихъ непріятностей, каковы, напримѣръ, вслѣдствіе

отместки: дѣти избавятся отъ плети, посуда отъ разбитія, теленокъ отъ толчковъ и ударовъ, одежда отъ разорванія, гость отъ оскорбленія и т. д. Относительно совѣщаній мужей съ женами они допускаются лишь въ малыхъ и вообще въ чисто домашнихъ дѣлахъ, но въ дѣлахъ серьезныхъ быть съ женой воздержаннымъ на языкъ» (стр. 77).

Затѣмъ г. Баязитовъ переходитъ къ вопросу объ отношеніяхъ ислама къ иновѣрцамъ. «Исламъ, говоритъ онъ, возникшій среди народовъ, воспитанныхъ въ духѣ грубаго невѣжества, хотя и кажется нѣсколько суровымъ по отношенію къ иновѣрцамъ изъ племенъ безпокойныхъ дикарей-язычниковъ, но въ то же время онъ весьма почтительно отзывается объ ученіяхъ Библіи и Евангелія, онъ братски относится къ учителямъ слова Божія въ Библіи и Евангеліи, Моисею (Муса) и Іисусу (Айса) (стр. 80). Если Магометъ такъ горячо проповѣдывалъ свое ученіе, иногда какъ-бы силою распространяя его, то это вызывалось желаніемъ и необходимостью: во 1-хъ, просвѣтить грубыхъ язычниковъ-дикарей, и во 2-хъ, положить конецъ религіозному хаосу, который царилъ въ Аравіи. Когда исламизмъ подчинилъ себѣ обширныя разнородныя владѣнія, то онъ сталъ издавать законы, удовлетворяющіе потребностямъ иновѣрцевъ. И вотъ относительно мирныхъ иновѣрцевъ исламъ говоритъ: что намъ, то и имъ, кровь ихъ, какъ и кровь наша, имущество ихъ, какъ и имущество наше. По ученію Магомета, притѣсненія иновѣрца болѣе страшны и болѣе отвѣтственны чѣмъ своего единовѣрца. Въ Коранѣ говорится: въ религіи нѣтъ принужденія. Истинный путь довольно отличается отъ заблужденія (гл. 2, ст. 257). У васъ есть вѣра, а у меня своя (гл. 109, ст. 6)» (стр. 81—82). «Правда, на шпіоновъ и разныхъ немирныхъ иновѣрцевъ смотрѣли нѣсколько иначе, къ нимъ и относятся строгіе стихи Корана, которые умышленно и ошибочно нѣкоторые писатели смѣшиваютъ и, основываясь на своихъ непонятныхъ выводахъ, обвиняютъ исламъ въ фанатизмѣ и грубости. Сообразно духу времени и неразвитости народовъ тѣхъ

вѣковъ, смѣло можно назвать постановленія ислама широкими и терпимыми, а о свѣтломъ взглядѣ Магомета къ своимъ подданнымъ-иновѣрцамъ самымъ краснорѣчивымъ образомъ свидѣтельствуетъ прилагаемый при семъ указъ, данный Магометомъ иновѣрцамъ» (стр. 83—84). Вслѣдъ за симъ приводится самый указъ, который полонъ гуманности.

«Такова сущность ученія ислама, пишетъ въ заключеніе г. Баязитовъ, и мы не видимъ надобности подсказывать читателю выводъ въ пользу или въ ущербъ высоконравственнымъ правиламъ, переданнымъ Магометомъ въ Коранѣ и его изреченіяхъ: собственный здравый смыслъ укажетъ читателю, до какой степени несправедливы нападки нѣкоторыхъ европейскихъ писателей на послѣдователей ислама. Велики и святы обязанности, налагаемыя Кораномъ на исповѣдниковъ, и только при строгомъ, неукоснительномъ ихъ соблюденіи исповѣдники его могутъ имѣть право называться «правовѣрными». Можно ли обвинять законъ за то, что его не соблюдаютъ или даютъ ему превратныя толкованія? Во всякой религіи—и въ самой христіанской—существуютъ фанатики, изувѣры и вольнодумцы; но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы ученіе христіанское было достойно порицанія? Послѣ всего вышеизложеннаго, можно ли назвать исламизмъ религіею, проповѣдующею нетерпимость къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, обскурантизмъ и ненависть къ наукамъ? Отнюдь» (стр. 98—99).

Въ третьей своей брошюрѣ: «Исламъ и прогрессъ» (1898 г.) ахундъ Баязитовъ отличается большей систематичностью и полнотой изслѣдуемаго вопроса, но вмѣстѣ съ тѣмъ и большей тонкостью въ изложеніи, бо́льшимъ хитроумiемъ въ умѣньи обойти трудныя мѣста и болѣе хитрыми маневрами въ дѣлѣ морочения русской публики. Русскій заурядный интеллигентъ, прочитавъ эту книгу, невольно плѣнится высотой ученія ислама и обаятельной личностью основателя его, Мухаммеда. На эту весьма тонко и умѣло поставленную удочку отчасти попался даже такой нашъ опытный публицистъ, какъ г. Амфитеатровъ

(Old Gentleman), давшій въ 1898 г. въ газетѣ «Новое Время» (№ 8205) отзывъ объ этой брошюрѣ. Онъ признаетъ за г. Баязитовымъ большое искусство въ изложеніи, что, впрочемъ, вѣрнѣе было бы признать большой хитростью, видитъ въ немъ весьма образованнаго, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, либеральнаго мыслителя; вѣритъ ему на слово, что исламъ въ своемъ первоисточникѣ не мертвящая сила, что онъ призываетъ своихъ исповѣдниковъ къ прогрессу, что онъ въ принципѣ вѣротепимъ къ иновѣрцамъ, терпимъ къ свободному мнѣнію даже въ области религіознаго мышленія, что онъ благоговѣетъ предъ наукой и пр. и пр., но что онъ только испорченъ и затемненъ невѣжественными турецко-татарскими народами, а потому нуждается въ очищеніи всего наноснаго, ему чуждаго, въ реформаціи, въ Лютерѣ, котораго, къ сожалѣнію, пока еще нѣтъ, и не видно, откуда онъ придетъ. Относительно этого можно только высказать пожеланія скорѣйшаго появленія въ мусульманскомъ мірѣ этого Лютера въ смыслѣ г. Баязитова, такъ какъ съ воззрѣніями сего либеральнаго ахунда намъ будетъ пріятнѣе мириться, чѣмъ съ тѣми, какія проповѣдуетъ настоящій исламъ. Только я заранѣе убѣжденъ, что этотъ Лютеръ не только не будетъ принятъ мусульманами, но и самъ не останется мусульманиномъ, какъ нельзя считать истиннымъ мусульманиномъ и самого г. Баязитова; послѣдняго я признаю мусульманскимъ вольнодумцемъ, но не правовѣрнымъ мусульманиномъ, такъ какъ многія его воззрѣнія принадлежатъ ему лично, но не исламу, даже взятому въ его первоисточникѣ. Я боюсь, чтобы за свое либеральное вольномысліе въ дѣлѣ религіи, которое строго карается по шаріату, онъ не поплатился при случаѣ; счастье его заключается въ томъ, что члены нашихъ мусульманскихъ духовныхъ правленій, обязанные блюсти за вѣрностью своихъ единовѣрцевъ исламу, или не знаютъ русскаго языка, на которомъ написана эта брошюра, или не слѣдятъ за русской литературой. Интересно было бы понаблюсти за тѣмъ эффектомъ, который произвела бы эта брошюра, если бы она была пущена между мусульма-

нами на татарскомъ языкѣ. Кстати: это и было бы, если не подвигомъ самого мусульманскаго Лютера, то по крайней мѣрѣ дѣломъ предтечи его, на что, конечно, вполнѣ пригоденъ образованный мыслитель г. Баязитовъ. Это создало бы великую услугу не только всему русскому обществу, но и всему образованному европейскому міру, противовѣсомъ которому въ его культурной работѣ служитъ грубый, невѣжественный и фанатичный исламъ. Обратимся къ самой брошюрѣ.

«Мы, говоритъ г. Баязитовъ въ своемъ вступленіи, не видимъ въ исламѣ какого-нибудь тормоза къ культурному развитію, препятствія, мѣшающаго мусульманамъ стать въ ряду культурныхъ европейцевъ. Мы смѣло можемъ утверждать, что Коранъ, шаріатъ могутъ идти рядомъ со всѣми благоразумными реформами... Мы видимъ, что въ 13 и 15 вѣкахъ, по прекращеніи династіи аббасидскихъ халифовъ, подъ чисто внѣшнимъ, постороннимъ вліяніемъ, мусульмане круто отвернулись отъ пути аббасидскихъ халифовъ, уклонились отъ истиннаго духа ислама... Не понимая хорошо ни красоты, ни чудеснаго слога арабскаго языка [1]), эти наслѣдники аравитянъ изъ другой расы (турко-татарской) не могли усвоить духа, стиля этого языка [2]) и не съумѣли замѣнить ея высокой культуры своими началами, а потому и очутились безъ руля и безъ вѣтрилъ въ міровомъ океанѣ стихійныхъ силъ и народныхъ круговоротовъ» [3]). Другую причину охлажденія мусульманъ къ свѣтскому прогрессу авторъ видитъ въ мистикахъ суфитахъ, ученія которыхъ онъ, какъ утилитаристъ, признаетъ «быть можетъ прекрасными въ своей идеѣ, но ничего не дающими для жизни земной». Странно слышать это отъ представителя религіи, который долженъ бы знать, что цѣль религіи—приготовленіе человѣка къ загробной, а не къ земной жизни! Вслѣдствіе

---

[1]) Для меня лично совершенно непонятно, при чемъ здѣсь, въ дѣлѣ религіи, красота языка.

[2]) Опять то же.

[3]) Выраженіе—безспорно красивое, но не отвѣчающее истинному положенію дѣла.

этого г. Баязитовъ признаетъ весьма необходимымъ «очистить ученіе ислама отъ плевелъ, примѣшанныхъ къ нему позднѣйшими невѣждами, которые сообщили ему чисто обрядовый характеръ». Констатировавъ фактъ распространенія ислама во всѣхъ частяхъ свѣта и отмѣтивъ совершенно неосновательно ту, по его мнѣнію, «замѣчательную черту мусульманъ», которая никогда не оправдывалась и не оправдывается на дѣлѣ, что «гдѣ бы они ни находились, въ какомъ бы государствѣ ни поселились, вездѣ они тѣ же добрые граждане: покорные, смиренные, довольные своей судьбой» [1]), нашъ ахундъ совершенно не впопадъ заявляетъ, что «трезвость и нераспространеніе среди нихъ крѣпкихъ напитковъ должны бы еще болѣе сдѣлать изъ нихъ людей достойныхъ, почтенныхъ, талантливыхъ, выдающихся среди своихъ культурныхъ братьевъ». На это я скажу ахунду, что такое ожиданіе его совершенно напрасно, потому что одна трезвость еще никогда и никого не сдѣлала талантливымъ, какъ не дѣлаетъ она таковыми и мусульманъ. Отыскивая снова причину упадка современнаго ислама, авторъ рѣшительно возстаетъ противъ того, чтобы считать этой причиной самъ исламъ, какъ религію. Вслѣдъ за симъ начинается панегирикъ исламу въ видѣ краткаго абриса всего ученія его, который служитъ какъ-бы главными тезисами всей остальной брошюры.

Въ своей первой главѣ: «взглядъ ислама на науки и культурный прогрессъ» г. Баязитовъ снова, какъ и въ одной изъ предыдущихъ брошюръ, ограничивается четырьмя выписками изъ Корана, которыя, хотя и говорятъ о знаніи и ученіи, но оставляютъ открытымъ вопросъ, что̀ именно разумѣется здѣсь подъ этими терминами, и длинными выдержками изъ преданія (сунны), которое велико у мусульманъ, какъ море, но которое въ своей достовѣрности никогда не подвергалось исторической критикѣ, и которымъ поэтому мусульмане такъ любятъ сбивать насъ съ толку. На основаніи этой сунны можно часто доказывать

[1]) Какая прекрасная идиллія!!

за и противъ извѣстнаго положенія; наприм., на основаніи тѣхъ изреченій, которыя только что приведены ахундомъ, можно доказать, что благочестіе и добрая, прекрасная нравственная жизнь стоятъ ниже науки съ точки зрѣнія религіи. Мухаммедъ сказалъ: «Глупецъ по своей глупости иногда творитъ больше, чѣмъ испорченный, но возвеличенъ будетъ всякій по степени его разума». Согласитесь сами, что эта мысль довольно антирелигіозна.

Вторая глава озаглавлена: «краткій историческій очеркъ культуры ислама». Хотя мусульманскіе либералы, въ родѣ г. Баязитова, и любятъ считать ненаучнымъ все то, что хотя отчасти не сочувствуетъ исламу; но этотъ очеркъ, представляя изъ себя панегирикъ исламу, нельзя назвать научнымъ, такъ какъ онъ весьма одностороненъ и крайне пристрастенъ. Охарактеризовавъ двумя-тремя словами аравійскую пустыню, нашъ авторъ говоритъ: «и вотъ въ этой странѣ . . . . . является человѣкъ съ религіознымъ вдохновеніемъ, и все измѣняется». Такимъ образомъ выходитъ, что Мухаммедъ явился здѣсь такъ, какъ говорится, ни съ того, ни съ сего, совершенно неожиданно, какъ какое-то чудо Божіе, безъ всякой подготовки предшествующей ему почвы. Очевидно, такой взглядъ крайне ненаученъ. Вслѣдъ за симъ авторъ рисуетъ картину той кипучей дѣятельности во всѣхъ сферахъ народной жизни, которая явилась вмѣстѣ съ Мухаммедомъ, при чемъ свѣтлыя краски разсыпаны слишкомъ щедрой рукой: провозглашается, говоритъ онъ, всеобщее равенство и даже всеобщее обязательное обученіе и пр. Рисуя расцвѣтъ ислама въ эпоху аббасидовъ, авторъ не стѣсняется ставить въ заслугу ислама и, конечно, въ укоръ Европѣ, а вмѣстѣ съ ней и христіанству, ученую дѣятельность даже христіанъ Хонена-бенъ-Исхака, Стефана сына Василія, Костабенъ-Луки и пр. Въ своихъ гиперболахъ г. Баязитовъ доходитъ здѣсь даже до того, что утверждаетъ, будто бы ученая дѣятельность росла въ это время, какъ въ русскихъ сказкахъ, «не по днямъ, а по часамъ» (стр. 27). Не имѣя возможности скрыть того обстоятельства, что «вся наука Греціи перешла въ Аравію», хотя, по моему

мнѣнію, вѣрнѣе было бы выразиться такъ: почти вся арабская наука была въ сущности греческою, за исключеніемъ только внѣшней своей оболочки—языка арабскаго, г. Баязитовъ ставитъ исламу въ особую заслугу то, что онъ берется за науку въ самомъ началѣ втораго вѣка своего появленія, а равно и то, что онъ сохранилъ и передалъ Европѣ древне-греческую науку «въ ея первоначальной чистотѣ» (стр. 29). Съ этой послѣдней заслугой арабовъ предъ Европой, конечно, нельзя не согласиться; но нужно помнить, что ничего другаго арабы и не сдѣлали. Дѣлая краткій обзоръ арабскихъ наукъ, г. Баязитовъ совершенно неожиданно ставитъ сюда слѣдующія весьма странныя и никому неизвѣстныя науки: правильное чтеніе Корана, толкованіе Корана и собраніе изреченій Мухаммеда и преданій о жизни пророка (стр. 31 и 32). Конечно, пополненіе подобными вещами списка наукъ разсчитано на простодушнаго и нетребовательнаго на критику читателя, а между тѣмъ списокъ наукъ дѣлается длиннѣе и какъ-бы внушительнѣе. При этомъ весьма замѣчательно нечаянно сорвавшееся у г. Баязитова признаніе, что въ Коранѣ встрѣчаются противорѣчія, которыя ставятъ иногда въ затрудненіе вѣрующихъ и порождаютъ среди нихъ недоумѣнія (стр. 31). Наконецъ, невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе слѣдующее странное замѣчаніе г. Баязитова. Сказавъ о появленіи сочиненій по догматическому богословію, юриспруденціи, метафизикѣ, энциклопедіи наукъ и философіи, онъ говоритъ: «а во второмъ вѣкѣ уже возникаютъ дедуктивныя науки и математика достигаетъ своего замѣчательнаго развитія». Прежде всего въ появленіи дедуктивныхъ наукъ во 2 в. гиджры нѣтъ никакой заслуги; затѣмъ, неужели дедуктивныя науки появились только въ это время?! и наконецъ, судя по контексту рѣчи и особенно по противительному союзу: «а», г. Баязитовъ совершенно не понимаетъ ни индукціи, ни дедукціи, и слѣдовательно взялъ послѣдній терминъ «на прокатъ».

Въ слѣдующей затѣмъ 3-й главѣ г. Баязитовъ старается во что бы то ни было доказать, что въ истинномъ

исламѣ не только нѣтъ мѣста для религіознаго фанатизма, но что въ немъ, наоборотъ, къ полному нашему изумленію, проповѣдуется широкая вѣротерпимость къ иновѣрцамъ. Прибѣгая къ недомолвкамъ, урѣзкамъ, извращеніямъ, ложнымъ толкованіямъ всего того, что такъ или иначе указываетъ на фанатизмъ ислама, нашъ ахундъ, вполнѣ чуждый и тѣни объективности въ изслѣдованіи вопроса, достигаетъ отчасти того, что убѣждаетъ нѣкоторыхъ читателей въ своихъ взглядахъ на исламъ. «Широкая терпимость Корана къ ученію иновѣрныхъ исповѣданій не нуждалась бы въ объясненіи, если бы люди были знакомы съ содержаніемъ Корана въ его подлинномъ видѣ», съ большимъ аппломбомъ и безъ всякой краски въ лицѣ заявляетъ нашъ ахундъ въ самомъ началѣ своихъ разсужденій по затронутому вопросу (стр. 36). Въ слѣдующей своей статьѣ я постараюсь познакомить какъ русскую публику, такъ и самого либеральнаго ахунда съ взглядами Корана «въ его подлинномъ видѣ» на иновѣрцевъ и вообще подвергнуть критической оцѣнкѣ всѣ эти толки, или, вѣрнѣе, кривотолки нашихъ либеральныхъ мусульманъ объ исламѣ. Задача же настоящей моей статьи заключается въ простомъ ознакомленіи съ этими либералами и съ ихъ пріемами, которыми они морочатъ нашу простодушную русскую публику. Въ доказательство вышеприведеннаго своего положенія г. Баязитовъ приводитъ слѣдующіе стихи Корана: гл. 2, ст. 59, 81, 130, 209 и 285; гл. 3, ст. 2, 40, 41, 45, 48 и 78; гл. 4, ст. 161, 162, 163 и 169; гл. 5, ст. 48, 50, 51, 70, 73, 113 и 114; гл. 6, ст. 48, 50, 83, 84, 85, 86 и 89; гл. 7, ст. 188 и гл. 10, ст. 48 (всего 31 стихъ), въ которыхъ говорится о ветхозавѣтныхъ пророкахъ, какъ предшественникахъ Мухаммеда: Авраамѣ, Измаилѣ, Исаакѣ, Іаковѣ, Моисеѣ, Давидѣ и друг. и наконецъ объ Іисусѣ, о книгахъ закона, данныхъ Богомъ Моисею и Іисусу, высказывается уваженіе къ послѣдователямъ ихъ, евреямъ и христіанамъ (назарянамъ), которые получатъ награду отъ Бога, и предлагается мусульманамъ вѣровать въ книги Моисея и Іисуса: «мы вѣруемъ въ святыя книги, которыя

Моисей, Іисусъ и пророки получили съ неба; мы не дѣлаемъ между ними никакой разницы, мы преданы волѣ Божіей (мы—мусульмане)»[1]). Конечно, если мы остановимся на этихъ стихахъ въ своихъ поискахъ въ дѣлѣ выясненія отношенія ислама къ иновѣрцамъ и здѣсь поставимъ точку для своихъ изслѣдованій, а вмѣстѣ съ тѣмъ повѣримъ на слово слѣдующему беззастѣнчивому заявленію нашего мусульманскаго автора, что «любая глава Корана можетъ свидѣтельствовать, что имъ (Мухаммедомъ) оказано полное уваженіе учителямъ слова Божія и ихъ ученіямъ» (предшествовавшимъ,—стр. 42), то получимъ полное подтвержденіе широкой вѣротерпимости ислама къ иновѣрцамъ. Но такъ ли все это? Не обманута ли всѣмъ этимъ русская публика? Но эти вопросы я откладываю до слѣдующаго раза. Сказавъ затѣмъ на основаніи Корана, что исламъ есть религія Ноя, Авраама, Моисея и Іисуса, и желая такимъ образомъ установить генетическую связь ислама съ древне-еврейской и христіанской религіями, г. Баязитовъ, чрезъ нѣкоторый промежутокъ, дѣлаетъ ссылку на слова Вл. С. Соловьева, центръ тяжести которыхъ заключается въ слѣдующемъ совершенно вѣрномъ заключеніи: «Всѣ эти откровенія происходятъ отъ Бога, но происходятъ порознь, безъ всякой генетической связи между собою; поэтому Коранъ вовсе не зависитъ отъ прежнихъ откровеній». Очевидно, что мысль нашего почтеннаго философа противорѣчитъ тому, что силится доказать ахундъ. Изъ всѣхъ своихъ невѣрныхъ разсужденій г. Баязитовъ сдѣлалъ невѣрный историческій выводъ, что Мухаммедъ «не требовалъ отъ

---

[1]) При этомъ весьма интересно, почему г. Баязитовъ приводитъ стихи Корана по переводу Николаева съ французскаго перевода Казимирскаго (М. 1876), а не съ болѣе точнаго перевода, сдѣланнаго прямо съ арабскаго текста Г. С. Саблуковымъ. Это странно, но сдѣлано не безъ цѣли, навѣрно. Это во 1-хъ. Во 2-хъ, на какомъ основаніи (на стр. 10 и 11) г. Баязитовъ, говоря объ уваженіи ислама къ Іисусу, называетъ его «Іисусомъ Христомъ»? Вѣдь Коранъ не даетъ ему на это права. Не есть ли это желаніе поддѣлаться подъ вкусъ русской православной публики, для которой написана брошюра?

іудеевъ и христіанъ принятія Корана, какъ непремѣннаго условія спасенія: они обязаны только исполнять заповѣди своей религіи». Если повѣрить этому странному выводу, то придется, пожалуй, приписать Мухаммеду честь охраненія іудейства и христіанства.

«Правда, признается далѣе г. Баязитовъ, въ юриспруденціи ислама найдутся нѣкоторыя неровности по отношенію къ праву иновѣрцевъ сравнительно съ правами господствующаго класса, но это не можетъ служить поводомъ къ осужденію ислама въ фанатичности и нетерпимости. Во первыхъ, эти законоположенія имѣли чисто политическій характеръ и изданы были только относительно новопокоренныхъ иновѣрцевъ. Во вторыхъ, они имѣютъ характеръ аналогичный съ мѣрами, принимаемыми во время войны нашего времени и, наконецъ, согласуются и оправдываются политическими условіями жизни позднѣйшихъ и современныхъ культурныхъ народовъ. Допускаются же въ нашъ просвѣщенный вѣкъ особые законы по объявленію города въ осадномъ положеніи, исключительные законы по отношенію къ извѣстнымъ національностямъ и т. д.». Къ удивленію оказывается, что и эти несправедливыя отношенія шаріата къ иновѣрцамъ не подтверждаютъ его религіознаго фанатизма. Придерживаясь точки зрѣнія г. Баязитова, можно обѣлять Коранъ рѣшительно во всемъ, потому что на все были свои мотивы. Но весь вопросъ здѣсь заключается въ томъ, съ какой точки зрѣнія смотрѣть намъ на Мухаммеда. Если мы съ г. Баязитовымъ разсматриваемъ исламъ, какъ религію, то и на Мухаммеда мы должны смотрѣть, какъ на основателя религіи, какъ на пророка, а не какъ на полководца или гражданскаго законодателя. Смѣшеніе этихъ точекъ зрѣнія, весьма выгодное для ахунда, когда ему нужно ускользнуть отъ обвиненія ислама въ чемъ-либо, конечно, не только не научно, но и непозволительно вообще. «Эти статьи, продолжаетъ далѣе ахундъ, вызванныя временными событіями, хотя и кажутся суровыми особенно теперь, не могутъ умалить гуманности ученія ислама». Отсюда выходитъ такъ что,

какъ бы ни были безчеловѣчны тѣ или другія постановленія, но они все-таки гуманны, такъ какъ вызваны извѣстными обстоятельствами. Положительно недоумѣваю, какъ уживается со всѣмъ этимъ логика г. Баязитова, который вслѣдъ затѣмъ не церемонится и съ исторіей, утверждая, что гуманная дѣятельность Мухаммеда особенно проявилась по пріѣздѣ его въ Медину. Дальнѣйшая ссылка его по этому вопросу на мусульманскія преданія, которыя имѣютъ слишкомъ мало исторической цѣнности, не имѣетъ значенія. Если повѣрить г. Баязитову, то выходитъ даже, что исламъ болѣе строго охраняетъ неприкосновенность иновѣрцевъ, чѣмъ мусульманъ.

Приведя ст. 257 гл. 2 Корана, что «въ религіи нѣтъ принужденія», и сдѣлавъ нѣкоторыя другія антиисторическія ссылки на исторію, г. Баязитовъ говоритъ: «примѣромъ этого же уваженія къ чужой истинѣ служитъ самъ Коранъ, гдѣ всѣ ученія пророковъ, бывшихъ до Мухаммеда, и всѣ ученія иновѣрческихъ книгъ, принятыя Кораномъ къ свѣдѣнію, получили надлежащее значеніе. Въ этомъ отношеніи Мухаммедъ ушелъ далеко отъ многихъ учителей, бывшихъ до него» (стр. 51—52). Здѣсь невольно удивляешься тонкости выраженія г. Баязитова, такъ какъ остается неизвѣстнымъ, причисляетъ ли авторъ къ этимъ учителямъ, которыхъ превзошелъ въ этомъ отношеніи Мухаммедъ, и основателя христіанства, Іисуса Христа.

Наконецъ, петербургскій ахундъ подвергаетъ разбору самый терминъ священной войны мусульманъ, «джихадъ», и удивляется, откуда взялось убѣжденіе, что это слово означаетъ свящ. войну, а не просто войну, такъ какъ Коранъ повелѣваетъ «призывать людей на путь Божій мудростью и кроткими увѣщаніями» (гл. 16, ст. 126). «Въ Коранѣ, говоритъ онъ, мы не находимъ никакихъ указаній на войну въ смыслѣ навязыванія мечемъ религіи Мухаммеда». Вслѣдъ за этимъ онъ ссылается на Вл. С. Соловьева, который утверждаетъ, что вѣротерпимость Мухаммеда вполнѣ совмѣщается съ идеей священной войны.

Приведя въ 4-й главѣ указъ о христіанахъ, данный Мухаммедомъ, полный гуманности, о которомъ моя рѣчь

въ другой разъ, г. Баязитовъ въ гл. 5-й переходитъ къ изученію положенія рабовъ и женщины въ исламѣ. Назвавъ многоженство, вошедшее въ ученіе ислама, «пережиткомъ старины», г. Баязитовъ, свидѣтельствуя о томъ, что Мухаммедъ улучшилъ положеніе женщины въ Аравіи, говоритъ: «приводя въ порядокъ эту сферу, онъ долженъ былъ санкціонировать укоренившееся вѣками и, внося сюда духъ милосердія и терпимости, могъ только смягчить и парализовать наиболѣе вредныя послѣдствія прежней полигаміи, гдѣ произволу мужчинъ не было границъ... Мухаммедъ прежде всего положилъ предѣлъ женитьбы на безграничномъ числѣ женъ. Границею онъ поставилъ число четыре. Однако, допуская 4-хъ женъ, Мухаммедъ не рекомендовалъ такой семьи; онъ лишь терпѣлъ ее, боясь грубо порвать съ арабской стариной и тѣмъ испортить дѣло улучшенія женщины» (стр. 70—71). Въ данномъ случаѣ, вмѣсто всѣхъ этихъ и дальнѣйшихъ разглагольствованій, почему и отчего Мухаммедъ допустилъ многоженство и какъ онъ къ нему относился, мнѣ кажется, всего лучше было бы сослаться на примѣръ самого Мухаммеда. Всѣ разсужденія г. Баязитова на эту тему, появившіяся уже во второй разъ, въ новой редакціи, для насъ неинтересны. Но не могу пройти молчаніемъ новаго доказательства г. Баязитова въ подтвержденіе того, что женщина въ исламѣ поставлена прекрасно. Оно заключается въ томъ, что мусульманки чувствуютъ полное довольство своей семейной судьбой (стр. 77). «Разводъ съ женой, по взгляду Мухаммеда», будто бы, «горькая, но иногда неизбѣжная операція. Во всякомъ случаѣ, говоритъ г. Баязитовъ, онъ совѣтовалъ относиться возможно деликатнѣе къ брачному союзу и насколько возможно отдалять эту печальную минуту». «Всѣ средства слѣдуетъ употребить, чтобы избѣжать развода», будто бы говорилъ Мухаммедъ. «Иниціатива развода, говоритъ ахундъ, большею частью зависитъ отъ мужа, но возможна и со стороны жены. Въ послѣднемъ случаѣ обыкновенно женѣ стоитъ много трудовъ добиться согласія мужа на разводъ» (стр. 81—84). Неужели и послѣ этого можно еще разсуждать о

прекрасномъ положеніи женщины въ исламѣ?! Вмѣсто всѣхъ длинныхъ разсужденій о положеніи мусульманской женщины, вмѣсто всѣхъ натяжекъ и измышленія какихъ-то либеральныхъ правъ мусульманской женщины, можно было бы удовольствоваться констатированіемъ этого послѣдняго факта и ссылкой, повторю опять, на примѣръ самого Мухаммеда, яраго поклонника полигаміи, чтобы убѣдиться, что положеніе женщины въ исламѣ крайне печально.

Послѣдняя глава: «исламъ о государствѣ» начинается слѣдующимъ совершенно ложнымъ и крайне неожиданнымъ заявленіемъ. «Эта религія (исламъ), довольно поздняя по своему происхожденію, старалась выбрать лучшіе элементы изъ религій, существовавшихъ до нея. Это своего рода религіозный эклектизмъ». «Сюда еще слѣдуетъ добавить, говоритъ ахундъ, что исламъ не создалъ себѣ внѣшняго культа и обязательнаго посредничества между Богомъ и Его твореніемъ въ дѣлѣ искупленія». О какомъ искупленіи въ исламѣ, не знающемъ никакого искупленія, здѣсь идетъ рѣчь, положительно недоумѣваю. «Не имѣя ни церкви, какъ особаго учрежденія, ни духовенства, какъ особаго сословія, исламъ, продолжаетъ г. Баязитовъ, перенесъ весь центръ тяжести религіи на сознаніе человѣкомъ своихъ правъ и обязанностей предъ Богомъ и обществомъ. Мораль и политика въ исламѣ слѣдовательно соединяются тѣснѣйшимъ образомъ и на почвѣ религіозныхъ доктринъ достигаютъ самыхъ чистыхъ и либеральныхъ принциповъ». Послѣднее заключеніе нашего автора весьма и весьма поспѣшно. Переходя къ главному своему вопросу, авторъ совершенно ложно утверждаетъ, что «по условіямъ времени своего возникновенія Коранъ почти совсѣмъ не занимается политическими вопросами», хотя тутъ же спѣшитъ оговориться, что «уже и въ немъ и въ хадисахъ можно замѣтить тѣ общіе принципы, которые лежатъ въ политическомъ міровоззрѣніи мусульманина». «Однимъ изъ такихъ коренныхъ устоевъ мусульманства, говоритъ г. Баязитовъ, является всеобщее и безусловное равенство всѣхъ членовъ общества, исповѣдующихъ исламъ, включая сюда даже женщинъ (8 в.!)».

«Второй принципъ—это положеніе власти въ мусульманскомъ государствѣ», которая должна руководиться законами. «Источники законодательства, говоритъ ахундъ, въ порядкѣ ихъ значенія и примѣненія таковы: сначала Коранъ, далѣе сунна, потомъ выводы ученыхъ и наконецъ всеобщее единодушное мнѣніе». Вотъ этотъ-то принципъ постепенной авторитетности источниковъ мусульманскаго религіознаго законодательства намъ нужно всегда помнить при выясненіи содержанія ученія ислама. Вслѣдъ затѣмъ г. Баязитовъ останавливаетъ особое вниманіе на третьемъ источникѣ мусульманскаго законодательства—общемъ собраніи (иджмау-уммедъ, иджтихадъ). Въ позднѣйшія времена, въ силу необходимости, явился еще четвертый источникъ мусульманскаго законодательства—кыясъ, сравнительное толкованіе (аналогическій выводъ), или, яснѣе говоря, собственное разумѣніе. Имъ особенно пользовались мужтахиды, ученые авторитеты, для разрѣшенія многихъ вопросовъ, которые выдвигались самой жизнью и на которые не было отвѣтовъ ни въ Коранѣ, ни въ суннѣ. Между этими муджтехидами особенно замѣчательны: Абу-Ханифа, Шафеи, Малекъ и Ханбель. Нашъ авторъ скорбитъ о томъ, что въ настоящее время потерялъ среди мусульманъ свое значеніе этотъ послѣдній источникъ религіознаго законодательства—кыясъ.

Такова, закончу я, довольно хитрая и беззастѣнчивая апологія г. Баязитовымъ ислама. Она—слишкомъ вызывающаго характера, чтобы можно было оставить ее безъ обстоятельнаго отвѣта.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе получается при чтеніи статьи другаго противника Ренана по вопросу объ «исламѣ и наукѣ». Какой-то «Мусульманинъ» въ «Восточномъ Обозрѣніи» за 1883 г. въ № 24 помѣстилъ статью, подъ заглавіемъ: «Мусульманство и раціонализмъ». Возраженія его Ренану, какъ увидитъ самъ читатель, крайне слабы и несерьезны. «Пусть исторія покажетъ намъ, говоритъ онъ, справедливо ли мнѣніе европейцевъ, что ученіе пророка Мухаммеда весьма неблагопріятно и недружелюбно относится къ наукѣ и задерживаетъ человѣческій прогрессъ,

какъ выразился ученый Ренанъ. При этомъ смѣю просить читателей не смѣшивать въ своихъ понятіяхъ ученіе пророка Мухаммеда съ толкованіемъ буквы этого ученія, какъ это дѣлаютъ многіе изъ послѣдователей и нѣкоторые европейскіе ученые оріенталисты. Точно также, я никогда не позволю себѣ отождествлять евангельское ученіе Іисуса Христа съ практикой христіанскаго общества, которое далеко еще не окрѣпло въ цивилизаціи». Приведя свидѣтельство арабскаго историка Абуль-Фараджа о томъ, что «Богъ ничѣмъ изъ философіи не выдѣлилъ арабовъ и не сдѣлалъ ихъ способными (?!) къ попеченію о ней», нашъ «Мусульманинъ» ссылается на тотъ фактъ, который доказываетъ геніальность арабскаго пророка, что Мухаммедъ еще при жизни своей въ нѣсколько лѣтъ успѣлъ самъ лично окончить съ блестящимъ успѣхомъ свою религіозно-реформаторскую миссію на землѣ. Далѣе авторъ выставляетъ на видъ то умственное движеніе, которое шло изъ Багдада при аббасидахъ,—фактъ всѣмъ извѣстный и неотрицаемый Ренаномъ. «Невозможно, безъ явнаго предубѣжденія противъ ученія пророка Магомета, продолжаетъ онъ, выводить изъ историческихъ фактовъ заключеніе, что магометанизмъ, безъ примѣси чуждыхъ исламу началъ, по существу своего ученія, неблагопріятно и недружелюбно относился къ знанію и къ прогрессу мысли, какъ это дѣлаютъ многіе европейскіе оріенталисты. Несправедливо и крайне ненаучно смѣшивать ученіе Магомета съ нѣкоторыми внѣшними его проявленіями со стороны его послѣдователей позднѣйшихъ временъ». Замѣтивъ, что нѣтъ человѣческаго открытія или творчества въ области знанія и мысли, которое не было бы наслѣдіемъ предшествовавшаго, авторъ говоритъ, что вся Европа обязана арабской философіи благодарностью за оказанныя ею услуги. Упомянувъ о бывшихъ среди христіанскихъ народовъ ужасахъ религіозной нетерпимости и порабощенія мысли, затѣмъ о настоящей неурядицѣ въ нравственномъ, политическомъ и соціальномъ положеніи Европы, онъ спрашиваетъ: «почему же вмѣнять въ вину магометанизму или ученію геніальнаго

пророка Магомета тѣ невѣжественныя и фанатичныя дѣйствія отдѣльныхъ личностей, даже племенъ, которыя исламъ формально осуждаетъ?»

Искандеръ-Мурза помѣстилъ въ «Восточномъ Обозрѣніи» за 1883 годъ въ №№ 36 и 38 статью, подъ заглавіемъ: «Русскія школы для мусульманъ въ Туркестанѣ». Статья эта направлена противъ моей рѣчи, произнесенной на годичномъ актѣ Туркестанской учительской семинаріи 30 августа 1882 г. и изданной потомъ отдѣльной брошюрой, на тему: «Какіе главные принципы должны быть положены въ основу образованія русскихъ инородцевъ-мусульманъ?»

Прежде всего г. Искандеръ-Мурза останавливается на томъ моемъ положеніи, что исламъ пропитанъ фанатизмомъ. «Въ этомъ г. Миропіевъ, говоритъ мой оппонентъ, положительно ошибается: ни одинъ народъ, принадлежащій къ великой русской семьѣ, не сходится такъ близко внѣ религіозныхъ понятій съ коренными членами этой семьи, какъ инородцы-мусульмане, это подтвердитъ всякій, кто серьезно и безъ предубѣжденія наблюдалъ взаимныя отношенія этихъ двухъ племенъ». Онъ очень сожалѣетъ, что я, на ряду съ тѣми стихами Корана, гдѣ проповѣдуется фанатизмъ, не счелъ нужнымъ привести въ своей рѣчи другихъ мѣстъ, гдѣ предписывается вѣротерпимость. Въ отвѣтъ на то, что я назвалъ попытки нѣкоторыхъ образованныхъ мусульманъ, какъ наприм. г. Девлетъ-Кильдѣева и отчасти г. Гаспринскаго, выставить исламъ самой чистой религіей, чуждой фанатизму, грубымъ обманомъ, г. Искандеръ-Мурза говоритъ слѣдующее: «Насколько намъ извѣстно, эти мусульмане не отрицаютъ фанатизма въ какой бы то ни было невѣжественной средѣ людей, въ томъ числѣ и между нѣкоторыми русскими магометанами. Очевидно, что г. Миропіевъ смѣшивалъ политическую исторію мусульманскихъ народовъ съ религіознымъ ученіемъ ислама, забывая при этомъ, что исторія христіанскихъ народовъ въ свою очередь представляетъ не мало примѣровъ невѣжественнаго фанатизма. Можемъ увѣрить автора, что между истинно просвѣщен-

ными мусульманами не только Россіи, но и всего земнаго шара, онъ не найдетъ религіознаго фанатизма». Отвѣчая мимоходомъ и только слегка на вопросъ, переданный мною въ рѣчи и поставленный Дрэперомъ: неужели научная физіологія можетъ ужиться съ физіологіей Корана? г. Искандеръ-Мурза говоритъ: «Та часть научной физіологіи, которая отвергаетъ существованіе и безсмертіе души, и признаетъ «душу», т.-е. «психію» со всѣми ея проявленіями лишь продуктомъ матеріи (мозговой корки, фосфора и пр.), не можетъ ужиться съ ученіемъ Корана, которое признаетъ самостоятельное существованіе и безсмертіе души, созданной Богомъ отдѣльно отъ матеріи и прежде тѣла человѣка» (№ 36).

Не возставая прямо противъ выставленныхъ мною двухъ главныхъ принциповъ въ дѣлѣ образованія инородцевъ-мусульманъ,—обрусенія ихъ и игнорированія ислама,—г. Искандеръ-Мурза по поводу перваго изъ нихъ довольно ядозито спрашиваетъ: «можетъ ли съ успѣхомъ для подъема нравственнаго духа быть примѣнимъ указанный имъ принципъ при настоящемъ состояніи русской цивилизаціи?» Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ онъ приводитъ тѣ слова г. Страхова, гдѣ говорится о неудовлетворительномъ состояніи русскихъ учебныхъ заведеній. Кстати. Теперь вполнѣ понятно, почему наши гг. мусульмане такъ сильно хлопочутъ о томъ, чтобы мы воскресили имъ прежнія «славныя арабскія медресе». Это, какъ теперь выяснилось, дѣлается ими потому, что они съ презрѣніемъ смотрятъ на наше русское образованіе.

Относительно втораго выставленнаго мною принципа г. Искандеръ-Мурза высокомѣрно заявляетъ: «съ этимъ трудно согласиться по многимъ причинамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить». Вслѣдъ за этимъ онъ дѣлаетъ намекъ на то, что исламъ довольно стойкая и живучая форма религіи. Заканчивая свою статью, мой оппонентъ пишетъ слѣдующее: «руссификація инородцевъ, въ особенности мусульманъ, чрезъ просвѣщеніе, въ смыслѣ нравственнаго единенія, возможна, по моему мнѣнію, только тогда, когда, во первыхъ, установится взаимное

уваженіе между двумя религіозными формами—между исламомъ и православіемъ; во вторыхъ, когда русскіе мусульмане поймутъ, что ихъ религіозное ученіе отнюдь не противится прогрессу и не препятствуетъ умственному развитію во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія; въ третьихъ, когда предлагаемое мусульманамъ, со стороны русскихъ педагоговъ, просвѣщеніе будетъ дѣйствительно таковымъ для нихъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи и принесетъ имъ помощь; наконецъ, въ четвертыхъ,—что самое главное,—когда русскіе мусульмане убѣдятся на дѣлѣ, что въ Россіи существуетъ полная вѣротерпимость и что за русской рѣчью не слѣдуетъ по пятамъ религіозная пропаганда. При этихъ условіяхъ необходимо, конечно, чтобы русскіе педагоги основательнѣе ознакомились съ ученіемъ ислама и съ арабской литературой, чѣмъ теперь, при томъ съ точки зрѣнія болѣе научной и легендарной» (?!) (№ 38). Положительно не знаешь, чему здѣсь болѣе удивляться. Выходитъ, что въ Россіи до сихъ поръ нѣтъ полной вѣротерпимости; что мы, русскіе, должны прежде всего убѣдить своихъ мусульманъ, что ихъ религія не противится прогрессу; что мы должны изучить основательно арабскую литературу, до которой, если хотите, намъ въ этомъ случаѣ нѣтъ никакого дѣла.

Какъ европейски образованный человѣкъ, какъ сынъ 19 вѣка, какъ послѣдователь раціонализма, чѣмъ такъ любятъ кичиться наши образованные мусульмане, г. Искандеръ-Мурза не чуждъ и религіознаго либерализма. Онъ говоритъ, что человѣческія заблужденія одинаково присущи какъ священнымъ книгамъ евреевъ и христіанъ, такъ—и мусульманъ (№ 36) [1]). Вотъ въ томъ-то и бѣда,

[1]) Въ 1894 г. на страницахъ «Новаго Времени» открылась весьма интересная полемика между двумя мусульманами, гг. Мехмандаровымъ и Кочарлу, о значеніи Корана Магомета въ дѣлѣ распространенія европейской цивилизаціи въ средѣ мусульманскаго міра. Первый изъ нихъ—либералъ и прогрессистъ, а второй—консерваторъ и правовѣрный. Глубоко сожалѣю, что я не могъ отыскать этихъ №№ «Новаго Времени».

что наши мусульмане не любятъ средины: они или безъ остатка, со всѣмъ исламомъ, уходятъ въ схоластическую дребедень и религіозную обрядность, или предаются такому религіозному либерализму, который близко граничитъ съ отрицаніемъ религіи.

Кто-то «изъ образованныхъ лицъ, хорошо знающихъ магометанскую литературу», помѣстилъ въ «Восточномъ Обозрѣніи» въ № 10 за 1885 годъ статью противъ меня и въ защиту ислама. «Ошибка и заблужденіе г. Міропіева, говоритъ этотъ мой оппонентъ, заключается въ томъ, что фанатизмъ онъ присвоиваетъ только одному магометанству, а не разсматриваетъ его, какъ свойство вообще природы, присущее всему человѣчеству въ извѣстной исторической стадіи и въ данную эпоху религіозной нетерпимости. Едва ли даже самъ авторъ избѣгаетъ упрека въ этомъ недостаткѣ. Пусть авторъ взглянетъ на исторію просвѣщенія и цивилизаціи народовъ, и онъ убѣдится, что далеко не въ одномъ исламѣ существуетъ фанатизмъ. Вѣдь каждому извѣстно, что европейскій міръ, въ теченіе цѣлыхъ 12 вѣковъ послѣ своего духовнаго возрожденія, ровно ничего не сдѣлалъ въ пользу науки и просвѣщенія, напротивъ того, оказалъ сильное гоненіе и нетерпимость ко всякому свободному мышленію и умственному развитію. Но за то мы видимъ въ исламѣ, что онъ, спустя два столѣтія послѣ своего духовнаго возрожденія, тотчасъ же ревностно принялся изучать греческую науку и въ продолженіе цѣлыхъ 6—7 вѣковъ, во время царствованій мусульманскихъ халифовъ, исламъ былъ центромъ умственнаго движенія, что и было арабами передано латинскому Западу въ 1275 году. Далѣе г. Міропіевъ приводитъ стихи изъ Корана для доказательства существованія сильнаго фанатизма въ исламѣ; правда, выборъ г. Міропіева можно было бы назвать болѣе или менѣе удачнымъ въ такомъ случаѣ, если бы, на самомъ дѣлѣ, стихи эти выражали ту мысль, которую видитъ въ нихъ авторъ статьи;—ни въ какомъ случаѣ нельзя руководствоваться одними отрывками статей, захваченными наугадъ». Далѣе этотъ знатокъ мусульманской лите-

ратуры начинаетъ разъяснять, что для оцѣнки какой-либо части важно знать не только все цѣлое, но и причины, вызвавшія ее. «Спрашивается, продолжаетъ онъ, какой либеральнѣйшій и гуманнѣйшій изъ полководцевъ 19 вѣка, разъ ставъ на территорію своего противника и обращаясь къ войскамъ съ рѣчью, что сказалъ бы?—будетъ ли онъ возбуждать воинственный духъ въ своихъ солдатахъ, призывая ихъ къ храбрости, или же, наоборотъ, станетъ уговаривать ихъ на войнѣ быть миролюбивыми, чтобы не посмѣлъ ни одинъ солдатъ его арміи поражать своего врага». Въ заключеніе мой оппонентъ говоритъ: «всякая религія, дающая человѣку понятіе о Верховномъ Существѣ, дѣлающая его и нравственнымъ вслѣдствіе религіозныхъ его принциповъ,—достойна уваженія». Съ этимъ заключеніемъ, конечно, нельзя не согласиться. «Въ магометанствѣ, добавляетъ отъ себя глубокомысленно редакція «Восточнаго Обозрѣнія», были свои нравственныя догмы и свой гуманизмъ» (1885 г., № 10). Кто же и съ этимъ станетъ спорить?! Вѣдь если бы не было ни того, ни другаго, то исламъ не былъ бы и религіей. Это всякій понимаетъ, и никто этого не отрицаетъ, а потому фразы эти ничего не прибавляютъ въ защиту ислама. .

Ко всему этому считаю нужнымъ прибавить, что газета «Каспій», издаваемая въ Баку татариномъ Топчибашевымъ, исповѣдуетъ и проповѣдуетъ тѣ же либеральные взгляды на исламъ, съ которыми мы уже ознакомились выше. «Каспій» на Кавказѣ и «Переводчикъ» въ Крыму,—вотъ два періодическихъ мусульманскихъ органа, которые, стремясь объединить русскихъ мусульманъ въ одно цѣлое, стараются на каждомъ шагу представить исламъ самой чистой религіей въ мірѣ, способствующей прогрессу во всѣхъ сферахъ народной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти органы не чужды и мусульманской тенденціозности, стараясь выставить все мусульманское въ розовомъ свѣтѣ и довольно тщательно собирая отрицательныя стороны жизни русскаго народа. Самой главной, конечной цѣлью всѣхъ стремленій этихъ органовъ служитъ панисла-

мизмъ. «Обращу Ваше вниманіе, писалъ нашъ знатокъ русскаго мусульманства покойный Н. И. Ильминскій къ г. Оберъ-Прокурору Св. Синода К. П. Побѣдоносцеву, еще на то, что Гаспринскій, издатель Тарджумана (переводчика) въ Бахчисараѣ, преслѣдуетъ цѣли: во первыхъ, распространить между магометанскими подданными Русской Имперіи европейское просвѣщеніе на магометанской основѣ, магометанскіе идеалы подкрасить европейскимъ образованіемъ; во вторыхъ, все многомилліонное и разномѣстное и частью разноязычное населеніе магометанъ въ Россіи объединить и сплотить (примѣръ—нѣмецкое объединеніе); въ третьихъ, уложить, п. средствомъ своего органа, для всѣхъ въ Россіи магометанъ тюркскаго корня языкъ османскій. И что же оказывается теперь? Я слышалъ, что въ Казани съ года на годъ умножаются турецкіе газеты и учебники, по пріему и содержанію европейскіе, а по языку османскіе. Значитъ, Гаспринскій и К⁰ хотятъ провести къ татарамъ европейское образованіе, но только отнюдь не чрезъ Россію. Не правда ли?—планъ составленъ искусно и основательно... Итакъ татарская интеллигенція, замазывая русскіе глаза мнимымъ раціонализмомъ или либерализмомъ, усиливается создать мусульманско-культурный центръ въ Россіи»[1]). Татарская газета «Переводчикъ» въ продолженіе 18-лѣтняго своего существованія, стараясь, по ея собственному выраженію, все «ислямизировать», отлично служитъ дѣлу панисламизма, что̀ съ особенной ясностью выражено г. Гаспринскимъ въ другой брошюрѣ «Русско-восточное соглашеніе» (Бахчисарай, 1896 г.). Доказывая странную мысль о необходимости соглашенія и союза Россіи съ сосѣдними мусульманскими государствами Персіей и Турціей противъ Европы, не видя слишкомъ большой разницы между русскими и мусульманами (русскіе «ближе къ намъ по складу и культурѣ, чѣмъ народы Запада») и желая, чтобы «Россія стала родной всему мусульманскому Востоку и... дѣйствительно пошла во главѣ мусульман-

[1]) Письма Н. И. Ильминскаго, Казань, 1898 г., стр. 63—64.

скихъ народовъ и ихъ цивилизаціи, чего (будто бы) такъ упорно добивается Англія», г. Гаспринскій совершенно не кстати и во вредъ задуманному плану напоминаетъ, что во главѣ всего мусульманскаго міра стоитъ въ настоящее время «Турція съ султаномъ, признаваемымъ халифомъ, т.-е. религіознымъ главой всего ислама, какъ намѣстникъ пророка». Затѣмъ онъ приводитъ слѣдующую рѣчь индійскаго мусульманскаго ученаго Магомета Абдуль Гани Эфенди 2 (14) февраля 1896 г. въ г. Ньюкастлѣ въ собраніи мѣстнаго географическаго общества: «Четвертая часть всего мусульманскаго населенія земнаго шара находится подъ управленіемъ Англіи. Это налагаетъ на этихъ мусульманъ извѣстныя обязанности гражданскаго и политическаго свойства. Но не должно забывать, что болѣе деликатныя и глубокія связи скрѣпляютъ это населеніе съ халифомъ всѣхъ мусульманъ, какъ главой религіи... Не должно забывать, что, дурно третируя гдѣ бы то ни было мусульманъ, тѣмъ самымъ возстановляютъ противъ себя не только ихъ, но и мусульманъ всего міра, какъ единую религіозную общину» (стр 17). Само собою понятно, что эта рѣчь, гдѣ съ большой силой и угрозой выставлена панисламическая идея, приведена не безъ задней мысли. Поэтому вслѣдъ за симъ г. Гаспринскій и предостерегаетъ насъ. Эта двухсотъ-милліонная мусульманская «масса, придающая доминирующее значеніе «вѣрѣ», не придающая никакого значенія различію происхожденія, языка и страны, разъ человѣкъ слѣдуетъ Корану, никоимъ образомъ не можетъ быть игнорируемою» (стр. 18).—Въ настоящее время во всемъ мусульманскомъ мірѣ идетъ весьма дѣятельная и на самыхъ широкихъ началахъ проповѣдь панисламизма; явные и тайные агенты его ведутъ свою работу настолько энергично, что нѣкоторыя европейскія государства, какъ наприм. голландское, уже вынуждены были обратить на него серьезное вниманіе въ своихъ мусульманскихъ колоніяхъ. Константинопольскій корреспондентъ «Nieuwe Rotterdamsche Courant» сообщаетъ, что, по увѣреніямъ турокъ, 35 т. мусульманъ изъ голландской Индіи обратились къ Портѣ съ просьбой

о принятіи ихъ въ свое подданство. Подобныя же просьбы поступаютъ и отъ мусульманъ англійской Индіи [1]). Побѣды турокъ надъ греками въ послѣдней войнѣ возбудили, какъ сообщаетъ турецкій придворный органъ Малуматъ, «неописуемое чувство восторга среди магометанскаго населенія всего свѣта». Особенно шумно отпраздновали эти побѣды мусульмане въ англійской Индіи. Изъ Курачи (провинція Синдъ) былъ отправленъ турецкому султану слѣдующій весьма любопытный адресъ, который долженъ служить намъ хорошимъ предостереженіемъ противъ ислама. «Мы, писали курачинцы, твои вѣрные слуги, хотя и находящіеся подъ покровительствомъ англійскаго правительства и подвластные оному, пользующіеся, повидимому, полнымъ миромъ и спокойствіемъ, считаемъ, однако, своимъ долгомъ заявить, что сознаемъ себя нравственно и фактически стоящими подъ милостивымъ покровительствомъ всѣхъ правовѣрныхъ. Слѣдовательно, все, что мы имѣемъ, все наше достояніе, общественное и личное, наши дома и наши земли, наши души и наши тѣла, состоятъ въ исключительномъ распоряженіи великаго магометанскаго правительства. Мы гордимся тѣмъ, что состоимъ членами свящ. общины, и радуемся мудрости, величію и благости вашего величества. Извѣстія о побѣдахъ, одержанныхъ по милости Божіей магометанами надъ греками, были источникомъ глубокой радости для всего магометанскаго міра» [2]).. и т. д. Такимъ образомъ мы видимъ, что панисламизмъ усилился, окрѣпъ и даетъ свои плоды, которые рано или поздно, а вѣрнѣе всего въ близкомъ будущемъ, доставятъ не мало крупныхъ политическихъ сюрпризовъ европейскимъ правительствамъ, имѣющимъ у себя подъ властью мусульманъ. Глубоко жаль, что мы, русскіе, настолько оптимистичны по отношенію къ исламу, что даже не желаемъ хорошо знать и зорко слѣдить за тѣмъ, что дѣлается въ мусульманскомъ мірѣ вообще и въ нашемъ русскомъ му-

---

[1]) Православный Благовѣстникъ, 1899 г., № 24, стр. 312.

[2]) Туркестанскія Вѣдомости, 1897 г., № 73.

сульманствѣ въ частности. Теперь именно такое время, когда, вмѣсто ненужнаго, нежелательнаго и даже обиднаго «русско-восточнаго соглашенія», т.-е. союза Россіи со всѣми мусульманскими государствами, который предлагаетъ бахчисарайскій политикъ изъ татаръ, г. Гаспринскій, всего полезнѣе было бы европейскимъ правительствамъ обсудить о той политической опасности, которая грозитъ имъ отъ мусульманскаго полумѣсяца.

Итакъ въ настоящее время среди нашихъ мусульманъ, получившихъ такое или иное русское образованіе, замѣчается особое движеніе, направленное къ подъему умственнаго и нравственнаго развитія коснѣющихъ въ невѣжествѣ мусульманскихъ народныхъ массъ. Какъ ни похвальна и ни симпатична цѣль этихъ стремленій, но самые способы къ достиженію этой цѣли весьма нежелательны по многимъ причинамъ, выясненію которыхъ мною будетъ посвящена особая статья. Впрочемъ, мы можемъ быть болѣе или менѣе спокойны, такъ какъ всѣ эти мечтанія и проекты едва ли осуществимы. Неосуществимы они потому, что все это вмѣстѣ взятое умственное движеніе въ исламѣ, за исключеніемъ панисламизма, есть явленіе довольно искусственное, такъ какъ оно само въ себѣ заключаетъ внутреннее противорѣчіе. Если Коранъ заключаетъ въ себѣ всю истину, все потребное для мусульманина на всѣ времена, какъ любятъ хвалиться тѣ же мусульмане, и если, сверхъ того, Коранъ враждебно относится ко всѣмъ новшествамъ, о чемъ рѣчь впереди, то въ исламѣ нѣтъ мѣста для какой-либо реформаціи и прогресса вообще. Это отчасти сознаютъ и сами глашатаи мусульманской реформаціи. «Установленіе Магометомъ догмата неизмѣняемости и непогрѣшимости законовъ, говоритъ наприм. г. Девлетъ-Кильдѣевъ, какъ будто поставило точку ко всѣмъ реформамъ, могущимъ послѣдовать послѣ него въ политическомъ и гражданскомъ устройствѣ приверженцевъ его ученія» (стр. 25). Если это такъ по отношенію къ политическому и гражданскому строю, то тѣмъ болѣе, конечно, это должно сказать по отношенію къ религіозному міросозерцанію и нравственности. Если бы

и состоялась, сверхъ всякаго ожиданія, подобная реформа, то новое ученіе потеряло бы характеръ мусульманства. Но довольно будетъ и того, что всѣ эти радѣтели ислама покричатъ о себѣ, покичатся собой и обратятъ на себя вниманіе русской публики.

Вотъ въ этомъ-то послѣднемъ обстоятельствѣ и заключается все неудобство для насъ этого современнаго движенія, которое идетъ по поверхности мусульманскаго міра. Все это было бы только смѣшно, если бы съ этой стороны не было грустно. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время многіе среди русскаго общества начинаютъ прислушиваться къ этимъ крикамъ и, благодаря полному незнанію содержанія и характера ислама, начинаютъ вторить имъ. Среди русской интеллигенціи по отношенію къ инородческому вопросу замѣчается какое-то шатаніе.

Лишь только выступилъ съ своимъ проектомъ г. Гаспринскій, какъ среди русской интеллигенціи нашелся горячій поклонникъ его—г. Семеновъ, бывшій директоръ Закавказской учительской семинаріи. Хотя г. Семеновъ, насколько извѣстно, не знакомъ ни съ однимъ изъ мусульманскихъ нарѣчій, ни съ мусульманской литературой, ни даже съ ученіемъ ислама, а можетъ быть и съ Кораномъ, но тѣмъ не менѣе онъ, послѣ своей командировки въ Казань и Крымъ для осмотра тамошнихъ татарскихъ школъ, началъ съ большимъ аппломбомъ и компетентностью рѣшать весьма важные, существенные вопросы по образованію нашихъ инородцевъ-мусульманъ. Въ Казани онъ познакомился съ инспекторомъ татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ округа, г. Р—овымъ, «иностранцемъ по происхожденію, получившимъ высшее образованіе въ заграничныхъ университетахъ, извѣстнымъ оріенталистомъ, изучившимъ на мѣстѣ до 12 татарскихъ нарѣчій, ознакомившимся съ организаціей прусскихъ и саксонскихъ учительскихъ семинарій, видѣвшимъ двуязычныя школы въ Шлезвигъ-Голштиніи, Бельгіи, Швейцаріи и Австріи». Этотъ педагогъ, говоритъ г. Семеновъ, «считаетъ крупной ошибкой, что во всѣхъ трехъ татарскихъ учительскихъ школахъ—въ Казани, Оренбургѣ

и Симферополѣ—не положено преподаванія татарскаго и арабскаго языковъ и что магометанское вѣроученіе въ этихъ школахъ, по своему объему, поставлено ниже, нежели въ магометанскихъ духовныхъ медресе. Вотъ почему г. Р—овъ съ особеннымъ удовольствіемъ узналъ отъ меня, что въ Закавказской учительской семинаріи преподается для магометанъ татарскій языкъ и магометанское вѣроученіе поставлено на должную высоту». Отъ этого педагога г. Семеновъ узналъ, что, при организаціи Уфимской и Казанской учительскихъ школъ, онъ (г. Р—овъ) «сдѣлалъ первый пріемъ изъ взрослыхъ молодыхъ людей 20—25 лѣтъ, обучавшихся въ магометанскихъ медресе, достаточно ознакомившихся съ магометанскимъ вѣроученіемъ и арабскимъ языкомъ и получившихъ уже званіе мудеррисовъ, т.-е. учителей. Хотя, правда, на первыхъ порахъ такимъ молодымъ людямъ было затруднительно усвоеніе русскаго языка, въ особенности разговорнаго, но, благодаря знанію арабской грамматики (?!!), достаточному умственному развитію и пріобрѣтеннымъ нѣкоторымъ научнымъ знаніямъ, бывшіе мудеррисы, въ теченіе 4-лѣтняго своего пребыванія въ школѣ, основательно изучили русскую грамматику, достаточно освоились съ письменной и разговорной рѣчью и пріобрѣли такія серьезныя научныя знанія и общее умственное развитіе, что могутъ вполнѣ конкуррировать съ муллами на поприщѣ воздѣйствія на умы фанатическаго мусульманскаго населенія».— Въ Симферополѣ г. Семеновъ остался весьма недоволенъ учительской школой. «Татарская учительская школа въ Симферополѣ основана въ 1872 году; въ 5 бывшихъ выпускахъ семинарія приготовила всего 16 человѣкъ учителей, на каждый годъ по три человѣка; раздѣливъ бюджетъ школы со времени ея открытія на 16, окажется, что приготовленіе одного учителя изъ татаръ обошлось правительству около 7000 рублей. Такая громадная затрата правительства на приготовленіе каждаго учителя изъ татаръ едва ли выкупается тою пользою, какую можетъ принести краю столь дорого стоющій народный учитель... Во время моего пребыванія въ Симферополѣ я, говоритъ

г. Семеновъ, не разъ слышалъ отъ людей, близко знакомыхъ съ организаціей татарской учительской школы, что изъ нея выходятъ молодые люди съ тѣмъ же фанатизмомъ и съ тою же враждебностью ко всему русскому, съ которыми и поступаютъ въ заведеніе, и дѣйствительно меня поразила въ воспитанникахъ какая-то запуганность, недовѣріе, неохота отвѣчать на предложенные вопросы, не совсѣмъ скрытая злоба, свѣтящаяся во взглядахъ изъ подлобья, недружественное отношеніе къ своимъ воспитателямъ и другія подобныя черты, ясно свидѣтельствующія о нравственномъ настроеніи учащихся и господствующемъ духѣ заведенія. Если мы къ этому присоединимъ, что въ заведеніи не преподается татарскаго и арабскаго языковъ, что магометанское вѣроученіе читается неученымъ муллой, не пользующимся у крымскихъ татаръ должнымъ вѣсомъ, то становится совершенно понятнымъ, почему татарская учительская школа въ Симферополѣ до настоящаго времени не пріобрѣла еще надлежащаго авторитета».—Итакъ, по мнѣнію г. Семенова, самое главное въ образованіи нашихъ татаръ есть высота мухаммеданскаго вѣроученія и арабская грамматика. Это ужъ,—какъ замѣтилъ въ одномъ изъ своихъ примѣчаній къ моей статьѣ покойный И. С. Аксаковъ,—какое-то умственное нездоровье! [1])...

Далѣе г. Семеновъ, выходя логически изъ своихъ убѣжденій, высказываетъ свою полную солидарность съ г. Гаспринскимъ относительно устройства учебной части для нашихъ мусульманъ. «Какова должна быть организація духовнаго училища, говоритъ онъ, въ данную минуту рѣшить еще трудно; но, дабы эта организація вызвала сочувствіе мусульманъ, она должна соотвѣтствовать слѣдующимъ условіямъ:

«1. Носить названіе: «Высшее мусульманское медресе».

«2. Въ медресе должны преподаваться прежде всего тѣ же предметы, которые преподавались нѣкогда въ арабскихъ медресе, каковы: магометанское вѣроученіе, араб-

[1]) «Русь» 1884 г., № 17, стр. 36, примѣч. 2-ое.

скій языкъ, ильми-тыбіе (медицина), ильми-икметъ (физика), ильми-кимья (химія), ильми-набадатъ (ботаника), ильми-нуджумъ (астрономія), ильми-эндесе (геометрія) и алгебра. Къ этимъ предметамъ слѣдуетъ присоединить русскій, персидскій и татарскій языки, основы законодательства мусульманскаго и русскаго и главнѣйшія свѣдѣнія изъ исторіи и географіи.

«3. Съ цѣлью уменьшенія расходовъ на такое медресе, оно можетъ состоять изъ 4 классовъ, по два года въ каждомъ, и должно представлять собою строгій интернатъ.

«4. Ученики поступаютъ въ медресе не ранѣе 16—17-лѣтняго возраста, получивъ предварительную подготовку въ существующихъ уже на Кавказѣ чисто мусульманскихъ медресе и русскихъ при нихъ классахъ, объ учрежденіи которыхъ необходимо позаботиться заблаговременно; можно принимать въ высшее медресе и окончившихъ курсъ въ городскихъ училищахъ и учительскихъ семинаріяхъ; послѣдніе даже весьма желательны, ибо, по окончаніи курса, они могли бы быть и муллами, и учителями — обязанности, по мнѣнію мусульманъ, нераздѣлимыя.

«5. Завѣдываніе религіозной и хозяйственной частью слѣдуетъ предоставить попечительному совѣту, состоящему изъ лицъ мусульманскаго духовенства и уважаемыхъ и почетныхъ представителей свѣтскаго мусульманства, дабы сразу доказать мусульманамъ, что правительство вовсе не желаетъ посягать на религіозныя воззрѣнія мусульманъ и на обычаи ихъ обыденной жизни.

«6. Собственно учебной частью свѣтскихъ предметовъ руководитъ инспекторъ изъ христіанъ, оріенталистъ, основательно знающій восточные языки, чтобы такое лицо могло пользоваться уваженіемъ мусульманъ» [1]).

Въ заключеніе о г. Семеновѣ я позволю сказать, что за составленіемъ такого проекта и взгляда на образованіе нашихъ инородцевъ не стоило и предпринимать командировку для осмотра учительскихъ семинарій въ Казани,

---

[1]) См. приложеніе къ «Циркуляру по управленію Кавказскимъ учебнымъ округомъ» за 1881 г., № 8, стр. 1—34.

Симферополѣ, Курскѣ и Тамбовѣ; сдѣлать все это можно было бы проще и дешевле,—стоило только выписать изъ Крыма брошюру «Русское мусульманство» г. Гаспринскаго.

Въ нѣкоторыхъ органахъ нашей печати, а особенно—въ «Восточномъ Обозрѣніи», весьма часто раздаются толки, вполнѣ сочувственные описанному мною современному движенію среди нашихъ мусульманъ. Въ своей газетѣ «Восточное Обозрѣніе» и въ разныхъ своихъ трудахъ, какъ наприм. «Сибирь, какъ колонія» (СПБ. 1882 г.) и «Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе» (СПБ. 1891 г.), г. Ядринцевъ постоянно бралъ подъ свою защиту нашихъ инородцевъ. Вопросъ о положеніи ихъ онъ ставитъ довольно широко, стараясь изучить по возможности всѣхъ сибирскихъ инородцевъ и при томъ съ разныхъ сторонъ ихъ быта и современнаго положенія. Онъ ясно видѣлъ печальное положеніе ихъ и не жалѣлъ густыхъ красокъ своего довольно бойкаго (хотя по мѣстамъ и неправильнаго) пера и весьма пылкой фантазіи, чтобы выставить сибирскаго инородца въ еще болѣе мрачномъ видѣ и тѣмъ самымъ привлечь къ нему сочувствіе русскаго общества, закрывая въ то же время вполнѣ свои глаза на бѣдственное положеніе русскаго населенія въ разныхъ мѣстностяхъ далекой и обширной Сибири.

Констатируя засвидѣтельствованный русскими учеными и путешественниками (Гмелиномъ, Палласомъ, Кастреномъ, Миддендорфомъ, Щаповымъ, Шашковымъ и пр.) фактъ вымиранія нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ, г. Ядринцевъ соболѣзнуетъ о томъ, что теперь совершенно исчезли нѣкоторыя сибирскія племена, какъ напримѣръ: омоки, котты, хойданы, шелаги, анюты, маторы, асаны, аринцы и пр. Сгущая относящіяся сюда краски, г. Ядринцевъ говоритъ, что «на устьѣ Индигирки видны до сихъ поръ слѣды жилищъ исчезнувшаго народа омоковъ, которые по преданіямъ были многочисленны, какъ звѣзды небесныя». Остается удивляться, какъ можно серьезно говорить такія рѣчи. Мыслимо ли, чтобы на устьѣ Инди-

гирки, находящемся подъ 71° с. ш., далеко за полярнымъ кругомъ, могъ когда-либо существовать «многочисленный, какъ звѣзды небесныя», народъ? Безспорно, конечно, и то, что слѣды этихъ исчезнувшихъ омоковъ крайне малочисленны. Эта слишкомъ большая гипербола—плодъ досужей и пылкой фантазіи. Во время русскаго завоеванія, говоритъ г. Ядринцевъ, существовалъ народъ аринцы; въ 1608 г. ихъ было 300 семей. Въ 1753 г. Миллеръ и Гмелинъ видѣли послѣдняго инородца, говорившаго по арински, наконецъ изъ 300 семей ихъ осталось всего 5 человѣкъ. Также приходится удивляться: какъ вышло, что изъ аринцевъ сначала остался 1 человѣкъ, а потомъ оказалось ихъ 5.—Богорадскій родъ, бывшій въ 1763 г., по свидѣтельству Ядринцева, однимъ изъ многочисленныхъ, во время ясачной коммиссіи показанъ былъ вымершимъ и въ живыхъ было 2 человѣка. Въ Туруханскомъ краѣ съ 1763 г. по 1816 г. вымерло $^3/_4$ инородческаго населенія. Когда ясачная коммиссія посѣтила Березовскій округъ, то не могла найти шести родовъ». Затѣмъ г. Ядринцевъ приводитъ цѣлый рядъ краснорѣчивыхъ цифръ, которыя удостовѣряютъ насъ въ фактѣ вымиранія сибирскихъ инородцевъ [1]).

Причины такого прискорбнаго факта, который имѣетъ мѣсто еще и въ настоящее время въ разныхъ частяхъ Сибири, г. Ядринцевъ усматриваетъ въ такихъ явленіяхъ, какъ войны, походы и набѣги русскихъ на инородцевъ въ прежнее время, распри и междоусобія между отдѣльными инородческими племенами, печальныя условія, какія создали русскіе для инородцевъ въ Сибири, обѣдненіе и продолжительныя голодовки послѣднихъ, разныя эпидемическія болѣзни, какъ результатъ бѣдственнаго экономическаго положенія (оспа, тифъ, цынга, проказа, сифилисъ и пр.), грубая эксплоатація ихъ со стороны русскихъ промышленниковъ, купцовъ и даже чиновниковъ и административный произволъ властей. Суммируя всѣ эти неблагопріятныя вліянія на инородцевъ, г. Ядрин-

[1]) «Сибирь, какъ колонія», стр. 89—91.

цевъ главной причиной вымиранія ихъ считаетъ чисто экономическую [1]).

Далѣе г. Ядринцевъ высказываетъ свои сожалѣнія по поводу вымиранія сибирскихъ инородцевъ особенно потому, что инородческимъ племенамъ не дали до сихъ поръ возможности выказать въ исторіи свои способности къ культурному прогрессу. «Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ въ своей книгѣ «Сибирскіе инородцы», что если имъ будетъ доступно развитіе, то не могутъ быть отрицаемы для нихъ и общечеловѣческія права и благо высшаго человѣческаго существованія. Все это вводитъ инородческій вопросъ въ рядъ вопросовъ общечеловѣческихъ, заслуживающихъ особаго вниманія. Въ нихъ лежитъ не только «быть или не быть» инородческаго существованія, вопросъ жизни и смерти цѣлыхъ племенъ, но и вопросъ о воспріятіи въ высшую человѣческую среду младшихъ братьевъ, историческое и культурное развитіе которыхъ отстало и было замедлено» (стр. 5). Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Ядринцевъ, употребляя разныя натяжки, старается указать на слѣды этого историческаго и культурнаго развитія разныхъ сибирскихъ инородцевъ, которое только на время отстало и было замедлено. При этомъ онъ совершенно забываетъ, что носители культуръ въ сѣверной и средней Азіи, о которыхъ упоминаютъ древнѣйшія историческія извѣстія, давно уже вымерли и что современныя намъ азіатскія племена въ большей части случаевъ не были причастны этому культурному движенію. У инородцевъ «лѣсниковъ» г. Ядринцевъ нашелъ даже «всѣ зачатки высшей духовной культуры»; «лѣсники, говоритъ онъ, оказываются по культурѣ и высотѣ ея гораздо ближе къ намъ, чѣмъ мы думаемъ». Земледѣльческая инородческая культура, по его мнѣнію, уже давно процвѣтала на югѣ и въ средней Сибири. Въ сѣверной части Пермскаго края, въ древней Біарміи, г. Ядринцевъ нашелъ слѣды не только древней осѣдлой земледѣльческой культуры, но и цивилизаціи. Онъ вѣритъ на слово древнимъ

[1]) «Сибирскіе инородцы», стр. 151.

китайскимъ извѣстіямъ, что «хакасы имѣли высокую гражданственность». На основаніи тѣхъ же извѣстій, онъ полагаетъ, что въ сѣверной части Сибири и именно по берегамъ Енисея въ древнее время сѣяли пшеницу, жило множество китайскихъ ремесленниковъ, которые занимались тканьемъ флера, парчи и другихъ цвѣтныхъ шелковыхъ матерій (стр. 110—145).

Разсматривая современное положеніе сибирскихъ инородцевъ, г. Ядринцевъ съ особенной любовью останавливается на такихъ фактахъ, какъ напр̀им. слѣдующіе: нѣкоторые татары Тобольской губерніи (деревни Ямаковой Тюменскаго округа), не смотря на успѣхи цивилизаціи (гдѣ?), сохраняютъ свою народность и свой языкъ; бухарскіе выходцы имѣли въ прежнее время значеніе просвѣтителей и проводниковъ мусульманской вѣры и культуры въ Сибири, каковое вліяніе ихъ въ послѣднее время, къ сожалѣнію г. Ядринцева, утратилось. Впрочемъ, относительно послѣдняго обстоятельства этотъ нашъ русскій ученый находитъ себѣ успокоеніе въ слѣдующемъ. «Обнаруживъ, говоритъ онъ, положительныя способности къ культурѣ въ извѣстное время, нѣтъ основанія предполагать, чтобы они (т.-е. бухарцы) не могли проявить ее и впослѣдствіи, если бы условія существованія ихъ были нормальны» (стр. 41).

Останавливая свое вниманіе на той ложной политикѣ, которой держалось русское правительство въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го вѣка по отношенію къ исламу и буддизму, усердно распространяя первый по Сибирской линіи и въ Киргизской степи, а второй—между нашими бурятами и калмыками, всячески покровительствуя этимъ двумъ религіямъ до основанія среди исповѣдниковъ той и другой оффиціальнаго духовенства и утвержденія обѣихъ религій на русскихъ государственныхъ законахъ включительно, г. Ядринцевъ видитъ во всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ простую религіозную вѣротерпимость, политическій тактъ, предусмотрительность и даже «мудрую политическую мѣру». «Ясно, говоритъ онъ, что если гдѣ сказалась политическая сообразительность и

благоразумная тактика, то именно въ этомъ». Всѣ позднѣйшія попытки исправить такъ или иначе ошибки этого печально-либеральнаго времени, въ родѣ попытки Гаупта, и всѣ дѣйствія нашихъ православныхъ миссіонеровъ, г. Ядринцевъ признаетъ не только «нелѣпыми», но и «грубыми, безтактными» и даже вредными (стр. 38—39 и 211—224).

«Предлагаютъ поддерживать дѣятельность миссіонеровъ, говоритъ г. Ядринцевъ, авторитетомъ власти вмѣсто духовнаго кроткаго вліянія. Прибѣгаютъ при этомъ къ земской полиціи, требуя отъ нея того, что не входитъ въ ея прямыя обязанности, а именно «содѣйствія» или воздѣйствія при крещеніи ламаистовъ и шаманистовъ. При проповѣди миссіонера, говорятъ, долженъ стоять полицейскій чинъ и этимъ внушать, что это не только стремленіе духовенства, но и требованіе власти. Преслѣдованіе и стѣсненіе ламаистовъ и шаманистовъ и проведеніе въ число выборныхъ старшинъ и тайшей (прежде наслѣдственныхъ) агентовъ и обращенныхъ только возбудило у бурятскаго населенія крайній безпорядокъ, недовольство и сопротивленіе въ области гражданскаго и административнаго управленія, весьма дурно отражающееся въ политическомъ отношеніи. Такія мѣры производятъ самое неблагопріятное впечатлѣніе на инородческое населеніе. Отъ грубыхъ и безтактныхъ мѣръ, проникнутыхъ фанатизмомъ и незнаніемъ быта инородцевъ, можно ожидать самыхъ дурныхъ послѣдствій»... По мнѣнію г. Ядринцева, неумѣлая православная проповѣдь въ Сибири скорѣе отталкивала инородцевъ отъ русскихъ, а неумѣлые проповѣдники часто примѣшивали къ своимъ духовнымъ цѣлямъ совершенно, будто бы, постороннія свѣтскія цѣли, какъ наприм. «обрусеніе» и осѣдлость инородца, навязывая ихъ рядомъ съ крещеніемъ. «Миссіонеры, говоритъ онъ, не умѣя убѣдить, часто прибѣгаютъ къ жалобамъ и требованіямъ запретить ламамъ выполнять ихъ требы, прибѣгаютъ къ земской полиціи, словомъ—стараются дѣйствовать средствами, которыя роняютъ только проповѣдь и принципы православія. Только

этими послѣдними грубыми и непослѣдовательными способами можно объяснить существующіе неуспѣхи миссіонерской проповѣди и возбужденіе инородцевъ вообще противъ русской культуры». Высказавъ, что въ глухихъ инородческихъ районахъ сами проповѣдники и миссіонеры опускались и не были примѣромъ благочестія и нравственности, г. Ядринцевъ приводитъ вслѣдъ за симъ длинную, но мало идущую къ дѣлу выдержку изъ «Землевѣдѣнія» Риттера (т. V) о евангелическо-британской миссіи въ Забайкальѣ въ началѣ минувшаго столѣтія, которая, къ его сожалѣнію, закрыта въ началѣ сороковыхъ годовъ. Сказавъ о томъ, что магометанство и буддизмъ являются довольно окрѣпшими въ Сибири и что православіе имѣетъ больше успѣха только среди менѣе развитыхъ сибирскихъ инородцевъ, г. Ядринцевъ снова, безъ разбора, огульно клеймитъ нашихъ подвижниковъ на поприщѣ православнаго миссіонерскаго служенія. «Весьма часто неумѣлые и неспособные проповѣдники христіанства, говоритъ онъ, только вооружаютъ и озлобляютъ инородческія племена своими пріемами; создавъ нѣсколько обращенныхъ, они предпринимаютъ гоненіе на остальную массу язычниковъ, вооружаютъ инородческое населеніе и отталкиваютъ отъ обращенія. Таковъ, между прочимъ, характеръ миссіонерской дѣятельности въ Сибири. Миссіонерскихъ центровъ было весьма немного, но и въ нихъ выразились всѣ недостатки низшаго духовенства и монашества, а также извѣстная деморализація его. Миссіонеръ въ Сибири далеко не былъ человѣкомъ, высоко сознающимъ свои задачи изученія народности и ея духа; прежде чѣмъ приняться измѣнять міросозерцаніе, онъ не былъ даже человѣкомъ образованнымъ. Изолированность и замкнутость самого его доводила до отчаянія, не принося пользы окружающей средѣ» [1]). При этомъ достойно замѣчанія то, что въ другомъ своемъ трудѣ: «Сибирь, какъ колонія», на-ряду съ тѣми же взглядами, которые только-что мною приведены,

[1]) «Сибирскіе инородцы» стр. 216—224.

г. Ядринцевъ высказываетъ довольно вѣрныя соображенія въ объясненіе того, почему наша православная миссія имѣла довольно слабые успѣхи въ Сибири. Онъ говоритъ, что русскіе встрѣтили въ Сибири три различныхъ, боровшихся между собою религіи: шаманизмъ, буддизмъ и магометанство, изъ которыхъ двѣ послѣднія—довольно стойкія, уже испытавшія свою силу и вліяніе въ мірѣ. «Поэтому христіанство здѣсь должно было встрѣтить гораздо болѣе препятствій къ распространенію своему. При томъ вліяніе его появляется весьма поздно, когда другія религіи овладѣли полемъ въ народномъ міровоззрѣніи. Первое время русскіе были заняты завоеваніями и пріобрѣтеніями; тогда было не до проповѣди. Весь XVII вѣкъ проходитъ въ усмиреніи инородческихъ бунтовъ. Только въ XVIII-мъ вѣкѣ выступаютъ заботы объ обращеніи инородцевъ въ христіанство». Что касается буддійской и мусульманской религій, то правительство начинаетъ оказывать имъ широкое покровительство: въ Киргизской степи распространяются мечети, мулламъ изъ тобольскихъ татаръ назначается жалованье изъ казны; въ Забайкальѣ создается высшая буддійская духовная власть хамбо-ламы. «На долю обращенія въ христіанство при этомъ остается весьма небольшой контингентъ язычниковъ. Миссіонерская дѣятельность весьма слабо практикуется» [1]). Удивительно при этомъ то, какъ г. Ядринцевъ весьма скоро забываетъ эти свои вполнѣ вѣрныя исторически и здравыя разсужденія и быстро переходитъ къ огульному и легкомысленному порицанію нашихъ православныхъ подвижниковъ на поприщѣ миссіонерскаго служенія.

Вслѣдъ за этимъ г. Ядринцевъ приступаетъ къ изслѣдованію положенія дѣла образованія сибирскихъ инородцевъ, которое, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ онъ, находится въ весьма неудовлетворительномъ положеніи въ Сибири. Онъ говоритъ, что со стороны русскихъ почти ничего не сдѣлано для инородческаго образованія. «Ни системы инородческихъ школъ, ни ихъ характеръ и

[1]) «Сибирь, какъ колонія», стр. 114.

задачи воспитанія не разработывались въ Сибири». Изложивъ, на основаніи разныхъ данныхъ, печальное положеніе этого важнаго дѣла въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири, г. Ядринцевъ обращаетъ вниманіе на то, что среди инородцевъ Сибири весьма рѣзко выдѣляются по своимъ умственнымъ способностямъ два довольно даровитыхъ племени—буряты и якуты, для образованія которыхъ почти ничего не сдѣлано.

Наконецъ, г. Ядринцевъ выдвигаетъ вопросъ объ образованіи инородцевъ на практическую почву и высказываетъ на нѣкоторые частные вопросы свои взгляды, которые, по его мнѣнію, должны получить возможно скорѣе практическое осуществленіе. Прежде всего, средства для открытія инородческихъ школъ, по мнѣнію г. Ядринцева, должна дать «высшая раса, имѣющая въ виду привитіе цивилизаціи». Основаніемъ для такого общаго для всѣхъ сибирскихъ инородцевъ рѣшенія вопроса о средствахъ для открытія школъ у г. Ядринцева служитъ бѣдность бродячихъ звѣроловныхъ инородцевъ. «Весьма обширная переписка объ этомъ предметѣ въ 1853 году привела, говоритъ онъ, къ одному заключенію, что созданіе школъ у бродячихъ звѣролововъ на счетъ инородцевъ невозможно и неосуществимо въ виду крайне жалкаго быта и бѣдности большинства, находящагося въ положеніи дикарей; всякіе новые налоги и тягости угрожаютъ имъ окончательнымъ разореніемъ». Не могу воздержаться, чтобы не высказать здѣсь своего удивленія по поводу того, какъ у г. Ядринцева иногда логически неправильно совершается мышленіе. На основаніи того, что бродячіе инородцы весьма бѣдны, что̀ не подлежитъ сомнѣнію, г. Ядринцевъ вдругъ совершенно неожиданно дѣлаетъ выводъ, что русскіе должны дать свои средства на устройство школъ для всѣхъ сибирскихъ инородцевъ и въ томъ числѣ, конечно, для зажиточныхъ сибирскихъ татаръ, киргизъ, якутовъ, бурятъ и т. п. Другой вопросъ, который рѣшаетъ г. Ядринцевъ, касается обязательности обученія инородцевъ. «Обыкновенно, говоритъ онъ, доселѣ отъ инородцевъ дѣтей отбирали насильственно. Нечего говорить,

какъ это вооружило инородцевъ противъ образованія. Мысль объ обязательности, а особенно принудительности образованія, непримѣнимая ни къ какому населенію могла вытекать только изъ дикихъ взглядовъ мѣстнаго культуртрегерства. Она мало того, что неполезна въ смыслѣ образованія, но негуманна сама по себѣ и нарушаетъ всякую законность». Разсуждая о характерѣ обученія дѣтей инородцевъ, г. Ядринцевъ вооружается противъ стремленія къ обрусенію ихъ и даже не признаетъ за русскимъ языкомъ права быть языкомъ преподаванія въ нѣкоторыхъ инородческихъ школахъ. «Если народность, говоритъ онъ, весьма сблизилась съ русскими и даже усвоила русскій языкъ, тогда нѣтъ никакихъ препятствій, конечно, къ обученію на русскомъ языкѣ, и вопросъ обученія здѣсь сливается съ обыкновеннымъ сельскимъ образованіемъ. Другое дѣло—относительно народностей и племенъ, пока весьма склонныхъ удерживать свою національность, свой языкъ, свои вѣрованія, страшащихся нарушенія и всякаго принужденія. Для такихъ племенъ полезнѣе привитіе знанія на природномъ языкѣ и переводъ учебниковъ, какъ и самого Свящ. Писанія, на инородческій языкъ; при этомъ, смотря по предубѣжденію и характеру народности, нужно обсудить, что̀ должно предшествовать грамотности: развитіе ума, какъ начало дальнѣйшаго образованія и знакомства съ высшимъ христіанскимъ міросозерцаніемъ, которое явится само собой при знакомствѣ съ христіанской наукой, или воспитаніе прямо религіозное... Просвѣщеніе на инородческомъ языкѣ и знакомство съ наукой, надо замѣтить, ни мало не оттолкнутъ образованнаго инородца отъ русскаго языка и національности, но болѣе сблизятъ его, такъ какъ развернувшаяся любознательность заставитъ его познакомиться не только съ жизнью русскаго просвѣщеннаго міра, но и европейскаго». Въ доказательство этого г. Ядринцевъ ссылается на успѣхи христіанскихъ миссій, когда онѣ въ дѣлѣ просвѣщенія разныхъ народовъ пользуются ихъ природными языками. Указавъ на печальные результаты обученія инородцевъ на русскомъ языкѣ и обрусенія ихъ въ русскихъ интер-

натахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири, г. Ядринцевъ настаиваетъ на необходимости первоначальнаго преподаванія на инородческомъ языкѣ, созданія особыхъ инородческихъ школъ и подготовки учителей изъ самихъ инородцевъ, знающихъ свою народность, ея характеръ и желающихъ ей блага. «Дайте ему (инородцу), говоритъ онъ, прежде всего описаніе его жизни, его кочевья, описаніе его племени, его нравовъ и его исторію (!?), пусть онъ увидитъ самого себя и то, что̀ къ нему ближе, пусть онъ узнаетъ, что̀ его племя совершило (!?) и что̀ ему слѣдуетъ совершить (!!??)». Въ заключеніе всѣхъ этихъ разсужденій г. Ядринцевъ высказываетъ сожалѣніе, что въ настоящее время очень мало инородцевъ обучается въ нашихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшаетъ себя надеждою, что мѣстный сибирскій университетъ привлечетъ къ себѣ представителей инородческой среды и что снова явятся изъ сибирскихъ инородцевъ Банзаровы, Валихановы, Катановы и пр. [1]).

Мнѣ кажется, что на такихъ книгахъ, какъ «Сибирь, какъ колонія» и «Сибирскіе инородцы», неудобно было бы и выставлять русскую фамилію автора, для котораго все инородческое, до религіозныхъ успѣховъ мусульманства и ламаизма включительно, близко и дорого сердцу, и для котораго, наоборотъ, успѣхи русскаго дѣла, какъ наприм. обрусеніе инородцевъ и обращеніе ихъ въ православіе, весьма несимпатичны и прямо нежелательны. Можетъ быть, ученая дѣятельность г. Ядринцева по отношенію изслѣдованія быта сибирскихъ инородцевъ и разныхъ археологическихъ изысканій и весьма почтенна, но его взгляды на нашу внутреннюю государственную политику по отношенію къ нашимъ многочисленнымъ и разноплеменнымъ инородцамъ весьма нежелательны.

Само собою понятно, что издававшаяся этимъ русскимъ ученымъ газета «Восточное Обозрѣніе» проводила постоянно тѣ же взгляды на инородческій вопросъ. Я долго

[1]) «Сибирскіе инородцы», стр. 224—242.

слѣдилъ за направленіемъ этой газеты по интересующему меня вопросу и пришелъ къ заключенію, что она имѣетъ большое сходство съ крымской татарской газетой Гаспринскаго «Переводчикъ» и мало носитъ на себѣ характера русскаго литературнаго органа. Она всегда старалась выяснить русской образованной публикѣ, что мы крайне несправедливо поступаемъ по отношенію къ инородцамъ, такъ какъ не признаемъ ни за ихъ языками, ни за ихъ религіями права гражданства въ нашихъ русскихъ правительственныхъ школахъ, что мы этимъ самымъ стремимся подавить инородческія народности и ихъ религіи, что мы не научились гуманности и терпимости къ инородческимъ племенамъ, которыя однѣ даютъ разрѣшеніе вопросу о привлеченіи къ цивилизаціи народовъ. Изучая наши окраины и по преимуществу Сибирь и знакомя съ ними русскую публику, эта газета всегда старалась проводить ту мысль, что положеніе инородцевъ въ такомъ христіанскомъ государствѣ, какъ Россія, подъ властью такого народа, который считается самымъ добродушнѣйшимъ въ свѣтѣ, весьма печально, что отсюда мы должны обратить все наше вниманіе на этихъ инородцевъ и озаботиться спасеніемъ ихъ. Все это отчасти и такъ, если бы это дѣло не имѣло другой своей стороны. По внимательномъ изученіи оказывается, что и положеніе русскихъ среди инородцевъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крайне печально; но, къ великому удивленію, «Восточное Обозрѣніе» совершенно равнодушно проходитъ мимо этихъ печальныхъ фактовъ, которые даже даютъ случай нѣкоторымъ сотрудникамъ этой газеты «пройтись» надъ цивилизаторской дѣятельностью русскихъ. Все инородческое встрѣчалось въ этой газетѣ съ полнымъ сочувствіемъ; все же русское вызывало смѣхъ и глумленіе. Въ инородцѣ отыскивались лучшія стороны, въ русскомъ же выставлялись напоказъ дурныя. «Восточное Обозрѣніе» всегда съ особеннымъ удовольствіемъ давало мѣсто на своихъ страницахъ тѣмъ статьямъ, которыя всѣми силами защищали, обѣляли и даже ставили на извѣстную высоту исламъ и ламаизмъ, которыя видѣли въ православіи и русской

школѣ посягательство на религіозную и гражданскую свободу и обнаруженіе религіознаго и національнаго фанатизма, которыя требовали все большей и большей свободы для этихъ враждебныхъ намъ религій. Я не помню случая, когда бы эта газета приняла сторону русскаго дѣла, клонящагося къ парализованію вреднаго вліянія, наприм., ислама на киргизъ и ламаизма на бурятъ. Газета эта весьма часто дѣлалась вполнѣ татарскою или бурятскою, но никогда не стояла на высотѣ русскаго призванія. Мусульманскую окраску придавали ей статьи, подобныя изложеннымъ мною выше статьямъ г. Искандеръ-Мурзы и разныхъ другихъ лицъ, укрывавшихся подъ разными псевдонимами. Какъ на довольно яркій образчикъ бурятскаго направленія этой газеты, могу сослаться на статью Я. Дубровы «Распутье современнаго бурята» (1884 г., №№ 38 и 40). Грустныя чувства навѣваетъ на душу эта статья, но—не тѣ, которыя питаетъ авторъ ея. Г. Дуброва отлично хорошо знаетъ и самъ свидѣтельствуетъ, что русскіе, живущіе между бурятами, вырождаются въ послѣднихъ. Послѣ этого должна бы, кажется, рѣчь идти не о томъ, какъ пособить буряту высвободиться изъ-подъ вліянія монголовъ, а о томъ, какъ бы поставить русскій народъ въ Забайкальѣ на надлежащую высоту. Такъ должна разсуждать русская газета; между тѣмъ мы читаемъ слѣдующее. «Безъ сомнѣнія, говоритъ авторъ, явленіе это (вырожденіе русскихъ), если не странное, то во всякомъ случаѣ бросающееся въ глаза своею ненормальностью, выходящее изъ ряда вонъ и вмѣстѣ съ тѣмъ много говорящее въ пику россіянамъ, какъ культурному народу, призванному исторіей быть проводникомъ общечеловѣческихъ идей на далекой окраинѣ Азіи». Очень жаль, что авторъ не высказывается вполнѣ опредѣленно, а ограничивается словами, намеками. «Все это вмѣстѣ взятое, говоритъ далѣе авторъ, констатируетъ несомнѣнность факта подчиненія бурятъ религіозному вліянію Монголіи. Вліяніе же это настолько сильно, что всѣ наши заботы изолировать инородцевъ отъ этого вліянія сводятся, по крайней мѣрѣ доселѣ, къ нулю. И намъ, культурнымъ

воздѣйствователямъ на сосѣднюю Азію, въ виду важности вопроса, слѣдовало бы озаботиться правильною постановкою дѣла, создать противовѣсъ, могущій парализовать это тяготѣніе къ мертвой Монголіи, такъ какъ тяготѣніе это, не давая ничего, могущаго толкнуть бурята на путь развитія и культуры, только лишь задерживаетъ это даровитое племя отъ воспріятія общечеловѣческихъ, выработанныхъ наукою идей»... «Не пора ли намъ, однако, восклицаетъ г. Дуброва, лучшею своею стороною коснуться жизни бурятъ и тѣмъ заплатить хоть сотую долю процентовъ за тѣ муки и страданія, какія мы внесли въ бытъ бурятъ?... Расплата должна состоять въ заботѣ объ улучшеніи истощеннаго экономическаго положенія инородцевъ и въ усиліи сдѣлать этого послѣдняго культурнымъ человѣкомъ и тѣмъ вывести его изъ мучительно неопредѣленнаго распутья». При этомъ совершенно забываешь, что читаешь русскую, а не бурятскую газету. Мало этого. Газета г. Ядринцева была заражена въ прежнее время въ значительной степени духомъ сепаратизма, какъ это однажды было справедливо замѣчено «Московскими Вѣдомостями» (1886 г., № 25). Все русское противополагалось здѣсь сибирскому, и чрезъ всю газету проводилась сепаратная тенденція: самобытное развитіе Сибири и возможная независимость этой колоніи отъ ея метрополіи.

Я невольно уклонился съ г. Ядринцевымъ и его газетою слишкомъ далеко въ сторону отъ занимающаго меня вопроса о современномъ движеніи среди русскихъ мусульманъ; впрочемъ, это обстоятельство помогло мнѣ поставить вопросъ этотъ шире и захватить его по возможности съ разныхъ сторонъ. Возвращусь къ своему главному предмету.

Все это вмѣстѣ взятое движеніе среди мусульманъ въ защиту ислама и въ пользу возрожденія его не имѣло бы для насъ, русскихъ, большаго значенія, такъ какъ я положительно убѣжденъ, что оно пройдетъ только по поверхности мусульманскаго міра, если бы, къ великому сожалѣнію, въ наше довольно расшатанное время, въ эпоху крайней неопредѣленности, безурядицы, пута-

ницы, шатанія изъ стороны въ сторону въ нашемъ обществѣ, эти крики и толки, или, лучше сказать, кривотолки о нашемъ русскомъ инородцѣ, о нашемъ мусульманинѣ не находили себѣ сторонниковъ среди русской интеллигенціи, среди бюрократіи и даже среди русскихъ, «власть имущихъ»; если бы эти крики и толки не поселяли въ насъ самихъ сумятицы и не препятствовали нашему правительству выработать извѣстную опредѣленную и строго законченную программу, какой слѣдуетъ держаться намъ въ нашей внутренней политикѣ по отношенію къ нашимъ многочисленнымъ инородцамъ. Хотя государство наше, по составу своего населенія, довольно пестрое и занимаетъ въ этомъ отношеніи въ Европѣ второе мѣсто послѣ Австро-Венгріи, хотя инородцами мы владѣемъ почти съ тѣхъ поръ, какъ начали жить самостоятельною гражданскою, историческою жизнью, но мы до сихъ поръ не выработали правильныхъ взглядовъ на нихъ, не пришли къ чему-либо опредѣленному по вопросамъ: какъ управлять ими? къ чему и къ какой цѣли вести ихъ? Эта путаница, позволю себѣ немного повторить то, что писалъ я въ 1884 году въ газетѣ «Русь» (№ 17), имѣетъ корень въ нашемъ историческомъ прошломъ. Въ одно время, какъ наприм. при московскихъ царяхъ да и послѣ, мы усердно распространяли между своими инородцами христіанство; въ другое, какъ наприм. при Екатеринѣ II-ой, мы распространяли между инородцами-шаманистами мухаммеданство и такъ кокетничали съ сосѣдними мусульманскими ханствами, что даже построили въ Бухарѣ на свои деньги, за 40 тысячъ рублей, лучшее медресе. Въ настоящую же пору правильный взглядъ на образованіе инородцевъ еще вовсе не установленъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія небольшая часть русскихъ педагоговъ и другихъ интеллигентныхъ людей заинтересовалась было довольно живо этимъ вопросомъ, но это движеніе прошло, не оставивъ по себѣ крупныхъ слѣдовъ [1]). Все дѣло образованія ино-

[1]) Кромѣ появленія въ печати «Сборника документовъ и статей по вопросу объ образованіи инородцевъ». СПБ., 1869 г.

родцевъ зависитъ теперь отъ личныхъ взглядовъ его руководителей; съ перемѣною же лицъ перемѣняется и самый ходъ дѣла. Въ настоящее время въ нашемъ отечествѣ по отношенію къ инородцамъ, и при томъ однимъ и тѣмъ же, дѣйствуютъ различныя системы; такъ напримѣръ, по отношенію къ мусульманамъ въ Крыму и на Кавказѣ держатся одной системы; въ русскомъ Туркестанѣ—другой; въ Казани—третьей и четвертой, а въ Сибири до послѣдняго времени—почти никакой. Отсутствіе устойчивости и систематичности составляетъ нашу болѣзнь. У насъ какъ-то дѣла идутъ такъ, что посторонній человѣкъ, иностранецъ, присмотрѣвшись къ намъ, подумаетъ, что мы всюду производимъ опыты съ тою цѣлью, чтобы впослѣдствіи, воспользовавшись ихъ указаніями, выработать опредѣленную систему, программу. На самомъ же дѣлѣ и этого нѣтъ: мы просто дѣлаемъ скачки, перебѣгаемъ отъ одной системы къ другой, не испробовавъ надлежащимъ образомъ ни той, ни этой. Вотъ эта-то «безпрограммность» и губитъ насъ. Вдали же отъ умственныхъ центровъ мы не только не держимся опредѣленныхъ принциповъ и взглядовъ по отношенію къ инородцамъ, но положительно бездѣйствуемъ. Подчиняя себѣ инородцевъ, мы даемъ имъ свою администрацію, судъ и только иногда школу; а дальше—складываемъ руки и предоставляемъ инородцамъ пользоваться плодами будто бы данной цивилизаціи. Всѣ отношенія русской власти къ инородцамъ весьма часто выражаются въ слѣдующемъ: «Я владѣю, вы платите и живите, какъ хотите» [1]). Только случайный туристъ или корреспондентъ изрѣдка сообщатъ, что гражданственность среди инородцевъ въ продолженіе десятковъ, сотенъ лѣтъ не подвинулась ни на шагъ, что, напротивъ, наши кровные братья, русскіе, какъ это, къ стыду нашему, случается весьма часто и теперь, подпадаютъ иногда подъ сильное воздѣйствіе инородцевъ. Оно и понятно, такъ какъ «появленіе русской власти среди, напримѣръ, мусульманъ, какъ говоритъ одинъ изъ нихъ,

[1]) Гаспринскій, стр. 5.

не идетъ далѣе требованій государственнаго фиска и огражденія общественной безопасности и порядка, выражающихся во множествѣ законовъ, распоряженій, льготъ, скоплявшихся въ различныхъ судахъ и правленіяхъ и доходившихъ до мусульманъ только въ формѣ звуковъ колокольчика, да еще во множествѣ споровъ, межеваній, непонятныхъ массъ отчужденій, въ открытіи и закрытіи школъ, словомъ—во всемъ такомъ, что̀ смѣняло одно другое съ быстротою крыльевъ вѣтряной мельницы» [1]. А это происходитъ отъ того, что наша цивилизаторская миссія, какъ на сѣверѣ и внутри Россіи, такъ въ Сибири, Крыму, на Кавказѣ и русскомъ Туркестанѣ, идетъ по тому ложному пути, который называется «канцеляризмомъ, бюрократизмомъ». Слишкомъ мало среди насъ частнаго и общественнаго почина, частной и общественной иниціативы. Мы все смотримъ вверхъ и ждемъ указаній сверху отъ правительства, мало заботясь о томъ, чтобы придти къ нему на помощь въ рѣшеніи такихъ важныхъ вопросовъ, какъ вопросъ о положеніи и образованіи инородцевъ. Мы все ждемъ приказовъ и указовъ, циркуляровъ и предписаній; и въ нихъ полагаемъ всю силу, нисколько не заботясь о томъ, чтобы войти въ ихъ духъ, въ ихъ смыслъ, въ ихъ идею. Мы слишкомъ формально относимся къ жизни и дѣлу.

А въ это время среди нашихъ мусульманъ вдругъ поднимается движеніе на защиту ислама, въ пользу его возрожденія, реформаціи, въ пользу образованія мусульманской народности (хотя такой и не можетъ быть), слышатся изъ всѣхъ концовъ мусульманскаго міра крики, что исламъ самъ по себѣ есть самая чистая и возвышенная религія въ мірѣ, что онъ идетъ рука объ руку съ наукою и вполнѣ покровительствуетъ прогрессу ума, что онъ проповѣдуетъ самые возвышенные нравственные принципы, что въ немъ нѣтъ и тѣни фанатизма, что онъ братски относится ко всѣмъ иновѣрцамъ, а тѣмъ болѣе—къ христіанамъ и пр. Для доказательства всѣхъ этихъ

[1]) Тамъ же, стр. 6.

положеній мусульмане пользуются всякими средствами безъ разбора. Зло, кричатъ они, заключается въ томъ, что въ настоящее время въ исламѣ царитъ религіозно-обрядовый духъ и все ушло въ схоластику. А потому, предлагаютъ они, ради нашего просвѣщенія и своего спасенія примитесь серьёзно за дѣло и дайте намъ «свѣта и знаній, знаній и свѣта», воскресите намъ бывшія «славныя арабскія медресе» со всѣми преподававшимися въ нихъ во времена аббасидовъ мусульманскими науками; позаботьтесь о созданіи у насъ науки, литературы, печати; свои же поползновенія обрусить насъ оставьте, какъ несбыточныя, потому что вы не умѣете это дѣлать, потому что школы ваши плохи, безсильны въ этомъ дѣлѣ, да и не могутъ служить съ успѣхомъ для подъема нашего нравственнаго духа, потому что обрусеніе ваше будетъ равносильно нашему развращенію, и наконецъ потому, что вы не умѣете управлять нами и ваше господство хуже китайскаго. Вы только создайте намъ школу, образованіе и науку, а мы уже потомъ сами пойдемъ дальше и станемъ во главѣ умственнаго развитія и цивилизаціи остальнаго мусульманства.—И всѣ эти крики не только не встрѣчаютъ сѣбѣ со стороны русскаго интеллигентнаго общества отпора, возраженія, но, что̀ всего хуже, находятъ даже себѣ сочувствіе въ немъ. Разсуждать объ этомъ важномъ вопросѣ, симпатизировать этому движенію среди мусульманъ берутся весьма часто даже такіе люди, которые никогда не были знакомы съ исламомъ вообще и знаютъ мусульманина только по наслышкѣ или по стольку, по скольку онъ одѣтъ въ халатъ и чалму. И всѣ эти разсужденія дѣлаются въ угоду дешеваго либерализма, основываются на такихъ либеральныхъ, но крайне туманныхъ началахъ, что-де всѣ религіи хороши, а мусульманство такъ нисколько не хуже христіанства. Трудно понять, что дѣлается съ нами, русскими. Мнѣ кажется, что мы готовы продать и себя и свое дѣло, лишь бы прослыть либералами. Трудно намъ приходится на западѣ отъ евреевъ, нѣмцевъ и поляковъ, на сѣверо-западѣ—отъ финляндцевъ, еще труднѣе придется намъ на востокѣ отъ мусульманъ

и множества другихъ инородцевъ, на которыхъ весьма ошибочно смотритъ бо́льшая часть русскаго общества, какъ на дѣтей природы. Всякій, кто хотя немного присматривался къ исламу, скажетъ, что онъ идетъ теперь довольно широкою полосою по земному шару. Онъ дѣлаетъ громадные успѣхи въ Индіи, Китаѣ, Африкѣ и на островахъ Малайскаго архипелага. И что особенно замѣчательно, онъ теперь, подъ вліяніемъ панисламической идеи, быстро объединяется въ одну религіозную общину, которая дѣлается очень чуткою ко всему тому, что̀ происходитъ въ разныхъ частяхъ ея. На этотъ фактъ мы должны обратить свое преимущественное вниманіе, потому что рано или поздно, а, можетъ быть, и довольно скоро, мы неизбѣжно, въ силу необходимости, столкнемся съ нимъ, будемъ считаться, бороться съ исламомъ. Будемъ тогда каяться, что напрасно мы предавались по отношенію къ исламу дешевому либерализму, а не слѣдовали твердой, разумной политикѣ; но, пожалуй, уже будетъ поздно.

Я старался, насколько возможно, подробно показать, въ чемъ заключается современное движеніе среди русскихъ мусульманъ. При сопоставленіи ихъ разсужденій, взглядовъ, стремленій и проектовъ съ моими, выраженными въ статьѣ, подъ заглавіемъ: «Какія начала должны быть положены въ основу образованія русскихъ инородцевъ-мусульманъ?» («Русь» 1884 г., № 17, стр. 24—41), весьма наглядно открываются пункты, въ которыхъ я расхожусь съ мусульманами. Позволю себѣ въ-короткѣ повторить то, что̀ мною было тогда высказано. Выходя изъ того положенія, что каждое государство, подчиняя себѣ чужой народъ, стремится къ тому, чтобы удержать его навсегда въ своемъ подданствѣ, я говорилъ, что главная цѣль, къ которой мы должны стремиться по отношенію къ нашимъ инородцамъ, есть чисто государственная; это—единеніе. Единеніе можетъ быть нравственное и единеніе можетъ быть кровное, такъ сказать химическое. То и другое даютъ начало двумъ совершенно различнымъ системамъ. Система нравственнаго единенія, основанная

на принципахъ національной индивидуальности, свободы и самоуправленія, можетъ быть практикуема только тамъ, гдѣ въ составъ государства входятъ различные, но почти одинаково культурные народы. По отношенію же къ нашимъ инородцамъ, находящимся или на низкой степени развитія, или даже въ состояніи дикости, должна быть принята другая система, стремящаяся къ сліянію одного народа съ другимъ, система ассимиляціонная, система обрусенія. Въ частности, по отношенію къ нашимъ мусульманамъ не можетъ быть практикуема первая система и потому, что исламъ проникнутъ духомъ религіозной исключительности, религіознаго фанатизма, доказательства чего находятся въ Коранѣ, шаріатѣ и исторіи этой религіи. Итакъ первый, главный принципъ, который долженъ быть положенъ въ основу образованія нашихъ мусульманъ, есть обрусеніе ихъ. Для достиженія этой цѣли мы должны строго сообразоваться съ духомъ и характеромъ каждаго инородческаго племени и сдѣлать строгій выборъ между практикуемыми въ настоящее время въ нашемъ отечествѣ частными системами образованія инородцевъ. Этихъ системъ четыре:

1) Наше духовенство вообще и наши миссіонеры въ особенности настаиваютъ на томъ, что процессъ обрусенія инородцевъ долженъ начаться прямо съ религіи.

2) Другіе наши дѣятели, какъ наприм. нѣкоторые свѣтскіе педагоги, заботятся объ обрусеніи инородцевъ только въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, игнорируя религіозную сторону дѣла, и могучимъ рычагомъ этого процесса считаютъ русскую школу, а въ ней—русскій языкъ.

3) Иные наши педагоги, а между ними особенно—иностранцы, для которыхъ русскій языкъ и русская культура совершенно чужды, ведутъ дѣло просвѣщенія инородцевъ на почвѣ космополитизма.

и 4) Наши образованные мусульмане предлагаютъ вести это дѣло на почвѣ строгаго мухаммеданства, что отчасти давно уже принято на нѣкоторыхъ нашихъ окраинахъ.

Изъ этихъ системъ только первыя двѣ стремятся къ обрусенію инородцевъ; послѣдняя же стремится къ исламу, а третья не имѣетъ никакой опредѣленной цѣли, потому что космополитизмъ не есть что-нибудь опредѣленное, положительное, а скорѣе нѣчто отрицательное: космополиты—самые ненадежные подданные въ каждомъ государствѣ. Не менѣе, если даже не болѣе, нежелательна для насъ и та система, которая пытается установить это дѣло на почвѣ ислама. Проектъ г. Гаспринскаго и его послѣдователей г. Мурзы-Алима и г. Семенова воскресить «славныя арабскія медресе» нежелателенъ и не выдерживаетъ критики; въ доказательство этого я выставилъ семь положеній.

Система, которой держится наше духовенство, система миссіонерская, имѣетъ мѣсто только тамъ, гдѣ предметомъ просвѣщенія служатъ инородцы со слабо развитою религіею; въ примѣненіи ко многимъ нашимъ мусульманамъ она не вполнѣ пока пригодна, потому что раздражаетъ народныя страсти и обостряетъ религіозный фанатизмъ; разительныя докательства этого мы находимъ въ Казанскомъ краѣ, гдѣ особенно развился и усилился мусульманскій фанатизмъ, вслѣдствіе неумѣлаго веденія въ прежнее время дѣла христіанской проповѣди. Въ отношеніи большинства русскихъ мусульманъ можетъ быть болѣе пригодна пока, до наступленія благопріятныхъ условій, та система, которая, исключая религіозное начало, довольствуется умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ и смотритъ на русскій языкъ, какъ на главный рычагъ своей дѣятельности. Эта система не исключаетъ собою того главнаго принципа, который лежитъ въ системѣ нашихъ миссіонеровъ; она только отдаляетъ практическое осуществленіе его въ отношеніи русскихъ мусульманъ на нѣкоторое время въ область будущаго. Эта система образованія нашихъ русскихъ мусульманъ вполнѣ согласна съ установившеюся прочно въ Казанскомъ краѣ системою покойнаго Н. И. Ильминскаго, просвѣтительная дѣятельность котораго была всецѣло направлена на крещеныхъ казанскихъ инородцевъ и который въ своей брошюрѣ

«Система народнаго и въ частности инородческаго образованія въ Казанскомъ краѣ» (СПБ., 1886 г.) говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Я подъ миссіонерствомъ разумѣю не прямое обращеніе въ православіе и крещеніе инородцевъ, но постепенное и искреннее сообщеніе имъ христіанской нравственности и христіанскаго міровоззрѣнія». Въ приложенномъ къ Высочайше утвержденному положенію о Казанской учительской семинаріи мнѣніи Государственнаго Совѣта высказано, что, хотя желательно и важно для государства давать образованіе всѣмъ инородцамъ—христіанамъ и иновѣрцамъ, но въ этомъ случаѣ нужно поступать съ крайней осторожностью и постепенностью, и въ доказательство сего приводятся случаи возмущенія татаръ-магометанъ противъ русскаго образованія, и—затѣмъ сдѣлано общее категорическое заключеніе относительно всѣхъ инородцевъ—принимать въ семинарію только дѣтей крещеныхъ инородцевъ.—Итакъ второй главный принципъ, который долженъ быть положенъ въ основу образованія нашихъ инородцевъ-мусульманъ, состоитъ въ игнорированіи ислама и въ уклоненіи отъ прозелитизма, говоря короче—въ игнорированіи пока религіозной стороны вообще нашихъ мусульманъ.

Отсюда ясно видно, что между мною и указанными мусульманами съ гг. Семеновымъ и Ядринцевымъ лежитъ такая бездна, что о соглашеніи пока нельзя и думать. А потому я не столько въ видахъ убѣжденія моихъ противниковъ, сколько въ видахъ ознакомленія русской образованной публики съ сущностью и нѣкоторыми подробностями «инородческаго вопроса», задумалъ снова пересмотрѣть тѣ положенія, которыя были уже высказаны мною раньше, въ 1884 г. По мѣрѣ служебнаго досуга я буду выступать въ печати съ разными отдѣльными статьями, которыя будутъ стремиться къ выясненію одного главнаго предмета—положенія русскихъ инородцевъ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Критика отрицательныхъ началъ ислама, мѣшающихъ сближенію мусульманъ съ другими народами.

Въ предыдущей своей статьѣ я старался подробно выяснить, въ чемъ заключается сущность современнаго движенія среди русскихъ мусульманъ, охватившаго и нѣкоторую часть нашего русскаго интеллигентнаго общества, а также—и доказать необходимость пересмотра началъ нашей внутренней политики по отношенію къ инородцамъ. Но здѣсь, на этомъ пунктѣ, мы сталкиваемся съ готовымъ уже проектомъ этой политики, предложеннымъ нашими мусульманами, поддержаннымъ и даже проведеннымъ дальше въ нашей печати нѣкоторыми изъ русскихъ. Въ данномъ случаѣ я разумѣю тѣ мнѣнія и стремленія гг. Гаспринскаго, Искандеръ-Мурзы, Мурзы-Алима, Девлетъ-Кильдѣева и другихъ мусульманъ, Ядринцева и Семенова, которыя подробно мною изложены и выяснены въ первой статьѣ: «Современное движеніе среди русскихъ мусульманъ» [1]). Эти гг. прожектеры, желая не только удержать за нашими инородцами всѣ тѣ привилегіи, которыми они пользуются въ настоящее время, но и добиться еще бо́льшихъ, требуютъ, чтобы русское пра-

[1]) См. также мою статью: «Какія начала должны быть положены въ основу образованія русскихъ инородцевъ-мусульманъ?» («Русь», 1884 г., № 17).

вительство и русское общество позаботились объ образованіи просвѣщенія инородцевъ въ духѣ ихъ племенной и религіозной обособленности; такъ напримѣръ, они требуютъ, чтобы въ основу образованія нашихъ мусульманъ были положены начала ислама и татарскій языкъ. Для мусульманъ, говорятъ они, мы должны «воскресить на русской почвѣ славныя арабскія медресе, давшія въ свое время столько знаменитыхъ тружениковъ науки и мысли». Тогда русское мусульманство станетъ «во главѣ умственнаго развитія и цивилизаціи остальнаго человѣчества». Русскіе защитники этого проекта пошли, какъ мнѣ кажется, еще дальше въ этихъ требованіяхъ для мусульманъ. Такъ, г. Семеновъ уже рѣшительно настаиваетъ на осуществленіи его во всей его цѣлости, а г. Ядринцевъ требуетъ признанія полнаго права гражданства за инородческими языками и религіями въ нашихъ школахъ.

Главное основаніе проекта моихъ противниковъ заключается въ «высотѣ мусульманскаго ученія» [1]). Исламъ, по мнѣнію этихъ лицъ, «самая чистая религія». «Религіозныя понятія, изложенныя въ Коранѣ, прекрасны, лучшаго желать нельзя». Исламъ чуждъ фанатизма. «Нигдѣ въ Коранѣ, говорятъ они, нельзя найти повелѣнія пророка угнетать или уничтожать христіанъ и евреевъ, какъ это принято думать, а потому несправедливо приписывать Мухаммеду фанатизмъ и неразумныя дѣйствія его послѣдователей». Только незнакомые съ его ученіемъ могутъ распространять такую ложь. Напротивъ Мухаммедъ вездѣ и всегда предписывалъ милосердіе даже ко врагамъ (Девлетъ-Кильдѣевъ). «Можемъ увѣрить автора, говоритъ Искандеръ-Мурза по моему адресу, что между истинно просвѣщенными мусульманами не только Россіи, но и всего земнаго шара, онъ не найдетъ религіознаго фанатизма». «Очевидно, что г. Миропіевъ смѣшиваетъ политическую исторію мусульманскихъ народовъ съ религіознымъ уче-

[1]) Впрочемъ, я не знаю, можно ли причислить сюда г. Ядринцева; но г. Семеновъ положительно плѣняется высотой не только мусульманскаго ученія, но и арабской грамматики.

ніемъ ислама, забывая при этомъ, что исторія христіанскихъ народовъ въ свою очередь представляетъ не мало примѣровъ невѣжественнаго фанатизма». «Человѣческія заблужденія одинаково присущи какъ священнымъ книгамъ евреевъ и христіанъ, такъ и мусульманъ». Далѣе, говорятъ они, исламъ не только совершенно чуждъ фанатизма, но даже въ высшей степени способствуетъ прогрессу и цивилизаціи. «Исламъ и наука, завѣряетъ Атаулъ Баязитовъ, какъ близнецы, вездѣ неразлучны, являются вмѣстѣ; куда проникъ исламъ, туда проникаетъ и наука».

Разсмотрѣніе всѣхъ этихъ и другихъ положеній, легшихъ въ основу указаннаго проекта образованія нашихъ инородцевъ изъ мусульманъ, и составитъ предметъ настоящей моей статьи. Но прежде всего я считаю нужнымъ сдѣлать здѣсь слѣдующую оговорку. Во избѣжаніе излишнихъ словопреній на будущее время со своими противниками, я долженъ установить точку зрѣнія, съ какой дальше буду разсматривать ученіе ислама. Я отлично зналъ и знаю, что нельзя смѣшивать политическую исторію какихъ-либо народовъ, а въ частности и мусульманскихъ, съ религіознымъ ученіемъ ихъ. Это азбучная истина. Никогда я также не забывалъ и того, что исторія христіанскихъ народовъ въ свою очередь представляетъ не мало примѣровъ невѣжественнаго фанатизма. Говоря о фанатизмѣ и фатализмѣ ислама и вообще излагая его ученіе, я выставлялъ и буду выставлять на видъ не вульгарный взглядъ мусульманской народной массы, а подлинное ученіе ислама и въ частности Корана, и не какой-либо метафорическій языкъ послѣдняго, а прямыя, положительныя, категорическія выраженія его. Это ученіе Корана должно быть сравниваемо въ христіанствѣ не съ чѣмъ-либо инымъ, какъ только съ ученіемъ Евангелія. Этого никогда не должны забывать мои оппоненты, если они желаютъ не затемнять дѣла, а придти къ истинѣ. Если я въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи и буду по мѣстамъ касаться мусульманскаго преданія и шаріата, исторіи мусульманскихъ народовъ и современнаго ихъ быта, то только тамъ, гдѣ то или другое будетъ стоять

въ самой тѣсной связи съ ученіемъ Корана. Такимъ образомъ прежде всего, на самомъ первомъ планѣ, должно стоять ученіе ислама по его первоисточнику, т.-е. по Корану. Я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ одного мусульманина, который совершенно напрасно говоритъ на мой счетъ, что «несправедливо и крайне ненаучно смѣшивать ученіе Мухаммеда съ нѣкоторыми внѣшними проявленіями со стороны его послѣдователей позднѣйшихъ временъ». Такого смѣшенія я никогда не допускалъ и здѣсь не допущу. Итакъ попробуемъ выдѣлить чистое ученіе ислама, ученіе Мухаммеда, отъ позднѣйшихъ его наслоеній, и такимъ образомъ отнестись къ нему справедливо. Но при этомъ я прошу и своихъ оппонентовъ, если когда-нибудь имъ придетъ охота опровергать меня, держаться того же метода и свои доказательства не оставлять голословными, а тѣмъ болѣе не выдавать своихъ собственныхъ, личныхъ умозрѣній за ученіе ислама, какъ это они часто любятъ дѣлать. Въ данномъ случаѣ, по отношенію къ религіи, важны какъ для насъ, такъ и для всѣхъ интересующихся нашимъ вопросомъ, не личные наши взгляды, а ученія христіанской и мусульманской религіи.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію ученія Корана и разбору его отрицательныхъ началъ, мѣшающихъ сближенію мусульманъ съ другими народами, я считаю нужнымъ сообщить краткія біографическія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности основателя ислама. Такъ какъ многіе пункты ученія Мухаммеда стоятъ въ тѣсной связи съ его жизнью, то знакомство съ біографіей его значительно облегчитъ намъ пониманіе Корана. Я тѣмъ съ большей охотой остановлюсь на этомъ предметѣ, что наше русское общество имѣетъ крайне смутныя представленія объ исламѣ и его основателѣ.

Въ Аравіи, предъ появленіемъ Мухаммеда, господствовало сильное религіозное броженіе. Кромѣ туземной языческой религіи, здѣсь было много пришлыхъ религій. Доисламическіе арабы поклонялись солнцу, лунѣ, звѣздамъ,

деревьямъ, камнямъ и пр.; но сквозь этотъ грубый политеизмъ ясно свѣтилась идея о Единомъ Верховномъ Богѣ, Аллахѣ-Тааля. Развитію этого монотеизма особенно способствовали двѣ причины: родство арабовъ съ другимъ семитическимъ народомъ — евреями, у которыхъ особенно была развита монотеистическая идея, и пустынный характеръ ихъ отечества. Къ своему Аллаху-Тааля арабъ обращался часто со слѣдующею молитвою, въ которой весьма ясно выражена монотеистическая идея: «Боже, я готовъ на служеніе Тебѣ, готовъ на служеніе Тебѣ; нѣтъ у Тебя товарища, надъ которымъ Ты царствуешь и котораго Ты царь» [1]). Съ теченіемъ времени этотъ монотеизмъ былъ значительно затемненъ политеизмомъ; у арабовъ явились низшія, второстепенныя божества, изъ которыхъ особенно замѣчательны: солнце, луна и звѣзды, которыя въ свою очередь дробились на другія болѣе мелкія божества. Разъ вступивъ на скользкій путь политеизма, арабы пошли по нему, какъ по наклонной плоскости. Они стали поклоняться деревьямъ (пальма въ Наджранѣ и Аль-Узза—родъ акаціи), камнямъ, особенно—аэролитамъ, изъ которыхъ самымъ замѣчательнымъ былъ черный камень (хаджаръ-асвадъ) въ мекканскомъ храмѣ—Каабѣ [2]), а также Аллата и Мената. Не чужды были арабы и культа предковъ; сюда, между прочимъ, относятся слѣдующіе идолы божествъ: Совагъ Ваддъ, Исафъ, Найла и Гобалъ, а также, какъ это ни странно, въ Каабѣ находились изображенія Авраама и Дѣвы Маріи съ Младенцемъ. Вѣрили арабы и въ разныхъ духовъ, изъ которыхъ наиболѣе заслуживаютъ вниманія джинны, нашедшіе себѣ также мѣсто и въ исламѣ. Изъ языческихъ храмовъ самымъ важнымъ была мекканская Кааба, которая служила пантеономъ для всей Аравіи. Храмъ этотъ, очищенный отъ идоловъ, цѣликомъ при-

[1]) Шахрастани у Машанова: «Очеркъ быта арабовъ въ эпоху Мухаммеда», Казань, 1885 г., стр. 244. Молитва эта, замѣчу кстати, перешла почти цѣликомъ въ исламъ, гдѣ она называется «тальбійятъ».

[2]) Этотъ камень не только не потерялъ своего значенія въ исламѣ, но, напротивъ, еще много выигралъ.

нятъ и даже еще болѣе возвышенъ исламомъ. Изъ религіозныхъ обрядовъ того времени наиболѣе замѣчательны: принесеніе животныхъ въ жертву, обрѣзаніе дѣтей, омовеніе и очищеніе тѣла, путешествіе въ Мекку на поклоненіе Каабѣ. Всѣ эти обряды также приняты исламомъ. Но эта изложенная въ самыхъ общихъ чертахъ языческая религія до-исламическихъ временъ не была одною общею, цѣлою религіею для всѣхъ арабскихъ племенъ. Аравія какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніяхъ была сильно раздроблена. Единства не было здѣсь. Не только каждое племя, но каждое колѣно, даже чуть не каждый родъ признавалъ своихъ боговъ, держался своихъ обрядовъ и имѣлъ, такъ сказать, свою религію. Аравія была страною свободы; здѣсь всякій чтилъ того бога, исповѣдывалъ ту религію, какого и какую хотѣлъ, переходя отъ одного вѣроисповѣданія и отъ одного идола къ другому вѣроисповѣданію и къ другому идолу, смотря по тому, какъ кому заблагоразсудится. Придерживаясь отчасти своихъ старыхъ національныхъ божествъ и не чуждаясь чужихъ идоловъ, а въ то же время и не чувствуя особаго уваженія какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ, древній арабъ, конечно, не отличался особой религіозностью. Онъ en masse скорѣе былъ индифферентнымъ, чѣмъ религіознымъ. Арабы временъ до Мухаммеда не только никогда не были фанатичны въ дѣлахъ вѣры, но всегда отличались вѣротерпимостью, граничащей съ религіознымъ индифферентизмомъ. Пользуясь этимъ, хитрые и разсчетливые мекканцы, желая привлечь къ себѣ побольше покупателей, старались поставить въ своемъ храмѣ какъ можно больше чужихъ идоловъ, чтобы каждый арабъ считалъ Каабу своею святыней и почаще стремился въ Мекку—этотъ общій для всѣхъ священный городъ.

Такимъ образомъ Аравія была страною свободы не только въ политическо-гражданскомъ, но и въ религіозномъ отношеніяхъ. Вотъ почему, между прочимъ, въ этой странѣ свободы, гдѣ къ тому же было легко и укрыться отъ преслѣдованій, находили себѣ пріютъ испо-

вѣдники другихъ сосѣднихъ религій, гонимые въ своемъ отечествѣ. Здѣсь много было сабеевъ, которые распространились изъ Вавилона, маговъ изъ Персіи, особенно евреевъ, которые съ самыхъ отдаленныхъ временъ начали переселяться сюда въ громадномъ количествѣ въ свои трудныя годины, и христіанъ разныхъ ересей и сектъ, гонимыхъ въ древней Византіи и Римѣ.

Между послѣдователями всѣхъ этихъ религій шли нескончаемые споры о религіозныхъ предметахъ; шла постоянная и неутомимая борьба, которая увлекала и арабовъ. Послѣдніе часто переходили отъ одного исповѣданія къ другому, иногда по нѣскольку разъ. Благоразумные же изъ нихъ, люди дѣйствительно религіозные, съ недоумѣніемъ смотрѣли на все происходившее, не зная, куда пристать, гдѣ найти истину. Словомъ, въ Аравіи происходило религіозное броженіе, революція религіозная, если можно такъ выразиться. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все болѣе и болѣе увеличивались элементы броженія. Понятно, что это броженіе было всего сильнѣе тамъ, гдѣ былъ центръ Аравіи, гдѣ былъ центръ народной жизни, т.-е. въ Хиджасѣ и въ частности въ Меккѣ. Особенно же усилилось это религіозное броженіе съ появленіемъ въ Аравіи особой секты мѣстнаго происхожденія—ханифитовъ [1]). Наиболѣе религіозные, лучшіе люди изъ арабовъ въ своемъ стремленіи къ отысканію истины никакъ не могли, съ одной стороны, примириться со своимъ роднымъ арабскимъ грубымъ политеизмомъ, а также съ мелочнымъ и узко-національнымъ іудаизмомъ, но съ другой—страшились и таинственности христіанства, которое къ тому же дробилось въ Аравіи на разныя, другъ другу враждебныя секты; а потому сочли за лучшее выбрать изъ всѣхъ этихъ религій то, что было у нихъ болѣе или менѣе общаго. Вѣра въ единаго Бога, Его откровеніе чрезъ пророковъ, изъ которыхъ Ибрагимъ (Авраамъ) занимаетъ самое первое мѣсто по своей важ-

[1]) Честь открытія этой секты принадлежитъ французу Коссенъ де-Персевалю, а изслѣдованіе ея—нѣмцу Шпренгеру.

ности, ожиданіе новаго пророка, вѣра въ загробную жизнь и въ воздаяніе за гробомъ, а также ученіе о покорности и преданности Богу, что̀, будто бы, еще тогда же называлось «исламомъ», и о воздержаніи отъ чувственныхъ злоупотребленій,—вотъ и вся почти сущность ученія ханифовъ. Эти религіозные либералы принадлежали къ самой лучшей части арабскаго общества. Будучи довольно значительны по своей численности и сильны по своему умственному и нравственному превосходству, они открыто, рѣзко и при томъ публично возставали противъ грубаго отечественнаго идолопоклонства; но въ то же время, будучи людьми честныхъ убѣжденій, ничего не могли дать новаго людямъ, ищущимъ религіозную истину, такъ какъ они сами только еще ждали новаго откровенія, которое возстановило бы забытую вѣру праотца Авраама. Они только разрушали старое, не созидая новаго. Они были предтечами, приготовляющими путь новому ожидаемому пророку. Здѣсь замѣчу кстати, что существуетъ темное преданіе, будто бы и самъ Мухаммедъ, до своего выступленія въ роли пророка, былъ ханифомъ.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ бродившихъ религіозныхъ идей, лучшіе изъ арабовъ настойчиво и съ большими душевными мученіями отыскивали религіозную истину. До насъ дошли извѣстія о томъ, что въ разсматриваемую эпоху четыре человѣка отказались отъ язычества. Это были: Варака ибнъ-Науфалъ, который былъ знако́мъ съ іудаизмомъ и христіанствомъ и ожидалъ пришествія пророка изъ арабовъ; Османъ бенъ-Ховайритъ, двоюродный братъ Вараки, который, говорятъ, принялъ христіанство; Абдулла изъ фамиліи Корейшитовъ, долго, но безуспѣшно искавшій религіозную истину, впослѣдствіи принявшій исламъ Мухаммеда, но подъ конецъ перешедшій въ христіанство; Зейдъ бенъ-Амръ, двоюродный братъ Омара, бывшаго впослѣдствіи халифомъ, человѣкъ сильнаго сердца, который не могъ примириться ни съ іудаизмомъ, ни съ христіанствомъ; въ порывѣ отысканія религіозной истины онъ, говорятъ, прислонившись спи-

ной къ Каабѣ, часто восклицалъ: «Боже! Если бы я зналъ, какъ Тебѣ служить и молиться, я бы былъ послушнымъ Твоей волѣ; но я не знаю». Въ поискахъ за истинной вѣрой, которая, по его убѣжденію, должна быть вѣрой Авраама, онъ отправился въ Месопотамію и Сирію, разспрашивая о ней евреевъ и христіанъ. По возвращеніи домой онъ былъ убитъ. Если преданіе сохранило намъ имена этихъ четырехъ искателей истинной религіи, то ихъ, конечно, было среди арабовъ въ то время гораздо больше.

Такимъ образомъ религіозное броженіе приняло въ Аравіи въ концѣ VI-го вѣка по Р. Хр. такую острую форму и такое направленіе, что все указывало (особенно подъ вліяніемъ еврейскихъ мечтаній о Мессіи) на то, что въ скоромъ будущемъ долженъ явиться какой-либо религіозный реформаторъ, который умирилъ бы всѣхъ враждующихъ,—что, замѣчу кстати, возможно было только при помощи синкретизма,—такой реформаторъ, который прекратилъ бы это мучительное для многихъ арабовъ шатаніе изъ стороны въ сторону въ области религіи, который бы направилъ людей на путь истинный. Почва для религіознаго реформатора была въ это время вполнѣ подготовлена въ Аравіи. Такимъ-то реформаторомъ и явился Мухаммедъ, основатель ислама. Поэтому совершенно ненаучно утверждаетъ пасторъ Гаури, говоря: «такимъ образомъ немногое или совсѣмъ даже ничто не намекало на какое-либо преобразованіе положенія дѣлъ въ Аравіи, когда въ апрѣлѣ 571 года родился въ Меккѣ человѣкъ, призванный (или непризванный?) къ тому, чтобы дать законъ милліонамъ людей» [1])... Неосновательно также утверждаетъ и ахундъ Баязитовъ, когда говоритъ: «и вотъ въ этой странѣ . . . . является человѣкъ съ религіознымъ вдохновеніемъ, и все измѣняется» [2]).— Слѣдовательно, никакъ нельзя смотрѣть на Мухаммеда,

---

[1]) І. Гаури: «Исламъ въ его вліяніи на жизнь его послѣдователей», перев. П. И. Хомутова, Ташкентъ, 1893 года, стр. 21.

[2]) «Исламъ и прогрессъ». СПБ., 1898 г., стр. 22.

какъ на шарлатана, какъ это иногда бываетъ у насъ. Мухаммедъ не былъ имъ; онъ былъ естественнымъ продуктомъ всей предшествовавшей жизни арабовъ; онъ въ началѣ своей дѣятельности былъ глубоко и искренно убѣжденъ въ своемъ пророческомъ достоинствѣ, посланничествѣ. Скажу даже болѣе: Мухаммедъ, если бы и хотѣлъ, не могъ отказаться отъ той роли, какая выпала на его долю, потому что видѣнія не дали бы ему покоя.

Арабскій религіозный реформаторъ Мухаммедъ родился въ 571 году по Р. Хр. Отецъ его былъ Абдалла, сынъ Абду-ль-Муталлиба, внукъ Хашима, изъ знаменитой мекканской фамиліи Корейшитовъ, а мать—Амина. Рано лишившись отца, а потомъ чрезъ нѣсколько времени и матери, онъ былъ отданъ на попеченіе своему дѣду, а по смерти его—дядѣ Абу-Талибу. Послѣдній былъ очень добръ, но весьма бѣденъ; поэтому мальчикъ Мухаммедъ принужденъ былъ наняться пастухомъ барановъ. Мухаммедъ рано началъ интересоваться религіозными вопросами. Обладая проницательнымъ умомъ, хорошей памятью, богатой фантазіей и живя въ Меккѣ, религіозномъ и политическомъ центрѣ всей Аравіи, куда ежегодно со всѣхъ сторонъ стекалось громадное число торговцевъ на ярмарку и богомольцевъ для совершенія обрядовъ хаджа, Мухаммедъ имѣлъ полную возможность удовлетворить своей любознательности. Люди самыхъ разнообразныхъ религіозныхъ воззрѣній, конечно, охотно вступали въ бесѣду съ этимъ любознательнымъ юношей, племянникомъ такихъ значительныхъ лицъ, какими были его дяди Абу-Талибъ и Аббасъ, занимавшіе важныя должности въ Меккѣ. Разсказы о далекихъ странахъ еще болѣе разжигали любопытство юнаго и впечатлительнаго араба, которое вскорѣ удалось ему удовлетворить, когда онъ по торговымъ дѣламъ своего дяди, а потомъ въ качествѣ прикащика одной богатой вдовы Хадиджи, сталъ предпринимать путешествія въ далекую Сирію, богатый Еменъ и другія страны. Путешествія эти сильно развили впечатлительный и любознательный умъ Мухаммеда и расширили его знакомство съ евреями и христіанами и испо-

вѣдуемыми ими религіями. Существуетъ темное преданіе, что во время одного изъ такихъ путешествій въ Сирію Мухаммедъ встрѣтился съ однимъ христіанскимъ монахомъ, Багирой, который много и долго бесѣдовалъ съ нимъ о религіозныхъ истинахъ и который, будто бы, умолялъ спутниковъ Мухаммеда охранять его отъ евреевъ.

Здѣсь, кажется, будетъ кстати нарисовать, на основаніи мусульманскихъ извѣстій, портретъ этого замѣчательнаго араба. Это былъ красавецъ мужчина, крупнаго тѣлосложенія. Онъ имѣлъ величественный видъ и осанку, окладистую черную бороду, прекрасные, ярко-блестящіе черные глаза, отѣненные длинными черными рѣсницами, пріятную улыбку, красивое лицо, на которомъ отражалось всякое движеніе души; все это дышало свѣжестью, прелестью; все это горѣло южной страстью. Присоедините къ этому еще прекрасный звучный голосъ, его изящныя манеры и жестикуляцію, его любезность и почтительность, и вы поймете ту сердечную тоску, какую испытывала 40-лѣтняя вдова хозяйка по своемъ молодомъ прикащикѣ, пока наконецъ она не послѣдовала внушеніямъ своего истомленнаго сердца и не отдала его вмѣстѣ со своею рукою Мухаммеду. Сверхъ этого Мухаммедъ въ избыткѣ былъ одаренъ и духовными способностями. Онъ обладалъ громаднымъ здравымъ умомъ, способнымъ не только воспринимать чуждое, но и созидать вновь свое собственное, способнымъ быть творцомъ величественнаго и грандіознаго; онъ обладалъ обширною памятью, пылкимъ воображеніемъ, богатой фантазіей и способностью къ поэзіи. Къ тому же онъ былъ мечтательнаго и крайне нервнаго темперамента; онъ любилъ одиночество, но боялся темноты. Любимыми темами для его размышленій были религіозные вопросы. Словомъ, это былъ мудрецъ своего времени и у своего народа. А если примете во вниманіе, съ одной стороны, то, что Мухаммедъ не только не получилъ образованія, но былъ безграмотнымъ, а съ другой—и то, что̀ съумѣлъ и успѣлъ въ своей жизни сдѣлать Мухаммедъ, то̀ его вліяніе на многочисленную

часть человѣчества, какое неотразимо и до сихъ поръ, то вы, безъ сомнѣнія, должны признать его геніемъ, потому что только геній съ такими скудными средствами можетъ создать что-либо грандіозное. Наконецъ, къ довершенію всего Мухаммедъ, говорятъ, имѣлъ добрую, сострадательную душу; онъ былъ такъ благороденъ, что, по свидѣтельству одного біографа (Абульфеды), современники называли его «аль-аминъ» (вѣрный).

Итакъ, 25-лѣтній красавецъ Мухаммедъ плѣнилъ 40-лѣтнюю вдову Хадиджу, которая, какъ женщина весьма ловкая, женила его на себѣ. Подпоила она своего отца старика и выманила у него согласіе на свой бракъ. Этотъ бракъ вполнѣ обезпечилъ Мухаммеда съ матеріальной стороны, окружилъ его довольствомъ, доставилъ ему ласки опытной вдовы и даже семейное счастіе и наконецъ, что̀ всего важнѣе, далъ ему возможность оставить свои торговыя дѣла и чаще предаваться религіознымъ размышленіямъ. Въ этомъ направленіи поддерживалъ его двоюродный братъ его жены, Варака ибнъ-Науфалъ, человѣкъ пылкаго, впечатлительнаго характера, довольно любознательный, изучавшій, какъ мы видѣли, іудейство и христіанство, переведшій нѣкоторыя части Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣтовъ на арабскій языкъ. Задумываясь надъ религіозно-нравственнымъ состояніемъ своего отечества, Мухаммедъ, особенно подъ вліяніемъ ханифовъ, ясно сознавалъ пустоту язычества, а также не удовлетворялся бреднями позднѣйшаго іудейства и не мирился съ таинственностью христіанства; поэтому онъ задумалъ произвести религіозную реформу. Послѣ долгихъ размышленій Мухаммедъ пришелъ къ убѣжденію, что истинная религія должна быть религія, открытая Самимъ Богомъ, религія перваго человѣка, которая главнымъ своимъ догматомъ имѣла единство Божіе. Эта религія, по убѣжденію Мухаммеда, была извращена идолопоклонствомъ и снова возстановлена въ своей чистотѣ «имамомъ человѣчества», Авраамомъ [1]), который не былъ ни іудей, ни христіанинъ

[1]) Коранъ, гл. 2, ст. 118.

и ни язычникъ, а былъ благочестивъ и преданъ волѣ Божіей [1]). Послѣ Авраама Богъ посылалъ и еще пророковъ, какъ наприм. Моисея, Іисуса и др. Каждый изъ нихъ возстановлялъ истинную вѣру на землѣ; но послѣдователи ихъ снова извращали ее. Міръ теперь, по представленію Мухаммеда, снова погрязъ въ идолопоклонствѣ и впалъ въ области религіи въ такія противорѣчія, изъ которыхъ трудно выбраться ему самому на истинную дорогу. Значитъ, снова настало время явиться на землѣ посланнику Божію, который долженъ умиротворить весь міръ и вести его по пути спасенія; пророкъ этотъ долженъ быть выше всѣхъ предыдущихъ. Кто же долженъ быть этимъ пророкомъ? Разъ такой вопросъ былъ заданъ, отвѣтъ на него Мухаммедъ могъ получить только одинъ. Чувство эгоизма, сознаніе своего собственнаго достоинства и окружающей пустоты, мрака и невѣжества были главными рѣшителями этого вопроса. Кто же?—Конечно, онъ—Мухаммедъ. Но вотъ является мучительный, безпокойный вопросъ: правда ли это? гдѣ доказательства для этого? Съ одной стороны, необходимо явиться въ міръ новому пророку, съ другой—сознаніе, внутренній, какой-то таинственный голосъ подсказываетъ, что этимъ пророкомъ долженъ быть «я—Мухаммедъ». Но гдѣ же доказательства? какъ убѣдить въ этомъ толпу народную? Вотъ мысль, которая стала мучить Мухаммеда, не давать ему покоя, которая скоро поглотила всѣ другія мысли въ его головѣ, которая одна носилась въ его умѣ. Эта мысль скоро превратилась у него въ idée fixe. А ужъ отсюда остался одинъ шагъ до видѣній, до галлюцинацій. Не забудьте при этомъ еще той болѣзни, которой былъ подверженъ Мухаммедъ съ самаго дѣтства,—его истеріи, при которой человѣкъ всегда бываетъ нервнымъ и восторженнымъ, наклоннымъ къ мечтательному, мистическому, чудесному, при которой образы фантазіи всегда бываютъ настолько живы и ярки, что принимаются за дѣйствительность, и при которой, такимъ образомъ, ложь создается быстро и при томъ

[1]) Коранъ, гл. 3, ст. 60.

часто безсознательно. Если къ этому прибавить еще, что Мухаммедъ въ этотъ періодъ времени сталъ постепенно удаляться отъ общества людей и искать себѣ уединенія въ пещерѣ на горѣ Хира (въ окрестностяхъ Мекки), гдѣ оставался по нѣскольку ночей сряду въ постѣ, молитвѣ и размышленіи, то вы легко поймете, въ какомъ лихорадочномъ возбужденіи находился его духъ, легко поймете, почему ему были видѣнія и откровенія. Вотъ что разсказываютъ мусульманскіе писатели о первомъ откровеніи и видѣніи его. Въ 611 году, въ мѣсяцъ Рамазанъ, Мухаммедъ удалился на гору Хира въ свою любимую пещеру. Однажды онъ, будучи въ состояніи дремоты, вдругъ былъ ослѣпленъ свѣтомъ и упалъ безъ чувствъ. Когда онъ очнулся, увидалъ предъ собою ангела Гавріила со свиткомъ въ рукѣ. «Читай!» говоритъ ему Гавріилъ.—«Какъ я буду читать?» спросилъ Мухаммедъ.—«Читай!» говоритъ ему снова ангелъ; при чемъ, говорятъ, духъ давилъ и душилъ его такъ, что Мухаммедъ едва не умеръ. «Читай, продолжалъ ангелъ, во имя Господа твоего, который сотворилъ человѣка изъ сгустившейся крови», и т. д. [1]). Такимъ образомъ съ Мухаммедомъ случился припадокъ, и онъ, съ нашей точки зрѣнія, сгаллюцинировалъ, если можно такъ выразиться. Пришедши домой въ сильномъ возбужденіи, Мухаммедъ разсказалъ о всемъ случившемся своей женѣ Хадиджѣ, и высказалъ опасеніе, не одержимъ ли онъ джинномъ. Хадиджа разсказала обо всемъ своему двоюродному брату, ханифу Варакѣ. Чувство любви этихъ двухъ людей заставило признать въ Мухаммедѣ посланника Божія. Мухаммедъ значительно успокоился. Трудно было дойти до перваго видѣнія; но послѣдующія были уже гораздо легче. Вскорѣ послѣ этого Мухаммедъ снова увидѣлъ ангела, который сообщилъ ему откровеніе. Мухаммедъ упалъ на землю. Очнувшись, онъ пришелъ къ Хадиджѣ и кричалъ, какъ-бы въ лихорадочномъ состояніи: «закутайте, закутайте меня!» Желаніе его было исполнено; но ангелъ продолжалъ и при этомъ говоритъ ему: «О, заку-

[1]) Коранъ, гл. 96, ст. 1—5.

тавшійся въ одежду! встань и поучай, Господа твоего величай, одежды свои очищай, мерзости убѣгай» и т. д. [1]). Теперь Мухаммедъ уже окончательно убѣдился въ своемъ божественномъ посланничествѣ. Такимъ образомъ почва въ душѣ Мухаммеда для дальнѣйшихъ откровеній была вполнѣ приготовлена. А потому съ этого времени видѣнія Мухаммеда дѣлаются все чаще и чаще. Вотъ почему я и говорю, что Мухаммеда нельзя назвать обманщикомъ. Онъ былъ глубоко убѣжденъ въ реальности своихъ видѣній и въ своемъ пророческомъ достоинствѣ и божественномъ посланничествѣ.

Я нарочно долго остановился на этомъ періодѣ жизни Мухаммеда, чтобы изложить свой взглядъ на этого замѣчательнаго религіознаго реформатора. Такимъ образомъ Мухаммедъ въ своихъ собственныхъ глазахъ былъ пророкомъ и посланникомъ Божіимъ; таковымъ же считали и считаютъ его и всѣ его послѣдователи—мусульмане и мухаммедане, которые для меня совершенно тожественны. Я же считаю его религіознымъ геніемъ, религіознымъ маніакомъ, невольнымъ пророкомъ, искренно убѣжденнымъ въ этомъ своемъ достоинствѣ въ началѣ своей дѣятельности, но впослѣдствіи сдѣлавшимся обманщикомъ, такъ какъ ни для кого не тайна, какъ я постараюсь доказать дальше, что онъ, когда вполнѣ освоился со своею ролью и даже вошелъ во вкусъ ея, часто злоупотреблялъ видѣніями и даже просто сочинялъ ихъ, чего не могутъ отрицать даже и защитники его. Но здѣсь мы совершенно неожиданно встрѣчаемся съ мнѣніями нѣкоторыхъ западно-европейскихъ и даже русскихъ ученыхъ, которые стараются видѣть въ Мухаммедѣ пророка и посланника Божія. Мнѣнія эти настолько оригинальны, что я позволю себѣ остановиться на нихъ. Такъ напримѣръ, крупный нѣмецкій историкъ ислама Мюллеръ, хотя и не одобряетъ Мухаммеда въ жизни и дѣятельности и многое порицаетъ въ его ученіи, но тѣмъ не менѣе считаетъ его пророкомъ. «Пророкомъ у израильтянъ, говоритъ онъ, считался чело-

[1]) Коранъ, гл. 74, ст. 1—5.

вѣкъ, глубоко охваченный религіозной идеей, находящійся въ исключительномъ служеніи ей. Единственной задачей своей жизни поставляетъ онъ слѣдить за всѣми развѣтвленіями въ мірѣ чувствъ этого основнаго понятія, а такъ какъ, съ другой стороны, считаетъ охватившую его идею за проявленіе божеской воли, которой одной и приписываетъ все переполняющее его абсолютное самосознаніе, то и то и другое постепенно сливаются во едино. Въ концѣ концовъ одушевляющую его идею принимаетъ онъ за божественную истину. Разсматривая слово (пророкъ) въ такомъ именно смыслѣ, трудно отказать Мухаммеду въ имени пророка». Не довольствуясь такимъ опредѣленіемъ понятія «пророкъ» и такимъ взглядомъ на Мухаммеда, Мюллеръ, исходя изъ того убѣжденія, что Мухаммедъ поступалъ искренно и честно, по крайней мѣрѣ въ періодъ пребыванія своего въ Меккѣ, и считалъ подавлявшую его силу идей за откровеніе, исходившее отъ Самого Бога, признаетъ его «истиннымъ пророкомъ» и затѣмъ утверждаетъ: «въ имени этомъ отказать Мухаммеду въ правѣ, конечно, каждый, кто полагаетъ себя посвященнымъ въ таинства божественнаго руководительства народами и вполнѣ убѣжденъ, что въ такой-то періодъ времени появленіе пророка невозможно». Само собою понятно, что выводъ отсюда, изъ этихъ словъ нѣмецкаго оріенталиста, только одинъ, что никто не въ правѣ отказать въ признаніи за Мухаммедомъ пророческаго достоинства, такъ какъ никто не посвященъ въ таинства божественнаго руководительства народами. «Повѣрьте, заключаетъ Мюллеръ эти свои разсужденія о Мухаммедѣ, не изъ легковѣрія и вовсе не съ цѣлью иронизировать слегка озаглавлена была эта глава—Мухаммедъ пророкъ». Но вслѣдъ за этимъ слѣдуютъ довольно странныя оговорки, изъ которыхъ слѣдующая заслуживаетъ особаго нашего вниманія: «Въ Мединѣ сознательная лживость и вѣроломство (Мухаммеда) становятся вскорѣ какъ-бы внутреннимъ убѣжденіемъ. Положимъ, это тоже наслѣдственныя черты, но въ соединеніи съ оффиціальнымъ благочестіемъ, вовсе не требовавшимъ лицемѣрія, стано-

вятся для насъ невыразимо противными. Въ его рукахъ съ тѣхъ поръ религія стала орудіемъ политики, и не одной только церковной. Вначалѣ можетъ быть слегка, затѣмъ на половину, а наконецъ совершенно сознательно пользуется пророкъ ложью для того, чтобы провести во что бы то ни стало истину» [1]). И въ другомъ мѣстѣ тотъ же Мюллеръ говоритъ слѣдующее: «Во всякомъ случаѣ, судя по нашимъ современнымъ понятіямъ, личность подобнаго рода (Мухаммедъ) въ концѣ концовъ все-таки отвратительна» [2]). Послѣ этого я совершенно отказываюсь понимать въ этомъ случаѣ Мюллера.—Нашъ философъ, покойный Вл. С. Соловьевъ, не будучи оріенталистомъ, никогда не занимавшійся спеціально изученіемъ ислама и написавъ свой этюдъ о Мухаммедѣ, его жизни и религіозномъ ученіи (СПБ., 1896) для «Біографической библіотеки» Павленкова, подъ вліяніемъ другихъ лицъ, высказываетъ слѣдующій свой оригинальный взглядъ на Мухаммеда по интересующему насъ вопросу: «Несправедливо ставить вопросъ, въ какой мѣрѣ онъ (Мухаммедъ) былъ истиннымъ и въ какой—ложнымъ пророкомъ, несправедливо уже потому, что онъ вовсе не выдавалъ себя за пророка въ общепринятомъ теперь смыслѣ этого слова. Названіе ресуль-аллахъ, которое обыкновенно дается Мухаммеду имъ самимъ и его послѣдователями, значитъ посланникъ Божій, т.-е. человѣкъ, получившій порученіе, миссію отъ Бога. Миссія эта состояла только въ томъ, чтобы проповѣдывать арабамъ единство и праведность Божію, различіе добра и зла и будущій судъ. Какъ Мухаммедъ вѣрно и успѣшно исполнялъ торговыя порученія, которыя ему давали сначала дядья, а потомъ Хадиджа, такъ же вѣрно и успѣшно исполнялъ онъ и то порученіе, которое онъ, по своему убѣжденію, получилъ отъ Бога (сравненіе, замѣчу я,—не изъ деликатныхъ). А на какую-нибудь высшую задачу, требующую чудесныхъ даровъ и полнаго нравственнаго совершенства, онъ не только не

[1]) А. Мюллеръ: «Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ». Перев. подъ ред. Мѣдникова, СПБ., 1895 г., т. I-й, стр. 62—65.

[2]) Тамъ же, стр. 192.

заявлялъ притязаній, но прямо и много разъ утверждалъ, что никакой подобной задачи не имѣетъ. Послѣ этого называть его обманщикомъ или лжепророкомъ есть верхъ несправедливости. Но имѣлъ ли Мухаммедъ дѣйствительно ту миссію, которую себѣ присвоивалъ? Если видѣть во всемірной исторіи дѣло случая, результатъ внѣшняго механическаго сцѣпленія мелкихъ фактовъ, тогда, конечно, Мухаммедъ не имѣлъ никакой миссіи, но единственно только потому, что съ этой точки зрѣнія вообще никто никакой миссіи имѣть не можетъ. Если же признавать въ исторіи внутренній смыслъ и цѣлесообразность, тогда безъ сомнѣнія такое огромное міровое дѣло, какъ созданіе ислама и основаніе мусульманской культуры, должно имѣть провиденціальное значеніе, и миссія Мухаммеда не можетъ быть отнята у него...Чтобы получить историческую миссію въ какомъ-нибудь дѣлѣ, необходимо прежде всего имѣть прирожденное дарованіе или особенную способность именно къ этому дѣлу. Хотя религія назначается для всѣхъ, но не чрезъ всякаго религіозныя идеи открываются и вводятся въ сознаніе и жизнь человѣчества. Для дѣятельной роли въ религіозной исторіи такъ же необходимо призваніе, вдохновеніе, геній, какъ и для того, чтобы совершить что-нибудь великое въ области науки, искусства, политики. У Мухаммеда несомнѣнно былъ спеціальный религіозный геній»... (стр. 14—16).

Оба эти взгляда на Мухаммеда, не смотря на ихъ нѣкоторое различіе, вполнѣ тожественны между собою какъ въ своей сущности, такъ и въ способахъ аргументаціи, а равно, наконецъ, и въ своихъ недостаткахъ, погрѣшностяхъ. Мюллеръ считаетъ Мухаммеда пророкомъ, а Соловьевъ—только посланникомъ, хотя нужно замѣтить, что ни тотъ, ни другой нигдѣ ясно не высказываютъ, что Мухаммедъ пророкъ или посланникъ именно Божій. Мюллеръ, давая своеобразное опредѣленіе понятія «пророкъ» и признавая Мухаммеда пророкомъ, даже истиннымъ пророкомъ, въ то же время нигдѣ ясно не говоритъ, что Мухаммедъ былъ пророкомъ отъ Бога, посланнымъ Богомъ; впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ онъ весьма уклон-

чиво и политично заявляетъ: «Само собой, что Богъ могъ сдѣлать Мухаммеда лишь Своимъ довѣреннымъ лицомъ, дабы сообщать волю Свою народу». Также и Соловьевъ, хотя и говоритъ, что Мухаммедъ самъ себя называлъ «ресуль-аллахъ», что значитъ «посланникъ Божій», и послѣдователи его называли тѣмъ же именемъ, и самъ считаетъ его посланникомъ, но также нигдѣ не называетъ его ясно «посланникомъ Божіимъ» и не утверждаетъ, что онъ посланъ былъ арабамъ Самимъ Богомъ. Отсюда очевидно, что ни у того, ни у другаго не хватило смѣлости утверждать, что Мухаммедъ былъ особый избранникъ Бога, спеціально посланный Имъ возвѣстить Свою волю арабамъ, что онъ боговдохновенное лицо, глашатай Бога, получившій отъ Него особую миссію къ арабскому народу. Мало того, Соловьевъ въ своихъ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ говоритъ не о миссіи, возложенной на Мухаммеда Богомъ, а объ исторической его миссіи. Принимая же во вниманіе, что все въ этомъ мірѣ, во всемірной исторіи, а въ томъ числѣ и историческая миссія Мухаммеда, имѣетъ провиденціальное значеніе, нужно заключить, что, по мнѣнію Соловьева, Мухаммедъ есть въ то же время посланникъ Божій. Къ такому заключенію невольно привело нашего философа Соловьева то историко-философское направленіе, которое называется провиденціализмомъ и которое онъ провелъ до крайнихъ его выводовъ въ отношеніи къ Мухаммеду. Но все-таки при этомъ весьма характерно то, что онъ воздержался отъ собственнаго яснаго признанія Мухаммеда посланникомъ Божіимъ. Такія недомолвки Мюллера и Соловьева, по моему мнѣнію, ясно указываютъ на непрочность главныхъ основаній, на которыхъ построены эти взгляды. Опредѣленіе содержанія понятія «пророкъ», данное Мюллеромъ, страдаетъ крайней неполнотой, а потому и эластичностью. По мнѣнію Мюллера, пророкомъ у израильтянъ считался, будто бы, всякій, кто былъ охваченъ религіозною идеей, кто находился въ исключительномъ служеніи ей и кто былъ твердо убѣжденъ, что эти идеи для него суть откровеніе Божіе. Такое опредѣленіе въ логикѣ считается неполнымъ, такъ

какъ здѣсь перечислены не всѣ существенные признаки содержанія понятія «пророкъ», а потому, слѣдовательно, и широкимъ. И въ самомъ дѣлѣ, такое опредѣленіе беретъ только одну изъ двухъ существенныхъ сторонъ въ понятіи «пророкъ Божій», который есть вмѣстѣ съ тѣмъ и посланникъ Божій, а именно—субъективныя ощущенія самого пророка; между тѣмъ какъ въ этомъ понятіи двѣ главныя стороны: пославшій пророка, т.-е. Богъ, и посланный, т.-е. самъ пророкъ. Пророками («наби» у евреевъ и у арабовъ, προφήτης у грековъ) назывались особые избранники Бога, которые получали спеціальную миссію отъ Самого Бога сообщать Его волю, Его откровеніе людямъ; это—провозвѣстники судебъ Божіихъ людямъ какъ въ отношеніи настоящаго, такъ и въ отношеніи будущаго; это—вдохновленныя Богомъ лица, глашатаи Божіи, обличающіе пороки людскіе и дающіе ясныя и вполнѣ опредѣленныя предсказанія такихъ будущихъ событій, которыя не имѣютъ очевидной причинной связи съ настоящими и которыя всегда исполняются; это—лица, которыя, по данной имъ отъ Бога силѣ, запечатлѣваютъ свою проповѣдническую дѣятельность чудесными дѣйствіями; это—лица, которыя руководствуются въ своей пророческой дѣятельности не своею волей, но произволеніемъ Бога, пославшаго ихъ въ народъ ради особыхъ высочайшихъ цѣлей—вѣчнаго спасенія людей. Отсюда пророки, или, лучше сказать пророчество есть само чудо, возможное только при необходимѣйшемъ условіи—волѣ Божіей. Вотъ тѣ существенные признаки содержанія понятія «пророкъ» съ одной стороны, со стороны Бога, которые всѣ опущены,—преднамѣренно или нѣтъ, рѣшать не берусь,—Мюллеромъ. Возьмемъ теперь другую существенную сторону разсматриваемаго нами понятія—личность самого пророка. Само собою понятно, что это были такія лица, которыя, подъ чудеснымъ воздѣйствіемъ Бога на ихъ духовную личность, были охвачены волею Божіей, Его вдохновеніемъ, сообщаемыми Имъ идеями, а потому всецѣло отдавали себя на служеніе Богу, на исполненіе Его воли, и которые всегда сознавали, что они проповѣдуютъ не свою, а Бо-

жію волю. Находясь подъ воздѣйствіемъ Бога, пророки получали особое озареніе ума и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ избранные Богомъ люди, очищались сердцемъ и такъ возвышались нравственно, что дѣлались не только апостолами, проповѣдниками, но и образцами нравственности. Вотъ какими существенными признаками характеризуется библейскій пророкъ. Какъ далеко отъ этого представленія опредѣленіе Мюллера, не считаю нужнымъ подробно выяснять; а согласуется ли съ моимъ опредѣленіемъ пророка жизнь, дѣятельность и ученіе Мухаммеда,—покажетъ дальнѣйшее изложеніе. Теперь является вопросъ, какъ примирить съ понятіемъ «истиннаго пророка», какимъ считаетъ Мухаммеда Мюллеръ, утвержденіе послѣдняго, что въ Мединѣ сознательная лживость и вѣроломство Мухаммеда, эти «невыразимо противныя черты», становятся какъ-бы внутреннимъ убѣжденіемъ его, что личность Мухаммеда во всякомъ случаѣ отвратительна, какъ говоритъ Мюллеръ; все это рѣшать не берусь. Опредѣленіе Мюллеромъ понятія «пророкъ»,—повторю опять,—ужъ очень широко, а потому и эластично; оно—очень либерально и носитъ на себѣ характеръ крайняго протестантизма. Если принять его опредѣленіе, то нужно признать почти всякаго основателя новой религіи и новой религіозной секты пророкомъ; нужно признать пророками не только Конфуція, Будду, но и всѣхъ нашихъ старообрядческихъ Аввакумовъ, сектантскихъ Сильвановъ и другихъ разныхъ сумасбродныхъ религіозныхъ агитаторовъ, потому что почти каждый изъ нихъ, слѣдуя опредѣленію Мюллера, былъ охваченъ религіозною идеей, служилъ ей и считалъ ее за откровеніе Божіе. Выводъ изъ всего этого можетъ быть только одинъ, выводъ не только странный, но и страшный, что нѣтъ никакого различія между истинными пророками Божіими и ложными, а также—между истинною религіей и ложными. Идти дальше въ этомъ религіозномъ безразличіи и либерализмѣ уже некуда. Эта игра словами и понятіями «пророкъ» и «посланникъ Божій» недостойна серьёзныхъ мыслящихъ людей, потому что она низводитъ насъ въ бездну рели-

гіознаго индифферентизма, что-де всѣ религіи хороши, а мусульманство и всѣ другія языческія религіи и разныя секты нисколько не хуже христіанства, потому что и онѣ основаны пророками и посланниками Божіими.

Относительно взгляда на Мухаммеда нашего философа и богослова Вл. С. Соловьева, страдающаго тѣмъ же крупнымъ недостаткомъ, что и взглядъ Мюллера, т.-е. неполнотою опредѣленія понятія «посланникъ Божій», нужно сказать то же самое, потому что каждый пророкъ Божій есть прежде всего посланникъ Божій. Теорія провиденціализма, усматривая въ дѣлѣ Мухаммеда и въ созданіи имъ ислама и мусульманской культуры историческую миссію, заставила Соловьева видѣть въ немъ и посланника Божія. Теорія эта, страдая крупнымъ недостаткомъ—отсутствіемъ различія между Божественнымъ промысломъ и Божіимъ попустительствомъ, обезразличиваетъ тѣмъ самымъ, какъ и взглядъ Мюллера, всѣ историческія событія и всѣхъ историческихъ дѣятелей, подводя послѣднихъ, всѣхъ безъ исключенія, подъ понятіе посланниковъ Божіихъ. Съ точки зрѣнія этой теоріи, проведенной до крайнихъ выводовъ, все, что ни дѣлается въ мірѣ, не только доброе, но и скверное, злое, согласно съ волею Бога и даже входитъ въ цѣли Провидѣнія, а потому всѣ дѣятели, не только Конфуціи, Будды, Сократы, Мухаммеды, но Наполеоны I-ые, Іоанны Грозные и даже разные деспоты и тираны, суть какъ-бы, въ историческомъ смыслѣ, посланники Божіи. Сверхъ этого, взглядъ Соловьева, никогда не бывшаго пантеистомъ, а всегда твердо исповѣдывавшаго Личнаго Бога, грѣшитъ еще и тѣмъ, что устраняетъ живое общеніе этого посланника Божія, понимаемаго такъ въ историческомъ смыслѣ, съ Богомъ, какъ Личнымъ Существомъ, и вслѣдствіе этого впадаетъ въ пантеизмъ. Наконецъ, вслѣдствіе отсутствія спеціальнаго знанія ислама, Соловьевъ, очевидно, даже плохо проштудировавшій самый Коранъ, впалъ еще въ одну крупную ошибку: онъ утверждаетъ, что Мухаммедъ «вовсе не выдавалъ себя за пророка въ общепринятомъ теперь (?!) смыслѣ этого слова». Въ настоящемъ случаѣ пусть

возражаетъ г. Соловьеву самъ Мухаммедъ, котораго онъ считаетъ только посланникомъ Божіимъ, но который вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ ясно и опредѣленно считаетъ себя и пророкомъ Божіимъ; въ Коранѣ Богъ неоднократно называетъ Мухаммеда «пророкомъ (наби) Своимъ»: см. гл. 3, ст. 61; гл. 7, ст. 156, 158; гл. 8, ст. 65, 66 и 71; гл. 9, ст. 74; гл. 48, ст. 12; гл. 65, ст. 11; а однажды даже назвалъ его «печатью пророковъ» (гл. 33, ст. 40).

Всѣ эти ошибочные взгляды, высказываемые такими авторами, какъ Мюллеръ—въ области оріентальной науки и, въ частности, въ области ислама, и Соловьевъ—въ области философіи и отчасти богословія, имѣютъ ту вредную для насъ сторону, что совершенно незаслуженно возвышаютъ престижъ Мухаммеда, окружая его ореоломъ пророка и посланника Божія, и поднимаютъ религіозное самочувствіе нашихъ мусульманъ, которые, пользуясь всѣмъ этимъ, ставятъ Мухаммеда не только на-ряду съ Христомъ, но и, конечно, выше Его, такъ какъ онъ былъ послѣднимъ пророкомъ и даже «печатью пророковъ», и тѣмъ самымъ еще болѣе закрываютъ глаза мусульманъ на возвышенное и чудное ученіе Іисуса Христа, а вмѣстѣ съ тѣмъ мѣшаютъ дѣлу христіанской цивилизаціи среди дикихъ и фанатичныхъ мусульманскихъ народовъ. Наконецъ, такіе взгляды приносятъ громадный вредъ и христіанской—западно-европейской и въ частности русской публикѣ, которая хотя плохо, или, вѣрнѣе сказать, совершенно не освѣдомлена о жизни и ученіи Мухаммеда и о всемъ его исламѣ, но чрезвычайно падка на всѣ такія либеральныя новинки, особенно въ области религіи, и всегда, не имѣя возможности разобраться въ этихъ вопросахъ, вѣритъ на слово бьющимъ на внѣшній эффектъ оригинальнымъ теоріямъ.

Далѣе, возвращаясь снова къ жизни и личности основателя ислама, къ Мухаммеду, я, боясь утомить читателя излишними для моей цѣли подробностями, постараюсь по возможности быть краткимъ.

Первыми послѣдователями Мухаммеда были близкія ему лица: его жена Хадиджа, дочери его, двоюродный

братъ его жены Варака ибнъ-Науфалъ, усыновленный имъ вольноотпущенникъ Зейдъ и другъ его Абу-Бекръ (бывшій впослѣдствіи халифомъ), человѣкъ спокойнаго и кроткаго характера, солиднаго достатка и положенія въ обществѣ. Вскорѣ Мухаммедъ счелъ нужнымъ выступить изъ своего тѣснаго семейнаго кружка и обратиться съ проповѣдью о новой религіи, или, лучше сказать, о религіи праотца Авраама, возстановить которую онъ задумалъ,—ко всѣмъ своимъ родственникамъ изъ дома Хашима, къ которому онъ принадлежалъ. Съ этой цѣлью онъ пригласилъ ихъ къ себѣ, устроилъ для нихъ угощеніе и изложилъ предъ ними свое новое ученіе. «Чортъ бы тебя побралъ! Неужели за тѣмъ только насъ и позвалъ?» воскликнулъ дядя его Абу-Лахабъ, который вслѣдъ за тѣмъ всталъ и ушелъ. Въ это время усыновленный Мухаммедомъ племянникъ его, 10-лѣтній Али, сынъ Абу-Талиба (четвертый халифъ), съ энтузіазмомъ, свойственнымъ возрасту, одинъ изъ всѣхъ открыто всталъ на сторону пророка и вызвался помогать ему въ его дѣлѣ. Собраніе гостей со смѣхомъ разошлось по домамъ. Произошелъ открытый разрывъ Мухаммеда съ своимъ родомъ; но, въ силу исконнаго арабскаго обычая, Мухаммедъ находился подъ крѣпкою защитой такого вліятельнаго въ Меккѣ лица, каковымъ былъ его дядя Абу-Талибъ, который пріютилъ у себя съ раннихъ лѣтъ своего племянника, сироту Мухаммеда, и который, хотя и не признавалъ его пророкомъ, но обязанъ былъ, въ силу сохраненія чести своего дома, защищать его. Корейшиты, враждебно настроенные къ Мухаммеду за его возстаніе противъ отечественной религіи, противъ мекканскихъ идоловъ, которые были дороги имъ не только какъ наслѣдіе предковъ, но и какъ приманка для всѣхъ окрестныхъ арабовъ, приходившихъ въ Мекку для поклоненія и торговли, часто обращались къ Абу-Талибу съ просьбою заставить замолчать своего племянника, грозя въ противномъ случаѣ оружіемъ противъ Мухаммеда и его самого. Но Мухаммедъ былъ твердъ въ своей вѣрѣ и открыто заявлялъ дядѣ, что онъ не можетъ исполнить

его просьбы. Не смотря на это, великодушный и честный Абу-Талибъ обѣщалъ свою помощь Мухаммеду до конца. Въ продолженіе этого времени присоединилось къ Мухаммеду еще нѣсколько человѣкъ, между которыми наиболѣе замѣчательнымъ былъ Османъ (третій халифъ), женившійся на дочери Мухаммеда, красавицѣ Рокаѣ. Въ общемъ число послѣдователей новой религіи, ислама, доходило въ это время до 40 человѣкъ.

Пришла пора выступить вполнѣ открыто съ новымъ ученіемъ. Но лишь только Мухаммедъ всталъ на этотъ путь, какъ у него явилось множество враговъ, которые осмѣивали его, обзывали обманщикомъ, «мяджнуномъ», т.-е. одержимымъ джиннами, сумашедшимъ, осыпали руганью, подвергали его всякимъ оскорбленіямъ, плевали въ него, предавали проклятью, кидали на улицѣ грязью, камнями и часто подвергали побоямъ. Такъ, замѣчу кстати, бываетъ всегда, когда кто-либо цѣлой головой стоитъ выше толпы, которая никогда и никому не прощаетъ превосходства надъ собою. Всѣ эти враги требовали отъ Мухаммеда, чтобы онъ пересталъ нападать на старую арабскую религію и ея идоловъ и проповѣдывать новое ученіе; болѣе же серьёзные изъ нихъ требовали отъ него въ доказательство посланничества совершенія чудесъ. Положеніе Мухаммеда въ данномъ случаѣ было весьма затруднительно. Чувствуя свое собственное безсиліе сотворить что-либо чудесное и тѣмъ успокоить и даже увѣрить въ себѣ своихъ враговъ, онъ по необходимости прибѣгалъ къ своей діалектикѣ, которая и послѣ не разъ выручала его «въ минуту жизни трудную». «Какого еще нужно бо́льшаго чуда, чѣмъ самъ Коранъ?!» такъ обыкновенно Мухаммедъ начиналъ держать въ этихъ случаяхъ отвѣтъ толпѣ. «Коранъ самъ есть чудо»,—вотъ главная тема этихъ отвѣтовъ. Или онъ употреблялъ въ такихъ случаяхъ другіе пріемы: «Къ чему вамъ чудеса?» говорилъ онъ: «вѣдь и чудеса не убѣдятъ никого, если захочетъ Богъ». И пойдетъ, бывало, говорить на тему, что чудеса не нужны, что они излишни, что ихъ и требовать опасно. «Магометъ, говоритъ Ренанъ, не хотѣлъ быть чудотворцемъ;

онъ хотѣлъ быть только пророкомъ и пророкомъ безъ чудесъ». Но вотъ однажды, если вѣрить преданію, Мухаммедъ не выдержалъ себя и задумалъ холмъ Сафа превратить въ золото [1]). Но, понятно, попытка эта осталась безъ всякаго успѣха, и Мухаммеду оставалось только объявить, что, если бы Богъ внялъ его молитвѣ и совершилъ просимое чудо, то всѣ неувѣровавшіе въ него погибли бы, а потому изъ состраданія къ толпѣ онъ не желаетъ подвергать ее гибели. Вотъ вполнѣ достойная любовь пророка къ ближнимъ!... Не велико было въ это время число его послѣдователей. Дѣло Мухаммеда казалось проиграннымъ, тѣмъ болѣе, что враждебная партія, не смѣя открыто напасть на самого Мухаммеда и его членовъ семьи, а также и на Абу-Бекра, воздвигла гоненія на остальныхъ послѣдователей Мухаммеда, между которыми было много бѣдняковъ и даже рабовъ. Между врагами Мухаммеда особенно выдѣлялись въ то время слѣдующіе: Абу-Софьянъ, человѣкъ весьма богатый и вліятельный; Абу-Джагль (отецъ невѣжества, оселъ), человѣкъ весьма злобный; Абдуль-Озза, передѣланный Мухаммедомъ въ Абу-Лягаба (отца пламени или чортова сына), родственникъ Абу-Софьяна, человѣкъ также богатый и злой; юноша-поэтъ Амръ ибнъ-Аасъ, осмѣивавшій Мухаммеда въ своихъ ѣдкихъ сатирахъ; образованный по своему времени, много путешествовавшій и гордый Назръ ибнъ-Харисъ и многіе другіе. Они воздвигли настоящее гоненіе противъ новой религіи. Исламъ, такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ своего существованія имѣлъ своихъ мучениковъ за вѣру; при чемъ не обошлось, конечно, и безъ ренегатовъ. И вотъ въ это трудное для ислама время (въ 615 г.) выселилась на время, по совѣту самого Мухаммеда, желавшаго укрыть своихъ послѣдователей отъ преслѣдованій, небольшая община мусульманъ въ сосѣднюю христіанскую страну Абиссинію, жителей которой Мухаммедъ въ то время считалъ своими единовѣр-

---

[1]) Вотъ проектировавшееся чудо—безъ всякаго смысла! Истинное, божественное чудо должно имѣть высокую цѣль—спасеніе людей.

цами. Желая хоть немного ослабить вражду своихъ согражданъ противъ себя, Мухаммедъ хотѣлъ было пойти на уступки и даже религіозные компромиссы; съ этой цѣлью, по внушенію сатаны, какъ увѣрялъ послѣ онъ самъ и какъ увѣряютъ его послѣдователи, онъ публично предъ самой Каабой призналъ трехъ языческихъ богинь въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «хорошо ли вы поразмыслили объ Ал-Латѣ, Аль-Уззѣ и третьей между ними Манатѣ? Да, онѣ подобны благороднымъ лебедямъ и, дѣйствительно, на ихъ заступничество можно надѣяться!» Присутствовавшіе при этомъ мекканцы сначала поразились этимъ, а вслѣдъ за тѣмъ примирились съ Мухаммедомъ. Но каково было ихъ удивленіе, когда послѣ, по однимъ свѣдѣніямъ—на другой день, а по другимъ—чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, Мухаммедъ, получивъ за это строгій выговоръ отъ своего ангела Гавріила, который былъ спеціально приставленъ къ нему отъ Бога для откровеній, отказался отъ своихъ словъ и объявилъ слѣдующее мѣсто Корана: «Размышляли ли вы объ Ал-Латѣ, Аль-Уззѣ и о Манатѣ, третьей, особой? Ужели у васъ дѣти мужескаго пола, а у Него (Бога) дѣти женскаго пола? Это, право, невѣрный раздѣлъ!» [1]). Само собою понятно, что теперь озлобленіе противъ Мухаммеда и преслѣдованіе враждебной партіи еще болѣе усилились.

Но вотъ обращается въ новую религію, исламъ, Хамза, а вслѣдъ за нимъ и Омаръ ибнъ-ель-Каттаба (второй халифъ). Этотъ юноша былъ 26-ти лѣтъ, громаднаго роста, обладалъ громадною силою и большою храбростью; къ тому же онъ былъ весьма вспыльчивъ. Одинъ только видъ его наводилъ на другихъ страхъ, а кулакъ и палка были лучше меча въ рукахъ другаго человѣка. Если вѣрить мусульманскому преданію, то обращеніе Омара во многомъ напоминаетъ обращеніе св. апостола Павла. Изъ яраго врага ислама, изъ гонителя его онъ, какъ и св. Павелъ, дѣлается самымъ рьянымъ приверженцемъ, защитникомъ и распространителемъ его. Отправившись съ на-

[1]) Коранъ, гл. 53, ст. 19—22.

мѣреніемъ убить Мухаммеда, онъ случайно узналъ, что его зять Саидъ и его сестра Фатима уже исповѣдуютъ исламъ. Желая раздѣлаться прежде со своими близкими, онъ застаетъ ихъ за чтеніемъ Корана и бросается на зятя; но Фатима, защищая мужа, открыто исповѣдуетъ предъ нимъ исламъ: «Да, говоритъ она, мы мусульмане. Мы вѣримъ въ Бога и Его пророка. Убивай насъ, если хочешь». Такое неустрашимое исповѣданіе новой вѣры и нечаянно пролитая при этомъ кровь сестры моментально смягчили эту буйную, необузданную натуру. Взявъ Коранъ и прочитавъ только нѣсколько его строкъ, онъ воскликнулъ: «Какъ это прекрасно! Какъ это величественно!» и тутъ же обѣщалъ принять исламъ. Сказано—и тотчасъ же сдѣлано: онъ отправился къ Мухаммеду, призналъ его пророкомъ Божіимъ, вслѣдъ за тѣмъ разсказалъ всѣмъ, что онъ сдѣлался мусульманиномъ, и наконецъ смѣло, открыто и публично исповѣдалъ новую вѣру. Обращеніе Омара было весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для Мухаммеда и дало ему возможность снова воодушевиться на борьбу со старою религіей. Сверхъ этого исламъ получилъ въ Омарѣ такую новую силу и опору, что безъ него, какъ утверждаютъ нѣкоторые, исламъ не былъ бы тѣмъ, чѣмъ онъ есть теперь; что онъ, Омаръ, а не Мухаммедъ, какъ говорятъ, былъ настоящимъ основателемъ ислама. Но правды гораздо больше не на сторонѣ этого крайняго взгляда, но на сторонѣ тѣхъ, кто считаетъ Омара и Абу-Бекра главными сотрудниками Мухаммеда. Это былъ такой чудно подобранный тріумвиратъ, равнаго которому исторія, пожалуй, и не знаетъ. И въ самомъ дѣлѣ, Мухаммедъ отличался глубокимъ умомъ, но непостояннымъ, непрактичнымъ характеромъ, обнаруживая часто нерѣшительность и трусость; Абу-Бекръ былъ человѣкъ практическій, спокойный, твердый и хитрый; въ трудныхъ случаяхъ его дипломатическая рѣчь всегда приносила пользу; Омаръ же былъ рѣшителенъ, энергиченъ и безповоротенъ въ своихъ рѣшеніяхъ. «Такимъ образомъ, какъ говоритъ Дози, тріумвиратъ былъ полный: Мухаммедъ думалъ, Абу-Бекръ говорилъ, Омаръ дѣйствовалъ». Заслуга Омара въ

настоящее время состояла въ томъ, что, по его настоянію, исповѣдники новой религіи перестали прятаться для совершенія своего богослуженія по разнымъ домамъ, а начали открыто отправлять его при Каабѣ [1]). Мусульмане теперь воспрянули духомъ, а Мухаммедъ начинаетъ грозить своимъ врагамъ, какъ ослушникамъ воли Божіей, истребленіемъ и вѣчными муками ада.

Теперь враги Мухаммеда настолько озлобились противъ него и его послѣдователей, что рѣшились уже на самыя крайнія мѣры. Собравшись вмѣстѣ и обсудивъ всѣ обстоятельства дѣла, они порѣшили предать отлученію всѣхъ хашимитовъ (кромѣ Абу-Лягаба, навсегда отрекшагося отъ Мухаммеда и прервавшаго съ нимъ всякія сношенія) и всѣхъ мусульманъ отъ общенія съ собой, не вступать съ ними ни въ какія связи и даже ничего не продавать имъ и не покупать у нихъ, а также, наконецъ, препятствовать и другимъ входить въ сношеніе съ ними. Договоръ объ этомъ, написанный на пергаменѣ, былъ скрѣпленъ взаимною клятвою и положенъ въ Каабѣ [2]). Вслѣдствіе этого хашимиты и всѣ мусульмане изъ разныхъ концовъ Мекки вынуждены были переселиться въ кварталъ Абу-Талиба, поближе къ дому этого своего главы и патрона, хотя Абу-Талибъ и до сихъ поръ не принялъ ислама. Невозможность купить и продать что-либо повлекла за собою для довольно уже многочисленной въ то время общины мусульманъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и даже по временамъ голодъ; хорошо еще, что разные родственники и друзья изъ враждебнаго лагеря часто тайно помогали имъ, доставляя необходимое для жизни. Такое крайне тягостное для мусульманъ положеніе продолжалось болѣе двухъ лѣтъ; но оно было невыносимо и для противоположной стороны, имѣвшей

---

[1]) Главная же, неоцѣненная заслуга его предъ исламомъ состояла въ спасеніи его послѣ смерти Мухаммеда, когда дѣло ислама казалось проиграннымъ.

[2]) Существуетъ предположеніе, что католичество заимствовало свою идею всемірнаго завоеванія вооруженною силою отъ ислама. Не отъ арабовъ ли оно заимствовало и свои интердикты?

среди мусульманъ не мало близкихъ родныхъ и друзей. Наконецъ, обоюдное недовольство на такую крутую мѣру, которая, къ тому же, не оправдала возлагаемыхъ на нее надеждъ, послужило причиною отмѣны такой опалы мусульманъ.

Вскорѣ послѣ этого, въ 619 году, Мухаммеда постигли два большихъ горя: одинъ за другимъ умерли его жена Хадиджа и дядя Абу-Талибъ. Хотя Хадиджа умерла уже почтенной старушкой, 65-ти лѣтъ, но она горячо любила своего мужа и всегда нѣжно заботилась о немъ; хотя она не давала ему воли и не позволяла вводить къ себѣ въ домъ соперницы, но Мухаммедъ любилъ ее, а потому горячо плакалъ о ней и всегда послѣ съ особымъ уваженіемъ и любовью вспоминалъ о ней. Впрочемъ, чтобы утѣшить себя въ этой потерѣ, Мухаммедъ очень скоро присватался къ хорошенькой дѣвочкѣ Айшѣ, дочери Абу-Бекра; но она была въ то время еще настоящимъ ребенкомъ; ей всего было только 7 лѣтъ. Мухаммедъ долженъ былъ подождать два года, пока она подростетъ. Въ это время, черезъ два мѣсяца послѣ смерти Хадиджи, онъ женился на нянькѣ своей дочери Фатимы, вдовѣ Савдѣ. Потомъ уже въ Мединѣ 50-лѣтній старикъ вступилъ въ дѣйствительный бракъ съ 9-лѣтнимъ ребенкомъ Айшею. Какая ровная партія!! Вполнѣ во вкусѣ чувственныхъ стариковъ, но—не къ лицу бы пророку. Потеря же Абу-Талиба, этого рыцарски-честнаго своего покровителя, была для Мухаммеда еще болѣе чувствительною. Положеніе Мухаммеда въ Меккѣ, оставшагося безъ помощи кого-либо изъ старѣйшихъ родныхъ, дѣлается теперь настолько опаснымъ, что онъ принужденъ снова отправить часть своихъ послѣдователей въ Абиссинію, а самъ удалиться на время въ сосѣдній городъ Тайефъ. Но и здѣсь, лишь только онъ заикнулся о своемъ ученіи, какъ толпа начала швырять въ него камнями, пока наконецъ не выгнала вонъ изъ города. Вскорѣ Мухаммедъ совершилъ пресловутое свое путешествіе на небо. Хотя онъ здѣсь былъ ободренъ Богомъ и убѣдился въ своемъ дальнѣйшемъ успѣхѣ, но, спустившись на

землю, встрѣтилъ почти однѣ насмѣшки и оскорбленія. Положеніе Мухаммеда сдѣлалось уже критическимъ; многочисленные враги такъ озлобились на него, что поклялись убить его. Мухаммеду оставалось одно: бѣжать навсегда изъ своего роднаго города Мекки. Къ счастію, онъ нашелъ себѣ сочувствіе въ жителяхъ города Ятсриба. Сношенія Мухаммеда съ ятсрибцами начались еще во время опалы, которой подвергся Мухаммедъ со всѣми хашимитами и своими послѣдователями отъ мекканцевъ. Въ Ятсрибѣ для Мухаммеда было гораздо больше шансовъ на успѣхъ, чѣмъ въ Меккѣ. Вслѣдствіе того, что въ Ятсрибѣ жило очень много евреевъ, христіанъ и ханифовъ, старая языческая религія не была здѣсь такъ сильна, какъ въ Меккѣ, которая, къ тому же, извлекала изъ этой своей религіи и коммерческую пользу. Сверхъ того ятсрибцы часто слышали отъ своихъ согражданъ-евреевъ и отъ объевреившихся арабовъ увѣренія, что скоро придетъ къ нимъ пророкъ Мессія, съ помощью котораго они побѣдятъ язычниковъ; а потому они и позаботились запастись своимъ такимъ пророкомъ. Къ тому же нужно добавить, что между мекканцами, занимавшимися торговлею, и ятсрибцами, главнымъ занятіемъ которыхъ было земледѣліе, была давнишняя вражда, такъ какъ первые презирали вторыхъ. Всѣ эти обстоятельства были достаточно взвѣшены Мухаммедомъ, и онъ заблаговременно сталъ подготовлять для себя здѣсь почву. Еще въ 621 году, во время священныхъ мѣсяцевъ, когда, по освященному вѣками арабскому обычаю, прекращались всякія враждебныя дѣйствія и каждый пользовался неприкосновенностью, Мухаммедъ, толкаясь между богомольцами, завелъ разговоръ съ ятсрибцами, слегка разсказавъ имъ о своемъ новомъ ученіи и о враждѣ къ нему мекканцевъ, и закончилъ просьбою оказать ему гостепріимство въ своемъ городѣ. По возвращеніи домой, эти ятсрибскіе богомольцы разсказали о всемъ своимъ согражданамъ. На слѣдующій годъ 12 ятсрибцевъ дали въ мѣстечкѣ Акаба (близъ Мекки) Мухаммеду клятву вѣровать въ единаго Бога и повиноваться Мухаммеду. Вскорѣ

послѣ этого Мухаммедъ послалъ въ Ятсрибъ въ качествѣ миссіонера своего надежнаго человѣка, чтобы приготовить тамъ почву для принятія новаго посланника Божія. Въ 622 году въ той же Акабѣ Мухаммедъ взялъ вторую клятву уже отъ 75 ятсрибскихъ богомольцевъ принять къ себѣ пророка Божія Мухаммеда, повиноваться ему и защищать его такъ, какъ защищаютъ своихъ женъ и дѣтей. Не смотря на то, что Мухаммедъ и его близкіе старались держать этотъ договоръ съ ятсрибцами въ величайшемъ секретѣ, скоро узнали о немъ всѣ мекканцы. Негодуя на Мухаммеда и опасаясь осложненій съ ятсрибцами, мекканцы хотѣли воспрепятствовать силою исполненію задуманнаго имъ намѣренія. Поэтому Мухаммедъ вынужденъ былъ выселять своихъ послѣдователей въ Ятсрибъ тайно и при томъ небольшими партіями. Скоро почти всѣ его сподвижники, получившіе въ исторіи ислама названіе «мугаджировъ» (изгнанниковъ, переселенцевъ), переселились въ Ятсрибъ. Въ Меккѣ остались только Мухаммедъ, Абу-Бекръ и Али. Враги уже окончательно порѣшили теперь убить Мухаммеда. Но вотъ Али остался въ домѣ Мухаммеда, накинувъ на себя и его одежду, а Мухаммедъ съ Абу-Бекромъ, который приготовилъ все заранѣе, бѣжали ночью изъ роднаго города и, опасаясь погони своихъ враговъ, скрылись на время въ одной пещерѣ близъ Мекки, въ сторону противоположную отъ Ятсриба, т.-е. къ югу. Вся Мекка была сильно возбуждена, узнавъ о бѣгствѣ Мухаммеда; начались допросы оставшагося Али; повсюду были разосланы гонцы съ цѣлью преслѣдованія Мухаммеда. Но все оказалось напрасно, и мекканцы принуждены были примириться съ существующимъ фактомъ. Когда все достаточно поуспокоилось, Мухаммедъ съ Абу-Бекромъ вышли изъ своего тайнаго убѣжища и окольными путями прибыли въ концѣ лѣта въ Ятсрибъ. Такимъ образомъ бѣгство Мухаммеда изъ Мекки въ Медину совершилось въ 622 г.; оно называется «гиджрою», откуда мусульмане ведутъ свое лѣтосчисленіе. Съ тѣхъ поръ городъ этотъ получилъ названіе «Мединету-ль-наби» (городъ пророка), а отсюда—просто «Медина».

Этимъ фактомъ,—бѣгствомъ изъ Мекки въ Медину,—дѣятельность Мухаммеда рѣзко дѣлится на два періода, между которыми мало общаго. Съ переходомъ въ Медину обстоятельства, а вмѣстѣ съ ними и самъ Мухаммедъ, рѣзко измѣнились. Въ Меккѣ онъ терпѣлъ оскорбленія, униженія и побои; тамъ покушались даже на его жизнь. Въ Мединѣ онъ пользуется большимъ уваженіемъ; онъ здѣсь—грозный пророкъ и царь. Тамъ онъ былъ бѣдный, гонимый проповѣдникъ вѣры и учитель нравственности. Здѣсь онъ—глава сильной религіозно-политической общины и суровый полководецъ. Тамъ онъ смиренно убѣждалъ, стараясь подѣйствовать на умъ и сердце слушателей; рѣчь его была воодушевлена повиновеніемъ Богу, состраданіемъ къ ближнимъ, терпѣніемъ и кротостью. Здѣсь онъ грозитъ, мечетъ громы и приказываетъ; онъ надмененъ, ставитъ себя рядомъ съ Богомъ, и свои собственныя мысли и желанія, иногда даже грязныя, выдаетъ за Божіи. Мекканскія главы Корана проникнуты религіознымъ чувствомъ. Мединскія главы Корана уже не имѣютъ того краснорѣчія и проникнуты воинственнымъ духомъ. Въ Меккѣ его гнали язычники; тамъ онъ чувствовалъ свою связь съ іудеями и христіанами и ихъ религіями, не заявляя особыхъ претензій на что-либо новое въ своемъ ученіи и заботясь главнымъ образомъ о возстановленіи забытой религіи Авраама; и онъ возбуждаетъ въ васъ симпатію къ себѣ. Въ Мединѣ онъ самъ гонитъ христіанъ и іудеевъ, развиваетъ ученіе о священной войнѣ съ невѣрными, и отталкиваетъ васъ отъ себя. Исламъ обратился теперь въ религію насилія и меча, а Мухаммедъ—въ полководца, отъ котораго чаще можно слышать постановленія гражданскія, общественныя, полицейскія и даже приказы по войскамъ, чѣмъ проникнутую религіознымъ чувствомъ проповѣдь нравственности. Въ Меккѣ онъ добродѣтеленъ и воздержанъ; въ Мединѣ—кровожаденъ и нравственно распущенъ. Эта рѣзкая перемѣна въ жизни и дѣятельности Мухаммеда весьма чувствительно отразилась и на его ученіи, на Коранѣ, и внесла въ него по многимъ мѣстамъ неприми-

римую рознь и противорѣчія. Здѣсь же, въ Мединѣ, Мухаммедъ вполнѣ развернулъ и свою весьма широкую чувственную восточную натуру. Успѣхи и власть испортили его окончательно. Это раздвоеніе въ жизни и дѣятельности Мухаммеда весьма для насъ важно. Оно даетъ намъ возможность видѣть и наблюдать Мухаммеда въ двухъ положеніяхъ: въ несчастьи и счастьи. Чтобы вполнѣ вѣрно, безошибочно оцѣнить того или иного человѣка, нужно наблюдать и изучать его не столько въ несчастіи, когда всѣ несчастные кажутся намъ симпатичными,—сколько въ счастіи. Мухаммедъ въ этомъ отношеніи выказалъ себя вполнѣ.

Мухаммедъ вступилъ въ Медину съ большимъ тріумфомъ. Его послѣдователи, переселившіеся сюда изъ Мекки, которыхъ принято называть «мугаджирами», а равно и тѣ изъ мединцевъ, которые уже приняли исламъ и которыхъ называютъ «ансарами» (помощниками, союзниками), вышли къ нему на встрѣчу, бросали ему по дорогѣ вѣтви и кричали въ порывѣ восторга: «пророкъ! пророкъ!» Мухаммедъ, полный благодарности къ пріютившимъ его ятсрибцамъ, отъ избытка сердца началъ, но не надолго, проповѣдывать о любви, состраданіи, мирѣ къ сосѣдямъ и о милостынѣ. Въ это время обаяніе его въ Мединѣ было весьма велико. Устроившись на новосельѣ, онъ началъ привлекать къ себѣ и къ своему ученію разными кроткими мѣрами и уступками и всѣхъ остальныхъ жителей Медины, между которыми было очень много евреевъ. Съ этою цѣлью онъ даже провозгласилъ принципъ свободнаго исповѣданія вѣры. «Въ религіи, говорилъ онъ въ это время, нѣтъ принужденія» [1]). «Истинно, и вѣрующимъ, и іудействующимъ, и назарянамъ, и сабеямъ, тѣмъ, которые вѣруютъ въ Бога, въ послѣдній день и дѣлаютъ доброе,—имъ награда у Господа ихъ: имъ не будетъ страха и они не останутся въ печали» [2]). Здѣсь Мухаммедъ дошелъ уже, кажется, до

[1]) Коранъ, гл. 2, ст. 257.
[2]) Коранъ, гл. 2, ст. 59, и гл. 5, ст. 73.

религіознаго индифферентизма. Тогда же, въ угоду евреямъ, онъ призналъ «кыблою» [1]), т.-е. стороной, куда мусульмане должны обращаться лицомъ въ своихъ молитвахъ къ Богу,—Іерусалимъ. Приступая къ религіозной организаціи своей общины, онъ построилъ свой собственный храмъ, аль-месджидъ, или, говоря короче, мечеть, которая имѣла весьма простое устройство; установилъ омовенія, пятикратную ежедневную молитву, празднованіе пятницы, постъ въ продолженіе Рамазана и зякетъ, т.-е. милостыню, которая въ то время назначалась на содержаніе бѣдныхъ и безпріютныхъ мекканскихъ выходцевъ, а впослѣдствіи стала расходоваться и на «путь Господень», т.-е. на дѣло священной войны мусульманъ съ невѣрными. Завязавшіяся въ это время, подъ вліяніемъ религіозной снисходительности, частыя и тѣсныя сношенія Мухаммеда съ мединскими евреями весьма скоро убѣдили послѣднихъ, что ученіе Мухаммеда мало имѣетъ сходства съ ихъ религіей и что самъ Мухаммедъ почти совершенно незнакомъ съ нею, что̀ ставило его не разъ въ крайне неловкое положеніе. Поэтому евреи окончательно отшатнулись отъ Мухаммеда, а онъ, не долго думая, объявилъ для спасенія своего престижа, что іудеи, а равно и христіане, исказили ниспосланное имъ божественное откровеніе—законы Моисея и Іисуса. Съ этого времени означенное увѣреніе Мухаммеда прочно утвердилось въ мусульманскомъ мірѣ и превратилось въ безспорный догматъ. Вотъ почему, замѣчу кстати, никогда не нужно намъ соблазняться изрѣдка высказываемымъ нѣкоторыми мусульманами сочувствіемъ ученію Евангелія, такъ какъ сочувствіе это, основанное на нѣкоторыхъ мѣстахъ Корана, касается не того Евангелія, которое мы признаемъ, а какого-то совершенно другаго, несуществующаго. Такимъ образомъ между Мухаммедомъ и мединскими евреями произошелъ разрывъ, ближайшимъ слѣдствіемъ котораго было то, что кыблою была объявлена

---

[1]) Собственно: «супротивъ», по объясненію нашего знаменитаго оріенталиста, переводчика Корана, Г. С. Саблукова.

уже Кааба въ Меккѣ. Хотя съ мединскими арабами дѣла Мухаммеда шли гораздо лучше, такъ какъ число новообращенныхъ въ исламъ все болѣе и болѣе увеличивалось, но и въ этой части населенія было весьма много враждебныхъ ему лицъ, которыя, не смѣя возстать открыто противъ Мухаммеда, притворялись сочувствующими ему, а потому и называются въ Коранѣ «мунафиками», т.-е. лицемѣрами. Между ними самой крупной личностью былъ Абдуллахъ ибнъ-Обей, который пользовался такой популярностью въ Мединѣ, что едва не былъ провозглашенъ, предъ переселеніемъ сюда Мухаммеда, княземъ Медины, и котораго Мухаммедъ особенно остерегался, стараясь, совершенно впрочемъ безуспѣшно, заискивать у него. Положеніе Мухаммеда въ Мединѣ, вслѣдствіе наличности этихъ двухъ враждебныхъ партій—евреевъ и лицемѣровъ,—конечно, не могло считаться обезпеченнымъ. А потому въ душѣ Мухаммеда, подъ вліяніемъ этихъ окружающихъ обстоятельствъ, началъ складываться поворотъ въ другую сторону, въ сторону репрессивныхъ и при томъ весьма энергичныхъ мѣръ борьбы съ ними. Но, для активнаго и окончательнаго выступленія на этотъ новый для него родъ поприща, ему нужно было еще упрочить за собой симпатіи своихъ послѣдователей, изъ которыхъ многіе, а особенно мугаджиры, сильно бѣдствовали въ чужомъ городѣ, а потому представляли изъ себя неспокойный, или, лучше сказать, не вполнѣ надежный элементъ. Съ этой цѣлью онъ установилъ особое братство между 54 мугаджирами и 54 ансарами; каждый изъ мугаджировъ долженъ былъ выбрать себѣ одного ансара; каждая такая пара считалась братьями, которые помогали и защищали другъ друга, мстили другъ за друга и наслѣдовали другъ другу. Такимъ образомъ въ первый разъ въ Аравіи было отдано предпочтеніе религіозному началу предъ національнымъ, племеннымъ. Впослѣдствіи этотъ принципъ окончательно восторжествовалъ въ исламѣ и сдѣлался единственнымъ руководящимъ началомъ въ международныхъ дѣлахъ мусульманъ.

Съ этихъ поръ обаяніе и власть Мухаммеда среди своихъ послѣдователей увеличились еще болѣе. Мухаммедъ получилъ теперь возможность говорить со всѣми врагами уже окончательно другимъ тономъ. Онъ теперь рѣзко мѣняется въ своей проповѣди и въ своихъ дѣйствіяхъ. Съ этого времени изъ него постепенно вырабатывается грозный и суровый генералъ, полководецъ религіозной общины. Милосердіе и великодушіе оставляютъ его, а репрессія и насиліе дѣлаются его характеристическими чертами. Прежде всего заговорило въ немъ чувство злобы, чувство мести по отношенію къ мекканцамъ; къ этому же присоединилась и матеріальная нужда мугаджировъ. И вотъ онъ направилъ вооруженную силу противъ мекканскихъ торговыхъ каравановъ. Впрочемъ, первые дебюты его на этомъ поприщѣ не имѣли еще характера войнъ, а походили скорѣе на мелкіе, разбойничьи набѣги, которые, къ тому же, и оканчивались неудачно для Мухаммеда. Тогда онъ не постѣснился нарушить освященный у арабовъ вѣками обычай—прекращать всякія враждебныя дѣйствія во время священныхъ мѣсяцевъ, и далъ во время Реджеба двусмысленныя инструкціи своему отряду, отправленному подъ предводительствомъ Абдуллы ибнъ-Джахша на добычу противъ мекканскаго каравана. Вся Медина, какъ говоритъ одинъ писатель, была скандализирована этимъ нарушеніемъ священнаго мѣсяца. Мухаммедъ показалъ видъ, что сердится на предводителя этого отряда; но самъ взялъ причитавшуюся ему часть изъ награбленной этимъ отрядомъ добычи и объявилъ слѣдующее откровеніе Божіе. «Спрашиваютъ тебя о запретномъ (священномъ) мѣсяцѣ, говорилъ Мухаммедъ отъ имени Бога, о войнѣ во время него. Скажи: война во время него великій грѣхъ; но уклоняться отъ пути Бога, не вѣровать въ Него и въ запретную мечеть, изгонять изъ нея посѣщающихъ ее—еще большій грѣхъ предъ Богомъ.... Дѣйствительно, тѣ, которые увѣровали, оставили родину и ревностно подвизаются въ войнахъ съ невѣрными,—тѣ ждутъ милости отъ Бога: а Богъ—прощающій, милосердъ» [1]).

[1]) Коранъ, гл. 2, ст. 214—215.

Вскорѣ послѣ этого Мухаммедъ выступаетъ изъ Медины съ 300 слишкомъ человѣкъ, чтобы разграбить идущій изъ Сиріи въ Мекку богатый караванъ злѣйшаго своего врага, Абу-Софьяна. Но послѣдній во́время узналъ о грозящей ему опасности, послалъ за помощью въ Мекку и самъ окольнымъ путемъ пробрался туда же. Мухаммедъ вступилъ въ битву при Бедерѣ (въ 624 г.) съ прибывшимъ мекканскимъ отрядомъ, въ три раза превосходившимъ своей численностью отрядъ мусульманъ, и одержалъ надъ нимъ полную побѣду. Около 50 мекканцевъ было убито, столько же было захвачено въ плѣнъ, за которыхъ былъ назначенъ выкупъ, остальные же бѣжали съ поля битвы; между тѣмъ какъ Мухаммедъ потерялъ только 14 человѣкъ убитыми, которые всѣ тотчасъ же унаслѣдовали рай со всѣми его прелестями. Мухаммедъ былъ такъ упоенъ этой первой своей побѣдой, что не могъ сдержать себя въ издѣвательствѣ надъ убитыми своими старыми врагами и въ мести нѣкоторымъ другимъ, которые когда-то осмѣивали его и которые теперь были въ его власти; онъ приказалъ убить ихъ, что̀, конечно,и было немедленно исполнено. При этомъ замѣчателенъ отвѣтъ одного мусульманина, къ которому, какъ другу, обратился за помощью обреченный на смерть поэтъ Надръ ибнъ-Харисъ: «исламъ, было отвѣтомъ сему несчастному, разрываетъ всѣ прежнія отношенія». Какой страшный, неумолимый принципъ ислама былъ провозглашенъ! Онъ царитъ въ мірѣ мусульманскомъ со всею своею силою и до сихъ поръ. Такъ какъ при дѣлежѣ добычи участники Бедерской битвы едва не передрались, то Мухаммедомъ установлены были слѣдующія постоянныя правила: $^1/_5$ часть—Богу, на дѣло ислама (въ казну его); изъ остальнаго право выбора принадлежало прежде самому Мухаммеду [1]), а потомъ уже все остальное дѣлилось поровну между всѣми участниками [2]). Побѣда эта, приписанная Мухаммедомъ чудесной

---

[1]) Въ данномъ случаѣ онъ пріобрѣлъ себѣ мечъ.

[2]) Мюллеръ, т. I, стр. 127.

помощи Бога, открыла собою цѣлый рядъ военныхъ дѣйствій за новую вѣру—исламъ. Мухаммедъ теперь почти совершенно вошелъ въ роль полководца и сталъ съ особенной настойчивостью и въ самыхъ заманчивыхъ пластическихъ образахъ развивать ученіе о священной войнѣ и предопредѣленіи Божіемъ, а также—и хищническіе инстинкты своихъ соотечественниковъ. По возвращеніи въ Медину онъ далъ почувствовать свою силу еврейскому племени Бену-Кайнокъ, которое жило отдѣльнымъ кварталомъ въ Мединѣ. По одному ничтожному предлогу 700 человѣкъ этого племени подверглись конфискаціи всего имущества и были выгнаны въ Сирію. Упоенный такими успѣхами, Мухаммедъ женился на 18-лѣтней очаровательной красавицѣ, вдовѣ Хавсѣ, дочери Омара, которая, послѣ Айши, была самой любимой его женой, а свою дочь Фатиму выдалъ за своего двоюроднаго брата и вмѣстѣ съ тѣмъ пріемнаго сына, Алія. Мекканцы, желая отомстить Мухаммеду за Бедеръ, собрались чрезъ годъ, подъ предводительствомъ Абу-Софьяна, въ числѣ 3000 человѣкъ и направились къ Мединѣ съ большой толпой женщинъ, возбуждавшихъ мужество своихъ воиновъ. Мухаммедъ принужденъ былъ выдти на встрѣчу, и при холмѣ Оходъ произошла битва. На этотъ разъ мусульмане въ числѣ 1000 человѣкъ были разбиты, такъ какъ въ рѣшительный моментъ бросились грабить мекканскій лагерь. Они потеряли 74 человѣка убитыми, въ числѣ которыхъ былъ и Хамза, дядя пророка; а самому Мухаммеду былъ выбитъ зубъ; мекканцы же потеряли только 27 человѣкъ. Престижъ Мухаммеда въ это время сильно палъ, особенно среди враждебной части Медины. Поэтому онъ, желая поддержать колеблющихся и возстановить свой авторитетъ, объявилъ отъ имени Бога откровеніе, въ которомъ говоритъ, что причинами пораженія вѣрующихъ при Оходѣ было слѣдующее. Во 1-хъ, этимъ пораженіемъ Богъ хотѣлъ испытать «тѣхъ, которые вѣруютъ, чтобы Ему имѣть исповѣдниковъ, и для того, чтобы Богу испытать вѣрующихъ и истребить нечестивыхъ». Во 2-хъ, говоритъ Мухаммедъ, «вы оказались робкими,

спорили между собой объ этомъ дѣлѣ и не оказали повиновенія,—послѣ того, какъ Онъ показалъ вамъ то, чего желали вы. Изъ васъ нѣкоторые искали благъ настоящей жизни, а другіе желали другой жизни: Онъ обратилъ васъ въ бѣгство, чтобы испытать васъ». Въ 3-хъ, онъ говоритъ: «вѣрующіе! не будьте подобны невѣрнымъ, которые о своихъ ближнихъ родственникахъ, когда они отправлялись въ путь, или вышли на войну, говорили: если бы они были съ нами, они не умерли бы, не были бы убиты». И въ заключеніе: «тѣхъ, которые убиты на пути Божіемъ, не считайте мертвыми; нѣтъ, они живы, они предъ Господомъ своимъ получили удѣлъ свой» [1]) и т. д. Желая и себя чѣмъ-нибудь утѣшить въ такомъ горѣ, Мухаммедъ женился на красивой и граціозной, но уже 28-лѣтней вдовѣ Оммъ-Сальмѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ Мухаммедъ разсердился на другое еврейское племя, жившее въ особомъ кварталѣ въ Мединѣ, Бену-Назиръ, съ которымъ было поступлено такъ же, какъ съ Бену-Кайноками. Мѣстность, которую они занимали, была отдана Мухаммедомъ бездомнымъ мугаджирамъ. Въ продолженіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ Мухаммедъ занялся частыми набѣгами на сосѣднія арабскія племена, изъ желанія отомстить тѣмъ или другимъ изъ нихъ за участіе въ Оходской битвѣ или даже за выраженное ими сочувствіе врагамъ его, мекканцамъ; онъ высылалъ противъ нихъ свои небольшіе отряды; богатая добыча доставалась при этомъ въ руки мусульманъ, которые все болѣе и болѣе представляли изъ себя военный лагерь, главнымъ занятіемъ котораго была война, или, вѣрнѣе сказать, разбойничьи набѣги.—Самъ же Мухаммедъ въ это время успѣлъ жениться еще по крайней мѣрѣ на двухъ женахъ: Зейнабѣ, женѣ Зейда, и плѣнницѣ Баррѣ. Первый изъ этихъ браковъ произвелъ большой скандалъ въ Мединѣ и надѣлалъ много шума между правовѣрными, такъ какъ Мухаммедъ отнялъ жену у своего пріемнаго сына Зейда, что̀ считалось непозволитель-

[1]) Коранъ, гл. 3, ст. 134—165.

нымъ даже у язычниковъ арабовъ. Однажды Мухаммедъ, въ отсутствіе Зейда, зашелъ, безъ предварительнаго разрѣшенія, къ нему въ домъ и увидалъ молодую и красивую хозяйку—Зейнабу. Влюбившись въ нее съ одного взгляда, онъ объяснился ей тутъ же въ любви и ушелъ. Та разсказала о случившемся возвратившемуся мужу. Послѣдній, будучи вполнѣ преданъ своему названному отцу и вмѣстѣ съ тѣмъ пророку, уступилъ ее ему; а Мухаммедъ не постѣснился взять ее себѣ въ жены. Когда же объ этомъ пошли въ Мединѣ сильные толки не въ пользу Мухаммеда, то послѣдній обнародовалъ отъ имени Бога откровеніе, которымъ оправдывался такой его возмутительный поступокъ и которымъ разрѣшалось жениться на женахъ пріемныхъ сыновей [1]). Около этого же времени Мухаммедъ не постѣснился еще разъ примѣшать откровеніе Божіе къ одному скабрёзному случаю изъ жизни своего гарема. Однажды молодая, шаловливая Айша сопровождала своего супруга Мухаммеда въ походѣ. На одномъ изъ приваловъ неожиданно былъ отданъ приказъ подниматься и идти въ Медину. Каково же было удивленіе всѣхъ и каждаго, а въ томъ числѣ и самого Мухаммеда, когда по возвращеніи домой не оказалось Айши, которая явилась домой спустя нѣкоторое время послѣ съ однимъ молодцомъ—Сафьяномъ! Хотя она и старалась объяснить такой свой легкомысленный поступокъ тѣмъ обстоятельствомъ, что она потеряла какой-то свой браслетъ, который принуждена была долго отыскивать; но этому никто не повѣрилъ. Эта выходка Айши породила въ городѣ большія сплетни, которыя дошли и до Мухаммеда. Айша была отослана супругомъ къ своему отцу, Абу-Бекру. Али, недолюбливавшій Айши, уже совѣтовалъ Мухаммеду развестись съ ней, за что послѣдняя отомстила послѣ своему недоброжелателю. Злые языки пустили въ ходъ свою работу по поводу этого семейнаго скандала; но между тѣмъ Мухаммедъ сталъ все болѣе и болѣе тосковать по своей любимой молодой супругѣ, которая была снова

[1]) Коранъ, гл. 33, ст. 36—40.

возвращена имъ къ себѣ. Вслѣдъ за этимъ, послѣ ласки Айши, къ великому нашему удивленію, опять явилось откровеніе Божіе. «Любодѣя и любодѣйцу, говоритъ Богъ, подвергайте тѣлесному наказанію, давая каждому изъ нихъ по сту ударовъ». Но «тѣхъ, которые будутъ клеветать на замужнихъ женщинъ, и не представятъ четырехъ свидѣтелей [1]), наказывайте 80-ю ударами, и никогда не допускайте ихъ къ свидѣтельству, какъ людей негодныхъ... Обвиняющій своихъ женъ, не имѣя свидѣтелей кромѣ себя самого, въ свидѣтельство за себя сдѣлаетъ четырехкратное увѣреніе Богомъ, что онъ справедливъ, и въ пятый разъ—призваніе на себя проклятія Божія, если онъ лжетъ. А та освобождается отъ наказанія, если сдѣлаетъ четыре раза призываніе Бога въ свидѣтельство того, что онъ лжетъ, и въ пятый разъ призоветъ на себя гнѣвъ Божій, если онъ справедливъ.... Тѣ, которые клевещутъ на честныхъ женъ, равнодушныхъ къ молвѣ, вѣрующихъ, прокляты въ этомъ и въ томъ свѣтѣ: имъ будетъ великая мука въ тотъ день, когда ихъ языкъ, руки, ноги будутъ обличать ихъ въ томъ, что̀ они дѣлали» [2])... Но все-таки «скажи, продолжаетъ Богъ, вѣрующимъ женщинамъ, чтобы онѣ потупляли свои взоры; хранили бы себя отъ половыхъ пожеланій; показывали бы только тѣ изъ своихъ нарядовъ, которые наружу, накладывали себѣ на грудь покрывала» [3]). «Пророкъ! скажи супругамъ твоимъ, дочерямъ твоимъ, женамъ вѣрующихъ: плотнѣе опускали бы на себя покрывала свои; при такомъ опусканьи онѣ не будутъ узнаваемы и потому не будутъ оскорбляемы» [4]). Къ оцѣнкѣ всѣхъ этихъ и другихъ подобныхъ фактовъ я еще вернусь; здѣсь замѣчу только, что чувственная страстность довела 55-лѣтняго пророка-старика, примѣшавшаго Бога къ такимъ грязнымъ слу-

---

[1]) Остается только спросить, кто же такія дѣла дѣлаетъ открыто, при такомъ количествѣ свидѣтелей.

[2]) Коранъ, гл. 24, ст. 2—24.

[3]) Коранъ, гл. 24, ст. 31.

[4]) Коранъ, гл. 33, ст. 59.

чаямъ, до кощунства. Историкъ ислама Мюллеръ заявляетъ по этому поводу между прочимъ слѣдующее: «Трудно во всей всемірной исторіи найти болѣе поразительное доказательство часто оспариваемаго многими положенія, что маленькія причины производятъ иногда великія дѣйствія. Взгляните сами: въ XIX столѣтіи болѣе 200.000.000 человѣкъ лишены нравственнаго вліянія благороднаго женскаго существа,—замѣтьте, навѣки,—и все потому только, что въ 625 году 14-лѣтняя взбалмошная дѣвчонка, аравитянка, обронила ожерелье, стоимостью въ нѣсколько рублей» [1]).

Но Абу-Софьянъ все еще не унимался. Въ 627 году онъ снова явился къ Мединѣ съ громаднымъ союзнымъ войскомъ до 10.000 человѣкъ. Мухаммедъ, по совѣту одного опытнаго въ военномъ дѣлѣ перса, приказалъ выкопать предъ городомъ, въ томъ именно мѣстѣ, которое было слабо защищено, ровъ и сталъ за нимъ выдерживать осаду, которая поэтому называется «войною за окопами». Непріятель долго стоялъ предъ Мединою, не имѣя возможности взять ее. Мухаммедъ же, опасаясь быть разбитымъ въ открытомъ бою, прибѣгъ къ хитрости и посѣялъ чрезъ одного своего приверженца, бывшаго во враждебномъ лагерѣ, раздоръ между союзниками. Непріятель принужденъ былъ удалиться, а Мухаммедъ всю свою злобу излилъ на еврейскомъ племени Бену-Корайза, которое находилось въ союзѣ съ мекканцами; всѣ мужчины этого племени, отъ 600 до 700 человѣкъ, сдавшіеся ему на милость, были по повелѣнію Бога, какъ утверждалъ Мухаммедъ, убиты, жены и дѣти ихъ обращены въ рабство, а все имущество раздѣлено между мусульманами. Изъ всего этого Мухаммедъ взялъ себѣ пятую часть и снова женился на доставшейся ему при этомъ красивой еврейкѣ, вдовѣ Реханѣ. Теперь враги уже потеряли всякую охоту вести войну съ Мухаммедомъ и нападать на него. Поэтому съ этого времени Мухаммедъ переходитъ изъ оборонительнаго положенія въ наступательное, и у него начинаетъ постепенно создаваться планъ подчиненія

[1]) Мюллеръ, т. I, стр. 150.

себѣ, своей власти, всей Аравіи. Въ продолженіе этого года Мухаммедъ предпринялъ до 17 мелкихъ военныхъ экспедицій съ цѣлью покоренія разныхъ арабскихъ племенъ и ограбленія торговыхъ каравановъ мекканцевъ.

Въ 628 году Мухаммедъ во главѣ 1500 своихъ послѣдователей отправился на богомолье въ Мекку. Онъ былъ въ это время уже настолько силенъ, что былъ вполнѣ убѣжденъ, что мекканцы не посмѣютъ воспрепятствовать ему въ достиженіи этой цѣли. Но мекканцы, не довѣряя Мухаммеду, изъ опасенія за свою участь, не пустили его въ свой городъ, и онъ вынужденъ былъ остановиться не подалеку отъ Мекки, въ мѣстечкѣ Худейбіи, откуда и началъ вести переговоры съ цѣлью добиться вступленія въ священный городъ. Въ концѣ концовъ ему удалось заключить такой договоръ съ мекканцами, по которому ему и его послѣдователямъ разрѣшалось только съ слѣдующаго года въ продолженіе 10 лѣтъ приходить въ Мекку на три дня для совершенія освященныхъ вѣками арабскаго язычества обрядовъ хаджа, и по которому разнымъ арабскимъ племенамъ разрѣшалось переходить на сторону Мухаммеда; послѣдній же въ свою очередь обязывался не грабить каравановъ мекканцевъ. Такимъ образомъ твердое намѣреніе Мухаммеда вступить въ Мекку на этотъ разъ не оправдалось; но обиднѣе всего въ этомъ договорѣ было то, что мекканцы наотрѣзъ отказались помѣстить въ немъ обычную вступительную мусульманскую формулу: «во имя Бога милостиваго и милосердаго» и назвать Мухаммеда посланникомъ Божіимъ. Договоръ этотъ казался унизительнымъ для послѣдователей Мухаммеда, которые всѣ были крайне недовольны своимъ пророкомъ и сильно роптали на него; между тѣмъ самъ Мухаммедъ съумѣлъ извлечь изъ этого договора свои выгоды, такъ какъ теперь разные тайные союзники его открыто могли перейти на его сторону и такъ какъ теперь онъ получалъ возможность распространять свое ученіе между многочисленными толпами богомольцевъ, этихъ, такъ сказать, «арабскихъ почтальоновъ». Но чтобы хоть сколько-нибудь утѣшить своихъ недовольныхъ послѣдо-

вателей и доставить имъ, жаднымъ до чужаго добра, добычу, Мухаммедъ, во главѣ 1400 человѣкъ, предпринялъ походъ противъ древняго и богатаго еврейскаго города Хайбара. Съ величайшимъ усиліемъ Мухаммедъ взялъ этотъ городъ и предалъ его разрушенію. Здѣсь онъ едва не сдѣлался жертвою мести одной, потерявшей по его милости всѣхъ своихъ родныхъ, еврейки, которой довѣрился. Поданная ему въ пищу баранина была пропитана сильнымъ ядомъ. Хотя онъ во́-время спохватился, но ядъ, вошедшій въ организмъ, давалъ часто чувствовать себя и послѣ. Не смотря на это, и здѣсь не обошлось безъ свадьбы. Мухаммеду понравилась одна красивая 17-лѣтняя еврейская плѣнница, вдова Суфія, мужъ которой былъ казненъ имъ же. Долго приставалъ къ ней Мухаммедъ, пока она уже по дорогѣ въ Медину (на первомъ привалѣ) не согласилась отдаться ему. Быстро ее вымыли, причесали, нарядили. Сдѣлали нѣчто въ родѣ шатра, постлали въ немъ нѣсколько шкурокъ. На этомъ брачномъ ложѣ принялъ Мухаммедъ свою невѣсту. Онъ такъ остался ею доволенъ, что проговорилъ съ нею цѣлую ночь напролетъ, а около шатра, на всякій случай, всю ночь проходилъ караульщикъ съ саблей на-голо. Пріѣхалъ Мухаммедъ въ Медину—и опять за свадьбу. Но уже эта свадьба была не по увлеченію, а по разсчету. На этотъ разъ онъ женился на 30-лѣтней вдовѣ Оммъ-Хабибѣ, дочери своего главнаго врага, Абу-Софьяна. Говорятъ, когда услышалъ послѣдній объ этой свадьбѣ, то воскликнулъ: «клянусь небомъ! этотъ верблюдъ такъ горячъ, что никакимъ намордникомъ не удержишь».—Въ слѣдующемъ 629 году Мухаммедъ прибылъ въ Мекку съ 2000 человѣкъ своихъ послѣдователей и совершилъ обряды хаджа, чѣмъ навсегда призналъ и освятилъ этотъ арабскій языческій обычай. По истеченіи трехъ дней онъ покинулъ Мекку. Дѣло и здѣсь не обошлось безъ свадьбы: въ 8 миляхъ отъ Мекки Мухаммедъ вступилъ во временный бракъ съ вдовою Маймуною. Желая пока покончить съ этими свадьбами Мухаммеда, я долженъ замѣтить здѣсь, что всѣхъ женъ у него было по крайней мѣрѣ до 20. До самой

своей смерти онъ предавался этимъ своимъ излишествамъ.

Ученіе Мухаммеда теперь быстро распространилось по Аравіи, чему способствовали не столько его проповѣди, сколько военныя его дѣйствія. Пропорціонально этому росли сила и вліяніе Мухаммеда. Его политическій горизонтъ теперь настолько расширился, что онъ уже отправляетъ одно за другимъ посольства къ византійскому императору Ираклію, въ Египетъ, къ гассанидскому царю Харису VII и персидскому царю Хозрою съ предложеніями принять исламъ. Хотя эти посольства и не имѣли успѣха внѣ Аравіи, но уже одинъ фактъ посольствъ, а тѣмъ болѣе хорошій пріемъ, оказанный имъ въ Египтѣ, сильно возвысилъ значеніе Мухаммеда, который теперь является уже властелиномъ извѣстной части Аравіи. Изъ Египта были присланы въ подарокъ двѣ красивыя рабыни—Маріамъ и Ширинъ. Отъ первой изъ нихъ Мухаммедъ имѣлъ единственнаго сына, Ибрагима, который умеръ раньше своего отца. Хотя Мухаммедъ и не посмѣлъ открыть военныя дѣйствія противъ персидскаго царя Хозроя II за дурной пріемъ его посольства, но тѣмъ не менѣе онъ въ скоромъ времени захотѣлъ дать почувствовать свою силу Сиріи за убійство своего посла. Онъ послалъ туда, подъ предводительствомъ своего пріемнаго сына Зейда, отрядъ въ 3000 человѣкъ, который вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ былъ разбитъ византійцами въ мѣстечкѣ Мута, около южной оконечности Мертваго моря. Остатки этого отряда бѣжали въ Медину. Мухаммедъ, чтобы возстановить свой на время упавшій престижъ въ глазахъ послѣдователей, послалъ по сосѣдству съ Мединой нѣсколько небольшихъ экспедицій, которыя привели къ повиновенію ему разныя мелкія арабскія племена.

Наконецъ, Мухаммедъ хотѣлъ воспользоваться однимъ ничтожнымъ предлогомъ, чтобы выступить противъ Мекки и взять ее силою. Испуганные мекканцы послали къ Мухаммеду для переговоровъ Абу-Софьяна, который теперь долженъ былъ забыть свою злобу и унижаться предъ своимъ бывшимъ врагомъ, а въ настоящее время зятемъ. Но

Мухаммедъ сдѣлался теперь настолько силенъ, что стоялъ выше этихъ заискиваній; а потому не только не вступилъ въ переговоры о мирѣ, но даже не принялъ своего тестя Абу-Софьяна. Вслѣдъ за этимъ онъ во главѣ отряда въ 10.000 человѣкъ выступилъ съ большими предосторожностями противъ Мекки и расположился неподалеку отъ нея лагеремъ. Мухаммеду удалось залучить сюда самаго сильнаго изъ мекканцевъ, своего тестя Абу-Софьяна, и разными угрозами и увѣщаніями принудить его принять исламъ. Мекка осталась теперь безъ защиты. И вотъ этотъ важный городъ всей Аравіи, средоточіе почти всей ея жизни, принужденъ былъ въ 630 году по необходимости сдаться Мухаммеду безъ боя. Къ чести послѣдняго, нужно сказать, что онъ поступилъ здѣсь, какъ великодушный завоеватель; милость и состраданіе проявилъ онъ по отношенію къ своимъ согражданамъ, изъ которыхъ, впрочемъ, четыре главныхъ врага Мухаммеда были казнены. Кааба была очищена отъ идоловъ. Жители Мекки принесли Мухаммеду клятву въ вѣрности ему, какъ посланнику Божію. Разбивъ вслѣдъ за симъ, хотя и съ большимъ трудомъ, благодаря только своей личной храбрости и находчивости, а также поддержкѣ своего дяди Аббаса, который успѣлъ уже пристроиться къ своему могущественному племяннику, сильный отрядъ остальныхъ своихъ враговъ въ количествѣ 20.000 человѣкъ около Тайефа и получивъ богатѣйшую добычу, Мухаммедъ сломилъ окончательно старую языческую партію и сдѣлалъ господствующей религіей исламъ. Со всѣхъ концовъ Аравіи стремились теперь посольства къ Мухаммеду: одни изъ нихъ отъ имени своего народа присягали ему, какъ посланнику Божію, другія же признавали политическую его власть надъ собой.—Почувствовавъ большую силу, Мухаммедъ задался было громаднымъ планомъ—вторгнуться съ своимъ отрядомъ въ Сирію и тамъ, на крайнихъ предѣлахъ греческихъ владѣній, распространить свою религію. Самъ Мухаммедъ выступилъ съ 40.000 войскомъ. Но походъ этотъ былъ такъ непопуляренъ между мусульманами, которые боялись греческаго оружія, что, хотя онъ и былъ пред-

принятъ, но не могъ состояться, и Мухаммедъ принужденъ былъ съ полдороги воротиться, къ своему неудовольствію, назадъ. За то Мухаммедъ употребилъ теперь всѣ свои силы на распространеніе своей религіи внутри своего отечества. Съ этою цѣлью онъ отправилъ Али въ 631 году въ Мекку ко времени совершенія хаджа, съ порученіемъ прочитать собравшимся тамъ въ громадномъ числѣ богомольцамъ новое откровеніе Божіе, 9-ую главу Корана, гдѣ во всей силѣ проповѣдуется религія насилія и меча и гдѣ заявляется въ окончательной формѣ, что язычество упраздняется. Разсчетъ Мухаммеда былъ вѣренъ. Почти всѣ арабы изъявили ему свою покорность и приняли исламъ; тѣхъ же, которые не хотѣли добровольно принять эту религію, принудили къ тому мечемъ посланные Мухаммедомъ военные отряды. Такимъ образомъ почти вся Аравія сдѣлалась мусульманской страной. Такъ, съ точки зрѣнія военно-дипломатической, блестяще закончилъ Мухаммедъ свое дѣло, которому служилъ во всю жизнь. Въ концѣ 10-го года гиджры, т.-е. въ 632 году, Мухаммедъ, чувствуя приближеніе смерти, въ послѣдній разъ отправился въ Мекку для совершенія обрядовъ хаджа. Онъ выступилъ изъ Мединьі во главѣ по крайней мѣрѣ 40.000 своихъ послѣдователей. На горѣ Арафа онъ, какъ глава многочисленной религіозно-политической общины, произнесъ длинную проповѣдь, въ которой изложилъ свое ученіе и заклиналъ народъ не отступать отъ него. Мухаммедъ умеръ 8 іюня 632 года по Р. Хр., на 11-мъ году гиджры, 63 лѣтъ отъ роду.

Здѣсь снова повторю, что я весьма далекъ отъ того, чтобы считать Мухаммеда обманщикомъ, шарлатаномъ или аферистомъ. Я признаю его геніальнымъ человѣкомъ и при томъ глубоко убѣжденнымъ въ правотѣ своего дѣла. Онъ, по моему мнѣнію, былъ религіозный маніакъ. Наиболѣе симпатичнымъ онъ мнѣ кажется въ первый періодъ своей жизни, когда онъ былъ въ Меккѣ; напротивъ, наиболѣе отталкиваетъ онъ меня отъ себя во второй періодъ, когда онъ въ Мединѣ предался мірскимъ страстямъ—мщенію, хищничеству, жестокости, сластолю-

бію, войнѣ и пр. Насколько онъ высоко стоялъ въ это время въ политическомъ отношеніи, настолько же низко онъ упалъ въ нравственномъ.

Приступая къ разсмотрѣнію ученія Корана, я долженъ заранѣе предупредить читателя, что для моей цѣли нѣтъ нужды разсматривать все ученіе ислама, во всей его цѣлости,—тѣмъ болѣе, что это и завело бы меня слишкомъ далеко. Для моей цѣли важно указать тѣ пункты этой религіи, которые, отличаясь своей несостоятельностью, дѣлаютъ невозможнымъ сближеніе мусульманъ съ русскими и не оставляютъ мѣста для реализаціи предлагаемаго нашими мусульманами проекта. Я пишу не исторію ислама и не критическій разборъ всего его ученія, а желаю посильно выяснить начала той политики, которой мы, русскіе, должны держаться какъ по отношенію къ инородцамъ вообще, такъ и по отношенію въ частности къ нашимъ мусульманамъ. А потому я прошу своихъ противниковъ не дѣлать мнѣ упрека, какъ это ими разъ сдѣлано, что я какъ будто бы намѣренно замалчиваю хорошія стороны ученія ислама. Каждый понимаетъ, что если бы въ исламѣ были однѣ только отрицательныя стороны, то онъ не могъ бы быть и религіей, а былъ бы какимъ-то невозможно чудовищнымъ ученіемъ. Если же въ этомъ согласны всѣ, то нечего и спорить. Опять повторю: дѣло—не въ этомъ; дѣло—въ отрицательныхъ сторонахъ ислама, которыя мѣшаютъ сближенію мусульманъ съ русскими. Эти-то стороны мусульманства я и постараюсь здѣсь указать.

Итакъ обратимся къ *Корану*. По словопроизводству съ арабскаго и еврейскаго языковъ, Коранъ означаетъ чтеніе (отъ глагола «кара»—читалъ). Этимъ именемъ обозначается религіозный кодексъ мусульманъ, который, по увѣренію ихъ, содержитъ въ себѣ собраніе откровеній Божіихъ чрезъ пророка Мухаммеда. Самъ основатель ислама никогда не собиралъ своихъ рѣчей и разныхъ распоряженій, произносимыхъ имъ отъ имени Бога, въ одно цѣлое; эти рѣчи записывались разными его секре-

тарями или, вѣрнѣе, писцами на пергаменѣ, кожѣ, пальмовыхъ листьяхъ, плоскихъ камняхъ и даже на овечьихъ лопаткахъ. Все это сохранялось безъ всякаго порядка въ одной общей кучѣ. Нѣкоторыя же изъ рѣчей Мухаммеда хранились только въ памяти тѣхъ, кто ихъ хорошо запомнилъ. Пока живы были сподвижники Мухаммеда, или, какъ ихъ называютъ мусульмане, асхабы, которые сами слышали эти откровенія Божіи изъ устъ Мухаммеда и хорошо ихъ помнили, до тѣхъ поръ не было особенной нужды въ собраніи ихъ въ одинъ цѣльный сводъ; но съ теченіемъ времени, когда число асхабовъ стало все болѣе и болѣе уменьшаться, являлось опасеніе, чтобы одни изъ этихъ откровеній Божіихъ не были искажены въ памяти народной, а другія—не были забыты, а потому возникла нужда въ собраніи ихъ въ одно цѣлое и въ изданіи ихъ въ видѣ особаго сборника. Особенно много пало асхабовъ Мухаммеда вскорѣ послѣ его смерти, въ управленіе перваго же халифа Абу-Бекра (632—634), въ борьбѣ съ разными лжепророками и бунтовщиками, которыхъ появилось въ то время довольно много въ Аравіи. И вотъ, по настойчивой просьбѣ Омара, Абу-Бекръ поручилъ собраніе Корана самому компетентному лицу, бывшему секретарю и любимцу Мухаммеда, Зейду ибнъ-Тсабиту, на авторитетъ котораго можно было вполнѣ положиться въ этомъ случаѣ, такъ какъ самъ Мухаммедъ признавалъ въ немъ знатока Корана. Онъ вполнѣ удачно исполнилъ это дѣло при содѣйствіи того же Омара, втораго халифа (634—644), который отдалъ этотъ первый сборникъ Корана на храненіе своей дочери, вдовѣ пророка Мухаммеда, Хавсѣ. Но такъ какъ сборникъ этотъ не былъ изданъ въ свѣтъ для всеобщаго пользованія, то явилось не мало другихъ сборниковъ Корана, которые, конечно, во многомъ были несогласны съ нимъ. Въ видахъ искорененія разныхъ чтеній Корана и искаженій его смысла, а также въ видахъ предупрежденія могущихъ произойти отсюда разныхъ ересей и сектъ въ исламѣ, третій халифъ Османъ (644—655) составилъ для пересмотра разныхъ сборниковъ Корана и для выработки

одной редакціи изъ нихъ особую коммиссію изъ четырехъ самыхъ свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, подъ предсѣдательствомъ все того же Зейда. Оконченная работа была представлена Осману, который призналъ этотъ сборникъ Корана единственно вѣрнымъ, повелѣлъ снять съ него четыре копіи, разослать ихъ по разнымъ важнымъ пунктамъ тогдашняго мусульманскаго міра (въ Куфу, Басру и Дамаскъ), а одинъ изъ нихъ—хранить въ Мединѣ; всѣ же другіе сборники Корана халифъ приказалъ сжечь, чѣмъ и положилъ конецъ разнымъ спорамъ о чтеніи его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лишилъ насъ опоры въ дѣлѣ исторической критики его. Этотъ Зейдовъ сборникъ Корана безпрекословно былъ принятъ всѣми мусульманами и составляетъ тотъ именно Коранъ, какимъ мы знаемъ его въ настоящее время.

Этотъ религіозный кодексъ мусульманъ, какъ собраніе откровеній Божіихъ арабскому народу чрезъ Мухаммеда, по увѣренію послѣдняго, ниспосланъ ему Богомъ не вдругъ, въ одно время, а по частямъ, отдѣлами. «Истинно, говоритъ Богъ въ Коранѣ, Мы ниспослали его; истинно, онъ нисшелъ свыше; а тебя (т.-е. Мухаммеда) Мы послали только благовѣстникомъ и устрашителемъ. Коранъ раздѣлили Мы на отдѣлы для того, чтобы ты читалъ его людямъ съ разстановками: для того Мы ниспосылали его разновременными ниспосланіями» [1]). «Невѣрующіе говорятъ: о, если бы Коранъ былъ ниспосланъ ему въ одномъ полномъ составѣ! Но такъ—для того, чтобы укрѣпить твое сердце: Мы раздѣлили его на отдѣлы. Какъ скоро они даютъ какой-либо вопросъ, Мы тогда же даемъ тебѣ истину и наилучшее истолкованіе» [2]). Но этотъ Коранъ, по ученію Мухаммеда, составляетъ только какъ-бы выдержки изъ небеснаго Корана, изъ «хранимой скрижали» [3]), изъ небеснаго свитка Писанія [4]), который въ оригиналь-

---

[1]) Коранъ, гл. 17, ст. 106—107.

[2]) Коранъ, гл. 25, ст. 34 и 35; ср. гл. 47, ст. 22.

[3]) Коранъ, гл. 85, ст. 22.

[4]) Коранъ, гл. 13, ст. 39; гл. 56, ст. 76—78; гл. 80, ст. 13—15 и др.

номъ видѣ находится у Бога [1]). На основаніи этихъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ Корана, правовѣрные мусульмане на самыхъ первыхъ же порахъ существованія ислама признавали Коранъ не только боговдохновеннымъ, но и несотвореннымъ, предвѣчно существующимъ у Бога. Это мнѣніе у всѣхъ мусульманскихъ ортодоксовъ сдѣлалось такимъ прочнымъ, что получило силу и значеніе религіознаго догмата, который въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи стремился не только къ выясненію языка, на которомъ написанъ небесный Коранъ, но и къ описанію матеріала, на которомъ онъ написанъ, его переплета, застежекъ и пр. и пр. Противъ такого воззрѣнія на Коранъ, непримиримаго съ понятіемъ о единствѣ Божіемъ, возстали мутазилиты. Они составили особую секту, возникшую еще во времена владычества Омейядовъ, подъ вліяніемъ арабскаго національнаго духа, всегда стремившагося къ свободѣ, и христіанскихъ идей. Секта эта выродилась изъ другой секты, кадаритовъ, признававшихъ свободу воли, въ противоположность джабаритамъ, отрицавшимъ ее [2]). Основателемъ ея былъ Васыль ибнъ-Ата, ученикъ весьма либеральнаго кадарита Гасана басрійскаго. Ученикъ отдѣлился отъ своего учителя и вмѣстѣ съ своими послѣдователями получилъ за это прозваніе мутазилитовъ, т.-е. отдѣлившихся, раскольниковъ. Главными пунктами ихъ ученія были: строгій монотеизмъ, сотворенность Корана и свобода воли въ человѣкѣ. Но люди этого ученія были гонимы суннитами, этими мусульманскими ортодоксалами. Только со временъ аббасида Мамуна (813—833), яраго приверженца мутазилитовъ, и въ царствованіе слѣдующихъ за нимъ преемниковъ, Мутассима и Васыка (833—847 г.), т.-е. въ продолженіе 34 лѣтъ, Коранъ признавался небольшой кучкой либераловъ мутазилитовъ книгою, не имѣющею за собой вѣчности,

[1]) Коранъ, гл. 44, ст. 3.

[2]) Въ 1899 году вышло прекрасное изслѣдованіе секты мутазилитовъ православнаго араба г. Жузе, трудомъ котораго я пользуюсь въ настоящемъ случаѣ: «Мутазилиты. Догматико-историческое изслѣдованіе въ области ислама». Казань, 1899 г.

а сотворенною Богомъ и даже такою, которая носитъ на себѣ характеръ человѣческаго происхожденія. Во все же остальное время, вплоть до настоящаго, всѣми правовѣрными мусульманами Коранъ признавался и признается, на основаніи ученія Мухаммеда отъ имени Бога, вѣчнымъ и несотвореннымъ, написаннымъ на небесныхъ «сокровенныхъ скрижаляхъ». Только Ашшари и его послѣдователи задумали нѣсколько ослабить это ученіе, хотя и неудачно, признавъ Коранъ божественнымъ аттрибутомъ.

Итакъ Коранъ, этотъ религіозный кодексъ мусульманъ, какъ предвѣчно существующій у Бога, какъ слово Самого Бога [1]), какъ откровеніе Его [2]), оригиналъ котораго хранится на небѣ [3]), заключаетъ въ себѣ, по словамъ его же самого, мудрое ученіе [4]). Коранъ есть истина; «ложь не подходитъ къ нему ни спереди, ни сзади» [5]). «Въ немъ, говоритъ Мухаммедъ, нѣтъ противорѣчій» [6]). «Дѣйствительно, говоритъ Богъ, если люди и геніи соберутся для того, чтобы произвести что-нибудь подобное сему Корану, то не произведутъ ничего подобнаго ему» [7]). Само собою разумѣется, что, если Коранъ—откровеніе Божіе, то онъ и долженъ быть таковымъ; между тѣмъ, по внимательномъ разсмотрѣніи его, мы приходимъ къ заключенію далеко не въ его пользу.

Прежде всего онъ представляетъ изъ себя въ настоящее время какое-то хаотическое смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ постановленій, наставленій и изреченій. Въ немъ нѣтъ никакого разумнаго порядка, ни систематическаго, ни хронологическаго, такъ какъ собиратель его,

---

[1]) Коранъ, гл. 2, ст. 70; гл. 9, ст. 6; гл. 48, ст. 15.

[2]) Коранъ, гл. 21, ст. 46; гл. 53, ст. 4 и мн. др.

[3]) Коранъ, гл. 13, ст. 39; гл. 56, ст. 76—77.

[4]) Коранъ, гл. 3, ст. 51.

[5]) Коранъ, гл. 41, ст. 42; гл. 2, ст. 85; гл. 11, ст. 20; гл. 20, ст. 53; гл. 28, ст. 53; гл. 32, ст. 2; гл. 41, ст. 53; гл. 43, ст. 28—29; гл. 47, ст. 2—3).

[6]) Коранъ, гл. 4, ст. 84.

[7]) Коранъ, гл. 17, ст. 90.

Зейдъ ибнъ-Тсабитъ, расположилъ его такъ, что сначала идутъ длинныя главы, а затѣмъ короткія. Вслѣдствіе этого Коранъ представляетъ изъ себя весьма хаотическій сборникъ; даже въ отдѣльныхъ его стихахъ весьма часто нѣтъ никакой внутренней связи; обращенія къ Богу, которыя весьма многочисленны въ Коранѣ, бываютъ часто настолько неожиданны, что даже поражаютъ читателя. Сверхъ того, въ немъ множество ненужныхъ, даже ничего незначущихъ словъ и цѣлыхъ выраженій; въ немъ масса пустословія. Словомъ, отдѣльныя части Корана сшиты на живую нитку; а отъ этого все ползетъ и лѣзетъ въ разныя стороны и поражаетъ своею неуклюжестью. Кромѣ того, въ немъ безпрестанныя повторенія одного и того же, повторенія до надоѣдливости. Вслѣдствіе этого чтеніе Корана дѣлается весьма тяжелымъ и крайне скучнымъ. Прочитать его отъ доски до доски составляетъ не малый подвигъ. Другой такой странной книги нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ. Я позволю себѣ привести здѣсь отзывъ человѣка, которому никто не откажетъ въ художественномъ вкусѣ въ области литературы. «Никогда, говоритъ Карлейль, мнѣ не приходилось читать такой утомительной книги. Скучная, безпорядочная путаница, непереваренная, необработанная; безконечныя повторенія, нескончаемыя длинноты, запутанности; совсѣмъ непереваренныя вещи; невыносимая безтолковщина однимъ словомъ. Одно только побужденіе долга можетъ заставить европейца читать эту книгу. Мы читаемъ ее съ такимъ же чувствомъ, какъ перебираемъ въ государственномъ архивѣ массу всякаго неудобочитаемаго хлама, въ надеждѣ найти какія-нибудь данныя, проливающія свѣтъ на замѣчательнаго человѣка» [1]).

Затѣмъ, что касается до неподражаемыхъ, будто бы, красотъ слога и языка, въ которыхъ мусульмане видятъ доказательства божественнаго происхожденія Корана, то онѣ, эти стилистическія и хотя бы поэтическія красоты,

---

[1]) «Герои и героическое въ исторіи». Перев. съ англійскаго Яковенко. СПБ., 1891 г., стр. 90—91.

если и есть въ Коранѣ,—о чемъ предоставимъ судить знатокамъ арабскаго языка,—ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить признаками божественнаго откровенія. Этотъ признакъ откровенія Божія въ исламѣ совершенно новъ и отличается большой странностью; никакая другая религія не знаетъ его. Ни одинъ народъ никогда не считалъ и не считаетъ произведеній своихъ поэтовъ за божественное откровеніе; равно и мы не признаемъ за таковое прекрасныхъ высоко-художественныхъ произведеній своего великаго поэта Пушкина, графа А. К. Толстаго и другихъ, хотя поэтическія произведенія многихъ изъ нихъ даже проникнуты высокимъ религіознымъ чувствомъ. Ничего, конечно, нѣтъ чудеснаго въ томъ, что Коранъ Мухаммеда по мѣстамъ изложенъ красивымъ, обаятельнымъ слогомъ. Арабы до Мухаммеда, какъ и всѣ народы, близко живущіе къ природѣ, отличались особымъ поэтическимъ дарованіемъ и даже способностью къ поэтической импровизаціи [1]). Вотъ почему поэзія у арабовъ была въ большомъ почетѣ; вотъ почему у нихъ было такъ много весьма хорошихъ, даже художественныхъ поэтовъ, хотя имъ, по отзыву одного знатока, и не достаетъ глубины и возвышенности чувства и богатства фантазіи (Мюллеръ). Всѣмъ извѣстенъ арабскій сборникъ «Моаллакатъ», заключающій въ себѣ произведенія Имруль-Кайса, Тарафа, Зухейра, Лебида, Амръ ибнъ-Кульсума, Хариса ибнъ-Хиллиза и Антара. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что и Мухаммедъ, какъ сынъ своего народа и своего вѣка, также обладалъ природной способностью говорить краснорѣчиво и увлекательно. Если вѣрить мусульманскимъ преданіямъ,—впрочемъ, къ сожалѣнію, именно имъ-то и нельзя вѣрить,—то красота, изящество слога Корана и его убѣдительность всегда оказывали сильное впечатлѣніе на слушателей, иногда даже враждебно настроенныхъ къ Мухаммеду, и его ученію (обращеніе Омара и многіе другіе подобные случаи). Но, съ

[1]) Наприм., наши киргизы также обладаютъ въ значительной степени поэтической импровизаціей.

другой стороны, многіе современники Мухаммеда ничего особеннаго не находили въ его Коранѣ и предпочитали ему произведенія другихъ лицъ; а позднѣе мутазилиты брались составить другую книгу, лучшую Корана. Коранъ Мухаммеда не есть поэтическое произведеніе; онъ написанъ не стихами, а риѳмованною прозою, и является произведеніемъ эпохи упадка арабской поэзіи,—тѣмъ болѣе, что, по отзывамъ нашихъ знатоковъ его, у Мухаммеда въ послѣдній періодъ его жизни стало ясно обнаруживаться рабство передъ риѳмою, передъ формою въ ущербъ смыслу. Знатокъ арабской литературы, Дози, находитъ, что между древними арабскими произведеніями онъ не знаетъ ни одного столь безвкуснаго, столь неоригинальнаго, столь растянутаго и скучнаго, какъ Коранъ. Здѣсь я не могу воздержаться, чтобы не привести отзывъ о Коранѣ одного извѣстнаго араба, Аль-Кинди. «По моему собственному короткому знакомству съ этой книгой (Кораномъ), потому что я арабъ, говоритъ Аль-Кинди, я признаю, что она содержитъ въ себѣ нехорошія вещи, что въ ней нѣтъ порядка, стиля, изящества или точности въ композиціи или въ выраженіи. Съ начала до конца она полна противорѣчій; одна сентенція въ ней уничтожаетъ другую, и цѣлое младенчески слабо. И еще говорятъ, что люди и духи вмѣстѣ не могутъ произвести ничего подобнаго. Сочиненія Аль-Кайса и другихъ поэтовъ и ученыхъ мужей, жившихъ во времена Мухаммеда или раньше его, яснѣе, краснорѣчивѣе, изящнѣе, возвышеннѣе Корана. Ихъ рѣчь глубже и глаже; и съ ними спорилъ Мухаммедъ, когда они спрашивали его объ его правахъ и отвергали его притязанія. Я читалъ такъ называемый Коранъ, написанный Масальмату-ль-Ханафіемъ, и вовсе безъ той помощи и безъ того содѣйствія, какое получалъ вашъ другъ (Мухаммедъ) для своей книги. Если первый явился прежде Корана Мухаммедова, то онъ и долженъ быть принятъ и признанъ за истинное откровеніе, хотя бы второй и превосходилъ его красотой языка, изяществомъ и стройностью». Сверхъ того, Аль-Кинди доказываетъ, что Мухаммедъ, не смотря на все богатство арабскаго языка,

ввелъ въ Коранъ большое число словъ персидскихъ, еврейскихъ и другихъ иностранныхъ [1]). Приведенный отзывъ о Коранѣ имѣетъ тѣмъ бо́льшую степень авторитета, что онъ сдѣланъ природнымъ арабомъ. Далѣе, насъ,—не смотря на завѣренія самого Корана, что въ немъ нѣтъ противорѣчій,—крайне непріятно поражаетъ значительное количество встрѣчаемыхъ здѣсь противорѣчій. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. Въ одномъ мѣстѣ говорится: «Богъ никогда ни одного народа, послѣ того, какъ велъ его прямо, не вводилъ въ заблужденіе» [2]). Въ другомъ же мѣстѣ прямо сказано: «Богъ, кого хочетъ, вводитъ въ заблужденіе, и кого хочетъ, ставитъ на прямой путь» [3]). Въ одномъ мѣстѣ говорится: «болѣе всѣхъ любятъ вѣрующихъ (т.-е. мусульманъ) тѣ, которые называютъ себя назарянами (христіанами)» [4]). Въ другихъ мѣстахъ сказано: «Вѣрующіе! если вы будете послушны нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которымъ дано Писаніе, то они опять сдѣлаютъ васъ невѣрными, послѣ того какъ вы были вѣрными» [5]). «Они (христіане) своими устами хотятъ погасить свѣтъ Божій» [6]). Въ однихъ мѣстахъ проповѣдуется вѣротерпимость, а въ другихъ—священная война. Всѣ эти и многія другія противорѣчія, которыя признаются и самими мусульманами, а въ томъ числѣ и нашимъ либеральнымъ петербургскимъ ахундомъ г. Баязитовымъ [7]), разбросаны въ разныхъ мѣстахъ Корана такъ, что они открываются только по внимательномъ разсмотрѣніи его, по сличеніи отдѣльныхъ частей его; но въ Коранѣ есть и такія мѣста,

---

[1]) Это заимствовано, говоритъ Арнольдъ, изъ рукописнаго перевода, сдѣланнаго Тэномъ съ арабскаго оригинала Аль-Кинди. См. Islam, its History, Character and Relation to Christianity, by John Muchleisen Arnold, London, 1874, ch. X. Русскій переводъ этой главы см. «Православный Собесѣдникъ» 1875 г.

[2]) Коранъ, гл. 9, ст. 116.

[3]) Коранъ, гл. 6, ст. 39.

[4]) Коранъ, гл. 5, ст. 85.

[5]) Коранъ, гл. 3, ст. 95.

[6]) Коранъ, гл. 9, ст. 32.

[7]) «Исламъ и прогрессъ», стр. 31.

гдѣ одно положеніе слѣдуетъ за другимъ, противорѣчивымъ ему, непосредственно. Такія мѣста поражаютъ своею грубостью. Вотъ напримѣръ: «Если случается съ ними доброе, то они говорятъ: это отъ Бога; а если случается съ ними злое, то говорятъ: это отъ тебя. Скажи: все отъ Бога. Что это за люди! не могутъ они понять никакого новаго ученія. Что добраго, продолжается дальше, ни бываетъ съ тобой, оно отъ Бога; а что злое бываетъ съ тобой, то отъ тебя самого» [1]). И что всего любопытнѣе, такъ это то, что почти вслѣдъ за этимъ грубымъ противорѣчіемъ, а именно чрезъ два стиха, Мухаммедъ восклицаетъ: «ужели они внимательно не разсматривали Корана? Если бы онъ былъ не отъ Бога, то навѣрно нашли бы они въ немъ много противорѣчій» [2]). Говорить такъ Корану совершенно нельзя, потому что въ немъ множество противорѣчій. Противорѣчія же совершенно противны существу Бога. Они ставятся въ укоръ даже людямъ. Логическій выводъ изъ сравненія 84-го стиха 4-ой главы Корана съ 80-мъ и 81-мъ стихами той же главы тотъ, что Коранъ не только не отъ Бога, но даже отъ такого человѣка, который весьма часто противорѣчилъ самъ себѣ.— Коранъ ясно обличаетъ въ своемъ авторѣ отсутствіе образованія. Мухаммедъ, какъ человѣкъ необразованный («уммій») [3]), не могъ всегда строго логически мыслить и создать одну стройную и законченную религіозную систему. Къ тому же, будучи человѣкомъ впечатлительнымъ, нервнымъ до болѣзненности, страстнымъ до потери самообладанія и имѣя слишкомъ развитую фантазію, онъ часто былъ подавляемъ обстоятельствами, часто дѣйствовалъ подъ первымъ впечатлѣніемъ, а потому и впадалъ въ противорѣчія съ самимъ собою. Да и вся его жизнь, рѣзко разграниченная на двѣ части однимъ фактомъ— бѣгствомъ его изъ Мекки въ Медину, полна противорѣчій. Мухаммедъ не столько былъ твердъ по своему харак-

---

[1]) Коранъ, гл. 4, ст. 80—81.

[2]) Коранъ, гл. 4, ст. 84.

[3]) Коранъ, гл. 7, ст. 156 и 158; а также гл. 29, ст. 47.

теру, чтобы не мѣнять тѣхъ или другихъ убѣжденій сообразно обстоятельствамъ. Послѣднія весьма часто управляли имъ.

Сознавая всю неловкость и неприличіе этихъ противорѣчій въ своемъ Коранѣ, Мухаммедъ, какъ будто бы забывъ, что онъ только недавно отрицалъ эти противорѣчія, обнародовалъ отъ имени Бога слѣдующій стихъ: «Когда Мы, говоритъ Богъ, отмѣняемъ какой-либо стихъ или повелѣваемъ забыть его, тогда Мы даемъ другой, лучшій того или равный ему. Не знаешь ли, что Богъ всемогущъ?» [1]) Послѣдующіе мусульманскіе богословы развили, на основаніи этого стиха, цѣлую *теорію отмѣненія* (насхъ). Всякій послѣдующій пророкъ, говорятъ они, своимъ закономъ отмѣняетъ законъ своего предшественника. Мухаммедъ, какъ «печать пророковъ», своимъ закономъ отмѣнилъ всѣ предыдущіе. Эта «теорія насха» примѣняется и къ самому Корану, къ отдѣльнымъ его частямъ. Одинъ стихъ Корана, говорятъ они, весьма часто замѣняется другимъ, послѣдующимъ. Такимъ образомъ въ Коранѣ есть стихи отмѣняющіе (насыхъ) и есть стихи отмѣненные (мянсухъ); послѣдніе уже не имѣютъ своего значенія. Такихъ отмѣненныхъ мѣстъ въ Коранѣ насчитывается около 225. Теорія эта признается всѣми мусульманскими правовѣрными; съ нею несогласны только нѣкоторые сектанты, какъ наприм. равафидзы и амалися. Въ «Описаніи арабскихъ рукописей Императорскаго казанскаго университета» Готвальдта значится одна статья, подъ заглавіемъ: «рисаля фи насыхъ ва мянсухъ», въ которой изложена подробная теорія насха. Статья эта принадлежитъ нѣкоему имаму Абу-Абдуллѣ-Мухаммеду бенъ-Абдулла бенъ-Али Исфарани, который подробно перечисляетъ, на какихъ многочисленныхъ и знаменитыхъ въ мусульманскомъ мірѣ авторитетахъ основанъ его трактатъ.—На основаніи этой теоріи мусульмане и считаютъ, что, наприм., стихъ 5-й главы 9-ой, называемый «стихомъ меча», есть насыхъ (отмѣняющій). Онъ читается такъ:

[1]) Коранъ, гл. 2, ст. 100.

«когда кончатся запретные (т.-е. священные) мѣсяцы, тогда убивайте многобожниковъ, гдѣ ни найдете ихъ; старайтесь захватить ихъ, осаждайте ихъ, дѣлайте вокругъ ихъ засады на всякомъ мѣстѣ, гдѣ можно подстеречь ихъ». Всѣ другіе стихи, гдѣ говорится о вѣротерпимости, есть уже мянсухъ (отмѣненные). Мянсухомъ же считаютъ мусульмане, въ виду «стиха меча», и стихъ 257-й главы 2-ой, который читается такъ: «въ вѣрѣ нѣтъ принужденія». Наши мусульмане, пользуясь незнакомствомъ русской публики съ тонкостями и ухищреніями ислама, стараются выставить на видъ намъ только тѣ мѣста Корана, въ которыхъ говорится о вѣротерпимости, совершенно умалчивая при этомъ, что эти мѣста уже давнымъ давно мянсухъ, каковыми считаютъ ихъ всѣ мусульмане. Я предоставляю самимъ мусульманамъ оцѣнить по справедливости этотъ свой пріемъ, при помощи котораго они стараются морочить русскую публику. Насколько произвольна и нелѣпа эта теорія отмѣненія, для насъ, русскихъ, совершенно ясно. Но она должна бы быть нелѣпой даже съ точки зрѣнія самого Корана, если бы только мусульмане разсуждали логичнѣе. Прежде всего эта теорія несогласна съ самымъ понятіемъ о Богѣ, Который есть чистая истина. Отмѣнять законъ, данный чрезъ одного пророка, другимъ закономъ, даннымъ чрезъ другаго, жившаго спустя долгое время послѣ перваго, можетъ быть чрезъ нѣсколько тысячелѣтій,—это понятно, потому что другія времена—другіе нравы, другіе люди, а слѣдовательно должны быть и другія лекарства къ исцѣленію ихъ, другой законъ; но отмѣнять одни предписанія другими въ одномъ и томъ же законѣ, ниспосылаемомъ чрезъ одного и того же пророка,—это уже совершенно непонятно и недостойно не только Бога, но даже и простаго человѣка. Сегодня давать одно повелѣніе, а завтра—совершенно другое, противоположное ему,—это противно существу Божію. Съ этимъ долженъ согласиться всякій, у кого есть здравый смыслъ. Богъ, мѣняющій Свои повелѣнія чуть не ежедневно, уже не Богъ. Не самъ ли Мухаммедъ въ другихъ мѣстахъ своего Корана говоритъ, что «словамъ Божіимъ перемѣны

нѣтъ» [1]), что въ дѣйствіяхъ Божіихъ «нѣтъ перемѣны или измѣненія» [2])?! Какое же, послѣ этого, онъ имѣлъ право, если только Коранъ откровеніе Бога, выдавать отъ лица Божія другой противоположный этому 100-й стихъ 2-ой главы, на которомъ его послѣдователи построили цѣлую теорію насха? Это—внутреннее логическое и при томъ очень грубое противорѣчіе. Это—во первыхъ. Во вторыхъ, Мухаммедъ обѣщалъ отъ имени Бога, вмѣсто прежняго стиха, давать всегда лучшій или по крайней мѣрѣ равный ему. Посмотримъ, насколько онъ сдержалъ свое слово. Прежде Мухаммедъ, живя въ Меккѣ, проповѣдывалъ вѣротерпимость и дошелъ даже на первыхъ порахъ своего пребыванія въ Мединѣ до такого философскаго обобщенія, что въ религіи нѣтъ принужденія; между тѣмъ въ Мединѣ онъ проповѣдуетъ священную войну и отмѣняетъ тѣ мѣста Корана, гдѣ говорилось о вѣротерпимости. Предоставляю судить каждому, что̀ лучше. Конечно, эта рѣчь моя не къ мусульманской черни, а къ нашимъ либеральнымъ мусульманамъ, которые, надѣюсь, способны оцѣнить это по достоинству. Но, можетъ быть, эти послѣдніе въ пылу либерализма скажутъ, что они не признаютъ ни насыха, ни мянсуха, что они выбираютъ только лучшія мѣста Корана и имъ слѣдуютъ. Какъ ни либеральны они, но они не имѣютъ права дѣлать это, оставаясь мусульманами. Вѣдь этотъ насыхъ и мянсухъ не какая-либо выдумка позднѣйшихъ толкователей Корана и послѣдователей Мухаммеда; теорія отмѣненія принадлежитъ Мухаммеду и даже не ему, а, какъ это ни странно для насъ, Самому Богу и заключена въ Коранѣ. А все то, что̀ заключено въ Коранѣ и опредѣлено Самимъ Богомъ, есть для каждаго мусульманина «фарзъ», т.-е. имѣетъ непререкаемую важность и обязательность; сознательное отверженіе его составляетъ уже отверженіе всего ислама, есть «кюфръ» (невѣріе) и влечетъ за собой полное отлученіе. Конечно, мусульмане вольны выбирать по своему

---

[1]) Коранъ, гл. 10, ст. 65.
[2]) Коранъ, гл. 35, ст. 41—42.

произволу и усмотрѣнію лучшее изъ Корана и, по моему мнѣнію, они хорошо это дѣлаютъ; но въ такомъ случаѣ они уже не имѣютъ права свои собственныя религіозныя воззрѣнія выдавать за мусульманскія. Вотъ этотъ-то пріемъ, до котораго всѣ они большіе охотники, дѣйствительно, совершенно ненаученъ, а никакъ не тотъ, котораго я держусь. Придерживаясь такого ихъ пріема, можно принадлежать къ какому угодно нелѣпому ученію и оправдывать его, потому что и въ самомъ нелѣпомъ найдется же хоть самая незначительная часть болѣе или менѣе умнаго. Мы, русскіе, и безъ завѣренія либеральныхъ мусульманъ никогда не сомнѣвались, что въ Коранѣ есть мысли здравыя; но мусульмане, оставаясь исповѣдниками своей религіи, никогда не должны отрицать и противоположныхъ его положеній. Итакъ они должны признать насыхъ и мянсухъ. Если же они не хотятъ признавать этой теоріи отмѣненія, то должны будутъ признать, что въ Коранѣ есть множество противорѣчій. Тутъ кругъ. Куда ни кинь, вездѣ клинъ. Итакъ одно только внѣшнее, поверхностное разсмотрѣніе Корана говоритъ далеко не въ пользу высоты его ученія, которою поражаются нѣкоторые и изъ нашихъ русскихъ.

Чувствуя это, нѣкоторые изъ нашихъ либеральныхъ мусульманъ уже стараются дать нѣсколько ходовъ впередъ, чтобы при случаѣ отказаться отъ Корана или по крайней мѣрѣ отъ отрицательныхъ его сторонъ. Въ данномъ случаѣ я разумѣю Мурзу-Алима, который совершенно поразилъ меня оригинальностью и смѣлостью своего пріема въ данномъ случаѣ. Я уже познакомилъ читателя въ своей первой статьѣ, какъ тонко и хитро разграничиваетъ этотъ либералъ понятія «мусульманинъ» и «магометанинъ» [1]). На основаніи простой догадки западноевропейскихъ ученыхъ, что покорность и преданность волѣ Божіей, которой учили ханифы, называлась у нихъ «исламомъ», г. Мурза-Алимъ утверждаетъ, что исламъ существовалъ въ Аравіи еще до Мухаммеда и состоялъ

[1]) «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1882 г., № 188.

въ признаніи чистаго монотеизма и безсмертія человѣческаго духа. Это мнѣніе г. Мурзы-Алима не выдерживаетъ критики. Прежде всего мнѣ кажется, что въ свидѣтельствахъ о дѣлахъ религіи нужно быть осторожнѣе и простыхъ догадокъ и предположеній западно-европейскихъ ученыхъ, не принятыхъ самимъ исламомъ, не дѣлать основаніемъ для послѣдняго. Затѣмъ, самъ Мухаммедъ признаетъ себя первымъ мусульманиномъ [1]), хотя заявляетъ это и вопреки другому мѣсту Корана [2]). Далѣе, суть дѣла отъ такого заявленія г. Мурзы-Алима нисколько не измѣняется. Мы въ настоящее время считаемся не съ исламомъ ханифовъ, который, если и былъ, то уже давно пересталъ существовать, но съ исламомъ Мухаммеда, который исповѣдуютъ мусульмане. Первый давнымъ давно отошелъ въ область историческихъ воспоминаній, а второй и въ настоящее время—существующій фактъ. Сверхъ этого, г. Мурза-Алимъ, какъ истый либералъ, хочетъ, какъ видно, показать себя мусульманиномъ въ смыслѣ ханифовъ, но не мухаммеданиномъ въ смыслѣ ученія Мухаммеда. Въ такомъ случаѣ онъ совершенно напрасно и крайне нелогично берется за разсужденія объ ученіи Мухаммеда. Одно изъ двухъ: или г. Мурза-Алимъ долженъ остаться при ученіи ханифовъ, и тогда наши разговоры съ нимъ окончены; или же онъ остается при ученіи Мухаммеда, а тогда не нужно отъ него отрекаться и возвращаться къ ханифамъ. Наконецъ, никто изъ мусульманъ, кромѣ развѣ только г. Мурзы-Алима, никто не держится такого взгляда. Для всѣхъ «правовѣрныхъ» слова: «мусульманинъ» и «магометанинъ» въ настоящее время—полные синонимы; для всѣхъ мусульманъ законъ Мухаммеда имѣетъ полную степень обязательности. Приведенное мнѣніе Мурзы-Алима, равняющееся отрицанію Корана, есть не только ересь, но и полный «кюфръ» (невѣріе), за который слѣдовало бы свести г. Мурзу-Алима къ уфимскому муфтію, обязанному защищать

[1]) Коранъ, гл. 6, ст. 14.
[2]) Коранъ, гл. 3, ст. 60.

чистоту ислама отъ такихъ вольнодумствъ, которыя равняются отрицанію религіи Мухаммеда. Такимъ образомъ совершенно неумѣстно слѣдующее довольно красивое сравненіе г. Мурзы-Алима, которымъ онъ желаетъ блеснуть предъ русской публикой и сбить ее съ толку. «Нельзя быть магометаниномъ, говоритъ онъ, не бывъ мусульманиномъ; но можно быть послѣднимъ, не бывъ первымъ; такъ точно, какъ нельзя быть православнымъ, не бывъ христіаниномъ, но можно быть послѣднимъ, не бывъ православнымъ». Неумѣстно это сравненіе потому, что Мухаммедъ, основатель того ислама, о которомъ мы говоримъ, никогда и нигдѣ не утверждалъ, что ученіе ханифовъ есть исламъ, а его ученіе—лишь дополненіе къ нему.—На томъ же, должно быть, весьма шаткомъ основаніи утверждаетъ и г. Девлетъ-Кильдѣевъ вслѣдъ за Вейлемъ, что Мухаммеду «безспорно принадлежитъ слава распространенія ученія Библіи и Евангелія въ странѣ и народѣ, который не былъ осѣненъ никакимъ лучемъ разумной вѣры»... Это уже ничто иное, какъ игра словами. Утверждать такъ на основаніи только того, что исламъ Мухаммеда имѣетъ сходство въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ христіанствомъ, весьма нелѣпо.

Далѣе, въ Коранѣ весьма часто встрѣчаются такія мелочи, которыя едва ли достойны откровенія Божія. Вотъ для примѣра нѣкоторыя изъ нихъ: «Вѣрующіе! когда вы другъ у друга дѣлаете долги на срочное время, то давайте росписки въ томъ; писецъ между вами долженъ писать росписку вѣрно» [1]) . . . и т. д., идетъ довольно обстоятельное описаніе заемныхъ росписокъ. «Вѣрующіе! въ домы пророка входите только тогда, когда вамъ сдѣлано будетъ приглашеніе къ трапезѣ и ко времени ея будутъ ждать васъ. Когда будете позваны, тогда придете; и когда покушаете, расходитесь и не медлите для какого-либо дѣла: это стѣсняетъ пророка. Онъ стыдится сказать вамъ это; но Богъ не стыдится указать вамъ должное» [2]).

---

[1]) Коранъ, гл. 2, ст. 282.

[2]) Коранъ, гл. 33, ст. 53.

Этотъ стихъ Корана былъ обнародованъ Мухаммедомъ по слѣдующему довольно скабрёзному случаю. Мухаммедъ праздновалъ свою свадьбу съ Зейнабой, бывшей женой Зейда. Ужъ кончился пиръ, и Мухаммедъ въ ожиданіи ухода гостей отправился по своимъ женамъ. По возвращеніи онъ направился было къ своей Зейнабѣ и думалъ уже остаться съ ней наединѣ, какъ къ своей досадѣ нашелъ на дворѣ еще гостей. Къ чему же низводится, спрашивается послѣ этого, откровеніе Божіе?! Нравственное чувство всякаго человѣка должно возмущаться такимъ безобразіемъ. А такіе обороты рѣчи развѣ приличны Богу: «повинуйтесь Богу и Его посланнику, говоритъ Коранъ отъ лица Божія: можетъ быть, будете помилованы» [1]); «обрадуй лицемѣрныхъ вѣстію, говоритъ Богъ, что имъ будетъ болѣзненная мука» [2]); «тѣхъ, которые прячутъ золото и серебро и не жертвуютъ имъ на путь Божій, обрадуй вѣстью о лютой мукѣ въ тотъ день, когда оно въ огнѣ геенны будетъ раскалено и когда имъ выжигаемы будутъ клейма на ихъ лбахъ, на ихъ бокахъ, на ихъ спинахъ. Вотъ то, что прятали вы для себя самихъ: узнайте же вкусъ того, что тогда вы спрятали» [3])?! Какъ непріятно читать эти и другія подобныя имъ мѣста, которыя дышатъ злорадствомъ!.. Подъ-часъ Мухаммедъ весьма сильно проговаривался, чтобы не сказать больше. Вотъ напримѣръ: «Богу добровольно и невольно поклоняется все, что есть на небесахъ и на землѣ, и даже тѣни ихъ, и утромъ и вечеромъ» [4]). «Небесамъ, землѣ, горамъ Мы, говоритъ Богъ въ Коранѣ, предлагали залогъ вѣры, но онѣ отказались принять его, устрашились его; а человѣкъ принялъ его, потому что онъ дерзокъ, безразсуденъ» [5])... и пр. А вотъ одинъ изъ способовъ доказательствъ, къ какимъ иногда прибѣгалъ Мухаммедъ. Когда современники отрицали непосредственное участіе

[1]) Коранъ, гл. 3, ст. 126; ср. гл. 5, ст. 39.
[2]) Коранъ, гл. 4, ст. 137, и гл. 9, ст. 3.
[3]) Коранъ, гл. 9, ст. 34—35.
[4]) Коранъ, гл. 13, ст. 16; ср. гл. 16, ст. 50.
[5]) Коранъ, гл. 33, ст. 72.

Бога въ дѣлѣ Мухаммеда, то послѣдній однажды сказалъ слѣдующее: «Кто думаетъ, что Богъ не поможетъ ему (Мухаммеду) ни въ настоящей жизни, ни въ будущей, то пусть прицѣпитъ веревку къ небу и удавитъ себя и посмотритъ» [1]). Другаго такого доказательства, я думаю, нигдѣ и ни у кого нельзя встрѣтить.

Затѣмъ этотъ религіозный кодексъ мусульманъ заключаетъ въ себѣ множество ошибокъ противъ исторіи, которыя прямо свидѣтельствуютъ о положительномъ незнакомствѣ Мухаммеда съ ней. Если въ Коранѣ и встрѣчаются разсказы изъ исторіи ветхаго и новаго завѣтовъ, то они заимствованы не столько изъ каноническихъ книгъ Библіи, сколько изъ Кабалы, Талмуда, апокрифическихъ евангелій и разныхъ народныхъ разсказовъ. Словомъ, источникъ ихъ—весьма мутный. Вотъ почему Деллингеръ и называетъ исламъ ублюдомъ отъ отца христіанина и матери-іудеянки. Отсюда—масса историческихъ несообразностей, масса разныхъ басней и другихъ фантастическихъ бредней въ Коранѣ. Я не могу изложить здѣсь всѣ относящіяся сюда мѣста Корана; это завело бы меня слишкомъ далеко. Я укажу только на нѣкоторыя, болѣе выдающіяся. Вотъ они. Изложивъ и вмѣстѣ съ тѣмъ исказивъ исторію объ Іосифѣ, сынѣ Іакова, Мухаммедъ отъ имени Бога присовокупляетъ вслѣдъ за симъ: «вотъ одну изъ неизвѣстныхъ повѣстей Мы открываемъ тебѣ» [2]). Кто же, кромѣ Мухаммеда, не знаетъ, что эта исторія извѣстна міру еще со времени Моисея?! «Іудеи говорятъ, проповѣдуетъ Мухаммедъ, что Ездра сынъ Божій [3]); а христіане считаютъ Пресвятую Дѣву Марію Богомъ» [4]). Откуда Мухаммедъ заимствовалъ такія нелѣпыя свѣдѣнія?! Въ настоящее время даже существованіе ереси коллиридіанокъ, которыя, будто бы, представляли Духа Святаго существомъ женскаго пола, подвергается христіанскими богословами большому сомнѣнію. Далѣе Мухаммедъ, грозя

[1]) Коранъ, гл. 22, ст. 15.
[2]) Коранъ, гл. 12, ст. 103.
[3]) Коранъ, гл. 9, ст. 30.
[4]) Коранъ, гл. 5, ст. 116.

своимъ врагамъ, указываетъ между прочимъ на то, какъ нѣкогда нѣкоторые изъ непокорныхъ іудеевъ были обращены въ обезьянъ и свиней [1]). Исторія Соломона такъ украшена баснословными разсказами, что этотъ пророкъ почти совершенно не походитъ на историческое лицо. Такъ наприм., Мухаммедъ увѣряетъ, что Соломонъ былъ знакомъ съ языкомъ птицъ; у него было войско изъ геніевъ, людей и птицъ, раздѣленныхъ на отряды. «Вотъ когда, говорится въ Коранѣ, они (т.-е. военные отряды) пришли на долину муравьевъ, тогда одинъ муравей сказалъ: «муравьи! войдите въ жилища свои; Соломонъ и войска не передавили бы васъ, не замѣтивши васъ»... Въ другой разъ Соломонъ сдѣлалъ смотръ птицамъ и сказалъ: «что это я не вижу здѣсь потатуя (удода)?» Вслѣдъ за этимъ прилетаетъ потатуй и сообщаетъ Соломону одно извѣстіе» [2]). Мало этого. Соломону были подчинены вѣтры, и даже нѣкоторые изъ діаволовъ были у него «водолазами для ловли жемчуга и кромѣ того дѣлали другія дѣла» [3]). Наконецъ, у Мухаммеда, сверхъ всякаго ожиданія, попадаетъ въ пророки и язычникъ Александръ Македонскій, который извѣстенъ въ Коранѣ подъ именемъ Зу-ль-Карнайна (двурогаго); въ своихъ походахъ онъ дошелъ до того мѣста, «гдѣ солнце западаетъ въ грязный источникъ» [4]) (!!). Еще болѣе загадочными и легендарными личностями являются совершенно неизвѣстные Библіи пророки: Зуль-Кифль [5]), Локманъ [6]), Гудъ [7]), Салихъ [8]) и Шогаибъ [9]). Пресвятая Дѣва Марія отождествлена въ Коранѣ съ сестрою Моисея и Аарона [10]). Ко-

---

[1]) Коранъ, гл. 5, ст. 65; гл. 2, ст. 61; гл. 7, ст. 166.

[2]) Коранъ, гл. 27, ст. 16 и дал.

[3]) Коранъ, гл. 21, ст. 81—82.

[4]) Коранъ, гл. 18, ст. 82—99.

[5]) Коранъ, гл. 21, ст. 85; гл. 38, ст. 48.

[6]) Коранъ, гл. 31, ст. 11—12.

[7]) Коранъ, гл. 7, ст. 63—70; гл. 11, ст. 52—63; гл. 26, ст. 123—127.

[8]) Коранъ, гл. 7, ст. 71—77; гл. 11, ст. 64—71; гл. 26, ст. 141—159; гл. 27, ст. 46—54.

[9]) Коранъ, гл. 7, ст. 83—91; гл. 11, ст. 85—98; гл. 26, ст. 176—191.

[10]) Коранъ, гл. 3, ст. 30—44; гл. 66, ст. 12; гл. 19, ст. 28—29.

ранъ утверждаетъ даже, что пророкъ Іисусъ, будто бы, предсказалъ о пришествіи въ міръ Ахмеда, т.-е. Мухаммеда [1]). Словомъ, всѣ такъ называемые историческіе разсказы Мухаммеда крайне извращены и носятъ на себѣ характеръ сказки. Послѣ всего этого кажется весьма страннымъ завѣреніе г. Баязитова, что Коранъ, гдѣ всѣ ученія пророковъ, бывшихъ до Мухаммеда, и всѣ ученія иновѣрческихъ книгъ приняты къ свѣдѣнію, служитъ примѣромъ уваженія къ чужой истинѣ, и что въ этомъ отношеніи Мухаммедъ далеко ушелъ отъ многихъ учителей, жившихъ до него [2]). На это можно сказать только одно, что такое заявленіе петербургскаго ахунда разсчитано на незнакомство русской публики съ исламомъ, такъ какъ Мухаммедъ имѣлъ вполнѣ ложныя представленія о жизни и ученіяхъ ветхозавѣтныхъ пророковъ и Іисуса Христа, а потому не только обезличилъ ихъ ученія, но и исказилъ свѣдѣнія объ ихъ жизни.

Вторымъ источникомъ для религіознаго познанія въ исламѣ, послѣ Корана, служитъ *сунна*, или хадисъ. Такъ называются слова, изреченія и разсказы о поступкахъ Мухаммеда и его сподвижниковъ, словомъ—все то, что составляетъ мусульманское преданіе. Хотя Коранъ и говоритъ о себѣ, что онъ «заключаетъ въ себѣ всю истину», но тѣмъ не менѣе въ Коранѣ предусмотрѣно далеко не все, что касается различныхъ обстоятельствъ жизни его послѣдователей; сверхъ того въ Коранѣ многія положенія и требованія изложены смутно, неясно, неопредѣленно. Пока былъ живъ самъ Мухаммедъ и его сподвижники, то какъ ихъ собственные примѣры, такъ и личныя ихъ разъясненія служили, послѣ Корана, руководствомъ въ разныхъ трудныхъ случаяхъ и вопросахъ жизни. Но потомъ, когда перемерли всѣ свидѣтели жизни и ученія Мухаммеда, являлась весьма часто нужда въ разъясненіи того или другаго темнаго мѣста Корана или наконецъ того, что было опущено въ немъ. Для этого необходимо

---

[1]) Коранъ, гл. 61, ст. 6.

[2]) «Исламъ и прогрессъ», стр. 51—52.

было знать, какъ поступали и какъ учили поступать въ такихъ случаяхъ самъ Мухаммедъ или его сподвижники (асхабы). Нужно было такимъ образомъ собрать мусульманское преданіе, сунну (хадисы). Только это преданіе, передаваемое вначалѣ изъ устъ въ уста и сохраняемое въ народной памяти, и могло возстановить въ полномъ свѣтѣ личность самого Мухаммеда, его жизнь и первоначальную исторію ислама, его ростъ, а также разъяснить тѣ или другія неясныя мѣста Корана и дать всѣ, даже самыя мелочныя указанія въ жизни мусульманамъ. Такимъ образомъ сунна заключаетъ въ себѣ исторію ислама, руководство въ пониманіи Корана и необходимое дополненіе къ нему. Но для этого необходимо, чтобы то или другое отдѣльное преданіе (хадисъ) имѣло историческую опору (санадъ), достовѣрность; вслѣдствіе этого хадисъ долженъ имѣть прочный иснадъ, т.-е. приведеніе цѣлаго ряда именъ лицъ, послѣдовательно воспринявшихъ тотъ или другой хадисъ отъ достовѣрныхъ свидѣтелей, восходя такимъ образомъ или до самого Мухаммеда, или до одного изъ сподвижниковъ его. Но не смотря на это требованіе, фабрикація хадисовъ (сунны) началась въ мусульманскомъ мірѣ весьма рано и прежде всего по поводу личности халифа Али. Приверженцы послѣдняго, считавшіе первыхъ трехъ халифовъ: Абу-Бекра, Омара и Османа узурпаторами, неправильно занявшими мѣсто намѣстника Мухаммеда, отвергли всѣ хадисы, которые такъ или иначе клонились въ пользу этихъ трехъ халифовъ, и съ особою страстностью занялись собираніемъ и фабрикаціей хадисовъ, которые клонились въ пользу Али. Враги же ихъ, называемые суннитами, не отставали въ этомъ усердіи съ противоположными цѣлями. Тогда же эти споры породили великій расколъ въ исламѣ, который не утратилъ своего значенія и до сихъ поръ; всѣ мусульмане раздѣлились на два, неравномѣрныхъ по своей численности, враждебныхъ лагеря: многочисленныхъ приверженцевъ первыхъ трехъ халифовъ и враговъ Али, которыхъ называли суннитами, и небольшаго количества приверженцевъ Али и враждебныхъ первымъ тремъ хали-

фамъ, которыхъ называли шіитами (отдѣлившимися). Впрочемъ, это совершенно не значитъ, что шіиты не признаютъ сунны или что они имѣютъ у себя только незначительную часть ея. Они не признаютъ только той части сунны, которая касается или исходитъ отъ первыхъ трехъ халифовъ; но за то они особенно поусердствовали въ собираніи и фабрикаціи ея относительно личности Али и всего его семейства. Собраніе хадисовъ усилилось во времена Омейядовъ, которые въ глазахъ всѣхъ правовѣрныхъ мусульманъ были полными узурпаторами власти, захватившими ее въ свои руки вопреки всѣмъ симпатіямъ Мухаммеда и всѣхъ близкихъ къ нему лицъ, вопреки такимъ образомъ суннѣ, такъ какъ Моавія, первый изъ Омейядовъ, былъ сынъ Абу-Софьяна, одного изъ самыхъ главныхъ и злѣйшихъ враговъ Мухаммеда и всего его ислама. Враждебная партія собирала хадисы противъ Омейядовъ; но сторонники ихъ ухитрялись собирать хадисы въ пользу ихъ. Особенно же усердно собирались хадисы при аббасидахъ, которые, въ видахъ привлеченія къ себѣ народныхъ симпатій, явились покровителями и распространителями сунны. Затѣмъ, хадисы весьма усердно фабриковались приверженцами и противниками многочисленныхъ въ то время разныхъ религіозныхъ сектъ и, наконецъ, жителями разныхъ провинцій и областей изъ чувства узкаго патріотизма, съ цѣлью приданія имъ или ихъ городамъ особаго значенія въ исторіи ислама. Фабрикація хадисовъ дошла въ исламскомъ мірѣ до самой широкой безцеремонности, которая не стѣснялась ни анахронизмами, ни противорѣчіями какъ здравому смыслу, такъ и разнымъ другимъ хадисамъ. Въ нихъ оказалось столько лжи и извращенія разныхъ пунктовъ ученія ислама, что, какъ справедливо кто-то замѣтилъ, отъ такихъ хадисовъ съ негодованіемъ отрекся бы самъ Мухаммедъ. Иснадъ оказался не въ силахъ удержать за хадисами историческую достовѣрность, такъ какъ и онъ самъ подвергся фабрикаціи. Другой критерій достовѣрности хадисовъ— иджмаа, т.-е. собраніе, соборы мусульманъ въ первые вѣка ислама и молчаливое согласіе или признаніе и прак-

тика всей мусульманской общины въ послѣдующее время,—оказался крайне эластичнымъ и ненадежнымъ. Безстыдство въ фабрикаціи преданій дошло до того, что хадисы сдѣлались товаромъ, которымъ люди наживы умѣли отлично спекулировать на религіозно-историческомъ рынкѣ ислама. Явились такіе спекулянты, которые, или съ цѣлью прославленія себя, или съ цѣлью обогащенія, предпринимали далекія путешествія по разнымъ областямъ мусульманскаго міра для собиранія хадисовъ, которые послѣ продавали за большія деньги или знаніемъ которыхъ кичились между другими такими же собирателями. Такимъ образомъ хадисы сдѣлались даже предметомъ спорта между мусульманами. Одинъ собиратель преданій, умершій въ 772 году по Р. Хр., даже самъ признавался, какъ свидѣтельствуетъ Гаури, что онъ поддѣлалъ ихъ до 4.000. Но пусть лучше о фальсификаціи хадисовъ засвидѣтельствуетъ одинъ изъ современныхъ намъ мусульманскихъ либераловъ, г. Агаевъ. «Къ несчастью, говоритъ онъ, не все то, что входитъ въ суннатъ, правдоподобно; по мѣрѣ того, какъ исчезали послѣдніе сподвижники Мухаммеда, отдѣльныя личности начали фабриковать преданія, одни—въ видахъ личной мести, какъ Айша [1]), другіе—съ политическими цѣлями, какъ Ибнъ-Аббасъ, а третьи—вовсе изъ любви къ искусству, какъ Ибнъ-Гурейра. Число этихъ ложныхъ преданій скоро возросло до того, что они стали грозить полнымъ извращеніемъ самой религіи и бросали тѣнь подозрѣнія даже на самыя правдоподобныя изъ нихъ» [2]).

Запись хадисовъ началась въ мусульманскомъ мірѣ весьма рано, еще во времена самого Мухаммеда; хотя было и весьма много людей, которые противились этому. Объ омейядѣ Омарѣ II извѣстно, что онъ приказалъ составить особый сборникъ хадисовъ. Однимъ изъ первыхъ извѣстныхъ такихъ сборниковъ былъ сборникъ Малика бенъ-Анаса (ум. въ 179 г. гиджры), подъ заглавіемъ «Му-

[1]) Хорошо же смотритъ г. Агаевъ на мать вѣрующихъ!

[2]) «Кавказъ» 1893 г., № 179.

ватта». Слѣдующій затѣмъ по времени, но самый знаменитый въ мусульманскомъ мірѣ сборникъ преданій былъ составленъ Абу-Абдаллой-Мухаммедомъ бенъ-Исмаилъ аль-Бухари (194—256 гг. гиджры), подъ заглавіемъ: «Джами Сахыхъ». Онъ собиралъ и изучалъ эти преданія, а равно выбиралъ тѣ изъ нихъ, которыя считалъ достовѣрными, въ продолженіе 16 лѣтъ; всего имъ было собрано преданій 200.000, а по другимъ извѣстіямъ—630.000; но вполнѣ достовѣрными онъ призналъ только 7275. Ученикъ его Муслимъ бенъ-уль-Хаджаджъ (ум. въ 261 г.), желая еще болѣе очистить мусульманское преданіе отъ всего недостовѣрнаго и даже ограничить своего учителя, Бухари, составилъ новый сборникъ, подъ тѣмъ же заглавіемъ. Кромѣ этихъ сборниковъ извѣстны еще въ суннитскомъ мірѣ слѣдующіе главные сборники четырехъ авторовъ: Абу-Давида (ум. въ 275 г.), Абу-Исы-Мухаммеда аль-Тирмизи, Абу-Абдаллы Рахмана аль-Назаи и Абу-Абдаллы ибнъ-Мага (ум. въ 283 г.). Всѣ они снова значительно расширили кругъ достовѣрныхъ преданій; такъ наприм., Абу-Давидъ признаетъ таковыми уже 40.000 преданій. Шіиты имѣютъ свои собственные четыре сборника преданій, которыхъ у нихъ не меньше, если только не больше, чѣмъ у суннитовъ [1]). Хотя наши мусульмане, а вмѣстѣ съ ними и г. Агаевъ, стараются увѣрить насъ, что всѣ эти авторы сборниковъ мусульманскихъ преданій «отбросили все то, что не заслуживало довѣрія», но такое увѣреніе не можетъ быть принято нами по слѣдующимъ причинамъ. Прежде всего, ни намъ, ни самимъ нашимъ мусульманамъ совершенно неизвѣстно, чѣмъ, какими началами исторической критики руководствовались всѣ эти собиратели въ дѣлѣ опредѣленія достовѣрности того или другаго хадиса. У насъ положительно нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что историческая критика въ мусульманскомъ мірѣ была когда-либо поставлена на довольно прочныхъ основаніяхъ. Затѣмъ, самый фактъ

[1]) См. довольно обстоятельную статью о мусульманской суннѣ г. Третьякова въ «Православномъ Благовѣстникѣ» за 1900 г., №№ 10—18.

появленія въ мусульманскомъ мірѣ какъ въ суннитской его части, такъ и въ шіитской, многихъ сборниковъ съ различнымъ числомъ достовѣрныхъ преданій, которое колеблется, наприм., между сборникомъ Бухари въ 7275 преданій и сборникомъ Абу-Давида въ 40.000 преданій, заставляетъ съ положительностью заключать, что болѣе или менѣе строгая историческая критика не нашла себѣ приложенія въ этомъ дѣлѣ. Одно существованіе этихъ сборниковъ мусульманскихъ преданій свидѣтельствуетъ, что мусульманская сунна стоитъ предъ нами въ томъ же видѣ, въ какомъ она была и тогда, когда не приступали ни къ какой провѣркѣ ея.

Коранъ и сунна, эта два источника религіознаго познанія, служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и главными опорами, на которыхъ построенъ мусульманскій *шаріатъ*. «Ашшаріатомъ» называется наука о вѣрѣ и законахъ. Сюда относятся: 1) Ильмюль-тафсиръ—наука толкованія Корана, 2) Ильмюль-хадисъ—ученіе преданій и 3) Ильмюль-фикхъ—наука практическаго богословія, т.-е. законовѣдѣніе въ собственномъ смыслѣ, и нѣкоторыя другія. Шаріатъ, писалъ я въ другомъ мѣстѣ, на основаніи одного труда Мирзы А. Казем-бека [1]), распадается на фикхъ, т.-е. практическое богословіе, законовѣдѣніе въ собственномъ смыслѣ, и келямъ—схоластическое богословіе. Начало фикха совпадаетъ съ началомъ самого ислама. Мухаммедъ, его асхабы (сотоварищи, ученики) и первые четыре халифа, которые только и суть истинные халифы, своими постановленіями и рѣшеніями тѣхъ или другихъ спорныхъ дѣлъ и вопросовъ, опредѣлили навсегда предметъ, объемъ и характеръ фикха. Вслѣдъ за этимъ, въ противовѣсъ стремленію послѣдующихъ халифовъ присвоить себѣ законодательную власть, явилось довольно значительное число фагкиховъ, законовѣдовъ, изучившихъ фикхъ съ

[1]) «Введеніе въ Мюхтесерюль-Вигкаетъ, или сокращенный вигкаетъ,—курсъ мусульманскаго законовѣдѣнія по школѣ ханефидовъ». Казань, 1845 г.—См. мою статью о хаджѣ въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» 1885 г., №№ 23—25, и «Средняя Азія. Научно-литературный сборникъ статей по Средней Азіи». Ташкентъ, 1896 г., стр. 137—167.

цѣлью противодѣйствія этимъ незаконнымъ стремленіямъ свѣтскихъ властителей. Вскорѣ было приступлено къ обработкѣ всѣхъ мусульманскихъ наукъ, въ томъ числѣ и фикха. Болѣе или менѣе различное пониманіе частностей фикха послужило причиною появленія между суннитами шести ортодоксальныхъ школъ законовѣдовъ. Основателями этихъ школъ были: 1) Нуманъ бенъ-Сабитъ, прозванный Абу-Ханифа, а также Имамъ-Агзамъ, т.-е. старшій имамъ (ум. въ 150 г. гиджры), 2) Имамъ Малекъ (ум. въ 179 г. гиджры), 3) Имамъ Суфьянъ-Ассаури (ум. въ 161 г.), 4) Имамъ Мухаммедъ Аш-Шафій (ум. въ 204 г.), 5) Имамъ Ахмедъ бенъ-Аль-Ханбель (ум. въ 241 г.) и 6) Имамъ Давудъ Аз-Загири (ум. въ 270 г.). Послѣдователи первыхъ четырехъ имамовъ, называющіеся ханифитами, шафеитами, ханбелитами и малекитами, существуютъ и доселѣ. Эти законовѣды въ пониманіи фикха сначала слѣдовали прямымъ предписаніямъ Корана, преданіямъ, постановленіямъ асхабовъ и первыхъ четырехъ халифовъ. Но послѣ тщательнаго изученія фикха, они пріобрѣли себѣ право расходиться во мнѣніяхъ о томъ или другомъ предметѣ съ своими предшественниками,— пріобрѣли себѣ «право, какъ говоритъ Казем-бекъ, дѣйствовать по своему разумѣнію». Такимъ образомъ они стали пользоваться полнымъ авторитетомъ, или, выражаясь мухаммеданскимъ языкомъ, достигли первой степени иджтихада и стали называться совершенными мюджтехидами. Они суть главные столпы мусульманскаго богословія. Болѣе или менѣе замѣчательные ученики ихъ, которые прославили себя обработкой школы своего учителя или обширными учеными трудами по части фикха, достигли второй степени иджтихада. Мюджтехиды этой степени въ пониманіи сущности и основы фикха должны буквально слѣдовать «совершеннымъ мюджтехидамъ»; они могутъ расходиться съ ними только по отношенію къ несущественному въ законѣ, или, какъ выражаются мухаммедане, по отношенію «къ вѣтвямъ и отраслямъ фикха». Число этихъ второстепенныхъ мюджтехидовъ неизвѣстно. Мюджтехиды третьей степени иджтихада могутъ прояв-

лять свою самостоятельность только въ тѣхъ вопросахъ, которые не были рѣшены высшими мюджтехидами; но и въ этомъ случаѣ рѣшеніе ихъ должно быть согласно съ общимъ духомъ и характеромъ постановленій «совершенныхъ мюджтехидовъ». За иджтихадомъ слѣдуютъ три степени таклида. Первую степень таклида занимаютъ тахриджи, которые изслѣдовали какъ Коранъ, преданіе, такъ и труды мюджтехидовъ, изъяснили темныя, двусмысленныя мѣста въ фикхѣ, нисколько не отступая отъ главныхъ положеній мюджтехидовъ; главная заслуга ихъ состоитъ въ томъ, что они составили по нѣкоторымъ вопросамъ ясные, несомнѣнные приговоры. Вторую степень таклида составляютъ тарджихи, которые писали руководительныя книги по законовѣдѣнію съ тою цѣлью, чтобы указать на лучшія и болѣе удобныя рѣшенія относительно спорныхъ пунктовъ фикха. Третью степень составляютъ мюхкеллиды, которые писали объясненія на составленныя уже руководительныя книги по части законовѣдѣнія, ничего при этомъ не прибавляя своего.

Такимъ образомъ въ суннитскомъ мірѣ, послѣ перечисленныхъ нами мюджтехидовъ первой степени, нѣтъ мѣста никакимъ новымъ, оригинальнымъ толкованіямъ ученія вѣры; всѣ остальные мюджтехиды, а тѣмъ болѣе таклиды, должны во всемъ и буквально слѣдовать первымъ. Въ шіитскомъ же мірѣ, какъ выражается г. Агаевъ, «двери иджтихада остаются открытыми», и въ настоящее время существуетъ въ Персіи нѣсколько мюджтехидовъ. Хотя г. Агаевъ и видитъ въ нихъ превосходство предъ суннизмомъ и залогъ дальнѣйшаго развитія шіитскаго ислама, но намъ извѣстно пока только то, что эти мюджтехиды, своимъ вмѣшательствомъ въ государственную, общественную и даже частную жизнь, способствовали и способствуютъ паденію и разложенію Персіи, что они являются ярыми противниками науки, нововведеній, реформъ, сближенія съ европейцами, и что они въ большинствѣ случаевъ нагло эксплуатируютъ съ цѣлью наживы населеніе, не брезгуя даже скупкой хлѣба

во время голодовокъ [1]). Вообще до сихъ поръ шіитскіе мюджтехиды успѣли проявить себя только съ отрицательной стороны. Какова будетъ ихъ дальнѣйшая дѣятельность и роль въ жизни шіитовъ, покажетъ будущее.

Теперь я постараюсь разсмотрѣть слѣдующіе важные пункты теоретическаго и практическаго ученія ислама, его догматики и иѳики: понятіе о Богѣ, ученіе о предопредѣленіи, нравственное ученіе ислама и положеніе женщины, отношеніе ислама къ другимъ религіямъ, его политическія воззрѣнія, отношеніе его къ прогрессу вообще и къ образованности въ частности.

При знакомствѣ съ *ученіемъ ислама о Богѣ*, я прежде всего долженъ отмѣтить тотъ фактъ, что монотеизмъ, какъ я старался показать выше, существовалъ въ Аравіи гораздо раньше Мухаммеда, что послѣднему такимъ образомъ вовсе не принадлежитъ честь основателя монотеизма въ Аравіи, честь, которою такъ любятъ гордиться наши мусульмане. Доисламическій арабъ, хотя и поклонялся разнымъ богамъ, но въ то же время всегда помнилъ и зналъ верховнаго Бога, «Аллаха Тааля». Арабскому уму, подъ вліяніемъ однообразной, пустынной природы страны и семитическаго духа, гораздо ближе была монотеистическая, чѣмъ политеистическая идея. Этотъ монотеизмъ былъ только временно затемненъ низшими арабскими божествами. Ханифы позднѣйшаго времени уже живо чувствовали эту идею. Заслуга же Мухаммеда въ данномъ случаѣ состоитъ въ томъ, что онъ, окончательно очистивъ монотеистическую идею и отбросивъ, хотя не вдругъ, всѣхъ второстепенныхъ боговъ, идоловъ, подробно развилъ ученіе о единомъ Богѣ и выступилъ съ нимъ въ своей проповѣди къ народу. То же утверждаетъ и Ренанъ, на котораго любятъ ссылаться наши либеральные мусульмане и который говоритъ по этому поводу слѣ-

---

[1]) Рэджэпъ: «Письма изъ Персіи». См. Приложеніе къ «Новому Времени» 1900 г. 4 марта, № 8627.

дующее: «Магометъ такъ же мало ввелъ монотеизмъ, какъ создалъ цивилизацію и литературу арабовъ. Многочисленные факты, указанные въ первый разъ Коссенъ-де-Персеваль, показываютъ, что Мухаммедъ только слѣдовалъ религіозному движенію своего времени, а не отрицалъ его. Монотеизмъ, поклоненіе верховному Аллаху (Аллахъ Тааля), кажется, всегда былъ основаніемъ арабской религіи. Семитическая раса никогда не понимала управленія вселенной иначе, какъ въ формѣ абсолютной монархіи». При этомъ нужно замѣтить еще и то, что до этой чистой монотеистической идеи Мухаммедъ дошелъ, какъ я сказалъ, не вдругъ, а постепенно, чрезъ довольно длинный рядъ колебаній и сомнѣній. Сохраненное, по счастливому недосмотру, какъ весьма остроумно подмѣтилъ Мюллеръ, мусульманскимъ преданіемъ имя сына Мухаммеда отъ Хадиджи—Абду-ль-Менафъ (рабъ, слуга Менафа—идола), и грубый фактъ признанія Мухаммедомъ, когда онъ уже выступилъ въ роли пророка, трехъ идоловъ Каабы: Аль-Латы, Аль-Уззы и Манаты ясно указываютъ, что сей «посланникъ Божій» довольно часто уклонялся въ сторону политеизма, прежде чѣмъ окончательно не усвоилъ себѣ идеи о единомъ Богѣ.—Далѣе, хотя Богъ мусульманина и христіанина одинъ и тотъ же, но понятія о Богѣ у того и другаго довольно различны. Богъ христіанскій, Богъ Евангелія—безмѣрно любящій Отецъ Своихъ созданій; благость и любовь Божіи настолько безпредѣльны, что всякій грѣшникъ можетъ искать себѣ успокоенія и утѣшенія въ Богѣ. Богъ христіанскій есть сама Любовь. Поэтому-то христіане въ своихъ молитвахъ и обращаются къ Нему, какъ къ своему Небесному Отцу: «Отче нашъ!» восклицаютъ они. Поэтому-то Богъ и говоритъ въ Евангеліи: «Пріидите ко Мнѣ, вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы». Совсѣмъ другими чертами характеризуется Богъ мусульманскій, Богъ Корана. Впрочемъ, въ развитіи ученія Мухаммеда о Богѣ, какъ и во всемъ его ученіи и во всей его жизни, нужно строго различать два періода: мекканскій и мединскій. Идея о Богѣ въ первый періодъ жизни и дѣятель-

ности Мухаммеда стоитъ выше, чѣмъ въ послѣдній. Мекканскій Богъ Мухаммеда близко подходитъ къ библейскому, а по мѣстамъ даже, какъ будто, и къ христіанскому Богу. Мухаммедъ, будучи самъ преслѣдуемъ и гонимъ и не находя должнаго сочувствія своей проповѣди въ соотечественникахъ, иногда проповѣдывалъ въ Меккѣ о благости, милости и даже прощеніи Бога. «Просите прощенія, говорилъ еще какой-то Шогаибъ, у Господа вашего и съ раскаяніемъ обратитесь къ Нему: потому что Господь мой милосердъ, любящій» [1]); «Господь мой терпѣливъ и милосердъ» [2]); «Господь твой готовъ прощать симъ людямъ, не смотря на ихъ нечестіе» [3]); «если станете перечислять благодѣянія Божіи, то вамъ вполнѣ не исчислить ихъ» [4]); «скажи: рабы мои, вы, которые неправильно употребляли свои силы! не отчаявайтесь въ милости Божіей: Богъ прощаетъ всѣ грѣхи, потому что Онъ прощающій, милосердый» [5]). Если бы Мухаммедъ постарался развить это свое ученіе о Богѣ, которое у него было только въ зародышѣ, будучи навѣяннымъ отъ разныхъ христіанскихъ еретиковъ и сектантовъ, то онъ очень близко подошелъ бы къ христіанскому ученію; но жизнь, обстоятельства и положеніе Мухаммеда въ Мединѣ быстро мѣняются, а, соотвѣтственно этому, также быстро мѣняется къ худшему и его ученіе о Богѣ. Теперь уже все рѣже и рѣже приходится слышать отъ Мухаммеда проповѣдь о благости и милости Творца. Теперь Мухаммедъ всего чаще и рельефнѣе выставляетъ на видъ всемогущество Божіе и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ Бога дѣйствующимъ по Своему произволу, хотя объ этомъ онъ уже не разъ заявлялъ и въ Меккѣ. «Богъ благопреклоненъ къ тому, къ кому хочетъ» [6]), говоритъ Мухаммедъ. Онъ прощаетъ, кого хочетъ; наказываетъ, кого хо-

---

[1]) Коранъ, гл. 11, ст. 92.
[2]) Коранъ, гл. 12, ст. 53.
[3]) Коранъ, гл. 13, ст. 7.
[4]) Коранъ, гл. 16, ст. 18.
[5]) Коранъ, гл. 39, ст. 54.
[6]) Коранъ, гл. 9, ст. 15 и 27.

четъ [1]); даетъ рай, кому хочетъ [2]). Богъ запечатываетъ сердца, зрѣніе, слухъ невѣрныхъ, и оттого они не вѣруютъ въ откровеніе Его [3]), накладываетъ на сердца ихъ покрывала [4]), на очи ихъ завѣсу [5]); въ уши ихъ влагаетъ глухоту [6]); сближаетъ между собой нечестивыхъ для ихъ погибели [7]). Богъ располагаетъ сердца людей, какъ хочетъ, или къ вѣрѣ, или къ невѣрію [8]), и ведетъ людей въ заблужденіе [9]). Богъ выставляется теперь жестокимъ и мстительнымъ. «Молись о прощеніи имъ (невѣрующимъ), или не молись о прощеніи имъ... Если помолишься о прощеніи имъ и семьдесятъ разъ, Богъ не проститъ имъ. Не подобаетъ пророку и вѣрующимъ просить у Бога прощенія многобожникамъ, хотя бы они были близкими родственниками, послѣ того, какъ имъ объявлено, что они будутъ изгнаны въ огонь геенскій» [10]). Онъ (т.-е. Богъ) ведетъ людей къ погибели незамѣтно для нихъ самихъ [11]). Онъ сотворилъ великое число геніевъ и людей для геенны [12]). Богъ рисуется въ Коранѣ весьма страшными чертами. «Онъ мещетъ перуны и поражаетъ ими тѣхъ, кого хочетъ, въ то время, какъ они спорятъ о Богѣ; Онъ страшенъ Своимъ прещеніемъ» [13]). По всему видно, что Мухаммедъ хотѣлъ устрашить такими образами и такимъ представленіемъ Бога своихъ враговъ. Такимъ образомъ Богъ Корана—не любящій отецъ своихъ тварей, но грозный съ громаднымъ произволомъ восточ-

---

[1]) Коранъ, гл. 2, ст. 284; гл. 3, ст. 124; гл. 5, ст. 21 и 44; гл. 48, ст. 14.

[2]) Коранъ, гл. 25, ст. 11.

[3]) Коранъ, гл. 2, ст. 6; гл. 45, ст. 22.

[4]) Коранъ, гл. 17, ст. 48; гл. 6, ст. 25.

[5]) Коранъ, гл. 2, ст. 6; гл. 45, ст. 22.

[6]) Коранъ, гл. 6, ст. 25; гл. 17, ст. 48; гл. 18, ст. 55.

[7]) Коранъ, гл. 6, ст. 129.

[8]) Коранъ, гл. 6, ст. 125.

[9]) Коранъ, гл. 6, ст. 39; гл. 30, ст. 28; гл. 45, ст. 22; гл. 35, ст. 9; гл. 40, ст. 74; гл. 13, ст. 27; гл. 14, ст. 4; гл. 16, ст. 95; гл. 35, ст. 9.

[10]) Коранъ, гл. 9, ст. 81 и 114.

[11]) Коранъ, гл. 7, ст. 181; гл. 68, ст. 44.

[12]) Коранъ, гл. 7, ст. 178; гл. 11, ст. 120; гл. 32, ст. 13; гл. 38, ст. 85.

[13]) Коранъ, гл. 13, ст. 14.

ный деспотъ, котораго должно только страшиться и у котораго сокрушенный сердцемъ грѣшникъ, пожалуй, будетъ напрасно искать утѣшенія, успокоенія и спасенія, потому что Богъ, кого хочетъ, вводитъ въ заблужденіе и поражаетъ всѣхъ своею холодностью. «Мусульманскій Господь, говоритъ нашъ оріенталистъ Березинъ, не есть Богъ мира и любви; онъ—Богъ ожесточенной войны съ невѣрными, онъ мстителенъ, онъ не безстрастенъ». Мало всего этого. Мухаммедъ въ своихъ представленіяхъ о Богѣ дошелъ даже до кощунства. Онъ весьма подробно описываетъ Бога хитрымъ. Онъ говоритъ, что у Бога «хитрость во всей полнотѣ» [1]), что Богъ перехитрилъ хитрость іудеевъ противъ Іисуса [2]), перехитрилъ ухищренія жителей Мекки погубить его, Мухаммеда [3]), что Богъ—самый быстрый въ хитростяхъ [4]). Отъ хитрости Бога люди не могутъ обезопасить себя [5]); хитрости Бога незамѣтны и для хитрыхъ людей [6]). Богъ—искуснѣйшій изъ хитрецовъ [7]). «Они хитрили, говорится въ Коранѣ, и Богъ хитрилъ: но Богъ—самый искусный изъ хитрецовъ». Отсюда не удивительно, что въ спискахъ «прекрасныхъ именъ Божіихъ», которыя имѣютъ громадное значеніе въ мусульманскомъ богословіи, встрѣчаются такія имена Божіи, какъ «внѣшній» (75-ое), «внутренній» (76-ое) и даже «вредный» (91-ое) и «полезный» (92-ое). Конечно, наши мусульмане вольны объяснять названіе «вредный» и «хитрость» Божію, какъ угодно, и утверждать, что слова эти употреблены здѣсь не въ буквальномъ, а въ какомъ-либо переносномъ смыслѣ; но не нужно забывать при этомъ и того, что въ языкѣ очень много словъ и каждое изъ нихъ имѣетъ свое собственное значеніе.— Затѣмъ, Мухаммедъ заставляетъ Бога въ своемъ Коранѣ

---

[1]) Коранъ, гл. 13, ст. 42.
[2]) Коранъ, гл. 3, ст. 47 и 48.
[3]) Коранъ, гл. 8, ст. 30.
[4]) Коранъ, гл. 10, ст. 22.
[5]) Коранъ, гл. 7, ст. 97.
[6]) Коранъ, гл. 27, ст. 51 и 52.
[7]) Коранъ, гл. 3, ст. 47; гл. 8, ст. 30 и мн. др.

клясться ничтожными и даже несуществующими предметами. Такъ наприм., Богъ клянется «письменною тростью» [1], «быстро бѣгущими (конями) съ пыханьемъ и выбивающими искры; пускающимися въ набѣгъ съ ранняго утра, поднимающими во время его пыль, врывающимися во время его въ средину толпы» [2]. Такимъ образомъ выходитъ, что Богъ клянется барантачами (въ туркестанскомъ смыслѣ слова), разбойниками. Наконецъ, Богъ клянется даже «четомъ и нечетомъ» [3]. Гдѣ же во всемъ этомъ, позволю спросить, высота ученія ислама?! И неужели можно теперь повѣрить г. Девлетъ-Кильдѣеву, который утверждаетъ, что «лучшаго понятія о Богѣ, чѣмъ даетъ исламъ, трудно себѣ и представить»?!—Наконецъ, въ довершеніе всего, Мухаммедъ не вполнѣ достигъ представленія о Богѣ, какъ о духовномъ Существѣ, а его правовѣрные послѣдователи, придерживавшіеся больше буквы Корана, впали въ этомъ случаѣ въ грубый антропоморфизмъ. Табарани, на основаніи одного преданія (сунны), приписываетъ Мухаммеду слѣдующее сообщеніе: «я, говоритъ Мухаммедъ, видѣлъ Господа Бога въ видѣ безбородаго юноши съ роскошно вьющимися волосами и обутаго въ золотыя сандаліи». Мусульманская сунна особенно постаралась въ дѣлѣ собранія преданій съ такимъ грубымъ антропоморфическимъ представленіемъ о божествѣ. Съ этимъ взглядомъ не могли примириться мутазилиты, которые настаивали на духовности божества и невозможности видѣть его тѣлесными очами. Между той и другой партіей, между правовѣрными суннитами и либеральными мутазилитами, возникли горячіе споры о свойствахъ (аттрибутахъ) Божіихъ, возникла ожесточенная борьба, которая, хотя и дала кратковременный перевѣсъ мутазилитамъ, но окончилась полнымъ торжествомъ правовѣрныхъ суннитовъ.

Далѣе, Коранъ проповѣдуетъ вредный въ общественно-политической жизни *фатализмъ*, вѣру въ предопредѣле-

[1]) Коранъ, гл. 68, ст. 1.
[2]) Коранъ, гл. 100, ст. 1—5.
[3]) Коранъ, гл. 89, ст. 2.

ніе, рокъ, судьбу (такдиръ, кысметъ), которая выродилась изъ основнаго ученія Мухаммеда объ исламѣ, какъ покорности человѣка Богу, вслѣдствіе доведенія этого ученія до крайнихъ предѣловъ логическаго мышленія. Впрочемъ, относительно этого пункта ученія ислама мы встрѣчаемся съ двумя противоположными взглядами Корана. Въ однихъ мѣстахъ и по преимуществу въ мекканскихъ главахъ, хотя и не вполнѣ ясно, говорится о свободной волѣ человѣка, о свободномъ его выборѣ, объ усвоеніи имъ тѣхъ или другихъ дѣлъ. «Богъ, говоритъ Мухаммедъ, обязываетъ душу только къ тому, что̀ для нея удобоисполнимо: для нея—то, что̀ пріобрѣла она, и противъ нея—то, что̀ пріобрѣла она» [1]). «Каждый человѣкъ поступаетъ по своему произволу» [2]). «Скажи: каждый поступаетъ по своему произволу; но Господь вашъ вполнѣ знаетъ того, кто идетъ по прямой стезѣ» [3]). Но въ другихъ, гораздо болѣе многочисленныхъ мѣстахъ Корана и при томъ весьма опредѣленно, категорично и настойчиво проповѣдуется крайній и самый безотрадный фатализмъ. «Никакое бѣдствіе, говоритъ Богъ въ Коранѣ, не совершается ни на землѣ, ни въ васъ, если оно не было предопредѣлено въ книгѣ прежде того, какъ Мы творимъ его» [4]). «Господь твой, говоритъ Мухаммедъ, творитъ, что̀ хочетъ, и, что̀ хочетъ, свободно избираетъ; у нихъ (т.-е. у людей) нѣтъ свободнаго выбора» [5]). «Если бы Господь твой восхотѣлъ, то всѣ бы до единаго, кто только есть на землѣ, увѣровали бы» [6]). Но Богъ запечатываетъ сердца, зрѣніе, слухъ невѣрныхъ, и оттого они не вѣруютъ въ откровеніе Его, накладываетъ на сердца ихъ покрывала, на очи ихъ завѣсу, въ уши ихъ влагаетъ глухоту, сближаетъ между собою нечестивыхъ для

---

[1]) Коранъ, гл. 2, ст. 286.

[2]) Коранъ, гл. 17, ст. 86; гл. 2, ст. 104; гл. 6, ст. 120; гл. 16, ст. 112; гл. 39, ст. 52 и 70; гл. 45, ст. 21 и др.

[3]) Коранъ, гл. 17, ст. 86.

[4]) Коранъ, гл. 57, ст. 22.

[5]) Коранъ, гл. 28, ст. 68.

[6]) Коранъ, гл. 10, ст. 99; гл. 16, ст. 9.

ихъ же погибели и располагаетъ сердца людей, какъ хочетъ, или къ вѣрѣ, или къ невѣрію [1]). «Богъ, кого хочетъ, вводитъ въ заблужденіе, и кого хочетъ, ставитъ на прямой путь» [2]). «Кого вводитъ въ заблужденіе Богъ, для того уже нѣтъ вождя. Такихъ оставляетъ Онъ, и они въ своемъ блужданіи ходятъ, какъ умоизступленные» [3]). «Богъ уводитъ въ заблужденіе, кого хочетъ, и прямо руководитъ, кого хочетъ; потому душа твоя да не скорбитъ по нимъ» [4]). «Если бы Мы захотѣли, говоритъ Богъ, то каждую душу вели бы по прямому пути; но истинно Мое слово: наполню геенну геніями и людьми, вмѣстѣ всѣми» [5]). Само собою понятно, что эти и многія другія подобныя имъ мѣста Корана не оставляютъ мѣста для свободной воли человѣка. Надъ всѣмъ родомъ людскимъ царитъ рокъ, предопредѣленіе (такдиръ, кысметъ), или, вѣрнѣе, произволъ Бога; мы не въ силахъ измѣнить или направить въ ту или въ другую сторону волю Бога, который такъ деспотически правитъ вселенною; а потому всѣ наши попытки въ этомъ родѣ крайне безсмысленны, потому что совершенно безплодны. Всѣ попытки наши улучшить то или другое положеніе вещей не имѣютъ ровно никакого значенія, потому что уже все заранѣе опредѣлено Богомъ.

Но наши либеральные мусульмане отрицаютъ существованіе въ исламѣ фатализма, тщательно скрывая всѣ относящіяся сюда мѣста Корана и выставляя на видъ только тѣ, гдѣ, хотя и неясно, говорится о свободной волѣ человѣка. «Вѣрованіе мусульманъ въ фатализмъ, говоритъ Девлетъ-Кильдѣевъ, происходитъ отъ неправильнаго ихъ толкованія чувствъ покорности волѣ Божіей и отъ непониманія, что эта покорность, при свободной волѣ

---

[1]) См. выше.

[2]) Коранъ, гл. 6, ст. 39.

[3]) Коранъ, гл. 7, ст. 185.

[4]) Коранъ, гл. 35, ст. 9; а также: гл. 6, ст. 125; гл. 11, ст. 36; гл. 14, ст. 4; гл. 16, ст. 95; гл. 28, ст. 56 и мн. др.

[5]) Коранъ, гл. 32, ст. 13; а также: гл. 7, ст. 178; гл. 11, ст. 120.

человѣка, не исключаетъ извѣстную самодѣятельность» [1]). Вслѣдъ за ними и нашъ Вл. С. Соловьевъ, ознакомившійся съ исламомъ главнымъ образомъ со словъ другихъ лицъ, утверждаетъ слѣдующее: «Неправы тѣ историки (между прочимъ и такой объективный критикъ ислама, какъ Авг. Мюллеръ), которые приписываютъ Мухаммеду нелѣпый и богохульный догматъ о предопредѣленіи ко злу, т.-е. что Богъ по произволу Своему предназначилъ однимъ быть добрыми и спастись, а другимъ быть злыми и погибнуть. Такой взглядъ можно находить въ отдѣльныхъ изреченіяхъ Корана только вслѣдствіе неспособности Мухаммеда къ точному и раздѣльному выраженію отвлеченныхъ идей. Но если у него не было связной и послѣдовательной богословской системы, то у него нельзя отнять живаго религіознаго сознанія, открывшаго ему Бога истины, Бога праведнаго и милостиваго. Если не логическая мысль, то сердечное чувство и истинное благочестіе препятствовали Мухаммеду представлять Бога несправедливымъ». Вслѣдъ за этимъ г. Соловьевъ говоритъ, что Мухаммедъ нигдѣ прямо не высказывалъ и не могъ высказывать той мысли, что Богъ произвольно осудилъ нѣкоторыхъ людей за ихъ невѣріе на погибель, а что онъ только проповѣдывалъ, что всевѣдущій Богъ попускаетъ нѣкоторымъ людямъ пребывать въ невѣріи и идти къ погибели и что Онъ для Своихъ провиденціальныхъ цѣлей только какъ бы ожесточаетъ ихъ сердце (все равно уже ожесточенное и погибшее), какъ Онъ ожесточилъ сердце фараона, чтобы Моисей прославился великими знаменіями. «Такова, заключаетъ г. Соловьевъ, Мухаммедова мысль о предопредѣленіи, основанномъ не на произволѣ Божіемъ, а на Его всевѣдѣніи и вседѣйственности, на которыя много разъ и съ особымъ удареніемъ указывается въ Коранѣ» [2]). Такая апологія ислама по занимающему насъ вопросу крайне слаба въ своихъ основаніяхъ, такъ какъ она вся цѣликомъ построена только на предположеніи,

---

[1]) Девлетъ-Кильдѣевъ, стр. 23.

[2]) «Магометъ, его жизнь и дѣятельность». СПБ., 1896 г., стр. 35—36.

на благопожеланіи, что такой сердечно-религіозный и истинно-благочестивый человѣкъ (почти подлинныя выраженія г. Соловьева), какимъ былъ Мухаммедъ, не могъ высказать такого «нелѣпаго и богохульнаго догмата», какимъ является ученіе о предопредѣленіи Богомъ, по Своему произволу, нѣкоторыхъ людей ко злу. Я вполнѣ согласенъ съ нашимъ покойнымъ почтеннымъ философомъ, что Мухаммедъ не могъ, т.-е. не долженъ былъ бы, казалось, высказывать такого нелѣпаго ученія о Богѣ; но отсюда еще далеко не слѣдуетъ, что Мухаммедъ и не высказывалъ его. Обѣлять такъ, какъ обѣляетъ г. Соловьевъ Мухаммеда, можно всякаго: NN, основатель извѣстной религіи, ереси или секты, былъ религіозный человѣкъ; слѣдовательно, онъ не могъ учить и не училъ нелѣпо о Богѣ и человѣкѣ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ; NN, хотя бы первые попавшіеся на мысль,—Игнатій Лойола, Іоаннъ Грозный и др.,—извѣстны намъ, какъ религіозные и благочестивые люди; слѣдовательно, ни первый изъ нихъ не проповѣдывалъ безнравственнаго ученія, ни второй не поступалъ безнравственно. Согласитесь сами, что такая защита Мухаммеда противорѣчитъ началамъ здраваго разума. Придерживаясь этого способа защиты, можно даже утверждать, что блаженный Августинъ и кальвинисты, проповѣдывавшіе догматъ о предопредѣленіи Божіемъ, никогда такого ученія не проповѣдывали и не могли проповѣдывать, потому что они были люди религіозные. Я вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что̀ разумѣетъ г. Соловьевъ между строкъ въ своей апологіи Мухаммеда,—что этотъ догматъ противорѣчитъ идеѣ о Богѣ, какъ о праведномъ и милосердомъ Существѣ; но отъ этого нисколько не легче исламу и его основателю, котораго весьма часто можно упрекать въ противорѣчіяхъ и который, вопреки завѣренію г. Соловьева, не въ какихъ-либо отдѣльныхъ изреченіяхъ, выхваченныхъ мною изъ его проповѣдей съ предвзятой мыслью, а въ громадномъ, цѣломъ и стройномъ рядѣ поученій развивалъ ученіе о предопредѣленіи Божіемъ во всей строгости его конечныхъ, безотрадныхъ для человѣчества выводовъ; доказа-

тельствомъ чего служатъ приведенныя мною выше и еще оставшіяся неприведенными многочисленныя мѣста Корана. Мухаммедъ особенно подробно развивалъ ученіе о фатализмѣ тогда, когда ему нужно было, съ одной стороны, возбудить мужество и храбрость въ своихъ послѣдователяхъ для предстоящихъ походовъ и битвъ съ многочисленными врагами, или когда, съ другой, ему нужно было успокоить своихъ приверженцевъ, осиротѣвшихъ и роптавшихъ объ утратѣ на полѣ битвъ своихъ близкихъ—поильцевъ и кормильцевъ. Кто долго и внимательно, безъ предубѣжденія, изучалъ Коранъ, тотъ неминуемо приходитъ къ тому заключенію, что общій тонъ, общій духъ Корана по интересующему насъ вопросу именно тотъ, что все, буквально все, а въ томъ числѣ и люди, заранѣе опредѣлено Богомъ и предназначено Имъ къ извѣстной участи; и что, наоборотъ, мѣстъ, трактующихъ о свободной волѣ человѣка, въ Коранѣ весьма мало; они являются въ немъ лишь отрывочно, безъ всякой связи съ общимъ духомъ коранической морали. Скажу даже болѣе: эти здравыя мысли, навѣянныя Мухаммеду или богооткровенными религіями, или же временными, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, минутными вспышками доброжелательства своимъ врагамъ, какъ-то рѣжутъ своею здѣсь неумѣстностью наше зрѣніе и слухъ, ибо основной тонъ морали Корана—фатализмъ, предопредѣленіе отъ Бога правовѣрныхъ мусульманъ къ вѣчному спасенію, а невѣрныхъ—къ вѣчной погибели. Что же касается того, что г. Соловьеву кажется невѣроятнымъ, что Мухаммедъ могъ проповѣдывать такой «богохульный» догматъ, то на это нужно замѣтить, что Мухаммедъ, какъ я старался показать и буду имѣть еще случаи говорить объ этомъ и дальше, довольно часто доходилъ даже до кощунства. Поэтому снова нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Мухаммедъ проповѣдывалъ крайній фатализмъ; напротивъ, весьма удивительно объяснять это ученіе Мухаммеда такъ, какъ дѣлаетъ это г. Соловьевъ, т.-е. объяснять его всевѣдѣніемъ и попустительствомъ Божіимъ въ извѣстныхъ провиденціаль-

ныхъ цѣляхъ. Въ доказательство такого объясненія нашъ философъ не могъ привести ни одного мѣста изъ Корана. Чтобы закончить споръ о томъ, проповѣдывалъ ли Мухаммедъ фатализмъ, или же онъ признавалъ за человѣкомъ свободу воли, слѣдуетъ обратиться еще къ религіозному сознанію послѣдователей его. Еще при жизни Мухаммеда, а по другимъ свѣдѣніямъ—раньше его, въ Аравіи появились, навѣрно—подъ вліяніемъ христіанскихъ идей, споры о предопредѣленіи Божіемъ и свободной волѣ человѣка; одни изъ арабовъ признавали послѣднюю и отвергали первое; они назывались кадариты; между тѣмъ какъ другіе признавали предопредѣленіе Божіе и отвергали свободную волю въ человѣкѣ; ихъ называли джабариты; средину между ними занимали мусбиты, признававшіе предопредѣленіе Божіе, но не отвергавшіе извѣстнаго свободнаго участія человѣка въ своихъ поступкахъ. Мусульманское преданіе, на которое такъ любятъ ссылаться наши либеральные мусульмане и особенно—Атаулъ Баязитовъ, приписываетъ Мухаммеду слѣдующее изреченіе: «кадариты—это враги Божіи въ вопросѣ о кадарѣ (свободѣ воли)» [1]). Исторія же намъ разсказываетъ, что этотъ споръ о свободѣ воли человѣка, съ одной стороны, и о предопредѣленіи Божіемъ, съ другой,—долго не прекращался въ исламѣ и послѣ смерти Мухаммеда; при чемъ защитники свободы воли въ человѣкѣ всегда признавались неправомыслящими, сектантами со стороны ортодоксальной партіи суннитовъ, которые были всѣ джабаритами. «Мы, признающіе предопредѣленіе, говоритъ Рази, утверждаемъ, что это ученіе дошло до насъ непосредственно отъ самого посланника Божія. Не вѣрить этому значитъ обвинять посланника во лжи». Вотъ почему при омейядахъ, Абду-ль-Маликѣ (685—705 г.) и Хишамѣ (724 — 743), были казнены главы секты кадаритовъ; а вслѣдъ затѣмъ были открыты жестокія гоненія противъ появившихся мутазилитовъ, которые въ данномъ вопросѣ были вполнѣ согласны со своими предшественниками—

[1]) Жузе, стр. 32—33.

кадаритами и видѣли въ предопредѣленіи Божіемъ противорѣчіе ученію о благости и справедливости Божіей. Только, повторю опять, въ продолженіе 34-хъ лѣтъ, съ 813 по 847 г., торжествовало въ исламскомъ мірѣ ученіе мутазилитовъ, а съ нимъ вмѣстѣ и ученіе ихъ о свободѣ воли въ человѣкѣ. Во все же остальное время господствовало и господствуетъ противоположное ученіе о предопредѣленіи Божіемъ. Въ это ученіе внесъ небольшую поправку только Ашшари, бывшій прежде мутазилитомъ. Онъ составилъ теорію такъ наз. *касба* (совершеніе, усвоеніе чего-нибудь), которая состоитъ въ слѣдующемъ: человѣку принадлежитъ только *желаніе* чего-нибудь, за что онъ и является отвѣтственнымъ предъ Богомъ; самое же *осуществленіе* этого желанія, приведеніе его въ исполненіе принадлежитъ Богу. Но суть дѣла отъ этой слишкомъ искусственной теоріи мало измѣняется, такъ какъ Богъ является при этомъ участникомъ зла на землѣ вмѣстѣ съ человѣкомъ.

Такимъ образомъ ученіе о фатализмѣ такъ ясно выражено въ Коранѣ и имѣетъ такое громадное значеніе въ исламѣ, что составляетъ особый догматъ, отрицаніе котораго равносильно отрицанію всего ислама. Въ мусульманскомъ богословіи вся теоретическая часть ученія ислама представляется въ слѣдующей формулѣ, которая считается символомъ мусульманской вѣры: «вѣрую въ Бога, въ ангеловъ Его, въ книги Его, въ посланниковъ Его, въ послѣдній день, въ предопредѣленіе добра и зла отъ всевышняго Бога и въ воскресеніе послѣ смерти». «Все происходящее во вселенной, говоритъ нашъ оріенталистъ Березинъ, заранѣе неизмѣнно опредѣлено мусульманскимъ Господомъ: догматъ предопредѣленія есть одинъ изъ самыхъ существенныхъ и наиболѣе распространенныхъ въ исламѣ». Пасторъ Гаури въ своемъ изслѣдованіи объ исламѣ не знаетъ, куда ему склониться въ своемъ сужденіи по данному вопросу, такъ какъ онъ видитъ въ Коранѣ мѣста за предопредѣленіе Божіе и за свободную волю въ человѣкѣ. Очевидно, что пасторъ Гаури незнакомъ съ мусульманской теоріей насха, по которой всѣ немногія

мѣста Корана, гдѣ говорится о свободной волѣ человѣка, отмѣнены позднѣйшими другими мѣстами Корана, гдѣ эта свобода отрицается. Если мы не будемъ имѣть въ виду этой теоріи насха, то никогда не поймемъ ислама, такъ какъ совершенно запутаемся въ противорѣчіяхъ Корана.—Вотъ одна изъ тѣхъ глубокихъ причинъ, которыя всегда растлѣваютъ мусульманскія государства. Этотъ безотрадный фатализмъ безпощадно убиваетъ все разумное въ мусульманскихъ народахъ. Вотъ почему мы и видимъ во всѣхъ мусульманскихъ государствахъ полный упадокъ всюду: въ умственномъ, нравственномъ, политическомъ, экономическомъ и другихъ отношеніяхъ [1]). Позднѣйшіе мусульманскіе суннитскіе богословы идутъ еще дальше простаго признанія ученія о предопредѣленіи; они, на основаніи многочисленныхъ мѣстъ Корана [2]), утверждаютъ, что у Бога на небѣ есть особая скрижаль, ляуху-ль-махфузъ, въ которой написанъ весь Коранъ, а также все прошедшее, настоящее и будущее.—При этомъ нельзя не замѣтить, что въ мусульманскомъ мірѣ вопросъ о предопредѣленіи составляетъ предметъ постоянныхъ споровъ. «Толкованіе сего догмата, говоритъ извѣстный знатокъ ислама баронъ Торнау, есть одно изъ важнѣйшихъ различій между сунни и ши'э. Первые принимаютъ ученіе о предопредѣленіи въ точномъ его смыслѣ, не допуская въ человѣкѣ произвола въ дѣйствіяхъ. Непоколебимое, упорное вѣрованіе въ этотъ догматъ есть причина слѣпаго, безусловнаго фанатизма суннитовъ. Ши'э находятъ ученіе о непреложномъ опредѣленіи будущности

---

[1]) Г. Гаспринскій совершенно напрасно «чувствуетъ» среди мусульманъ Константинополя, Смирны, Каира, Дамаска и Туниса «Европу—оживленіе умственной и нравственной жизни и слышитъ новыя, далеко не азіатскія идеи и стремленія». Тамъ не только нѣтъ Европы, но тамъ и Азію мы видимъ съ худшей ея стороны. Если бы не поддержка и соперничество европ. правительствъ, которыя всѣ заинтересованы въ такъ наз. «восточномъ вопросѣ», то этотъ «больной человѣкъ», Турція, давно уже испустилъ бы послѣднее дыханіе.

[2]) Главныя мѣста: гл. 85, ст. 21—22; гл. 36, ст. 11; гл. 78, ст. 29; гл. 57, ст. 22; гл. 56, ст. 77.

каждаго человѣка противнымъ ученію о справедливости Божіей» [1]). Я прошу читателя обратить на это обстоятельство особое вниманіе, такъ какъ почти всѣ наши мусульмане, за исключеніемъ небольшаго числа въ Закавказьѣ, принадлежатъ къ суннитамъ.

Въ нравственномъ ученіи ислама *чувственность* и чувственныя удовольствія занимаютъ весьма видное мѣсто. И нужно замѣтить, что мораль ислама въ данномъ случаѣ служитъ полнымъ выраженіемъ личности Мухаммеда, въ которомъ отчасти текла кровь узрита; а это племя, по свидѣтельству арабскихъ историковъ, отличалось громадной страстностью въ любви: «я, говоритъ одинъ узритъ,— одинъ изъ тѣхъ, которые умираютъ, когда любятъ». Наслѣдственность въ этомъ отношеніи сказалась въ Мухаммедѣ во всей силѣ. Если онъ когда-либо и былъ воздержанъ, цѣломудренъ, то только въ первую половину своей жизни, когда онъ былъ женатъ на старой Хадиджѣ, которая не давала воли своему молодому супругу. Послѣ же смерти первой своей жены, во всю остальную жизнь Мухаммедъ почти не зналъ предѣла своей чувственности. Онъ не разъ самъ признавался, что ему больше всего нравятся на свѣтѣ молитва, женщины и благовонія. Пасторъ Гаури совершенно не понимаетъ, какимъ образомъ Мухаммедъ, прожившій до 48 г. своей жизни съ одной женщиной, которая была на 13 (на 15) лѣтъ старше его, могъ впасть подъ 60 лѣтъ въ такія половыя излишества, и объясняетъ это явленіе болѣзнью Мухаммеда. Но объясненіе этихъ половыхъ излишествъ въ послѣдніе годы жизни Мухаммеда именно заключается въ его относительномъ воздержаніи въ первую половину жизни со старой Хадиджей. Чувственность и сладострастіе не покидали его даже во время молитвы; такъ наприм., Шпренгеръ, на котораго, совершенно не зная, ссылается Девлетъ-Кильдѣевъ, говоритъ, что Мухаммедъ въ мечети во время богослуженія пряталъ голову подъ покрывало Айши, ласкалъ

[1]) Торнау: «Изложеніе началъ мусульманскаго законовѣдѣнія». СПБ., 1850 г., стр. 40.

ее, игралъ ея волосами. Мухаммедъ далъ такой просторъ своимъ страстямъ, что то и дѣло справлялъ свои свадьбы, часто даже не выжидая удобнаго и приличнаго времени и мѣста. Понравилась ему, наприм., еврейка Суфья, и онъ началъ ухаживать за ней по дорогѣ изъ Хайбара въ Мединy. Какъ только она согласилась на предложеніе его, Мухаммедъ отдалъ приказъ цѣлому отряду остановиться на ночлегъ и устроилъ свадьбу. Въ другой разъ сластолюбіе закралось Мухаммеду во время совершенія хаджа въ 629 году. Едва окончились эти религіозные обряды, какъ въ мѣстечкѣ Шарифъ, въ 8 миляхъ отъ Мекки, была устроена для него съ Маймуной подъ однимъ деревомъ брачная постель. Во время своей жизни, или, вѣрнѣе, въ продолженіе послѣднихъ 11-ти лѣтъ своей жизни, Мухаммедъ успѣлъ жениться по крайней мѣрѣ на 20-ти женахъ, не считая наложницъ, и умеръ въ ожиданіи пріѣзда красавицы Катайлы изъ племени Киндитовъ. Сами его послѣдователи даже начали смущаться такимъ поведеніемъ своего пророка. Тогда Мухаммедъ, нисколько не стѣсняясь, объявляетъ отъ имени Бога слѣдующее мѣсто Корана: «Пророкъ! Мы разрѣшили тебѣ брать въ супруги тѣхъ, которымъ дашь ты брачные дары; невольницъ, какими владѣетъ рука твоя изъ той добычи, какую доставилъ тебѣ Богъ; дочерей дядей твоихъ и дочерей тетокъ твоихъ по матери; тѣхъ, которыя вмѣстѣ съ тобою переселились сюда (въ Медину), и всякую вѣрующую женщину, если она отдастъ себя пророку, если пророкъ захочетъ жениться на ней: это твое особенное право, а не всѣхъ вѣрующихъ [1]). Знаемъ, какіе уставы мы имъ дали

[1]) Мусульманскіе ученые не только не стѣсняются такимъ поведеніемъ своего пророка, но, напротивъ, утверждаютъ, что пророчество—столь трудная задача, что Богъ всегда вознаграждаетъ пророка въ любовныхъ наслажденіяхъ, что излишество въ любовныхъ наслажденіяхъ составляетъ такимъ образомъ преимущество пророковъ; при этомъ, безъ всякаго стыда, они добавляютъ, что хотя у Мухаммеда и не было такъ много женъ, какъ наприм. у Соломона, но что пророкъ ихъ не былъ ниже этого царя. Шпренгеръ: «Das Leben und die Lehre des Mohammad», B. 3, S. 61—87. Машановъ: «Мухаммеданскій бракъ», Казань, 1876 г., прилож., стр. 6—38.

въ отношеніи супругъ ихъ и невольницъ, какими овладѣла рука ихъ, для того, чтобы не было грѣха на тебѣ. Богъ—прощающій, милосердъ. Можешь устранить отъ себя ту изъ нихъ, которую захочешь, и можешь принять къ себѣ ту, которую захочешь, и которую пожелаешь изъ тѣхъ, которыхъ ты отдалилъ отъ себя: на тебѣ въ этомъ нѣтъ грѣха. Отъ этого лучше всего повеселѣютъ ихъ очи: онѣ не будутъ печалиться и всѣ онѣ удовольствуются тѣмъ, что ты предоставишь каждой изъ нихъ. Богъ знаетъ, что въ сердцахъ вашихъ: Богъ—знающій, кроткій. Послѣ сего тебѣ уже не позволяется брать больше женъ [1]), ни замѣнять ихъ другими супругами, хотя бы красота ихъ очень нравилась тебѣ, исключая невольницъ [2]), какими завладѣетъ рука твоя: Богъ—наблюдатель надъ всѣмъ» [3]). Здѣсь положительно не знаешь, чему больше удивляться: кощунству ли этого «пророка», или чувственной жадности, сладострастію его. Но всего этого мало. Мухаммедъ примѣшиваетъ откровеніе Божіе и къ болѣе грязнымъ случаямъ. Однажды онъ нарушилъ заведенный имъ порядокъ ночнаго посѣщенія своихъ женъ и провелъ одну ночь, вмѣсто Гафсы, съ Маріей коптянкой. Узнала объ этомъ Гафса и набросилась на Мухаммеда: «какъ?! въ моей хижинѣ и въ мой день?!... И ты называешь себя посланникомъ Божіимъ!!» Въ такомъ затруднительномъ случаѣ Мухаммедъ прибѣгнулъ опять къ помощи Бога. Слѣдующее откровеніе явилось очень кстати: «Пророкъ! зачѣмъ ты, желая угодить супругамъ своимъ, считаешь запрещеннымъ для себя то, что разрѣшилъ для тебя Богъ? Богъ—прощающій, милосердъ. Богъ позволилъ вамъ нарушать ваши клятвы; Богъ—покровитель вашъ» [4]). Такимъ образомъ Мухаммедъ разрѣшилъ себѣ все. Недаромъ при этомъ откровеніи не утерпѣла Айша и ядовито замѣтила слѣдующее: «Твой Богъ, пророкъ, спѣшитъ изъявить согласіе на твои удовольствія». Благодаря своей стра-

[1]) Должно быть, стыдно стало.
[2]) А все-таки жаль разстаться съ обновками.
[3]) Коранъ, гл. 33, ст. 49—52.
[4]) Коранъ, гл. 66, ст. 1—2.

сти къ красивымъ женщинамъ, Мухаммедъ отнялъ Зейнабу, жену своего пріемнаго сына Зейда, и обнародовалъ откровеніе Божіе, которое оправдывало его въ этомъ проступкѣ и которымъ разрѣшалось жениться на женахъ усыновленныхъ сыновей [1]). Вслѣдъ затѣмъ, когда гости помѣшали ему идти въ первую ночь къ Зейнабѣ, онъ опять обнародовалъ откровеніе Божіе, которому присвоена крайне неприличная роль. Это мѣсто Корана мною приведено выше [2]). Будучи 50-лѣтнимъ старикомъ, Мухаммедъ влюблялся въ шестилѣтнихъ дѣвочекъ и съ девятилѣтними вступалъ уже въ дѣйствительный бракъ (съ Айшей). Когда на одну изъ самыхъ любимыхъ его женъ, Айшу, пало сильное подозрѣніе въ связи съ однимъ молодымъ человѣкомъ, то нашъ «шестидесятилѣтній развратникъ», какъ называетъ Мухаммеда Шпренгеръ [3]), дошелъ до того, что прибѣгъ и въ этомъ случаѣ къ откровенію Божію для защиты шаловливой Айши [4]). Историкъ ислама Мюллеръ глубоко возмущается поведеніемъ своего пророка Мухаммеда въ этомъ случаѣ: «Границы между самообманомъ и намѣреннымъ мороченіемъ другихъ людей, какъ извѣстно, вообще весьма неопредѣленны. Очень можетъ быть, что Мухаммедъ воображалъ себя дѣйствительно провозвѣстникомъ воли Божіей, установляя регламентъ своего гарема. Для насъ подобное недостойное воззрѣніе на существо Высочайшаго, пожалуй, отвратительнѣе еще, чѣмъ сознательный обманъ. Но не слѣдуетъ забывать, что настоящее представленіе о Богѣ у Мухаммеда не могло быть ни слишкомъ высоко, ни слишкомъ ясно. Во всякомъ случаѣ, весьма отталкивающее впечатлѣніе производитъ развившееся въ позднія годы у пророка, да позволено будетъ намъ такъ выразиться, смѣшеніе похоти своего сердца съ постановленіями

---

[1]) Коранъ, гл. 33, ст. 36—37.

[2]) Коранъ, гл. 33, ст. 53.

[3]) Эту ссылку на Шпренгера я дѣлаю спеціально для г. Девлетъ-Кильдѣева.

[4]) Коранъ, гл. 24, ст. 4—22.

своего Владыки» [1])... Обвиненіе—весьма тяжелое, но вполнѣ справедливое. Удивляюсь только, снова замѣчу кстати, какъ такое обвиненіе уживается у г. Мюллера рядомъ съ его признаніемъ Мухаммеда пророкомъ.—Наконецъ, хотя Мухаммедъ и былъ одаренъ, по одному преданію, силою 30-ти мужчинъ, но, какъ всему бываетъ конецъ, такъ и онъ, благодаря своимъ излишествамъ, лишился уже физической возможности продолжать далѣе свои любовныя похожденія. Шпренгеръ приводитъ преданіе, помѣщенное у Ибнъ-Котайды, что Мухаммедъ въ это время съ одной ужъ только женой «concubit, sed non compressit eam» [2]). Но и въ такомъ состояніи Мухаммедъ былъ ревнивъ, а потому и издалъ отъ имени Бога повелѣніе, запрещающее послѣдователямъ жениться на его женахъ послѣ его смерти [3]). Ну, какъ послѣ всего этого не согласиться съ тѣмъ отзывомъ, который сдѣлалъ о Мухаммедѣ Абу-Софьянъ: «клянусь небомъ! говорилъ онъ: этотъ верблюдъ такъ горячъ, что никакимъ намордникомъ не удержать его»?!

Само собою понятно, что отъ такого человѣка, какъ Мухаммедъ, нельзя ожидать возвышеннаго *взгляда на женщину*. Трудно сказать, ухудшилось или улучшилось положеніе женщины въ Аравіи со времени Мухаммеда; европейскіе ученые разногласятъ по этому поводу. Съ безошибочностью можно утверждать только то, что онъ смягчилъ положеніе арабской женщины, признавъ за ней нѣкоторыя имущественныя права, и, что̀ всего важнѣе, искоренилъ варварскій обычай въ Аравіи убивать новорожденныхъ дочерей. Дальше этого Мухаммедъ не пошелъ; онъ не только не выступилъ въ борьбу съ прочно укоренившимся въ зажиточномъ классѣ арабскаго населенія обычаемъ многоженства, но какъ своимъ ученіемъ, такъ и своимъ личнымъ примѣромъ утвердилъ и санкціонировалъ его. Совершенно напрасно и при томъ

---

[1]) Т. I, стр. 149.

[2]) См. подробнѣе о женахъ Мухаммеда Sprenger: «Das Leben und die Lehre des Mohammad». Berlin, 1865. B. 3, S. 61—87.

[3]) Коранъ, гл. 33, ст. 28—53.

голословно утверждаетъ г. Баязитовъ, что Мухаммедъ *долженъ былъ* санкціонировать установившееся у арабовъ вѣками многоженство. Въ этомъ случаѣ нельзя подыскать никакого оправданія для Мухаммеда, который уже взялъ на себя борьбу противъ старой языческой религіи. Нельзя согласиться и съ тѣмъ завѣреніемъ г. Баязитова, что Мухаммедъ, будто бы, не сочувствовалъ полигаміи, а лишь только терпѣлъ ее, боясь грубо порвать съ арабской стариной и тѣмъ испортить дѣло улучшенія быта женщины [1]). Самымъ яркимъ опроверженіемъ этого мнѣнія служитъ вторая половина жизни Мухаммеда, когда онъ, послѣ смерти старой Хадиджи, слишкомъ широко воспользовался обычаемъ многоженства и даже умеръ въ ожиданіи еще новой жены. Мухаммедъ былъ слишкомъ усердный полигамистъ и большой поклонникъ женскихъ прелестей. Только этимъ однимъ и объясняется тотъ фактъ, что онъ разрѣшилъ своимъ послѣдователямъ многоженство и постарался расширить еще больше свои собственныя права въ этомъ отношеніи. Онъ позволилъ своимъ послѣдователямъ жениться на двухъ, трехъ или четырехъ женахъ [2]); себѣ же, какъ мы видѣли, присвоилъ особенное право—брать неограниченное количество женъ. Сверхъ этого числа женъ Мухаммедъ разрѣшилъ своимъ послѣдователямъ брать себѣ наложницъ, число которыхъ не ограничилъ [3]), и даже замужнихъ рабынь [4]). Наконецъ, своимъ личнымъ примѣромъ Мухаммедъ разрѣшилъ своимъ послѣдователямъ временные браки на какой угодно и иногда даже на самый короткій срокъ; такіе браки въ настоящее время весьма распространены въ Персіи. Само собою понятно, что эти браки суть ничто иное, какъ особый видъ вполнѣ узаконенной проституціи, какъ выразился весьма удачно нѣкто Рэджэпъ [5]). Отсюда опять

---

[1]) «Исламъ и прогрессъ», стр. 70—71.

[2]) Коранъ, гл. 4, ст. 3 и др.

[3]) Коранъ, гл. 23, ст. 6—7; гл. 70, ст. 29—31.

[4]) Коранъ, гл. 4, ст. 28.

[5]) Приложеніе къ «Новому Времени» 19 февраля 1900 года, № 8614, «Письма изъ Персіи».

неправы тѣ изъ нашихъ мусульманъ, которые ставятъ въ особую заслугу Мухаммеду то, что онъ ограничилъ многоженство, дозволивъ своимъ послѣдователямъ имѣть только четыре жены. Такое ограниченіе, въ виду разрѣшенія имѣть неограниченное число наложницъ и вступать въ разныхъ мѣстахъ во временные браки, а также въ виду легкости для мужчинъ развода со своими женами, является совершенно пустымъ звукомъ. Итакъ исламъ, какъ религія, разрѣшаетъ многоженство въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Если же что и ограничиваетъ въ этомъ отношеніи мусульманъ, такъ это—сама жизнь, стоимость содержанія женъ. Вслѣдствіе этого многочисленная мусульманская чернь, бѣдняки по необходимости являются моногамистами, тогда какъ зажиточные и богатые люди, особенно въ Турціи и Персіи, со своими повелителями во главѣ, держатъ у себя громадные гаремы женъ. Но, конечно, эта жизненная практика мусульманскихъ народовъ нисколько не обѣляетъ ислама и его основателя, а, наоборотъ, служитъ самымъ яркимъ укоромъ тому и другому. Если громадное большинство мусульманъ по необходимости довольствуется одною женою, то, значитъ, совершенно невѣрно и то увѣреніе, которымъ хотятъ снова оправдать Мухаммеда, что, будто бы, южные народы, а въ томъ числѣ и арабы, по своей физической организаціи, не могутъ довольствоваться моногамическимъ бракомъ. Полигамія крайне унизила мусульманскую женщину, низведя ее на степень самки и даже простаго товара, извратила семью, а съ нею вмѣстѣ и все мусульманское общество.

Въ настоящее время нѣкоторые изъ нашихъ мусульманъ уже начинаютъ сознавать превосходство моногаміи предъ полигаміей. Къ числу такихъ лицъ относится петербургскій ахундъ Атаулъ Баязитовъ. Хотя Мухаммедъ, говоритъ онъ, и позволилъ многоженство, «но нельзя сказать, чтобы онъ похвалилъ и абсолютно рекомендовалъ» его; «напротивъ, какъ видно, онъ въ принципѣ не одобрялъ этого, а лишь допускалъ его и терпѣлъ въ силу необходимости, впрочемъ, съ ограниченіемъ числа женъ»

(не видно этого терпѣнія у Мухаммеда). Исламъ рекомендуетъ мусульманину «оставаться съ одною женою» [1]). Насколько все это справедливо, мы уже видѣли; но для насъ важно здѣсь то, что между этихъ строкъ явно проглядываетъ сочувствіе Баязитова моногамическому браку. Эта попытка Баязитова защитить своего Мухаммеда на такомъ пунктѣ, гдѣ можно только обвинять его и гдѣ ничего нельзя найти въ оправданіе его, явно между прочимъ показываетъ всю неприглядность пріемовъ нашихъ мусульманъ и заставляетъ насъ крайне осторожно относиться ко всякому ихъ слову. Далѣе г. Баязитовъ утверждаетъ, что Мухаммедъ далъ довольно либеральныя права женщинѣ, которыя состоятъ въ слѣдующемъ: «жена можетъ жаловаться на мужа, дѣвица свободна въ выборѣ жениха, мужъ долженъ прилично содержать жену и обращаться съ ней, женщина допускается быть свидѣтельницей на судѣ, она имѣетъ право на извѣстную часть наслѣдства» и пр. [2]). Отчасти это правда, хотя едва ли можно назвать либеральнымъ то право, въ силу котораго жена можетъ жаловаться на своего мужа [3]); но гораздо больше правды въ томъ, что положеніе женщины въ исламѣ очень низко. «Мужчины, прямо говорится въ Коранѣ, выше ихъ (женщинъ) степенью своего достоинства» [4]). «Мужья стоятъ выше женъ, потому что Богъ далъ первымъ преимущество надъ вторыми, и потому, что они изъ своего имущества дѣлаютъ траты на нихъ. Добрыя изъ нихъ покорны, во время ихъ отсутствія бережливы на то, что бережетъ Богъ; а тѣхъ, которыя опасны по своему упрямству, вразумляйте, отлучайте ихъ отъ своего ложа, *дѣлайте имъ побои* (!!); если онѣ вамъ послушны, то не будьте несправедливы въ обхожденіи съ ними» [5]). Коранъ смотритъ на женщину,

---

[1]) «Отношенія ислама къ наукѣ и къ иновѣрцамъ». С.-Петербургъ, 1887 г., стр. 68.

[2]) Тамъ же.

[3]) Называть это право либеральнымъ по меньшей мѣрѣ смѣшно, если только это не есть издѣвательство надъ беззащитною женщиною.

[4]) Коранъ, гл. 2, ст. 228.

[5]) Коранъ, гл. 4, ст. 38.

какъ только на самку, созданную для удовлетворенія похоти мужчины, а потому и говоритъ: «жены ваши—поле для васъ; ходите на нихъ, когда хотите» [1]). Нашъ знаменитый переводчикъ Корана Г. С. Саблуковъ только по своей величайшей скромности перевелъ это мѣсто Корана выраженіемъ: «когда хотите», между тѣмъ какъ арабское слово «анна», по толкованію Джалаледдина, приводимому Маракчіемъ на латинскомъ языкѣ, означаетъ «undecumque, quandocumque et quomodocumque», а потому слѣдовательно «stando, sedendo, jacendo, a parte anteriori, seu posteriori». Чтый да разумѣетъ! [2]) Неужели можно идти дальше этого въ грубой чувственности, цинизмѣ и униженіи женщины?! Цинизмъ Корана не исчерпывается и этимъ; онъ еще говоритъ слѣдующее: «счастливы вѣрующіе тѣ, которые воздержны отъ празднословія, которые исполнительны въ очистительной милостынѣ, которые осторожны въ отношеніи къ половымъ членамъ своимъ, ограничиваясь своими женами и невольницами, какими завладѣла правая рука ихъ» [3]). Женщина въ исламѣ такъ унижена, что она безъ разрѣшенія своего мужа не можетъ, по шаріату, наложить на себя добровольнаго поста и молитвы по чувству особой набожности [4]), не можетъ дать какого-либо богоугоднаго обѣта [5]) или принять присягу [6]). Здѣсь не безъинтересно привести слѣдующій взглядъ нашего петербургскаго ахунда: «что же касается до деспотизма мужей надъ женами, онъ проявляется лишь въ ихъ физическихъ отношеніяхъ, такъ какъ мужья, при своихъ весьма естественныхъ требованіяхъ, никогда не принимаютъ во вниманіе отговоры женъ подъ предлогомъ не-

---

[1]) Коранъ, гл. 2, ст. 223.

[2]) Смирновъ, стр. 370—371, примѣч.

[3]) Коранъ, гл. 23, ст. 1—6; гл. 70, ст. 22—31. Правъ ли послѣ всего этого нашъ философъ Вл. С. Соловьевъ, который говоритъ, что мы не находимъ въ Коранѣ безнравственныхъ узаконеній?! (стр. 76).

[4]) Торнау: «Изложеніе началъ мусульманскаго законовѣдѣнія». СПБ., 1850 г.

[5]) Тамъ же, стр. 374.

[6]) Тамъ же, стр. 370.

расположенія, разстройства нервовъ и т. п.» [1]). Фи, какое безобразіе!!... Но спасибо хоть за то, что откровенно. Вѣдь даже между нѣкоторыми животными отношенія самца къ самкѣ лучше, чѣмъ у мусульманъ. Сообразно такому взгляду на женщину, Коранъ рекомендуетъ и извѣстное обхожденіе съ нею. «Вы, говоритъ онъ, не можете одинаково быть расположенными къ женамъ своимъ, хотя бы этого и желали вы; потому и не привязывайтесь къ нимъ всею привязанностью, такъ чтобы онѣ оставались при васъ въ какомъ-то недоумѣніи [2]). Если вы устроите все въ порядкѣ и сами будете осторожны, то... Богъ—прощающій, милосердъ» [3]). Что это, какъ не скотскій взглядъ на женщину?! Но, можетъ быть, наши мусульмане скажутъ, что отношенія мужа къ женѣ въ средѣ христіанскихъ народовъ бываютъ иногда хуже. Бываютъ иногда; не спорю; но прошу не забывать, что явленія эти въ христіанскомъ мірѣ анормальны. Прошу не забывать и не сходить съ разъ намѣченной точки зрѣнія. Я излагаю взглядъ Корана, а слѣдовательно—идеальныя отношенія мужчины къ женщинѣ по понятію Мухаммеда. Поэтому прошу противопоставить мнѣ взглядъ Евангелія. Я снова напоминаю, что не беру жизненную практику, что̀ завело бы меня слишкомъ далеко и все-таки привело бы не въ пользу ислама. Мюиръ, на котораго ссылается г. Девлетъ-Кильдѣевъ, говоритъ слѣдующее: «положеніе, усвоенное Мухаммедомъ женщинѣ, есть положеніе зависимой низшей твари, назначенной исключительно для служенія своему господину... Лишенная свободы, находящаяся въ пренебреженіи, или превращенная въ ничто, она назначена быть постоянною рабою мужа». А вотъ послушайте, какого взгляда на это беззащитное созданіе держится все тотъ же петербургскій ахундъ, позволяющій себѣ трактовать о либеральныхъ правахъ мусульманки. «Мужъ, говоритъ онъ, долженъ

---

[1]) Атаулъ Баязитовъ, стр. 72.

[2]) Вѣдь одно это безнравственно.

[3]) Коранъ, гл. 4, ст. 128.

стараться терпѣливо переносить огорченія, причиняемыя ему женой. Нѣкоторые изъ арабскихъ ученыхъ говорятъ, что перенести одно огорченіе отъ жены равносильно перенесенію предстоящихъ новыхъ двадцати огорченій. Другими словами, перенесеніемъ одного огорченія избавишься отъ многихъ непріятностей, каковы, наприм., вслѣдствіе отместки: дѣти избавятся отъ плети; посуда отъ разбитія; теленокъ отъ толчковъ и ударовъ; одежда отъ разорванія; гость отъ оскорбленія и т. д. Относительно совѣщаній мужей съ женами они допускаются лишь въ малыхъ и вообще въ чисто домашнихъ дѣлахъ, но въ дѣлахъ серьёзныхъ быть съ женою воздержнымъ на языкъ» [1]). Нашему петербургскому автору особенно нравится та отчужденность женщинъ, то крайнее ограниченіе ихъ свободы, которое имѣетъ мѣсто въ мусульманскихъ обществахъ. Этотъ его взглядъ приведенъ мною въ первой статьѣ, а потому я ограничусь здѣсь только небольшою выдержкой. «Запрещеніе женщинамъ, учитъ Баязитовъ, доступа въ общество мужчинъ съ точки философскаго взгляда совершенно разумно». Одинъ только смѣхъ можетъ возбуждать такой чисто татарскій взглядъ. Нашъ Баязитовъ видитъ въ свободѣ женщины распространеніе и проповѣдь соблазна. Но нужно помнить ту азбучную истину, что не свобода женщинъ, а именно рабство ихъ сопровождается развратомъ; доказательство этого—всѣ мусульманскія страны [2]). Гдѣ же во всемъ этомъ высота ученія ислама, которою такъ кичатся мусульмане и которою плѣнился нашъ г. Семеновъ?!

Но всѣмъ этимъ униженіе мусульманской женщины не оканчивается; оно идетъ еще дальше. На основаніи Корана и шаріата, мужу предоставлено весьма широкое

---

[1]) Атаулъ Баязитовъ, стр. 77.

[2]) При этомъ мнѣ кажется страннымъ завѣреніе г. Гаспринскаго, который говоритъ: «во всей Россіи вы не найдете мусульманина, торгующаго въ кабакѣ и содержащаго домъ терпимости» (стр. 25). Побывайте, г. Гаспринскій, въ Казани, въ Оренбургѣ, поѣзжайте въ Ташкентъ и др. города, гдѣ живутъ мусульмане, и вы убѣдитесь въ томъ, что жестоко ошибаетесь.

право развода со своими женами, даже безъ всякаго повода съ ихъ стороны и безъ указанія какихъ бы то ни было основаній для него. Хотя г. Баязитовъ и старается увѣрить насъ, что мусульманскіе «законы о бракоразводѣ поражаютъ своею жизненностью», а нѣкоторыя положенія изъ нихъ «могутъ быть смѣло приняты нами», хотя онъ и старается обрисовать ихъ предъ нами съ самой симпатичной стороны и даже совершенно голословно удостовѣряетъ, что, будто бы, Мухаммедъ говорилъ: «всѣ средства слѣдуетъ употребить, чтобы избѣжать развода», но тѣмъ не менѣе восхищаться мусульманскимъ брачнымъ разводомъ совершенно нельзя, такъ какъ тотъ же ахундъ Баязитовъ признается, что, по шаріату, достаточно троекратнаго произношенія мужемъ установленной весьма краткой формулы («я развелся съ женой»), чтобы разводъ былъ признанъ правильнымъ; между тѣмъ какъ женѣ обыкновенно стоитъ громадныхъ трудовъ и хлопотъ добиться согласія мужа на разводъ [1]). Жена можетъ требовать отъ своего мужа развода только въ случаѣ его неспособности къ супружеской жизни, но и то—не всегда. Говоря яснѣе: мужъ имѣетъ право прогнать отъ себя жену во всякое время; жена же никогда не можетъ уйти отъ него. Она ужъ слишкомъ крѣпко пришита къ нему. Гдѣ же во всемъ этомъ либеральныя права женщины?!

Но всего болѣе унижаетъ и развращаетъ мусульманскую женщину гаремъ. Мы видѣли, что Мухаммедъ, когда значительно состарился и былъ уже не въ силахъ удовлетворять многочисленный штатъ своихъ женъ, сдѣлался, быть можетъ—и не безъ достаточнаго къ тому повода (Айша), недовѣрчивъ и ревнивъ къ своимъ женамъ. Тогда онъ издалъ крайне вредное по своимъ послѣдствіямъ распоряженіе закрывать женщину навсегда отъ всѣхъ постороннихъ глазъ [2]), при чемъ еще и настаивалъ, чтобы онѣ плотнѣе закутывались. Этимъ постановленіемъ было положено начало разобщенію половъ, отлученію женщины

[1]) «Исламъ и прогрессъ», стр. 11, 80–82.

[2]) Коранъ, гл. 24, ст. 31; гл. 33, ст. 59.

отъ семейной и общественной жизни и появленію гаремовъ, въ которыхъ заперли мусульманку и въ которыхъ она окончательно отупѣла и развратилась. Мусульманскій богатый домъ съ многочисленнымъ гаремомъ рѣзко дѣлится на двѣ половины, между которыми почти нѣтъ ничего общаго: мужскую половину, или селамликъ, и женскую—гаремъ (отъ арабск. «харамъ»—запрещенный), или эндерунъ. У каждой изъ этихъ половинъ свой особый порядокъ, строй жизни, свои особые гости, особые интересы и удовольствія. Вслѣдствіе этого произошло такое полное разобщеніе половъ, что считается весьма неприличнымъ сходиться гдѣ-либо въ общественномъ мѣстѣ, хотя бы на улицѣ, самымъ близкимъ между собою лицамъ, мужчинѣ и женщинѣ, хотя бы то были мужъ и жена, братъ и сестра, отецъ и дочь, или мать и сынъ. Мало этого. Въ мусульманскомъ мірѣ считается не только неприличнымъ, но даже оскорбительнымъ спрашивать кого-либо о здоровьѣ его супруги или супругъ. Въ данномъ случаѣ всегда нужно разсчитывать на непріятности со стороны вопрошаемаго, изъ которыхъ самая меньшая можетъ быть слѣдующая: «а тебѣ какое дѣло?! развѣ ты заинтересованъ ею?» Поэтому мусульмане при встрѣчѣ другъ съ другомъ справляются не о томъ: «какъ поживаетъ ваша супруга», а о томъ: «какъ поживаетъ вашъ скотъ или домъ», который, нужно полагать, считается важнѣе супруги и всей семьи. Гаремъ, какъ собраніе нѣсколькихъ соперницъ одного супруга, является для женщины, которая всегда больше живетъ сердцемъ, чѣмъ умомъ, настоящимъ адомъ и мѣстомъ самаго полнаго разврата, такъ какъ здѣсь царятъ одни только чувственные помыслы и похоти, такъ какъ здѣсь всѣ ухищренія и всѣ средства считаются дозволенными для одержанія побѣды надъ другими и такъ какъ сюда никогда не проникало и не можетъ проникнуть никакое око правосудія или правленія. Вотъ почему мы и видимъ, что здѣсь, наряду съ самымъ вопіющимъ развратомъ, царятъ ужасныя преступленія, которыя намъ ужъ слишкомъ хорошо извѣстны даже изъ беллетристической литературы. Въ

этой же безнравственной атмосферѣ, гдѣ все совершается открыто и гдѣ всѣ вещи и дѣла называются собственными именами, происходитъ и воспитаніе дѣтей. Отсюда нечего удивляться, что мы не видимъ въ мусульманскомъ мірѣ улучшенія нравственнаго и прогресса умственнаго. Эти же гаремы, населенные вполнѣ невѣжественными и суевѣрными обитательницами, вѣчно занятыми своими грубыми и пошлыми дрязгами, никогда не знающими другой, лучшей жизни, а потому никогда не стремящимися къ ней, всегда являются въ рукахъ фанатичнаго духовенства самыми сильными борцами противъ всякихъ нововведеній, реформъ и улучшеній въ мусульманской жизни. Наконецъ, одна животная чувственность въ связи съ глупостью и тупостью гаремныхъ обитательницъ оказалась не въ состояніи крѣпко привязать къ себѣ мужчину, который, ища развлеченія отъ этой страшно тяжелой атмосферы, впалъ на мусульманскомъ Востокѣ въ противоестественный развратъ. Послѣдній, къ великому нашему удивленію, никого не шокируетъ и даже совершается почти открыто. На основаніи всего вышеизложеннаго нечего удивляться тому, и нечего ставить въ заслугу мусульманамъ то, что они, въ противоположность европейскимъ народамъ, почти не знаютъ проституціи и нашего флирта. Каждый мусульманинъ, имѣющій у себя свой домъ, своихъ женъ, и имѣющій полное, иногда даже основанное на религіи право широко удовлетворять своимъ похотямъ, что̀ считается дѣломъ самымъ обыкновеннымъ и никѣмъ не порицается, не нуждается въ лупанарѣ и флиртѣ,—тѣмъ болѣе, что за послѣдній приходится платиться не только цѣлостью своего организма, но даже и жизнью,—особенно прекраснымъ розамъ Востока.

Можно ли теперь удивляться тому, что мусульманка высказываетъ, какъ утверждаетъ все тотъ же г. Баязитовъ, «полное довольство своей семейной судьбой»? Иначе и быть не можетъ, такъ какъ она не знаетъ другой, лучшей жизни, а потому и не помышляетъ о ней; это—общій и при томъ всѣмъ извѣстный психологическій законъ. Явленіе это только указываетъ на то, что мусуль-

манка уже такъ унижена, что въ настоящее время ни откуда не предвидится спасенія для нея. А было, говорятъ наши либеральные мусульмане, время, когда въ исламскомъ мірѣ было много прекрасно и научно образованныхъ женщинъ. Да, было. Г. Агаевъ посвятилъ даже въ газетѣ «Каспій» цѣлый фельетонъ такимъ передовымъ мусульманкамъ [1]). Но то время—ужъ слишкомъ давно прошедшее; это было время Омейядовъ и по преимуществу Аббасидовъ, когда во всемъ мусульманскомъ мірѣ былъ общій подъемъ просвѣщенія и когда еще исламъ Мухаммеда не успѣлъ окончательно вытравить изъ своихъ послѣдователей старыя традиціи, старыя стремленія и въ частности старое доброе, почти рыцарское отношеніе къ женщинѣ, какое всегда жило въ арабской аристократіи. Теперь уже не то; теперь исламъ окончательно задушилъ женщину въ своихъ желѣзныхъ тискахъ. Вотъ почему лучшіе изъ мусульманъ, какъ наприм. извѣстный своею широкою благотворительностью на Кавказѣ г. Тагіевъ, ищутъ спасенія мусульманки въ русскомъ просвѣщеніи. Съ этой цѣлью г. Тагіевъ и открылъ исключительно на свои средства (до 200 тысячъ рублей) въ г. Баку женское русско-татарское училище. Честь и слава такимъ дѣятелямъ и сынамъ Россіи, но—не тѣмъ, которые закрываютъ свои и чужіе глаза на крайне печальное положеніе мусульманки, стараясь увѣрить всѣхъ и каждаго, что она имѣетъ по Корану и шаріату весьма либеральныя права!

Въ самой тѣсной связи со взглядомъ Мухаммеда на женщину и его чувственностью стоитъ ученіе Корана *о райскихъ блаженствахъ*. Мухаммедъ любилъ особенно часто распространяться на эту тему и,—нужно отдать справедливость,—умѣлъ, подъ вліяніемъ природы Аравіи, весьма наглядно и пластично представить райскія блаженства и адскія муки, чѣмъ, безъ сомнѣнія, въ весьма значительной степени способствовалъ быстрому распространенію своего ученія не только при своей жизни, но и послѣ.

---

[1]) «Каспій» 1899 г., № 127.

Я, на основаніи многочисленныхъ мѣстъ Корана, попробую нарисовать картину рая со всѣми его прелестями, какія ожидаютъ здѣсь правовѣрныхъ. Пространство рая равно пространству неба и земли [1]). Онъ раздѣляется на четыре части, которыя въ свою очередь имѣютъ разныя отдѣленія съ высокими галлереями [2]). Эти отдѣленія соотвѣтствуютъ степенямъ благочестія людей [3]). Самую высокую степень займутъ тѣ, которые падутъ во время священной войны, сражаясь за вѣру Божію [4]). А вотъ и самыя райскія блаженства. Тамъ будутъ протекать источники и рѣки, изъ которыхъ нѣкоторые извѣстны даже по имени, какъ напримѣръ Сельсебиль и Таснимъ [5]). Тамъ будутъ «рѣки изъ воды, не имѣющей смрада; рѣки изъ молока, котораго вкусъ не измѣняется; рѣки изъ вина, пріятнаго для пьющихъ, рѣки изъ меда очищеннаго» [6]). Въ раю будетъ роскошная растительность; тамъ будутъ рости лотосъ, бананы; тамъ будутъ роскошные тѣнистые сады и виноградники. «Тамъ они (мусульмане), разлегшись на сѣдалищахъ, не увидятъ ни солнца, ни луны; тѣнь деревьевъ надъ ними будетъ простираться, грозды плодовъ ихъ низко къ нимъ будутъ опускаться» [7]). Плоды будутъ всякаго вида, рода и вкуса и при томъ въ изобиліи; множество будетъ всякаго рода мяса, дичи. Сообразно этому и напитковъ всякаго рода будетъ множество: вода съ инбиремъ [8]) и камфарою [9]), молоко, медъ, прозрачное сладкое вино, «отъ котораго не будетъ головной боли» и отъ котораго не опьянѣютъ [10]). Вино это будетъ «подаваться наилучшее, запечатанное: печать на

---

[1]) Коранъ, гл. 3, ст. 127; гл. 57, ст. 21.
[2]) Коранъ, гл. 55, ст. 46 и 62; гл. 39, ст. 21.
[3]) Коранъ, гл. 6, ст. 132.
[4]) Коранъ, гл. 9, ст. 20.
[5]) Коранъ, гл. 76, ст. 18; гл. 83, ст. 27.
[6]) Коранъ, гл. 47, ст. 16—17.
[7]) Коранъ, гл. 76, ст. 13—14.
[8]) Коранъ, гл. 76, ст. 17.
[9]) Коранъ, гл. 76, ст. 5.
[10]) Коранъ, гл. 37, ст. 45—46.

немъ мосхусъ» [1]). «Ѣшьте, пейте на здоровье» [2]). Мусульмане «будутъ среди лотосовъ, не имѣющихъ шиповъ, среди банановъ, на которыхъ висятъ ряды плодовъ, въ тѣни, широко разстилающейся, среди воды разливающейся, среди обильныхъ плодовъ, которые не прекращаются и никогда не запрещаются; будутъ на высокихъ ложахъ. А онѣ» [3])... Но, впрочемъ, о нихъ послѣ. Наши правовѣрные мусульмане, нарядясь въ золотыя запястья, украшенныя жемчугомъ, облекшись въ зеленыя одежды изъ штофа и атласа, будутъ возлежать на сѣдалищахъ, украшенныхъ дорогими камнями и устланныхъ дорогими, прекрасными габкарійскими коврами и мягкими зелеными подушками [4]), на которыя они будутъ опираться. И будутъ они, «одѣтые въ атласъ и шелкъ, выказывать себя предъ очами другъ друга» [5]). Вокругъ ихъ будутъ ходить вѣчно юные отроки (прислужники), подобные сберегаемымъ жемчужинамъ [6]), и будутъ разносить круговую чашу съ прозрачнымъ, сладкимъ виномъ, отъ котораго не будетъ головной боли. «Ихъ будутъ обносить серебряными сосудами, братинами, подобными чашамъ» [7]), золотыми чашами и бокалами [8]), кубками, кружками [9]). Тамъ не будетъ печали и празднословія [10]). «Возгласъ ихъ тамъ: хвала Тебѣ, Боже! Привѣтъ ихъ тамъ: миръ! Заключеніе ихъ возгласа: слава Богу, Господу міровъ!» [11]) Но всѣ эти удовольствія—ничто въ сравненіи съ самымъ главнымъ, райскими гуріями. «Предъ ними будутъ скром-

---

[1]) Коранъ, гл. 83, ст. 25—26.

[2]) Коранъ, гл. 52, ст. 19.

[3]) Коранъ, гл. 56, ст. 27—34.

[4]) Коранъ, гл. 18, ст. 30; гл. 22, ст. 23; гл. 35, ст. 30; гл. 56, ст. 15; гл. 88, ст. 15—16; гл. 55, ст. 76.

[5]) Коранъ, гл. 44, ст. 53.

[6]) Коранъ, гл. 52, ст. 24; гл. 56, ст. 17.

[7]) Коранъ, гл. 76, ст. 15.

[8]) Коранъ, гл. 43, ст. 71.

[9]) Коранъ, гл. 56, ст. 18.

[10]) Коранъ, гл. 7, ст. 41 и 47; гл. 19, ст. 63; гл. 52, ст. 23; гл. 78, ст. 35; гл. 88, ст. 11.

[11]) Коранъ, гл. 10, ст. 10 и 11.

ныя взглядами, свѣтлоокія, подобно бережно хранимымъ яицамъ» [1]), «чернозѣничныя, велеокія, подобныя хранимымъ жемчужинамъ» [2]), «скромныя взоромъ, съ которыми прежде не сообщались ни люди, ни геніи, подобныя яхонтамъ и коралламъ» [3]), «полногрудыя, равныя имъ по лѣтамъ» [4]), «добротныя, красивыя» [5]) «Онѣ, говоритъ Богъ, созданы Нами особеннымъ созданіемъ: Мы имъ положили быть дѣвами, мужьямъ милыми, по возрасту равными» [6]). «И Мы сочетаемъ ихъ съ черноглазыми, очистыми (глазастыми)» [7]). Такимъ образомъ полигамія превратилась въ раю для мусульманъ въ такой полный, необузданный развратъ, какой до этого времени никому и на умъ не приходилъ. Райскія блаженства будутъ вполнѣ удовлетворять правовѣрныхъ. «Когда они, находясь на сѣдалищахъ, взглянутъ куда-либо, то на лицахъ ихъ увидишь блескъ удовольствія» [8]). Не могу воздержаться, чтобы не привести здѣсь одного мусульманскаго стихотворенія, весьма рельефно и пластично обрисовывающаго взгляды послѣдователей Мухаммеда на райскія блаженства. Стихотвореніе это (въ переводѣ проф. Смирнова) слѣдующее:

«Что до мѣста, то райскія будутъ жилища.
И раздолье жь тамъ будетъ на-счетъ всякой пищи!
А въ любовницы будутъ даны все лишь хури,
Кои блещутъ сіяньемъ чистѣйшей лазури.
Говорятъ: «Коль онѣ свѣтовыя созданья,
Какъ возможны имъ будутъ объятья, лобзанья?»
Но на этотъ вопросъ намъ готовъ ужъ отвѣтъ:
Ихъ субстанція есть осязательный свѣтъ,

---

[1]) Коранъ, гл. 37, ст. 47.
[2]) Коранъ, гл. 56, ст. 22.
[3]) Коранъ, гл. 55, ст. 56 и 58.
[4]) Коранъ, гл. 78, ст. 33.
[5]) Коранъ, гл. 55, ст. 70.
[6]) Коранъ, гл. 56, ст. 34—36.
[7]) Коранъ, гл. 44, ст. 54; гл. 52, ст. 20.
[8]) Коранъ, гл. 83, ст. 23—24.

Такъ что можно отъ нихъ наслажденье вкушать,
Цѣловать, обнимать, душу нѣгой питать...
И не портятъ рожденьемъ дѣтей своихъ тѣлъ;
Чувство ревности вовсе не есть ихъ удѣлъ;
Вновь становятся дѣвами каждую ночь,—
Этой сладости мыслямъ постигнуть не въ мочь!
По пяти сотенъ хурій всѣмъ будетъ дано» [1])....

При чтеніи описаній рая, чрезмѣрно наполненнаго чувственными и даже развратными удовольствіями для мусульманъ, невольно приходитъ на умъ вопросъ, какія же удовольствія предназначены тамъ для женщинъ. Хотя Коранъ и отводитъ имъ мѣсто въ раю [2]), но ни слова не говоритъ, въ чемъ будетъ состоять ихъ блаженство.

Въ мусульманскомъ мірѣ, въ его лучшую эпоху, подъ вліяніемъ идей христіанства и греческой философіи, были попытки объяснить чувственныя удовольствія рая аллегорически; но такого пониманія не допускаетъ самый текстъ Корана, его толкованія и преданія. Языкъ Корана въ данномъ случаѣ настолько вездѣ ясенъ и категориченъ, что ни о какомъ переносномъ значеніи его словъ не можетъ быть и рѣчи. Что Мухаммедъ былъ убѣжденъ, что въ раю будетъ дѣйствительный, а не аллегорическій какой-то садъ и дѣйствительные фрукты, это видно также и изъ слѣдующаго стиха Корана: «каждый разъ, какъ вкусятъ они отъ нихъ, отъ плодовъ ихъ, въ удовольствіе свое, будутъ говорить: это таково же, чѣмъ питались мы прежде, но представляетъ только сходство съ тѣмъ» [3]). Такъ же буквально понимались всѣ эти мѣста Корана и всѣми современниками Мухаммеда, его толковниками и въ преданіяхъ. Позднѣйшіе мусульмане, вѣрные буквѣ и духу Корана, стали даже разсуждать о томъ, какихъ формъ, цвѣтовъ и вкуса будутъ райскіе плоды, такъ что

---

[1]) У Крымскаго: «Мусульманство и его будущность». М., 1899 г., стр. 16.

[2]) Коранъ, гл. 9, ст. 73; гл. 13, ст. 23; гл. 16, ст. 99; гл. 35, ст. 56; гл. 40, ст. 8; гл. 43, ст. 70.

[3]) Коранъ, гл. 2, ст. 23.

въ настоящее время правовѣрными послѣдователями Мухаммеда даже запрещается сомнѣваться въ реальности и чувственности всѣхъ этихъ райскихъ удовольствій. И нашъ г. Девлетъ-Кильдѣевъ дѣлаетъ только крайне слабую и неприличную попытку обѣлить за все это своего пророка и въ то же время укольнуть современное общество христіанъ, стараясь заставить его замолчать по вопросу о райскихъ блаженствахъ. «Что касается пресловутаго рая Мухаммеда, говоритъ онъ, то онъ по Корану заключается, правда, въ изображеніи чувственныхъ наслажденій, но изображеніе рая съ такими наслажденіями, которыя охотно бы были приняты и современнымъ обществомъ христіанъ, было необходимо для народа того времени и согласно съ его воззрѣніями на блаженство» [1]). Это что за рѣчи?! Шутка или насмѣшка?! Нужно помнить одно, что религія должна стоять выше всего земнаго и ни въ какомъ случаѣ не потворствовать народнымъ страстямъ. Это не оправданіе, а, напротивъ, обвиненіе ислама.

Къ величайшему моему удивленію, особенно послѣ признанія самихъ мусульманъ, нашъ Вл. С. Соловьевъ и здѣсь, на этомъ пунктѣ, старается защитить Мухаммеда, утверждая, что, будто бы, несправедливо упрекать его за сенсуализмъ райскихъ наградъ. Сенсуализмъ этотъ, по его мнѣнію, заключается болѣе въ способѣ изображенія будущей жизни, нежели въ понятіи о ней. «Исламъ, говоритъ онъ, естественно долженъ былъ и будущую по воскресеніи жизнь представлять, какъ полноту бытія не только духовнаго, но и тѣлеснаго... О грубо-чувственныхъ наслажденіяхъ будущей жизни въ Коранѣ ничего опредѣленнаго не говорится: ни изъ чего не видно, чтобы «чистыя супруги» съ большими глазами были предназначены для физіологическихъ отношеній» [2]). Я считаю совершенно излишнимъ вступать по этому вопросу въ какой-либо споръ съ г. Соловьевымъ, такъ какъ ужъ слишкомъ ясно говоритъ обо всемъ этомъ Коранъ и всѣ его послѣ-

---

[1]) Девлетъ-Кильдѣевъ, стр. 23—24.

[2]) Стр. 43—44.

дователи до г. Девлетъ-Кильдѣева включительно. Замѣчу только, что Вл. С. Соловьевъ былъ по своей душѣ настолько чистъ и деликатенъ, что даже не допускалъ возможности быть грязи и разврату тамъ, гдѣ они есть въ дѣйствительности, что онъ старался не только не видѣть ихъ, но и отыскивать въ нихъ одно чистое и лучшее. Эта-то его черта и послужила причиною заблужденія въ сужденіяхъ его о Мухаммедѣ и объ исламѣ.

Въ политической жизни исламъ проповѣдуетъ ненависть и вражду ко всѣмъ другимъ народамъ, переходящую даже въ *религіозную войну*. Наши мусульмане замалчиваютъ или совершенно отрицаютъ этотъ пунктъ ученія. «Магометъ, говоритъ, наприм., Девлетъ-Кильдѣевъ, никогда не предписывалъ мученія христіанъ, еще менѣе истребленіе; только незнакомые съ его ученіемъ могутъ распространять такую ложь (?!). Напротивъ, Магометъ вездѣ и всегда предписывалъ милосердіе, даже ко врагамъ, и, если обстоятельства принудили его взяться за мечъ, чтобы защитить свою личность и личность своихъ учениковъ отъ враждебныхъ нападеній воинственныхъ племенъ аравійскихъ степей, то онъ не злоупотреблялъ своею властію. Напрасно нѣкоторые народы ссылаются на священную книгу мусульманъ Коранъ для оправданія своихъ варварскихъ поступковъ. Коранъ ничего подобнаго не предписываетъ и никакой вражды къ христіанскимъ народамъ не высказываетъ..... Нигдѣ въ Коранѣ нельзя найти повелѣнія пророка угнетать или уничтожать христіанъ и евреевъ, какъ это принято думать, а потому несправедливо приписывать Мухаммеду фанатизмъ и неразумныя дѣйствія его послѣдователей» [1]). Здѣсь все, отъ начала до конца,—грубый обманъ, на который поддаются многіе изъ нашего русскаго общества. Посмотримъ, насколько вѣрно завѣреніе Девлетъ-Кильдѣева и многихъ подобныхъ ему объ отсутствіи въ исламѣ фанатизма.

---

[1]) Девлетъ-Кильдѣевъ, стр. 3 и 22. Почти то же самое говоритъ и Мурза-Алимъ. См. «С.-Петерб. Вѣдом.» 1882 г., № 224.

Совершенно вѣрно, что Мухаммедъ въ первый періодъ своей дѣятельности, т.-е. живя въ Меккѣ, когда онъ только еще выступилъ на проповѣдь, былъ гонимъ своими соотечественниками и находился въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ, относился къ евреямъ и христіанамъ не только дружелюбно, но даже иногда и съ нѣкоторымъ почтеніемъ. Мы уже видѣли, что какъ въ Меккѣ, такъ и во всей Аравіи было въ то время очень много іудеевъ и христіанъ разныхъ сектъ; тѣ и другіе, какъ имѣющіе у себя писанный законъ, Св. Писаніе, пользовались у арабовъ значительнымъ уваженіемъ, какъ люди болѣе ихъ культурные и просвѣщенные, особенно въ дѣлѣ религіи. Наибольшимъ уваженіемъ они пользовались у ханифовъ. Не могъ не уважать ихъ и самъ Мухаммедъ, который къ тому же нуждался въ религіозныхъ познаніяхъ и съ этою цѣлью часто вступалъ съ ними въ сношенія, велъ религіозныя бесѣды и слушалъ какъ устные разсказы о библейскихъ событіяхъ, такъ и чтеніе священныхъ книгъ. Всѣ библейскіе разсказы и разныя легенды, встрѣчающіяся въ Коранѣ, заимствованы Мухаммедомъ отъ евреевъ и христіанъ, изъ чтенія ими Пятокнижія, Талмуда и разныхъ апокрифическихъ евангелій; вотъ почему Мухаммедъ всегда и ссылается при изложеніи этихъ событій на писанія евреевъ и христіанъ, которыхъ онъ называетъ «назарянами». Такимъ образомъ Мухаммедъ былъ въ это время въ довольно тѣсныхъ и даже дружественныхъ отношеніяхъ съ евреями и христіанами и усвоилъ себѣ такой высокій взглядъ на ихъ вѣру и на ихъ Св. Писаніе, что считалъ послѣднее критеріемъ достовѣрности для своей собственной проповѣди. «Если ты, говоритъ Богъ въ Коранѣ, въ сомнѣніи о томъ, что̀ ниспослали Мы тебѣ, то спроси тѣхъ, которые читаютъ Писаніе, ниспосланное прежде тебя» [1]). «Истинно, и вѣрующимъ, и іудействующимъ, и назарянамъ, и сабеямъ, тѣмъ, которые вѣруютъ въ Бога, въ послѣдній день и дѣлаютъ доброе,—имъ награда у Господа ихъ: имъ не

[1]) Коранъ, гл. 10, ст. 94.

будетъ страха, и они не останутся въ печали» [1]). Даже по переѣздѣ въ Медину Мухаммедъ нѣкоторое время заискивалъ у іудеевъ, думая привлечь ихъ на свою сторону; съ этою цѣлью онъ часто вводилъ въ свои проповѣди разсказы о ветхозавѣтныхъ пророкахъ, высказывая свое сочувствіе имъ, призналъ кыблою Іерусалимъ и сдѣлалъ другія маловажныя уступки евреямъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже готовы были признать въ Мухаммедѣ ожидаемаго Мессію; но вскорѣ, при ближайшемъ ознакомленіи съ личностью и ученіемъ его, принуждены были повернуть назадъ. Такія же, если только, впрочемъ, не бо́льшія симпатіи высказывалъ Мухаммедъ и къ христіанамъ. Онъ часто говорилъ о Дѣвѣ Маріи, признавая ее сохранившею дѣвство во время чудеснаго рожденія Іисуса отъ Духа Божія [2]), хотя и смѣшивалъ ее съ сестрою Аарона,—объ Іоаннѣ (Крестителѣ) [3]), о Мессіи Іисусѣ, сынѣ Маріи, исповѣдуя Его безсѣменное зачатіе [4]), видя въ Немъ посланника и пророка Божія [5]), укрѣпленнаго Духомъ Святымъ [6]), называя Его Словомъ и Духомъ Божіимъ [7]), признавая за Нимъ чудеса [8]) и даже вознесеніе Его на небо [9]); говорилъ объ апостолахъ, какъ помощникахъ Іисуса [10]), объ Евангеліи, данномъ отъ Бога чрезъ Іисуса въ руководство людямъ и заключающемъ въ себѣ правоту и свѣтъ и подтвержденіе Закона (Моисея) [11]). При этомъ довольно странно только то, что Мухаммедъ, считающій Іисуса Христа выше себя по силѣ, ставитъ въ то же время Его ниже себя по значенію. Всѣ эти и подобныя имъ мѣста Корана особенно любятъ приводить наши либеральные

[1]) Коранъ, гл. 2, ст. 59.
[2]) Коранъ, гл. 21, ст. 91; гл. 66, ст 12.
[3]) Коранъ, гл. 3, ст. 33—36 и др.
[4]) Коранъ, гл. 3, ст. 42; гл. 19, ст. 16—27.
[5]) Коранъ, гл. 5, ст. 79.
[6]) Коранъ, гл. 2, ст. 81 и 254; гл. 5, ст. 109.
[7]) Коранъ, гл. 4, ст. 169; гл. 3, ст. 34 и 40.
[8]) Коранъ, гл. 3, ст. 43; гл. 5, ст. 110—115.
[9]) Коранъ, гл. 3, ст. 48.
[10]) Коранъ, гл. 36, ст. 12 и 13; гл. 3, ст. 45; гл. 61, ст. 14 и пр.
[11]) Коранъ, гл. 3, ст. 2 и 43; гл. 5, ст. 50 и 110; гл. 57, ст. 27 и др.

мусульмане [1]), стараясь доказать, что Мухаммеду принадлежитъ честь охраненія и распространенія Евангелія въ Аравіи и что между христіанствомъ и мухаммеданствомъ нѣтъ существенной догматической разницы. Ко всему этому, для полноты кажущагося сходства между этими двумя религіями, можно, пожалуй, прибавить еще и слѣдующее. Во время своихъ сношеній съ Абиссиніею изъ желанія угодить тамошнимъ христіанамъ, которые называли Бога «Милостивымъ», Мухаммедъ сталъ также весьма часто учить о Богѣ, какъ о Милостивомъ—«Рахманѣ», приписывая этому «Милостивому» тѣ черты и свойства, какія принадлежатъ, по понятію христіанъ, Іисусу Христу, т.-е. что Онъ—Творецъ неба и земли, что Онъ явится Владыкою въ день суда и будетъ ходатайствовать за людей [2]) и пр. Наконецъ, Мухаммедъ дошелъ даже до представленія о «Милостивомъ» (Рахманѣ), какъ объ отдѣльной личности. «Раздастся, говорится въ Коранѣ, звукъ трубы, и вотъ они поспѣшатъ изъ своихъ гробовъ ко *Господу своему*. Они скажутъ: горе намъ! кто поднялъ насъ съ ложей нашихъ? Вотъ то, что̀ предвозвѣщалъ *Милостивый* и о чемъ вѣрно говорили пророки» [3]). Или еще яснѣе въ другомъ мѣстѣ: «Будетъ день, въ который *Мы*, говоритъ Богъ, *предъ Милостивымъ* соберемъ благочестивыхъ съ такимъ же почетомъ, съ какимъ принимаютъ царскихъ пословъ, а нечестивыхъ погонимъ къ гееннѣ, какъ гоняютъ скотъ на водопой. Ходатайствовать [4]) тогда за другихъ могутъ только тѣ, которые *отъ Милостиваго* получатъ себѣ право на это» [5]). Здѣсь уже вполнѣ ясно Богъ отличается отъ Милостиваго; но, на основаніи предыдущихъ мѣстъ Корана, Милостивый есть Богъ. Не есть ли это, хотя и не вполнѣ ясное, признаніе

---

[1]) Баязитовъ: «Исламъ и прогрессъ», стр. 11, 36—41.

[2]) Коранъ, гл. 2, ст. 158; гл. 13, ст. 29; гл. 17, ст. 110; гл. 19, ст. 18, 27, 45, 46, 59, 62, 70, 76, 81, 91, 94 и 96; гл. 25, ст. 60—61; гл. 50, ст. 32; гл. 67, ст. 19, 20 и 29; гл. 78, ст. 38.

[3]) Коранъ, гл. 36, ст. 51—53.

[4]) Конечно, предъ Богомъ.

[5]) Коранъ, гл. 19, ст. 88—90.

Іисуса божественною личностью? Такъ близокъ былъ въ это время Мухаммедъ къ христіанству. Теперь вполнѣ понятно, почему посланные на время въ Абиссинію послѣдователи Мухаммеда нашли тамъ себѣ радушный пріемъ. Свое уваженіе къ христіанству и его послѣдователямъ Мухаммедъ не потерялъ вполнѣ и въ началѣ своей жизни въ Мединѣ: «болѣе всѣхъ, говорилъ онъ въ это время, любятъ вѣрующихъ тѣ, которые называютъ себя назарянами: это отъ того, что у нихъ есть пресвитеры и подвижники благочестія, и отъ того, что они не горды» [1]).—Такимъ образомъ въ продолженіе всего перваго періода своей жизни и дѣятельности, въ Меккѣ, Мухаммедъ съ уваженіемъ относился къ евреямъ и христіанамъ и былъ вѣротерпимъ. Иного отношенія въ это время съ его стороны и быть не могло, такъ какъ самъ Мухаммедъ былъ гонимъ и преслѣдуемъ своими многочисленными и сильными врагами. Вотъ въ это-то время онъ и проповѣдывалъ своимъ послѣдователямъ вѣротерпимость. «Мы, говоритъ Богъ Мухаммеду, вполнѣ знаемъ то, что̀ говорятъ они (невѣрные); но ты не будешь принуждать ихъ: потому учи Кораномъ того, кто боится Моей угрозы» [2]). «Скажи вѣрующимъ, чтобы они были снисходительны къ тѣмъ, которые не ожидаютъ тѣхъ дней у Бога, въ которые Онъ воздастъ людямъ» [3]). «Призывай на путь Господа твоего мудрыми, добрыми наставленіями» [4]). Мухаммедъ въ одно время, на первыхъ порахъ своей жизни въ Мединѣ, дошелъ даже и до слѣдующаго философскаго положенія, которое было высказано имъ только однажды: «въ религіи нѣтъ принужденія» [5]).

Но, къ великому сожалѣнію, все это давно кануло въ Лету, и всѣ эти мѣста Корана, гдѣ говорится о вѣротерпимости, уже давнымъ давно «мянсухъ»; они отмѣнены послѣдующими по времени появленія и при томъ гораздо

[1]) Коранъ, гл. 5, ст. 85.
[2]) Коранъ, гл. 50, ст. 44—45 (меккская глава).
[3]) Коранъ, гл. 45, ст. 13 (меккская глава).
[4]) Коранъ, гл. 16, ст. 126; ср. гл. 29, ст. 45 (меккскія главы).
[5]) Коранъ, гл. 2, ст. 257 (мединская глава).

болѣе многочисленными стихами, которые тщательно скрываются отъ насъ мусульманами, такъ какъ въ нихъ проводится совершенно другой, діаметрально противоположный взглядъ на иновѣрцевъ, извѣстныхъ болѣе подъ именемъ «невѣрныхъ». Въ Мединѣ, какъ мы видѣли, Мухаммедъ совершенно измѣнился къ худшему; въ немъ проснулись дурные арабскіе инстинкты—жадность и наклонность къ грабежу, коварство и ненависть къ врагамъ; изъ скромнаго, гонимаго проповѣдника онъ постепенно превратился здѣсь въ грознаго, мстительнаго, жестокаго и жаднаго до чужой добычи властителя. Когда были порваны дружескія связи съ евреями, онъ сталъ обличать ихъ въ разныхъ выдумкахъ, повреждении Писанія и разныхъ другихъ религіозныхъ преступленіяхъ. Мухаммедъ обвиняетъ ихъ въ томъ, что они считаютъ себя сынами [1]) и друзьями Божіими [2]), что они, будто бы, считаютъ Ездру сыномъ Божіимъ [3]), вѣруютъ въ Джибта и Тагута [4]), что ихъ прокляли Давидъ и Іисусъ и Самъ Богъ [5]), что они совращаютъ вѣрующихъ [6]), избивали пророковъ, удаляютъ отъ вѣры [7]) и т. д., и т. д. За все это имъ назначена вѣчная лютая мука [8]). Христіане, назаряне, по мнѣнію Мухаммеда, также повредили и извратили Писаніе; они допустили излишество въ вѣрѣ и переступили ея границы [9]), они выдумали Троицу [10]), считаютъ Бога «третьимъ въ трехъ» [11]). Мухаммедъ обвиняетъ назарянъ въ признаніи Дѣвы Маріи и Мессіи Іисуса Богомъ, Сыномъ Божіимъ, за что называетъ ихъ невѣрными

---

[1]) Коранъ, гл. 5, ст. 21.
[2]) Коранъ, гл. 62, ст. 6.
[3]) Коранъ, гл. 9, ст. 30—32.
[4]) Коранъ, гл. 4, ст. 54—60; гл. 5, ст. 65.
[5]) Коранъ, гл. 5, ст. 82.
[6]) Коранъ, гл. 4, ст. 152—160.
[7]) Коранъ, гл. 3, ст. 20.
[8]) Коранъ, гл. 3, ст. 112; гл. 4, ст. 159.
[9]) Коранъ, гл. 4, ст. 169; гл. 5, ст. 81.
[10]) Коранъ, гл. 4, ст. 169.
[11]) Коранъ, гл. 5, ст. 77: самъ третей.

и призываетъ на нихъ наказаніе Божіе [1]); онъ обвиняетъ ихъ даже и въ томъ, что они считаютъ богами своихъ ученыхъ и подвижниковъ [2]) и пр., и пр. Но, съ другой стороны, назаряне, по мнѣнію Мухаммеда, многое изъ своего Писанія забыли и скрыли; такъ наприм., они скрыли предсказаніе Іисуса о немъ, Мухаммедѣ. «Нѣкогда, говоритъ Богъ, Іисусъ, сынъ Маріи, сказалъ: сыны Израиля! Я—Божій посланникъ къ вамъ для подтвержденія закона, который въ рукахъ у васъ, и для благовѣстія о посланникѣ, который придетъ послѣ меня, которому имя Ахмедъ» [3]) (такая фикція, по догадкѣ знатока ислама Арнольда, явилась у Мухаммеда подъ вліяніемъ апокрифическаго евангелія Варнавы, гдѣ «Утѣшитель»—παράκλητος, Котораго обѣщалъ послать Христосъ Своимъ ученикамъ, обозначенъ именемъ «Славный»—περικλητός; Ахмедъ же, или Мухаммедъ, также значитъ «славный») [4]). За все это и назарянамъ Коранъ грозитъ тѣмъ же, чѣмъ и іудеямъ. На основаніи всего этого Мухаммедъ радикально перемѣнилъ свои прежнія дружескія отношенія къ евреямъ и христіанамъ на враждебныя. «Вѣрующіе! говорилъ онъ въ Мединѣ: не берите себѣ въ друзья ни отцовъ вашихъ, ни братьевъ вашихъ, если они невѣріе предпочитаютъ вѣрѣ; тѣ изъ васъ, которые подружатся съ ними, тѣ—законопреступники» [5]). «Вѣрующіе! не входите въ искреннюю дружбу ни съ кѣмъ, кромѣ себя самихъ: они непремѣнно сведутъ васъ съ ума; они желаютъ того, чтобы погубить васъ» [6]). «Вѣрующіе! въ друзья себѣ не берите ни іудеевъ, ни назарянъ (христіанъ); они—друзья одинъ другому» [7]). «Никогда не молись ни объ одномъ изъ нихъ, когда кто изъ нихъ умираетъ, и не

---

[1]) Коранъ, гл. 9, ст. 30; гл. 5, ст. 19 и 116.

[2]) Коранъ, гл. 9, ст. 31.

[3]) Коранъ, гл. 61, ст. 6.

[4]) Смирновъ, стр. 71.

[5]) Коранъ, гл. 9, ст. 23; гл. 3, ст. 27; гл. 58, ст. 22; гл. 60, ст. 1; гл. 4, ст. 91 (всѣ мединскія главы).

[6]) Коранъ, гл. 3, ст. 114 (мединская).

[7]) Коранъ, гл. 5, ст. 56 (мединская).

становись на молитву при его могилѣ, потому что они не вѣровали въ Бога и въ Его посланника и умерли нечестивыми» [1]). Невѣрные—друзья сатаны [2]). Съ этимъ еще кое-какъ можно было бы помириться. «Насильно, вѣдь, милъ не будешь». Но вотъ что особенно дурно; вотъ съ чѣмъ намъ, христіанамъ, нужно больше всего считаться. «Когда кончатся, говоритъ Мухаммедъ, запретные мѣсяцы, тогда убивайте многобожниковъ, гдѣ ни найдете ихъ; старайтесь захватить ихъ, осаждайте ихъ, дѣлайте вокругъ ихъ засады на всякомъ мѣстѣ, гдѣ можно подстеречь ихъ... Воюйте съ ними: Богъ накажетъ ихъ руками вашими и посрамитъ ихъ, дастъ вамъ побѣду надъ ними»... «Воюйте съ тѣми, которые не вѣруютъ въ Бога и въ послѣдній день, не считаютъ запрещеннымъ того, что запретилъ Богъ и Его посланникъ; и съ тѣми изъ получившихъ Писаніе, которые не принимаютъ истиннаго вѣроустава, дотолѣ, покуда они не будутъ давать выкупа за свою жизнь, обезсиленные, униженные» [3]). «Когда встрѣтитесь съ невѣрными, то сѣкать съ нихъ головы дотолѣ, пока не сдѣлаете совершеннаго имъ пораженія. Плѣнныхъ держите въ крѣпкихъ оковахъ» [4]). «Пророкъ, ревностно воюй съ невѣрными и лицемѣрами и будь жестокъ къ нимъ! Геенна будетъ жилищемъ ихъ» [5]). Во время этой войны нѣтъ пощады иновѣрцамъ; они должны быть поражаемы мусульманами съ самою рѣзкою жестокостью. Мухаммедъ говоритъ, что «помощь только отъ Бога сильнаго, мудраго, для того, чтобы отсѣчь члены у тѣлъ невѣрныхъ, низложить ихъ» [6]). «Воюйте съ ними до тѣхъ поръ, покуда не будетъ одного только вѣрослуженія Богу» [7]). «Сражайтесь съ ними дотолѣ, покуда не

---

[1]) Коранъ, гл. 9, ст. 85 (мединская).

[2]) Коранъ, гл. 4, ст. 78 (мединская).

[3]) Коранъ, гл. 9, ст. 5 и 14, 29; гл. 2, ст. 187; гл. 4, ст. 91 (мединскія).

[4]) Коранъ, гл. 47, ст. 4 (мединская).

[5]) Коранъ, гл. 66, ст. 9; гл. 9, ст. 74 (мединскія).

[6]) Коранъ, гл. 3, ст. 122 (мединская).

[7]) Коранъ, гл. 8, ст. 40 (мединская).

будетъ уже вамъ искушенія и покуда не установится ваше поклоненіе Богу» [1]). Нѣкоторые изъ нашихъ либеральныхъ мусульманъ стараются при этомъ успокоить насъ, русскихъ, тѣмъ, что всѣ эти мѣста Корана, въ которыхъ проповѣдуется во всей силѣ священная война, относятся только къ «невѣрнымъ», подъ которыми разумѣются только многобожники, язычники. Но противъ такого объясненія возстаетъ то мѣсто Корана, которое требуетъ войны съ людьми, получившими Писаніе, и которое приведено мною выше, а также—и слѣдующее мѣсто: «*Невѣрны* тѣ, которые говорятъ, что Мессія, сынъ Маріи, есть Богъ... *Невѣрны* тѣ, которые говорятъ, что Богъ есть третій изъ трехъ (самъ третей)» [2]). Слѣдовательно, и мы, христіане, какъ невѣрные и многобожники, также подлежимъ, по ученію Корана, истребленію со стороны мусульманъ наравнѣ съ другими язычниками. Такимъ образомъ ближними для мусульманъ являются только свои единовѣрцы, къ которымъ они, по примѣру самого Мухаммеда, должны быть доброжелательны, сострадательны и милосерды [3]); ко всѣмъ же остальнымъ на свѣтѣ мусульманинъ дышетъ религіозною ненавистью и обязывается по отношенію къ нимъ священною войною. Мораль ислама налагаетъ на мусульманина обязанности ближняго только въ отношеніи къ мусульманину; ко всѣмъ же остальнымъ онъ обязанъ относиться враждебно. Для того, чтобы возжечь больше фанатизма, храбрости и жестокости въ своихъ послѣдователяхъ, Мухаммедъ обѣщалъ имъ, съ одной стороны, постоянный успѣхъ въ войнѣ съ невѣрными [4]), а съ другой—высшую степень награды въ будущей жизни [5]). Большое значеніе въ дѣлѣ

---

[1]) Коранъ, гл. 2, ст. 189; гл. 8, ст. 40 (мединскія).

[2]) Коранъ, гл. 5, ст. 76—77 (мединская).

[3]) Коранъ, гл. 9, ст. 129; гл. 48, ст. 29 (мединскія).

[4]) Коранъ, гл. 4, ст. 140; гл. 8, ст. 66 и 67; гл. 48, ст. 18—22 (мединскія).

[5]) Коранъ, гл. 3, ст. 163—165; гл. 4, ст. 76 и 97; гл. 9, ст. 20 (мединскія). Я привелъ далеко еще не всѣ мѣста Корана, гдѣ говорится о свящ. войнѣ.

проповѣди священной войны имѣло и ученіе о предопредѣленіи, фатализмъ.—Но Мухаммедъ не только училъ, но и самъ первый слѣдовалъ этому фанатическому ученію объ истребленіи невѣрныхъ. Ученіе о священной войнѣ не только нашло въ немъ воодушевленнаго проповѣдника, но и самаго яраго выразителя. «Пророкъ Божій» превратился въ Мединѣ въ кровожаднаго полководца, генералиссимуса своихъ войскъ. Всемірная исторія не знаетъ другаго такого фанатичнаго основателя религіи. Въ отдѣлѣ о жизни Мухаммеда мы видѣли, съ какою безпощадною жестокостью, съ какимъ коварствомъ, съ какою ненавистью истреблялъ сей «посланникъ и пророкъ Божій» своихъ враговъ. Онъ не стѣснялся избивать по одиночкѣ и громадными массами даже и тѣхъ, которые сдавались ему на милость и искали защиты у него и которые считали себя внѣ опасности, вполнѣ надѣясь на данное слово, на заключенный съ ними договоръ. Какое же значеніе послѣ этого имѣютъ всѣ завѣренія нашихъ мусульманъ, что исламъ вмѣщаетъ въ себѣ всѣ нравственныя ученія, существовавшія до него, что любая глава Корана полна вѣротерпимости, что Мухаммедъ—охранитель христіанства, что онъ выбралъ лучшее изъ всѣхъ религій, и пр. и пр.?! Все это разсчитано только на незнакомство русской публики съ исламомъ. Такимъ образомъ исламъ есть самая фанатичная религія въ мірѣ.

Какъ же послѣ всего этого назвать то завѣреніе Девлетъ-Кильдѣева, что въ исламѣ нѣтъ фанатизма, что Мухаммедъ никогда не проповѣдывалъ священной войны?.. Коранъ, какъ я старался показать, проповѣдуетъ священную войну противъ невѣрныхъ во всей ея силѣ. Она должна продолжаться до тѣхъ поръ, пока на землѣ не будетъ существовать одинъ исламъ. Всѣ эти мѣста Корана, какъ я уже замѣтилъ, отмѣняютъ собою всѣ другія прежде данныя, противоположныя имъ, гдѣ говорится о вѣротерпимости. Приводимый Маракчіемъ Абуль-Касымъ Гибатуллахъ въ своей книгѣ «объ отмѣняемомъ и отмѣненномъ» говоритъ, что «стихомъ меча» (Коранъ, гл. 9, ст. 5) отмѣнены всѣ другія, противорѣчивыя ему мѣста

Корана, числомъ до 124 стиховъ [1]). На основаніи того же стиха меча, и всѣ мусульманскіе богословы считали и считаютъ всѣ тѣ мѣста Корана, гдѣ говорится о вѣротерпимости, отмѣненными, «мянсухъ». Поэтому совершенно напрасно говоритъ Искандеръ-Мурза, что я, говоря о фанатизмѣ ислама, будто бы смѣшиваю «политическую исторію мусульманскихъ народовъ съ религіознымъ ученіемъ, забывая при этомъ, что исторія христіанскихъ народовъ въ свою очередь представляетъ не мало примѣровъ невѣжественнаго фанатизма» [2]). Ничего я не смѣшивалъ и не смѣшиваю, а также не забывалъ и не забываю. Я именно излагаю религіозное ученіе ислама, ученіе первоисточника его, Корана, объ этомъ предметѣ. Что же касается фанатизма христіанскихъ народовъ, то о немъ рѣчь будетъ дальше.

Нѣкоторые изъ европейскихъ ученыхъ, какъ наприм. Сентъ-Илеръ и Лоранъ, стараются доказать, что Мухаммедъ вынужденъ былъ силою обстоятельствъ проповѣдывать священную войну. «Онъ, говоритъ Сентъ-Илеръ, безсознательно и противъ воли сдѣлался величайшимъ военнымъ человѣкомъ и искуснѣйшимъ политикомъ и основалъ имперію вопреки себѣ» [3]). «Если исламъ распространялся оружіемъ, говоритъ Лоранъ, то это потому, что онъ былъ проповѣданъ народамъ воинственнымъ» [4]). Съ легкой руки этихъ защитниковъ Мухаммеда и наши мусульмане говорятъ почти то же самое. «Нельзя упрекать Мухаммеда въ томъ, говоритъ Девлетъ-Кильдѣевъ, что онъ велъ войну и предавался воинственному пылу: онъ жилъ между враждебными племенами и постоянно находился въ необходимости защищать личность и собственность не только свою, но и своихъ учениковъ отъ нападенія окружающихъ его враговъ, а потому Магометъ силою обстоятельствъ былъ принужденъ выступить на это поприще своей дѣятельности. Да будетъ сказано въ его похвалу, что онъ

[1]) Maraccius: «Prodromus ad Refutationem Alcorani», p. IV, p. 60.
[2]) «Восточное Обозрѣніе» 1883 г., № 36.
[3]) Barthelemy Saint-Hilaire: «Mahomet et le Coran», preface, p. XIV—XVII.
[4]) Laurent: «Etudes sur l'histoire de l'humanité», t. V, p. 441—444.

рѣдко злоупотреблялъ своею властью... Магометъ долженъ былъ, какъ пророкъ Всемогущаго Бога, всегда побѣждать, что̀ дѣйствительно и было» [1]). При оцѣнкѣ стиховъ Корана, говоритъ одинъ неизвѣстный мой оппонентъ, «необходимо знать, какія были побудительныя причины къ изданію такого или инаго постановленія... Спрашивается, самый либеральнѣйшій и гуманнѣйшій изъ полководцевъ XIX-го вѣка, разъ ставъ на территорію своего противника и обращаясь къ войскамъ съ рѣчью, что̀ сказалъ бы?— будетъ ли онъ возбуждать воинственный духъ въ своихъ солдатахъ, призывая ихъ къ храбрости, или же, наоборотъ, станетъ уговаривать ихъ на войнѣ быть миролюбивыми, чтобы не посмѣлъ ни одинъ солдатъ его арміи поражать своего врага?» [2]) «Если Магометъ, говоритъ г. Баязитовъ, такъ горячо проповѣдывалъ свое ученіе, иногда какъ-бы силою распространяя его, то это вызывалось желаніемъ и необходимостью: во 1-хъ, просвѣтить грубыхъ язычниковъ-дикарей, и во 2-хъ, положить конецъ религіозному хаосу, который царилъ въ Аравіи» [3]). «Чтобы уяснить себѣ обстоятельно, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, статьи Корана, слѣдуетъ прежде всего ознакомиться съ мотивами и фактами, вызывавшими ихъ» [4]). Со всѣми этими апологіями нельзя согласиться. Прежде всего я не пишу исторію ислама, а разсматриваю только нѣкоторые, наиболѣе важные пункты его ученія; а потому мнѣ нѣтъ особой нужды знать побудительныя причины того или другаго постановленія Корана. Мнѣ въ данномъ случаѣ важно знать только то, чему именно учитъ Коранъ и какъ его ученіе проводится въ жизнь послѣдователями его. Да и самимъ мусульманамъ en masse не важно знать, какія причины побудили Мухаммеда издать то или другое постановленіе. Только ученое любопытство можетъ заставить того или другаго муллу входить въ такія историко-критическія изслѣдованія. Для всѣхъ же остальныхъ

[1]) Девлетъ-Кильдѣевъ, стр. 12.
[2]) «Восточное Обозрѣніе» 1885 г., № 10.
[3]) «Отношенія ислама къ наукѣ и къ иновѣрцамъ», стр. 81.
[4]) «Исламъ и прогрессъ», стр. 46.

мусульманъ важно знать только то, насколько категорично или условно выражено въ Коранѣ извѣстное положеніе, чтобы знать степень его обязательности. Допустимъ, что Мухаммедъ былъ вполнѣ вынужденъ издать всѣ эти кровавыя постановленія; но какой же выводъ изъ этого? Выводъ изъ этого будетъ только тотъ, что Мухаммедъ можетъ быть болѣе или менѣе чистъ предъ судомъ исторіи, но повелѣніе его, выраженное въ ясной категорической формѣ: воюйте съ невѣрными, убивайте ихъ вездѣ, сражайтесь съ ними, «пока не установится ваше поклоненіе Богу»,—это повелѣніе остается во всей силѣ, а потому должно быть исполняемо его послѣдователями. Такимъ образомъ этимъ путемъ можно еще такъ или иначе обѣлять Мухаммеда, какъ обыкновеннаго человѣка, какъ генерала, но дѣло отъ этого все-таки нисколько не улучшается; фанатизмъ отъ этого не улетучивается ни изъ Корана, ни изъ его послѣдователей. Все это только во-первыхъ. Во-вторыхъ, ошибка всей этой защиты заключается еще въ томъ, что она въ данномъ случаѣ старается видѣть въ Мухаммедѣ военнаго человѣка, полководца, совершенно забывая, что Мухаммедъ съ точки зрѣнія ислама прежде всего пророкъ. Этимъ же недостаткомъ грѣшатъ апологіи Мюллера и Вл. С. Соловьева, которые говорятъ, что, если Мухаммедъ перебилъ 600 евреевъ, то Карлъ Великій поступилъ такъ же съ 4.500 саксонцевъ. «Если, прибавляетъ первый изъ нихъ, примѣнить мѣрку того, что творилось на Востокѣ до и послѣ него, то несомнѣнно, придется назвать его однимъ изъ самыхъ кроткихъ властелиновъ Востока» [1]). Не сами ли эти защитники Мухаммеда признали его пророкомъ и посланникомъ Божіимъ, а теперь разсматриваютъ его, какъ свѣтскаго главу мусульманской общины, какъ организатора ея и полководца?! Я вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что Мухаммеду, какъ генералу, еще можно, пожалуй, простить всѣ эти кровавыя предписанія, какъ исторія прощаетъ многимъ своимъ героямъ-кровопроливцамъ; но, какъ пророку, они ему не-

[1]) Мюллеръ, т. I-й, стр. 192. Соловьевъ, стр. 77.

простительны. Какъ пророкъ Всевышняго Бога, какъ основатель новой религіи, онъ долженъ стоять выше всѣхъ этихъ военныхъ подвиговъ; даже не должно быть запятнано ими имя его. Если, какъ онъ совершенно справедливо говорилъ раньше: «въ религіи нѣтъ принужденія», то не слѣдовало и разжигать въ своихъ послѣдователяхъ религіозный фанатизмъ. Наконецъ, если мы, въ угоду защитникамъ ислама, измѣнимъ на этотъ разъ точку зрѣнія и будемъ смотрѣть на Мухаммеда, какъ только на военнаго человѣка, какъ на полководца, то и въ этомъ случаѣ не мало найдемъ на немъ пятенъ. Ужъ даже г. Девлетъ-Кильдѣевъ проговорился, что Мухаммедъ, хотя и рѣдко, но все-таки злоупотреблялъ своею властью. Если Мухаммедъ былъ кроткимъ и всецѣло зависѣлъ отъ окружающихъ обстоятельствъ, то только въ первый періодъ своей жизни, въ Меккѣ; въ Мединѣ же онъ былъ на высотѣ своего величія и вполнѣ могъ по своему усмотрѣнію располагать событіями. Если все отрицательное въ исламѣ объяснять силою окружающихъ обстоятельствъ, то мы вправѣ ожидать, что это отрицательное должно имѣть мѣсто не въ Мединѣ, а въ Меккѣ; между тѣмъ какъ все случилось какъ разъ наоборотъ. Въ Мединѣ, а не въ Меккѣ, Мухаммедъ сдѣлался жестокимъ, честолюбивымъ, воинственнымъ и чрезмѣрно чувственнымъ. Я не буду повторять того, о чемъ уже достаточно сказано мною раньше. Укажу здѣсь только на нѣкоторыя его злоупотребленія властью. Послѣ Бедерскаго пораженія Мухаммедъ приказалъ отсѣчь головы двумъ плѣнникамъ, убить мединскаго поэта Каабу за то, что тотъ не воспѣвалъ его въ стихахъ, и пр. Въ другое время 20 человѣкъ корейшитовъ и 700 іудеевъ были, по его приказанію, живыми зарыты въ землю предъ его глазами. Припомните также, какъ онъ наложилъ свою святотатственную руку на древній обычай соблюденія арабами священныхъ мѣсяцевъ и какъ онъ извернулся изъ своего скандализированнаго положенія. Не довольствуясь этимъ, онъ прибѣгнулъ по своему обыкновенію подъ защиту откровенія Божія. «Спрашиваютъ тебя о священ-

номъ мѣсяцѣ, говоритъ онъ отъ лица Бога, о войнѣ во время его. Скажи: война во время его великій грѣхъ; но уклоняться отъ пути Бога, не вѣровать въ Него и въ священную мечеть, изгонять изъ нея посѣщающихъ ее,— еще большій грѣхъ предъ Богомъ». Я бы могъ привести множество доказательствъ на эту тему; но довольно и этихъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что Мухаммеда ничто не можетъ оправдывать въ проповѣди священной войны.

Не довольствуясь вышеприведенными объясненіями предписаній Мухаммеда о войнѣ съ невѣрными, наши либеральные мусульмане идутъ еще дальше и стараются доказать, что Мухаммедъ никогда не проповѣдывалъ религіозной ненависти къ иновѣрцамъ и священной войны противъ нихъ. «Нигдѣ въ Коранѣ, говоритъ тотъ же г. Девлетъ-Кильдѣевъ, нельзя найти повелѣнія пророка угнетать или уничтожать христіанъ и евреевъ, какъ это принято думать, а потому несправедливо, говоритъ этотъ нашъ справедливый мусульманинъ, приписывать Мухаммеду фанатизмъ и неразумныя дѣйствія его послѣдователей». «Только незнакомые съ его ученіемъ, говоритъ онъ, могутъ распространять такую ложь. Магометъ вездѣ и всегда предписывалъ милосердіе даже ко врагамъ». Послѣ всего вышеизложеннаго я могу только поражаться смѣлостью пріема этого мусульманскаго автора. «Широкая терпимость Корана, говоритъ Баязитовъ, къ ученію иновѣрныхъ исповѣданій не нуждалась бы въ объясненіи, если бы люди были знакомы съ содержаніемъ Корана въ его подлинномъ (?!) видѣ» [1]). Приведя вслѣдъ за тѣмъ разныя мѣста Корана, въ которыхъ высказывается сочувствіе иновѣрнымъ исповѣданіямъ, и скрывая, что всѣ эти мѣста изъ мекканскихъ главъ отмѣнены послѣдующими, противоположными имъ, г. Баязитовъ старается оправдать Мухаммеда, какъ полководца, отъ взводимыхъ на него обвиненій въ жестокости и ненависти ко врагамъ и вслѣдъ за симъ приводитъ, согласно преданію, указъ о

[1]) «Исламъ и прогрессъ», стр. 36.

христіанахъ, данный Мухаммедомъ [1]), оставляя его для бо́льшаго эффекта безъ всякихъ поясненій. Указъ этотъ, полный гуманности, долженъ производить сильное впечатлѣніе на людей, незнакомыхъ съ исламомъ, въ пользу послѣдняго. Но дѣло все въ томъ, что онъ носитъ на себѣ апокрифическій характеръ, а потому не имѣетъ за собою никакой исторической достовѣрности. По своему содержанію онъ стоитъ въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣмъ Кораномъ, не только съ его мединскими, но даже и съ мекккскими главами, что весьма странно было бы заводить рѣчь о его подлинности. Всякій мусульманинъ долженъ понимать и понимаетъ, что Коранъ, какъ слово Самого Бога, имѣетъ непререкаемую степень обязательности; а всякій апокрифъ, всякое преданіе (сунна) получаетъ эту обязательность лишь въ томъ случаѣ, если не противорѣчитъ Корану, а, напротивъ, находится въ полномъ съ нимъ согласіи. При условіи принятія этого указа исламъ впалъ бы еще въ бо́льшую путаницу, не зная, чему отдать предпочтеніе: Корану ли, вышедшему изъ устъ Мухаммеда, или этому сфабрикованному послѣ преданію. Ни для кого, а тѣмъ болѣе для самихъ образованныхъ мусульманъ, не должно составлять секрета, что фабрикація религіозныхъ преданій происходила въ свое время въ мусульманскомъ мірѣ широкою полосою, о чемъ уже была рѣчь. Гораздо больше значенія имѣютъ слѣдующія преданія, какъ вполнѣ согласныя съ Кораномъ. Абдуллахъ ибнъ-Масудъ говоритъ: я спросилъ посланника Божія, говоря: «посланникъ Божій! какое дѣло наиболѣе превосходное?» Онъ сказалъ: «молитва въ опредѣленныя для нея времена». Я сказалъ: «а далѣе какое?» Онъ сказалъ: «далѣе—преданность родителямъ». Я сказалъ: «а далѣе какое?» Онъ сказалъ: «подвижничество на пути Божіемъ» (т.-е. война съ невѣрными). Абу-Гурейра передаетъ: однажды нѣкто пришелъ къ посланнику Божію и сказалъ: «укажи мнѣ на какое-либо дѣло, равное войнѣ съ невѣрными». Мухаммедъ сказалъ: «я не нахожу таковаго». Абу-

[1]) Тамъ же, стр. 57—64.

Сейдъ Эль-Хурп сообщаетъ еще преданіе: однажды сказали: «посланникъ Божій! кто изъ людей наиболѣе превосходный?» Посланникъ Божій сказалъ: «вѣрующій, сражающійся на пути Божіемъ, жертвуя душею своею и имуществомъ своимъ». Бухари говоритъ, что посланникъ Божій сказалъ: «знайте, что рай подъ тѣнью мечей» [1]). Послѣ всего этого намъ не представляется никакой возможности успокоиваться на этомъ указѣ о христіанахъ, который приводитъ г. Баязитовъ. Другой еще болѣе тонкій и всесторонній, не останавливающійся ни предъ какими вопросами и всѣ ихъ рѣшающій въ пользу ислама, какъ религіи, обладающій къ тому же громаднымъ аппломбомъ, современный намъ мусульманскій либеральный писатель, г. Агаевъ, главный сотрудникъ татарской, печатающейся русскими буквами газеты «Каспій», говоритъ слѣдующее: «Газавата, въ смыслѣ священной войны противъ христіанъ и евреевъ, въ исламѣ не было и не могло быть; подобное учрежденіе было бы противно его духу и общему направленію и поставило бы Мухаммеда въ противорѣчіе съ самимъ собою. Основою магометанской религіи служитъ тезисъ: ля икраха фидинъ, что значитъ: нѣтъ принужденія въ религіи» [2]). Мы уже видѣли, что всѣ подобныя завѣренія совершенно ложны, такъ какъ Коранъ полонъ фанатическихъ предписаній, которыя именно стоятъ въ полномъ согласіи не только съ духомъ Корана, но и со всею жизнью Мухаммеда.

Но, говорятъ другіе защитники ислама, этотъ фанатизмъ, который былъ необходимъ въ первыя времена ислама, теперь уже отошелъ въ область историческихъ воспоминаній. Неправда. Въ настоящее время намъ достаточно извѣстны постановленія по этому вопросу мусульманскихъ законовѣдовъ, изъ которыхъ я укажу только на нѣкоторыя: сочиненія Мухаммеда Аляуддина ель-

---

[1]) Машановъ. «Европейскіе христіане на мусульманскомъ Востокѣ». Казань, 1889 г., стр. 11.

[2]) «Каспій» 1898 г., № 164.

Хасекви (Дурруль-Мухтаръ) [1]), Абдуль-Хусейна Ахмеда Кудури бенъ-Мухаммедъ бенъ-Хамида («Кудурій») [2]), Мухаммеда Омили и Низама ибнъ-Хусейна Савеи («Джами Аббасъ»)—шіитскаго толка [3]), Шейха Абуль-Гкасыма Аль-Мухагкыгка («Шераіуль-ислямъ»), въ переводѣ А. Мирзы-Казем-бека, и пр. Въ мусульманскомъ шаріатѣ вся вселенная раздѣляется на два лагеря: дару-ль-исламъ (міръ ислама) и даруль-харбъ (міръ войны, міръ иновѣрцевъ), изъ которыхъ первый обязывается истреблять послѣдній самымъ безпощаднымъ образомъ. Эти постановленія цѣликомъ входятъ въ разнообразные учебники мусульманской юриспруденціи и между прочимъ въ одинъ изъ самыхъ распространенныхъ у насъ въ Россіи, «Мюхтесеру-ль-Виткайетъ», и изучаются во всѣхъ современныхъ намъ мусульманскихъ школахъ. Я убѣдительно прошу тѣхъ изъ русскихъ, которые увлекаются разными проектами по части возрожденія ислама, обратить на это обстоятельство свое особое вниманіе. Священная война, джихадъ, по ученію шаріата, составляетъ для каждаго мусульманина «фарзъ», т.-е. имѣетъ непререкаемую важность и самую высшую обязательность для каждаго мусульманина, такъ какъ непремѣнное выполненіе ея заповѣдано Самимъ Богомъ въ Коранѣ. За выполненіе этой обязанности будетъ великая награда на небѣ, за опущеніе ея—наказаніе, а сознательное отверженіе ея составляетъ «кюфръ», невѣріе, и влечетъ отлученіе отъ ислама. «Одинъ день войны, сказалъ однажды Мухаммедъ, болѣе цѣнится Богомъ, чѣмъ цѣлый мѣсяцъ поста». Веденіе «джихада» обязательно для мусульманина, по свидѣтельству А. Казем-бека, такъ же какъ исповѣданіе единства Божія и посланничества пророка Мухаммеда, совершеніе пятикратныхъ молитвъ, соблюденіе поста и пр. Война съ невѣр-

---

[1]) Гиргасъ: «Права христіанъ на Востокѣ по мусульманскимъ законамъ», СПБ., 1865 г., стр. 11—52.

[2]) Агрономовъ: «Мухаммеданское ученіе о войнѣ съ невѣрными (джихадъ)». Казань, 1877 г., стр. 156—187.

[3]) Ханыковъ, «Кавказъ» 1846 г., №№ 20 и 21; перепечатано въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» 1898 г., №№ 77 и 78.

ными, говоритъ Кудури, есть такая предписанная Богомъ обязанность, которая можетъ быть выполнена мусульманиномъ и не лично, а посредствомъ замѣны. Если часть мусульманъ выполнитъ ее, то остальные могутъ не выполнять ея; а если ни одинъ не выполнитъ ея, то въ пренебреженіи ею бываютъ виновны всѣ. Не обязываются идти на священную войну дѣти, рабы, женщины, слѣпые, хромые, безрукіе. Если же непріятель нападаетъ на мусульманскую страну, то для отраженія его должны выступить всѣ мусульмане. Тогда женщина да выступаетъ безъ позволенія мужа и рабъ безъ позволенія господина. Война съ невѣрными, говоритъ шіитскій сборникъ «Джами Аббасъ», есть «ваджибъ» (обязательна) какъ на основаніи Корана, такъ и на основаніи «иджмы». Веденіе этой войны, по убѣжденію шіитовъ, обязательно для того изъ мужчинъ, который совершеннолѣтенъ, находится въ здравомъ умѣ, свободенъ, не старъ, свѣдущъ въ военномъ дѣлѣ, зрячъ и не хромъ, здоровъ, способенъ прокормить себя въ походѣ и семейство свое на мѣстѣ, имѣетъ верховое животное, не имѣетъ долговъ и получилъ позволеніе на это отъ родителей. Мусульмане обязаны вести войну не только съ идолопоклонниками, но и съ людьми, имѣющими Писаніе, т.-е. съ евреями и христіанами. Вести войну съ ними нужно до тѣхъ поръ, пока они не признаютъ ислама, или пока не подчинятся платежу подати «джизіе». Прежде чѣмъ начать войну съ невѣрными, шіиты признаютъ необходимымъ пригласить ихъ къ явному исповѣданію ислама; если же какой-либо мусульманинъ, не дождавшись этого, убьетъ кого-либо изъ невѣрныхъ, то сдѣлаетъ грѣхъ; впрочемъ, не подлежитъ за это ни взаимному мщенію, ни платежу за кровь.— Договоры мусульманъ съ невѣрными, хотя бы подтвержденные клятвою, могутъ быть нарушаемы мусульманами, если предвидится ими отъ этого польза.—Эта священная война имѣетъ наступательный характеръ; но, впрочемъ, у современныхъ мусульманъ существуетъ по этому поводу разногласіе. Одни, на основаніи немногихъ мѣстъ Корана, утверждаютъ, что мусульмане не должны нападать первыми.

Другіе, по преимуществу ханифиты, къ которымъ принадлежатъ всѣ наши мусульмане, живущіе во внутренней Россіи и въ Средней Азіи, на основаніи многочисленныхъ изреченій и преданій, опредѣлили, что мухаммедане должны начинать войну съ невѣрными. «Сраженіе съ невѣрными, говоритъ Кудури, необходимо, хотя бы они и не нападали на насъ первыми» [1]). Само собою понятно, что требованія послѣднихъ съ точки зрѣнія ислама правильнѣе, законнѣе, логичнѣе, чѣмъ убѣжденія первыхъ, такъ какъ и самъ Мухаммедъ велъ большею частью войны не оборонительнаго, а наступательнаго характера, и такъ какъ всѣ его предписанія относительно этого, выраженныя въ крайне категорической формѣ, имѣютъ въ виду наступательную войну, что̀ и было исполнено его послѣдователями съ безусловною точностью.

Всѣ побѣжденные мусульманами, по ученію шаріата, предаются смерти, за исключеніемъ женщинъ и дѣтей, обращаемыхъ въ неволю, слѣпыхъ, сумашедшихъ и монаховъ; впрочемъ, имамъ (предводитель), соображаясь съ выгодами мусульманъ, можетъ даровать мужчинамъ и жизнь, обративъ ихъ въ рабовъ и обложивъ поголовною податью [2]). Съ самыхъ первыхъ вѣковъ ислама, со временъ халифа Омара (634—644 г.), съ покоренныхъ иновѣрныхъ народовъ взимались слѣдующія подати: поголовная, или джизіе, поземельная, или хераджъ, и квартирный налогъ. Всѣ эти доходы, вмѣстѣ съ военною добычею, шли на первыхъ порахъ на военные походы и въ личную пользу мусульманъ, въ видѣ жалованья, при чемъ участники походовъ противъ невѣрныхъ получали больше

---

[1]) Вотъ объ этомъ ни одинъ изъ нашихъ мусульманъ никогда не проговорится въ печати. Намъ же совершенно неинтересно знать, какъ думаютъ по тому или другому вопросу Мурза-Алимъ, Девлетъ-Кильдѣевъ, Баязитовъ, Агаевъ и пр.; намъ нужно знать, какъ учитъ объ этомъ исламъ, который исповѣдуютъ въ настоящее время до 200 милліоновъ человѣкъ.

[2]) Торнау: «Изложеніе началъ мусульманскаго законовѣдѣнія», СПБ., 1850 г., стр. 104—105. Нофаль: «Курсъ мусульманскаго права», 1886 г. Кудури у Агрономова, стр. 151—187.

изъ этихъ доходовъ. Въ этомъ, т.-е. въ проживаніи мусульманъ на счетъ невѣрныхъ, заключается причина того, что эти побѣдители бывали иногда настолько милостивы къ своимъ побѣжденнымъ, что давали послѣднимъ право на жизнь, оставляя ихъ неперебитыми. Сверхъ того, эти поборы мусульманъ съ покоренныхъ народовъ весьма часто произвольно увеличивались, что̀ еще болѣе ложилось тяжелымъ бременемъ на нихъ, разоряло ихъ и вызывало безконечныя, но вполнѣ безплодныя жалобы. Вотъ гдѣ кроются основныя причины стремленія мусульманъ къ всемірному господству и страшнаго, окончательнаго запустѣнія завоеванныхъ ими странъ, которыя нѣкогда были богатыми и цвѣтущими. Вотъ—одна изъ причинъ того проклятія, какое и до сихъ поръ тяготѣетъ на всѣхъ мусульманскихъ странахъ. Покоренный мусульманами народъ является, по шаріату, лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія, такъ какъ ставится почти внѣ покровительства закона. Онъ или предается смерти, или обращается въ рабство, или же наконецъ облагается тяжелыми законными и произвольными податями и поборами. Если ему даруется, какъ величайшая милость, жизнь, то онъ лишается правъ человѣческой личности и правъ собственности, такъ какъ превращается въ раба, и это рабство переходитъ и на его потомство. «Одно природное невѣріе, говоритъ шейхъ Абуль-Гкасымъ Аль-Мухагкыгкъ, можетъ служить причиною законности порабощенія воюющихъ съ нами враговъ и ихъ дѣтей; потомъ это рабство переходитъ въ потомство ихъ, хотя бы невѣріе ихъ и уничтожалось принятіемъ ислама» [1]). Такую рѣзкую грань между побѣдителями и побѣжденными положили еще первые мусульманскіе завоеватели, чтобы обособить арабскую аристократію, которая никогда не сливалась съ другими народами. «Дитя, найденное на непріятельской землѣ, изъ невѣрныхъ, говоритъ тотъ же авторъ, подлежитъ собственности»... «Если какой-нибудь мусульманскій ку-

[1]) Шераіуль-ислямъ, или законы мусульманъ шіитскаго вѣроисповѣданія. Вып. 1-й, СПБ., 1862 г., стр. 107.

пецъ, говоритъ Кудури, взойдетъ въ непріятельскую страну, то не позволяется ему наносить какой-нибудь вредъ имуществу или жизни жителей; если же онъ что-нибудь обманомъ добудетъ, то это вступаетъ въ его собственность». «Невѣріе, говоритъ шейхъ Абуль-Гкасымъ Аль-Мухагкыгкъ, препятствующее наслѣдованію, есть то ученіе, которое внушаетъ исповѣдующему его убѣжденія, противныя главнымъ принципамъ ислама. На этомъ основаніи ни подданный мусульманскому правительству иновѣрецъ (зиммій), ни враждебный иновѣрецъ (харбій), ни отрекшійся отъ ислама (муртедъ) не могутъ наслѣдовать мусульманину. Но мусульманинъ можетъ наслѣдовать невѣрному... Если умретъ невѣрный, имѣя наслѣдниковъ изъ невѣрныхъ и одного наслѣдника изъ мусульманъ, то его наслѣдство принадлежитъ мусульманину... Если умретъ мусульманинъ и оставитъ наслѣдника изъ невѣрныхъ, то этотъ невѣрный не можетъ наслѣдовать ему, но наслѣдуетъ имамъ. Это только въ случаѣ, если не окажется наслѣдника мусульманина». Чтобы еще болѣе усилить разницу между правовѣрными и невѣрными, мусульманскій шаріатъ, вслѣдъ за халифомъ Омаромъ и по примѣру его договора о сдачѣ ему Іерусалима, налагаетъ на иновѣрцевъ цѣлый рядъ унизительныхъ ограниченій. Сдавшіеся Омару жители города Іерусалима обязывались не только не осмѣивать пророка Мухаммеда и его ислама, не только не совращать съ религіознаго пути мусульманъ, не покушаться на ихъ жизнь и имущество и не служить врагамъ мусульманъ, что вполнѣ естественно, но и отличаться отъ мусульманъ своею одеждою, не селиться тамъ, гдѣ живутъ мусульмане, не строить своихъ домовъ выше ихъ домовъ, не бить въ било, собирая христіанъ къ молитвѣ, не читать вслухъ свое Свящ. Писаніе, не выставлять крестовъ, не выпускать свиней, не носить оружія и не ѣздить верхомъ на лошадяхъ, а только на ослахъ. «Не позволяется христіанамъ и іудеямъ, говоритъ Кудури, въ мусульманскихъ владѣніяхъ строить новые храмы или новыя синагоги. Если же обрушатся старые храмы и синагоги, то поправлять ихъ

дозволяется. Данники, принятые мусульманами подъ покровительство, обязываются отличаться отъ мусульманъ одеждою, рабочимъ скотомъ, сѣдлами и шапками; не позволяется имъ ѣздить на лошадяхъ и носить оружіе». Позднѣйшія мусульманскія постановленія предписываютъ еще цѣлый рядъ новыхъ унизительныхъ для христіанъ ограниченій. Если иновѣрный подданный (зиммій), сидя на ослѣ, встрѣчаетъ мусульманина, то обязанъ спѣшиться; зимміи не имѣютъ права носить чалмы и шелковыхъ поясовъ; они, сознавая свое униженіе, не имѣютъ права сидѣть въ присутствіи мусульманина, который въ свою очередь не долженъ подавать имъ своей руки; они должны всегда уступать ему дорогу [1]). Не могу воздержаться, чтобы еще разъ не сослаться на одинъ шаріатный сборникъ, что̀ я дѣлаю изъ желанія убѣдить читателя, что описываемыя мною отношенія мусульманъ къ другимъ народамъ основаны не на одномъ какомъ-либо мусульманскомъ авторитетѣ, а на всемъ шаріатѣ, взятомъ во всей его совокупности. Невѣрные, говоритъ шіитскій сборникъ «Джами Аббасъ», должны «не воздвигать храмовъ и молитвенныхъ домовъ въ городахъ мусульманскихъ, не осмѣливаться громко читать свои священныя книги, въ колокола не звонить, не воздвигать свои дома выше и вровень съ домами мусульманъ. Если же невѣрные не подчинятся этимъ условіямъ, то подлежатъ убіенію. Невѣрные должны ходить такъ, чтобы ихъ можно было отличать отъ мусульманъ; чтобы платья ихъ были отличны отъ платья мусульманъ; четвероногія, на коихъ они ѣздятъ, были бы другія, чѣмъ тѣ, на которыхъ ѣздятъ обыкновенно мусульмане; сверхъ того, ѣздить они должны такъ, чтобы ноги ихъ висѣли по одну сторону четвероногаго; на лошадяхъ и сѣдлахъ ѣздить, не должны; сабли и оружія носить не могутъ; христіане не должны носить крестовъ, и женщины ихъ должны отличаться платьемъ отъ мусульманокъ; по сере-

---

[1]) Гиргасъ: «Права христіанъ на Востокѣ по мусульманскимъ законамъ».

динѣ дороги невѣрные ходить не могутъ, а должны уступать ее мусульманамъ и, наконецъ, не должны давать ни фамилій, ни прозвищъ своимъ дѣтямъ». Далѣе мусульманскій шаріатъ запрещаетъ иновѣрцамъ быть въ Меккѣ и Мединѣ, что̀ и доселѣ соблюдается весьма строго. Наконецъ, въ довершеніе полнаго безправія иновѣрныхъ подданныхъ, шаріатъ не допускаетъ свидѣтельства ихъ на судѣ, хотя бы даже въ пользу мусульманъ. Можно ли послѣ всего этого согласиться, наприм., съ г. Баязитовымъ, что кровь подданнаго иновѣрца одинакова для мусульманина съ кровью правовѣрнаго и что «по ученію Мухаммеда притѣсненія иновѣрца болѣе страшны и болѣе отвѣтственны, чѣмъ своего единовѣрца»?! Гдѣ же во всемъ этомъ либеральное и гуманное отношеніе ислама къ намъ?!

Отпаденіе отъ ислама наказывается по шаріату смертью. Отрекшійся отъ ислама приглашается къ покаянію; если же онъ не покается, предается смертной казни. «Если же, прибавляетъ Кудури, кто-либо убьетъ отступника отъ ислама прежде, чѣмъ будетъ разъяснено ему мусульманское ученіе, то это въ высшей степени предосудительно; но, впрочемъ, противъ убійцы ничего предпринимать не слѣдуетъ». Само собою понятно, что въ Россіи за отпаденіе отъ мусульманства не допускается смертная казнь поэтому мусульманская совѣсть и шаріатъ считаютъ позволительнымъ въ данномъ случаѣ тайное убійство. Вотъ и еще одна изъ многихъ причинъ слабости успѣховъ нашей православной миссіи среди мусульманъ.

Воспламененные религіознымъ фанатизмомъ и жадностью къ чужому добру, стремленіемъ къ грабежу, мусульмане вскорѣ послѣ смерти Мухаммеда выступили изъ своего пустыннаго полуострова на всемірно-историческую сцену и пронеслись ураганомъ по нѣкоторымъ частямъ южной Европы, по всей сѣверной Африкѣ, западной, средней и отчасти южной Азіи, производя вездѣ страшныя опустошенія и проливая цѣлыя рѣки человѣческой крови. Поэтому мнѣ кажутся весьма странными слѣдующія слова петербургскаго ахунда: «Если уже допускать, говоритъ онъ, что фанатизмъ присущъ исламу, то онъ

всего болѣе обнаружился бы, безъ сомнѣнія, при первомъ же своемъ появленіи, подъ обаяніемъ изувѣрныхъ проповѣдей самого Мухаммеда и его собесѣдниковъ (асхабовъ, членовъ его кружка). По здравому смыслу тормозящій характеръ ислама обнаружился бы въ первые вѣка возникновенія религіи, а не теперь» [1]). Да, оно такъ и было. Мы уже видѣли, какой проявилъ фанатизмъ въ ученіи и въ жизни самъ Мухаммедъ, основатель фанатической религіи. Кто же не знаетъ, какой фанатизмъ проявили мусульмане вслѣдъ за симъ, при первыхъ халифахъ, затѣмъ во времена омейядовъ и даже аббасидовъ? Постараюсь, при изложеніи этихъ всѣмъ извѣстныхъ фактовъ, быть краткимъ. Вѣсть о смерти Мухаммеда вызвала почти по всей Аравіи, во всѣхъ ея племенахъ, надежду на возстановленіе утраченной гражданской и религіозной свободы; результатомъ этого явились въ разныхъ частяхъ Аравіи возстанія и бунты съ цѣлью сбросить съ себя ненавистное иго, котораго до сего времени арабы никогда не знали. Поэтому первому преемнику Мухаммеда, совмѣщавшему въ себѣ, по примѣру послѣдняго, высшую духовную и свѣтскую власть, халифу Абу-Бекру выпала весьма трудная обязанность спасти новое ученіе, исламъ, и подавить эти повсемѣстныя возстанія противъ него. Не смотря на весьма кратковременное царствованіе (632—634 гг.), Абу-Бекръ, благодаря своей большой разсудительности и твердости характера, а также и боевой опытности сподвижниковъ Мухаммеда, жадныхъ къ тому же до чужой наживы, съумѣлъ быстро подавить всѣ эти возстанія и привести всю Аравію къ полному подчиненію себѣ и исламу, потопивъ стремленіе арабовъ къ свободѣ въ ихъ собственной крови. Для того, чтобы отвлечь въ сторону отъ себя оставшіеся безпокойные элементы, Абу-Бекръ, исполняя желаніе своего пророка, первый выступилъ, безъ всякаго уважительнаго къ тому повода, на всемірно-историческую арену, направивъ за предѣлы своей родины одну часть войска противъ Ирака, входившаго

[1]) «Отношенія ислама къ наукѣ и цивилизаціи», стр. 11.

въ составъ Персидскаго государства, а другую—противъ Сиріи, окраины Византіи. Первый изъ этихъ отрядовъ, подъ предводительствомъ «меча Божія», Халида, переправившись чрезъ Евфратъ, бросился грабить южную часть Месопотаміи, убивая всюду взрослыхъ и уводя за собою женъ и дѣтей высшихъ, зажиточныхъ классовъ. Кровь человѣческая лилась здѣсь въ это время буквально рѣками. Мирныхъ же земледѣльцевъ оставили въ покоѣ. «Настолько хватило мудрости, замѣчаетъ при этомъ историкъ Мюллеръ, и у Халида, чтобы не зарѣзать курицу, несущую золотыя яйца. А чтобы она не очень раздобрѣла, объ этомъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, позаботились съ большимъ искусствомъ». Во время похода на Сирію также было пролито не мало крови. Настоящимъ же основателемъ всемірнаго мусульманскаго государства былъ пламенный, могучій и храбрый Омаръ (634—644 г.). Все десятилѣтнее его правленіе прошло въ постоянныхъ войнахъ, битвахъ; мусульманскія войска, повинуясь желѣзной волѣ и безчувственному, часто жестокому сердцу своего халифа, неустанно шли все впередъ, грабили, избивали всѣхъ, способныхъ носить оружіе, и уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Омаръ взялъ Дамаскъ, Іерусалимъ и покорилъ всю Сирію; въ Іерусалимѣ на мѣстѣ Соломонова храма Омаръ велѣлъ соорудить мечеть, въ которую и до сихъ поръ никто изъ иновѣрныхъ не можетъ вступить подъ страхомъ смертной казни. Онъ же, безъ всякаго повода, изгналъ изъ Аравіи всѣхъ христіанъ и іудеевъ, установивъ правило, что никто изъ иновѣрцевъ не можетъ жить въ священной странѣ ислама. Ему же нѣкоторыми историками приписывается и слѣдующее, выраженное въ довольно циничной формѣ, завѣщаніе: «мы должны поѣдать христіанъ и наши потомки должны поѣдать ихъ потомковъ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать исламъ». Вслѣдъ за тѣмъ Омаръ завоевалъ Египетъ и сѣверный берегъ Африки до Триполи. Въ 642 году онъ завоевалъ западную часть Персіи и Арменію. При взятіи персидской столицы Ктезифона, въ добычу мусульманамъ достались несмѣтныя, баснословныя

богатства до такихъ сокровищъ включительно, какъ серебряная статуя верблюда въ настоящую его величину со всадникомъ изъ золота, статуя лошади изъ золота, знаменитый коверъ въ 70 локтей длины и 60 локтей ширины съ серебряными дорожками на золотомъ фонѣ, съ лужайками изъ изумруда, ручейками изъ жемчужинъ, цвѣтами и плодами изъ различныхъ драгоцѣнныхъ камней. И вся эта добыча досталась дикарямъ, варварамъ арабскимъ, которые часто не знали, что̀ съ нею дѣлать, а потому и поступали съ нею, какъ вандалы; такъ наприм., этотъ роскошнѣйшій и богатѣйшій въ мірѣ коверъ былъ разрѣзанъ на нѣсколько кусковъ и раздѣленъ. При завоеваніи Сиріи Омаръ выработалъ подробныя унизительнѣйшія условія сдачи мусульманамъ христіанъ и евреевъ, которыя съ того времени и доселѣ всегда практикуются въ мусульманскомъ мірѣ и которыя я изложилъ выше. Существуетъ извѣстіе, что во время управленія Абу-Бекра и Омара было разрушено 4000 христіанскихъ церквей и основано, вмѣсто нихъ, 1400 мечетей. Послѣдователи ислама во время царствованія Омара часто буквально плавали въ крови иновѣрцевъ. Если же они въ это время не избивали ихъ всѣхъ, а многимъ даровали жизнь, то это было сдѣлано не изъ милости и любви къ нимъ. А потому неправы тѣ изъ современныхъ намъ мусульманъ, которые хотятъ видѣть въ этомъ фактѣ, въ разныхъ договорахъ о сдачѣ иновѣрцевъ, а въ томъ числѣ и христіанъ, доказательства гуманности и вѣротерпимости тогдашнихъ мусульманскихъ завоевателей. Убивать всѣхъ покоренныхъ иновѣрцевъ имъ было невыгодно съ матеріальной, чисто финансовой стороны. Покоренные иновѣрцы, обложенные, какъ мы уже видѣли, со временъ Омара разными тяжелыми податями и налогами, которые къ тому же часто произвольно увеличивались, были для мусульманъ дойными коровами или, какъ выразился Мюллеръ, курицами, несущими для нихъ золотыя яйца. Мусульманскіе властители предпочли для себя паразитный характеръ существованія; главными и исключительными ихъ заботами по отношенію къ покореннымъ иновѣрцамъ было стремле-

ніе получать съ нихъ какъ можно больше жизненныхъ средствъ, ни сколько не заглядывая на результаты такой хищнической своей политики въ будущемъ. Вотъ гдѣ кроются причины разоренія мусульманскихъ странъ, усиленнаго и какъ-бы на первый взглядъ добровольнаго распространенія ислама среди иновѣрцевъ, а также—кажущейся гуманности и вѣротерпимости мусульманъ. Даже при простоватомъ и недалекомъ третьемъ халифѣ, Османѣ (644—654 г.), были завоеваны восточная часть Персіи, Средняя Азія до Оксуса, Кипръ и Карѳагенъ. Только при четвертомъ халифѣ, Али (655—661 г.), который, хотя и былъ краснорѣчивый энтузіастъ, но отличался нерѣшительностью и вѣроломствомъ, на время прекратились завоеванія мусульманъ, которые были заняты тогда своими собственными счетами, внутренними смутами, начавшимися еще при Османѣ. Но идея священной войны съ невѣрными, фанатическія чувства къ нимъ были живы среди мусульманъ и въ это время. Въ настоящее время открыты рѣчи халифа Али, которыя переведены на русскій языкъ г. Муркосомъ. Хотя принадлежность этихъ рѣчей Али и заподозрѣна наукою, но, по замѣчанію нашего ученаго, кто бы ни былъ ихъ авторъ, несомнѣнно, что онѣ имѣли большое вліяніе на весь мусульманскій міръ. «Мы съ пророкомъ Божіимъ, говоритъ Али своей дружинѣ, вели войну со своими отцами, дѣтьми и дядьями, и это укрѣпляло насъ въ вѣрѣ и преданности Богу, утверждало насъ въ истинѣ, внушало намъ терпѣніе въ страданіяхъ и одушевляло насъ въ борьбѣ съ врагами. Каждый какъ изъ насъ, такъ и изъ нашихъ враговъ мужественно боролся, стараясь напоить своего противника чашею смерти. И когда Богъ увидѣлъ нашу правоту, Онъ поразилъ враговъ нашихъ и далъ намъ побѣду, и такимъ образомъ исламъ утвердился и глубоко пустилъ свои корни. И если бы мы поступили такъ, какъ вы, то столбъ религіи не утвердился бы, и древо вѣры не позеленѣло бы. Но увѣряю васъ (Богомъ), вы кровію поплатитесь и будете раскаиваться». «Священная война, говорится еще въ другомъ мѣстѣ, это—дверь райская, открытая Богомъ для Своихъ

избранниковъ; это—одежда благочестія, крѣпкій щитъ Божій и прочное Его блаженство. Удаляющагося отъ нея Богъ облекаетъ въ одежду униженія, и онъ подвергается несчастіямъ и становится презрѣннымъ, безобразнымъ и безумнымъ: онъ поражается въ сердцѣ безуміемъ. За неучастіе въ священной войнѣ отнимается у него всякое право; на него обрушивается безчестіе, и онъ лишается права на полученіе доли въ будущей жизни» [1]).—Въ 661 году халифъ Али, на котораго падало обвиненіе въ попустительствѣ убійства халифа Османа, былъ убитъ въ Куфѣ хариджитами, которые считались сектантами за свои демократическія тенденціи по вопросу о свободномъ выборѣ халифа, каковымъ, по ихъ мнѣнію, могъ быть всякій, лишь бы онъ былъ честный и правовѣрный мусульманинъ. Впрочемъ, народная молва обвиняла въ этомъ убійствѣ и намѣстника Сиріи, Моавію, сына Абу-Софьяна изъ фамиліи Омейи, такъ какъ онъ все время не признавалъ Али своимъ халифомъ. Впослѣдствіи, при омейядахъ, были убиты одинъ за другимъ и два сына Али, Гассанъ и Гуссейнъ. Приверженцы Али, признававшіе только одного его законнымъ халифомъ, а всѣхъ трехъ предшественниковъ его—узурпаторами, а отсюда и не принявшіе тѣхъ преданій или, выражаясь языкомъ мусульманъ, той части сунны, которая была ими собрана, теперь окончательно отдѣлились отъ общаго мусульманскаго міра и получили въ отличіе отъ остальныхъ мусульманъ, называемыхъ суннитами, прозваніе шіитовъ. Съ той поры мусульманскій міръ раздѣлился на два враждебныхъ лагеря: суннитовъ и шіитовъ.

Съ воцареніемъ узурпаторовъ омейядовъ, столицею которыхъ сдѣлался Дамаскъ, снова оживилась завоевательная дѣятельность мусульманъ, а вслѣдствіе этого и предѣлы ихъ господства подвинулись на всѣхъ военныхъ театрахъ дальше. Умный и хитрый, жестокій и мало религіозный Моавія (661—680 г.) съумѣлъ, особенно благо-

[1]) Муркосъ Георгій: «О рѣчахъ, приписываемыхъ халифу Али». Въ юбилейномъ сборникѣ въ честь Вс. Ф. Миллера, подъ ред. Ягчука, М., 1900 г., стр. 241—248.

даря помощи своего кровожаднаго соправителя Зейда, не только подавить всѣ внутреннія смуты и возстанія, которыя приняли весьма широкіе размѣры и даже грозили гибелью цѣлости исламскаго міра, но и ввести большой порядокъ въ немъ. При Моавіи мусульмане разгромили всю Малую Азію и даже подступали къ самому Константинополю; въ Африкѣ они дошли до Алжира, въ Средней Азіи они перешли за Оксусъ и дошли до Самарканда, а на югѣ взяли Мервъ, Балхъ, Гератъ, Кабулъ, Белуджистанъ и дошли до Пенджаба. На всемъ этомъ громадномъ пространствѣ кровь иновѣрцевъ и мусульманскихъ сектантовъ, хариджитовъ, которыхъ преслѣдовали съ особенной жестокостью, лилась рѣками. Преемникъ Моавіи, Езидъ (680—683 г.), былъ слабоуменъ и преданъ чувственнымъ удовольствіямъ. Слѣдующій затѣмъ энергичный Мерванъ (684—685 г.) принужденъ былъ вести борьбу съ врагами своей династіи и особенно съ шіитами, которые мстили правовѣрнымъ за смерть Али и сыновей его Гассана и Гуссейна. Еще болѣе энергичный преемникъ его, набожный и довольно образованный Абду-ль-Маликъ (685—705 г.), провелъ все время своего царствованія въ подавленіи возстаній хариджитовъ и шіитовъ, для чего понадобилось ему даже взять Медину и осадить Мекку, что и было исполнено при помощи свирѣпаго Хаджаджа, бывшаго школьнаго учителя. Дѣла мусульманскаго халифата были въ это время настолько плохи, что Абду-ль-Маликъ вынужденъ былъ уступить Арменію съ Адербейджаномъ и Кипръ византійцамъ, которые, впрочемъ, не съумѣли воспользоваться своимъ временнымъ превосходствомъ. При Валидѣ (705—715 г.), который былъ энергичнымъ, твердымъ и образованнымъ халифомъ, исламъ снова выступилъ на путь всемірнаго завоеванія. Онъ, одерживая вездѣ побѣды, прошелъ кровавою рѣкою по Средней Азіи до Хивы и Ферганы включительно, въ Индіи до южнаго Пенджаба, по Малой Азіи и Арменіи, вдоль всей сѣверной Африки до Гибралтарскаго пролива и даже въ Испанію. Внѣшнее могущество ислама, а вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозный фанатизмъ достигли въ это время своего

высшаго развитія; такъ наприм., извѣстно, что въ одномъ изъ городовъ Индіи были убиты всѣ жители, имѣвшіе болѣе 17-ти лѣтъ отъ роду. Изъ послѣдующихъ омейядовъ наибольшимъ фанатизмомъ отличались Омаръ II (717—720 г.) и Езидъ II (720—724 г.). Первый изъ нихъ преслѣдовалъ христіанъ и разрушалъ всѣ ихъ церкви новой постройки, а второй, сверхъ того, издалъ еще указъ объ истребленіи христіанскихъ священныхъ изображеній. Вообще нужно замѣтить, что время омейядовъ было самымъ тяжелымъ и печальнымъ для христіанской Церкви, такъ какъ всѣ омейядскіе халифы, за исключеніемъ только слабыхъ изъ нихъ, все время проводили въ войнахъ и преслѣдованіи какъ мусульманскихъ сектантовъ, такъ христіанъ и евреевъ. Религіозная вѣротерпимость имъ была незнакома. Исламъ грозилъ уже затопить собою всю Европу, и только энергія Льва Исаврянина, отстаивавшаго Константинополь, и мужество Карла Мартела въ 732 г. остановили дальнѣйшее движеніе фанатичной религіи на Европу.

Хотя новая, какъ выражаются мусульмане, «благословенная Богомъ династія» аббасидовъ, основателемъ которой былъ Абу-ль-Аббасъ, внукъ Абдаллы, сына Аббаса, дяди Мухаммеда, и воздерживалась отъ новыхъ политическихъ завоеваній, хотя представители ея, какъ болѣе образованные халифы, покровительствовавшіе даже наукамъ и просвѣщенію, и заняты были болѣе внутреннимъ устройствомъ халифата, тѣмъ не менѣе положеніе въ немъ христіанъ и вообще всѣхъ иновѣрцевъ улучшилось незначительно. Вступленіе въ Багдадѣ на мусульманскій престолъ перваго изъ аббасидовъ, Абу-ль-Аббаса (749—754 г.), прозваннаго «кровопійцею» (Аль-Саффахъ), и достойнаго его соправителя, брата его, Абу-Джаффара, было ознаменовано страшнымъ избіеніемъ всѣхъ приверженцевъ омейядовъ, числомъ, будтобы, до 600.000 человѣкъ. Безсовѣстный, жестокій и развращенный Абу-Джаффаръ, прозванный «Аль-Мансуромъ» (754—775 г.), положилъ начало самаго гнуснаго и безчеловѣчнаго обычая, котораго держатся и до сихъ поръ мусульманскіе

властители, избивать при своемъ восшествіи на престолъ всѣхъ своихъ родственниковъ. Особенною же ненавистью къ христіанамъ и преслѣдованіемъ ихъ отличался Аль-Мутеваккиль (847—861 г.). Еще большею жестокостью въ преслѣдованіи христіанъ и евреевъ отличался позднѣе (около 1000 г.) халифъ Хакимъ.—Какой дикій, необузданный и страшный фанатизмъ внесли въ мусульманскій міръ турки и монголы, я не стану излагать, такъ какъ это заведетъ меня уже слишкомъ далеко въ сторону и такъ какъ, что особенно важно, фанатизмъ этихъ послѣднихъ нео-мусульманъ не отрицается нашими либеральными мусульманами изъ татаръ. Хотя послѣдніе и сами принадлежатъ къ этой племенной группѣ, но они всегда утверждаютъ, что все, что есть въ настоящее время худшаго въ исламѣ,—фанатизмъ, узкое пониманіе ученія Корана, предпочтеніе буквы предъ духомъ, смысломъ его, обрядность, чувственность и пр. и пр.,—все это привнесено, будто бы, въ исламъ именно турецко-монгольскими народами. Поэтому, дойдя въ своемъ изложеніи историческаго развитія мусульманскаго фанатизма до выступленія на историческое поприще турокъ и монголовъ, я ставлю точку. Такимъ образомъ я старался показать исламъ и его развитіе, а въ частности его религіозный фанатизмъ, въ его чистомъ, не испорченномъ какими-либо посторонними примѣсями видѣ. Послѣ всего вышеизложеннаго смѣю думать, что въ читателѣ по этому основному пункту ученія ислама, мѣшающему сближенію мусульманъ съ другими народами, не можетъ быть инаго мнѣнія, кромѣ того, что исламъ есть самая фанатичная, человѣконенавистническая религія во всемъ мірѣ.

Но если къ этому, такъ сказать, нормальному въ исламѣ религіозному фанатизму присоединить еще сектантскій, болѣе высокаго давленія и остроты, то впечатлѣніе получается еще болѣе удручающее, а опасенія за цѣлость христіанскаго міра и христіанской цивилизаціи еще болѣе сильныя. Между этими фанатичными сектами на первомъ планѣ должно поставить *суфизмъ*, какъ болѣе другихъ древній по происхожденію. Основаніе суфизма возво-

дится мусульманами къ временамъ халифовъ Абу-Бекра и Али; по другимъ же свидѣтельствамъ, основателемъ его былъ нѣкто Абу-Сеидъ ибнъ-Аби-ль-Хайра, жившій около 200 г. гиджры (815 г. нашей эры). Это—особое теченіе въ исламѣ, имѣющее весьма отдаленное и при томъ чисто внѣшнее сходство съ нашимъ монашествомъ, аскетизмомъ. Хотя сухой, черствый и весьма прозаическій исламъ, чуждый всякой таинственности, и не даетъ никакихъ основаній для какого бы то ни было подвижничества, которое, по словамъ Мухаммеда, выдумано христіанами, но тѣмъ не менѣе, подъ сильнымъ воздѣйствіемъ иранскаго духа, склоннаго всегда къ таинственному, мистическому, суфизмъ, основанный на пантеистическихъ и мистическихъ началахъ, ухитрился не только прочно утвердиться въ исламѣ, но и слиться съ нимъ, какъ одна изъ его сектъ, по мнѣнію его противниковъ, ряды которыхъ все болѣе рѣдѣютъ, или какъ самая высшая его религіозная форма, по мнѣнію его приверженцевъ. Особенное свое развитіе онъ получилъ въ Персіи въ эпоху аббасидовъ. Въ настоящее время суфизмъ весьма распространенъ въ мусульманскомъ мірѣ и имѣетъ до 70 разныхъ орденовъ. Послѣдователи суфизма въ разныхъ мѣстахъ носятъ въ народѣ разныя названія: въ Индіи ихъ называютъ факирами, въ Персіи суфи, въ Турціи и Египтѣ дервишами, въ Бухарѣ и во всей Средней Азіи каляндарами, на Кавказѣ мюридами и пр Исходя изъ пантеистическихъ началъ и считая весь міръ эманаціей Божества, суфизмъ указываетъ и достойную цѣль для человѣка—освобожденіе отъ узъ матеріи и сліяніе съ Божествомъ, полное отождествленіе съ нимъ и потерю своей субстанціи въ божественной, что вполнѣ возможно посредствомъ экстаза (халь—состояніе). Къ этому ведетъ особый путь—тарикатъ, состоящій изъ четырехъ ступеней: 1) исповѣданіе какой-либо религіи, 2) отрѣшеніе отъ внѣшняго религіознаго культа и духовное поклоненіе Божеству, 3) божественное знаніе и 4) полное сліяніе съ Божествомъ въ экстазѣ. Дойдя до этой послѣдней ступени, суфитъ впадаетъ въ самообожаніе и самъ дѣлается Богомъ, утрачивая подъ

вліяніемъ пантеистическихъ идей различіе между добромъ и зломъ. Всѣ дѣйствія его и всѣ слова и повелѣнія его, какъ божественныя, дѣлаются для другихъ безпрекословно обязательными. Какое страшное орудіе заключается въ этомъ ученіи суфизма! Отсюда вполнѣ естественно, что суфизмъ требуетъ полнаго, абсолютнаго подчиненія ума, воли и совѣсти учениковъ, мюридовъ (жаждущихъ истины), волѣ и личности своего учителя, главы ордена, который называется шейхомъ, пиромъ, ишаномъ и пр. Личность мюрида вполнѣ пропадаетъ въ личности своего шейха. Одни изъ послѣдователей суфизма, явные суфиты, живутъ въ особыхъ общежитіяхъ (такія), другіе, тайные, продолжаютъ оставаться въ своихъ домахъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, какъ дѣйствующая армія, такъ и запасъ суфизма, всегда готовы исполнять все, что идетъ отъ ишана или пира, которые пользуются неограниченнымъ вліяніемъ на своихъ мюридовъ и обладаютъ часто громадными денежными суммами. Въ сборникѣ сартовскаго (въ Туркестанскомъ краѣ) кодекса приличій, подъ заглавіемъ «Абадъ-уль-салихынъ», говорится, между прочимъ, слѣдующее: «Во всѣхъ дѣлахъ слѣдуетъ руководствоваться волей шейха, во всемъ ему безпрекословно повиноваться, будь то дѣла вѣры или житейскія». Ни молитва, ни постъ, ни милостыня не спасутъ мюрида безъ благословенія пира. Организація и дисциплина суфитскихъ орденовъ имѣетъ громадное сходство съ орденами іезуитскими, которые и создались, по изысканіямъ Шарбонеля, по образцу первыхъ. Какъ велико вліяніе суфитовъ на народную массу, видно изъ слѣдующаго. Наэлектризованныя толпы дервишей часто ходятъ, наприм., по среднеазіатскимъ базарамъ, выкрикивая имена Божіи и распѣвая разныя свои пѣснопѣнія, что производитъ весьма сильное впечатлѣніе на правовѣрныхъ мусульманъ. Переѣздъ шейховъ изъ одного селенія въ другое на Кавказѣ часто походитъ на торжественное шествіе восточнаго властелина; обезумѣвшій народъ пляшетъ, поетъ духовныя пѣсни, становится на колѣни, а нѣкоторые даже набрасываются на испражненія лошади шейха. Такъ гро-

маденъ престижъ шейха въ народномъ сознаніи!—Въ число главныхъ задачъ суфизма входятъ панисламическія идеи: подъемъ ислама, недовольство окружающимъ и ниспроверженіе его, а также истребленіе всѣхъ немусульманъ. «Тарикатъ, свидѣтельствуетъ отличный знатокъ Кавказа Р. А. Фадѣевъ, требуетъ отъ мусульманъ, чтобы они умирали за вѣру, не считая противниковъ, иначе весь обрядъ и всѣ дѣла, молитва, посты, милостыни ничего не значатъ; по тарикату и безъ того молитва, совершаемая на землѣ, покорствующей невѣрнымъ, недѣйствительна. Смерть въ бою—это высшая ступень рая; муллы же такъ умѣютъ описывать рай, что описаніе ихъ часто дѣйствуетъ на правовѣрныхъ, какъ пріемъ опіума, въ чемъ многіе сознавались.... Кавказскіе мюриды проповѣдывали: «намазъ (молитва), совершаемый на землѣ, принадлежащей невѣрнымъ, ничего не значитъ; мусульмане должны или уйти въ святую землю, или освободить свою страну отъ невѣрныхъ. Время всемірнаго халифатства близится. Богъ укажетъ чрезъ своихъ избранныхъ день, когда нужно начать всеобщій газаватъ (священную войну), истребленіе и обращеніе силою невѣрныхъ; до тѣхъ поръ каждый мусульманинъ долженъ быть лично врагомъ гяуровъ (невѣрныхъ)—убивать ихъ по одиночкѣ, грабить, не повиноваться имъ и другихъ учить неповиновенію, дѣлать имъ всевозможный вредъ; считать сношеніе съ гяуромъ грѣхомъ и всякую клятву, ему данную, недѣйствительною» [1]). Какая страшная опасность для насъ кроется въ этомъ ученіи! Эту опасность мы уже испытали, имѣвъ дѣло съ кавказскими мюридами во главѣ съ ихъ пиромъ Шамилемъ и съ андиджанскимъ возстаніемъ въ 1898 году, подъ предводительствомъ ишана Мухаммеда-Али Хальфы.

Въ послѣднее время изъ среды суфизма выродился особый орденъ *сенуситовъ*, которые провели ученіе объ истребленіи невѣрныхъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ.

---

[1]) Собраніе сочиненій Р. А. Фадѣева, т. I-й, ч. 1-я, стр. 287, и т. I-й, ч. 2-я, стр. 94.

Основателемъ этого ордена былъ Сейдъ Мухаммедъ бенъ-Али ас-Сенуси, родившійся въ началѣ XIX-го столѣтія въ Алжирѣ. Кромѣ призыва къ древнему чистому мусульманскому ученію и гоненія всякой роскоши и нѣкоторыхъ чувственныхъ удовольствій, сенусизмъ объявляетъ открытое гоненіе и истребленіе всѣхъ иновѣрцевъ и ихъ цивилизаціи и стремится къ основанію независимаго фанатичнаго мусульманскаго государства. Священная война съ невѣрными возведена имъ въ полный идеалъ, и фанатизмъ развитъ до nec plus ultra. «Ты, говоритъ сенусизмъ своему послѣдователю, весь долженъ дышать местью и ненавистью во имя Аллаха; годы грѣха простятся во имя минуты отмщенія». Поэтому сенусизмъ призываетъ всѣхъ мусульманъ къ истребленію христіанъ, къ чему онъ весьма дѣятельно готовится: у него уже насчитывается болѣе 10 милліоновъ послѣдователей въ разныхъ частяхъ мусульманскаго міра и по преимуществу въ Африкѣ; онъ уже располагаетъ громадными денежными средствами, вкладами въ священную казну его послѣдователей; и наконецъ, онъ уже имѣетъ въ своемъ распоряженіи достаточный запасъ военнаго оружія. Скоро, очень скоро онъ выступитъ въ ожесточенную войну съ европейскимъ христіанствомъ и его цивилизаціей. Борьба эта будетъ весьма упорна и продолжительна.

Къ фанатичнымъ сектантамъ въ исламѣ нужно причислить также и *ваггабитовъ*, основателемъ которыхъ былъ Мухаммедъ ибнъ-Абду-ль-Вагабъ, жившій въ Аравіи во второй половинѣ XVIII-го столѣтія. Стремясь очистить исламъ отъ всего наноснаго и возвратить его къ прежней простотѣ ученія и обрядовъ, къ чистотѣ и строгости жизни, порицая всякую изнѣженность и чувственную распущенность современныхъ мусульманъ, ваггабизмъ въ то же время требуетъ отъ своихъ послѣдователей безусловнаго повиновенія имаму (вождю ваггабитовъ) и непремѣннаго признанія и исполненія требованія вести священную войну противъ всѣхъ невѣрныхъ. Прежде всего ваггабизмъ объявилъ войну мусульманскому суннизму и шіизму, какъ такимъ вѣроисповѣданіямъ, кото-

рыя, по его мнѣнію, уклонились отъ чистаго ислама и вступили на путь идолопоклонства (путешествія къ свящ. мѣстамъ, почитаніе святыхъ и пр.). Ваггабизмъ весьма быстро распространился въ Аравіи и основалъ свое особое государство, столицею котораго была Дерайя. Отсюда онъ выступилъ на путь дальнѣйшихъ завоеваній, которыя сопровождались убійствами и опустошеніями. Въ 1801 году взята была Кербела и разрушена гробница Гуссейна, сына Али. Въ 1803 году была взята Мекка, при чемъ черный камень былъ разбитъ на куски. Въ 1804 году была взята Медина, при чемъ были сорваны всѣ украшенія съ гробницъ Мухаммеда, Абу-Бекра, Али и другихъ. Хаджъ, т.-е. религіозное путешествіе мусульманъ въ Мекку, былъ прекращенъ. Вскорѣ ваггабиты начали производить опустошительные набѣги на Сирію и даже грозить самому Константинополю. Весь мусульманскій міръ пришелъ въ ужасъ отъ фанатизма этихъ пуританъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончился погромъ, который несли съ собою эти дикіе сыны аравійской пустыни, если бы мусульманское правовѣріе, опасаясь за свою участь, не нанесло этимъ фанатикамъ рѣшительнаго удара. Турецкій султанъ поручилъ это дѣло египетскому пашѣ, Мехметъ-Али, который въ 1812 и 1813 годахъ отнялъ у ваггабитовъ Медину и Мекку, а въ 1818 году разбилъ ихъ на голову въ ихъ столицѣ Дерайѣ. Съ тѣхъ поръ ваггабиты разсѣялись по разнымъ странамъ; въ настоящее время ихъ можно встрѣтить въ Африкѣ, Индіи и даже на Зондскихъ островахъ. Возстаніе сейковъ въ 1826 году въ Индіи и взятіе г. Пешавера въ 1830 году было обязано ваггабиту Сейдъ-Ахмеду. Ваггабизмъ не умеръ окончательно и до сихъ поръ; онъ еще можетъ имѣть свою будущность.

Мусульманскій фанатизмъ, вопреки завѣреніямъ нашихъ либеральныхъ мусульманъ, живъ и при удобныхъ обстоятельствахъ дѣйствуетъ и до сихъ поръ въ исламѣ. Проявленія этого фанатизма извѣстны всякому образованному человѣку, хоть немного слѣдящему за политическими событіями. Изъ многихъ событій я укажу только на нѣкоторыя, пришедшія мнѣ въ данное время на па-

мять. Дикій фанатизмъ кавказскихъ мусульманскихъ горцевъ и мюридовъ съ Шамилемъ во главѣ слишкомъ памятенъ всѣмъ намъ русскимъ, а особенно кавказцамъ. Великое избіеніе христіанъ въ Дамаскѣ въ 1860 году леденитъ ужасомъ человѣческое сердце. Болгарскіе ужасы и пирамиды изъ срубленныхъ болгарскихъ головъ краснорѣчиво описаны великимъ человѣкомъ Гладстономъ. Фанатизмъ турокъ, поднимавшихъ съ цѣлью провозглашенія газавата зеленое знамя пророка во время нашей послѣдней войны съ ними, также у всѣхъ въ памяти. Здѣсь больше для курьеза я позволю привести молитву, которую турки возсылали своему Аллаху во время этой войны съ нами. Вотъ она: «Во имя милосерднаго Бога. Покровитель дѣлающихъ добро, ниспошли твою милость на мусульманъ. О, Всемогущій, не имѣй никакой жалости къ невѣрнымъ! Милостивый податель всѣхъ благъ, дай крѣпость турецкимъ силамъ. Всемогущій, истреби развращенную и дерзкую армію невѣрныхъ. Хвала Богу, Владыкѣ вселенной! Да будетъ Божіе благословеніе съ нашимъ пророкомъ Магометомъ и его послѣдователями. Боже! ниспошли могущество твоему служителю султану, властителю правовѣрныхъ. Обезпечь намъ владычество на этомъ свѣтѣ. Да исчезнутъ всѣ невѣрные и враги нашей религіи; да исчезнетъ самая тѣнь всѣхъ русскихъ и грековъ, пребывающихъ во мракѣ, по примѣру свиней; а они еще осмѣлились поднять противъ правовѣрныхъ оскверненныя руки. Боже! разъедини ихъ, перебей ихъ оружіе, уменьши численность ихъ арміи и населенія. Пошли ихъ скорѣе въ адъ. Ниспошли имъ всевозможныя бѣды и несчастія. Накажи ихъ такъ, какъ ты до сихъ поръ наказывалъ своихъ враговъ. Смѣшай ихъ языки. Боже! да прольется кровь ихъ потоками, и да будутъ они попраны правовѣрными мусульманами. Пусть дѣти ихъ останутся сиротами, жены вдовами. Лиши ихъ разсудка. Боже милостивый! да исчезнутъ всѣ невѣрующіе съ лица земли, всѣ русскіе, греки, славяне и всѣ европейцы (франки) [1]),

[1]) А англичане помогали имъ въ это время противъ насъ!

исповѣдывающіе одну и ту же вѣру и раздѣляющіе одни и тѣ же мнѣнія. Истреби ихъ огнемъ, мечемъ, навожденіями, чумою, голодомъ, холерою, горячками, землетрясеніемъ. Да опустѣютъ ихъ города. Предоставь ихъ восьми злымъ духамъ. Боже! такъ какъ эти злые и дикіе безбожники желаютъ насъ истребить, то пусть же сами они лишатся зрѣнія, всѣхъ чувствъ, женъ, дѣтей, всего имущества и наконецъ жизни. Боже! сдѣлай такъ, чтобы все ихъ имущество сдѣлалось добычею тѣхъ, которые вѣруютъ въ тебя и въ твоего пророка Магомета, на котораго ниспошли свое благословеніе» [1]). Въ это время весь мусульманскій міръ заволновался и стремился придти на помощь туркамъ. Турецкіе эмиссары, которые всегда отлично и успѣшно исполняютъ свою миссію, успѣли вездѣ пробудить идеи панисламизма. Губернаторъ Алжира доносилъ своему правительству о возможности скораго поголовнаго возстанія мусульманъ въ Алжиріи. Тунисъ и Египетъ посылали деньги и людей на помощь туркамъ. Мусульмане Индіи готовились выслать своихъ многочисленныхъ волонтеровъ въ распоряженіе турецкаго правительства. Даже у насъ, наши мусульмане выказали въ это время большое безпокойство, стремясь подать помощь туркамъ противъ русскихъ. Волненія на Кавказѣ, въ Крыму и даже въ Казани и во всѣхъ восточныхъ нашихъ губерніяхъ, гдѣ живутъ мусульмане, были въ это время довольно часты; и только страхъ предъ физическою силой, но не чувства симпатіи къ русскому правительству, которое такъ щедро облагодѣтельствовало своихъ мусульманъ, удерживалъ, наприм., татаръ въ Казанскомъ краѣ отъ активной роли и побудилъ ихъ пассивно, но съ затаенною радостью, ждать въ Россію турецкаго султана, который придетъ освободить ихъ отъ ненавистнаго русскаго владычества. Такимъ образомъ у себя, дома, мы живемъ какъ-бы на вулканѣ, который не прочь и выкинуть лаву. Въ это время даже такой незначительный властитель, какъ кашгарскій Якубъ-бекъ, и тотъ призналъ

[1]) См. «Миссіонеръ» 1877 г., № 38.

турецкаго султана главою всѣхъ мусульманъ и послалъ ему свои искреннія благопожеланія въ борьбѣ съ невѣрными за общее дѣло всѣхъ мусульманъ.—Въ 1881 году, какъ протестъ противъ владычества европейцевъ въ сѣверной Африкѣ и особенно противъ владычества англичанъ въ Египтѣ, а также и противъ стѣсненія европейцами работорговли въ мусульманскихъ странахъ, появилось въ Суданѣ возстаніе Махди, претендующаго на званіе божественнаго посланника, явившагося для пораженія Даджала, или мусульманскаго антимухаммеда, и для возстановленія истиннаго ислама на землѣ. *Махдизмъ*, преслѣдуя панисламическія цѣли и проповѣдуя общность имущества, не довольствуется однимъ африканскимъ райономъ дѣйствій и стремится къ объединенію всѣхъ мусульманъ для борьбы противъ европейцевъ. Турція, вполнѣ сочувствуя этому движенію, дѣятельно стремится къ намѣченной цѣли особенно въ лицѣ своего главы, султана, довольно опытнаго политика. Тунисъ и Алжиръ готовы не только примкнуть къ этому движенію, но и принять въ немъ дѣятельное участіе. Въ Индіи уже давно образовался тайный мусульманскій союзъ, стремящійся къ объединенію всѣхъ мусульманъ. Движеніе это не осталось безъ вліянія и на нашихъ русскихъ мусульманъ. Въ 1883 году ожидали пришествія Махди на Кавказѣ; въ 1884 году пропагандировали его въ Казанской губерніи; являлись такіе проповѣдники и въ Туркестанскомъ краѣ; въ 1888 году задержаны были въ Уфѣ два такихъ мусульманскихъ апостола[1]). Вообще нужно замѣтить, наши русскіе мусульмане, не отставая отъ общихъ движеній въ исламѣ, представляютъ изъ себя весьма ненадежный элементъ въ государственно-политическомъ отношеніи. Поэтому крайне жаль, что мы не только не обращаемъ должнаго вниманія на исламъ съ этой стороны, но даже, слишкомъ довѣряя нелѣпымъ завѣреніямъ нѣкоторыхъ псевдо-либераловъ изъ своихъ мусульманъ, усиливаемъ его, о чемъ рѣчь—когда-

[1]) «Историческое и современное значеніе христіанскаго миссіонерства среди мусульманъ». Казань, 1894 г.

нибудь послѣ.—Турецкія звѣрства въ Арменіи слишкомъ новы и свѣжи въ нашей памяти, чтобы слѣдовало еще распространяться о нихъ. Наше андиджанское возстаніе, хотя безсмысленно по своей обстановкѣ, но фанатично по своему замыслу. Какъ бы ни умаляли все тѣ же либералы значеніе этой вспышки мусульманскаго фанатизма, стараясь доказать, что осуществленіе идеи о священной войнѣ при настоящихъ условіяхъ невозможно, а при условіяхъ въ Андиджанѣ и нелѣпо, но тотъ фактъ, что минтюбинскій ишанъ Мухаммедъ-Али Хальфа и его шайка въ своемъ замыслѣ руководствовались исключительно фанатическою идеей свергнуть съ себя владычество русскихъ и истребить послѣднихъ, остается фактомъ.—Даже индифферентные въ религіозномъ отношеніи китайцы, съ принятіемъ мусульманства, дѣлаются фанатичными; исламъ, не смотря на оказанное ему здѣсь широкое гостепріимство и полную свободу, уже причинилъ Китаю массу хлопотъ и тревогъ. Мусульманъ насчитываютъ здѣсь уже болѣе 20 милліоновъ; и всѣ они представляютъ изъ себя весьма легкій горючій матеріалъ, способный къ возстаніямъ. Чтобы покончить съ изложеніемъ проявленій религіознаго фанатизма въ современномъ мусульманскомъ мірѣ, я укажу еще на настоящаго афганскаго эмира Абдуррахманъ-хана, котораго, съ одной стороны, никто не заподозритъ въ невѣрности исламу или въ искаженіи его, и котораго, съ другой, всѣ, а главнымъ образомъ—старые туркестанцы, считали и считаютъ человѣкомъ довольно либеральнымъ, образованнымъ и обладающимъ большимъ здравымъ смысломъ. Онъ былъ нашимъ пенсіонеромъ и гостемъ Самарканда и Ташкента; мы, русскіе, отлично знали его и возлагали на него большія надежды. Я не буду говорить о томъ, чѣмъ отплатилъ онъ намъ за наше гостепріимство и въ какія отношенія онъ всталъ къ Россіи. Но не могу не привести здѣсь выдержекъ изъ одного сочиненія, вышедшаго въ Кабулѣ подъ редакціей этого истаго мусульманина, этого образованнаго и либеральнаго мусульманскаго властителя, подъ заглавіемъ: «Таквимъ-уд-динъ», посвященнаго исключительно вопросу о священ-

ной войнѣ (джихадѣ). «Джихадъ, говорится здѣсь, обязателенъ,... ибо Коранъ гласитъ: «сражайтесь съ идолопоклонниками (невѣрными) такъ же, какъ они сражаются съ тобою». Большинство толкователей опредѣляетъ, что джихадъ есть «фарзъ-и-кифая», т.-е. обязанность, которая можетъ быть совершена и не всѣми членами общины, а лишь выборными отъ нея, но когда мусульмане стѣснены со всѣхъ сторонъ невѣрными, джихадъ перестаетъ быть кифая и становится обязательнымъ для всѣхъ безъ исключенія членовъ общины.... Коранъ говоритъ: «Все, что вы принесете въ жертву во время священной войны съ невѣрными, будетъ вамъ сторицей возмѣщено. Каждая частица вашего имущества будетъ уподоблена семи жатвамъ, гдѣ каждое зерно принесетъ сто зеренъ. Богъ воздастъ вдвое тѣмъ, кто ему угоденъ. Богъ щедръ и мудръ: кто кладетъ частицу самого себя на джихадъ, тотъ— настоящій мусульманинъ и ему простятся грѣхи и откроется рай». Пророкъ говоритъ: «Кто доставитъ муджтахидамъ припасы, оружіе и все необходимое для войны и останется самъ дома, тому воздастся въ 700 разъ, если же самъ станетъ въ ряды борцовъ, ему воздастся въ 700.000 разъ. Тѣхъ, кто защищаетъ границы мусульманскаго государства, каждая ихъ молитва уподобляется 500 молитвамъ лицъ, сидящихъ по домамъ и не защищающихъ границъ». Если мусульманская страна занята невѣрными, всѣ мусульмане, безъ различія пола, возраста и состояній, должны спѣшить на театръ борьбы. Для мусульманъ джихадъ обязателенъ подъ знаменами всѣхъ правителей, будь они жестоки или справедливы—безразлично. Они не должны щадить жизни и имущества для священной войны: ихъ долгъ—защитить свою честь и вѣру отъ оскорбленій. Пророкъ говоритъ: «мученикамъ назначена слѣдующая награда: 1) прощаются всѣ грѣхи, 2) избавляются отъ суда, 3) освобождаются отъ вѣчныхъ мукъ, 4) получаютъ вѣнецъ славы, 5) получаютъ въ супруги 70 черноокихъ гурій, 6) даруется ходатайство за 70 грѣшниковъ» [1]).

[1]) «Туркестанскія Вѣдомости» 1897 г., № 36.

Слово у Абдуррахманъ-хана не расходится съ дѣломъ. Вѣрный идеѣ священной войны, онъ обратилъ въ послѣднее время жителей Кафиристана въ исламъ посредствомъ своего войска, которое жгло и опустошало страну, грабило и убивало жителей; тогда оставшіеся въ живыхъ почувствовали склонность принять исламъ.— Теперь я предоставляю читателю рѣшить вопросъ, фанатиченъ или гуманенъ и вѣротерпимъ исламъ какъ въ его чистомъ (ученіе Мухаммеда), такъ и въ современномъ видѣ.

При этомъ я такъ и ожидаю, что мусульмане противопоставятъ мнѣ тотъ религіозный фанатизмъ, который выказали христіане въ исторіи; но это нисколько не смущаетъ меня. Религіозный фанатизмъ, дѣйствительно, былъ и доселѣ существуетъ въ извѣстной части христіанскаго общества; но онъ—явленіе ненормальное въ христіанствѣ, онъ не имѣетъ для себя никакого основанія въ ученіи Спасителя, въ Евангеліи. Всѣ эти крестовые походы, инквизиціи, варѳоломеевскія ночи и пр. не находятъ себѣ оправданія въ Новомъ Завѣтѣ и составляютъ уклоненіе отъ духа ученія Христа, Который заповѣдывалъ Своимъ послѣдователямъ не только любить ближняго, но и любить враговъ своихъ, Который нигдѣ и никогда ни однимъ словомъ не далъ понять, что Его ученіе должно быть распространяемо мечемъ, Который, напротивъ, всегда говорилъ и предупреждалъ, что Его послѣдователи будутъ гонимы и мучимы. Такого же взгляда держались и ученики Его, которые говорили: «будьте всегда готовы всякому, требующему у васъ отчета въ вашемъ упованіи, дать отвѣтъ съ кротостью и благоговѣніемъ» [1]); «со внѣшними (иновѣрными) обходитесь благоразумно, пользуясь временемъ» [2]). Религіозный фанатизмъ христіанъ послѣдующихъ вѣковъ объясняется тѣмъ, что христіане, съ одной стороны, не поняли ученія Христа, а съ другой—не вполнѣ еще отрѣшились отъ своихъ прежнихъ языческихъ взгля-

---

[1]) 1 Петр., гл. 3, ст. 15.
[2]) Колос., гл. 4, ст. 5.

довъ на международныя отношенія. Не малая вина въ этомъ случаѣ падаетъ опять на тотъ же исламъ; но объ этомъ скажетъ нѣсколько ниже гораздо лучше меня покойный А. С. Хомяковъ.

Существованіе фанатизма въ исламѣ признается всѣми, кто внимательно изслѣдовалъ ученіе его. «Несомнѣнная истина, говоритъ Деллингеръ, что ни одна религія не питаетъ такой глубокой закоренѣлой ненависти противъ христіанства, какъ исламизмъ; и эта безконечная ненависть тотчасъ же передается всѣмъ народамъ, которые принимаютъ мухаммеданство. Никакая религія не нанесла христіанству такого вреда, какъ исламизмъ, потому что для мухаммеданской совѣсти Коранъ—все, а Коранъ внушаетъ только ненависть и презрѣніе къ христіанамъ». «Мухаммеданинъ, говоритъ Арнольдъ, рѣдко вздумаетъ сражаться за свою родину, за свой домъ или за свободу, но онъ съ горячностью становится подъ знамя луны за религію». Нашъ почтенный знатокъ Востока, профессоръ Васильевъ, положительно заявляетъ, что даже индифферентный китаецъ, сдѣлавшись мусульманиномъ, является крайне фанатичнымъ. Одинъ изъ позднѣйшихъ путешественниковъ по Аравіи, отличный знатокъ ислама, Пальгрэвъ идетъ еще дальше, рѣшительно и настойчиво утверждая, что мухаммеданство—ученіе чудовищное и нечестивое, парализуетъ все, чего оно не убиваетъ. «Съ Мухаммедомъ, говоритъ покойный А. С. Хомяковъ, началась религіозная война, одно изъ важнѣйшихъ и едва ли не самыхъ ужасныхъ явленій въ исторіи... Очень странно, что историки до сихъ поръ не обратили вниманія на исламъ, какъ на явленіе совершенно новое для міра, т.-е. явленіе религіозной войны. Были во многихъ странахъ раздоры и войны, причиненныя разницей вѣрованій (наприм. въ Индіи), но это еще не религіозная война въ ея полномъ значеніи. Израиль при вступленіи въ землю Хананскую и Иранъ при домѣ Ксанидовъ въ своихъ военныхъ подвигахъ признаютъ себя святыми; но Израиль ищетъ простора для поселенія, Иранъ отбивается отъ непріятеля или завоевываетъ въ качествѣ государства, а не

вѣры. Это все еще не религіозныя войны. Въ одномъ исламѣ религія проявилась, какъ отвлеченное государство, съ правомъ и потребностью всемірнаго завоеванія. На Западѣ христіанство, принявъ наслѣдство Рима, стремилось къ тому же значенію; но всякій безпристрастный критикъ признаетъ, что папская церковь получила окончательное опредѣленіе (около времени крестовыхъ походовъ) только отъ противодѣйствія исполинской силѣ мусульманскаго халифата, мусульманской войнѣ за вѣру. Въ этомъ смыслѣ христіанство западное было отчасти созданіемъ ислама». Профессоръ Мартенсъ, котораго уже навѣрно нельзя заподозрить въ пристрастіи, прямо говоритъ: «вѣчная война—вотъ лозунгъ мусульманъ по отношенію къ невѣрнымъ, а обращеніе въ исламъ—цѣль войны». Нашъ знатокъ ислама Березинъ пишетъ: «по ученію ислама, война съ невѣрными (джихадъ)—нормальное и постоянное положеніе мусульманъ. Перемиріе, допускаемое Алкораномъ, только временная мѣра, и при томъ для того только, чтобы потомъ поразить вѣрнѣе немусульманъ. Такимъ образомъ Алкоранъ ставитъ внѣ закона всѣхъ немусульманъ, такъ что нѣтъ ни одного народа мусульманскаго и въ этомъ народѣ ни одного мусульманина, который, по ученію ислама, не имѣлъ бы права убить каждаго немусульманина или завладѣть животомъ и животами его какимъ бы то ни было способомъ. Вся «страна вражды» (дару-ль-харбъ) есть собственность перваго захватившаго ее мусульманина. Относительно пріобрѣтенія живота и животовъ у немусульманъ исламъ очень нецеремоненъ; онъ допускаетъ два способа: открытую войну и хищничество; послѣднее можетъ даже переходить просто въ воровство, потому что духовный законъ осуждаетъ, но не наказываетъ воровства въ «странѣ вражды», такъ какъ исламу до нея нѣтъ никакого дѣла. Хотя сыну воспрещено прямо убить своего отца немухаммеданина, тѣмъ не менѣе мусульманскій законъ обязываетъ его занять отца своего такъ, чтобы онъ былъ убитъ другимъ, т.-е. сынъ долженъ тайнымъ предательствомъ лишить отца своего жизни». Даже защитникъ Мухаммеда,

Вейль, говоритъ, что онъ «слишкомъ сильно обнаружилъ слабую сторону въ своемъ характерѣ, такъ какъ старался доставить своей вѣрѣ господство надъ міромъ не силою внутренняго убѣжденія, а насиліемъ».

Совершенно напрасно нѣкоторые мои оппоненты ставятъ мнѣ въ укоръ, что я присвоиваю фанатизмъ одному только исламу, а не разсматриваю его, какъ свойство вообще природы, присущее всему человѣчеству въ извѣстной исторической стадіи и въ данную эпоху религіозной нетерпимости [1]). Замѣчаніе это, не смотря на кажущуюся основательность, не выдерживаетъ критики. Прежде всего, я не пишу отдѣльнаго трактата о религіозномъ фанатизмѣ вообще, а разсматриваю только тотъ, который проявляется въ ученіи ислама, при чемъ замѣчаю, что въ христіанскомъ ученіи нѣтъ его. А затѣмъ, я готовъ признать, что эта нетерпимость присуща всему человѣчеству на низшей стадіи развитія; но отъ этого исламъ нисколько не выигрываетъ, а только проигрываетъ, такъ какъ присутствіе его въ исламѣ указываетъ на низшую религіозную форму послѣдняго, что̀ и требовалось доказать. Еще замѣчаніе одного изъ моихъ оппонентовъ. «Можемъ увѣрить автора, говоритъ Искандеръ-Мурза, что между истинно просвѣщенными мусульманами не только Россіи, но и всего земнаго шара, онъ не найдетъ религіознаго фанатизма» [2]). Я готовъ вполнѣ вѣрить, что въ г. Искандеръ-Мурзѣ, какъ получившемъ русское образованіе, нѣтъ религіознаго фанатизма. Но я въ то же время завѣряю, что всякій послѣдователь Мухаммеда, чѣмъ больше образованъ въ мусульманскомъ смыслѣ, тѣмъ онъ болѣе фанатиченъ. Это скажутъ всѣ, кто хотя отчасти присматривался къ мусульманамъ. Это говорятъ даже и посторонніе наблюдатели, какъ наприм. Мекензи Уоллесъ, ученый англійскій путешественникъ по нашему отечеству. «Если мы припомнимъ, говоритъ онъ, что теологическое образованіе всегда порождаетъ нетерпимость и что татарское (мусульманское)

---

[1]) «Восточное Обозрѣніе» 1885 г., № 10, и 1883 г., № 36.

[2]) «Восточное Обозрѣніе» 1883 г., № 36.

образованіе—исключительно теологическое, то нисколько неудивительно, что вообще религіозный фанатизмъ татарина всегда соотвѣтствуетъ степени его умственнаго развитія. Неграмотный (разумѣется грамота мусульманская), не испорченный такъ называемою ученостью и знающій свою религію лишь настолько, чтобы исполнять простыя предписанія пророка, относится мирно ко всѣмъ; но ученый татаринъ, которому насказали, что христіанинъ «кяфиръ» (невѣрный) и «мюшрикъ» (многобожникъ), презираемъ Аллахомъ и осужденъ на вѣчное наказаніе,—такъ же нетерпимъ и фанатиченъ, какъ бо́льшая часть изувѣровъ римскихъ католиковъ и кальвинистовъ... Въ продолженіе всѣхъ своихъ странствованій я не встрѣчалъ такого добродушнаго и гостепріимнаго пріема, какъ у необразованныхъ мусульманъ-башкиръ. И тутъ исламъ явился сильною преградою противъ обрусенія». То же самое заявляетъ и г. Радловъ. «Чѣмъ болѣе кто-нибудь предался наукѣ, говоритъ онъ о средне-азіатскихъ мусульманахъ, тѣмъ болѣе онъ магометанинъ-фанатикъ, и высшіе ученые между ними—проповѣдники нетерпимости. Они—вѣчныя причины всѣхъ смутъ въ Средней Азіи.... Они возмутили жителей Самарканда противъ русскихъ и причинили этому городу всѣ тѣ несчастія и бѣдствія, которыя онъ перенесъ. Они неизбѣжно принудятъ всякаго владѣтеля правовѣрныхъ уничтожить договоръ, заключенный съ невѣрными; въ ихъ глазахъ всякій миръ, заключенный съ невѣрными, есть уже преступленіе противъ вѣры». Такимъ образомъ не фанатичны только тѣ мусульмане, которыхъ коснулось европейское вліяніе, которые получили болѣе свѣтское, чѣмъ религіозное образованіе, и вслѣдствіе этого съумѣли отрѣшиться отъ религіозной догмы, или же тѣ, которые незнакомы съ духомъ и буквою Корана, которыхъ еще можно назвать неофитами въ мусульманствѣ. Вся же остальная народная масса, получившая мусульманское образованіе, которое всегда исключительно религіозное, вѣроисповѣдное, остается вѣрною Корану и шаріату, а потому заражена фанатизмомъ, нетерпимостью къ иновѣрцамъ.

Но, можетъ быть, религіозный фанатизмъ живетъ и дѣйствуетъ въ мусульманскихъ обществахъ только до тѣхъ поръ, пока они составляютъ изъ себя самостоятельныя государства? можетъ быть, Коранъ, или шаріатъ, вообще исламъ обязываетъ своихъ послѣдователей къ повиновенію всякой существующей государственной власти? можетъ быть, для нашихъ русскихъ мусульманъ уже совершенно безразлично, что ими повелѣваетъ христіанскій Государь? Послушаемъ прежде, что говорятъ относительно этого сами мусульмане. «Я, говоритъ г. Гаспринскій, рѣшительно заявляю, что религія тутъ (въ отчужденности мусульманъ отъ русскихъ) не при чемъ. Ученіе, которое имѣетъ догматомъ «любовь къ землѣ, которая кормитъ, и вѣрность повелителю, который охраняетъ», не оставляетъ мѣста отчужденности, обособленности, непріязни въ смыслѣ политическомъ». «Мусульманину, говоритъ онъ далѣе, *почти* (?!) безразлично, кто имъ повелѣваетъ,—онъ по своему закону обязанъ повиновеніемъ,—лишь бы только власть надъ нимъ была справедлива и въ проявленіяхъ своихъ не стѣсняла религіозно-бытовую сторону его жизни. При этомъ условіи онъ не чувствуетъ къ окружающему ни вражды, ни симпатіи; онъ дѣлается индифферентнымъ. Все не свое его не интересуетъ; все, что не входитъ въ кругъ его знаній, привычекъ и вѣрованій,—ему чуждо и ненужно» [1]). Хотя г. Гаспринскій и старается въ этомъ пунктѣ успокоить русское общество и русское правительство, но вы ясно видите, что успокоиваться тутъ собственно не чѣмъ. Мусульманинъ за нашу полную вѣротерпимость не можетъ, какъ видите, платить намъ благодарностью, симпатіей. Мусульмане неспособны быть живыми, активными членами всякаго иновѣрнаго государства. Мусульманинъ, подданный иновѣрнаго государя, даже при самыхъ лучшихъ, благопріятныхъ условіяхъ, по словамъ г. Гаспринскаго, весь уходитъ въ самого себя. Какой грубый эгоизмъ! Слѣдовательно, его не интересуютъ ни радости

[1]) Гаспринскій, стр. 13 и 21—22.

общественно-государственныя, ни печали; ко всей жизни этого государства онъ относится холодно, безучастно. Весьма типичную въ этомъ отношеніи физіономію носитъ на себѣ Сеитовскій поселокъ, или Каргала, центръ мусульманской образованности въ Оренбургскомъ краѣ (въ 18-ти верстахъ отъ Оренбурга), который, по свидѣтельству очевидца г. Рыбакова, весьма обособленъ. Татары живутъ здѣсь очень замкнуто и чуждаются всего русскаго; всѣ татары здѣсь очень плохо говорятъ по-русски, а женщины и дѣти совсѣмъ не говорятъ. Русскимъ селиться здѣсь и торговать не дозволяется; единственный русскій житель здѣсь—урядникъ. Татары боятся и относятся очень подозрительно ко всякому пріѣхавшему къ нимъ русскому и въ каждомъ изъ нихъ видятъ миссіонера. Такимъ образомъ мусульманинъ, подданный иновѣрнаго государя, является трупомъ въ политическомъ отношеніи. Такъ выходитъ по собственному, мусульманскому сознанію г. Гаспринскаго; но если мы прислушаемся по данному вопросу къ тому, что свидѣтельствуютъ русскіе, близко наблюдавшіе мусульманъ, то оказывается, что и на этомъ нельзя успокоиваться. Р. А. Фадѣевъ утверждаетъ, что самые ревностные приверженцы русской власти изъ кавказскихъ мусульманъ, желающіе сохранить спокойствіе среди своихъ единовѣрцевъ, успокоиваютъ послѣднихъ слѣдующимъ образомъ: «Коранъ не велитъ каждому непремѣнно умирать за вѣру; Коранъ позволяетъ повиноваться необходимости и жить съ невѣрными безъ газавата, если невѣрные гораздо сильнѣе; вы сами видите могущество русскихъ; можете ли вы съ ними управиться? живите же какъ разумные люди и исполняйте законъ, не думая о возможномъ покуда газаватѣ». Возвращаясь снова къ г. Гаспринскому, я ужасно интересуюсь его выраженіемъ: «мусульманину *почти* безразлично, кто имъ повелѣваетъ». Интересно это слово «почти». На самомъ дѣлѣ, мусульманину совершенно *не безразлично*, кто имъ повелѣваетъ. Онъ, на основаніи постановленій Корана и шаріата, можетъ признавать только власть мусульманскую. Мухаммедъ никакъ не думалъ,

чтобы его послѣдователи когда-либо могли оказаться въ подчиненіи иновѣрцамъ. «Не бывать тому, чтобы Богъ невѣрнымъ далъ успѣхъ противъ вѣрующихъ», говорится въ Коранѣ [1]). Хотя пророчество это оказалось далеко несостоятельнымъ, но тѣмъ не менѣе смыслъ, идея его требуетъ отъ мусульманина признанія власти только мусульманской. Всякая же власть немусульманская признается имъ только до поры до времени, до наступленія извѣстныхъ обстоятельствъ. Въ случаѣ войны мусульманскаго государя съ иновѣрнымъ всѣ мусульманскіе подданные послѣдняго должны перейти на сторону перваго, чтобы защищать дѣло ислама. Вотъ чѣмъ и объясняются тѣ бунты нашихъ татаръ, которые происходили во время нашей послѣдней войны съ турками [2]). Вотъ почему у г. Гаспринскаго и не хватило духу выразиться въ данномъ случаѣ въ категорическомъ тонѣ. Въ мирное же время шаріатъ разрѣшаетъ мусульманину давать на судѣ невѣрныхъ ложныя показанія. Вотъ гдѣ причина крайне затруднительнаго отправленія нашими судами правосудія въ мѣстностяхъ съ мусульманскимъ населеніемъ. Шіитизмъ же позволяетъ своимъ послѣдователямъ, живущимъ въ странѣ иновѣрцевъ,—«такія», т.-е. религіозное притворство. Въ Анну-ль-хайятъ, говоритъ Арнольдъ, пишется слѣдующее: «незаконно—говорить правду, которая можетъ нанести обиду вѣрующему (мухаммеданину) или опасность его жизни; и напротивъ, законно и обязательно для насъ—сказать ложь, когда этимъ вѣрующій можетъ быть спасенъ отъ смерти, отъ заключенія въ тюрьму или отъ какой-нибудь потери. И въ случаѣ, если вѣрующій вручилъ намъ что-либо изъ своей собственности и кто-нибудь, притѣсняющій его, требуетъ у насъ эту собственность вѣрующаго, мы обязаны даже съ клятвою утверждать, что у насъ нѣтъ ничего изъ собственности этого чело-

[1]) Коранъ, гл. 4, ст. 140.

[2]) Небезъинтересенъ, конечно, и тотъ фактъ, что во время этой войны между нашими русскими татарами расходились во множествѣ портреты не русскихъ героевъ, а Абдулъ-Гамида, Османа-паши, Мухтара и др.

вѣка. Также законно—сказать ложь таможенному чиновнику, угнетателю, судьѣ, если только за правду можно лишиться собственности». Послѣ всего этого возможно ли справедливо управлять исповѣдниками такой религіи?! Подобное ученіе шаріата—далеко не новость; его знаютъ всѣ, кто внимательно изучалъ исламъ, или только внимательно присматривался къ нему. «Какъ политически-религіозная система, основанная съ быстротою бури безжалостнѣйшею силою меча, исламизмъ, говоритъ академикъ Миддендорфъ, занимаетъ враждебное положеніе въ отношеніи всякаго христіанскаго государственнаго союза. Правовѣрный повинуется лишь магометанскому властителю; только временно можетъ онъ считать себя вынужденнымъ уступить перевѣшивающей силѣ собаки-христіанина, уничтоженіе котораго—его священная обязанность. Такъ дѣло стоитъ въ настоящее время». А вотъ и отзывы людей, которыхъ всякій долженъ признать знатоками ислама. «Повелѣнія Корана, говоритъ бар. Торнау, въ видѣ божественныхъ откровеній о святости войны противъ невѣрныхъ, о возведеніи джихада въ догматъ вѣры, обязательный для каждаго мусульманина, и о неустановленіи дружескихъ сношеній съ невѣрными, видимо, не допускаютъ сближенія мусульманъ съ иновѣрцами на постоянно твердыхъ началахъ, сколько бы подобное сближеніе ни обѣщало самимъ мусульманамъ матеріальной и нравственной пользы». Мусульманскіе «юристы, говоритъ Фанъ-деръ-Бергъ, не предвидѣли того случая, когда невѣрующіе взяли бы верхъ надъ мусульманами и принудили бы ихъ заключить миръ, а тѣмъ менѣе, какъ должны поступать вѣрующіе, которыхъ страна будетъ покорена невѣрующими. Только нѣкоторые изъ позднѣйшихъ юристовъ затрогиваютъ этотъ вопросъ слегка, постановивъ, что если мусульманамъ не дозволено будетъ подъ властью невѣрующихъ отправлять безпрепятственно и открыто свое богослуженіе, то они должны выселяться массами [1]). Это желательно даже тогда, когда не дѣлаютъ никакихъ пре-

[1]) Коранъ, гл. 16, ст. 43 и 111; гл. 22, ст. 57.

пятствій свободному отправленію богослуженія. Но если вѣрующій государь начнетъ войну съ подобнымъ образомъ покоренною страною, то живущіе въ ней мусульмане должны всегда принять его сторону, поддерживая сверхъ того всѣми средствами дѣло ислама»[1]). Арнольдъ говоритъ слѣдующее: «Не только въ инстинктѣ мухаммеданъ—возставать противъ чужой власти: ихъ религія, ихъ совѣсть заставляютъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ сбрасывать съ себя чужеземное иго».

Здѣсь будетъ совершенно кстати познакомить читателя и съ постановленіями ислама относительно верховной власти. Мусульманскій шаріатъ учитъ, что во главѣ всего ислама и мусульманскаго міра долженъ быть одинъ верховный, безусловный глава, *имамъ* (или, какъ прежде его называли, халифъ), который, конечно, долженъ быть мусульманинъ. Какъ тѣнь Бога на землѣ, имамъ есть неограниченный владыка мусульманъ всего земнаго шара, а потому всѣ приказанія его непреложны и должны быть непремѣнно исполняемы, какъ велѣнія Самого Бога. Въ такихъ религіозныхъ дѣлахъ, которыя имѣютъ точныя, категорическія опредѣленія въ Коранѣ и шаріатѣ, власть имама не ограничивается никѣмъ; въ другихъ же дѣлахъ религіи имамъ ограничивается шейх-уль-исламомъ съ улемами въ Турціи и муджтехидами въ Персіи. Всѣ мусульманскіе государи должны, по крайней мѣрѣ по шаріату, находиться въ зависимости отъ имама, къ которому они должны относиться такъ же, какъ вассалы къ своему сюзерену. Обязанности имама, главнымъ образомъ, заключаются въ распространеніи ислама и въ заботахъ о соблюденіи его чистоты и цѣлости. На основаніи всего этого всѣ мусульмане должны свято исполнять тѣ требованія, которыя предъявляетъ имъ имамъ. Этотъ имаматъ принимается безусловно всѣми мусульманами, которые расходятся только въ томъ, кого въ настоящее время должно считать имамомъ. Шіиты видятъ имама, или вѣрнѣе тѣнь его, въ своемъ персидскомъ шахѣ; всѣ же сунниты счи-

[1]) Коранъ, гл. 8, ст. 73—76.

таютъ этимъ имамомъ турецкаго султана, который такимъ образомъ есть духовный глава всего мусульманскаго суннитскаго міра. При восшествіи на престолъ, онъ опоясывается мечемъ и даетъ клятву истреблять всѣхъ невѣрныхъ огнемъ и мечемъ.

Наконецъ, въ заключеніе всего о мусульманскомъ фанатизмѣ я прошу своихъ читателей не забывать и того немаловажнаго обстоятельства, что большинство нашихъ русскихъ мусульманъ принадлежитъ къ туранскому племени, которое вообще, по наблюденію знатоковъ Востока и по сознанію самихъ нашихъ мусульманъ, въ силу своихъ природныхъ способностей, гораздо болѣе фанатично, чѣмъ, наприм., иранское племя.

Послѣ всего вышеизложеннаго я имѣю полное право сказать, что мусульманскій фанатизмъ живъ и дѣйствуетъ до сихъ поръ. Онъ отталкиваетъ народную массу отъ всего, хотя и полезнаго, но не мусульманскаго, какъ наприм. отъ европейской и въ частности русской образованности, побуждаетъ смотрѣть на все иновѣрное враждебно, видѣть въ русскомъ человѣкѣ врага себѣ; онъ служитъ источникомъ политическихъ смутъ и волненій въ русско-мусульманскомъ мірѣ и тормозомъ къ объединенію Россіи. Если мы и держимся еще болѣе или менѣе спокойно на этомъ вулканѣ, то только благодаря своей физической силѣ—силѣ штыковъ и пушекъ. Но мы, при всякомъ внѣшнемъ столкновеніи, никогда не можемъ быть увѣрены, что у насъ дома все будетъ спокойно. Можно ли послѣ всего этого не только привести въ исполненіе, но даже сочувствовать тому плану образованія нашихъ мусульманъ, который предложенъ г. Гаспринскимъ, который такъ горячо поддержанъ г. Семеновымъ и въ которомъ г. Ядринцевъ видитъ мудрую политическую мѣру,—тому плану, который дѣло образованія мусульманъ ставитъ на религіозную почву ислама?! Это было бы громадною политическою ошибкою съ нашей стороны, потому что это значило бы копать себѣ же яму. Ждать отъ усиленія ислама и отъ мусульманскихъ муллъ объединенія Россіи, это—такая нелѣпость, которую простительно высказывать только

тѣмъ, кто совершенно не читалъ Корана и кто знаетъ мусульманъ только настолько, насколько они одѣты въ халатъ и чалму. Хотя г. Гаспринскій [1]) и прельщаетъ насъ тѣмъ завѣреніемъ, что русскіе мусульмане понесутъ, вмѣстѣ съ нами, цивилизацію на крайній Востокъ, но на это слѣдуетъ сказать только одно: избави насъ Богъ отъ такихъ сотрудниковъ. Мало ли что напѣваетъ намъ этотъ прожектеръ! «Я, говоритъ наприм. онъ, вѣрую, что рано или поздно русское мусульманство, воспитанное Россіей, станетъ во главѣ умственнаго развитія и цивилизаціи остальнаго мусульманства» [2]). Смѣшно и досадно! Смѣшно потому, что ужъ очень наивно, а досадно потому, что наивными-то г. Гаспринскій, навѣрно, считаетъ насъ. Найдется ли хотя одинъ народъ на земномъ шарѣ, который бы сознательно сталъ усиливать другой народъ, враждебный себѣ?! Вѣдь если и дѣлается это иногда, какъ мы напримѣръ отчасти воспитываемъ мусульманъ, то это дѣлается несознательно, по ошибкѣ, въ простотѣ сердечной. Пора, давно пора намъ привести свою политику по отношенію къ нашимъ инородцамъ въ систему. Давно пора положить въ основу ея начала своего *русскаго* образованія, своей *русской* гражданственности.

Исламъ имѣетъ еще одну важную особенность, которую мы всегда должны имѣть въ виду. *Религія и политика* настолько тѣсно соединены въ немъ, что весьма трудно отдѣлить одну отъ другой. Религія и государство,—эти два понятія нераздѣльны для мусульманина. Религія и государство,—это двѣ сестры-близнецы, говоритъ одна арабская пословица. Этимъ исламъ весьма рѣзко отличается отъ христіанства. Вотъ почему Коранъ есть не только проповѣдь о Богѣ и нравственности человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и гражданскій законодательный кодексъ, гдѣ трактуется о разныхъ гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ, судопроизводствѣ и преступленіяхъ, гдѣ чуть не излагается уложеніе о наказаніяхъ и гдѣ встрѣчаются

---

[1]) Гаспринскій, стр. 38.

[2]) Гаспринскій, стр. 30—31.

разныя финансовыя, военныя и даже полицейскія постановленія. Поэтому религія мусульманская проникаетъ всѣ сферы общественно-гражданской и государственной жизни, всѣ ея проявленія, отъ главныхъ до самыхъ мелочныхъ включительно, и, связывая все своимъ божественнымъ авторитетомъ, дѣлаетъ всѣ эти крупныя и мелочныя предписанія одинаково обязательными. Здѣсь государство и общество, которыя сами по себѣ совершенно не имѣютъ значенія, пропадаютъ въ религіи. Теократія въ исламѣ доведена до послѣднихъ предѣловъ. Отсюда, признать Мухаммеда за пророка и принять его ученіе было равносильно потерѣ политической самостоятельности и національныхъ особенностей; и наоборотъ, подчиниться политической власти его значило признать его за пророка. Отсюда и въ настоящее время, признать со стороны европейцевъ за мусульманами въ своихъ государствахъ свободу вѣры значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и утвердить, вопреки себѣ, всѣ общественно-государственныя, военныя и гражданскія, финансовыя и судебныя постановленія и предписанія Корана и шаріата, а тѣмъ самымъ утвердить вредное для себя обособленіе мусульманъ и тотъ строй общественной жизни VII и VIII вѣковъ, который уже потерялъ всякій raison d'être своего существованія. И наоборотъ, отвергнуть всѣ постановленія Корана свѣтскаго характера и предложить его исповѣдникамъ свои европейскіе законы значитъ посягнуть тѣмъ самымъ на религіозную свободу, на религію ислама, такъ какъ всѣ эти постановленія освящены въ Коранѣ Богомъ и такъ слиты въ немъ съ религіей, что невозможно отдѣлить политику отъ религіи. Вотъ гдѣ заключается величайшая, неодолимая трудность управленія европейцевъ мусульманами, такъ какъ нельзя вполнѣ осуществить перваго требованія, ибо оно влечетъ за собою разрушеніе владычества европейцевъ надъ мусульманами; опасно также принять и второе положеніе, такъ какъ строгое проведеніе его въ жизнь вызываетъ нежелательныя волненія мусульманъ и разжигаетъ ихъ фанатизмъ. Вотъ поистинѣ тѣ мусульманскія Сцилла и Харибда, между кото-

рыми крайне трудно выйти всякому европейцу. Вотъ почему мы и видимъ, что западно-европейскія государства, владѣющія мусульманами, а въ томъ числѣ и русское, не только не пришли до сего времени къ одному общему взгляду на управленіе мусульманами, но постоянно переходятъ отъ одного взгляда по этому вопросу, отъ одной системы, къ другимъ взглядамъ и другимъ системамъ, хотя ни тѣ, ни другія системы этого управленія не удовлетворяютъ ни той, ни другой стороны, ни европейцевъ и въ частности русскихъ, ни мусульманъ.

Эта характеристическая черта ислама, теократія, т.-е. полное сліяніе религіи съ политикою, всегда способствовала и будетъ способствовать сглаженію, уничтоженію національныхъ особенностей и ассимиляціи подъ знаменемъ одной вѣры всѣхъ мусульманскихъ народовъ. Вотъ почему «съ принятіемъ ислама, какъ говоритъ бар. Торнау, уничтожается всякая національность, всякое различіе въ племени, въ происхожденіи». Исламъ, глубоко проникающій всю внутреннюю и внѣшнюю жизнь своихъ исповѣдниковъ, носитъ въ себѣ громадную ассимиляціонную силу. Вся исторія его служитъ яснымъ доказательствомъ этого. Въ настоящее время всѣ мусульмане: арабы, персы, турки, татары, сарты, киргизы и проч. сильно походятъ другъ на друга. Исламъ сгладилъ, уничтожилъ въ нихъ почти всѣ національныя черты ихъ быта и характера. Мусульманство дѣйствуетъ такъ рѣшительно не только на народы, обладающіе низшею культурою, но и на народы сравнительно высшей цивилизаціи. Самымъ рельефнымъ примѣромъ этого могутъ служить горные татары въ Крыму, у которыхъ уже только черты лица обнаруживаютъ ихъ греческое происхожденіе. Какъ ни устойчивы въ своихъ національныхъ обычаяхъ евреи, но и тѣ по мѣстамъ подпали подъ сильное вліяніе ислама (караимы и бухарскіе евреи). Мало этого. Исламъ въ дѣлѣ своего распространенія даже прямо начинаетъ, такъ сказать, съ внѣшности, съ уничтоженія національныхъ, племенныхъ особенностей и старается прежде всего подогнать всѣхъ своихъ

послѣдователей подъ одинъ шаблонъ. Вслѣдствіе этого въ средѣ мусульманскихъ народовъ нѣтъ и не можетъ быть сознанія о своемъ отечествѣ, о своей національности. Мусульманинъ и сражается не за свободу своего народа и не за свое отечество, потому что у него нѣтъ его, а за свою религію, за исламъ, потому что его отечество тамъ, гдѣ исламъ. Его не могутъ волновать идеи о національномъ единствѣ, потому что онъ занятъ идеей панисламизма. Послѣдній стремится къ еще большему объединенію всего мусульманскаго міра, возвышенію, усиленію и распространенію ислама, а также и къ ниспроверженію господства европейцевъ надъ мусульманами. Панисламическія идеи, ясно выраженныя въ Коранѣ самимъ Мухаммедомъ, который училъ, что всѣ мусульмане между собою братья, и который въ то же время требовалъ, чтобы его религія распространилась посредствомъ огня и меча по всему лицу земли, всегда были присущи исламу. Въ эпоху стремленія ислама къ всемірному господству, во времена первыхъ четырехъ халифовъ, во времена омейядовъ и аббасидовъ, эти идеи получили довольно большое развитіе и яркое выраженіе. Позднѣе, въ эпоху раздробленія арабскаго халифата и нашествія монголо-татарскихъ ордъ, панисламизмъ утратилъ свое обаяніе. Но мусульманскій сектантскій фанатизмъ, особенно въ суфизмѣ и сенусизмѣ, какъ мы уже видѣли, снова и при томъ съ большею силою оживилъ его и сталъ весьма дѣятельно распространять его. Наибольшимъ подъемомъ онъ отличался во время какихъ-либо несчастій или особенныхъ неудачъ, которыя испытывалъ то здѣсь, то тамъ исламскій міръ въ борьбѣ съ христіанами. Поэтому наша послѣдняя война съ турками, принесшая послѣднимъ пораженія, или, вѣрнѣе говоря, самыя эти пораженія послужили причиною еще бо́льшаго обостренія панисламизма. Весь мусульманскій міръ въ это время жилъ жизнью Турціи, довольно активно раздѣляя всѣ ея успѣхи и неудачи; весь этотъ міръ горѣлъ однимъ общимъ желаніемъ блестящихъ побѣдъ Турціи и самаго полнаго пораженія Россіи. Панисламизмъ не угасъ въ сердцахъ му-

сульманъ и послѣ этой войны; онъ только перешелъ изъ явнаго въ болѣе или менѣе скрытое состояніе. Онъ теперь въ тиши мирнаго для него времени, пользуясь отвлеченіемъ отъ него вниманія и силъ европейцевъ въ другія стороны, зрѣетъ и крѣпнетъ какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ, чтобы при благопріятныхъ обстоятельствахъ выступить во всеоружіи на борьбу съ христіанствомъ. Взоры всего мусульманскаго міра, взоры даже шіитовъ, обращены теперь на главу суннитовъ, настоящаго турецкаго султана Абдулъ-Гамида II, который считается весьма искуснымъ, или, точнѣе говоря, хитрымъ восточнымъ политикомъ. Онъ отлично понялъ современное ему настроеніе исламскаго міра и всталъ во главѣ панисламическаго движенія, весьма умѣло пользуясь всѣмъ для этой цѣли. Онъ отлично усвоилъ себѣ «политику прельщенія сердецъ», а потому щедро расточаетъ свои различныя благодѣянія, милости и подарки мусульманамъ, пріѣзжающимъ въ Константинополь изъ разныхъ странъ. Сверхъ того, онъ окружилъ паломничество въ Мекку и Медину небывалою пышностью и торжественностью и облегчилъ всевозможными средствами путешествія туда богомольцевъ, предоставляя имъ удобства пути на пароходахъ, охрану военною силою, уходъ за больными въ госпиталяхъ и пр. и пр. Разсчетъ султана весьма ясенъ и вѣренъ. Богомольцы восторженно разносятъ имя султана и похвалы ему, его могуществу, щедрости и доброму сердцу по всему мусульманскому міру, который теперь уже вполнѣ привыкъ видѣть въ немъ главу всего ислама и возлагать на него всѣ свои панисламическія чаянія и упованія. Далѣе, немалую услугу развитію панисламизма оказывало и оказываетъ европейское просвѣщеніе мусульманскихъ странъ во всѣхъ его видахъ: личныя сношенія европейцевъ съ мусульманами, европейскіе военные инструкторы, устройство улучшенныхъ путей сообщенія, образованіе и школы европейскія и пр. Всѣ общественные мусульманскіе дѣятели, по собственному сознанію одного изъ нихъ, прошли первоначально чрезъ европейскую школу, подъ вліяніемъ

которой сознали свои силы, ясно увидали поставленную панисламизмомъ общую цѣль и выбрали наилучшія средства для достиженія ея [1]). Наконецъ, всѣ лучшія современныя мусульманскія — турецкія, египетскія, персидскія, индійскія и др. періодическія изданія и разныя сочиненія, поставившія своимъ девизомъ политическое и религіозное возрожденіе ислама, отлично служатъ дѣлу панисламизма. Наши русскіе мусульмане также не отстали отъ этого общаго мусульманскаго движенія и имѣютъ, сверхъ указанныхъ мною въ первой статьѣ разныхъ книгъ и книжекъ, еще три такихъ газеты; это—«Тарджуманъ» (Переводчикъ) г. Гаспринскаго въ Бахчисараѣ, «Каспій» г. Топчибашева въ Баку и, какъ это ни странно, «Прибавленія къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ». При этомъ спѣшу оговориться, что я уже давно не слѣдилъ за послѣднею газетою, а потому и не знаю современнаго ея направленія, которое могло измѣниться къ лучшему; но въ прежнее время эта газета была чисто мусульманскою. Первый изъ этихъ органовъ просвѣщаетъ татарскую народную массу, послѣдній—киргизовъ, а «Каспій» работаетъ по преимуществу между русскимъ обществомъ. Всѣ они преслѣдуютъ одни общія цѣли: объединеніе и сплоченіе многомилліоннаго, разноплеменнаго и разноязычнаго мусульманскаго населенія въ Россіи подъ главенствомъ татарской образованности и языка и распространеніе между мусульманами европейскаго образованія на магометанской основѣ, «ислямизацію», какъ любитъ выражаться г. Гаспринскій, европейскихъ понятій, знаній и учрежденій. Наибольшимъ искусствомъ и ловкостью веденія этого дѣла особенно отличается г. Гаспринскій, который, служа весьма усердно цѣлямъ панисламизма, умѣетъ выбирать какъ изъ жизни мусульманскихъ государствъ, такъ и изъ жизни Россіи и ея русскаго населенія, только то, что всего лучше служитъ дѣлу возвышенія ислама и турецкаго султана, оставляя въ тѣни

---

[1]) А. А. «Панисламизмъ, его характеръ и направленіе» въ газетѣ «Каспій» 1900 г., № 87.

то, что есть лучшаго въ христіанствѣ и въ носителѣ его—русскомъ народѣ [1]). Г. Гаспринскій стремится къ тому, чтобы «русское мусульманство, воспитанное Россіей, встало во главѣ остальнаго мусульманства». Статочное ли дѣло, спрошу я, чтобы Россія воспитывала для такихъ цѣлей исламъ?! А газета «Каспій», застращивая русскую публику панисламизмомъ и пользуясь моментомъ впечатлѣнія, очень ловко и хитро старается добиться того, что̀ для нея и всего русско-татарскаго мусульманства особенно дорого,—«возрожденія національныхъ движеній среди мусульманскихъ народностей, покоренныхъ европейцами,... зарожденія національныхъ литературъ, національной прессы, мѣстныхъ очаговъ для подготовленія духовенства, словомъ — духовнаго обособленія мусульманъ на почвѣ національнаго» [2]). Какъ будто бы это, особенно въ приложеніи на практикѣ, не тѣ же панисламическія идеи! Да еще большой вопросъ: что̀ вреднѣе для насъ, русскихъ,—панисламизмъ или мусульмано-татарскій націонализмъ? Какъ видите, дѣло панисламизма организовано и у насъ, въ Россіи, весьма искусно; Крымъ, Баку и Омскъ работаютъ весьма усердно и успѣшно. Нужно еще удивляться, почему другіе русско-мусульманскіе центры не пользуются правомъ свободы слова, предоставленнымъ въ Россіи мусульманамъ. Панисламическимъ идеямъ часто оказываютъ сочувствіе и гостепріимство и многіе чисто русскіе печатные органы, которые въ этомъ случаѣ руководствуются высшими началами справедливости и терпимости. У насъ, на Руси, сложились дѣла какъ-то такъ, что чисто русскія идеи и стремленія часто не находятъ себѣ страницъ, гдѣ бы онѣ могли появиться на судъ общества, а всякія инородческія, и въ томъ числѣ мусульмано-татарскія, встрѣчаются съ широкими объя-

---

[1]) Здѣсь кстати поставить вопросъ: имѣетъ ли г. Гаспринскій надлежащее разрѣшеніе на то, чтобы оставлять иностранныя извѣстія (изъ мусульманскихъ странъ) безъ перевода на русскій языкъ? Было бы весьма интересно выяснить этотъ вопросъ, который весьма многихъ изъ насъ, русскихъ, смущаетъ.

[2]) «Каспій» 1900 г., № 87.

тіями.—Прошу извиненія у читателя, что я увлекся немного въ сторону отъ своей главной темы, къ которой я и возвращаюсь. Панисламизмъ теперь настолько возросъ и окрѣпъ, что онъ уже серьезно угрожаетъ голландскому правительству въ его восточныхъ владѣніяхъ и англійскому въ Индіи, такъ какъ мусульмане тѣхъ и другихъ европейскихъ колоній уже обращаются къ турецкому султану съ настойчивыми просьбами о принятіи ихъ въ свое подданство. Наконецъ, образованные представители турецкихъ и индійскихъ мусульманъ давно задумали созвать всемусульманскій конгрессъ для обсужденія разныхъ вопросовъ, вызванныхъ идеями панисламизма; остается только нерѣшеннымъ вопросъ о мѣстѣ этого будущаго конгресса. Итакъ въ той особенности ислама, какъ религіи, что онъ смѣшанъ съ политикою, заключается его громадная сила, такъ какъ онъ отлично, особенно при помощи панисламизма, служитъ дѣлу ассимиляціи мусульманъ.

Но въ этой же особенности ислама, какъ политики, заключается и его слабость, причина паденія мусульманскихъ государствъ. Навязывая своимъ разноплеменнымъ послѣдователямъ готовый, чуждый строй государственно-политической жизни, строй арабскій и при томъ VII-го вѣка, строй, который вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ откровеніе Божіе, не можетъ подлежать измѣненію, отрицая въ этомъ случаѣ все національное, хотя бы и дорогое наслѣдіе предковъ, подчиняя народы всѣхъ широтъ и долготъ и всѣхъ временъ подъ одну общую государственную рамку, не сообразуясь ни съ какими національными особенностями, исламъ дѣлаетъ громадную политическую ошибку, которая убиваетъ не только все разумное въ данномъ народѣ, но всякое проявленіе его жизни, всю его національность и жизнедѣятельность. Болѣе или менѣе продолжительное господство ислама дѣлаетъ всякій народъ, всякое государство политическимъ трупомъ. Люди въ исламѣ уже давно стали всецѣло мусульманами и перестали быть людьми. Вотъ почему мы и видимъ, что всѣ, буквально всѣ, мусульманскія государства находятся въ полномъ

упадкѣ во всѣхъ своихъ частяхъ. Бывшій золотой вѣкъ въ исламѣ, времена аббасидовъ, не можетъ служить доказательствомъ противнаго. Разсмотрѣніемъ этой эпохи я еще займусь. Послѣ него въ исламѣ явился застой, который такъ властно царитъ въ немъ во всѣхъ сторонахъ жизни и до сихъ поръ. Теперь уже нѣтъ никакой надежды на то, чтобы въ исламѣ повторилась хотя только отчасти эта эпоха. Никакого подъема мусульманскаго духа уже не можетъ быть теперь, потому что все уже до послѣднихъ мелочей опредѣлено, все разъяснено, а, что̀ всего важнѣе, все получило характеръ неизмѣняемости, потому что все такъ или иначе обосновано на откровеніи Аллаха. Исламъ слишкомъ самодоволенъ собою, а потому онъ усыпляетъ и уже окончательно усыпилъ мысль своихъ послѣдователей. Вотъ это-то и губитъ и окончательно погубитъ духовную жизнь мусульманскихъ народовъ. Что это такъ, съ этимъ согласны даже и сами мусульмане. Да и какъ не согласиться, когда это до поразительности ясно, когда объ этомъ опредѣленно высказался еще самъ Мухаммедъ! «Мы, говоритъ онъ отъ лица Бога, ничего не опустили въ писаніи» [1]). Вотъ это-то и жаль. «Магометъ, говоритъ г. Девлетъ-Кильдѣевъ, сказалъ своему народу всю истину..... Въ смыслѣ государственномъ, продолжаетъ тотъ же авторъ, такъ какъ Коранъ содержитъ въ себѣ, кромѣ религіознаго ученія, еще гражданское и уголовное законодательство, установленіе Магометомъ догмата неизмѣняемости и непогрѣшимости законовъ какъ будто [2]) поставило точку ко всѣмъ реформамъ, могущимъ послѣдовать послѣ него въ политическомъ и гражданскомъ устройствѣ приверженцевъ его ученія. Вотъ гдѣ заключается, быть можетъ [3]), причина отсталости мусульманскихъ народовъ въ культурномъ отношеніи отъ европейцевъ, которые брали истину вездѣ, гдѣ она находилась, не справляясь съ національностью или религіоз-

[1]) Коранъ, гл. 6, ст. 38.

[2]) Я же скажу: положительно.

[3]) Именно здѣсь, но только—между прочимъ, такъ какъ есть и другія причины этой отсталости.

ностью ея источника, между тѣмъ какъ мусульманскіе народы, вслѣдствіе невѣрнаго пониманія вышеприведеннаго догмата Магомета [1]), неохотно принимаютъ нововведенія и реформы современной цивилизаціи, если таковыя реформы не значатся въ Коранѣ» [2]). «Для всѣхъ случаевъ жизни, говоритъ г. Гаспринскій, для всѣхъ вопросовъ ума и сердца мусульманинъ не нуждается въ помощи опыта, критики и науки; все это замѣняетъ вѣчный Коранъ съ вѣчно неизмѣнными отвѣтами и указаніями на всѣ вопросы жизни и смерти».... Мухаммедане «въ своей религіи и проистекающемъ изъ нея общественномъ бытѣ имѣютъ весьма крѣпкую, почти непреоборимую силу сопротивленія всякимъ чуждымъ вліяніямъ» [3]). Въ исламѣ, который все уже давно рѣшилъ и опредѣлилъ на всѣ вѣчныя времена, который вполнѣ доволенъ собою и ни въ чемъ не нуждается, не можетъ быть никакого подъема не только въ политическо-гражданской, но и въ умственно-нравственной жизни. Вообще въ исламѣ, среди мусульманскихъ народовъ, нѣтъ и не можетъ быть никакого движенія впередъ, никакого прогресса.

Прогресса въ исламѣ не можетъ быть, помимо всего вышеизложеннаго, еще и потому, что въ немъ не указано для человѣка идеала. Правда, исламъ говоритъ, къ чему долженъ стремиться вѣрующій; но все это такъ обыкновенно, такъ низменно, такъ ограничено, такъ ужъ слишкомъ очеловѣчено, что не можетъ подходить подъ понятіе идеала. «Исламизмъ, говоритъ г. Фадѣевъ, беретъ человѣческую природу, какъ она есть, со всѣмъ ея свѣтомъ и со всею ея грязью, благословляетъ въ ней все одинаково, даетъ законный исходъ хорошему и дурному, обѣщая продолженіе такого состоянія въ вѣчности». Я совершенно несогласенъ съ пасторомъ Гаури, который говоритъ: «Нелегко мусульманину пройти путь ко спасе-

---

[1]) Именно—вслѣдствіе вѣрнаго пониманія этого догмата. Какъ же иначе понимать его, если все основано на откровеніи Бога? Не намъ съ Девлетъ-Кильдѣевымъ измѣнять глаголы Божіи.

[2]) Девлетъ-Кильдѣевъ, стр. 24—25.

[3]) Гаспринскій, стр. 22 и 25.

нію; необходимо совершеніе добрыхъ дѣлъ, да и самое чувство благочестія трактуется не какъ второстепенное дѣло» (стр. 80). Я же скажу наоборотъ, что мусульманину очень легко спастись, конечно, съ его точки зрѣнія. Прежде всего для него не такъ важны тѣ или другія нравственныя догмы ислама; для спасенія его гораздо важнѣе признаніе единства Бога и посланничества Его пророка, Мухаммеда. Далѣе, для того же спасенія важно исполненіе внѣшнихъ предписаній, каковы: омовеніе, молитва, постъ, богомолье въ Меккѣ, милостыня, сраженіе за вѣру и пр.; что же касается нравственныхъ предписаній, то исламъ обязываетъ исполнять ихъ только по отношенію къ мусульманину же. Такая религія довольно удобоисполнима, какъ удобоисполнимъ былъ и законъ Моисея, іудейство. Какъ законникъ іудейскій, заявившій Христу, что онъ все, буквально все исполнилъ, такъ и всякій мусульманинъ разсуждаетъ, что онъ исполнилъ всѣ предписанія ислама и вполнѣ успокоивается на сознаніи, что онъ все сдѣлалъ для своего спасенія. Не самъ ли пасторъ Гаури говоритъ нѣсколько далѣе, что «нравственность ислама та же самая, что и нравственность послѣ-вавилонскаго іудейства, переродившагося въ фарисейство» (стр. 82)? Не самъ ли тотъ же авторъ признаетъ, что нравственность ислама сведена къ внѣшнему виду благочестія, къ обрядности, къ формамъ, которыя всегда пріятны для людей заурядныхъ, такъ какъ исполненіе ихъ гораздо легче, чѣмъ исполненіе нравственныхъ предписаній, требующихъ внутренняго нравственнаго совершенства (стр. 68, 84 и 129)? Итакъ исламъ обѣщаетъ своему послѣдователю довольно легкое спасеніе. Только одинъ христіанинъ не можетъ такъ успокоиваться и долженъ всю свою жизнь работать надъ своимъ нравственнымъ, внутреннимъ усовершенствованіемъ, чтобы хоть немного ближе подойти къ своему вѣчному идеалу—Богу. Исламъ не указалъ того возвышеннаго, всесовершеннаго образца, къ достиженію котораго всегда долженъ стремиться человѣкъ, какъ сдѣлалъ Христосъ, сказавши: «будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небс-

ный» [1]). Такимъ образомъ въ исламѣ нѣтъ того стимула, который двигалъ бы человѣческое общество по пути постояннаго развитія. Вотъ почему въ исламѣ нѣтъ мѣста нововведеніямъ, реформамъ, какимъ бы то ни было улучшеніямъ. По преданію еще самъ Мухаммедъ высказалъ слѣдующій афоризмъ, который вполнѣ логически вытекаетъ изъ всего его ученія: «всякое нововведеніе есть противообычіе, а всякое противообычіе есть заблужденіе, а всякое заблужденіе ведетъ въ огонь адскій». Вотъ почему мусульманинъ и ушелъ въ области религіи въ обряды, которые только и могутъ возбуждать или подавлять его жизнедѣятельность, которые только и указываютъ ему цѣль религіозной жизни и даютъ извѣстное направленіе послѣдней. Вслѣдствіе всего этого я и высказался въ предыдущей своей статьѣ, что современное движеніе среди нашихъ мусульманъ есть явленіе искусственное, такъ какъ оно само въ себѣ заключаетъ внутреннее противорѣчіе Это движеніе идетъ и пройдетъ только по поверхности мусульманскаго міра. Всѣ истинные мусульмане никогда не могутъ сочувствовать ему. Вотъ—и еще причина, почему нельзя вводить между нашими мусульманами того образованія, въ основу котораго кладутъ исламъ. Не исламъ, а начала русской гражданственности должны быть положены въ эту основу. Иначе вся наша дѣятельность по меньшей мѣрѣ будетъ сводиться къ нулю, такъ какъ, что̀ мы будемъ сѣять одною рукою, то̀ будемъ вырывать съ корнемъ другою.

Мнѣ остается еще разсмотрѣть *отношенія ислама къ образованности.* Мухаммедъ неоднократно заявлялъ, что его Коранъ есть сама истина [2]), и что «ложь не подходитъ къ нему ни спереди, ни сзади» [3]). Отсюда и наши мусульмане стараются убѣдить русское общество, что «исламъ не боится свѣта никакой науки и не боится прогресса

---

[1]) Матѳ., гл. 5, ст. 48.

[2]) Коранъ, гл. 2, ст. 85; гл. 11, ст. 20; гл. 22, ст. 53; гл. 28, ст. 53; гл. 32, ст. 2; гл. 41, ст. 53; гл. 43, ст. 28 и 29; гл. 47, ст. 2 и 3; гл. 86, ст. 13.

[3]) Коранъ, гл. 41, ст. 42.

ума» [1]), что «исламъ и наука, какъ близнецы, вездѣ неразлучны, являются вмѣстѣ; куда проникъ исламъ, туда проникаетъ и наука» [2]). «Невозможно, говоритъ одинъ изъ нихъ, безъ явнаго предубѣжденія противъ ученія пророка Мухаммеда выводить изъ историческихъ фактовъ заключеніе, что магометанизмъ, безъ примѣси чуждыхъ исламу политическихъ началъ, по существу своего ученія, неблагопріятно и недружелюбно относился къ знанію и къ прогрессу мысли, какъ это дѣлаютъ многіе европейскіе оріенталисты» [3]). Уже на основаніи всего выше изложеннаго мною можно заключить, сколько истины во всѣхъ этихъ завѣреніяхъ нашихъ мусульманъ. Уже одно отсутствіе въ исламѣ прогресса вполнѣ исключаетъ возможность существованія въ нѣдрахъ этой религіи науки. Но, не желая оставить эти положенія нашихъ мусульманъ безъ возраженія, я постараюсь разсмотрѣть этотъ вопросъ и съ другихъ сторонъ. Прежде всего обратимъ вниманіе на самое ученіе Мухаммеда. Ужъ сколько разъ онъ самъ и наши мусульмане съ аппломбомъ заявляли и заявляютъ, что Коранъ заключаетъ въ себѣ всю истину, все потребное для мусульманина на всѣ времена. Гдѣ же тутъ мѣсто для науки?! Къ чему эта наука, когда ее «замѣняетъ вѣчный Коранъ съ вѣчно-неизмѣнными отвѣтами и указаніями на всѣ вопросы жизни и смерти»?!

Наукѣ въ исламѣ нѣтъ мѣста и потому, что въ Коранѣ Самимъ Богомъ разрѣшены многіе научные вопросы. Коранъ представляетъ изъ себя такой невообразимый энциклопедическій сумбуръ, что въ немъ, кромѣ приведенныхъ выше не относящихся къ религіи разныхъ положеній, нашли себѣ мѣсто и разныя науки, какъ наприм. исторія, физическая географія, астрономія, физіологія и пр. Насколько вѣрны историческія свѣдѣнія Корана, я уже имѣлъ случай указать выше. Пойдемъ теперь дальше. По ученію Корана выходитъ, что земля плотно держится на

---

[1]) Мурза-Алимъ, «С.-Петерб. Вѣдом.» 1882 г., № 188.

[2]) Атаулъ Баязитовъ: «Возраженія на рѣчь Ренана: Исламъ и наука», стр. 16.

[3]) «Восточное Обозрѣніе» 1883 г., № 24.

своемъ мѣстѣ тяжестью горъ [1]), что крѣпкое безъ трещинъ и щелей [2]) небо, въ 7 этажей, покрываетъ безъ всякихъ подпоръ [3]) собою, какъ сводомъ [4]), землю, которая также состоитъ изъ 7 этажей [5]), что падающія звѣзды суть раскаленные камни, бросаемые ангелами въ демоновъ [6]), что солнце западаетъ въ грязный источникъ [7]). Какія дѣтскія понятія! А вотъ и отрывокъ изъ физіологіи человѣка по Корану. «Мы, говоритъ Богъ, создали васъ изъ земли, потомъ изъ сѣмени, потомъ изъ сгустившейся крови, потомъ изъ куска мяса, то красиво сложившагося, то некрасиво сложившагося, помѣщаемъ въ утробахъ какъ хотимъ, на опредѣленный срокъ, потомъ выводимъ васъ младенцами» [8]). Или вотъ еще то же, только яснѣе: «Нѣкогда Мы сотворили человѣка изъ сгустившейся глины, потомъ Мы образуемъ его изъ сѣмени, помѣщающагося въ твердомъ вмѣстилищѣ; потомъ это сѣмя претворяемъ въ сгустившуюся кровь; затѣмъ эту сгустившуюся кровь претворяемъ въ кусокъ мяса; затѣмъ этотъ кусокъ мяса претворяемъ въ кости; затѣмъ эти кости одѣваемъ мясомъ; потомъ изъ него производимъ другое твореніе. Благословенъ Богъ, искуснѣйшій изъ творцовъ!» [9]) Астрономія, космологія и физіологія Корана, говоритъ Дрэперъ, на авторитетъ котораго г. Девлетъ-Кильдѣевъ совершенно напрасно ссылается, желая доказать высоту ислама [10]),—

---

[1]) Коранъ, гл. 16, ст. 15; гл. 21, ст. 32; гл. 31, ст. 9.

[2]) Коранъ, гл. 50, ст. 6; гл. 67, ст. 3.

[3]) Коранъ, гл. 13, ст. 2; гл. 31, ст. 9.

[4]) Коранъ, гл. 67, ст. 3; гл. 71, ст. 14; а также: гл. 2, ст. 27; гл. 17, ст. 46; гл. 23, ст. 17; гл. 41, ст. 11; гл. 78, ст. 12; гл. 21, ст. 33.

[5]) Коранъ, гл. 65, ст. 12.

[6]) Коранъ, гл. 15, ст. 16—18; гл. 37, ст. 6—10; гл. 67, ст. 5.

[7]) Коранъ, гл. 18, ст. 84.

[8]) Коранъ, гл. 22, ст. 5.

[9]) Коранъ, гл. 23, ст. 12—14; а также: гл. 40, ст. 69; гл. 75, ст. 37—39; гл. 96, ст. 2.

[10]) Девлетъ-Кильдѣевъ въ своей брошюрѣ «Магометъ, какъ пророкъ», желая доказать высоту ученія ислама, ссылается въ этомъ случаѣ между прочимъ на сужденіе Дрэпера и приводитъ только ту часть его сужденій о Коранѣ, гдѣ онъ говоритъ о положительныхъ

«такія дѣтскія, что способны вызывать смѣхъ». Коранъ въ этомъ случаѣ «едва ли ушелъ дальше понятій Ѳалеса», жившаго въ V вѣкѣ до Р. Хр. Неужели наука можетъ ужиться съ такими нелѣпыми воззрѣніями Корана?! Отвѣчая на этотъ вопросъ, г. Искандеръ-Мурза даетъ слѣдующій дипломатичный отвѣтъ. «Та часть научной физіологіи, говоритъ онъ, которая отвергаетъ существованіе и безсмертіе души и признаетъ душу, т.-е. психію, со всѣми ея проявленіями лишь продуктомъ матеріи (мозговой корки, фосфора), не можетъ ужиться съ ученіемъ Корана, которое признаетъ самостоятельное существованіе и безсмертіе души, созданной Богомъ отдѣльно отъ матеріи и прежде тѣла человѣка» [1]). Здѣсь опять невольно приходится удивляться стремленію нашихъ мусульманъ все запутывать, затемнять, сбивать читателя въ сторону, когда приходится дать ясный отвѣтъ не въ пользу ислама. Искандеръ-Мурзу спрашиваютъ не о томъ, можетъ ли матеріалистическое воззрѣніе на человѣка ужиться съ ученіемъ Корана, а о томъ, можетъ ли наука ужиться съ тѣми дѣтскими воззрѣніями Корана, которыя только-что указаны, изъ области астрономіи, космологіи и физіологіи. Отвѣтъ на это совершенно излишенъ по своей очевидности. Вся бѣда въ томъ, что Мухаммедъ совершенно напрасно брался за отвѣты на всякіе вопросы и возвѣщалъ ихъ отъ имени Бога. Мусульмане, а въ особенности мутазилиты, прилагали въ свое время большія старанія къ тому, чтобы примирить ученіе Корана съ наукою; но всѣ ихъ усилія оказались тщетными. Поэтому весьма печально положеніе искренняго мусульманина, желающаго изучить науку. Предъ нимъ предстоитъ трудная дилемма: или отвергнуть науку,

---

его сторонахъ, совершенно умалчивая о другой части, гдѣ онъ выставляетъ отрицательныя стороны. Я затрудняюсь назвать такой поступокъ Девлетъ-Кильдѣева собственнымъ именемъ. Дрэперъ закончилъ свою оцѣнку Мухаммеда слѣдующ. образомъ: «Тотъ, говоритъ онъ, кто оказывается такимъ несостоятельнымъ руководителемъ относительно прошедшихъ вещей, не можетъ заслуживать особеннаго довѣрія и относительно будущихъ».

[1]) «Восточное Обозрѣніе» 1883 г., № 36.

которая противорѣчитъ Корану, и тѣмъ спасти свою вѣру; или принять науку и вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что Богъ въ Коранѣ Мухаммеда внушаетъ людямъ ложныя понятія. Какую же, спрашивается послѣ этого, можно преподать въ «высшихъ мусульманскихъ медресе» медицину, физику, химію, астрономію и пр. свѣтскія науки, проектируемыя, рядомъ съ Кораномъ, гг. Гаспринскимъ и Семеновымъ?!

Всѣ эти дѣтскія понятія Корана о научныхъ предметахъ вполнѣ понятны. Отъ необразованнаго и даже безграмотнаго Мухаммеда нельзя было и ожидать другихъ, болѣе возвышенныхъ и чистыхъ понятій. Одинъ только Мурза-Алимъ можетъ утверждать, что Мухаммедъ былъ такъ высоко образованъ, что онъ «восхищался философіею греческихъ мудрецовъ Аристотеля, Платона и др.» [1]). Ужъ не этимъ ли философамъ, ужъ не этой ли своей образованности Мухаммедъ обязанъ такимъ дѣтскимъ лепетомъ, на который я сейчасъ только указалъ?! Вѣдь это, просто на́-просто, значитъ морочить публику. Мухаммедъ не только не былъ образованъ, но былъ даже и не грамотенъ. Самъ Мухаммедъ говоритъ слѣдующее: «тѣ, которые послѣдуютъ сему посланнику, неученому пророку... Вѣруйте въ Бога и Его посланника, неученаго (уммій) пророка» [2]). «Прежде него (Корана), говоритъ Богъ Мухаммеду, ты не читалъ никакого писанія, ни черты изъ него не писалъ твоею рукою» [3]). «Онъ (т.-е. Богъ) изъ среды сихъ безграмотныхъ воздвигъ посланника» [4]). Если же вѣрить мусульманскимъ преданіямъ, то Мухаммедъ къ тому же былъ весьма суевѣренъ. Ужъ даже защитникъ ислама Вейль, и тотъ говоритъ, что у Мухаммеда «нельзя найти никакого слѣда школьнаго образованія» [5]).

Этимъ же отсутствіемъ образованія въ Мухаммедѣ объясняется и то несочувствіе, которое онъ питалъ къ

---

[1]) «С.-Петерб. Вѣдом.» 1882 г., № 180.

[2]) Коранъ, гл. 7, ст. 156 и 158.

[3]) Коранъ, гл. 29, ст. 47.

[4]) Коранъ, гл. 62, ст. 2.

[5]) «Историко-критическое введеніе въ Коранъ», перев. Малова, Казань, 1875 г., стр. 221.

изящнымъ искусствамъ. «Вѣрующіе! говоритъ Мухаммедъ: вино, игра въ жеребьи, кумиры, стрѣлованье—гнусны, дѣло сатаны; потому устраняйтесь отъ этого: можетъ быть, будете счастливы» [1]). Хотя въ Коранѣ и нѣтъ еще прямаго гоненія на искусства, но мусульманское преданіе (сунна) усиленно ратуетъ противъ многихъ изъ нихъ. «Небесные духи, говоритъ оно, не входятъ въ домъ, гдѣ находятся собаки и картины». «Слушать музыку, сказалъ однажды Мухаммедъ, грѣхъ противъ закона; заниматься ею—развратъ; находить въ ней удовольствіе—невѣріе». На этомъ основаніи шаріатъ запрещаетъ мусульманамъ живопись, скульптуру и музыку. Только изображенія цвѣтовъ и рѣзьба украшеній (арабески) допускаются у мусульманъ. «Вслѣдствіе этого запрещенія изящныхъ искусствъ, говоритъ Березинъ, мы находимъ въ мусульманскомъ обществѣ вмѣсто живописцевъ каллиграфовъ, вмѣсто скульпторовъ—рѣзчиковъ, вмѣсто музыкантовъ—гудочниковъ», вмѣсто актеровъ—паяцевъ. Только архитектура пользуется особымъ благоволеніемъ ислама; вотъ почему это искусство и получило особое развитіе въ древнемъ халифатѣ. Такимъ образомъ исламъ гонитъ бо́льшую часть высшихъ благородныхъ, эстетическихъ наслажденій, подавляетъ прекрасныя душевныя проявленія человѣка и даетъ широкій просторъ чувственному, грубому, низменному. Духъ мусульманина не освѣжается чувствомъ изящнаго; поэтому онъ и не можетъ парить такъ высоко, какъ духъ христіанина. Въ этомъ также заключается одна изъ причинъ паденія мусульманскихъ народовъ.

Такимъ образомъ, какъ я старался доказать, фатализмъ и фанатизмъ ислама, положеніе женщины и грубая чувственность его, политическое устройство и отсутствіе прогресса въ немъ, дѣтскія воззрѣнія о научныхъ предметахъ и гоненіе изящныхъ искусствъ,—словомъ, весь исламъ въ своемъ первоисточникѣ, Коранѣ, а слѣдовательно въ своей первоначальной чистотѣ, враждебно

[1]) Коранъ, гл. 5, ст. 92.

относится къ образованности, къ цивилизаціи. Вотъ почему всѣ мусульманскія государства, всѣ мусульманскія страны, всѣ мусульманскіе народы представляютъ намъ полный упадокъ не только образованія, но и культуры вообще. Обратите вниманіе на любую мусульманскую страну—и вы вполнѣ убѣдитесь въ этомъ. Посмотрите на Аравію, Месопотамію, Сирію, Малую Азію, Египетъ, всю Турцію, Персію, Бухару, Хиву и пр. и пр., и вы вездѣ найдете полный упадокъ, полное одряхлѣніе; все это уже давно наканунѣ смерти. Считая совершенно излишнимъ распространяться о томъ, въ чемъ согласны всѣ, я не могу воздержаться, чтобы не привести здѣсь слѣдующія слова почтеннаго Деллингера. «Исторія, говоритъ онъ, отмѣтила эту религію печатью осужденія: страны, нѣкогда цвѣтущія, и обитатели этихъ странъ, гдѣ царствуетъ исламизмъ, теперь пали до послѣдней крайности, и внимательное изученіе показываетъ, что именно исламизмъ былъ причиною медленной гибели и паденія цѣлыхъ народовъ и довелъ эти страны до такого безотраднаго положенія... Нынѣ нельзя сказать ни объ одной странѣ, находящейся подъ владычествомъ мусульманъ, что она отличается цвѣтущимъ положеніемъ. Въ начальномъ отечествѣ рода человѣческаго—въ древней Халдеѣ, въ странахъ между Тигромъ и Евфратомъ, теперь все пустыня, все безлюдно; земледѣлія мало, городовъ мало, да и тѣ бѣдны и въ жалкомъ положеніи; селъ нѣтъ; люди блуждаютъ, не зная о своихъ предкахъ, и съ каждымъ днемъ все ближе и ближе къ состоянію дикарей. Какой видъ теперь представляетъ царство Персидское, нѣкогда столь громадное и столь цвѣтущее, вдвое больше Германіи! Тамъ теперь всего пять милліоновъ жителей, мало городовъ, да и въ тѣхъ цѣлые околодки лежатъ въ развалинахъ; города доведены до нищеты дурнымъ деспотическимъ управленіемъ, и въ настоящую минуту ужасный голодъ истребляетъ тамъ тысячи человѣческихъ жизней» [1]) Позвольте ужъ привести еще отзывъ Ренана. «Современная

[1]) «Православное Обозрѣніе» 1872 г., августъ, стр. 147—155.

слабость мусульманскихъ странъ, говоритъ онъ, очевидна каждому, кто сколько-нибудь знакомъ съ положеніемъ дѣлъ; совершенно очевидны упадокъ тѣхъ государствъ, гдѣ царитъ исламъ, интеллектуальное ничтожество тѣхъ племенъ, которыя обязаны своею культурою и образованіемъ исключительно этой религіи. Всѣхъ, кто бывалъ на Востокѣ или въ Африкѣ, поражала какая-то неизбѣжная ограниченность каждаго правовѣрнаго: точно желѣзные тиски стягиваютъ ему голову и дѣлаютъ его совершенно неспособнымъ къ наукѣ, неспособнымъ выучиться чему бы то ни было, воспринять какую бы то ни было новую идею..... Мусульманинъ питаетъ глубочайшее презрѣніе къ образованію, къ наукѣ,—словомъ, ко всему, изъ чего слагается умъ европейца» [1]). Предоставляю самому читателю судить, сколько правды въ словахъ петербургскаго ахунда: «куда проникъ исламъ, туда проникаетъ и наука». Гораздо справедливѣе было бы сказать: за исламомъ всюду слѣдуетъ разрушеніе и опустѣніе.

Но не противорѣчитъ ли этому фактъ существованія большаго числа школъ у мусульманъ? Если есть у мусульманъ школы и даже ихъ очень много, то вѣдь учатъ же чему-нибудь въ этихъ школахъ? значитъ, есть наука, есть образованіе. Конечно, есть; вѣдь не даромъ же и г. Баязитовъ въ своей первой брошюрѣ приводитъ цѣлый рядъ изреченій Мухаммеда и другихъ лицъ, гдѣ восхваляется наука, образованіе. Но вопросъ весь въ томъ, что̀ разумѣется въ данномъ случаѣ подъ наукою, какое образованіе даютъ своимъ адептамъ современныя намъ мусульманскія школы. Подъ «наукою», «изученіемъ» исламъ разумѣетъ не то, что̀ мы, европейцы, не свободное исканіе истины, а изученіе богословія, религіи, самого ислама, исканіе истины религіозной и даже по преимуществу обрядовой, если можно такъ выразиться. Въ самомъ лучшемъ случаѣ мусульманинъ беретъ изъ науки только то, что̀ нужно для его религіи, и при томъ, что̀ согласно съ

[1]) «Исламъ и наука». Рѣчь Ренана, перев. Ведрова, СПБ., 1883 г., стр. 4—5.

нею; все же остальное имъ отбрасывается. Къ этому нужно прибавить еще то, что самостоятельное изслѣдованіе вѣры запрещено въ исламѣ, который уже вполнѣ опредѣленъ прежде бывшими муджтехидами и имамами, положенія которыхъ должны быть принимаемы съ полною вѣрой.

Все мусульманское образованіе носило и носитъ на себѣ религіозный, вѣроисповѣдный характеръ; все оно построено на изученіи Корана и шаріата. Такъ какъ Коранъ писанъ на арабскомъ языкѣ, а переводы его на другіе языки исламомъ воспрещаются, и такъ какъ книги всего шаріата написаны на арабскомъ или персидскомъ языкѣ, то изученіе богословія для нашихъ, наприм., мусульманъ является въ большинствѣ случаевъ безсмысленнымъ зубреніемъ, которое забиваетъ только головы учащихся и притупляетъ ихъ умственныя способности. Если же принять во вниманіе, что мусульманское богословіе все, безъ остатка, ушло въ схоластику и въ схоластическія тонкости, то мы вполнѣ поймемъ, какъ далека эта наука отъ животворнаго вліянія на учениковъ. Но вѣдь есть же въ мусульманскихъ школахъ какія-нибудь свѣтскія науки? Есть; наприм., арабскій языкъ, логика, географія, исторія и пр. Но всѣ онѣ отчасти основаны на Коранѣ, съ научными воззрѣніями котораго мы уже знакомы, отчасти—на той схоластической дребедени, которая чуть не вся цѣликомъ перешла къ мусульманамъ отъ среднихъ вѣковъ. А потому все это крайне жалко, безжизненно, плохо и уродливо; а потому всѣ эти отрывки не могутъ считаться даже жалкимъ подобіемъ извѣстныхъ наукъ. Если хотите, наприм., познакомиться съ мусульманскою географіей, или, вѣрнѣе, съ космологіей, то прочитайте слѣдующую выдержку изъ сочиненія современнаго знатока Востока, Вамбери. «Здѣсь, говоритъ онъ, учителю приходится излагать поэтическія фантазіи о семи земляхъ и семи небесахъ; считается достаточнымъ, если ученикъ имѣетъ понятіе о размѣрахъ этихъ міровъ. Ему объясняютъ, что одна земля отстоитъ отъ другой на 500 лѣтъ пути, что таково же разстояніе между небесами, изъ которыхъ первое состоитъ изъ смарагда, второе изъ ослѣ-

пительнаго бѣлаго серебра, третье изъ большаго бѣлаго жемчуга, четвертое изъ рубиновъ, пятое изъ золота, шестое изъ желтаго гіацинта и, наконецъ, седьмое изъ свѣтовыхъ лучей. Эта изумительная космологія знаетъ также, что земля опоясана океаномъ, а на немъ стоитъ гора куги-кафъ, съ вершины которой можно обозрѣвать «безконечное ничто». Далѣе она утверждаетъ, что человѣкъ долженъ провести 500 лѣтъ въ странствіяхъ по всей землѣ, т.-е. 200 лѣтъ на водѣ, 200 лѣтъ на голой степи, 80 лѣтъ въ странѣ великановъ и только 20 лѣтъ въ извѣстныхъ странахъ. Голубой цвѣтъ неба, по мнѣнію нѣкоторыхъ магометанскихъ космологовъ, происходитъ отъ зеленаго хризолита горы куги-кафъ, которая вовсе не окружена абсолютно пустымъ пространствомъ, какъ это предполагаютъ другіе космологи, но служитъ границею различныхъ странъ, населенныхъ ангелами и состоящихъ одна изъ золота, 70 другихъ изъ серебра и 7 изъ мускуса. По воззрѣніямъ магометанъ, кромѣ нашей земли, въ неизмѣримой глубинѣ міроваго пространства существуетъ еще шесть другихъ. Земля № 2 населена вѣтрами, на №№ 3 и 4 обрѣтаются только камни и сѣра, на 5-мъ живутъ змѣи, на 6-мъ—скорпіоны величиною съ муловъ и съ хвостами такими же длинными, какъ копья, и, наконецъ, № 7 есть резиденція страшнаго шайтана (сатаны) съ его злобными товарищами. Отысканіе исходной точки для міросданія повергаетъ въ великое замѣшательство эту фантастическую космологію, которая и въ этомъ случаѣ предается пустымъ бреднямъ. По ея представленію, Богъ, сотворивъ семь земель, замѣтилъ, что ихъ основа не совсѣмъ надежна, и потому призвалъ ангела, спина котораго и должна служить требуемою опорою. Но возникъ новый вопросъ: на что будутъ опираться ноги ангела? Въ виду этого, создана была изъ рубиновъ скала, имѣвшая 7000 отверстій, а изъ каждаго отверстія вытекало море. Но этимъ все-таки не устранялись затрудненія относительно отысканія исходной точки. Для поддержанія скалы сотворенъ былъ колоссальный быкъ, имѣвшій 4000 глазъ, столько же ушей, носовъ, ртовъ, языковъ и

ногъ, при чемъ одна нога удалена отъ другой на разстояніе, которое можно измѣрить только въ 500 лѣтъ. Этотъ быкъ дышетъ два раза въ день, отсюда явленія прилива и отлива, и такъ какъ въ концѣ концовъ и этому звѣрьку надо было на что-нибудь опереться, то Господь сотворилъ въ помощь ему рыбу съ такими громадными ноздрями, что всѣ моря, помѣщенныя въ нихъ, казались каплею, и т. д.» [1]). О наукахъ, построенныхъ на фактахъ и наблюденіяхъ, мусульманская наука и не слыхала. «Вся магометанская школьная программа, говоритъ одинъ знатокъ русскаго Туркестана, проникнута строго спекулятивнымъ, но религіознымъ принципомъ, проведеннымъ очень послѣдовательно и систематически захватывающимъ съ самаго начала, какъ сжатыми клещами, умъ студента и влекущимъ безповоротно въ одномъ направленіи по указанію догматовъ, аргументируемыхъ путемъ діалектики и дедукціи. Всѣ пути къ выходу изъ круга познаній, опредѣленныхъ религіей, для магометанскаго студента отрѣзаны. Онъ обреченъ знать только то, что̀ знали авторы изучаемыхъ имъ сочиненій 500—1000 лѣтъ назадъ; знать болѣе для него запрещено, грѣшно» [2]). Такія науки, такія школы, вообще такое образованіе едва ли достойно своего названія, потому что оно не развиваетъ человѣческую мысль, а подавляетъ ее, не расширяетъ горизонтъ, а съуживаетъ его, способствуетъ не прогрессу народовъ, а приводитъ къ регрессу. И такое явленіе господствуетъ во всѣхъ мусульманскихъ странахъ. Ужъ турки—и тѣ, какъ говоритъ нашъ знатокъ Турціи г. Смирновъ, считаютъ свои мусульманскія школы «положительнымъ тормозомъ въ дѣлѣ просвѣщенія турецкой націи и находятъ своевременнымъ закрыть ихъ, какъ утратившія свой raison d'être, ибо онѣ плодятъ только толпу праздныхъ міроѣдовъ въ лицѣ софтъ, ходжей и

[1]) Вамбери: «Очерки и картины восточныхъ нравовъ». СПБ., 1877 г., стр. 111—112.

[2]) О мусульманскомъ школьномъ образованіи въ Средней Азіи см. любопытныя статьи г. Г. въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» за 1875 г., № 30, и 1876 г., №№ 47 и 48.

муллъ, лежа на боку въ кельяхъ этихъ quasi-ученыхъ монастырей и питаясь на-счетъ такъ называемыхъ вакуфовъ, т.-е. пожертвованныхъ въ свое время благочестивыми людьми капиталовъ и угодій, долбятъ разные тефсиры (богословско-юридическіе и др. комментаріи) и ментыки (первобытно-схоластическіе трактаты по sui generis философіи), на-вѣки притупляя свои природныя способности логическаго мышленія и пытливаго разума» [1]). Даже нашъ Мурза-Алимъ признаетъ мусульманское образованіе несостоятельнымъ [2]). Вотъ почему и г. Гаспринскій называетъ свою образованность «русско-татарскою мертвечиною» [3]) и взываетъ: «Свѣта, свѣта дайте намъ, старшіе братья, иначе мы задохнемся, будемъ разлагаться и заразимъ мѣстность» [4]). Какъ видите, это уже предсмертные крики умирающаго. А нашъ г. Семеновъ хочетъ поднять на ноги этого умирающаго, хочетъ воскресить славныя арабскія медресе на русской почвѣ. Конечно, подать руку помощи—дѣло благое; но нужно знать, что этотъ умирающій уже отжилъ свой вѣкъ, что онъ уже при жизни началъ разлагаться. Если вы и вольете въ него струю жизни, то и она не поможетъ уже дѣлу, потому что весь организмъ расшатанъ, одряхлѣлъ; вы только напрасно усилите его предсмертныя агоніи. «Не вливаютъ вина молодаго въ мѣхи ветхіе; а иначе прорываются мѣхи, и вино вытекаетъ, и мѣхи пропадаютъ. Но вино молодое вливаютъ въ новые мѣхи, и сберегается то и другое» [5]).

Но вотъ такъ и слышатся возраженія мусульманъ и разныхъ защитниковъ ислама: вѣдь былъ же золотой вѣкъ въ исламѣ! вѣдь было же время, когда образованность въ мусульманскомъ мірѣ стояла высоко, когда

---

[1]) Смирновъ: «По вопросу о школьномъ образованіи инородцевъ-мусульманъ». См. «Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія» 1882 г., іюль, отд. 3, стр. 8.

[2]) «С.-Петерб. Вѣдом.» 1882 г., № 229.

[3]) Гаспринскій, стр. 8—9.

[4]) Тамъ же, стр. 35.

[5]) Матѳ., гл. 9, ст. 17.

арабы были передовымъ народомъ! Такое время, дѣйствительно, было въ исламѣ. Всякое событіе, всякая идея, которая имѣетъ хоть небольшую долю жизненности, проходитъ въ исторіи три момента: появленіе, возвышеніе и паденіе. Было бы весьма странно, если бы исламъ не имѣлъ своего золотаго вѣка; этимъ было бы только доказано, что исламъ такое уродливое явленіе, такое безжизненное ученіе, что смерть наступила тотчасъ послѣ рожденія. Такимъ образомъ цвѣтущая эпоха ислама была вполнѣ естественнымъ явленіемъ. Время четырехъ халифовъ, а также и время первыхъ омейядовъ все ушло на военныя завоеванія и внѣшній ростъ ислама; это, какъ мы видѣли, было время самаго дикаго, ожесточеннаго фанатизма новой религіи. Прямымъ слѣдствіемъ этой катастрофы была гибель и разрушеніе весьма многихъ и весьма цѣнныхъ сокровищъ человѣческаго разума. Когда исламъ захватилъ въ свою власть все, что̀ только можно было, когда онъ широко и далеко раздвинулъ свои границы и когда, наконецъ, онъ пришелъ въ соприкосновеніе съ тогдашнею цивилизаціей, тогда онъ не могъ не увидѣть всей своей внутренней пустоты и ограниченности, которая еще рѣзче выступала въ сравненіи съ культурою передовыхъ народовъ того времени. Тѣсныя и близкія сношенія мусульманъ съ разными образованными иновѣрцами и особенно съ христіанами, начавшіяся еще при первомъ омейядѣ, Моавіи (661—680 г.), которому религіозный индифферентизмъ позволялъ брать на службу и ставить иногда на высшія государственныя должности христіанъ, начали постепенно пробуждать въ исламѣ жизнь мысли. Аль-Валидъ (705—715 г.), который долженъ быть признанъ энергичнымъ и довольно разумнымъ правителемъ, особенно нуждался для своихъ многочисленныхъ и крупныхъ построекъ, воздвигаемыхъ имъ въ разныхъ частяхъ своего государства, въ опытныхъ греческихъ мастерахъ и архитекторахъ, которыхъ и привлекалъ къ себѣ на службу. Само собою понятно, что вмѣстѣ съ этими и многими другими христіанами въ лучшей части населенія мусульманскаго халифата стали поне-

многу распространяться христіанскія идеи, взгляды, убѣжденія и чувствованія, которыя, съ одной стороны, заставляли нѣкоторыхъ мусульманъ глубже вдумываться въ религіозные вопросы, а съ другой—порождали не оставшіеся безъ вліянія на исламъ и споры. Около этого же времени появилась въ исламѣ и либеральная секта мутазилитовъ, которые, какъ мы уже видѣли, хотѣли обосновать свои религіозныя убѣжденія на началахъ здраваго разума и примирить религію съ философіей и наукой. Но, къ сожалѣнію, господство въ исламѣ этихъ немногихъ раціоналистовъ и либераловъ, проповѣдывавшихъ свободу воли въ человѣкѣ и свободу выбора главы государства, относившихся съ большимъ уваженіемъ къ человѣческому разуму, наукѣ и философіи и отличавшихся большою вѣротерпимостью и гуманностью въ своихъ сношеніяхъ съ разными иновѣрцами, было весьма непрочно и кратковременно, такъ какъ въ глазахъ ортодоксальныхъ мусульманъ ученіе ихъ считалось ересью, вредною для ислама. Поэтому ихъ гнали, особенно при омейядахъ, которые, хотя и относились индифферентно къ вопросамъ религіи и даже къ самой вѣрѣ, но видѣли въ нихъ опасныхъ анархистовъ. Только при послѣднемъ омейядѣ, Мерванѣ II (744—750 г.), который принялъ ученіе мутазилитовъ, положеніе ихъ улучшилось. Первый изъ аббасидовъ, Абдулъ-Аббасъ (749—754 г.), получившій свою власть при содѣйствіи правовѣрныхъ суннитовъ, ярыхъ враговъ мутазилитовъ, снова воздвигъ гоненіе на послѣднихъ. Преемникъ его, Абу-Джафаръ, болѣе извѣстный подъ именемъ Аль-Мансура (754—775 г.), отличавшійся, какъ и всѣ почти аббасиды, религіознымъ вольнодумствомъ, крайнимъ либерализмомъ и распущенностью въ жизни, хотя и симпатизировалъ мутазилитамъ, но не могъ открыто встать на ихъ сторону противъ суннитовъ. Съ этого времени, благодаря персидскому вліянію и мудрой персидской семьѣ Бармекидовъ, члены которой дѣлаются помощниками аббасидовъ въ дѣлахъ правленія государствомъ, начинается расцвѣтъ мусульманскаго халифата. Управленіе народомъ постепенно улучшается и облегчается, повсюду вводятся

полезныя реформы и улучшенія, усиливается промышленность и развивается товарообмѣнъ какъ между отдаленными провинціями халифата, такъ и съ разными другими странами; арабскій языкъ получаетъ широкое распространеніе, появляется изящная литература, обработывается религіозное право и начинаются переводы на арабскій языкъ сочиненій греческихъ философовъ и ученыхъ. Гарунъ-аль-Рашидъ (786—809 г.), незаслуженно пользующійся славою прекраснаго правителя и устранившій отъ управленія Бармекидовъ, открылъ новое гоненіе на мутазилитовъ. Первымъ изъ аббасидовъ, принявшихъ ученіе этихъ мусульманскихъ сектантовъ и давшихъ ему полное торжество надъ правовѣріемъ, былъ Мамунъ (813—833 г.), который не только потребовалъ, чтобы всѣ его подданные были мутазилитами, но и воздвигъ сильное гоненіе противъ всѣхъ, не признававшихъ этого ученія. 20-лѣтнее царствованіе этого аббасида было настоящимъ торжествомъ мутазилитизма и вмѣстѣ золотымъ вѣкомъ ислама, когда особенно высоко цѣнилась въ мусульманскомъ халифатѣ наука, философія и образованность вообще. Этотъ весьма просвѣщенный и образованный, хотя жестокій и коварный халифъ оказывалъ громадное покровительство ученымъ и поэтамъ, употребляя всѣ свои усилія къ тому, чтобы процвѣтали поэзія, науки и философія. Онъ даже заключилъ съ византійскимъ императоромъ договоръ о присылкѣ другъ другу книгъ научнаго содержанія. Это блестящее царствованіе Мамуна, давшаго торжество мутазилитизму, наукамъ и философіи, составляетъ самую свѣтлую страницу въ исторіи халифата, когда мусульманскій Востокъ и христіанскій Западъ протянули другъ другу руку примиренія и когда первый, какъ наиболѣе сильный политически, всталъ во главѣ умственнаго движенія, цивилизаціи всего міра. Торжество мутазилитовъ, а вмѣстѣ съ ними науки и вообще цивилизаціи, продолжалось и при преемникахъ Мамуна, Мутассимѣ (833—842 г.) и Васикѣ (842—847 г.). Но уже при Мутеваккилѣ (847—861 г.), который былъ узкимъ суннитомъ и ярымъ мусульманскимъ фанатикомъ, мусульман-

ское правовѣріе снова восторжествовало и снова открыло противъ мутазилитовъ гоненіе науки и всего разумнаго вообще до тѣхъ поръ, пока постепенно при слѣдующихъ халифахъ окончательно не задушило всего того немногаго лучшаго, что обнаружилось въ исламѣ. Такимъ образомъ время торжества мутазилитовъ, которое и нужно признать золотымъ вѣкомъ въ исламѣ, было слишкомъ кратковременно, около 34 лѣтъ и ни въ какомъ случаѣ не болѣе 93 лѣтъ, если считать начало этой блестящей эпохи со времени Аль-Мансура. Только въ продолженіе этого слишкомъ краткаго періода въ 13-вѣковой жизни ислама торжествовалъ въ небольшой кучкѣ интеллигентныхъ либеральныхъ мусульманъ здравый разумъ; только въ это время процвѣтали въ мусульманскомъ халифатѣ поэзія, наука, философія, школы, академіи, библіотеки и пр.

Выводы изъ всего этого историческаго очерка съ несомнѣнностью вытекаютъ слѣдующіе. Прежде всего неправы тѣ мусульмане, которые, какъ наприм. Мурза-Алимъ, утверждаютъ, что тотчасъ же послѣ смерти Мухаммеда мусульмане жадно набросились на науку и просвѣщеніе. Только со времени втораго аббасида, Аль-Мансура, т.-е. съ 754 года, начинается та эпоха въ исламѣ, которую мусульмане любятъ называть своимъ «золотымъ вѣкомъ». Нужно было со времени смерти основателя ислама пройти болѣе ста лѣтъ; нужно было исламу прежде совершить завоеваніе чуть не всего тогдашняго образованнаго міра, пролить потоки крови и сдѣлать ужасныя опустошенія и встать наконецъ въ такія отношенія къ тогдашней цивилизаціи, что она совершенно противъ желанія его, даже прямо вопреки ему, подчинила своему превосходству эту новую дикую и бурную, какъ ураганъ, религію, исламъ, который въ своихъ главныхъ принципахъ довольно враждебно относится ко всякой наукѣ и просвѣщенію немусульманскому. Словомъ, здѣсь произошло то же самое, что случилось спустя долгое время послѣ этого (въ XVII столѣтіи) съ манджурами въ Китаѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь побѣдители оказались менѣе культурными своихъ побѣжденныхъ, а потому послѣдніе взяли верхъ въ духов-

ной жизни, съ тою только разницею, что манджуры, какъ не обладавшіе развитою религіей, а потому и не имѣвшіе своихъ твердыхъ нравственныхъ устоевъ, которые могли бы противопоставить побѣжденнымъ, вполнѣ и навсегда окитаились, а мусульмане, имѣвшіе въ своей религіи, враждебно относящейся ко всему немусульманскому, довольно прочную и крѣпкую силу противленія всему чуждому, только на время и отчасти увлеклись чужимъ образованіемъ. Затѣмъ эта золотая эпоха мусульманскаго халифата совпадаетъ со временемъ торжества не исламскаго правовѣрія, а мутазилитизма, который всегда признавался и доселѣ признается въ исламѣ сектою, ересью, заблужденіемъ, искаженіемъ, уклоненіемъ отъ чистаго ученія Корана. Такимъ образомъ это было только временное и скоропреходящее торжество той мусульманской секты, которая, къ тому же, обязана, какъ мы видѣли, своимъ происхожденіемъ не столько исламу, сколько арабскому національному духу, стремившемуся къ свободѣ, и тому христіанству, въ укоризну которому выставляется нашими мусульманами эта блестящая эпоха ислама. Теперь дѣлаются совершенно понятными тотъ значительный подъемъ духа и его энергіи, тотъ широкій полетъ мысли, та всесторонность образованности, та широкая вѣротерпимость и гуманность отношеній, которыми блещетъ эта эпоха. Не нужно также забывать при этомъ и то, что блескъ ея измѣряется какъ самими мусульманами, такъ, вслѣдъ за ними, и нашими европейскими историками довольно неправильно съ современной точки зрѣнія. Образованными, передовыми, мыслящими людьми, которые украсили собою эту эпоху, были по преимуществу мутазилиты, которые никогда не были многочисленны, христіане и евреи; этотъ цвѣтъ тогдашней интеллигенціи составлялъ небольшую кучку людей, находившуюся въ сферѣ вліянія того или другаго просвѣщеннаго халифа. Поэтому и образованіе было распространено только въ томъ высшемъ классѣ тогдашняго общества, который старался во всемъ подражать своему либеральному повелителю. Вся же остальная народная масса

мусульманскаго халифата была по прежнему невѣжественна, даже болѣе невѣжественна, чѣмъ теперь; вся она весьма враждебно относилась ко всему этому небывалому движенію, такъ какъ видѣла въ немъ противорѣчіе, измѣну и опасность исламу. Каковы были арабы того времени en masse и какъ они относились къ цивилизаціи, объ этомъ прекрасно засвидѣтельствовалъ въ свое время собственный ихъ исторіографъ Ибнъ-Хальдунъ. Причина паденія завоеванныхъ арабами странъ, говоритъ онъ, «въ томъ, что они—народъ грубый, дикое поведеніе котораго уподобляетъ его, по природѣ, лютому звѣрю, такъ какъ они стряхнули съ себя ярмо подчиненія знанію, отказали въ своемъ повиновеніи политической дисциплинѣ. Подобная же природа противна культурѣ и разрушаетъ послѣднюю. Весь образъ жизни ихъ ведетъ ихъ къ перемѣнѣ и перевороту, которые несовмѣстимы со спокойствіемъ, для культуры потребнымъ. Имъ нуженъ, наприм., какой-нибудь кирпичъ, чтобы ставить на него свою посуду, и они выламываютъ для этого кирпичъ изъ строеній и разрушаютъ послѣднія. Такъ же поступаютъ они и съ деревомъ, которое имъ нужно бываетъ для подпорки шатровъ ихъ и для выдѣлки деревянныхъ гвоздей, для каковой цѣли они разносятъ цѣлыя крыши. Вся натура ихъ противоположна строительству, которое между тѣмъ составляетъ основаніе культуры. Таковы-то обыкновенно арабы. Кромѣ того, натура же ведетъ ихъ къ грабительству; жизненный промыселъ ихъ процвѣтаетъ лишь подъ сѣнью мечей, страсть ихъ къ хищничеству не знаетъ никакихъ границъ, и они грабятъ всѣ товары и всякое имущество, какихъ только можетъ коснуться рука ихъ. Кромѣ того, они отвращаютъ отъ себя всѣхъ мастеровъ и рабочихъ людей, не уплачивая имъ денегъ за ихъ работу... Приложатъ они руки свои къ собранію налоговъ, и культура въ конецъ разоряется, а казна расточается... Взгляните только на страны, занятыя ими именемъ халифа: какъ отнимали они у странъ этихъ всяческую культуру, какъ разграбляли они жителей ихъ, и какъ даже самая почва странъ этихъ переродилась! Іеменъ, центръ ихъ

могущества, за исключеніемъ немногихъ лишь полосъ, воздѣлываемыхъ ансарами, обратился въ пустыню; то же сталось съ аравійскимъ Иракомъ. Культура Персіи уничтожена, а также и культура Сиріи. Африканскіе берега и Мавританія со времени, какъ въ V-мъ столѣтіи гиджры туда переселились племена бени-Гилаль и бени-Салаимъ и прожили тамъ четыре съ половиною столѣтія, опустошены до тла. Какъ воздѣлана была страна между Суданомъ и Средиземнымъ моремъ нѣкогда, показываютъ развалины зданій, мѣста селеній и городовъ. Да будетъ воля Божія! Онъ наслѣдуетъ и землю и все ея населеніе, и Онъ—лучшій изъ наслѣдующихъ» [1]). Вся эта темная народная масса со своими вожаками изъ суннитовъ и составляла настоящихъ, истинныхъ мусульманъ, которые всегда стремились быть вѣрными буквѣ и духу Корана и основаннаго на немъ и на преданіяхъ шаріата. Этимъ-то и объясняется, почему было такъ кратковременно господство въ исламѣ еретиковъ мутазилитовъ и почему вмѣстѣ съ ними была такъ же кратковременна и эта блестящая эпоха въ мусульманскомъ халифатѣ. Либерализмъ мутазилитскій и блескъ цивилизаціи были противорѣчіемъ, отрицаніемъ ислама, но не порожденіемъ его; потому-то истинное, правовѣрное мусульманство и не дало развиться этой эпохѣ и такъ скоро задушило все, что было въ ней лучшаго, оставшись при Коранѣ и шаріатѣ. Насколько страстно, чисто по юношески было увлеченіе тогдашнихъ мусульманъ цивилизаціей Запада, настолько же быстро истощилась ихъ энергія и мужество и случился поворотъ назадъ. Далѣе, эта блестящая эпоха въ мусульманскомъ халифатѣ была слишкомъ кратковременна; весьма скоро наступила за нею эпоха быстраго и глубокаго паденія цивилизаціи. Такимъ образомъ исламъ оказался не въ состояніи долго уживаться въ согласіи съ наукой и философіей; поэтому онъ и не можетъ считаться носителемъ культуры. Онъ, какъ совершенно вѣрно подмѣтилъ Гаури, «вездѣ вызываетъ новую жизнь и доводитъ

[1]) Гаури, стр. 297—298.

ее до извѣстной высоты развитія; но затѣмъ внезапно сила покидаетъ его; начинаютъ свою губительную работу разрушительныя стихіи, въ немъ нѣдрящіяся; наступаетъ и быстро развивается неотвратимый упадокъ». Наконецъ, совершенно несправедливы тѣ, которые приписываютъ причину паденія мусульманской образованности нашествію дикихъ азіатскихъ варваровъ—турокъ и монголовъ. Одинъ изъ нашихъ современныхъ мусульманъ утверждаетъ даже, что только послѣ 1200 года пала образованность среди мусульманъ. Между тѣмъ исторія ясно свидѣтельствуетъ намъ, что это паденіе началось еще съ аббасида Мутеваккиля, т.-е. съ 847 года. Правда, имя мутазилитовъ не сходитъ нѣкоторое время и послѣ этого со сцены исторіи; такъ наприм., извѣстно, что въ X-мъ вѣкѣ существовало между ними «общество искреннихъ братьевъ», которое составило замѣчательную по тому времени научную энциклопедію (которая въ 1150 году была предана публичному сожженію, по приказанію тогдашняго халифа); но гонимые мутазилиты постепенно уменьшались въ своей численности, разсѣялись по разнымъ мѣстамъ и уже никогда не пользовались какимъ бы то ни было вліяніемъ въ исламѣ. Такимъ образомъ еще задолго до нашествія на мусульманскія страны дикихъ среднеазіатскихъ варваровъ угасли въ исламѣ поэзія, науки, философія и вся цивилизація. И мы уже не видимъ теперь въ мусульманствѣ ничего такого, что̀ хотя бы отчасти напоминало или походило на прогрессивный ростъ образованія и просвѣщенія вообще.

Итакъ, это умственное движеніе въ мусульманствѣ, какъ совершенно вѣрно подмѣтилъ и Ренанъ, совершилось вопреки исламу и противъ его воли. Очень жаль, что г. Баязитовъ это основное положеніе Ренана, которое имѣетъ самое важное, даже громадное значеніе въ обсуждаемомъ нами вопросѣ, оставилъ совершенно безъ вниманія и обошелъ его полнымъ молчаніемъ. Баязитовъ призналъ болѣе посильнымъ для себя вступить въ борьбу съ другими второстепенными положеніями Ренана, которыя важны только, какъ иллюстраціи къ той главной

мысли. И эту борьбу г. Баязитовъ ведетъ исключительно на схоластической почвѣ. Всѣ эти схоластическіе пріемы доказательствъ петербургскаго ахунда будутъ крайне неубѣдительны, если онъ не позаботится опровергнуть основательно то главное положеніе, что прошлая культура арабовъ совершилась вопреки исламу и противъ его воли.

Только послѣ этой главной мысли, которую я считаю для себя прочно установившеюся и вполнѣ доказанною выше, я могу въ своемъ критическомъ отношеніи къ «золотому вѣку ислама» отчасти повторить то, что̀ было высказано Ренаномъ въ его рѣчи, произнесенной въ собраніи «Научной Французской Ассоціаціи» на тему: «Исламъ и наука», повторить въ общихъ чертахъ мысли Ренана. Въ этой восхваляемой эпохѣ золотаго вѣка ислама—весьма мало мусульманскаго и арабскаго и даже буквально ничего нѣтъ такого, что̀ бы прямо и непосредственно вытекало изъ ислама и имъ было обусловлено. Весь этотъ умственный ростъ, вся эта цивилизація была созданіемъ генія европейскаго, который подъ вліяніемъ христіанства еще болѣе окрѣпъ и расцвѣлъ. Учителями, руководителями, передовыми людьми разсматриваемой нами эпохи были по преимуществу христіане изъ несторіанъ для мусульманъ Азіи и евреи для мусульманъ Африки. Христіанскіе сирійскіе врачи, говоритъ Ренанъ, являются какъ-бы продолжателями послѣднихъ греческихъ школъ; они были хорошо знакомы съ философіей перипатетиковъ, съ математикой, медициной и астрономіей. Имъ поручали халифы перевести на арабскій языкъ энциклопедическія сочиненія Аристотеля, Эвклида и Галліена, словомъ сказать—всю греческую науку, насколько ее тогда знали. Дѣятельные умы, какъ наприм. Алькинди, начинаютъ размышлять о тѣхъ вѣчныхъ вопросахъ, которые человѣкъ въ состояніи только возбудить, а разрѣшить не можетъ. Подобныхъ людей стали называть «фильзуфами» (философами), и съ тѣхъ поръ это иностранное слово пріобрѣтаетъ дурную славу, какъ обозначающее нѣчто чуждое исламу. «Фильзуфъ» дѣлается у мусульманъ страшнымъ

прозвищемъ; оно влечетъ за собою смерть или гоненіе, такъ же, какъ «зендикъ» и впослѣдствіи «фармазунъ» [1]). Насколько же эта свѣтлая эпоха въ исторіи обязана исламу? Оказала ли религія Мухаммеда какую-нибудь помощь или покровительство этому умственному движенію? «Нѣтъ, нисколько! отвѣчаетъ Ренанъ. Честь великаго научнаго движенія принадлежитъ всецѣло парсистамъ, христіанамъ, евреямъ и гарранцамъ и измаилитамъ, т.-е. мусульманамъ, въ глубинѣ души возставшимъ противъ своей религіи [2]). Правовѣрные мусульмане посылаютъ ему только проклятія. Мамунъ, халифъ, всѣхъ больше заботившійся о распространеніи греческой философіи, былъ безпощадно проклятъ теологами» [3]). Въ этомъ умственномъ движеніи разсматриваемой эпохи не только нѣтъ ничего мусульманскаго, но даже ничего нѣтъ и арабскаго, кромѣ языка,—и только одного языка. «Аверроэсъ, Авицена, Альбатени—столько же арабы, сколько Альбертъ Великій, Рожеръ Бэконъ, Францискъ Бэконъ и Спиноза—латиняне... Заслуживаетъ большаго вниманія то обстоятельство, что между философами и учеными, именуемыми арабскими, только одинъ Алькинди—арабскаго происхожденія; всѣ же прочіе—персы, трансоксійцы, испанцы, уроженцы Бухары, Самарканда, Кордовы и Севильи. Они не только не арабы, но не имѣютъ ничего арабскаго по духу. Они говорятъ по-арабски, но это ихъ стѣсняетъ... Арабскій языкъ совсѣмъ неудобенъ для метафизики. Вообще арабскіе ученые и философы — довольно плохіе писатели» [4]).

Такимъ образомъ во всей разсматриваемой нами эпохѣ ничего нѣтъ ни мусульманскаго, ни арабскаго, кромѣ только языка. Это прогрессивное движеніе было общеевропейскимъ и обще-азіатскимъ, было движеніемъ общимъ

---

[1]) Ренанъ: «Исламъ и наука», пер. Ведрова, 1883 г., стр. 11. Это мѣсто у Ренана оставлено Баязитовымъ безъ возраженія.

[2]) Это также оставлено безъ возраженія со стороны Баязитова.

[3]) Тамъ же, стр. 17.

[4]) Тамъ же, стр. 16—17. Всѣ эти факты также обойдены молчаніемъ Баязитовымъ.

всего тогдашняго культурнаго міра. Во всемъ этомъ движеніи исламу, который тогда политически господствовалъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ довольно на далекое разстояніе вокругъ Средиземнаго моря, принадлежала только слѣдующая роль. Будучи весьма слабымъ по своему внутреннему содержанію, не обладая особенно возвышенными нравственными принципами, не окончивъ еще и дѣла своей политической организаціи, онъ не могъ помѣшать тому умственному движенію, которое вопреки ему совершалось на той территоріи и среди тѣхъ націй, гдѣ онъ политически господствовалъ. Поэтому ему поневолѣ приходилось терпѣть и смотрѣть на это движеніе, извлекая изъ него тамъ, гдѣ это можно было, пользу. «Исламъ, какъ прекрасно замѣтилъ Ренанъ, былъ либераленъ, пока былъ слабъ; взошедши въ силу, онъ дѣлается деспотичнымъ. Не будемъ же ему приписывать того, чему онъ только не былъ въ состояніи помѣшать... Религія Магомета всегда преслѣдовала науку и философію и подъ конецъ задушила ихъ... Убивши науку, онъ (исламъ) убилъ самого себя и обрекъ себя на полнѣйшее ничтожество въ мірѣ» [1]). Только на весьма короткое время исламъ пришелъ въ соприкосновеніе съ наукой и философіей и скоро увидалъ, что онъ не можетъ ужиться съ ними. Еще въ Коранѣ, какъ мы видѣли, разрѣшены для мусульманина всѣ вопросы не только сердца, но и ума,— что̀ и погубило всякое свободное научное изслѣдованіе въ исламѣ. Коранъ, имѣющій претензію быть научною энциклопедіей, столкнулся съ наукой и философіей и скоро замѣтилъ раздѣляющую ихъ пропасть; а потому, изъ боязни обнаружить свою научную несостоятельность, объявилъ открытую войну этимъ своимъ врагамъ. Всѣ, занимающіеся философіей и науками, были объявлены врагами истинной религіи. Мусульманское правовѣріе открыло противъ нихъ жестокое гоненіе. Результатомъ этого было то, что было задушено все то немногое разумное, что̀ оказалось въ исламѣ, а наука снизошла на

[1]) Тамъ же, стр. 18, 19 и 22.

степень схоластическаго богословія, которое только помрачаетъ своихъ адептовъ, но не развиваетъ ихъ.

Далѣе, нельзя не видѣть, что мусульманскіе историки ужъ слишкомъ «раздули» эту эпоху, доказывая изъ всѣхъ силъ, что тогда процвѣтала у нихъ наука, были знаменитыя школы, огромныя библіотеки, и пр. и пр. Европейскіе историки, пользовавшіеся при описаніи этого времени трудами мусульманскихъ историковъ, пошли вслѣдъ за ними, не обративъ вниманія на то, какія именно науки пользовались тогда особымъ уваженіемъ, чему главнымъ образомъ учили въ тогдашнихъ школахъ и каково было внутреннее содержаніе этихъ огромныхъ библіотекъ. «Подъ именемъ науки, говоритъ Вамбери, тогдашніе послѣдователи ислама, подобно нынѣшнимъ, разумѣли по преимуществу теологію и теософію, грамматику, логику и ораторское искусство. Только корифеи на этомъ поприщѣ изслѣдованія пользовались нераздѣльнымъ уваженіемъ своихъ современниковъ; только ихъ имена по преимуществу считались достойными перейти въ потомство. Тѣ, которые уклонялись отъ священнаго пути божественнаго ученія на путь естествознанія, казались тогда такъ же, какъ и теперь, крайними еретиками, усиленная любознательность которыхъ извинялась только въ томъ случаѣ, если точныя науки употреблялись ими, какъ посторонніе аргументы для подтвержденія истинъ божественнаго ученія. Иное умственное направленіе было бы осуждено въ самыхъ своихъ основахъ, такъ какъ Коранъ считается квинтъ-эссенціей и энциклопедіей всѣхъ наукъ. Въ силу всего сказаннаго я нахожу достаточную долю преувеличенія въ томъ прославленіи, какое мы воздаемъ прошлой культурѣ ислама» [1]). Какъ на поразительный образчикъ такого беззастѣнчиваго преувеличенія этой эпохи ислама, позволю сослаться на завѣренія того же г. Баязитова, который безъ всякаго смущенія завѣряетъ, что халифъ Хакимъ собралъ библіотеку въ 600.000 томовъ, что онъ

[1]) Вамбери: «Исламъ въ XIX вѣкѣ». «Знаніе» 1876 года, февраль, стр. 71—73.

прочиталъ всѣ книги этой своей библіотеки, одинъ каталогъ которой состоялъ изъ 44 томовъ, и оставилъ на каждой изъ книгъ свои замѣтки [1]).

Посмотримъ, каковы въ дѣйствительности заслуги этой такъ называемой арабской эпохи. Въ области математики, которая была всего болѣе любима арабами, принадлежитъ имъ всего больше заслугъ. Въ ариѳметикѣ, наприм., приписывалось имъ введеніе, вмѣсто прежней запутанной греческой, настоящей нумераціи, которую мы называемъ арабскою; но позднѣйшія открытія ясно и несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что нумерація эта не арабскаго, а индійскаго происхожденія, такъ какъ древнія надписи, найденныя въ Гузератѣ, содержатъ тѣ же цифры. Отсюда заслуга въ этомъ случаѣ арабовъ значительно уменьшается; они сообщили намъ заимствованную ими изъ Индіи готовую нумерацію, впрочемъ, немного видоизмѣнивъ ее. Другая полезная заслуга арабовъ въ области математики заключается во введеніи ими въ тригонометрическихъ вычисленіяхъ синуса, или полухорды, вмѣсто хорды самой дуги, какъ употребляли греки. Изъ открытій въ алгебрѣ имъ приписывается рѣшеніе уравненій второй степени. Что касается астрономіи, то арабы оказали въ этой области еще болѣе заслугъ; ими были провѣрены таблицы Птоломея; знаменитый астрономъ Ховаризми издалъ индійскія астрономическія таблицы; точно было опредѣлено наклоненіе эклиптики, и пр. и пр. Но арабскій астрономъ, какъ говоритъ Вильямъ Уэвелль, «былъ заботливый, но безсильный слуга, который умѣлъ сберечь порученное ему сокровище, но едва ли увеличить его». Хотя арабскіе астрономы и дѣлали тѣ или другія открытія, но у нихъ не было мужества вѣрить въ нихъ и смотрѣть на нихъ съ гордостью, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ были совершенно забыты и послѣ, спустя долгое время, вновь открыты европейскими астрономами. Кромѣ того арабы были не столько астрономами, сколько астрологами. Въ области же естествознанія арабы оказали менѣе заслугъ.

[1]) «Отношенія ислама къ наукѣ», стр. 9 и 14.

«Долго, говоритъ Вамбери, нужно перелистывать біографическіе словари какого-нибудь Ибнъ-Халликана Ташкепризаде или Кятиба Тсялеби, пока встрѣтишь тамъ естествоиспытателя». Въ этой области они не шли дальше Аристотеля. Единственная наука, открытіе которой арабы могутъ приписывать себѣ, это—химія, возникшая изъ попытокъ алхимиковъ найти философскій камень и элексиръ безсмертія. Занимаясь этими безплодными отысканіями, арабы, такъ сказать, нечаянно принесли пользу человѣчеству, натолкнувшись случайно на важныя химическія открытія. Знаменитымъ арабскимъ химикомъ считается Джафаръ, первый описавшій азотную кислоту и царскую водку. Наконецъ, что касается философіи, то нужно сказать, что ни одинъ народъ не былъ такъ плохо подготовленъ къ занятію ею, какъ арабы. Вотъ почему ничего новаго, ничего выдающагося не дала намъ арабская философія. Вся она ушла въ изученіе, или, лучше сказать, въ комментаторство греческой философіи и въ частности философіи Платона и Аристотеля, изъ которыхъ послѣдній особенно полюбился арабамъ. Они только, какъ говоритъ Уэвелль, увеличили собою обширное, но безполезное стадо комментаторовъ Аристотеля. «Арабы, говоритъ тотъ же англійскій ученый, не могутъ указать ни въ наукѣ, ни въ философіи именъ дѣйствительно великихъ; они не произвели ни людей, ни открытій, которые бы имѣли существенное вліяніе на ходъ и судьбу человѣческаго знанія; они покорно приняли то же умственное рабство, какое отличало покоренную ими націю; они сразу вошли въ тотъ рядъ невольниковъ, который везъ колесницу Аристотеля и Платона» [1]). Выставляемое мусульманскими историками огромное количество разныхъ ученыхъ, школъ, библіотекъ и прочихъ плодовъ и доказательствъ просвѣщенія той эпохи напоминаетъ мнѣ сильный цвѣтъ больнаго фруктоваго дерева. Всякому садоводу извѣстно, что весьма слабо привитыя фруктовыя

[1]) В. Уэвелль: «Исторія индуктивныхъ наукъ», перев. Антоновича и Пыпина. СПБ., 1867 г., т. I, стр. 348.

деревья часто сильно цвѣтутъ вслѣдствіе именно своей слабости. Результаты такого большаго цвѣта—тѣ же самые, что и результаты расцвѣта арабской эпохи.

Если этотъ расцвѣтъ мусульманскаго духа и принесъ какую-либо пользу, то прежде всего самому исламу. Придя въ соприкосновеніе,—позволю напомнить то, что̀ я писалъ въ самомъ началѣ своей первой статьи,—съ тогдашней азіатской и европейской цивилизаціей, исламъ обратилъ вниманіе на внутреннее свое содержаніе, результатомъ чего явился внутренній его ростъ, явилась систематическая обработка религіи. Исламъ заключился въ строго опредѣленную и законченную религіозно-политическую систему. Эта работа шла такъ успѣшно, что скоро все небогатое содержаніе ислама было исчерпано. Послѣ этого въ исламѣ явился застой, который такъ властно царитъ въ немъ и доселѣ. Для насъ же, европейцевъ, заслуги этой эпохи заключаются только въ томъ, что арабы сохранили науку «въ періодъ мрака и одичанія, такъ что Европа могла усвоить ее себѣ опять, когда прошли черные дни» [1]).

Я окончилъ разборъ отрицательныхъ сторонъ ислама. Теперь самъ собою напрашивается вопросъ: чѣмъ же исламъ привлекаетъ къ себѣ народы, среди которыхъ онъ и теперь распространяется съ большимъ успѣхомъ? въ чемъ заключается живучесть ислама? Прежде всего нужно отмѣтить тотъ знаменательный фактъ, что исламъ какъ въ прежнее время, такъ и теперь привлекаетъ къ себѣ только дикіе и полудикіе народы; народы же образованные, культурные никогда добровольно не принимали ислама. Если же встрѣчались и встрѣчаются между ними отдѣльныя личности, которыя переходятъ въ мусульманство, то такія единичныя явленія, какъ вытекающія изъ стремленія къ карьерѣ или къ наживѣ, или обусловливаемыя эксцентричностью такихъ ренегатовъ, соста-

---

[1]) Уэвелль, т. I, стр. 290.

вляютъ довольно рѣдкія исключенія въ общей массѣ народовъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить доказательствомъ, что исламъ можетъ считаться довольно высокою религіей даже для цивилизованныхъ людей. Не можетъ служить такимъ доказательствомъ даже бывшій депутатъ парижской палаты д-ръ Гренье, принявшій исламъ и исполнявшій всѣ предписываемые Кораномъ обряды, какъ наприм. омовенія и молитвы, даже въ самомъ зданіи палаты. Чудаки всегда были и будутъ на бѣломъ свѣтѣ. Привлекательность ислама для дикихъ и полудикихъ народовъ заключается въ слѣдующемъ. Религія эта слишкомъ проста въ своей догматической части, а потому и доступна для слабаго ума; не заключая въ себѣ никакихъ тайнъ, которыя бы требовали долгой думы и серьёзныхъ размышленій, она вполнѣ по плечу слабому, некультурному уму; она тѣмъ болѣе доступна его пониманію, что мусульманскіе миссіонеры, умѣющіе вполнѣ приноровиться, приспособиться къ своимъ дикимъ неофитамъ, стараются еще возможно болѣе упростить свое ученіе, ограничиваясь со стороны ихъ признаніемъ единства Божія и посланничества пророка Мухаммеда и исполненіемъ нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ обрядовъ, какъ наприм. обрѣзанія, омовенія, молитвы и поста. Никто такъ прекрасно не усвоилъ теоріи приспособленія къ окружающимъ обстоятельствамъ, какъ мусульманскіе миссіонеры, и никто такъ плодотворно для себя не умѣетъ ею пользоваться, какъ они. Ивпка же ислама такъ заманчива для дикаря, что она невольно привлекаетъ его къ этой религіи. Она не только не идетъ въ разрѣзъ съ его чувственными стремленіями, но даже освящаетъ ихъ: она разрѣшаетъ ему половую распущенность, месть ко врагамъ и ненависть ко всѣмъ иновѣрцамъ. Не требуя отъ него внутренней душевной борьбы съ самимъ собою, со своими страстями, не ставя ему никакого недосягаемаго образца для постояннаго нравственнаго совершенствованія, она весьма легко примиряетъ его съ окружающею жизнью и съ самимъ собою; или, говоря точнѣе: она не возбуждаетъ въ своемъ исповѣдникѣ недовольства собою, своимъ

внутреннимъ духовнымъ «я», своею нравственною личностью; а потому она, нисколько не тревожа людской совѣсти, быстро и легко даетъ человѣку миръ душевный; но, вслѣдствіе этого же самаго, она не развиваетъ его ни умственно, ни тѣмъ болѣе нравственно, а держитъ его на самой низшей ступени духовно-моральнаго развитія. Правда, она обязываетъ его быть справедливымъ, честнымъ, милосердымъ, любить ближнихъ, и пр. и пр.; но всѣ эти прекрасныя предписанія и требованія ограничиваются тѣснымъ кругомъ своихъ же единовѣрцевъ. Картина же будущаго рая, такъ мастерски исполненная Мухаммедомъ и подправленная его послѣдователями, уже окончательно привлекаетъ къ себѣ дикаря и полудикаря. Удобоисполнимость и слишкомъ большая практичность этой религіи, переходящая въ нѣкоторыхъ пунктахъ въ эвдемонизмъ и утилитаризмъ, усыпляютъ мусульманскія народныя массы и держатъ ихъ на низшей стадіи развитія; а фанатизмъ въ соединеніи съ фатализмомъ часто служатъ причиною политическаго роста мусульманскихъ обществъ и государствъ и дѣлаютъ ихъ крайне опасными для христіанской Европы и ея цивилизаціи. Итакъ вотъ чѣмъ живетъ исламъ до сего времени, вотъ въ чемъ заключается его притягательная сила. Съ доброю половиною всѣхъ этихъ моихъ разсужденій согласенъ даже такой мусульманинъ, какъ г. Агаевъ, который на страницахъ «Каспія» говоритъ между прочимъ слѣдующее: «простота и общедоступность догматовъ, небольшая требовательность и умѣренная идеальность, такъ кстати приноровленная къ натурѣ примитивныхъ африканцевъ, сдѣлали изъ ислама, въ связи съ общею ненавистью къ Европѣ и при содѣйствіи этихъ добровольныхъ проповѣдниковъ или дан, континентальную религію Африки». Вотъ ужъ, что называется, проговорился г. Агаевъ! Невзыскательна же эта идеальность религіи, которая такъ кстати приноровлена къ африканскимъ дикарямъ! На основаніи этого я никакъ не могу согласиться съ нашимъ покойнымъ философомъ Вл. С. Соловьевымъ, который утверждаетъ, что между языческою чувственностью (медъ)

и христіанскою духовностью (вино) исламъ есть здоровое и трезвое молоко. Крайне жаль, что такой крупный умъ и такая возвышенная нравственная личность, какъ Вл. С. Соловьевъ, по мѣстамъ неосновательно увлекался исламомъ и его основателемъ.

Выводъ изъ всего моего изслѣдованія одинъ непреложный—тотъ, что исламъ не можетъ быть почвою не только обрусенія нашихъ мусульманъ, но и простаго сближенія ихъ съ русскими. Вотъ одна изъ тѣхъ причинъ, по которымъ не можетъ быть принятъ и осуществленъ нами, русскими, предложенный нашими мусульманами и поддержанный нѣкоторыми изъ русскихъ, и даже однимъ педагогомъ, проектъ устройства образованія русскихъ мусульманъ. Гг. Гаспринскимъ, Мурза-Алимамъ, Девлетъ-Кильдѣевымъ, Атаулъ-Баязитовымъ, Агаевымъ и пр. болѣе простительно морочить русскую публику высотою своего ислама и навязывать намъ то, что̀ для нихъ выгодно, а для насъ вредно; но русскому педагогу г. Семенову и русскому редактору г. Ядринцеву не извинительно плѣняться высотою ислама и даже чуть не арабской грамматики и поддерживать въ печати и во вліятельныхъ сферахъ то дѣло мусульманское, которое идетъ въ полный разрѣзъ съ нашими коренными русскими интересами. «Все это было бы только смѣшно, если бы не было такъ грустно».

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

Положеніе инородцевъ въ Сибири.

Съ самаго начала своей исторической жизни славяне были окружены разными инородцами, съ которыми они, смотря по мѣсту и обстоятельствамъ, находились въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ. Каковы были эти отношенія въ прежнее время, уже достаточно было писано, и это не входитъ въ мою задачу. Результатомъ этихъ отношеній было или сліяніе инородцевъ съ господствующимъ племенемъ русскихъ, обрусеніе ихъ, или удаленіе ихъ въ глубь страны, на холодный сѣверъ и далекій востокъ. Но русскій народъ, пріобщивши къ своему національному тѣлу переднія колонны инородцевъ, шелъ, увлекаясь тѣми или другими обстоятельствами, по пятамъ за остальными, чему особенно способствовалъ равнинный характеръ нашего отечества. Однѣ изъ инородческихъ земель, какъ наприм. всю громадную Сибирь, вплоть до береговъ Великаго океана и даже далѣе, онъ присоединилъ, гоняясь большею частью за пушнымъ звѣремъ и другими естественными богатствами, посредствомъ торгово-промышленной колонизаціи; другія, какъ наприм. Кавказъ, Киргизскую степь, Туркестанъ и Закаспійскій край, онъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ, желая умиротворенія своихъ границъ, посредствомъ правильныхъ войнъ. Отсюда въ первыхъ мѣстностяхъ преобладающимъ элементомъ населенія явились на первыхъ порахъ торговцы и промышленники, а во вторыхъ—военные и чиновные люди.

Отсюда задачи тѣхъ и другихъ не одинаковы: первые преслѣдовали свои коммерческіе интересы и стремились къ быстрой и легкой наживѣ, между тѣмъ какъ вторые имѣли и имѣютъ въ виду умиротвореніе нашихъ границъ и организаторскія, цивилизаторскія цѣли. Отсюда, само собою понятно, сообразно такому ходу нашего поступательнаго движенія, и отношенія русскихъ къ инородцамъ въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ были не одинаковы, смотря по характеру и стремленіямъ русскаго населенія.

Разсмотримъ прежде всего, въ какомъ положеніи находятся наши инородцы въ Сибири, которая почти вся была присоединена къ Россіи путемъ торгово-промышленной колонизаціи. Въ настоящемъ своемъ составѣ Сибирь занимаетъ громаднѣйшее пространство въ 246.771,39 кв. миль, или въ 11.942.746,3 кв. верстъ. Этотъ громадный край равенъ своею величиною 1543 Черногоріямъ, 274 Сербіямъ, 211 Грецiямъ, 47 Италіямъ, 26 Франціямъ, 25 Германіямъ и даже превосходитъ всю Европу въ 1,5 раза. Но количество народонаселенія этого края далеко не соотвѣтствуетъ величинѣ его; по переписи 28 января 1897 года, оно равняется 7.091.244 человѣкъ обоего пола. Въ среднемъ плотность населенія въ Сибири опредѣляется въ 28,8 чел. на 1 кв. милю, или въ 0,6 челов. на 1 кв. версту. Нижеслѣдующая таблица наглядно покажетъ составъ Сибири, пространство ея, численность населенія и степень плотности его.

	Пространство.		Численность населенія (об. пола).	Плотность населенія.	
	Квадр. милп.	Квадр. версты.		На 1 кв. мил.	На 1 кв. вер.
Въ Тобольской губ. .	25.377,77	1.228.154,4	1.438.484	56,7	1,2
» Томской » .	15.572,46	753.647,4	1.929.092	123,3	2,6
» Акмолинской обл.	10.797,20	522.541,8	678.957	62,9	1,3
» Семипалатинской.	8.682,12	420.180,3	685.197	79,5	1,4
Итого въ Зап. Сибири	60.429,55	2.924.523,4	4.731.730	78,3	1,6

	Пространство.		Численность населенія (об. пола).	Плотность населенія.	
	Квадр. милн.	Квадр. версты.		На 1 кв. мил.	На 1 кв. вер.
Въ Иркутской губерн.	13.498,80	653.290,6	506.517	37,5	0,8
» Енисейской »	46.421,61	2.246.627,2	559.902	12,0	0,3
» Якутской области.	72.106,77	3.489.690,3	261.731	3,6	0,1
Итого въ Вост. Сибири	132.027,18	6.389.608,1	1.328,150	10,0	0,2
Въ Забайкальской обл.	11.138,55	539.061,7	664.071	59,6	1,3
» Амурской »	8.128,09	393,366,6	118.570	14,6	0,3
» Приморской »	33.668,53	1.629.424,0	220.557	6,5	0,1
» Сахалинскомъ отд.	1.379,49	66.762,0	28.166	20,0	0,4
Итого въ Пріамурьѣ .	54.314,66	2.628.614,3	1.031.364	19,0	0,4
А всего въ Сибири. .	246.771,39	11.942.746,3	7.091.244	28,8	0,6

Въ отношеніи густоты населенія разныя части Сибири представляются въ слѣдующемъ порядкѣ: Томская губернія, Семипалатинская, Акмолинская и Забайкальская области, Тобольская и Иркутская губерніи, Сахалинъ, Амурская, Енисейская, Приморская и Якутская области. Сѣверо-западная часть Сибири представляетъ изъ себя громадную равнину и даже низменность, не превышающую въ западной части 400 ф. надъ уровнемъ моря. Вся юговосточная часть гориста; при чемъ горный массивъ постепенно понижается къ сѣверо-востоку, вплоть до окончанія материка у Берингова пролива. Прекрасная и весьма живописная на юго-западѣ Алтайская горная страна достигаетъ въ отдѣльныхъ своихъ вершинахъ 11.500 ф. (гора Бѣлуха); громадный въ серединѣ Саянскій хребетъ достигаетъ въ наивысшихъ своихъ точкахъ еще 11.430 ф. (Мунку-Сардыкъ); но длинный на сѣверо-востокѣ Становой или Яблоновый хребетъ уже не превосходитъ 7. 000 ф.;

при переходѣ же въ Камчатку горы поднимаются выше и достигаютъ 15.763 ф. (Ключевская сопка). Отъ главнаго горнаго массива, который все болѣе съуживаетъ сибирскую низменность къ сѣверо-востоку, идутъ второстепенные отроги внутрь страны. Орошеніе этого громаднаго края весьма обильно; здѣсь, не считая множества незначительныхъ рѣкъ, протекаютъ такіе водные исполины, какъ Обь съ Иртышемъ, Енисей съ Ангарою и даже Селенгою, Лена съ Алданомъ и Амуръ съ Шилкою и Аргунью. Эти рѣчные исполины замѣчательны какъ по своей длинѣ, такъ и по сложности и обширности своихъ системъ и бассейновъ. Къ сожалѣнію, почти всѣ эти рѣки, за исключеніемъ Амура, направляясь на сѣверъ, протекаютъ своими полноводными, наиболѣе удобными для судоходства частями по необитаемымъ полярнымъ странамъ и имѣютъ весьма неудобный выходъ, такъ какъ Сѣверный ледовитый океанъ у береговъ Азіи крайне негостепріименъ по причинѣ скопленія громаднаго количества льдовъ въ продолженіе почти всего года. Хотя отважный мореплаватель бар. Норденшильдъ, по мысли и настоянію нашего энергичнаго Сидорова, благополучно прошелъ въ 1878 году чрезъ весь ледовитый океанъ у береговъ Азіи и вернулся въ Европу, обогнувъ Азію, но этою своею экспедиціей онъ успѣлъ доказать только то, что, при стеченіи особенно благопріятныхъ обстоятельствъ, всю эту часть крайне негостепріимнаго океана иногда можно пройти въ одинъ конецъ въ теченіе здѣшняго весьма короткаго лѣта. Не смотря на эту блестящую экспедицію, нельзя надѣяться, чтобы здѣсь когда-нибудь развились обширныя торговыя сношенія. Гораздо больше надеждъ въ этомъ отношеніи можно возлагать на полноводный и вполнѣ судоходный Амуръ, который, при общемъ своемъ направленіи на востокъ, служитъ продолженіемъ историческаго сибирскаго тракта. Но въ настоящее время всѣ наши стратегическія и финансово-экономическія упованія сосредоточены на строющейся Великой Сибирской желѣзной дорогѣ, которая будетъ свидѣтельствовать о нашихъ колоссальныхъ успѣхахъ не только

въ области техники, но и въ области всемірно-торговыхъ сношеній. — Въ отношеніи осѣдлости и культуры нашъ географъ П. П. Семеновъ раздѣляетъ всю Сибирь на слѣдующія три полосы: а) самая южная, культурно-земледѣльческая, вполнѣ пригодна для земледѣльческой, осѣдлой колонизаціи, б) слѣдующая затѣмъ полоса высокоствольныхъ лѣсовъ годна для лѣсныхъ промысловъ и спорадическаго земледѣлія и в) самая сѣверная, полярно-тундровая, гдѣ осѣдлая жизнь уже невозможна и гдѣ можно заниматься только оленеводствомъ и кое-какими промыслами. Всѣ эти три полосы довольно рѣзко различаются между собою въ климатическомъ отношеніи. Въ то время, какъ средняя температура лѣта въ культурно-земледѣльческой полосѣ отъ+16,5° до +17,5°, въ тундровой полосѣ +13° и даже только +5°, какъ наприм. въ Енисейской губерніи. Средняя температура зимы въ первой изъ этихъ полосъ отъ —17° до —18°, въ тундровой полосѣ —21°, —30° и даже —47°. Средняя температура всего года въ первой полосѣ 0°, а въ послѣдней —5°, —13° и даже, ближе къ сѣверо-востоку, въ Якутской области —17°. Суровость вполнѣ континентальнаго климата Сибири особенно наглядно доказывается разностью среднихъ температуръ самаго теплаго и самаго холоднаго мѣсяцевъ: въ культурно-земледѣльческой полосѣ разность эта равняется 37,5°, между тѣмъ какъ въ полярномъ поясѣ она доходитъ даже до 64°; средняя температура 5-мѣсячнаго растительнаго періода равна въ первой +14 и +15°, а въ послѣднемъ +9° (въ Березовѣ) и даже +3° (въ Устьянскѣ, Якутской области). Изъ растительныхъ богатствъ особеннаго вниманія заслуживаютъ громадные, непроходимые высокоствольные лѣса, носящіе названіе «урманъ» и «тайга» и состоящіе изъ ели, пихты, лиственницы, сосны и кедра. Къ сожалѣнію, и здѣсь хищническое истребленіе лѣсовъ уже даетъ себя чувствовать значительнымъ ухудшеніемъ климата страны и побуждаетъ насъ къ принятію серьезныхъ мѣръ по лѣсоохраненію. Прежнее богатство пушными звѣрями также начинаетъ отходить въ Сибири, особенно въ Западной, въ область

воспоминаній, а потому и охотничьи промыслы все болѣе сокращаются; изъ нихъ наиболѣе успѣшны въ настоящее время бѣличій промыселъ на материкѣ и котиковый на островахъ Охотскаго моря. Всего болѣе заслуживаютъ вниманія горныя богатства Сибири, особенно же золотыя розсыпи, которыхъ весьма много въ Восточной Сибири, гдѣ добывается золота въ 10 разъ больше, чѣмъ въ Западной. «Въ общемъ итогѣ для всей Сибири, говоритъ г. Кауфманъ, золотопромышленность, начиная съ 1882 года, даетъ въ годъ отъ 1.470 до 2.000 пудовъ, отъ 69 до 78% всего золота, добываемаго въ Россійской Имперіи; въ частности въ Западной Сибири добыча золота непрерывно ростетъ (съ 127 пуд. въ 1882 г. до 182 пуд. въ 1893 г.); въ Восточной она составляла въ 1883 году 1.623 пуд., къ 1888 г. упала до 1.326 п., а затѣмъ опять начала расти и къ 1893 г. достигла 1.822 п.». Самыми удобными мѣстами для человѣческихъ поселеній и въ томъ числѣ для русскихъ оказывается, конечно, культурно-земледѣльческая полоса, гдѣ плотность населенія простирается отъ 80 человѣкъ на 1 кв. милю въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ и доходитъ до 235 человѣкъ въ Западной Сибири. Въ полосѣ высокоствольныхъ лѣсовъ густота населенія не превышаетъ 6 человѣкъ на 1 кв. милю въ Якутской области и 15 человѣкъ въ Западной Сибири; и наконецъ, въ полярно-тундровой полосѣ 0,3—0,6 человѣка на востокѣ и 4 человѣка на 1 кв. м. на западѣ Сибири.

Всего населенія въ описываемой странѣ, какъ уже сказано выше, болѣе 7 милл. человѣкъ; въ томъ числѣ—русскихъ 5 милл., или 71%, и инородцевъ—болѣе 2 милл., или 29%.—Колонизація Сибири русскими людьми совершалась, какъ извѣстно, двоякимъ путемъ: правительственнымъ и вольно-народнымъ. Для удержанія новопокоренной страны въ повиновеніи правительство въ разныхъ пунктахъ Сибири строило остроги, крѣпости, форты, которые заселялись разнымъ сбродомъ военныхъ людей и земледѣльцевъ; одни изъ этихъ пунктовъ впослѣдствіи развились въ города и селенія, другіе же, вслѣдствіе неудачности выбора мѣста, заглохли и оставлены. По

пятамъ этой колонизаціи, а иногда и далеко опережая ее, шелъ вольный людъ—звѣроловы, рыбопромышленники, золотоискатели, земледѣльцы и пр., которые разсыпались по разнымъ, иногда весьма глухимъ угламъ Сибири. Къ этому нужно прибавить еще ссылку сюда разнаго рода преступныхъ, порочныхъ людей, которая, начавшись съ XVI столѣтія, достигла своего наивысшаго развитія въ послѣднее время. Впрочемъ, нужно замѣтить, эта ссылка не только не оправдала тѣхъ надеждъ, какія возлагало на нее правительство, но принесла большое зло сибирскому населенію. Нравственно-испорченная часть населенія европейской Россіи оказалась весьма плохою колонизаціонною силою, такъ какъ значительная часть этихъ ссыльныхъ дѣлалась бродягами, оставалась бездомовниками или, по отбытіи срока наказанія, возвращалась обратно на родину. Главная волна русскаго колонизаціоннаго движенія шла и подвигалась густою массою тамъ, гдѣ было больше жизненныхъ удобствъ, а именно по культурно-земледѣльческой полосѣ и вдоль богатыхъ сибирскихъ рѣкъ. Отсюда, гоняясь за тѣмъ или другимъ богатствомъ, русскій народъ проникалъ и въ стороны, въ полосы спорадическаго земледѣлія, лѣсистыя мѣстности и даже въ тундры, образуя въ разныхъ мѣстахъ чрезполосныя русскія заимки, островки, вкрапленные между туземнымъ, инородческимъ населеніемъ. «Удивительною, говоритъ г. Разумовъ, представляется способность русскаго народа проникать въ глубь инородческихъ кочевьевъ, разселяться въ предѣлахъ ихъ, дробя линіями своихъ поселковъ племена на мелкія части и дѣлая тѣмъ самымъ инородческое населеніе болѣе воспріимчивымъ къ постепенному обрусенію» [1]). Русское населеніе, какъ болѣе культурное, энергичное и предпріимчивое и какъ болѣе выносливое и стойкое въ борьбѣ съ окружающими обстоятельствами и соперниками, частію вытѣснило туземныя племена, какъ болѣе дикія въ культурномъ отношеніи и слабыя по своей физической и духовной организаціи, съ

[1]) «Забайкалье». СПБ., 1899 г., стр. 42—43.

лучшихъ насиженныхъ мѣстъ дальше на сѣверъ и сѣверо-востокъ, частію же, подчинивъ себѣ, своему культурному вліянію болѣе податливыхъ и менѣе устойчивыхъ изъ нихъ, ассимилировало ихъ съ собою. Результатомъ этого поступательнаго движенія русскихъ въ глубь Сибири явилось, съ одной стороны, то, что всѣ лучшія мѣста въ отношеніи земледѣльческой культуры оказались занятыми русскими, явилось по мѣстамъ обездоленіе сибирскихъ инородцевъ земельными и всякими другими жизненными угодьями, а съ другой—сліяніе туземцевъ съ русскими; при чемъ въ большей части случаевъ, и при томъ главнымъ образомъ—въ Западной Сибири, этотъ въ высшей степени сложный и весьма долгій этническій процессъ завершился полною ассимиляціею туземцевъ съ русскими, обрусеніемъ ихъ, что̀ составляетъ торжество русскаго народа надъ сибирскими инородцами. Растворяясь въ русской народности, сибирскіе дикари и полудикари пріобщаются чрезъ это самое христіанской культурѣ и вступаютъ въ число культурныхъ народовъ. Но, къ великому сожалѣнію, далеко не во многихъ мѣстахъ русская народность достигла такихъ блестящихъ результатовъ; всего менѣе она сдѣлала такихъ успѣховъ въ Восточной Сибири, гдѣ встрѣтила довольно сильный отпоръ своему вліянію въ лицѣ бурятъ и якутовъ, наиболѣе тѣсно и при томъ на громадномъ пространствѣ сплоченныхъ между собою, весьма стойкихъ въ своей племенной организаціи. Эти два сибирскихъ туземныхъ племени образуютъ изъ себя какъ-бы твердую плотину, о которую ударилась русская волна и которую пока не можетъ окончательно сломить; слабыя пробоины въ этой плотинѣ замѣчаются то здѣсь, то тамъ, и русское вліяніе начинаетъ понемногу сказываться здѣсь, перебрасываясь иногда и чрезъ нее; но въ общемъ плотина эта весьма крѣпка, и русская волна все еще оказывается безсильною здѣсь.

Не много расъ, человѣческихъ племенъ можно указать, которыя были бы вполнѣ, всегда и вездѣ стойки въ своихъ убѣжденіяхъ, языкѣ, привычкахъ, нравахъ, обычаяхъ, образѣ жизни, словомъ во всемъ томъ, что̀ назы-

вается «національностью». Только китайцы и евреи, нѣмцы и англичане всегда и вездѣ остаются вѣрными себѣ. Куда бы ни забросила судьба человѣка этихъ націй, онъ вездѣ остается однимъ и тѣмъ же, вѣрнымъ своей національности; онъ не поступится даже какою-либо пустою привычкою. Эти народы весьма устойчивы. Не таково наше славянское племя. Оно характеризуется между прочимъ тѣмъ, что менѣе другихъ одержимо узкою національною исключительностью и въ высшей степени способно примѣняться къ другимъ племенамъ, близко сходиться, дружиться съ ними, воспринимать въ себя чуждые элементы и претворять ихъ безъ всякаго насилія въ свою плоть и кровь. Эта наша отличительная черта засвидѣтельствована всѣми и не отрицается даже нашими врагами. При благопріятныхъ условіяхъ эта способность русскаго народа сопровождается добрымъ результатомъ—сближеніемъ съ инородцами, обрусеніемъ ихъ; при неблагопріятныхъ же условіяхъ она ставитъ русскаго человѣка въ весьма невыгодное положеніе по отношенію къ окружающимъ его въ большомъ количествѣ инородцамъ. Значительная экономическая и гражданская необезпеченность, его бѣднота и произволъ властей, умственное невѣжество и нравственная неразвитость, отсутствіе поддержки и разумнаго руководства, и пр. и пр., ставятъ русскаго мужика на нашихъ далекихъ окраинахъ, гдѣ онъ окруженъ подавляющимъ большинствомъ другихъ народностей и гдѣ онъ, по недостатку своихъ женщинъ, вступаетъ въ брачную связь съ инородками, въ такое положеніе, которое поневолѣ побуждаетъ его усваивать, хотя чуждую, но до крайности простую, несложную и дешевую жизненную обстановку инородца, а вмѣстѣ съ этимъ—обычаи, языкъ и даже вѣру его. По пословицѣ, нашъ русскій мужикъ «съ волками живетъ, по-волчьи и воетъ». «Русскій человѣкъ, пишетъ г. Буцинскій, легко оріентируется въ каждой новой мѣстности, умѣетъ приспособиться ко всякой природѣ, способенъ перенести всякій климатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣетъ ужиться со всякою народностью, будь то самоѣды, остяки, вогулы, татары или нѣмцы; благодаря этой способности,

онъ быстро превращаетъ въ свою плоть и кровь всякихъ сибирскихъ инородцевъ, хотя, конечно, и самъ не вполнѣ остается тѣмъ, чѣмъ былъ до переселенія въ Сибирь».

Прежде всего, подъ вліяніемъ всѣхъ указанныхъ сложныхъ, сильно и долго дѣйствовавшихъ причинъ, измѣнился вообще типъ русскаго сибиряка. Этотъ типъ здѣсь крайне разнообразится въ зависимости отъ мѣстожительства, или, лучше сказать, отъ сосѣдства съ тѣмъ или другимъ инородческимъ племенемъ, и отъ продолжительности времени этого сосѣдства: отъ чистаго русскаго типа новосела эти уклоненія постепенно идутъ въ разныя стороны и переходятъ въ тотъ или другой инородческій типъ. Прослѣдить всѣ эти постепенные переходы отъ инородца къ русскому представляется въ высшей степени затруднительнымъ и для моей цѣли излишнимъ. Я остановлюсь только на типѣ русскаго сибиряка вообще и такъ называемой «смѣшицѣ», гдѣ русскій очень близко подошелъ къ туземцу.

Русскій сибирякъ весьма рѣзко отличается отъ своего брата въ европейской Россіи и по внѣшнему своему физическому типу. Онъ невысокаго, а по мѣстамъ даже низкаго роста, сухощавъ, смуглъ и черноволосъ; борода короткая и рѣдкая. По свидѣтельству Щапова, слова: «черномазый, карымъ или карымочка» (метисы) употребляются въ смыслѣ ласкательныхъ, а «краснорожій» въ смыслѣ «безобразный». Въ Восточной же Сибири физическій типъ русскаго еще болѣе потерпѣлъ измѣненій и близко подошелъ къ бурятскому; здѣшній мужикъ, какъ говорятъ на мѣстѣ, «брацковатъ». При этомъ замѣчу кстати, что мѣстные старообрядцы, такъ называемые «семейскіе», вслѣдствіе своей изолированности, очень стойко удерживаютъ свой типъ. Въ духовномъ отношеніи русскій сибирякъ характеризуется слѣдующими чертами: у него развита холодно-разсудочная дѣятельность въ ущербъ чувствованіямъ сердца; онъ всегда былъ узкимъ утилитаристомъ, своекорыстно-разсчетливымъ хозяиномъ, а гдѣ представляется случай,—и хитрымъ эксплуататоромъ, и никогда несклоненъ къ нѣжнымъ, гуманнымъ чувствова-

ніямъ, а тѣмъ болѣе къ мистическому или идеалистическому настроенію; къ религіи онъ крайне индифферентенъ, но въ то же время усвоилъ себѣ множество предразсудковъ и суевѣрій отъ разныхъ инородцевъ, съ которыми живетъ; языкъ свой испортилъ введеніемъ въ него не только отдѣльныхъ словъ, но и цѣлыхъ выраженій, заимствованныхъ отъ тѣхъ же сосѣдей; поэтическое чувство ему чуждо: старыхъ русскихъ пѣсенъ онъ не поетъ, потому что забылъ, а новыхъ своихъ не сложилъ («безголосый»); вмѣстѣ съ тѣмъ онъ грубъ, дерзокъ, но при видѣ силы—трусъ; сытость породила въ немъ праздность, лѣность и жажду легкой наживы. Къ числу положительныхъ его качествъ относятся сознаніе своего собственнаго достоинства и правъ своей личности, самостоятельность и независимость, смѣтливость и предпріимчивость. Изслѣдователи Сибири съ наиболѣе пессимистическими взглядами, какъ наприм. г. Астыревъ и др., рисуя типъ русскаго сибиряка, еще болѣе сгущаютъ мрачныя краски. Само собою понятно, что такое русское населеніе не всегда являлось здѣсь носителемъ и лучшимъ выразителемъ крѣпкаго національнаго духа.

Въ мѣстахъ же наиболѣе глухихъ или тамъ, гдѣ инородцы отличаются наибольшею устойчивостью, русскій человѣкъ, подъ вліяніемъ вышеозначенныхъ неблагопріятныхъ условій, постепенно понижаясь и приближаясь къ туземцу, упалъ не только духомъ, но и тѣломъ, выродившись въ инородца духовно и физически, и даже по мѣстамъ окончательно уронилъ свое имя и свое русское дѣло. Такихъ выродковъ изъ русскихъ въ Сибири даже не называютъ ни русскими, ни тѣми или другими туземцами; ихъ весьма удачно называютъ «мѣшицею», «мѣшаниною» (помѣсью). Типы этой «мѣшицы» также весьма разнообразны; для моей цѣли, чтобы показать, насколько низко по мѣстамъ уронилъ въ Сибири свое дѣло русскій человѣкъ, достаточно прослѣдить разные крайніе типы этого паденія. Оказывается, съ кѣмъ бы, съ какимъ бы инородческимъ племенемъ ни сталкивался русскій человѣкъ въ нашей далекой Сибири и даже,—

отмѣчу кстати,—въ другихъ мѣстахъ, съ татариномъ, киргизомъ, бурятомъ, якутомъ и пр., вездѣ онъ, при неблагопріятныхъ условіяхъ, подпадаетъ подъ сильное вліяніе послѣднихъ и, говоря вообще, «объинородчивается» [1]).

Прежде всего русскіе «отатарились». Всѣмъ извѣстно, какое сильное вліяніе оказалъ на насъ этотъ народъ еще во время долговременнаго господства надъ нами. Татары, крѣпко сплоченные своимъ исламомъ, обладаютъ замѣчательною ассимиляціонною силою, которой невольно поддаются даже такія крѣпкія народности, какъ, во-первыхъ, армяне въ Закавказьѣ, которые усвоили себѣ слишкомъ много изъ татарскаго быта, міровоззрѣнія и жизненной обстановки до пѣсенъ и языка (безъ оставленія своего) включительно, и во-вторыхъ—греки въ Крыму, которые окончательно отатарились. Г. Гаспринскій совершенно вѣрно утверждаетъ, что въ Поволжьѣ, Крыму и на Кавказѣ русскіе перенимаютъ отъ татаръ языкъ, безъ оставленія, конечно, своего, обычаи, повѣрья и одежду. Русскія деревни даже въ Крыму отличаются отъ татарскихъ только тѣмъ, что тамъ церковь, а здѣсь мечеть. Въ Сибири же русскаго мужика трудно отличить отъ татарина по внѣшнему виду.

Живя съ киргизами, русскіе «окиргизились». По свидѣтельству одного документа 1764 г., какъ русскіе плѣнныхъ киргизовъ крестили, такъ киргизы русскихъ обасурманивали [2]); бѣглые солдаты, по свидѣтельству одного рапорта 1748 г., принимали киргизскую вѣру и стада овечьи пасли [3]). Нѣчто подобное встрѣчается и въ Семирѣчьѣ, гдѣ попадаются иногда крестьяне и казаки, усвоившіе себѣ киргизскіе обычаи, одежду и языкъ, въ замѣнъ своего роднаго; особенно сильно замѣтно это на новомъ подростающемъ поколѣніи. Здѣсь, въ Семирѣчьѣ, былъ даже такой случай, что въ одномъ изъ отдаленныхъ

---

[1]) Всѣ эти иллюстраціи не новы; но я желаю обратить на нихъ серьёзное вниманіе общества и всѣхъ тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ.

[2]) «Матеріалы для исторіи Сибири», стр. 152.

[3]) Ядринцевъ: «Сибирь, какъ колонія», стр. 33.

уѣздовъ было однажды найдено цѣлое русское селеніе, которое платило дань киргизскому хану около двухъ лѣтъ. Г. Потанинъ, нашъ извѣстный знатокъ Востока, сообщаетъ о нашихъ казакахъ, живущихъ по р. Иртышу, слѣдующіе курьёзы. «Почти все населеніе, пишетъ онъ, говоритъ киргизскимъ языкомъ, нерѣдко предпочитая его легкости ради родному языку... Не только простыя казачки, но и казачки-барышни болтаютъ здѣсь по-киргизски;.... между здѣшними казаками встрѣчаются лица, которыя обстоятельнѣе разсказываютъ дѣло на киргизскомъ, чѣмъ на русскомъ языкѣ. Разсказываютъ анекдоты о станичныхъ начальникахъ, которые въ своихъ рапортахъ сбиваются съ русскаго языка и оканчиваютъ доклады на киргизскомъ... Киргизскія привычки простираются и на одежду, и на пищу казаковъ. Подобно кочевнику, иртышскій казакъ любитъ носить плисовые шаровары, халатъ изъ бухарской парчи или саранджи и лисью шапку, называемую по-киргизски борыкъ. Иртышскій казакъ—страстный охотникъ до киргизскихъ національныхъ блюдъ. Онъ ѣстъ наравнѣ съ киргизомъ конину и казы (колбасы изъ конскаго мяса) и не уступаетъ ему въ способности выпить турсукъ кумыса. Есть старые казаки, которые колютъ собственныхъ лошадей на ѣду. Кромѣ этихъ внѣшнихъ чертъ, иртышскіе казаки заимствуютъ отъ киргизовъ многіе предразсудки, понятія и убѣжденія» [1]).

Въ мѣстностяхъ, занятыхъ самоѣдами и остяками, русскіе «осамоѣдились и обостячились». Русскіе жители Обдорска въ своемъ образѣ жизни, даже въ способѣ питанія уподобились туземнымъ остякамъ и самоѣдамъ. Извѣстный Кастренъ, посѣтившій въ 40-хъ годахъ Обдорскъ, былъ пораженъ слѣдующею картиною въ семьѣ одного мѣщанина, переселившагося сюда изъ Тобольска: вся семья его сидѣла на полу и пожирала сырую рыбу, которую самъ хозяинъ дома разрѣзывалъ на части. Обра-

---

[1]) Потанинъ: «Сибирскіе казаки», въ «Живописной Россіи» т. II, стр. 111—112.

зованнѣйшій житель города (мелкій чиновникъ) хвалился Кастрену тѣмъ, что въ теченіе цѣлаго полугода онъ ѣлъ одно сырое мясо. Одежда у русскихъ здѣсь такая же, какъ у самоѣдовъ и остяковъ. Въ Сургутскомъ краѣ, по свидѣтельству г. Швецова, значительная часть русскихъ также обостячилась. «Низкій ростъ, приземистость и невзрачность всей фигуры, напоминающей скорѣе медвѣдя, чѣмъ представителя кавказской расы,—вотъ, говоритъ онъ, физическія особенности, свойственныя всему населенію. Черты лица сургутянина неправильны и рѣзки; развитыя скулы, широкій, некрасивый ротъ, узкіе глаза безъ выраженія, или, пожалуй, съ выраженіемъ придурковатости—все это дѣлаетъ его видъ не особенно привлекательнымъ, не говоря уже о грязи, толстымъ слоемъ покрывающей голову, лицо и руки многихъ изъ нихъ» [1]). Въ низовьяхъ Енисея русскіе придерживаются даже нѣкоторыхъ инородческихъ суевѣрій: за образами, наприм., на божницахъ держатъ инородческихъ истуканчиковъ и занимаются вмѣстѣ съ инородцами шаманствомъ. На низу Енисея и за тундрою русскіе почти вовсе не употребляютъ русскаго языка, а говорятъ на мѣстныхъ инородческихъ языкахъ—якутскомъ, самоѣдскомъ и тунгузскомъ. Наконецъ, самый выговоръ нѣкоторыхъ звуковъ и тонъ разговора или повышенія и пониженія голоса въ рѣчи, характеръ вокализаціи у русскихъ, туруханскихъ уроженцевъ, отличаются почти тѣми же особенностями, какъ и у остяковъ. Наприм., подобно остякамъ они, вмѣсто буквъ *ч*, *ш*, *ж* и *р*, выговариваютъ *с*, *з* и *л* или *рл* и т. п.: «поселъ осень больсой доздь; въ изобѣ сыпко зарко; бѣдняски худо зивутъ; мѣрлой альсинъ» и т. п. [2]).

Живя съ тунгузами, русскіе «отунгузиваются»; живя даже съ юкагирами, русскіе «объюкагириваются».

Столкнувшись съ якутами, русскіе «объякутились». Они имѣютъ смуглый цвѣтъ кожи, черные жесткіе во-

---

[1]) «Русская народность въ Сибири», Пыпина. См. «Вѣстникъ Европы» 1892 г., № 1, стр. 296.

[2]) Ядринцевъ: «Сибирь, какъ колонія», стр. 34—35.

лосы, узкіе, косые глаза и выдающіяся скулы. Многіе изъ русскихъ, женившись на якуткахъ, совершенно объякутились, забыли свой родной языкъ и усвоили все якутское. Въ г. Якутскѣ даже въ интеллигентномъ обществѣ якутскій языкъ играетъ такую же роль, какъ французскій въ нашихъ столицахъ. «Это общество, говоритъ Врангель, крайне поразило меня на одномъ блестящемъ праздничномъ обѣдѣ, который давалъ богатѣйшій изъ здѣшнихъ торговцевъ мѣхами въ именины своей жены. Общество состояло изъ областнаго начальства, почетнѣйшаго духовенства, чиновниковъ и нѣкотораго числа купцовъ; но большая часть разговоровъ была такъ испещрена фразами изъ якутскаго языка, что я, по незнанію его, принималъ въ бесѣдѣ весьма слабое участіе» [1]). Окрестное же русское начальство знаетъ свой языкъ плохо и говоритъ по-якутски. Въ свой родной языкъ русскіе внесли здѣсь очень много якутскихъ словъ и цѣлыхъ выраженій, и такимъ образомъ исковеркали его. Вотъ какъ, наприм., русскіе жители Якутска уродуютъ свой языкъ: «я нынче насадилъ много щей (вмѣсто капусты)»; «надо купить саженей да крупчатаго провіанту (вм. дровъ и муки)»; вм. «много» говорятъ «дивно», вм. «тяжело»—«азойно»; «сдѣлается»—«доспѣется» и пр.

Въ сосѣдствѣ съ бурятами русскіе «обурятились». Фактъ этотъ уже давно констатированъ д-ромъ Шперкомъ, Щаповымъ, Шашковымъ и пр. Прежде всего вліяніе бурята отражается на самой внѣшности русскихъ, которые имѣютъ въ Забайкальѣ смуглый цвѣтъ лица, нѣсколько выдавшіяся скулы, косой прорѣзъ глазъ и средній ростъ при коренастомъ сложеніи. Бурятскій языкъ усвоенъ русскими настолько, что онъ сдѣлался почти господствующимъ языкомъ простаго народа. Русское населеніе усвоило много издѣлій, обычаевъ и сноровокъ бурятскихъ. «Въ самомъ умонастроеніи, говоритъ г. Ядринцевъ, въ понятіяхъ и вѣрованіяхъ русское населеніе значительно ассимилировалось съ бурятами;... русскіе держатъ

[1]) Ядринцевъ: «Сибирь, какъ колонія», стр. 39.

даже и бурятскихъ идоловъ, истукановъ и божковъ на вышкахъ своихъ домовъ и тамъ шаманствуютъ тайкомъ. Наконецъ, множество словъ монголо-бурятскаго языка вошло въ составъ русскаго... Въ самомъ русскомъ языкѣ они выговариваютъ нѣкоторыя буквы, какъ буряты; наприм., букву *с*, какъ *ш*: вмѣсто «Семенъ» говорятъ «Шеменъ»; вмѣсто «все»—«вше» и т. д. [1]). Д-ръ же Шперкъ прямо утверждаетъ, что русскіе, соприкасаясь съ бурятами, вырождаются въ послѣднихъ.

Всѣ эти печальные факты обынородчиванія русскихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири, обусловливающіеся, съ одной стороны, неблагопріятными обстоятельствами, въ какія здѣсь поставлено русское населеніе, а съ другой—весьма слабою его культурностью, наглядно показываютъ, что русскій народъ здѣсь еще не сформировался окончательно, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наводятъ на весьма грустныя размышленія о дальнѣйшей судьбѣ въ этихъ захолустьяхъ русскаго имени, русскаго дѣла и русской культуры и приводятъ къ сознанію необходимости скорѣйшей помощи русскому населенію, къ поддержанію его въ культурной борьбѣ со всѣмъ инородческимъ въ Сибири. Приведенные примѣры ясно показываютъ, въ какомъ печальномъ положеніи находится на нашихъ далекихъ окраинахъ русское дѣло государственной важности—дѣло обрусенія инородцевъ. Русскіе здѣсь не только не производятъ должнаго умственно-нравственнаго воздѣйствія на инородцевъ, но, напротивъ, сами усвояютъ воззрѣнія и образъ жизни послѣднихъ до забвенія своего роднаго языка и своей религіи. Это тѣмъ болѣе грустно, что, по свидѣтельству сибирскаго историка Миллера, нашими первыми здѣсь піонерами, казаками, положено было доброе начало обрусенія инородцевъ, для которыхъ стать казаками сдѣлалось мало-по-малу идеаломъ. И это стремленіе сибирскихъ инородцевъ сохранялось во весь до-Петровскій періодъ, а мѣстами даже и позднѣе. Буряты, наприм., добивались зачисленія въ казачество еще при Екатеринѣ II,

[1]) Тамъ же, стр. 35—38.

лишь бы перестали ихъ считать за нерусскихъ. Горько и грустно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опасно становится за наше будущее. Невольно вспоминается здѣсь слѣдующій афоризмъ, высказанный англійскимъ путешественникомъ по Россіи, Уоллесомъ: «сила территоріальнаго расширенія Россіи всегда была больше силы усвоенія присоединенныхъ народностей». Наша священная обязанность, обязанность величайшей государственной важности, заключается въ томъ, чтобы поднять на этихъ окраинахъ наше русское дѣло, позаботиться объ устройствѣ такихъ условій, при которыхъ невозможно было бы повтореніе подобныхъ прискорбныхъ явленій, позаботиться о поднятіи религіознаго, умственнаго и нравственнаго уровня, а также экономическаго положенія заброшенныхъ на далекія окраины нашихъ русскихъ единовѣрцевъ, дабы они не только, говоря вообще, «не объинородчивались», а напротивъ, подчиняли своему вліянію туземцевъ и вели твердо и прочно дѣло обрусенія ихъ. Въ этомъ заключается наша великая историческая миссіонерская задача, наша нравственная обязанность, наше собственное государственное благо и лучшій удѣлъ инородцевъ, которыми мы владѣемъ.

Этнографическій составъ туземцевъ Сибири является весьма пестрымъ. Самое первое мѣсто по своей численности занимаютъ здѣсь киргизы, которыхъ насчитывается болѣе 1.138.000 чел. Представляя изъ себя разнородную по своему происхожденію массу, всѣ киргизы достаточно ассимилированы тюркскимъ языкомъ и исламомъ. Послѣдній, хотя еще и довольно слабъ въ общей народной массѣ, но, подъ нашимъ вліяніемъ, дѣлаетъ все болѣе и болѣе значительные успѣхи на почвѣ древняго шаманизма въ этомъ довольно добродушномъ по своей природѣ и симпатично относящемся къ намъ, русскимъ, народѣ, постепенно фанатизируя его и вооружая противъ насъ недружелюбіемъ. По образу жизни киргизы—кочевники; только нѣкоторые изъ нихъ, вслѣдствіе климатическихъ и экономическихъ причинъ, разоряясь на скотоводствѣ, осѣдаютъ и начинаютъ заниматься земледѣліемъ. Подробнѣе съ киргизами мы познакомимся въ слѣдующей статьѣ.

Слѣдующую за тѣмъ въ числѣ 250 т. человѣкъ народную группу представляютъ якуты. Сами себя они называютъ саха̀, тунгузы называютъ ихъ еко, а русскіе передѣлали это названіе въ якута. Это—самое сѣверное тюркское племя, но значительно омонголившееся, обломокъ Чингизхановой имперіи. Якутъ чистой расы имѣетъ овальное лицо, прямой носъ, немного выдающіяся скулы, едва наискось лежащіе глаза, черные, жесткіе и прямые волосы, и въ общемъ довольно походитъ на киргиза, которому приходится какъ-бы двоюроднымъ братомъ; борода у якутовъ обыкновенно выщипывается. По свидѣтельству Бетлинга, Вамбери и др., изучавшихъ якутскій языкъ, послѣдній имѣетъ большое сходство съ языками турецко-татарскаго семейства. Въ зависимости отъ своей природы и главныхъ своихъ занятій, якуты ведутъ полукочевой и полубродячій образъ жизни. Юрта изъ столбовъ и досокъ, смазанныхъ глиною и коровьимъ навозомъ, съ земляною крышею, съ чуваломъ (родъ печи) по срединѣ, и съ хлѣвомъ (хотонъ) сбоку,—составляетъ зимнее жилище; и юрта, состоящая изъ жердей, покрытыхъ берестою,—лѣтнее жилище якута. Главнымъ занятіемъ ихъ служитъ скотоводство; разводятъ преимущественно лошадей и крупный рогатый скотъ, а также и оленей. Хотя лошади и коровы якута малы ростомъ, но за то онѣ весьма неприхотливы и выносливы. Скотъ якута часто сильно страдаетъ и гибнетъ массами, особенно молодой приплодъ, отъ крайне суроваго климата, весеннихъ гололедицъ и сибирской язвы. Сверхъ этого якуты занимаются звѣроловствомъ, промышляя мелкаго звѣря; живущіе около рѣкъ занимаются рыболовствомъ. Въ южной части Якутской области якуты занимаются по мѣстамъ земледѣліемъ и сѣютъ ячмень, яровую пшеницу, картофель и овесъ. Въ торжественныхъ случаяхъ или люди богатые изъ нихъ употребляютъ въ пищу говядину и по преимуществу конину, не гнушаясь, впрочемъ, падалью, мышами, кротами и пр.; обыкновеннымъ же кушаньемъ служитъ кислое молоко. Любимымъ ихъ напиткомъ служитъ кумысъ. При удобномъ случаѣ якутъ отличается замѣчательнымъ

обжорствомъ. Якуты—народъ весьма способный. Какъ ремесленники, они не знаютъ себѣ соперниковъ на мѣстѣ и захватили всѣ ремесла въ свои руки, выказывая при этомъ замѣчательныя способности подражанія образцамъ и перениманія ихъ. Какъ торговецъ, якутъ, отличающійся пронырствомъ, хитростью и изворотливостью въ разнаго рода торговыхъ сдѣлкахъ, не знаетъ равнаго себѣ въ Сибири и по справедливости считается «сибирскимъ жидомъ» [1]). Женщина у якутовъ пользуется свободою и занимаетъ довольно видное положеніе въ своей семьѣ. Благодаря умѣнью приспособиться ко всякимъ обстоятельствамъ, хитрости и торгашескому духу, «якуты оказываютъ сильное, иногда преобладающее вліяніе на всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ они живутъ и такъ или иначе соприкасаются въ своей дѣятельности. Особенно сильное вліяніе якутовъ испытываютъ на себѣ тунгузы, юкагиры и другія мелкія инородческія племена, обитающія въ Якутской области» [2]). Замѣчательно сильно развитая ассимиляціонная способность якутовъ захватываетъ въ кругъ своего вліянія не только этихъ мелкихъ окружающихъ ихъ инородцевъ, но и самихъ русскихъ, которые здѣсь довольно значительно объякутились. Якуты, взятые въ общемъ, настолько благоденствуютъ, что они не только не вымираютъ, но быстро размножаются. Такъ, по переписи 1795 года въ Якутской области было 50.066 якутовъ муж. пола, въ 1862 году, чрезъ 67 лѣтъ, ихъ уже было 102.307 мужчинъ и 98.725 женщинъ, а въ 1891 году ихъ числилось 115.768 мужчинъ и 113.793 женщины [3]). Словомъ, это—крѣпкое, весьма устойчивое и жизнеспособное племя. Хотя значительная часть якутовъ и приняла православіе, но обращеніе это довольно внѣшнее, такъ какъ якуты, рьяные приверженцы своей старой религіи, шаманства, удержали у себя старыя языческія божества, къ которымъ присоединили христіанскаго святаго Николая Угодника,

---

[1]) Э. Реклю: «Всеобщая географія». СПБ., 1898 г., т. 6, стр. 739.

[2]) «Правосл. Благовѣстн.» 1896 г., № 12, стр. 219 и 220; а также №№ 10 и 13.

[3]) Тамъ же, стр. 223.

особенно чтимаго якутами, старые языческіе обряды, жертвоприношенія, шамановъ, заклинанія и пр., которые всѣ довольно мирно уживаются у нихъ съ новыми христіанскими обрядами и обычаями. Впрочемъ, исповѣданіе христіанства не осталось безъ благотворнаго вліянія на якутовъ, которое выразилось здѣсь въ окончательномъ оставленіи жестокаго обычая убивать новорожденныхъ дѣвочекъ, въ окончательномъ торжествѣ моногаміи предъ полигаміей и въ похвальномъ стремленіи къ совершенію надъ собою христіанскихъ таинствъ по уставамъ Церкви [1]).

Третья еще довольно значительная по своей численности въ Сибири туземная помѣсь—сибирскіе татары частью тюркскаго, частью финскаго происхожденія, говорящіе всѣ тюркскимъ языкомъ, которыхъ насчитывается здѣсь болѣе 130 т. человѣкъ. Это—обрывки прежняго Сибирскаго царства и выходцы изъ другихъ частей Сибири. Половина сибирскихъ татаръ уже осѣла, приняла православіе и довольно прочно обрусѣла, другая еще кочуетъ и бродитъ, исповѣдуетъ мусульманство и придерживается древняго сибирскаго шаманства.

Самымъ многочисленнымъ племенемъ монгольскаго происхожденія и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ устойчивымъ и жизнеспособнымъ изъ всѣхъ сибирскихъ инородцевъ должны быть признаны вслѣдъ за симъ буряты, которыхъ насчитывается болѣе 292 т. человѣкъ. Бурятъ—довольно яркій представитель чисто монгольскаго типа. У него широкое желтое лицо съ выдающимися скулами, глаза узкіе, наискось лежащіе, съ полулунными складками, приплюснутый носъ, толстыя губы, низкій лобъ, большія, торчащія уши, черные, жесткіе волосы и рѣдкая борода, широкія плечи, коренастое, неуклюжее сложеніе, жирное тѣло и тяжелая походка. Въ нравственномъ отношеніи бурятъ угрюмъ, грубъ, плутоватъ и довольно лѣнивъ, но въ то же время любитъ грубыя чувственныя удовольствія, азартенъ въ играхъ, мстителенъ и тщеславенъ. Къ числу

[1]) Тамъ же, стр. 230.

добрыхъ его качествъ относятся: любовь къ ближнему и забота о немъ, почтеніе къ старшимъ и гостепріимство. Буряты говорятъ разными нарѣчіями монгольскаго языка. Большая часть бурятъ ведетъ кочевой образъ жизни и занимается скотоводствомъ, разводя рогатый скотъ и хотя некрасивыхъ, но весьма крѣпкихъ и выносливыхъ лошадей. По свидѣтельству Шперка, въ среднемъ выводѣ приходится на 100 душъ обоего пола по 94 лошади и 198 головъ рогатаго скота. Другая часть бурятъ занимается земледѣліемъ, употребляя для этой цѣли удобреніе и даже искусственное орошеніе полей, и получая вслѣдствіе этого прекрасные урожаи ржи, ячменя, пшеницы, овса и гречи. По свидѣтельству того же Шперка, въ Балаганскомъ округѣ, гдѣ наиболѣе развито хлѣбопашество, приходится на каждое хозяйство по 12 десятинъ пахатной земли и на душу обоего пола по 2,5 десятины. Живущіе около рѣкъ и озеръ занимаются также рыболовствомъ. При этомъ нужно замѣтить, что у бурятъ гораздо больше земли, чѣмъ они могутъ обработать; поэтому кажется весьма страннымъ увѣреніе нѣкоторыхъ, что въ Сибири нѣтъ земли для русскихъ переселенцевъ. Бурятская женщина поставлена довольно плохо, такъ какъ она сильно обременена хозяйственными работами. Родовое начало у бурятъ весьма развито и представляетъ между прочимъ одинъ изъ сильныхъ, поддерживаемыхъ къ тому же и нашимъ управленіемъ, тормозовъ для противодѣйствія русскому вліянію. Всѣ буряты раздѣляются на нѣсколько отдѣловъ, подраздѣляющихся на роды (аймаки), а послѣдніе—на улусы. Во главѣ улуса стоитъ старшина, во главѣ рода—шуленга (староста рода), во главѣ же отдѣла или вѣдомства—тайша, должность котораго въ прежнее время была даже наслѣдственна, а теперь сдѣлалась избирательною. Родовыя управленія въ Иркутской губерніи и степныя думы въ Забайкальѣ, состоящія, подъ предсѣдательствомъ тайши, изъ нѣсколькихъ избранныхъ засѣдателей, имѣютъ громаднѣйшее вліяніе на дѣла внутренняго управленія бурятъ, въ которое, къ сожалѣнію, русская администрація не вмѣшивается, исключая того случая, когда является

какое-нибудь столкновеніе между тайшами [1]). По вѣроисповѣданію всѣ буряты въ прежнее время были шаманистами, каковыми оставались вплоть до XVIII вѣка. Съ этого же времени (съ 1712 г.), вслѣдствіе нашей недальновидной политики и энергіи, достойной лучшей цѣли, между бурятами, особенно по почину графа Рагузинскаго, сталъ усиленно распространяться ламаизмъ, который получилъ такія широкія привилегіи и права, какими онъ не пользуется доселѣ въ своихъ центрахъ, ни въ Монголіи, ни въ Тибетѣ. Въ 1741 году для ламаистовъ, находящихся въ русскомъ подданствѣ, было даже учреждено оффиціальное духовенство со штатомъ въ 150 ламъ, надъ которыми тогда же были поставлены два ширетуя. Въ 1767 году была учреждена должность «хамбо-ламы всѣхъ бурятскихъ и тунгузскихъ родовъ». Съ этого времени, подъ прикрытіемъ русской власти, ламы воздвигли открытое и жестокое гоненіе противъ шаманистовъ. Съ этого же времени ламы, которые ничего не производятъ, но страшно много потребляютъ, стали увеличиваться съ ужасающею быстротой. Въ 1756 году ихъ было 324, въ 1774 г.—617, въ 1796 г.—700, въ 1822 г.—2.600, въ 1842 г.—5.545; въ 1892—1893 г., по вполнѣ авторитетному вычисленію г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, ихъ было по крайней мѣрѣ 15.000 человѣкъ. Ростъ этихъ высасывателей жизненныхъ соковъ изъ бурятъ и ростъ, замѣчу кстати, вполнѣ нелегальный, вслѣдствіе нашего желающаго быть либеральнымъ, но въ сущности слабаго управленія, не прекратился и до сихъ поръ. Въ настоящее время 16—17 тысячъ ламъ (т.-е. до 16% всѣхъ ламаистовъ), обирающихъ паству какъ въ свою пользу, такъ и въ пользу многочисленныхъ дацановъ (родъ монастырей), всею своею тяжестью лежатъ на бурятскомъ населеніи, исповѣдующемъ ламаизмъ. Ламамъ предоставлено право обращать въ свою пользу добровольныя приношенія мі-

---

[1]) О бурятахъ см. «Энциклопедическій словарь» Брокгауза и Эфрона, ст. Ф. Шперка; Э. Реклю: «Всеобщая географія», т. 6, стр. 710—716; Разумовъ: «Забайкалье», СПБ., стр. 44—47 и пр.

рянъ и доходы отъ продажи священныхъ предметовъ. Кромѣ того ламы надѣлены землею въ слѣдующихъ размѣрахъ: бандито-хамбо-лама—500 десятинъ, ширетуй—200, лама—60, бандій (послушникъ)—30 десятинъ и ховаракъ (ученикъ, готовящійся въ ламы)—15 десятинъ. Гдѣ это у насъ видано, чтобы послушники нашихъ монастырей и ученики духовныхъ семинарій имѣли не только такіе крупные, но и вообще какіе-либо земельные надѣлы?! Всѣ подробности такого крайне ненормальнаго явленія, а равно и то, въ какомъ весьма часто печальномъ положеніи находятся среди сибирскихъ инородцевъ русскіе, а съ ними вмѣстѣ и наше русское дѣло,—рѣчь объ этомъ оставляю на послѣдующее время. Здѣсь замѣчу только, что ламаизмъ, сдѣлавъ громадные успѣхи между бурятами и окрѣпнувъ при поддержкѣ русской власти и русскаго закона, оказался ярымъ противникомъ православія и русскаго здѣсь дѣла. Изъ всего числа бурятъ только 26 т. человѣкъ приняли православіе и болѣе или менѣе обрусѣли; остальная же масса, руководимая хитрыми и фанатичными ламами, довольно враждебно относится къ русскому вліянію и твердо держится грубаго и суевѣрнаго ламаизма.—Къ бурятамъ же нужно еще отнести 20 т. человѣкъ калмыковъ въ Алтайскомъ округѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ нужно поставить разныхъ мелкихъ сѣверныхъ сибирскихъ инородцевъ—обрывки финскихъ и монгольскихъ племенъ, общая численность которыхъ—болѣе 90 т. человѣкъ. Къ первымъ изъ нихъ относятся: вогулы, остяки, самоѣды и пр., а ко вторымъ—тунгузы, ламуты и др. Значительная часть этихъ мелкихъ бродячихъ инородцевъ живетъ главнымъ образомъ въ полярно-тундровой полосѣ и только небольшая часть ихъ—въ полосѣ спорадическаго земледѣлія. Главныя занятія ихъ—оленеводство и разные звѣриные и рыбные промыслы. Хотя, вслѣдствіе скудости природы и суровости климата, русскіе живутъ здѣсь въ ограниченномъ числѣ, но они успѣли обрусить значительную часть этихъ инородцевъ; тѣ же изъ нихъ, которые живутъ дальше отъ русскихъ, придерживаются грубаго шаманства въ его многоразлич-

ныхъ формахъ.—Вогулы, которыхъ нѣкоторые считаютъ родственными венграмъ, отличаясь замкнутостью, стоятъ какъ-бы особнякомъ между своими сосѣдями; они довольно добродушны и вмѣстѣ съ тѣмъ пугливы. Бо́льшая часть ихъ уже значительно обрусѣла, но остальные ведутъ бродячій образъ жизни, занимаясь рыболовствомъ и охотою.—Остяки въ прежнее время, въ эпоху присоединенія Сибири русскими, были весьма воинственны, но въ настоящее время покорны, добродушны, миролюбивы и честны, но, къ сожалѣнію, не предпріимчивы. Значительная часть ихъ также обрусѣла; бродячіе же остяки бѣдствуютъ отъ эксплоатаціи русскихъ и гибнутъ отъ голода, тифа, сифилиса и пьянства.—Самоѣды, самые сѣверные изъ сибирскихъ туземцевъ,—умный, честный и симпатичный народъ. Нѣкоторая часть этого боязливаго, унылаго и смирнаго народа еще въ древнее время отатарилась, другая и при томъ бо́льшая часть ихъ приняла христіанство и постепенно сливается съ русскими, остальные же держатся своего шаманства. Эти послѣдніе, по свидѣтельству проф. Якобія, близко изучившаго условія ихъ жизни, быстро вымираютъ отъ безсовѣстной эксплоатаціи русскихъ и притѣсненій зырянъ.—Тунгузы, принадлежащіе къ монгольскому племени и стоящіе близко къ манджурамъ, весьма рѣзко выдѣляются по своимъ какъ физическимъ, такъ и духовнымъ качествамъ изъ всѣхъ сѣверныхъ сибирскихъ инородцевъ. Будучи стройными по своему тѣлосложенію, они отличаются ловкостью въ своихъ движеніяхъ; воздержные и умѣренные въ пищѣ и отличаясь мужествомъ и предпріимчивостью, они не оплываютъ жиромъ; не чуждые нѣкоторой щеголеватости, они въ то же время смышлены и находчивы; увлекаясь пѣніемъ и пляскою, они веселы и жизнерадостны. Словомъ, тунгузы—самые симпатичные изъ всѣхъ сибирскихъ инородцевъ, и Кастренъ не даромъ называетъ ихъ «дворянами среди сибирскихъ инородцевъ». Значительная часть ихъ осѣла и обрусѣла, другая же часть ихъ занимается звѣроловствомъ. Весьма жаль, что, не смотря на ихъ любовь и заботы о дѣтяхъ, послѣднія гибнутъ въ значительномъ коли-

чествѣ отъ разныхъ эпидемій. — Ламуты—самое крайнее сѣверо-восточное тунгузское племя; хотя всѣ они и христіане, но многіе изъ нихъ никогда не видятъ своихъ священниковъ, у которыхъ встрѣчаются приходы до 500—600 верстъ въ длину.

Наконецъ, въ Пріамурскомъ краѣ насчитывается болѣе 80 тысячъ человѣкъ разныхъ мелкихъ инородцевъ монгольскаго племени, составляющихъ, впрочемъ, естественную переходную ступень отъ этого племени къ американскому. Инородцы эти слѣдующіе: чукчи, коряки, орочоны, гольды, гиляки, камчадалы и пр. Чукчи—съ плоскими лицами, выдающимися скулами, средняго роста, довольно крупнаго сложенія; женщины ихъ довольно некрасивы. Не смотря на то, что страна ихъ совершенно безотрадна и безплодна, не смотря на то, что зима у нихъ весьма длинна и страшно сурова, а лѣто, хотя коротко, но мучительно, вслѣдствіе страшнаго количества овода, комаровъ и мошекъ, чукчи—народъ здоровый, энергичный, веселый, ловкій и далекъ отъ вымиранія. Въ прежнее время, въ эпоху перваго появленія здѣсь русскихъ, чукчи были весьма воинственны; но теперь они мирны, добродушны и гостепріимны; впрочемъ, въ гнѣвѣ—жестоки. Въ торговыхъ сношеніяхъ они весьма добросовѣстны; въ жизни сообразительны и наблюдательны; но, къ сожалѣнію, живутъ весьма грязно и любятъ выпить. Чукчи раздѣляются на три разряда: сидячіе,—съ такъ называемымъ «собачьимъ хозяйствомъ»,—занимаются морскими промыслами и охотою; оленные—занимаются разведеніемъ оленей въ большомъ количествѣ, и носовые, или торговые, ведущіе торговлю съ русскими и съ жителями сѣверо-западной Америки. Бо́льшая часть чукчей—язычники, но нѣкоторые изъ нихъ охотно принимаютъ христіанство [1]). — Коряки раздѣляются на сидячихъ и бродячихъ. Первые, хотя и считаются христіанами, но умственно бѣдны, склонны къ пьянству, воровству и

[1]) О чукчахъ—интересная статья прот. Н. Е—скаго въ «Православномъ Благовѣстникѣ» 1898 г., №№ 13, 14, 15, 16, 20 и 21.

обману и весьма развращены; они занимаются охотою и рыбною ловлею и ведутъ осѣдлый образъ жизни. Бродячіе, хотя и язычники, но въ нравственномъ отношеніи гораздо выше первыхъ; они ласковы, гостепріимны и болѣе честны; многіе изъ нихъ только номинально считаются русскими подданными, но въ сущности не признаютъ надъ собою никакой власти. Они болѣе всѣхъ отстаивали въ борьбѣ съ русскими свою независимость и весьма часто умирали вполнѣ по-геройски. Къ сожалѣнію, у нихъ и до сихъ поръ сохранился обычай убивать дряхлыхъ стариковъ. Главное занятіе ихъ оленеводство.—Орочоны—тунгузскаго племени; они занимаются охотою и оленеводствомъ и стоятъ на низкой ступени умственнаго развитія; на всемъ ихъ бытѣ видны слѣды вліянія китайцевъ. Къ лучшимъ чертамъ ихъ характера относятся: почтеніе къ старшимъ, сострадательность и гостепріимство. Одни изъ нихъ исповѣдуютъ христіанство, а другіе остаются язычниками. Одна изъ вѣтвей племени орочонъ, тазы, вслѣдствіе безсовѣстной эксплоатаціи ихъ манзами, быстро вымираетъ.—Гольды—того же племени; они привѣтливы, робки и боязливы. Китайское вліяніе на нихъ сказалось еще въ большей степени; они и до сихъ поръ чувствуютъ влеченіе къ китайцамъ, которымъ часто даже уплачиваютъ и подати. Главное занятіе ихъ—рыболовство и охота; они разводятъ также домашнихъ животныхъ и только начинаютъ заниматься земледѣліемъ.—Гиляки—довольно вялы, сосредоточенны, но апатичны; они мягки, сердечны, гостепріимны и честны: у нихъ нѣтъ воровства и обмана; но, къ сожалѣнію, они вымираютъ. Главныя занятія ихъ—рыболовство и морскіе промыслы.—Камчадалы еще ближе подходятъ по своему типу къ американской расѣ; почти всѣ они значительно обрусѣли; главными занятіями ихъ служатъ рыболовство, охота, хлѣбопашество (ячмень и овесъ) и огородничество. Вдали отъ русскаго вліянія еще осталось до 2 тысячъ камчадаловъ, которые еще не слились съ русскими; они смирны, честны, гостепріимны и услужливы; но ихъ жалобныя, грустныя пѣсни наводятъ тоску на душу и ясно свидѣтельствуютъ

о ближайшей участи, какая постигнетъ и эту остальную часть.—Изъ пришлыхъ инородцевъ наиболѣе симпатично относятся къ намъ корейцы, которые свободно принимаютъ православіе, и наиболѣе вредны для насъ манзы—самый ненадежный элементъ въ краѣ и эксплоататоры населенія.

Въ послѣднее время въ русской печати распространилось довольно сильно убѣжденіе, что наши сибирскіе инородцы въ большинствѣ случаевъ вымираютъ. Вопросъ этотъ настолько серьёзенъ и важенъ, что я займусь имъ особо дальше; здѣсь же замѣчу только, что вымиранія незамѣтно ни у киргизовъ, ни у татаръ, ни тѣмъ болѣе у бурятъ и якутовъ. Если гдѣ-либо и можно наблюдать подобное печальное, но вполнѣ естественное явленіе, то—у слабыхъ физически и духовно сѣверныхъ полярныхъ и восточныхъ амурскихъ инородцевъ.

Теперь весьма интересно прослѣдить, какъ разселились, размежевались между собою на этомъ громадномъ пространствѣ Сибири русскіе и инородцы. Нижеслѣдующая таблица, заимствованная у г. Кауфмана, наглядно показываетъ какъ разселеніе русскихъ и туземцевъ въ Сибири съ одной стороны, такъ и степень успѣшности борьбы русскихъ съ здѣшними инородцами—съ другой.

	Культурно-земледѣльч. полоса. На 100 чел.		Полоса высокоствольн. лѣсовъ. На 100 чел.		Полярно-тундровая полоса. На 100 чел.	
	Русскихъ.	Инородцевъ.	Русскихъ.	Инородцевъ.	Русскихъ.	Инородцевъ.
Въ Западной Сибири .	97,5	2,5	82	18	5	95
» Алтайскомъ округѣ .	94	6	—	—	—	—
» Средней Сибири . .	80	20	98	2	10	90
» Якутской области .	—	—	7	93	2	98

Для Пріамурскаго края г. Турчаниновъ даетъ слѣдующія цифры:

	Русскихъ.	Инородцевъ.
Въ Амурской области	80	20
» Приморской »	76	24
» Забайкальской »	72	28 [1])

Это вытѣсненіе сибирскихъ инородцевъ съ лучшихъ насиженныхъ мѣстъ въ глубь сѣвера и сѣверо-востока совершалось постепенно, подъ вліяніемъ набѣговъ нашего вольнаго казачества и разныхъ охочихъ людей изъ промышленниковъ, которые даже опережали собою правительственную колонизацію. Само собою понятно, что коренные жители Сибири испытали на первыхъ порахъ не мало мелкихъ военныхъ нападеній и хищническихъ набѣговъ со стороны русскихъ. Во время этихъ военныхъ дѣйствій погибла значительная часть сибирскихъ инородцевъ въ неравной борьбѣ съ русскимъ оружіемъ; остальная же масса того или другаго сибирскаго племени, уходя прочь и оставляя въ добычу давно насиженныя мѣста и естественныя богатства своей страны, неминуемо сталкивалась со своими сосѣдями-соплеменниками, тѣсня ихъ все дальше въ разныя стороны громадной Сибири. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе и болѣе прибывалъ сюда русскій народъ съ цѣлью быстрой и легкой наживы. Вслѣдствіе этого отношенія между разноплеменными сибирскими инородцами все болѣе и болѣе перепутывались и обострялись: прежде добрые и мирные сосѣди дѣлались врагами и уже истребляли другъ друга. Это была борьба за существованіе. Киргизы нападали на сибирскихъ татаръ, калмыки истребляли киргизовъ, а джунгары и монголо-китайцы преслѣдовали калмыковъ. Хотя эти и со-

[1]) При составленіи настоящаго очерка я, кромѣ указанныхъ статей, пользовался: 1) «Сибирь и Великая сибирская желѣзная дорога», СПБ., 1896 г., изд. Минист. Финансовъ; 2) «Западная и Средняя Сибирь и Степной край» А. А. Кауфмана, и 3) «Пріамурское генералъ-губернаторство» А. П. Турчанинова въ «Систематич. сборникѣ очерковъ по отечествовѣдѣнію», СПБ., 1898 г.

сѣднія съ ними азіатскія племена рѣдко наслаждались миромъ и въ прежнее время, но теперь, съ движеніемъ русскихъ въ глубь Сибири, эти враждебныя отношенія между сибирскими народностями еще болѣе обострились. Г. Ядринцевъ, склонный къ слишкомъ большимъ гиперболамъ по отношенію къ сибирскимъ инородцамъ, весьма громко заявляетъ объ этой эпохѣ: «въ это время извнѣ и внутри мы видимъ разрушеніе инородческихъ царствъ (?!)... Цѣлыя пространства пустѣютъ, инородческія племена эмигрируютъ. Огромное населеніе (?!) на югѣ Сибири, оставившее многочисленные памятники, куда-то исчезло безъ слѣда. Но уменьшеніе и исчезновеніе сибирскихъ племенъ продолжается и позднѣе подъ дѣйствіемъ болѣе медленныхъ, но губительныхъ вліяній».

Болѣе медленными и губительными вліяніями было нашествіе въ Сибирь все бо́льшаго и бо́льшаго числа русскихъ купцовъ и промышленниковъ, разнаго рода искателей приключеній, которые, къ сожалѣнію, большею частью являлись здѣсь не піонерами нашей цивилизаціи, а разорителями, поработителями населенія, эксплоататорами его, которые все болѣе и болѣе отнимали у туземнаго населенія плодородныя или богатыя тѣми или другими промыслами и естественными продуктами пространства, которые все болѣе и болѣе обездоливали инородца. Всѣ угодья, которыя служили средствами для существованія инородцевъ, постепенно переходили къ русскимъ путемъ или захвата, или аренды, или наконецъ за долговыя обязательства. Насколько безсовѣстно велось это дѣло русскими, видно изъ слѣдующихъ фактовъ позднѣйшаго времени. Остякамъ Березовскаго округа русскіе арендаторы платили въ 1816 году за песокъ въ лѣто по 10 р, а выручали на этихъ мѣстахъ рыбы по 200—300 р. Въ 1848 году тѣ же остяки отдавали въ аренду 150 песковъ за 6.050 рублей; арендаторы же добывали здѣсь рыбы на 99.530 р. За пудъ хлѣба русскіе брали съ остяковъ 10 бѣлокъ, за 2 ф. соли—1 бѣлку, за 1 ф. табаку въ 5 к. — 5 бѣлокъ и пр. Затѣмъ русскіе, практикуя безнравственную и пагубную систему кредита, постоянно

вовлекали инородцевъ въ неоплатные долги, результатомъ чего явилась кабала инородца и даже рабство его. Вотъ что, напримѣръ, оффиціально писалъ по этому поводу одинъ изъ начальниковъ алтайской миссіи въ 1853 году: «Одинъ топоръ или старые сапоги, данные русскимъ человѣкомъ въ долгъ кочевому инородцу, года черезъ четыре выростаютъ въ сторублеваго коня, а вскорѣ и въ цѣлый табунъ, который неробкіе торговцы и угоняютъ безъ дальнѣйшихъ толковъ, объявивъ чрезъ людей хозяину, что скотъ угнанъ такими-то... Одинъ пудъ ячменя года черезъ два выростаетъ въ 25 пудовъ орѣховъ и еще болѣе. Такимъ образомъ нынѣ едва ли не всѣ лѣса съ ихъ орѣхами и бѣлками запроданы русскимъ за нѣсколько лѣтъ впередъ такъ же, какъ дикія пчелы и промыслы. Русскіе люди, свободно выѣзжая въ чернь (лѣса), предвосхищаютъ всякую промышленность кочевыхъ инородцевъ и тѣмъ лишаютъ ихъ послѣднихъ средствъ къ пропитанію, не вознаграждая ихъ за то ничѣмъ добрымъ ни въ гражданственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи. Инородцы—вѣчные рабы лукавыхъ заимодавцевъ».—Къ этому нужно прибавить еще спаиваніе инородцевъ водкою. Русскіе купцы, а за ними и русскіе чиновники, пользуясь слабохарактерностью инородцевъ, большимъ пристрастіемъ ихъ къ водкѣ и спирту, спаивали и обирали ихъ до-чиста. Всѣ попытки правительства искоренить это зло не привели ни къ чему, такъ какъ спаивали инородцевъ всѣ: не только купцы и промышленники, но засѣдатели, управители и разныя чиновныя лица, которыя должны были бы преслѣдовать это зло. Перо отказывается описывать всѣ пріемы этой жадной, грубой и безсовѣстной эксплоатаціи русскими инородцевъ. Воспользуемся лучше готовымъ авторитетнымъ сообщеніемъ объ этой безсовѣстной эксплоатаціи русскими промышленниками и купцами инородцевъ проф. Якобія. «Пользуясь дѣтскою фазою инородческаго племени, эти выходцы (авантюристы, торговцы, промышленники, компаніи и пр.), говоритъ онъ, разоряютъ инородческую страну неразсчетливыми, невыгодными для государства, хищническими

пріемами эксплоатаціи природныхъ богатствъ ея—пушныхъ звѣрей, рыбы, водяныхъ и лѣсныхъ птицъ, пастбищъ, лѣсовъ и пр. Съ той же исключительно рыночной точки зрѣнія эти выходцы относятся и къ инородческому племени и видятъ въ немъ только одну изъ составныхъ частей мѣстной фауны. Въ болѣе суровые періоды культуры инородцевъ убивали и отравляли, какъ вредныхъ, опасныхъ звѣрей, истощали въ непосильныхъ работахъ, жгли на кострахъ и пр.; въ болѣе мирныя времена ихъ опаиваютъ водкою, обманываютъ на цѣнахъ купли и настолько же на цѣнахъ продажи; наприм., три солдатскія мѣдныя пуговицы, какъ украшеніе для костюма самоѣдки, продаются ей за 30 копѣекъ, но при этомъ пушной товаръ, поступающій въ уплату за эти пуговицы, такъ обезцѣнивается, что кулакъ наживаетъ на нихъ 6—7 рублей. Обманываютъ фальшивымъ вѣсомъ и фальшивыми мѣрами, разоряютъ недобросовѣстнымъ кредитомъ, заставляя платить сомнительные долги ихъ отцовъ, пользуясь ихъ простотою, и презираютъ ихъ за эту простоту, захватываютъ ихъ земли и рыболовныя и звѣроловныя мѣста, вытравливаютъ ихъ пастбища и т. д.; все это—при системѣ безучастія мѣстныхъ властей и культурныхъ людей. Эти дѣла и эта система всегда возмущали совѣсть лучшихъ людей своего времени, но ихъ голоса не находили отклика у людей «практическихъ», и разореніе продолжается, нанося неисчислимый вредъ; инородцы исчезаютъ или развращаются и становятся, по закону ренегатныхъ формъ, притѣснителями родичей; хищническіе пріемы пришлыхъ людей разоряютъ страну, потому что, по идеаламъ рынка, чужаго добра не жалѣютъ,—и въ довершеніе всего сами дѣятели угасанія и ихъ попустители свыкаются съ режимомъ беззаконія, теряютъ культурный образъ, ихъ дѣла переходятъ въ обычай, закрѣпляются примѣромъ въ дѣтяхъ, и понемногу въ странѣ теряется вѣра въ культурную миссію государства. Съ точки зрѣнія охраненія народнаго здравія, такое угасаніе инородческаго племени есть безспорно народное бѣдствіе въ его высшей хронической формѣ; съ точки зрѣнія закона и юстиціи,

это—уголовное дѣло большой важности». Въ засѣданіи Географическаго общества почтенный проф. Якобій 12-го апрѣля 1896 года предложилъ рядъ слѣдующихъ безотлагательныхъ мѣръ для спасенія сѣверныхъ сибирскихъ инородцевъ: запретить продажу крѣпкихъ напитковъ, открыть въ разныхъ пунктахъ казенные магазины съ требуемыми населеніемъ продуктами и вещами, усилить миссіонерскую дѣятельность и открыть школы, каковыхъ въ настоящее время нѣтъ ни одной.

Сибирскихъ инородцевъ изнуряли также непосильнотяжелыя условія уплаты податей. Переписанные еще въ 1763 году, они вплоть до ревизіи графа Сперанскаго (1828—1835 г.) принуждены были платить ясакъ по этой переписи, не смотря на то, что ихъ къ тому времени осталось уже не болѣе одной четвертой части прежней численности. Съ распредѣленіемъ инородцевъ на новые разряды и съ переводомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ число осѣдлыхъ, положеніе ихъ послѣ графа Сперанскаго еще болѣе ухудшилось. Вмѣсто 1 р. 50 к. съ души, инородцы, перечисленные въ разрядъ осѣдлыхъ, принуждены были платить по 11 рублей. Разрѣшеніе, данное правительствомъ нѣкоторымъ инородцамъ платить ясакъ мѣхами, породило ужасныя злоупотребленія, вслѣдствіе которыхъ эта подать съ кочеваго инородца въ 1 р. 50 к. съ души удесятерилась. И вотъ на сибирскихъ инородцахъ накопляются громаднѣйшія недоимки.—Прибавьте къ этому множество другаго рода сборовъ натуральныхъ повинностей. Одна только подводная повинность могла разорить инородцевъ, потому что всѣ требовали себѣ безплатныхъ подводъ: исправники, засѣдатели, сборщики податей, ученые, оспопрививатели, и пр. и пр. Говорятъ, русскій администраторъ Козловъ-Угреинъ разъѣзжалъ по Камчаткѣ, гдѣ тропинки чрезвычайно узки, постоянно въ возкѣ со стеклами, который везли не менѣе 50 собакъ. Народъ окрестилъ управленіе Козлова-Угреина именемъ «собачьей оспы». Въ Енисейскѣ городничій Куколевскій катался по улицамъ города въ экипажѣ, запряженномъ русскими чиновниками, вина которыхъ состояла въ томъ

что они хотѣли хлопотать о смѣнѣ его. Если такъ мѣстные администраторы обращались съ русскими чиновниками, то что же и говорить объ обращеніи съ дикими и полудикими, безпомощными, безправными и загнанными инородцами!—Еще болѣе страдали сибирскіе инородцы отъ разныхъ такъ называемыхъ «поминокъ», т.-е. взятокъ чиновниковъ, потому что послѣдніе, какъ писалъ въ свое время Головнинъ, «хотѣли быть не только сытыми, но и богатыми».—Если ко всѣмъ этимъ главнымъ причинамъ, гибельно вліявшимъ на положеніе инородцевъ, присоединимъ весьма дурное управленіе въ Сибири, отсутствіе законности и полный произволъ властей, то мы вполнѣ поймемъ несчастную судьбу обездоленныхъ и безправныхъ инородцевъ. Мѣстная низшая администрація, вышедшая изъ среды тѣхъ же сибиряковъ, не могла не только сдерживать алчныхъ порывовъ своихъ соплеменниковъ и возвыситься до мягкой и справедливой политики по отношенію къ туземцамъ, но сама преслѣдовала только свои эксплоататорскія цѣли. Въ особенности же, какъ утверждаютъ сибирскіе историки, быстро разорило сибирскихъ инородцевъ соединеніе въ одномъ лицѣ, въ русскомъ чиновникѣ, административной власти и торговой эксплоатаціи. Взглядъ на Сибирь, какъ на мѣсто наживы, былъ твердо усвоенъ администраціей сверху до низу. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе этихъ многочисленныхъ и вопіющихъ административныхъ злоупотребленій Сибири, я ограничусь только замѣчаніемъ, что жители Сибири,—русскіе и инородцы,—всего болѣе пострадали въ управленіе такихъ лицъ, какъ генералъ-губернаторъ Пестель и его другъ и помощникъ иркутскій губернаторъ Трескинъ, имена которыхъ и теперь еще съ ужасомъ вспоминаются сибиряками. И вотъ на долю знаменитаго, высокочестнаго и безкорыстнаго графа Сперанскаго выпалъ, какъ выражается въ письмѣ къ нему гр. Нессельроде, трудъ Геркулеса при очищеніи Авгіевыхъ конюшенъ.—Иногда русскіе обыватели просто грабили инородцевъ и даже обращали ихъ въ рабовъ, устраивая настоящіе походы на туземцевъ. Этихъ рабовъ русскіе

доставали въ предѣлахъ Сибири, но часто, особенно наши казаки, предпринимали набѣги на сосѣднія пограничныя области и угоняли народъ, что̀ въ значительной степени отражалось на нашихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ азіатскими государствами и обусловливало въ то же время наше быстрое поступательное движеніе въ Азіи, затягивая насъ въ глубь страны «халатниковъ и кобылятниковъ». И трудно сказать, кто больше виноватъ, кто больше выказалъ хищности при этомъ: нашъ ли русскій пограничный житель, или сосѣдъ—дикій азіатъ. Извѣстно только, что русскіе изъ грабежа сосѣднихъ азіатскихъ народовъ сдѣлали родъ промысла и дошли въ своихъ отношеніяхъ къ сибирскимъ инородцамъ до звѣрства. Несчастные туземцы разсыпались тогда въ величайшемъ страхѣ въ разныя стороны отъ занятыхъ русскими плодородныхъ мѣстностей.

Всѣ эти вмѣстѣ взятыя, крайне неблагопріятно и печально сложившіяся, условія жизни довели во многихъ мѣстахъ сибирскихъ инородцевъ до полной, даже неслыханной бѣдности, до полнаго обнищанія. Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе этой вопіющей бѣдности нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ, я позволю себѣ со словъ «Восточнаго Обозрѣнія» привести здѣсь нѣсколько картинъ современнаго житья-бытья ихъ. Вотъ первая: «Небо, лѣсъ, глубокій снѣгъ и ничего больше!... Только вотъ на небольшомъ возвышеніи нѣсколько почернѣлыхъ, полуразвалившихся, небольшихъ срубовъ, изъ которыхъ только одинъ своею правильною крышей и окнами напоминаетъ нѣчто похожее на человѣческое жилище. Это паулъ, состоящій изъ трехъ домовъ. Въ первомъ ѣдятъ мелкую, въ полвершка длиною, рыбицу и жуютъ какія-то лепешки, въ другомъ переваривaютъ кости, подсыпаютъ толченый уракъ и крошатъ картофель. Въ этихъ домахъ только женщины и дѣти; ихъ воодушевляетъ надежда: мужчины уѣхали въ лѣсъ и привезутъ скоро оставленныя тамъ двѣ-три туши лося. Войдемъ въ третью избу. У чувала (родъ печи), согнувшись, сидитъ одѣтый въ длинную женскую рубаху вогулъ лѣтъ сорока; онъ какъ-то уныло,

тупо смотритъ на колеблющееся пламя; щеки впалыя, кости локтей и плечъ острыми углами обрисовываются подъ грязной рубахой. Въ углу спятъ двое дѣтей. Посреди избы на полу лежитъ распростертая шкура лося съ обгрызенными и изжеванными краями. Знаете ли, кто жевалъ и грызъ эту твердую, покрытую грубой шерстью кожу? Эти бѣдныя спящія дѣти и ихъ несчастный отецъ! Мать (семьи) умерла въ прошломъ году; потому-то отецъ и нарядился въ ея рубаху; у него другой нѣтъ. Онъ проболѣлъ осень. Одна надежда семьи на эту изгрызенную лосину». Другая картина: «Вхожу.... самъ старикъ; никого у него, ни бабы, ни дѣтей.... Вижу, поставилъ на таганъ половину разбитаго чугуннаго котелка, налилъ туда воды и варитъ оленьи рога.... Говорю: что же, молъ, изъ роговъ-то наварится? Вода водой и будетъ!... Молчитъ. Замахнулъ было рукой, хотѣлъ будто что-то сказать, да такъ... ничего...; наклонился опять къ тагану и сталъ ложкой помѣшивать свое варево».... Правда, замѣчаетъ при этомъ «Восточное Обозрѣніе», картины подобной бѣдности могутъ встрѣчаться и въ русской средѣ, но тамъ онѣ случайны; здѣсь же не то; здѣсь онѣ—обыкновенное, повсемѣстное явленіе; это—конецъ, къ которому рано или поздно долженъ придти каждый отдѣльный родъ [1]).

Само собою понятно, что среди такого крайне бѣднаго населенія весьма часто свирѣпствовалъ и свирѣпствуетъ голодъ со всѣми его страшными послѣдствіями. Бѣдствіе это въ Сибири иногда было такъ велико, что между инородцами являлось даже людоѣдство. Дѣти ѣли своихъ родителей; родители ѣли своихъ дѣтей. Всего чаще голодъ посѣщалъ сѣверныя части Сибири: Березовскій округъ, Туруханскій край, Нарымскій округъ, Приленскій край, Камчатку и пр. Въ эти трудныя годины умирало множество инородцевъ и русскихъ, живущихъ въ этихъ мѣстахъ. Я не буду рисовать эти мрачныя и ужасающія картины, отъ которыхъ содрогается сердце человѣческое. —

---

[1]) «Восточное Обозрѣніе» 1883 г., № 17, ст. «Инородческій вопросъ и оспа въ Сибири».

Къ довершенію всѣхъ несчастій, среди сибирскихъ инородцевъ свирѣпствовали и свирѣпствуютъ такія инфекціонныя болѣзни, какъ оспа, сифилисъ, цынга, проказа и голодный тифъ, отъ которыхъ гибли и гибнутъ тысячи людей, лишенныхъ какой бы то ни было медицинской помощи.

Результатомъ всѣхъ этихъ крайне ненормальныхъ жизненныхъ условій явилось вымираніе нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ. Фактъ этотъ уже давно констатированъ разными учеными, какъ наприм. Гмелиномъ, Палласомъ, Кастреномъ, Миддендорфомъ, Щаповымъ, Шашковымъ, проф. Якобіемъ, д-ромъ Почтаревымъ и др. Въ настоящее время совершенно исчезли, наприм., слѣдующія мелкія сибирскія племена: омоки, котты, хойданы, шелаги, анюиты, маторы, асаны, аринцы и др. Въ Туруханскомъ краѣ съ 1763 по 1861 годъ, говорятъ, вымерло $^3/_4$ инородческаго населенія. Хотя г. Ядринцевъ въ доказательство факта вымиранія сибирскихъ инородцевъ и приводитъ цѣлый рядъ цифръ, но цифры эти далеко не всегда наглядно убѣждаютъ насъ въ этомъ. А потому я приведу только нѣкоторыя, болѣе убѣдительныя изъ нихъ.

Камчадаловъ въ 1777 году было . . . . 20.000 чел.
» » 1823 » » . . . . 2.760 »
» » 1850 » » . . . . 1.951 »

Въ 22 волостяхъ Кузнецкаго округа инородцевъ было въ
1832 г. . . . . 5.160 чел.
1832 » . . . . . 4.399 »

Ясакъ въ Томскомъ округѣ накладывался въ
1834 г. на . . . . . 4.965 чел.
1842 » » . . . . . 2.608 »
1878 » » . . . . . 2.134 »

Въ Маріинскомъ округѣ инородцевъ было въ
1868 г. . . . . 2.439 чел.
1878 » . . . . . 1.870 »

Въ Западной Сибири инородческаго осѣдлаго населенія было въ 1851 г. . . . . 40.470 чел.
1868 » . . . . . 37.153 »

Это вымираніе нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ продолжается и въ настоящее время. Въ отчетѣ объ алтайской и киргизской миссіяхъ Томской епархіи за 1889 годъ замѣчено, что инородцы Нарымскаго края не только не размножаются, но быстро вымираютъ: въ нѣсколько десятковъ лѣтъ ихъ стало вдвое меньше. Племя Васьюганскихъ инородцевъ простиралось въ 1862 году до 854 человѣкъ; въ 1888 году ихъ уже было 502. Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» свидѣтельствуетъ, что въ 1889 году все племя коряковъ истреблено оспою; отъ племени чуванцевъ остался лишь одинъ человѣкъ. Отъ племени юкагировъ, которыхъ въ предшествующемъ столѣтіи было нѣсколько человѣкъ, осталось лишь 18 человѣкъ. Въ послѣднее время вопросъ о вымираніи сибирскихъ инородцевъ настолько уже обострился, благодаря просвѣщенной и энергичной дѣятельности врача Почтарева, что перешелъ изъ сферы періодической прессы въ сферу правительственныхъ изслѣдованій. Въ 1893 году г. Почтаревъ по обязанностямъ службы посѣтилъ сѣверную окраину Тобольской губерніи и близко ознакомился съ бытомъ и положеніемъ инородцевъ сѣверо-западной части Сибири. Результатомъ этого изученія явился докладъ въ «Русское общество охраненія народнаго здравія», подъ заглавіемъ: «О причинахъ вымиранія инородцевъ въ сѣверо - западной Сибири». Описавъ въ яркихъ краскахъ эксплоататорскую дѣятельность русскихъ промышленниковъ и торговцевъ среди этихъ инородцевъ, а также обездоленность, задолженность и непроходимую нищету этихъ послѣднихъ и наконецъ признавъ вымираніе инородцевъ несомнѣннымъ фактомъ, докладчикъ утверждалъ, что это быстрое угасаніе инородцевъ грозитъ «въ недалекомъ будущемъ превратить нашъ богатый сѣверный край въ безлюдную тундру», а потому и призывалъ «общество охраненія народнаго здравія» вступиться за инородцевъ.

Но не смотря на всѣ вышеприведенныя данныя, среди русскаго общества находится не мало лицъ, которыя пока не могутъ признать вымираніе нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ прочно доказаннымъ научнымъ фактомъ. Оно

и понятно. Какъ ни старался, наприм., г. Ядринцевъ представить въ доказательство этого больше статистическихъ данныхъ, но многія изъ нихъ не достигаютъ своей цѣли, а всѣ они не заслуживаютъ особаго довѣрія. Не достигаютъ они цѣли потому, что многія изъ нихъ указываютъ или на незначительное уменьшеніе численности инородцевъ, или даже и на увеличеніе ихъ. Не заслуживаютъ эти цифры довѣрія потому, что совершенно неизвѣстно, какъ, кѣмъ и какимъ образомъ онѣ собраны. Если до сего времени въ европейской Россіи наша статистика часто хромаетъ и ей не всегда можно довѣрять, то что же и говорить о статистическихъ свѣдѣніяхъ Сибири и при томъ первой половины минувшаго столѣтія и даже конца XVIII-го столѣтія?! Можно смѣло, безошибочно утверждать, что эти статистическія свѣдѣнія были собраны канцелярскимъ путемъ, который обыкновенно всегда нисходитъ до невѣжественныхъ представителей того или другаго, а иногда совершенно дикаго населенія. Г. Ядринцевъ, страдая слишкомъ большимъ пессимистическимъ взглядомъ на положеніе сибирскихъ инородцевъ и рядясь въ тогу борца за сохраненіе призрачныхъ, а иногда и совершенно не существующихъ инородческихъ культуръ, не усвоилъ себѣ объективнаго, критическаго отношенія къ находящимся у него свѣдѣніямъ и принималъ всѣ ихъ прямо на вѣру. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, не заслуживаютъ эти цифры довѣрія потому, что, утверждая уменьшеніе численности извѣстнаго инородческаго племени, онѣ въ большей части случаевъ не говорятъ о судьбѣ этой убыли. Г. Ядринцевъ, ратуя за сохраненіе всякаго инородческаго племени во всей его неприкосновенной цѣлости, всегда глубоко скорбитъ объ убыли этого племени, не справляясь часто о томъ, вслѣдствіе чего произошла она и составляетъ ли она дѣйствительно убыль населенія; говоря проще: происходитъ ли эта убыль вслѣдствіе вырожденія племени, или же вслѣдствіе сліянія, ассимиляціи его съ другою какою-либо народностью. Можно съ положительностью утверждать, что такъ называемое вымираніе инородцевъ есть въ значительной сте-

пени сліяніе ихъ съ русскими, руссификація ихъ. Такъ наприм., тѣ юкагиры и чуванцы, о вымираніи которыхъ мною приведены выше свѣдѣнія со словъ корреспондента «Русскихъ Вѣдомостей», по удостовѣренію «Сибирскаго Вѣстника» (1896 г., № 25), обрусѣли. «Омолонскіе юкагиры, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться довольно близко, говоритъ мѣстный изслѣдователь, до того обрусѣли, что ихъ трудно отличать отъ нижне-колымчанъ. Они говорятъ и одѣваются, какъ русскіе, и сохранили о прошломъ своего народа довольно смутныя представленія. Смѣшавшись съ русскими, юкагиры перестали бродить по своей обширной землѣ, сдѣлались осѣдлыми и занялись преимущественно рыбною ловлей... Чуванцы очень скоро слились съ русскими и переняли русскій языкъ и обычаи». Отчетъ алтайской миссіи за 1885 годъ даетъ намъ подробныя и интересныя свѣдѣнія о процессѣ сліянія мѣстныхъ инородцевъ съ русскими. Извѣстный путешественникъ по сѣверу Сибири г. Носиловъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о томъ, какъ происходитъ полная руссификація березовскихъ остяковъ. Вотъ всѣ эти случаи убыли инородческаго племени, которую ни въ какомъ случаѣ нельзя отождествлять съ вымираніемъ, и не принимаются во вниманіе такими нашими изслѣдователями инородцевъ, какъ наприм. Ядринцевъ и другіе, хотя тому же Ядринцеву и отлично извѣстны такіе случаи [1]). Обрусеніе сибирскихъ и всякихъ другихъ инородцевъ составляетъ, съ моей точки зрѣнія, весьма желательное явленіе и свидѣтельствуетъ о благотворномъ, воспитательномъ воздѣйствіи русской культуры на дикихъ и полудикихъ инородцевъ. Отсюда, вымираніе нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ, хотя и признается нѣкоторыми изслѣдователями фактомъ, но не можетъ быть признано нами фактомъ несомнѣннымъ, обоснованнымъ на строго научныхъ данныхъ. Докладъ г. Почтарева носитъ на себѣ такой же характеръ: фактъ вымиранія инородцевъ въ сѣверо-запад-

[1]) «Сибирь, какъ колонія», стр. 43; «Сибирскіе инородцы», стр. 120—121.

ной части Сибири, пожалуй, и несомнѣненъ, но этотъ фактъ нужно обставить строго научно. Вотъ почему въ послѣднее время правительство и рѣшило снарядить въ Сибирь особую ученую экспедицію для научнаго изслѣдованія вопроса о вымираніи нѣкоторыхъ инородческихъ племенъ. Будемъ надѣяться, что экспедиція эта не только изслѣдуетъ занимающій насъ вопросъ, но и выработаетъ рядъ мѣропріятій спасенія инородцевъ отъ вымиранія, но ни въ какомъ случаѣ—не отъ обрусенія.

Посмотримъ теперь на положеніе инородцевъ въ одной изъ самыхъ отдаленныхъ нашихъ восточныхъ окраинъ—на положеніе алеутовъ и курильцевъ. Они были отданы подъ власть такъ называемой «Россійско-Американской Компаніи», состоявшей большею частью изъ купцовъ и промышленниковъ. Русское правительство, по примѣру индо-голландской и англійской остъ-индской компаній, учредило въ 1799 году «Россійско-Американскую Компанію», предоставивъ ей по берегамъ сѣверо-западной части Америки и грядамъ острововъ, простирающихся отъ Камчатки на сѣверъ къ Америкѣ и на югъ къ Японіи, «исключительное право, какъ говорилось въ Высочайшемъ указѣ по этому поводу, на всякія пріобрѣтенія, промыслы, торговлю, заведенія и открытія новыхъ странъ, съ запрещеніемъ пользоваться сими выгодами и преимуществами» всѣмъ тѣмъ, кто не входилъ въ составъ этой компаніи. Этотъ Высочайшій указъ предоставлялъ какъ означенную мѣстность, такъ и всѣхъ жителей ея въ привилегированное пользованіе этой торгово-промышленной компаніи. Вслѣдствіе этого указа коренные жители этого края, за дальностью разстоянія отъ метрополіи, сдѣлались de facto какъ-бы подданными компаніи.

О дѣятельности этой компаніи составилось у насъ въ обществѣ весьма нелестное мнѣніе. Нѣкоторые писатели, какъ наприм. Шашковъ, прямо говорятъ, что дѣятельность эта носила на себѣ характеръ грабежа. Въ доказательство этого приводятъ ужасающіе факты звѣрскаго обращенія русскихъ промышленниковъ съ туземцами, алеутами, совершенно почему-то забывая, что почти всѣ

эти факты относятся ко времени, предшествовавшему образованію этой компаніи. Въ этомъ случаѣ обыкновенно ссылаются на записки объ Уналашкинскомъ отдѣлѣ нашего знаменитаго миссіонера о. Веніаминова (впослѣдствіи московскаго митрополита Иннокентія), который описываетъ звѣрскіе поступки Глотова, Соловьева и Натрубина 60-хъ годовъ XVIII-го столѣтія. О. Веніаминовъ говоритъ слѣдующее: «Глотовъ истребилъ всѣ селенія, бывшія на южной сторонѣ Умнака, и жителей острововъ Самалги и Четырехсопочныхъ. Соловьевъ... особенно жестоко поступалъ съ бѣдными алеутами... Натрубинъ, товарищъ Соловьева и достойный клевретъ его, губилъ алеутовъ на Аванитакѣ безоружныхъ и часто совершенно безвинныхъ. Вновь приходящіе русскіе съ 1770 по 1790 г., видя примѣры, какъ ихъ предшественники поступали съ островитянами, также позволяли себѣ иногда крайнія жестокости». Здѣшніе русскіе промышленники били инородцевъ съ такимъ же равнодушіемъ, какъ бобровъ. Илья Лазаревъ кидалъ туземцевъ съ утеса, рѣзалъ ножомъ, убивалъ обухомъ топора за то только, что кто-нибудь посмотрѣлъ на его любовницу, и т. д. До какого звѣрства по отношенію къ алеутамъ доходилъ Соловьевъ, о. Веніаминовъ разсказываетъ слѣдующее: «Соловьеву, начальнику русскаго судна, пришло въ голову испытать: въ которомъ человѣкѣ остановится пуля? и для этого онъ велѣлъ связать вмѣстѣ 12 алеутовъ и выстрѣлилъ въ нихъ изъ штуцера или винтовки (говорятъ, пуля остановилась въ 9-мъ). Кромѣ этого извѣстно, что онъ истребилъ двѣ байдары Унимакскихъ алеутовъ, пріѣхавшихъ къ своимъ сродникамъ; и сверхъ многихъ частныхъ убійствъ, онъ наконецъ нашелъ жителей нѣсколькихъ селеній Уналашки, собравшихся на Янчномъ островкѣ, или Орѣшкѣ, подлѣ о. Спирки, для защиты. По второмъ покушеніи, Соловьевъ приталъ къ берегу и истребилъ всѣхъ бывшихъ тутъ алеутовъ съ женами и дѣтьми. Убійство это было столь жестоко, что море вокругъ островка сдѣлалось кроваво отъ бросавшихся и бросаемыхъ въ море». Истребивши три селенія и «подходя къ четвертому, находящемуся на

подножіи Шишандинской сопки, русскіе встрѣтили сильный вѣтеръ съ дождемъ и слячею и, не имѣя камлей, перемокли до костей и озябли чрезвычайно. Жители, увидя ихъ издалека, узнали, что это русскіе, но не знали, что предпринять. Закащикъ, или старшій по тоэнѣ, предлагалъ не допускать ихъ до селенія и убить, говоря: они не даромъ идутъ къ намъ. Но добрый тоэнъ отвергнулъ его предложеніе, говоря: зачѣмъ ихъ бить? они намъ ничего худаго не сдѣлали. И потому островитяне приняли русскихъ ласково, отогрѣли и, чѣмъ могли, угостили. И надобно замѣтить, что русскіе до того перезябли, что не имѣли силъ сами собой спускаться въ юрту по лѣстницѣ, и алеуты спускали ихъ по одиночкѣ и потомъ отогрѣвали ихъ на жирникахъ. И бѣдные алеуты не знали, кого отогрѣвали. Русскіе, лишь только отогрѣлись и подкрѣпили свои силы, тотчасъ начали свое дѣло; всѣхъ алеутовъ, по ихъ приказанію собравшихся въ юрту, они начали стрѣлять, а прочихъ задавили юртою» [1]). Случаевъ безнравственнаго, звѣрскаго обращенія русскихъ съ алеутами можно привести и еще множество. Подобныя отношенія, пожалуй, будутъ не лучше отношеній кровожадныхъ англичанъ къ тасманцамъ. Грустно и стыдно становится за себя, читая эту жестокую правду. Но никогда не слѣдуетъ забывать, что всѣ эти возмутительные, звѣрскіе поступки русскихъ съ туземцами относятся къ эпохѣ, предшествовавшей образованію «Россійско-Американской Компаніи».

Я долго изучалъ дѣятельность «Россійско-Американской Компаніи» по имѣющимся въ нашей литературѣ свѣдѣніямъ и документамъ и пришелъ къ тому заключенію, что ея дѣятельность въ этой нашей окраинѣ съ теченіемъ времени дѣлалась все болѣе и болѣе плодотворною. Прежде всего не нужно забывать, что тотъ край, которымъ владѣла «Россійско-Американская Компанія», весьма удаленъ отъ Россіи и другихъ культурныхъ цен-

---

[1]) Творенія Иннокентія, митрополита московскаго, кн. 2-я, стр. 187—194, и кн. 3-я стр. 398—400.

тровъ, сношенія съ которыми были крайне затруднительны. Край этотъ вполнѣ дикій; климатъ въ немъ холодный, весьма сырой и нездоровый; море тамъ туманно и бурно; почва вполнѣ неудобна для обработки; туземное населеніе весьма рѣдко, лѣниво, безпечно и непредпріимчиво. Подвозъ туда необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ весьма часто былъ невозможенъ. Мнѣ кажется, нужно еще удивляться, что среди нашихъ купцовъ и промышленниковъ, имѣвшихъ хорошіе заработки и дѣла и внутри отечества, въ мѣстностяхъ вполнѣ удобныхъ для культурной жизни, нашлись люди, которые, увлекшись морскими промыслами въ такой дикой странѣ, какъ сѣверная часть Восточнаго океана, рѣшились затратить здѣсь свои капиталы, посвятить ей труды и даже жизнь свою, подвергая все громадному риску. Не спорю: можетъ быть, это мое мнѣніе нѣсколько наивно; но слѣдующее свое мнѣніе я готовъ оспаривать: этою предпріимчивостью «Россійско-Американской Компаніи» нужно гордиться, какъ гордились бы ею западно-европейскіе народы. Эту компанію купцовъ и промышленниковъ, которой мы обязаны расширеніемъ какъ географическихъ свѣдѣній, такъ и политическихъ границъ, не только не слѣдовало бы забрасывать грязью, какъ это было сдѣлано у насъ, но поддерживать ее, исправляя тѣ или другіе ея недостатки разными полезными мѣропріятіями. Прежде, чѣмъ возставать противъ монопольнаго характера этой компаніи и увлекаться принципами свободной торговли, нужно помнить, что̀ это за край, и кто раньше этой компаніи хозяйничалъ здѣсь. Полезно почаще вспоминать при этомъ и о томъ, кто теперь экономически господствуетъ здѣсь. Никогда нельзя смѣшивать дѣятельность тѣхъ отдѣльныхъ русскихъ промышленниковъ, которые, дѣйствительно, покрыли здѣсь позоромъ русское имя, съ дѣятельностью «Россійско-Американской Компаніи», которая внесла было въ этотъ край много хорошаго.

Да проститъ мнѣ читатель, если я остановлюсь долѣе, чѣмъ слѣдуетъ для моей главной цѣли, на дѣятельности

«Россійско-Американской Компаніи» для того, чтобы установить болѣе правильный взглядъ на нее и возстановить хоть немного ея честь въ глазахъ потомства, которое судитъ всегда безпристрастнѣе современниковъ.—Вотъ относящіяся сюда свѣдѣнія о дѣятельности «Россійско-Американской Компаніи», извлеченныя мною изъ вполнѣ оффиціальныхъ данныхъ. Въ сборникѣ «Матеріаловъ для исторіи русскихъ заселеній по берегамъ Восточнаго океана» (СПБ., 1861 г.) напечатаны двѣ записки капитана 2-го ранга Головнина: «О состояніи Россійско-Американской Компаніи въ 1818 году» и «О состояніи алеутъ въ селеніяхъ Россійско-Американской Компаніи» за то же время. Авторъ этихъ двухъ документовъ, имѣвшій возможность, какъ онъ самъ выражается, «заглянуть, такъ сказать, инкогнито въ компанейскія дѣла», былъ сильно предубѣжденъ какъ противъ самой компаніи, такъ даже и противъ территоріальныхъ пріобрѣтеній ея. Онъ слишкомъ мрачно смотритъ на эту нашу окраину и считаетъ ее «страною, на которую никто изъ европейцевъ, прежде ее посѣщавшихъ, не дѣлалъ притязанія по безполезности оной, словомъ—страною, всѣми народами презрѣнною», присоединеніе которой «можетъ занимать однихъ лишь въ школахъ дѣтей, учащихся географіи, или недорослей, вовсе географіи не знающихъ». Я убѣжденъ, что такой доходящій до абсурда пессимистическій взглядъ Головнина на наши пріобрѣтенія въ сѣверной части Великаго океана, гдѣ наши политическіе интересы не только не утратили своего значенія даже и до сихъ поръ, но значительно усилились и окрѣпли въ послѣднее время, не нуждается въ опроверженіи. Не смотря на это и на враждебное отношеніе къ компаніи и, въ частности, къ личности тогдашняго управителя—Баранова, Головнинъ не нашелъ здѣсь въ 1818 г. какихъ-либо особыхъ злоупотребленій. Болѣе мрачными красками описываетъ онъ эксплоататорскую дѣятельность первыхъ здѣсь промышленниковъ до образованія компаніи. «Будучи сами народъ распутный и отчаянный, большею частью изъ преступниковъ, сосланныхъ въ Сибирь, они, говоритъ Головнинъ, собственную

свою жизнь ни во что ставили, то же думали и о жизни другихъ, а бѣдныхъ алеутовъ они считали едва ли лучше скотовъ». Далѣе, говоря о дѣятельности перваго управителя колоній—Шелихова, авторъ сѣтуетъ, что основанная здѣсь и заброшенная на о. Кадьякѣ духовная миссія «не получала отъ компаніи не только Библій, Новаго Завѣта или другихъ церковныхъ книгъ, но нижѐ азбукъ для ученія дѣтей чтенію, и даже свѣчъ восковыхъ и вина для совершенія литургіи». При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что такое сѣтованіе на компанію весьма несправедливо, такъ какъ до знаменитаго миссіонера о. Веніаминова никакихъ книгъ на алеутскомъ языкѣ не было. Въ числѣ главныхъ обвиненій противъ компаніи Головнинъ ставитъ изнуреніе алеутовъ работами, отправленіе ихъ на дальніе промыслы, гдѣ они отъ голода и другихъ недостатковъ умирали, скудное продовольствіе служащихъ, отсутствіе медицинской помощи, грубое обращеніе, побои и пр. Объ эксплоататорской дѣятельности управителя Баранова свидѣтельствуетъ и членъ духовной миссіи на о. Кадьякѣ іеромонахъ Гедеонъ въ недавно открытой въ библіотекѣ Валаамскаго монастыря его рукописи [1]). Онъ говоритъ, что компанія ведетъ свои дѣла такъ, что рѣдкій промышленникъ-туземецъ остается не должнымъ ей по окончаніи въ партіи промысла. «Сострадательный человѣкъ едва можетъ удержаться отъ слезъ, увидѣвъ въ такомъ положеніи сихъ несчастныхъ (туземцевъ), кои болѣе походятъ на мертвецовъ, нежели на живыхъ людей». Управителю Баранову особенно не нравились, а потому и преслѣдовались имъ сношенія туземцевъ съ духовною миссіей, которая пыталась возбудить въ нихъ лучшія человѣческія стремленія. Само собою понятно, что все это очень грустно и печально; но не слѣдуетъ забывать при сужденіи о дѣятельности компаніи въ это первое время ея существованія, что всѣ эти отрицательныя явленія обусловливались новизною дѣла, дальностью разстоянія, скудостью продовольственныхъ продуктовъ

[1]) «Правосл. Благов.» 1894 г., № 16, стр. 349—367.

того края и грубостью лицъ, состоявшихъ на службѣ у компаніи, и были трудно устранимы. Нельзя требовать, какъ это дѣлаетъ Головнинъ, чтобы въ этомъ дикомъ и далекомъ краѣ вдругъ явилось полное матеріальное довольство, благоденствіе и счастье. Нельзя требовать, чтобы Россійско-Американская Компанія, какъ и всякая другая торгово-промышленная компанія, не заботилась прежде всего о своихъ матеріальныхъ выгодахъ.

Къ чести этой компаніи нужно отнести то сравнительное благоустройство этихъ колоній, которое не могло укрыться отъ взоровъ послѣдней ревизіи,—Высочайше утвержденнаго 29-го мая 1861 года комитета объ устройствѣ русскихъ американскихъ колоній (докладъ этого комитета съ приложеніями къ нему изданъ въ свѣтъ въ двухъ довольно объемистыхъ томахъ, СПБ., 1863 г.). Вотъ что свидѣтельствуетъ этотъ комитетъ о дѣятельности Россійско-Американской Компаніи, на основаніи многочисленныхъ данныхъ, собранныхъ на мѣстѣ. «Всѣ туземцы, состоящіе въ вѣдѣніи компаніи, освобождены отъ всѣхъ повинностей и податей, но вмѣстѣ съ тѣмъ употребляются компаніей на работы и промыслы по собственному ихъ желанію и за опредѣленную плату, которая значительно выше прежней и простирается отъ 30 до 60 рублей въ годъ на человѣка, съ продовольствіемъ сверхъ того отъ компаніи. Не смотря на широкія права, колоніальное правительство не употребляетъ насильственныхъ мѣръ для снаряженія партій на морскіе промыслы; при всѣхъ опросахъ жителей, ревизія не встрѣтила жалобъ на личныя притѣсненія, а, наоборотъ, очень часто слышала отъ алеутовъ похвалы и изъявленія благодарности русскимъ за хорошее обращеніе. Не смотря на тотъ широкій произволъ, который былъ предоставленъ компаніи самымъ положеніемъ о ней, ревизія не нашла здѣсь особенныхъ злоупотребленій власти. Предположенное въ 1841 году соединеніе кадьякскихъ алеутовъ, разсѣянныхъ по острову въ 65 разныхъ мѣстахъ, въ общія селенія, въ теченіе трехъ лѣтъ привело къ совершенному окончанію, образованіемъ семи селеній, расположенныхъ въ наиболѣе

удобныхъ мѣстахъ. Распоряженіе это имѣло благодѣтельное вліяніе на здоровье алеутовъ и на нравственное ихъ развитіе. Цѣль компаніи—способствовать всегда, по мѣрѣ силъ и возможности, во всемъ, что̀ касается улучшенія быта туземцевъ,—была въ этомъ случаѣ вполнѣ достигнута и, конечно, отразилась съ самой благопріятной стороны и на ея собственныхъ выгодахъ. Въ той же степени принимались мѣры для улучшенія быта туземцевъ и въ прочихъ отдѣлахъ колоній, соотвѣтственно надобности и пользѣ, отъ сего проистекающей». Независимые и враждебные къ намъ въ прежнее время колоши вошли въ дружескія и торговыя связи съ компаніей, что̀ иногда позволяло послѣдней защищать отъ истребленія даже англійскіе редуты, какъ наприм. въ 1847 году. Компанія содержала въ своихъ владѣніяхъ 9 церквей и 35 часовень съ необходимыми церковными причтами. Почти всѣ зависимые инородцы и креолы ко времени ревизіи были обращены уже въ православіе, хотя, какъ замѣчаетъ комитетъ, обращеніе ихъ большею частью основано не на твердомъ убѣжденіи, а вызывалось личными разсчетами дикарей на подарки и помощь крестныхъ отцовъ. При этомъ нужно замѣтить, что едва ли можно требовать, чтобы эти дикари могли принять такую высокую религію, какъ христіанство, по твердому и глубокому убѣжденію въ высотѣ и истинности ея сравнительно съ другими религіями. Нужно поставить въ особую заслугу компанейской администраціи и служившимъ въ томъ краѣ нашимъ православнымъ миссіонерамъ, а особенно—знаменитому о. Веніаминову, заботы о распространеніи образованія и христіанскаго просвѣщенія какъ между русскимъ, такъ и между туземнымъ населеніемъ. Компанія открыла и содержала на свой счетъ школы, которыхъ было сначала двѣ (мужская и женская); въ 1854 году устроена была еще временная школа для сыновей лицъ, состоящихъ на службѣ компаніи; а въ 1859 году учреждено особое колоніальное училище съ правами уѣздныхъ училищъ. Сверхъ того, при нѣкоторыхъ церквахъ колоній были открыты церковно-приходскія школы, и затѣмъ была переведена

изъ Камчатки въ Ново-Архангельскъ духовная семинарія. Наконецъ, на средства компаніи обучалось въ европейской Россіи до 8 мальчиковъ изъ дѣтей родителей, оказавшихъ своею службою пользу компаніи. Какъ на лучшее доказательство успѣшности образованія въ колоніяхъ, комитетъ указываетъ на то, что бо́льшая часть алеутовъ умѣетъ читать и писать. Стараніями о. Веніаминова, изучившаго алеутскій языкъ, переведены на него св. Евангеліе отъ Матѳея, краткій катихизисъ и нѣкоторыя молитвы. Не менѣе заботилась Россійско-Американская Компанія и о народномъ здоровьѣ. Разрушительное вліяніе оспы, особенно свирѣпствовавшей въ зиму 1837—38 годовъ, было предотвращено предохранительнымъ оспопрививаніемъ. Въ 1848—1853 годахъ свирѣпствовала эпидемическая корь; для борьбы съ нею компанія открыла, сверхъ постоянной больницы, еще три временныхъ; послѣ чего, какъ заявляетъ комитетъ, никакихъ особенныхъ болѣзней въ колоніяхъ не было, и вообще состояніе общественнаго здоровья находится въ весьма удовлетворительномъ состояніи. Сифилисъ, свирѣпствовавшій въ началѣ компанейскаго управленія, почти совсѣмъ прекратился на островахъ; впрочемъ, въ Ново-Архангельскѣ болѣзнь эта была еще очень сильна. Для пособія родильницамъ компанія содержала повивальныхъ бабокъ въ Ново-Архангельскѣ и Кадьякѣ. Продовольствіе и снабженіе колоній разными продуктами и товарами производилось на счетъ компаніи изъ Америки и даже Европы. Сушеную рыбу компанія часто раздавала туземцамъ даромъ изъ своихъ запасовъ; все же остальное продовольствіе она доставляла жителямъ этого бѣднаго земледѣльческаго края на своихъ кругосвѣтныхъ судахъ; такъ доставлялись: мука ржаная и пшеничная, крупа и рисъ, горохъ, картофель и рѣпа, солонина, чай, сахаръ и перецъ, масло коровье, и пр. и пр. По замѣчанію ревизіи, хлѣба доставлялось мало въ колоніи, хотя туземцы весьма любили его и считали даже за лакомство. Причина этого заключалась въ томъ, что компанія несла большіе убытки по доставкѣ хлѣба и въ то же время не желала пріучать туземцевъ къ тому, безъ

чего они всегда обходились и прежде и что̀ не можетъ быть для нихъ обезпечено на будущія времена; а потому и считала хлѣбъ за излишнюю роскошь для туземцевъ. По моему мнѣнію, соображенія эти вполнѣ вѣрны, и съ ними нельзя не согласиться. Очень жаль, что Шашковъ, замалчивая ихъ, ядовито острится по поводу ихъ: компанейскіе промышленники не знали предѣловъ своей жадности, говоритъ онъ, и дошли даже до такого убѣжденія, что «алеутовъ вредно кормить хлѣбомъ, по мѣстнымъ, дескать, условіямъ» [1]). Въ распоряженіи компаніи для запаса продуктовъ и товаровъ для своихъ колоній и для производства вообще торговли было 4 парохода, 4 кругосвѣтныхъ корабля и 6 кораблей для внутренняго плаванія. Компанія производила торгъ на Нижегородской ярмаркѣ, въ Москвѣ, Камчаткѣ, Беринговомъ морѣ, Амурѣ, Кяхтѣ, Кульджѣ, Чугучакѣ, Лондонѣ, Нью-Іоркѣ, Шанхаѣ, С.-Франциско, Калифорніи и даже одно время на Сандвичевыхъ островахъ.—Въ 1842—1852 гг. компанія снаряжала на свой счетъ ученыя экспедиціи, имѣвшія цѣлью изслѣдованіе этого дикаго края. По предложенію Академіи Наукъ, компанія содержала на свой счетъ магнитную обсерваторію въ Ново-Архангельскѣ.

Вообще, по свидѣтельству указаннаго мною комитета, положеніе алеутовъ подъ управленіемъ Россійско-Американской Компаніи, сравнительно съ прежнимъ временемъ, измѣнилось во многомъ къ лучшему: прекратились между ними кровавыя междоусобія, вывелось туземное рабство и соединенный съ нимъ обычай убивать рабовъ (калговъ), введено христіанство, распространилась грамотность, явилось оспопрививаніе; прекратились хищничества и междоусобныя распри промышленниковъ, приведены въ извѣстный порядокъ морскіе промыслы. Головинъ, членъ означеннаго комитета, высказываетъ даже, что положеніе алеутовъ во всѣхъ отношеніяхъ сдѣлалось гораздо лучше положенія инородцевъ Сибири и сѣверо-восточной части

---

[1]) «Историческіе этюды», т. II, ст. «Россійско-Американская Компанія».

европейской Россіи. Въ то же время комитетъ признаетъ фактъ порабощенія компаніей здѣшнихъ инородцевъ, а положеніе алеутовъ—близко подходящимъ къ бывшему положенію крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи, такъ какъ алеуты, будучи принуждены покупать все нужное у компаніи по установленнымъ цѣнамъ, весьма стѣснены въ своей жизни. Вслѣдствіе этого алеуты, не ожидая улучшенія своего матеріальнаго положенія, впали въ апатію и безпечность, лѣнь и нерадѣніе. Желая облегчить алеутовъ и возбудить въ нихъ лучшія качества, комитетъ проектировалъ освободить ихъ отъ обязательнаго въ пользу компаніи труда; при чемъ членъ комитета г. Костливцевъ, оставшись по этому поводу при отдѣльномъ мнѣніи, высказалъ между прочимъ слѣдующее: «Алеутъ и креолъ готовъ всю свою жизнь ничего не дѣлать; одинъ голодъ можетъ вывести его изъ состоянія праздности, и потому, отнявъ у него всякое побужденіе къ труду, мы, при неразвитости этого племени, вмѣсто ожидаемаго прогресса, отодвинемъ его назадъ». «Природная лѣность и безпечность алеутовъ, говоритъ Головинъ, такъ велики, что ни одинъ изъ нихъ не выѣдетъ на промыселъ безъ крайней необходимости, довольствуясь рыбою, добываемою лѣтомъ безъ всякаго почти труда, и найденными произведеніями, т.-е. ракушками разныхъ видовъ, остающимися на отмели при отливѣ. Алеутъ не думаетъ о будущемъ, и поэтому, если зима сурова и льды покроютъ лайды, алеуты терпятъ голодъ и нерѣдко принуждены бывали ѣсть ремни, разрѣзывая ихъ на мелкіе куски и разваривая въ водѣ; объ улучшеніи же быта имъ никогда на мысль не приходило». Костливцевъ высказываетъ даже, что до такого состоянія алеуты дошли вслѣд твіе «излишней попечительности» о нихъ со стороны компаніи; Головинъ же видитъ причину этого въ звѣрскомъ обращеніи съ алеутами первыхъ здѣсь русскихъ промышленниковъ. «Имена Глотова, Соловьева, Натрубина и ихъ товарищей, говоритъ онъ, до сихъ поръ приводятъ алеутовъ въ трепетъ. Тысячи людей погибли жертвами мести этихъ необузданныхъ злодѣевъ, истре-

блявшихъ огнемъ и мечемъ цѣлыя селенія. Да и послѣ того, если убійства и прекратились, то долго еще не могли дойти до убѣжденія, что алеутъ—человѣкъ, а не животное. Извѣстно, что первый главный правитель колоній Барановъ считалъ жизнь алеутовъ за ничто.... Дѣйствія первыхъ русскихъ промышленниковъ довели алеутовъ до безконечной покорности, и ни одному изъ нихъ и въ голову не придетъ ослушаться кого-либо изъ русскихъ».

Народонаселеніе этого края, со времени занятія его русскими, значительно уменьшилось; но при этомъ не нужно забывать, что процессъ вымиранія алеутовъ начался гораздо раньше сформированія Россійско-Американской Компаніи. Тотъ же іеромонахъ Гедеонъ, на котораго я ссылался выше и который пріѣхалъ въ этотъ край еще въ 1804 году, нашелъ уже у кадьякцевъ любимую пѣсню, въ которой туземцы, «обращаясь съ чувствомъ тоски къ лучшему прошлому, вспоминаютъ, что прежде у нихъ были байдары, а теперь рѣдкій тойонъ имѣетъ трехлючную байдарку, что прежде у нихъ бывали бобровыя парки (одежда), а теперь съ трудомъ добываютъ и топорковыя, какія раньше носили ихъ калги (плѣнники), что въ былое время, только крикнетъ анаюгакъ (хозяинъ, начальникъ), изъ жилищъ выбѣжитъ великое множество народа, а теперь и жилища опустѣли, хотя, впрочемъ, повальныхъ болѣзней не было». О. Веніаминовъ полагаетъ, что въ лучшія времена алеутовъ было отъ 12 до 15 тысячъ душъ. По отчетамъ, въ вѣдѣніи Россійско-Американской Компаніи считалось въ 1819 г. всѣхъ жителей здѣсь 9.019 человѣкъ. Первое болѣе или менѣе правильное счисленіе народонаселенія было сдѣлано здѣсь въ 1822 г.; всѣхъ жителей оказалось 8.286 душъ. Съ 1830 до 1860 г. свѣдѣнія о числѣ народонаселенія ежегодно доставлялись колоніальнымъ управленіемъ въ главное правленіе. Чтобы нагляднѣе показать движеніе народонаселенія, ростъ и убыль той или другой части его, я приведу извлеченіе объ этомъ изъ «доклада комитета объ устройствѣ русскихъ американскихъ колоній».

НАСЕЛЕНІЕ.	Въ царскія времена, по свѣдѣніямъ о. Веніаминова.	Въ 1819 г.	Въ 1821 г.	Съ 1830 по 1839 г.	Съ 1840 по 1849 г.	Съ 1850 по 1861 г.	Въ 1861 г.
Русскихъ	—	391	488	669	605	595	577
Креоловъ	—	244	533	1.075	1.428	1.793	1.892
Туземцевъ (алеутовъ и курильц.).	15.000	8.324	5.334	6.713	4.320	4.367	4.752
Итого	15.000	9.019	6.355	8.457	6.353	6.755	7.221

Въ этой таблицѣ не показаны мною кенайцы, кускоквимцы, аглемюты, чугачи и мѣдновцы, такъ какъ эти туземныя племена не находились въ зависимости отъ компаніи. Остается неизвѣстнымъ, какія туземныя племена показаны въ числѣ 8.384 человѣкъ за 1819 годъ.

Въ продолженіе 42 лѣтъ, съ 1819 по 1861 годъ, общая численность населенія этого края уменьшилась съ 9.019 до 7.221 человѣка; хотя число русскихъ въ это время увеличилось, но число туземцевъ уменьшилось съ 8.384 до 4.752. Если же сравнить численность туземцевъ въ 1861 г. съ численностью ихъ въ прежнее время, по показаніямъ о. Веніаминова, то окажется, что число туземцевъ уменьшилось втрое. Любопытно при этомъ то, что число креоловъ постепенно возростало; въ продолженіе 42 лѣтъ оно увеличилось въ восемь разъ. Причины быстраго вымиранія туземныхъ племенъ—алеутовъ и курильцевъ—комитетъ видитъ прежде всего во враждѣ и междоусобіяхъ, искони раздиравшихъ ихъ, въ неистовствахъ и звѣрствахъ первыхъ русскихъ промышленниковъ здѣсь, въ суровомъ обращеніи съ ними первыхъ колоніальныхъ правителей, въ слабой половой производительности алеутовъ, въ такихъ эпидемическихъ болѣзняхъ, какъ оспа, корь и пр., которыя свирѣпствовали здѣсь съ особою силой.

Я старался возможно объективнѣе обрисовать характеръ управленія Россійско-Американской Компаніи нашими отдаленными восточными колоніями и положеніе тамошнихъ инородцевъ подъ этимъ управленіемъ. Какъ видитъ читатель, Россійско-Американская Компанія дѣйствовала по отношенію къ туземцамъ болѣе или менѣе гуманно и не отказывалась даже отъ культурнаго воздѣйствія на нихъ, насколько позволяла дѣлать это главная цѣль ея—торгово-промышленные интересы. Никакими жестокими и звѣрскими поступками по отношенію къ туземцамъ она не запятнала своего имени. Такую позорную память о себѣ оставили только первые русскіе промышленники, работавшіе здѣсь до сформированія этой компаніи и отчасти первые управители послѣдней. Эти постыдные дѣятели, дѣйствительно, принесли много зла туземцамъ, безжалостно угнетая и звѣрски истребляя ихъ. Послѣ, хотя и настали болѣе лучшія времена, но разъ въ значительной степени подорванная духовная и тѣлесная организація этихъ слабыхъ туземныхъ племенъ не могла уже снова окрѣпнуть; начавшееся вырожденіе ихъ стало все болѣе и болѣе прогрессировать.

Но мы оказались бы весьма односторонними, если бы въ изображеніи положенія сибирскихъ инородцевъ остановились только на вышеприведенныхъ печальныхъ картинахъ. Не нужно забывать, что мы по вопросу о вымираніи инородцевъ разсматривали до сихъ поръ положеніе только сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ, слабыхъ физически и духовно, инородческихъ племенъ. Совершенно другую картину мы наблюдаемъ при разсмотрѣніи положенія другихъ, болѣе крѣпкихъ южныхъ и восточныхъ инородцевъ въ Сибири, какъ наприм. киргизовъ, татаръ, якутовъ и бурятъ. Находясь въ болѣе лучшихъ естественно-экономическихъ условіяхъ, обладая, вслѣдствіе этого, болѣе крѣпкою физическою организаціей, отличаясь болѣе сильною энергіею въ трудѣ и экономической обезпеченности, стоя въ духовно-моральномъ отношеніи на болѣе высокой ступени, чѣмъ сѣверныя и сѣверо-восточныя племена, имѣя болѣе крѣпкія и устойчивыя формы

религіи и быта и будучи, наконецъ, болѣе солидарны и тѣснѣе сплочены между собою, эти южные и восточные сибирскіе инородцы: киргизы, татары, якуты и буряты, насколько возможно и особенно по сравненію съ господствующимъ населеніемъ, съ русскими, экономически благоденствуютъ, имѣя въ достаточномъ количествѣ все необходимое для жизни, и не только весьма далеки отъ разоренія, обнищанія и вымиранія, но весьма часто эксплоатируютъ сосѣднія племена, не исключая и самихъ русскихъ. Нѣкоторые изъ этихъ инородцевъ проживаютъ еще въ значительномъ количествѣ въ культурно-земледѣльческой полосѣ Иркутской губерніи и Забайкальской области, изъ которыхъ ихъ въ первой 17% и во второй 30% общаго населенія. Вслѣдствіе еще не прекратившагося въ Сибири земельнаго простора, живущіе здѣсь инородцы занимаются въ обширныхъ размѣрахъ земледѣліемъ; при чемъ оно особенно развито у бурятъ, у которыхъ на 100 душъ населенія приходится 214 десятинъ посѣва, тогда какъ у русскихъ на то же количество душъ населенія засѣвается хлѣба болѣе, а именно—240 десятинъ. Нигдѣ захваты казенныхъ земель не практикуются въ такихъ большихъ размѣрахъ, какъ бурятами въ Забайкальѣ. По изслѣдованіямъ коммиссіи статсъ-секретаря Куломзина, на одну наличную душу мужскаго пола приходится всей земли (удобной и неудобной) у крестьянъ—20,51 десятинъ, у казаковъ—58,71 и у инородцевъ — 84,89 десят.; удобной же земли: у крестьянъ—16,22, у казаковъ—40,93 и у инородцевъ—57,36 дес.[1]). Если же изъ числа инородцевъ Забайкальской области были бы выдѣлены въ этомъ отношеніи буряты, то безсовѣстность ихъ въ земельныхъ захватахъ выступила бы гораздо ярче. Другимъ гораздо болѣе важнымъ источникомъ жизни у разсматриваемыхъ сибирскихъ инородцевъ служитъ широко развитое скотоводство. Такъ наприм., въ Иркутской губерніи на 100 душъ населенія, по свидѣтельству г. Кауфмана,—головъ скота, въ переводѣ на

[1]) Разумовъ: «Забайкалье». СПБ., 1899 г., стр. 88—89.

крупный, у бурятъ 238, тогда какъ у русскихъ только 130; въ Енисейской губерніи у татаръ 429, тогда какъ у русскихъ: 247 у старожиловъ и 179 у новоселовъ; у якутовъ скота еще больше, а у киргизовъ Кокчетавскаго уѣзда до 534 штукъ. По свидѣтельству той же коммиссіи статсъ-секретаря Куломзина, общее количество всякаго скота въ Забайкальской области—5.550.519 головъ, въ томъ числѣ лошадей—628.288, рогатаго скота—1.305.113 и мелкаго—1.201.342. Количество всего скота больше, чѣмъ въ 6 разъ, превышаетъ численность всего населенія; при этомъ на 100 душъ населенія приходится всякаго скота: у крестьянъ 332,2, у казаковъ 597,4, а у инородцевъ 1040,2 [1]). Чтобы нагляднѣе судить о размѣрахъ обезпеченности скотомъ у этихъ сибирскихъ инородцевъ, нужно помнить, что пропорція лошадей въ наиболѣе богатыхъ лугами и пастбищами странахъ Западной Европы не превышаетъ, по свидѣтельству П. П. Семенова, въ Венгріи 12, въ Даніи 17 и въ европейской Россіи 22 на каждые 100 жителей [2]). При сужденіи объ экономическихъ условіяхъ жизни означенныхъ инородцевъ не нужно забывать и того, что Сибирь представляетъ изъ себя широкое поле для разнаго рода промысловъ и заработковъ, которые служатъ громаднымъ подспорьемъ въ жизненномъ бюджетѣ всего населенія вообще и туземнаго въ частности. Вслѣдствіе всего этого мы и видимъ, что южно-сибирскіе инородцы — киргизы, татары, якуты и буряты, вполнѣ обезпеченые экономически, не только не вымираютъ, но значительно прогрессируютъ въ своей численности. При этомъ замѣчу кстати: весьма жаль, что до сихъ поръ не было произведено соотвѣтствующихъ статистическихъ изслѣдованій жизни и быта сибирскихъ инородцевъ, по которымъ съ неопровержимыми цифрами въ рукахъ можно было бы судить по

[1]) Тамъ же, стр. 173—175.

[2]) «Сибирь и великая сибирская желѣзная дорога», изд. Министерства Финансовъ, СПБ., 1896 г., и А. А. Кауфманъ: «Западная и Средняя Сибирь и Степной край» въ «Систематическомъ сборникѣ очерковъ по отечествовѣдѣнію», СПБ., 1898 г.

интересующему насъ вопросу. Относительно киргизовъ еще Левшинъ замѣтилъ, что со времени поступленія въ подданство Россіи они очень быстро размножаются [1]); г. Харузинъ же высчиталъ, что съ 1835 по 1885 годъ, т.-е. въ 50 лѣтъ, киргизы Букеевской орды увеличились на 40%, или на 0,8% въ годъ; при чемъ замѣчаетъ слѣдующее: «Нѣтъ нужды предполагать, если киргизское племя не вымираетъ въ Букеевской ордѣ, что оно подвержено вымиранію въ Средней Азіи, гдѣ оно поставлено въ несравненно лучшія условія, гдѣ оно еще не потеряло въ такой степени свое, унаслѣдованное отъ предковъ. Скорѣе наоборотъ имѣемъ мы возможность предположить, что разъ увеличивается населеніе въ Букеевской ордѣ, то оно тѣмъ болѣе увеличивается въ ордахъ средне-азіатскихъ» [2]). Даже «Восточное Обозрѣніе», одержимое гражданскою скорбью объ уменьшеніи вообще численности инородцевъ, свидѣтельствуетъ, что «киргизское племя весьма крѣпко и здорово, у него не видно вымиранія» [3]). Въ послѣднее время стали утверждать, что вымираютъ, будто бы, еще якуты. «Якуты, говоритъ П. П. Семеновъ, отбросивъ туземцевъ въ полярно-тундровую зону, имѣли достаточный просторъ въ лѣсной зонѣ Якутской окраины, и вымираніе ихъ здѣсь могло бы произойти лишь въ томъ случаѣ, если бы они не съумѣли приспособиться къ естественнымъ условіямъ страны, акклиматизироваться въ ней. Но этого, повидимому, не было; они приспособились и акклиматизировались, сдѣлались туземнымъ племенемъ страны, занятіе которой русскими не измѣнило ихъ положенія къ худшему. Русскіе переселенцы въ размѣрѣ, не превышающемъ $6\frac{1}{2}$ % туземнаго населенія, скучились только въ немногихъ пунктахъ края. Но въ жизни народовъ, живущихъ въ состояніи не культурныхъ людей, а дѣтей природы (Naturvölker), происходятъ иногда стихійныя явленія, въ видѣ временныхъ бѣдствій, съ которыми

---

[1]) «Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей». СПБ., 1832 г.
[2]) «Киргизы Букеевской орды». М., 1889 г., стр. 169—172.
[3]) «Восточное Обозрѣніе» 1886 г., № 12.

они бороться не въ силахъ. Повальныя болѣзни, какъ напримѣръ оспа, эпизоотіи, истребляющія главный источникъ прокормленія скотоводческихъ народовъ—домашнихъ животныхъ, временное оскудѣніе страны звѣремъ или рыбою, все это можетъ производить временныя уменьшенія населенія, послѣ которыхъ, при устраненіи этихъ стихійныхъ бѣдствій, опять является приростъ населенія. Временная ли убыль населенія навела на мысль о постепенномъ вымираніи туземцевъ Якутской окраины, или, дѣйствительно, населеніе скотоводческое, живущее въ странѣ лѣсной, не вполнѣ соотвѣтствующей его народному хозяйству, достигло предѣловъ емкости страны,—выясненія этого вопроса должно ждать отъ будущаго» [1]). Но при этомъ вполнѣ несомнѣнно то, что если и происходитъ какая-нибудь убыль якутовъ, то причина этого кроется не въ стѣсненіи ихъ русскими. Послѣдніе, живя въ Якутской области въ самомъ незначительномъ количествѣ, не болѣе $6^1/_2\,^0/_0$, сами такъ стѣснены якутами и поставлены въ такія тяжелыя и неблагопріятныя условія въ этой весьма суровой странѣ, что по мѣстамъ уронили свое русское дѣло и ассимилировались съ якутами. Поэтому истинная гражданская скорбь должна подсказывать прежде всего заботу не объ участи якутовъ, а объ участи заброшенныхъ сюда русскихъ. Что касается бурятъ, то тотъ же почтенный русскій географъ положительно свидѣтельствуетъ о размноженіи ихъ. «Замѣчательно, говоритъ онъ, что въ бурятскомъ племени не только незамѣтно вымиранія, но, напротивъ, естественный приростъ бурятскаго населенія мало уступаетъ естественному приросту русскаго» [2]). Но, замѣчаютъ нѣкоторые изъ инородцефиловъ, бурятское племя идетъ въ послѣднее время постепенно къ обѣднѣнію. Относительно этого прежде всего, на основаніи работъ Высочайше учрежденной подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Куломзина коммис-

[1]) «Сибирь и великая сибирская желѣзная дорога», изд. Министерства Финансовъ, СПБ., 1896 г., стр. 53—54.

[2]) Тамъ же, стр. 44.

сіи для изслѣдованія землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальской области, нужно сказать слѣдующее. Въ то время, какъ на 1 душу мужскаго пола въ Забайкальѣ приходится 20,51 десятинъ земли у крестьянъ, 58,71 дес. у казаковъ и 84,8 дес. у инородцевъ,—между тѣмъ налоговъ съ каждой рабочей души—13 р. 91 к. у крестьянъ и 10 р. 32 к. у инородцевъ. А затѣмъ нужно уже категорически заявить, что причины обѣднѣнія бурятъ, поставленныхъ въ весьма хорошія экономическія условія, кроются не въ насъ, русскихъ, и не въ нашемъ управленіи, а въ той особенности ихъ религіозно-экономическаго быта, неприкосновенность котораго тѣми же инородцефилами всегда такъ горячо отстаивалась и отстаивается; причины этого явленія кроются въ многочисленности ихъ ламъ, которые, какъ мы видѣли, увеличиваются съ ужасающею быстротой. Численному росту этихъ тунеядцевъ даже не видно конца, такъ какъ, по обычаю бурятъ-ламаистовъ, третій ребенокъ каждаго бурятскаго семейства въ Забайкальѣ долженъ поступить въ ламы.

Сводя къ одному все сказанное о положеніи нашихъ инородцевъ въ Сибири, которая присоединена нами главнымъ образомъ посредствомъ торгово-промышленной колонизаціи, мы видимъ, что только крайнія къ суровому сѣверу и сѣверо-востоку слабыя инородческія племена разоряются и даже по мѣстамъ вымираютъ; между тѣмъ какъ южныя и восточныя народности экономически благоденствуютъ, плодятся и множатся. Поэтому всякій, кому извѣстно, какими печальными и крайне убійственными для мѣстнаго населенія послѣдствіями всегда и вездѣ сопровождается торгово-промышленная колонизація культурныхъ народовъ, сниметъ значительную долю упрековъ съ русскаго народа за его эксплоатацію только нѣкоторыхъ, наиболѣе слабыхъ сибирскихъ инородцевъ и даже за вымираніе послѣднихъ. Хотя это послѣднее печальное явленіе среди слабыхъ сибирскихъ инородцевъ, или, лучше сказать, размѣры этого печальнаго явленія и не обставлены строго научными статистическими данными, такъ какъ наши изслѣдователи, поражаясь численнымъ умень-

шеніемъ инородцевъ и увлекаясь въ порывѣ благороднаго состраданія этими грустными цифрами, чтобы сильнѣе обратить на нихъ вниманіе, почти никогда не справляются о томъ, куда дѣвалась убылая часть той или другой мелкой народности, не перешла ли она изъ дикаго, бродячаго въ осѣдлый образъ жизни, не слилась ли она съ русскимъ населеніемъ до полнаго усвоенія отъ послѣдняго языка и религіи,—хотя все это и такъ, но тѣмъ не менѣе мы должны съ грустью признать печальный фактъ вымиранія слабыхъ сибирскихъ инородцевъ подъ нашимъ русскимъ владычествомъ. Можно спорить только о размѣрахъ этого факта, которые, навѣрно, значительно меньше, чѣмъ выставляютъ, но фактъ, къ несчастью, на лицо. Причины его, какъ я старался показать выше, слишкомъ велики и сложны; убійственное дѣйствіе ихъ усугубляется особенно тѣмъ, что онѣ всего чаще дѣйствуютъ за-разъ и обрушиваются на несчастнаго дикаря всею своею массой. Но разбирая всѣ эти причины внимательно, съ полнымъ желаніемъ предотвращенія ихъ на будущее время, мы чувствуемъ себя въ большинствѣ случаевъ безпомощными предъ ходомъ великаго историческаго событія поглощенія слабаго сильнымъ. Что бы мы ни предпринимали для предотвращенія этого грустнаго факта, все окажется только палліативомъ, задерживающимъ, но не предотвращающимъ ходъ непреложнаго закона природы, усиливающимъ только предсмертныя агоніи, но не воскрешающимъ вымирающихъ. Разсмотримъ эти губительныя причины. Мелкіе военные набѣги, которымъ подвергались разные инородцы въ прежнее время, при занятіи Сибири, и взаимныя между самими инородцами, вслѣдствіе этого натиска русскихъ, враждебныя столкновенія, безъ сомнѣнія, значительно неблагопріятно отразились на экономическомъ благосостояніи сибирскихъ инородцевъ и особенно слабыхъ изъ нихъ и сильно пошатнули ихъ жизнеустойчивость. Еще въ то время нѣкоторымъ изъ наиболѣе мелкихъ инородцевъ, каковыми нужно считать всѣхъ тѣхъ омоковъ, коттовъ, шелаговъ, анюитовъ, и пр. и пр., объ исчезновеніи которыхъ такъ скор-

бѣлъ покойный Ядринцевъ, былъ нанесенъ такой жестокій ударъ, отъ котораго они никогда не могли оправиться послѣ. Но прежде всего не нужно забывать, что всѣ эти военныя дѣйствія, военные удары и разоренія народовъ, при первоначальномъ занятіи какой-либо страны, всегда были неизбѣжны и будутъ таковыми, пока будетъ существовать на землѣ то общечеловѣческое и, какъ нѣкоторые утверждаютъ, неизбѣжное зло, которое называется войною. А затѣмъ нужно признать, что мы въ настоящее время безсильны въ дѣлѣ исправленія того зла, которое было нѣкогда нанесено сибирскимъ инородцамъ при военныхъ дѣйствіяхъ прежняго времени. Нахлынувшій вмѣстѣ съ тѣмъ громадный наплывъ русской колонизаціи еще болѣе неблагопріятно отразился на экономическихъ условіяхъ и всей жизни сибирскихъ инородцевъ. Привыкшіе до сихъ поръ вести свой бродячій и кочевой образъ жизни, пользуясь для сего громадными и даже необъятными разнаго рода угодьями, они, конечно, должны были, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все болѣе и болѣе тѣсниться, бросая свои лучшія насиженныя мѣста въ пользу русскихъ пришельцевъ и уходя все далѣе и далѣе на сѣверъ и сѣверо-востокъ, въ глубь суроваго холода и мороза, гдѣ природа уже не мать, а злая мачиха. Если не считать нѣкоторыхъ безсовѣстныхъ захватовъ разныхъ участковъ грубыми и жестокими русскими эксплоататорами, пользовавшимися общимъ безправіемъ въ краѣ и полнымъ административнымъ произволомъ, то явленіе это, т.-е. русская колонизація Сибири и связанное съ нею постепенное отодвиганіе инородца на суровый сѣверъ, взятое въ общемъ, должно признать вполнѣ естественнымъ и даже желательнымъ. Естественно оно потому, что не могъ великій историческій русскій народъ хладнокровно смотрѣть на то, какъ жители сосѣдней сибирской равнины часто нападали и тревожили его; желая положить конецъ такому ненормальному порядку, нарушающему правильный ходъ его жизни, и найти для себя естественныя, вполнѣ дѣйствительныя границы, онъ, уставши отъ долгаго терпѣнія, перешелъ Уралъ и дошелъ

до береговъ Великаго океана. Естественно оно потому, что русскому народу нуженъ былъ просторъ, на которомъ онъ могъ бы развернуть свои физическія и духовныя силы. Желательно же съ общечеловѣческой точки зрѣнія это явленіе потому, что результатомъ этого явленія было пріобщеніе громадной территоріи съ дикимъ населеніемъ къ общечеловѣческой культурѣ. Вѣдь мы въ первый разъ вступили въ Сибирь въ концѣ XVI столѣтія и не нашли тамъ ничего, кромѣ безконечныхъ смутъ между отдѣльными мелкими народностями и разбоевъ; это была страна въ полномъ смыслѣ варварская. Вѣдь только одинъ г. Ядринцевъ обладалъ такою пылкою фантазіей, которая позволяла ему видѣть здѣсь въ то время цвѣтущія инородческія царства. Въ настоящее же время, чрезъ три столѣтія, мы передали XX-му вѣку эту Сибирь уже вполнѣ умиротворенною, экономически, за немногими исключеніями, благоустроенною, доходною и вообще въ значительной степени культурною,—культурною уже настолько, что страна эта пользуется благами высшаго образованія и лучшаго изъ путей сообщенія. Культурный ростъ Сибири настолько несомнѣненъ за время русскаго господства, что въ этомъ не отказываютъ намъ даже наши враги. Слѣдовательно, по отношенію къ Сибири Россія уже въ значительной степени выполнила свою культурную задачу.

При выполненіи этой исторической миссіи, дѣло не обошлось безъ жертвъ—разоренія и вымиранія нѣкоторыхъ мелкихъ и слабыхъ туземныхъ народностей. Конечно, такія явленія весьма прискорбны; но нужно помнить, что всякое великое дѣло требуетъ для себя необходимыхъ жертвъ, величиною которыхъ часто измѣряется и величіе самаго дѣла; нужно помнить, что безъ этихъ жертвъ иногда невозможно было и обойтись. Дикарю-сибиряку нужны были громадныя пространства, чтобы жить болѣе или менѣе безбѣдно; не можетъ же существовать такое дикое хозяйство и впредь, безъ конца; съ умноженіемъ человѣчества, на землѣ становится все тѣснѣе и тѣснѣе, а потому, въ силу необходимости вещей, такія дикія экстен-

сивныя хозяйства должны уступать мѣсто интенсивнымъ. Это—такой неумолимый законъ экономической жизни человѣчества со всѣми его необходимыми послѣдствіями, что онъ имѣетъ всеобщее приложеніе. Не то же ли самое мы видимъ въ исторіи Европы да и всякой другой страны, гдѣ на мѣсто дикаго и полудикаго человѣка является болѣе или менѣе культурный? И всѣ мы находимъ такія явленія вполнѣ естественными; только у себя дома, въ Сибири, мы нашли ихъ неестественными. Желая высказаться полнѣе, я долженъ предупредить, что это отодвиганіе сибирскаго инородца далѣе въ глубь суроваго сѣвера и всѣ вытекающія изъ него необходимыя слѣдствія не закончились еще и къ настоящему времени, потому что не закончилось еще сформированіе сибирскаго населенія и экономической жизни его. Остановить этотъ процессъ развитія—не въ нашихъ силахъ; говоря яснѣе: не въ нашихъ силахъ—отнять у русскаго населенія всѣ земельныя угодья и отдать ихъ мѣстнымъ инородцамъ; не въ нашихъ силахъ—остановить колонизаціонное движеніе въ Сибирь русскаго народа, этого 100-милліоннаго колосса; а вѣдь только при этихъ невыполнимыхъ условіяхъ и возможно было бы вполнѣ облегчить судьбу слабаго сибирскаго инородца. Разъ сдѣлать этого нельзя, слѣдуетъ остановиться и въ проливаніи часто излишнихъ слезъ.— Происшедшій вмѣстѣ съ наплывомъ въ Сибирь русскаго населенія экономическій переворотъ также неблагопріятно отразился на жизни мелкихъ народностей. Быстро увеличивавшемуся спросу не всегда соотвѣтствовало предложеніе даже самыхъ необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ. Отсюда вздорожаніе послѣднихъ и соотвѣтственно этому паденіе цѣнностей, въ связи съ уменьшавшимися жизненными рессурсами инородца, породили обѣднѣніе и даже разореніе послѣдняго. И этотъ экономическій процессъ также еще не закончился въ Сибири; завершеніе его также не позволяетъ надѣяться на улучшеніе жизненныхъ условій захудалаго инородца. Предотвратить этотъ процессъ, какъ результатъ всей сибирской жизни, взятой въ ея совокупности, мы также не въ силахъ. Мы можемъ

придти на помощь разорившемуся инородцу только со своею опекою и благотворительностью. Мы, какъ народъ христіанскій, конечно, должны всегда благотворить; но не должны забывать при этомъ, что это опять весьма слабый палліативъ, такъ какъ благотворительностью мы уже не вдохнемъ новыхъ жизненныхъ силъ въ организмъ угасающей народности, такъ какъ широкая благотворительность приводитъ иногда къ нежелательнымъ результатамъ, чему примѣровъ не мало въ исторіи, и такъ какъ, наконецъ, едва ли и хватитъ нашихъ силъ на это, тѣмъ болѣе, что и дома, на Руси, годъ съ годомъ открывается все большее поле для нея.

Мы можемъ бороться болѣе или менѣе сильно и плодотворно противъ другихъ причинъ, приведшихъ и продолжающихъ приводить захудалаго сибирскаго инородца къ гибели. Мы можемъ выступить на борьбу противъ безсовѣстной эксплоатаціи сибирскаго инородца разными, жадными до быстрой наживы, купцами и промышленниками, на душахъ которыхъ лежитъ слишкомъ много грѣха за старое время, противъ безсовѣстнаго спаиванія и отравленія инородца алкоголемъ, противъ разныхъ эпидемическихъ болѣзней, которыя прямо ведутъ инородцевъ къ вымиранію, противъ безправія и экономической необезпеченности инородца, противъ административнаго произвола, взяточничества чиновниковъ, противъ насилій и звѣрствъ русскаго человѣка въ Сибири, противъ его безсердечности и черствости. Противъ всего этого гадкаго, сквернаго, безобразнаго и безнравственнаго мы, какъ послѣдователи Христа, должны бороться всѣми силами своей души, всѣми зависящими отъ насъ средствами. Въ послѣднее время мы это и дѣлаемъ въ Сибири: мы прилагаемъ по мѣрѣ нашихъ силъ большое усердіе къ распространенію здѣсь христіанства, къ постройкѣ храмовъ Божіихъ и школъ, къ смягченію нравовъ и распространенію просвѣщенія въ странѣ. Изъ вышедшаго недавно отчета о положеніи церковнаго и школьнаго строительства въ районѣ Сибирской желѣзной дороги на средства фонда имени Императора Александра III мы видимъ, что въ

этой области мы достигли крупныхъ успѣховъ. Въ настоящее время уже закончены постройкою 100 церквей и находятся въ постройкѣ еще 62; всѣхъ школъ построено 73 и еще строятся 32. На это церковно-школьное строительство въ Сибири только въ продолженіе одного 1899 г. поступило 446.960 р. 61 к. «Будемъ же вѣрить, скажемъ и мы вмѣстѣ съ указаннымъ отчетомъ, что нынѣ, когда построеніе сибирскихъ церквей и школъ значительно подвинулось впередъ, когда окончаніе многихъ изъ нихъ такъ близко, источники благотворенія не изсякнутъ и касса фонда имени царя-миротворца будетъ по прежнему пополняться посильными даяніями милосердныхъ русскихъ людей». Вмѣстѣ съ тѣмъ мы, насколько возможно, дѣятельно очищаемъ отъ дурныхъ элементовъ сибирскую администрацію, ввели новыя судебныя учрежденія и пролагаемъ великій сибирскій желѣзнодорожный путь, стоящій намъ болѣе 350 милліоновъ рублей. Въ послѣднее время сибирскіе и даже всѣ окраинные вопросы ужъ слишкомъ животрепещущи у насъ, даже въ прямой ущербъ вопросамъ нашего центра.

Но и это все, даже если прибавить ко всему этому и еще больше всякихъ просвѣтительныхъ и гуманныхъ заботъ, не спасетъ, какъ я глубоко убѣжденъ, все того же захудалаго сибирскаго инородца отъ вымиранія, которое, разъ началось, пойдетъ прогрессивно впередъ. Желая высказаться до конца съ полною откровенностью, я желаю поставить занимающій меня въ настоящемъ случаѣ вопросъ на болѣе широкія основы. Сводя къ одному все сказанное о причинахъ вымиранія нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ, мы видимъ, что они, какъ слабыя племена, падаютъ въ борьбѣ за свое существованіе съ суровою природою и пришлымъ русскимъ народомъ. Въ борьбѣ за существованіе слабые всегда вымираютъ, равные удерживаютъ за собою свое право, а сильные берутъ верхъ надъ слабыми. Таковъ естественный законъ всего живущаго на землѣ. Законъ этотъ, конечно, хорошо извѣстенъ и нашимъ лицемѣрамъ, проливающимъ горькія слезы надъ судьбою вымершихъ и вымирающихъ мел-

кихъ инородцевъ. Но они, сверхъ всякаго ожиданія, не желая признавать его всеобщимъ, не желая допустить, чтобы указанные инородцы были подвержены дѣйствію этого закона, настойчиво утверждаютъ, что всѣ народы равны между собою. Увлекаясь высокогуманною идеей о братствѣ, равенствѣ и свободѣ народовъ, хотя и заимствованною изъ христіанства, но весьма своеобразно и даже дурно понятою французскими революціонерами, наши либералы энергично и настойчиво проповѣдуютъ, на основаніи ея, и соціальное равенство всѣхъ народовъ и требуютъ для всѣхъ нашихъ крайне разношерстныхъ инородцевъ, находящихся даже на весьма низкихъ ступеняхъ духовнаго развитія и не имѣющихъ у себя какихъ-либо устойчивыхъ формъ жизни, признанія всѣхъ ихъ гражданскихъ, политическихъ и соціальныхъ правъ наравнѣ со всѣми другими. Увлеченіе это неправильно понятою идеей о равенствѣ людей такъ вкоренилось въ нашемъ мало-разсуждающемъ обществѣ, что оно очень часто переходитъ въ разрядъ такихъ демократическихъ сужденій, которыя должны быть отнесены къ области курьёзовъ и даже абсурдовъ. «Всѣ люди, говорятъ, равны, а потому всѣ родятся на свѣтъ съ одинаковыми умственными способностями и направленіями къ добру; вся разница, которую мы замѣчаемъ между людьми, зависитъ отъ окружающихъ условій жизни и, главнымъ образомъ, отъ воспитанія. Поэтому никто другой, какъ мы же сами отвѣтственны за существующее неравенство людей, за всѣхъ глупцовъ, слабохарактерныхъ, бездѣльниковъ и безнравственныхъ людей. Дуракъ, говорятъ наши крайніе либералы, только потому и дуракъ, что умный человѣкъ не посылалъ его въ хорошую школу; безнравственный человѣкъ только потому и безнравственъ, что лучшіе люди не съумѣли воспитать его нравственно». Такой взглядъ считается и по настоящее время крайне либеральнымъ, такъ какъ въ основѣ его лежитъ крайняя демократическая тенденція; взглядъ этотъ и до сихъ поръ продолжаетъ считаться самымъ моднымъ, не смотря на значительное въ послѣднее время умственное отрезвленіе

русскаго общества. Взятый на прокатъ у французской революціи, взглядъ этотъ преважно рядится въ тогу послѣдняго слова западно-европейскаго соціализма и, къ крайнему удивленію, совершенно неожиданно уживается рядомъ съ другимъ исключающимъ его взглядомъ на борьбу за существованіе разныхъ особей между собою. Наши крайніе либералы, въ пылу ослѣпленія современнымъ соціализмомъ, почему-то совершенно не замѣчаютъ, что эти два излюбленныхъ ими взгляда взаимно исключаютъ другъ друга. Если всѣ люди соціально равны, то законъ борьбы за существованіе не имѣетъ или по крайней мѣрѣ не долженъ имѣть мѣста по отношенію къ роду людскому; слѣдовательно, законъ этотъ и не носитъ на себѣ характера всеобщности въ мірѣ, ограничиваясь только міромъ растительнымъ и животнымъ. Кромѣ того, этотъ красивый взглядъ на равенство народовъ несостоятеленъ и въ своемъ существѣ. Равенство и совершенство всѣхъ людей по сущности своей природы—это не фактъ, а мило-улыбающійся миражъ. Современная наука о человѣкѣ давно уже отвергла взглядъ англійскаго философа Локка, что человѣкъ по своемъ рожденіи есть tabula rasa, на которой можно писать, что̀ угодно. Современная наука давно доказала, что эта доска далеко не чистая, что на ней уже давно и при томъ очень много написано ея предками, что «мертвые, по образному выраженію Лебона, являются безспорными владыками живыхъ», что «мы несемъ тяжесть ихъ ошибокъ и получаемъ награду за ихъ доблести». Фактъ передачи людямъ значительной части какъ тѣлесной, такъ и духовной организаціи путемъ наслѣдственности въ настоящее время настолько твердо упроченъ, что не допускаетъ никакихъ сомнѣній. Фактъ этотъ признается и нашими либералами, послѣдователями крайнихъ соціалистическихъ теорій. Но при этомъ является совершенно непостижимымъ, какъ уживаются рядомъ и эти два взаимно и еще болѣе сильно исключающіе другъ друга взгляда: наслѣдственность и равенство людей. Если одни люди унаслѣдовали отъ своихъ предковъ одно только хорошее, а дру-

гіе одно только дурное, то о равенствѣ людей не можетъ быть и рѣчи. Въ томъ-то наше и горе, что мы часто не даемъ себѣ труда разобраться въ своихъ взглядахъ и выработать стройное свое міровоззрѣніе, а позволяемъ уживаться въ своихъ мозгахъ разнымъ діаметрально противоположнымъ убѣжденіямъ. Если бы мы взяли на себя трудъ основательно вникнуть въ высокую христіанскую идею о равенствѣ людей, то поняли бы, что она имѣетъ тотъ смыслъ, что всѣ люди, въ какомъ бы они общественномъ положеніи ни находились, равны предъ Богомъ въ дѣлѣ своего спасенія, что на это спасеніе, милость и благость Божію въ правѣ разсчитывать каждый: богатый и бѣдный, знатный и простой, если только онъ съ чистымъ сердцемъ обращается къ Богу. Вотъ это-то чистое сердце и уравниваетъ предъ Богомъ людей всѣхъ положеній. Богъ христіанскій, какъ Сама Любовь, желаетъ, чтобы по своему чистому сердцу всѣ люди были достойны Его милости, чтобы въ этомъ отношеніи всѣ люди уравнялись предъ Нимъ; но въ то же время зло такъ глубоко вкоренилось въ природу человѣка, что этого еще далеко нѣтъ на землѣ, и Богъ отвращаетъ лице Свое отъ закоренѣлыхъ ослушниковъ воли Своей. Отсюда ясно видно, что христіанская идея о равенствѣ людей предъ Богомъ въ дѣлѣ спасенія, въ своей сущности, ничего общаго не имѣетъ съ идеей западно-европейскаго соціализма. Все сходство здѣсь только кажущееся, въ однихъ только словахъ. При этомъ достойно вниманія и то, что та же христіанская идея ставитъ равенство людей въ дѣлѣ спасенія даже не существующимъ фактомъ, а высшею цѣлью, къ которой должно стремиться человѣчество, потому что далеко не всѣ люди обращаются къ Богу съ чистымъ сердцемъ. Что христіанство совершенно чуждо взглядовъ нашего крайняго соціализма на равенство людей, это видно изъ того, что Божественный Основатель этой религіи всегда признавалъ неравенство людей по существующимъ въ нихъ духовнымъ способностямъ и стремленіямъ за естественный фактъ; люди, по Его ученію, одѣлены разными талантами, есть рабы добрые, прилежные

и есть рабы злые, лѣнивые, есть дѣвы мудрыя, но и есть дѣвы неразумныя. Западно-европейскіе соціалисты, а вслѣдъ за ними и наши либералы взяли высокую чисто религіозную идею Христа о равенствѣ людей въ дѣлѣ спасенія предъ Богомъ, извратили ее въ ея сущности, примѣнили ее къ соціальному строю и идеалъ приняли за фактъ, смѣшавши въ данномъ случаѣ конецъ съ началомъ. Не могу обойти молчаніемъ и того взгляда нашихъ либераловъ, по которому воспитаніе людей считается великою панацеей, всеисцѣляющею людей отъ вкравшихся въ нихъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ неравенствъ. Взглядъ этотъ поражаетъ меня своею крайнею наивностью; такими красивыми, но безсмысленными фразами можно блистать предъ неразумною толпой, но не убѣждать людей хоть немного мыслящихъ. Тотъ же строго научный фактъ наслѣдственности у людей служитъ яркимъ доказательствомъ всей пустоты этого взгляда.

Итакъ идея о соціальномъ равенствѣ людей, которая такъ властно царитъ въ нашемъ обществѣ до сихъ поръ, есть пустой призракъ, не только несбыточная, но и вредная мечта. Въ мірѣ людскомъ есть и будетъ всегда только соціальное неравенство; чѣмъ дальше идетъ по пути цивилизаціи человѣчество, тѣмъ это неравенство дѣлается все больше и рѣзче. Только у низшихъ народовъ, гдѣ почти всѣ отдѣльные индивидуумы обладаютъ одинаковыми способностями и развитіемъ, замѣчается большее равенство людей; и при этомъ, чѣмъ извѣстное племя ниже стоитъ по своей культурѣ и ближе подходитъ къ состоянію дикости, тѣмъ это соціальное равенство полнѣе. «Съ успѣхами же цивилизаціи, какъ говоритъ Лебонъ, не только расы, но и индивиды каждой расы, по крайней мѣрѣ индивиды высшихъ расъ, стремятся дифференцироваться». Чтобы въ настоящее время ввести соціальное равенство людей, мы должны все принизить въ человѣчествѣ «до уровня того, что̀ въ немъ есть самаго низкаго». Но при этомъ, если бы мы когда-либо и достигли этой несбыточной и вреднѣйшей химеры, тотчасъ же вслѣдъ

за этимъ началась бы снова дифференціація лучшихъ, болѣе энергичныхъ индивидуумовъ, и снова наступило бы соціальное неравенство людей. Итакъ западно-европейскій соціализмъ, украсившись неправильно и дурно понятыми высокими идеями христіанства, стремится ниспровергнуть все то лучшее наслѣдство человѣчества, всю его цивилизацію, которая добыта работою лучшихъ людей съ величайшимъ трудомъ въ теченіе многихъ тысячелѣтій. Соціальное неравенство людей—не только не зло, но необходимая для развитія человѣчества форма жизни. Цивилизація, а вмѣстѣ съ нею развитіе и улучшеніе человѣчества, возможны только при непремѣнномъ условіи борьбы съ природою и порабощенія ея культурнымъ цѣлямъ; а для этого необходимо нужно имѣть людямъ извѣстныя недюжинныя способности, дарованія, таланты, энергію, выдержанность, сноровку, умѣнье, и пр. и пр. Вотъ здѣсь-то и происходитъ та дифференціація людей, о которой говоритъ Лебонъ; вотъ здѣсь то и обнаруживаются рѣзкія различія между индивидами и цѣлыми народами: являются сильные, посредственные и слабые. Наиболѣе активные изъ нихъ становятся во главѣ великаго труда, которымъ создается цивилизація, посредственные выполняютъ черновую, механическую, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тяжелую работу, наиболѣе же пассивные служатъ орудіемъ этой работы, становятся въ зависимость отъ другихъ и дѣлаются даже жертвами своей же собственной слабости. Только первые изъ нихъ дѣлаютъ дѣло цивилизаціи, дѣлаютъ исторію; послѣдніе же, какъ не имѣющіе исторической жизни, обречены въ жертву и должны погибнуть. Можно только продлить агонію этихъ угасающихъ народностей, но не спасти ихъ отъ гибели, такъ какъ, чѣмъ дальше идетъ время и ростетъ человѣчество, а съ нимъ вмѣстѣ и цивилизація, тѣмъ рѣзче обнаруживается слабость этихъ пассивныхъ племенъ. Таковъ естественно-историческій законъ для всего слабаго на землѣ. Правда, онъ жестокъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно всегда помнить, что—и неотвратимъ. Мы можемъ и обязаны по чувству человѣколюбія облегчать удары этого

закона для слабыхъ; но если мы не можемъ вдохнуть новыя силы въ угасающій организмъ, то всѣ наши попытки въ этомъ отношеніи будутъ безплодны. Вотъ почему и наши захудалые сибирскіе инородцы вымираютъ. Это вымираніе инородца, взятое въ общемъ, происходитъ не столько вслѣдствіе жестокости сосѣда-русскаго, сколько вслѣдствіе крайней слабости самого инородца, вслѣдствіе невозможности для него приспособиться къ новымъ условіямъ жизни. Правда, грѣшенъ отчасти въ этомъ дѣлѣ и русскій человѣкъ; но всѣ эти проявленія жестокости и звѣрства его имѣютъ мало значенія въ такомъ весьма сложномъ процессѣ, какъ вымираніе инородцевъ. Слѣдовательно, съ русскаго человѣка должна быть снята значительная доля отвѣтственности за этотъ грустный процессъ, причины котораго болѣе высшаго и неотвратимаго порядка. «Справедливо, говоритъ Фробель, что племена слишкомъ неразумныя, чтобы управлять, и слишкомъ невѣжественныя, чтобы заставить повиноваться другія, должны уступить цивилизаціи и благодарить судьбу, если имъ оставятъ территоріи, въ которыхъ не нуждаются еще другія племена» [1]). «Никогда, говоритъ Летурно, анатомически низшая порода не создавала высокой цивилизаціи. Надъ такою природою тяготѣетъ органическое проклятіе, тяжесть котораго можетъ быть облегчена лишь тысячелѣтними усиліями въ борьбѣ за лучшее, длящейся въ теченіе цѣлыхъ геологическихъ періодовъ» [2]). Правда,—суровые, жестокіе приговоры; но если мы откинемъ фарисейское лицемѣріе и посмотримъ прямо въ глаза этой правдѣ, то должны признать, что она, какъ основанная на строго неумолимомъ законѣ жизни,—неотвратима.

Итакъ, пора перестать корить и даже бичевать насъ за вымираніе нѣкоторыхъ слабыхъ сибирскихъ инородцевъ. Все, что можно сдѣлать въ данномъ случаѣ,—нужно придти поскорѣе на помощь умирающимъ; а для этого

---

[1]) «Америка, ея жизнь и природа». М., 1866 г., стр. 61.

[2]) «Соціологія по даннымъ этнографіи». СПБ., 1896 г., стр. 6.

нужно снарядить экспедицію, но только изъ людей трезво смотрящихъ на дѣло, которая бы прежде всего строго научно выяснила размѣры печальнаго факта вымиранія сибирскихъ инородцевъ и, по ознакомленіи на мѣстѣ со всѣми обстоятельствами этого явленія, выработала рядъ трезвыхъ, разумныхъ мѣръ, которыя помогли бы лучшимъ, еще не утратившимъ всей жизнеспособности, отдѣльнымъ лицамъ и цѣлымъ племенамъ отойти хоть немного отъ ударовъ судьбы.

Въ заключеніе настоящей своей статьи мнѣ остается констатировать тотъ фактъ, что присоединеніе Сибири посредствомъ торгово-промышленной колонизаціи, какъ и вездѣ, сопровождалось и сопровождается, съ одной стороны, матеріальною доходностью ея для метрополіи, а съ другой—бѣдствіями по мѣстамъ туземцевъ, а въ иныхъ случаяхъ—и самихъ колонизаторовъ ея. Сибирь приноситъ нашей государственной казнѣ громадные доходы и считается у насъ «золотымъ дномъ»; но за то въ однихъ мѣстахъ туземцы ея вымираютъ, а въ другихъ—русскіе колонизаторы ея объинородчиваются, вырождаются. Въ однихъ случаяхъ и въ однихъ мѣстахъ мы безпощадно гнетемъ инородца, между тѣмъ какъ въ другихъ впадаемъ въ совершенно противоположную крайность и создаемъ такія условія для русскаго человѣка, оставивъ его на произволъ судьбы, что онъ вырождается. Тамъ мы стремимся къ быстрой и легкой наживѣ; здѣсь же насъ съѣдаетъ сильное желаніе прослыть «либеральными» по отношенію къ инородцамъ. Самую же суть нашей государственной политики по отношенію къ инородцамъ мы не только не усвоили, но даже не привели ея себѣ въ ясность; управленіе инородцами мы предоставили нашимъ многочисленнымъ канцеляріямъ. Такимъ образомъ разсмотрѣніе положенія инородцевъ въ одной только Сибири, и при томъ разсмотрѣніе въ общихъ чертахъ, убѣждаетъ насъ въ томъ, что мы не умѣемъ управлять своими окраинами, своими инородцами. Чѣмъ скорѣе мы обсудимъ, съ русской общегосударственной точки зрѣнія, дѣло управленія нашими инородцами во всѣхъ его подробно-

стяхъ и чѣмъ скорѣе возведемъ его въ стройную систему, примѣняясь въ то же время къ національнымъ особенностямъ каждаго инородческаго племени, тѣмъ дѣло это, имѣющее громадную общегосударственную важность, будетъ поставлено правильнѣе, цѣлесообразнѣе и справедливѣе какъ по отношенію къ инородцамъ, такъ и по отношенію къ господствующему народу—народу русскому.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Положеніе инородцевъ въ Туркестанѣ.

Въ предыдущей своей статьѣ я старался показать, въ какомъ положеніи находятся наши инородцы въ Сибири, присоединенной къ Имперіи главнымъ образомъ посредствомъ торгово-промышленной колонизаціи. Здѣсь слабыя сѣверныя и сѣверо-восточныя туземныя племена, при столкновеніи съ русскими, вслѣдствіе экономическихъ причинъ, падаютъ въ неравной борьбѣ, уменьшаются по мѣстамъ въ своей численности и даже вымираютъ, хотя въ то же самое время наиболѣе крѣпкія по своей тѣлесной и духовной организаціи южныя племена не только стойко выдерживаютъ борьбу съ русскими, но и подчиняютъ послѣднихъ своей экономической зависимости,— не только не вымираютъ, но довольно сильно прогрессируютъ въ своей численности. Посмотримъ теперь, въ какомъ положеніи находятся наши инородцы въ Туркестанѣ, который присоединенъ нами посредствомъ правильныхъ войнъ.

Туркестанскій край и въ прежнемъ своемъ составѣ (Сыръ-Дарьинская область съ Аму-Дарьинскимъ отдѣломъ, Ферганская и Самаркандская области) былъ великъ и занималъ пространство въ 13.124,62 кв. мили, или въ 643.101,8 кв. верстъ; но въ настоящемъ своемъ видѣ, съ присоединеніемъ къ нему Семирѣченской и Закаспійской областей, онъ сталъ еще болѣе громаднымъ, увеличившись въ два слишкомъ раза и занимая пространство въ

30.178,78 кв. миль, или 1.458.756,1 кв. верстъ. Въ настоящее время Туркестанскій край равенъ Франціи, Германіи и Австріи, взятымъ вмѣстѣ, тремъ слишкомъ Кавказамъ, шести Италіямъ, почти 24 Греціямъ, 32 Сербіямъ и 178 Черногоріямъ. Но количество народонаселенія этого края не соотвѣтствуетъ величинѣ его. По переписи 28-го января 1897 года, оно равняется 5.260.376 человѣкъ обоего пола. Нижеслѣдующая таблица наглядно показываетъ пространство Туркестанскаго края въ настоящемъ его составѣ, численность населенія и степень плотности его.

	Пространство.		Численность населенія (об. пола).	Плотность населенія.	
	Квадр. мили.	Квадр. версты.		На 1 кв. мил.	На 1 кв. вер.
Въ Семирѣченской обл.	6.713,59	328.966,1	990.107	147,4	3,0
» Сыръ - Дарьинской съ Аму-Дар. отд. .	9.017,18	441.837,2	1.479.848	164,1	3,3
» Ферганской обл. съ Памирами	2.870,75	140.667,0	1.560.411	543,5	11,1
(Ферг. обл. безъ Памиръ)	(1.646,26)	(80.667,0)	(1.557.973)	(946,5)	(19,3)
» Самаркандской обл.	1.236,69	60.597,6	857.817	693,5	14,1
» Закаспійской »	10.340,57	486.688,2	372.193	35,8	0,8
Итого въ Туркест. краѣ	30.178,78	1.458.756,1	5.260.376	174,3	3,6

Сюда слѣдуетъ также отнести и остальныя двѣ среднеазіатскія области, изъ которыхъ каждая имѣетъ самостоятельное управленіе; области эти—Тургайская и Уральская.

	Пространство.		Численность населенія (об. пола).	Плотность населенія.	
	Квадр. мили.	Квадр. версты.		На 1 кв. мил.	На 1 кв. вер.
Въ Тургайской области	7.887,81	386.502,8	453.123	57,4	1,2
» Уральской »	6.394,45	313.328,2	644.001	100,7	2,0
Итого въ двухъ обл. .	14.282,26	699.831,0	1.097.124	76,8	1,5
А всего въ русск. Средней Азіи.	44.461,04	2.158.587,1	6.375.500	143,4	2,9

Въ среднемъ плотность населенія въ прежнемъ Туркестанскомъ краѣ опредѣляется въ 296,9 челов. на 1 кв. милю, или въ 6,6 челов. на 1 кв. версту, а въ нынѣшнемъ Туркестанскомъ краѣ—въ 174,3 на 1 кв. милю, или въ 3,6 человѣкъ на 1 кв. версту, и превосходитъ густоту населенія Сибири почти въ 6,5 разъ. Плотность населенія во всѣхъ русскихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ равняется 143,4 человѣкъ на 1 кв. милю, или въ 2,9 челов. на 1 кв. версту, и превосходитъ въ этомъ отношеніи Сибирь въ 5 разъ. Въ отношеніи густоты населенія разныя части русскихъ среднеазіатскихъ владѣній представляются въ слѣдующемъ порядкѣ: Ферганская (безъ Памиръ), Самаркандская, Сыръ-Дарьинская, Семирѣченская, Уральская, Тургайская и Закаспійская области.

Вся юго-восточная часть Туркестанскаго края гориста и состоитъ изъ Тянь-Шаня и Памира. Переходомъ отъ Алтайской горной страны къ Тянь-Шаню, который есть также горная страна, такъ какъ, не имѣя главнаго хребта, состоитъ изъ множества второстепенныхъ, служатъ Алтай и Ала-тау. Всѣ второстепенные хребты Тянь-Шаня, или Небесныхъ горъ, имѣютъ общее направленіе на западъ: Кунгей Алатау, Александровскій хребетъ и Уртакъ-тау съ сѣвера и Алайскій съ Заалайскимъ хребтомъ, входящимъ уже въ составъ Памира, съ юга образуютъ богатую Ферганскую долину по среднему теченію Сыръ-Дарьи; Туркестанскій хребетъ съ сѣвера и Гиссарскій съ юга образуютъ другую богатѣйшую долину р. Зеравшана. Только одинъ хребетъ, Каратау, отдѣляясь отъ Александровскаго хребта въ глубь Киргизской степи, имѣетъ сѣверное направленіе. Тянь-Шань—довольно высокая горная страна; отдѣльныя вершины ея достигаютъ 16-ти, 18-ти и даже, какъ наприм. пограничный съ Китаемъ пикъ Ханъ-Тенгри, 24-хъ т. ф. высоты. Въ Тянь-Шаньской горной странѣ много ледниковъ; флора здѣсь, если не считать сѣверо-восточной части Тянь-Шаня, бѣдна, но за то довольно богата фауна. Памиръ представляетъ изъ себя высокое плато, отъ 11-ти до 14-ти т. ф. высоты, и вмѣстѣ съ тѣмъ горный узелъ, отъ котораго въ разныя

стороны расходятся такіе горные великаны, какъ Тянь-Шань, Гиндукушъ, Куэнь-Лунь, Каракорумъ и Гималаи. Отдѣльныя вершины Памира простираются до 20-ти т. ф. (Царь-Миротворецъ) и 23-хъ т. ф. (Царица). Вслѣдствіе громадной высоты, люди страдаютъ здѣсь горною болѣзнью; вслѣдствіе крайне суроваго климата, растительность здѣсь весьма бѣдна; а потому на Памирахъ населеніе крайне малочисленно—не болѣе 1.500 человѣкъ. Не имѣя никакого значенія въ колонизаціонномъ отношеніи, Памиры, какъ говорятъ, имѣютъ громадное стратегическое значеніе. Но позволительно усумниться и въ этомъ, такъ какъ Памиры имѣютъ слишкомъ много препятствій для передвиженія арміи и такъ какъ, что наиболѣе важно, рядомъ съ этимъ путемъ въ Индію есть другой, болѣе удобный и уже историческій путь — изъ нашей Закаспійской области по Мургабу на Гератъ, Кандагаръ и Кветту въ долину Инда. Вся сѣверо-западная часть русскаго Туркестана довольно низменна и пустынна. Имѣя въ общемъ весьма незначительную высоту, эта Арало-Каспійская низменность только въ Усть-Уртѣ имѣетъ небольшой подъемъ до 5 т. ф., за то въ другихъ мѣстахъ имѣетъ глубокое паденіе; такъ наприм., Сарыкамышская котловина спускается до 49 ф., а на сѣверѣ Каракумовъ мѣстность понижается даже до 144 ф. ниже уровня Каспійскаго моря. Чѣмъ далѣе отъ горной страны на сѣверо-востокъ, тѣмъ низменность эта бѣднѣе орошеніемъ, а по мѣстамъ и совершенно лишена его,—тѣмъ пустыннѣе, а по мѣстамъ состоитъ изъ однихъ песковъ и солончаковъ. Ни одна мѣстность въ Россійской имперіи не богата такъ песками, какъ эта Арало-Каспійская низменность, которая по мѣстамъ представляетъ изъ себя какъ-бы «Богомъ забытую страну», настоящую пустыню. Одни изъ этихъ песковъ, какъ наприм. Кара-кумы и отчасти Кизылъ-кумы,—постоянные, скрѣпленные растительностью (главнымъ образомъ—колючка, гребенщикъ и усердно, къ великому сожалѣнію, истребляемый саксаулъ), которая питается близостью подпочвенной воды. Здѣсь еще вполнѣ возможна человѣческая жизнь; сюда прихо-

дитъ на зимовку кочевникъ-киргизъ со своими стадами. Другіе же пески—переносные, сыпучіе, которые служатъ истиннымъ бичемъ сосѣдняго населенія, такъ какъ песокъ, не сдерживаемый ничѣмъ, отъ малѣйшаго вѣтра подвигается впередъ, образуя по пути громадные, даже до 200 ф. высоты барханы, и часто засыпаетъ поля, сады и жилища населенія. Въ высшей степени грустно, тяжело видѣть эту весьма печальную картину стихійнаго уничтоженія всякихъ признаковъ человѣческой культуры. Такихъ песковъ особенно много въ тѣхъ же Кизылъ-кумахъ, Муюнъ-кумахъ, Бухарѣ и особенно въ Закаспійской области. Пески эти часто прерываются безплодными, совершенно безжизненными солончаками (такиръ и соръ). Здѣсь уже не только человѣческая, но и всякая жизнь невозможна [1]).

Орошеніе Туркестанскаго края весьма бѣдное. Всѣ здѣшнія водныя системы принадлежатъ къ внутреннимъ бассейнамъ. Въ Аральское море-озеро впадаютъ двѣ самыхъ главныхъ горныхъ рѣки края—Сыръ-Дарья съ Тянь-Шаня и Аму-Дарья съ Памира, со своими многочисленными притоками въ среднемъ и особенно въ верхнемъ теченіи; изъ нихъ наиболѣе важны для Ташкентскаго района притокъ рѣки Сыръ-Дарьи—Чирчикъ, а для Самаркандской области и Бухары—бывшій притокъ

[1]) При этомъ не могу воздержаться, чтобы хотя подъ строкою не замѣтить: почему «Туркестанскія Вѣдомости» (1899 г., № 49, передов. ст.) въ пылу восторга надѣются, что Туркестанскій край, польщенный покойнымъ министромъ финансовъ г. Вышнеградскимъ въ застольной рѣчи названіемъ «драгоцѣнной жемчужины въ коронѣ Русскаго Императора», станетъ теперь, съ присоединеніемъ Семирѣченской и Закаспійской областей, «крупнымъ брилліантомъ»?! Почаще слѣдовало бы вспоминать весьма талантливую и глубокоправдивую статью Е. Л. Маркова «Глиняныя пріобрѣтенія» («Русь» 1884 г., № 13) для оцѣнки нашей Закаспійской области; тогда и не было бы такихъ увлеченій. Закаспійская область, 90% которой составляютъ мертвыя пустыни, можетъ имѣть для насъ только одно значеніе—стратегическое. Вообще я долженъ замѣтить, что радоваться такому расширенію Туркестанскаго края, какъ административной единицы, преждевременно; въ данномъ случаѣ мѣстная гордость звучитъ, по моему мнѣнію, довольно фальшиво.

Аму-Дарьи, но нынѣ весь расходуемый на орошеніе и теряющійся въ бухарскихъ, пескахъ,—рѣка Зеравшанъ. Въ Семирѣчьѣ наиболѣе важное значеніе имѣютъ слѣдующія рѣки: Или съ Текесомъ, Караталъ, Аксу, Лепса и др. Балхашскаго бассейна, бѣшеная р. Чу, впадающая въ Саумалькуль. Далѣе въ краѣ есть нѣсколько горныхъ озеръ, изъ которыхъ замѣчательны: Иссыкъ-куль (теплое, незамерзающее озеро) и Искандеръ-куль и нѣсколько степныхъ мелкихъ озеръ съ водою большею частью горькосоленаго вкуса, разбросанныя тамъ и сямъ, какъ живые свидѣтели бывшаго здѣсь когда-то моря, воды котораго отдѣляли высокую Азію отъ Европы. Наиболѣе слабо орошена рѣками сѣверо-западная часть низменности; изъ нихъ замѣчательна Эмба. Такъ же, если только не болѣе слабо, орошена вся Закаспійская область. Нѣсколько мелкихъ рѣчекъ сбѣгаетъ съ южнаго пограничнаго хребта Копетъ-дага; изъ другихъ болѣе крупныхъ здѣсь, принадлежащія намъ низовьями,—Тенденъ и Мургабъ; послѣдній важенъ для Мервскаго оазиса. Всѣ среднеазіатскія рѣки—горнаго происхожденія, а потому весьма быстры, порожисты, многія изъ нихъ мелководны, всѣ несутъ съ собою громадное количество плодороднаго ила, имѣютъ множество мелей и при томъ переносныхъ, а потому почти всѣ онѣ несудоходны. Исключеніе въ послѣднемъ случаѣ дѣлается только для трехъ изъ нихъ: Сыръ-Дарьи, Аму-Дарьи и Или. Но весьма дорого стоившія попытки устройства судоходства по рѣкамъ Или, Сыръ-Дарьѣ и Аральскому морю сопровождались довольно печальными послѣдствіями до уничтоженія этихъ никому ненужныхъ, но дорогихъ флотилій включительно, а потому наглядно показали всю тщету подобныхъ затѣй. Такими же почти результатами сопровождается и нынѣ дорого стоющее казенное судоходство по Аму-Дарьѣ, по которой, особенно противъ теченія, пароходы ходятъ съ величайшимъ трудомъ. Пора бы положить конецъ этимъ разорительнымъ для казны затѣямъ, равно какъ и другой весьма громкой затѣѣ—проекту поворота русла Аму-Дарьи по прежнему ея теченію, черезъ Узбой. Серьёзные русскіе изслѣдова-

тели давно уже отказались отъ приведенія въ исполненіе этого несбыточнаго намѣренія великаго императора Петра I. Если бы и удалось повернуть Аму-Дарью въ Каспійское море, мы все-таки никогда не получили бы изъ нея вполнѣ судоходной рѣки. Всѣ среднеазіатскія рѣки, въ смыслѣ путей сообщенія, не имѣютъ почти никакого значенія; но тѣмъ не менѣе, будучи расходуемы на искусственное орошеніе, всѣ онѣ имѣютъ громаднѣйшее, исключительное значеніе, какъ жизненныя артеріи, или оживители страны. Безплодныхъ мѣстностей и не израсходованной текучей воды въ русскомъ Туркестанѣ пока такъ много, сухая, мертвая на видъ лесовая почва такъ плодородна, при условіи орошенія, общій уклонъ мѣстности такъ хорошъ, что усилія русскаго знанія, труда, капитала и энергіи должны быть направлены въ эту сторону, а не въ сторону затѣй, которыя могутъ тѣшить развѣ только генерала Глуховскаго, который не далѣе, какъ года два-три тому назадъ, чуть не въ десятый разъ все еще разъѣзжалъ по Узбою и доказывалъ необходимость поворота Аму-Дарьи въ Каспійское море. Вотъ тогда, когда чуть не всѣ наши среднеазіатскія рѣки будутъ такъ же эксплоатироваться, будутъ такъ же использованы безъ остатка, какъ наприм. рѣка Зеравшанъ,—вотъ тогда этотъ край дѣйствительно будетъ цвѣтущимъ и сдѣлается жемчужиною, а можетъ быть и брилліантомъ въ коронѣ Русскаго Императора. Бывшій военный губернаторъ Сыръ-Дарьинской области, нынѣ пріамурскій генералъ-губернаторъ, Н. И. Гродековъ, въ своемъ «Обзорѣ Сыръ-Дарьинской области за 1885 г.» (СПБ., 1886 г.) относительно Сыръ-Дарьи вполнѣ вѣрно замѣчаетъ слѣдующее: «Многолѣтнее изученіе рѣки приводитъ къ сознанію о слабой ея пригодности для развитія судоходства въ серьёзныхъ размѣрахъ; она можетъ служить, какъ сплавная рѣка; главная же ея задача въ будущемъ—служить артеріею для обширной ирригаціонной системы по берегамъ, что̀, судя по многочисленнымъ признакамъ, и было въ глубокой древности» (стр. 11). Для этого богатаго и доходнаго въ будущемъ края необходимъ и другой путь—

сплошной рельсовый, связывающій его съ метрополіей. Настоящая среднеазіатская желѣзная дорога отъ Красноводска до Ташкента должна быть продолжена по издавна установившемуся, историческому пути на Оренбургъ, а не на Сибирь, какъ недавно нѣкоторыми проектировалось. Путь изъ Ташкента на Сибирь не будетъ имѣть серьёзнаго значенія ни въ экономическомъ, ни въ стратегическомъ отношеніяхъ. У Туркестана съ Сибирью никогда не было серьёзныхъ торговыхъ сношеній, и въ настоящее время нельзя разсчитывать на крупные грузы въ Сибирь или изъ Сибири. Хлопокъ и другіе продукты теплаго климата Туркестана для Сибири, не имѣющей у себя развитой фабрично-заводской промышленности, не нужны; Сибирь можетъ снабжать Туркестанъ развѣ только хлѣбомъ, но хлѣбъ можетъ доставить Туркестану и европейская Россія. Въ стратегическомъ отношеніи для насъ въ Средней Азіи гораздо важнѣе имѣть опору въ метрополіи, чѣмъ въ окраинной же Сибири.

Вслѣдствіе того, что Туркестанскій край удаленъ отъ моря, открытъ для сѣверныхъ и восточныхъ сухихъ вѣтровъ и богатъ песками, климатъ его вполнѣ континентальный, сухой, съ рѣзкими переходами отъ тепла къ холоду. Въ отношеніи климата Туркестанскій край можно раздѣлить на три полосы: сѣверную, среднюю и южную. Первая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ всю Киргизскую степь до Чимкента и предгорій Тянь-Шаня, вторая—низменныя части Ташкентскаго уѣзда, Ферганской и Самаркандской областей, и третья—Закаспійскую область. Средняя температура лѣта — въ первой + 23,6°, во второй + 26,3° и въ третьей + 28,2°; средняя температура зимы— въ первой — 7,5°, во второй + 0,9° и въ третьей + 1,9°; средняя температура всего года: + 8°, + 13,6° и + 15,1° [1]);

[1]) Весьма непріятно встрѣчать въ печати такіе грубые промахи относительно климата Туркестана, какъ у г. Забугина, который въ своей брошюрѣ «Средняя Азія» (М., 1896 г.) утверждаетъ, что средняя годовая температура въ Ташкентѣ, Ферганѣ и Самаркандѣ—отъ + 23° до + 24° Ц. и даже въ сѣверо-западной части Сыръ-Дарьинской области все еще превышаетъ + 21° (см. стр. 4).

разность среднихъ температуръ самаго теплаго и холоднаго мѣсяцевъ: 37,3° для первой и 31° для остальныхъ двухъ полосъ; средняя температура 5-мѣсячнаго растительнаго періода + 21,1, + 24,2 и + 26,3°; максимальная температура + 42° въ первой и во второй и + 45° въ третьей; минимальная — 31° въ первой, — 22,6° во второй и — 20,4° въ третьей полосѣ. Сѣверная часть — полоса абрикосовъ и плохаго винограда, двѣ остальныя—полосы кукурузы, винограда, персиковъ, гранатъ, фигъ, миндаля, табака, хлопка и другихъ нѣжныхъ растеній. Не смотря на такія рѣзкости, климатъ Туркестанскаго края долженъ быть признанъ здоровымъ; русскіе здѣсь очень быстро и вполнѣ акклиматизируются; наиболѣе губительными болѣзнями здѣсь должно признать желудочныя заболѣванія и лихорадки. Къ чести настоящей высшей администраціи края должно отнести то, что въ послѣднее время обращено серьёзное вниманіе на борьбу съ туземною лихорадкою, отъ которой въ недавнее время даже подъ самымъ Ташкентомъ, въ Чирчикскомъ районѣ, туземное населеніе вымирало цѣлыми волостями.

Въ отношеніи осѣдлости и культуры весь Туркестанскій край можно раздѣлить на слѣдующія три полосы: а) высокая горная страна, съ каменистою почвою и суровымъ климатомъ, удобная только для скотоводства, привлекаетъ къ себѣ на лѣто кочевниковъ съ ихъ стадами изъ сожженной солнцемъ низменности—киргизовъ и каракиргизовъ; б) предгорья и долины рѣкъ, съ плодороднѣйшею почвою, такъ называемымъ лесомъ, жаркимъ климатомъ лѣтомъ и прекрасною ирригаціонною системою, вполнѣ пригодны для осѣдлой жизни и занятій культурою нѣжныхъ, субтропическихъ растеній. Эти счастливые уголки раскинуты въ краѣ оазисами, изъ которыхъ наиболѣе богатые: Чирчикскій (Кураминскій или Ташкентскій), Мервскій, Елатанскій и особенно Зеравшанскій съ прекраснѣйшею долиною Міанкаль, и Ферганскій, а также и другіе; и в) безводныя пространства, сѣверозападныя пустыни, которыя, хотя по мѣстамъ и богаты еще лесомъ, но лишены орошенія и которыя въ значи-

тельной своей части покрыты песками, со скудною степною растительностью, съ климатомъ весьма жаркимъ лѣтомъ и довольно холоднымъ зимою, годны для скотоводства и привлекаютъ къ себѣ особенно на зиму кочевниковъ съ сѣвера и съ юга изъ горъ съ ихъ многочисленными стадами.

Громадное экономическое значеніе имѣетъ вторая изъ этихъ полосъ—предгорья и рѣчныя долины, особенно послѣднія. Главнымъ богатствомъ какъ этой части, такъ и всего края служатъ климатъ, почва и вода. Здѣшній климатъ, имѣющій мягкую зиму (отъ $+0{,}9^\circ$ до $+1{,}9^\circ$) и жаркое лѣто, средняя температура котораго $+26{,}3^\circ$ и $+28{,}2^\circ$ съ maximum по мѣстамъ даже въ $+42^\circ$, съ длиннымъ, въ 7 слишкомъ мѣсяцевъ, вегетаціоннымъ періодомъ, средняя 5-мѣсячная температура котораго равняется $+24{,}2^\circ$ и $+26{,}3^\circ$, съ яснымъ безоблачнымъ небомъ въ продолженіе почти 5 мѣсяцевъ и съ громадною интенсивностью южныхъ солнечныхъ лучей, даетъ возможность заниматься мѣстному населенію высокоцѣнными культурами. Почва этой полосы состоитъ изъ леса, т.-е. желтозема, который заходитъ въ предгорья даже до 5 т. ф. Это—суглинистый мергель, состоящій главнымъ образомъ изъ песку, извести, глинозема, солей и др. нѣкоторыхъ частей, буро-желтаго цвѣта, тончайшаго измельчанія (какъ пудра), вслѣдствіе чего легко взмучивается и клубится въ водѣ, отличается большою пластичностью и вязкостью и не имѣетъ горизонтальныхъ наслоеній. По теоріи Ритхгофена (въ его замѣчательномъ трудѣ о Китаѣ), разработанной нашимъ академикомъ. ф.-Миддендорфомъ (въ его сочиненіи «Очерки Ферганской долины», СПБ., 1882 г.), лесъ образовался въ продолженіе вѣковъ изъ атмосферической пыли путемъ вѣтровыхъ наносовъ [1]). Этотъ желтоземъ, имѣющій тѣ же свойства, что̀ и въ Китаѣ, отличается

[1]) Въ дополненіе къ тому, что̀ изложено почтеннымъ академикомъ объ атмосферической пыли, могу сообщить, что въ маѣ 1899 г. я наблюдалъ въ Эривани эту пыль въ видѣ громаднѣйшаго облака или столпа, который двигался съ ю.-з. на с.-в. и, постепенно закрывъ собою оба Арарата, разразился пыльнымъ ураганомъ.

такимъ громаднымъ плодородіемъ, что въ этомъ отношеніи превосходитъ даже черноземъ и не знаетъ, если достаточно орошенъ, неурожаевъ. Залегая мощнымъ пластомъ, въ 3, 5, 10 саженъ толщины и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ 66 саж., какъ свидѣтельствуетъ ф.-Миддендорфъ (стр. 83), лесъ представляетъ изъ себя неистощимый запасъ плодородія для Туркестанскаго края. Тамъ, гдѣ онъ достаточно орошенъ, онъ производитъ чудеса растительности; въ настоящее время существуютъ громаднѣйшія лесовыя пространства, которыя безъ орошенія производятъ на неопытнаго наблюдателя впечатлѣніе безотраднѣйшей пустыни, но которыя ждутъ ирригаціонной воды и такимъ образомъ представляютъ изъ себя громадный запасный капиталъ для края. Вотъ гдѣ, между прочимъ, заключается огромный запасъ земель для колонистовъ. Это необыкновенное плодородіе леса заключается, по Миддендорфу, въ мелкоземлистости, пылеобразности его и въ высокомъ содержаніи солей (стр. 132).—Третьимъ существеннымъ факторомъ изумительнаго плодородія русскаго Туркестана служитъ вода, искусственное орошеніе земель. Вслѣдствіе того, что атмосферныхъ осадковъ въ низменности лѣтомъ бываетъ весьма мало, а въ жаркое время даже совсѣмъ ихъ не выпадаетъ, здѣшніе жители съ незапамятныхъ временъ вынуждены были для орошенія своихъ полей проводить посредствомъ искусственныхъ канавъ (арыковъ) воду изъ рѣкъ и рѣчекъ, ручьевъ и ручейковъ. Такъ какъ текучія среднеазіатскія воды питаются главнымъ образомъ изъ неистощимыхъ запасовъ льда и снѣга въ горахъ, то здѣшнія рѣки имѣютъ нѣсколько разлитій въ году, изъ которыхъ самое важное—лѣтнее, когда вода особенно бываетъ нужна для знойной долины. Ирригаціонная вода здѣсь составляетъ все: только тамъ и жизнь, и плодородіе, гдѣ есть вода; тамъ же, гдѣ ея нѣтъ,—смерть и пустыня. Отъ главныхъ арыковъ идутъ второстепенные и еще менѣе важные, которые покрываютъ тотъ или другой оазисъ густою сѣтью и которые весьма часто расходуютъ безъ остатка весь запасъ рѣчной воды. Мѣстные туземные ирригаторы

(мирабы и арыкъ-аксакалы) обладаютъ поразительною смѣтливостью, глазомѣромъ и практическимъ умѣньемъ въ чрезвычайно сложномъ дѣлѣ искусственнаго орошенія и вызываютъ даже удивленіе въ нашихъ европейскихъ спеціалистахъ. На обязанности ихъ лежитъ надсмотръ за ирригаціей (ремонтъ, чистка арыковъ и пр.) и равномѣрное распредѣленіе воды. Ирригаціонная вода въ Средней Азіи способствуетъ изумительнымъ урожаямъ, такъ какъ она не только орошаетъ поля, но и разноситъ по нимъ плодородный илъ (наилованіе), а по мѣстамъ, въ дѣлѣ борьбы съ солончаками, производитъ выщелачиваніе излишнихъ въ почвѣ солей (особенно поучительныя въ этомъ отношеніи явленія мнѣ приходилось наблюдать въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ). Всѣ расходы какъ по устройству этой сложной системы, такъ и по поддержанію ея въ должномъ порядкѣ, въ избыткѣ покрываются доходами съ оживленной земли. Поэтому природа Средней Азіи всегда была мудрымъ воспитателемъ своего населенія, выработывая въ немъ замѣчательное трудолюбіе, энергію и настойчивость—эти драгоцѣннѣйшія качества въ жизни народовъ. Русскіе, по занятіи этого края, поступили весьма благоразумно, держась системы невмѣшательства и оставивъ за собою только общій надзоръ за сложною системою ирригаціи. Въ послѣднее время задачи русской администраціи въ этомъ дѣлѣ обрисовались уже съ достаточною ясностью. Существующая ирригаціонная система такъ хороша въ общемъ, а главное—такъ практична, т.-е. проста и дешева, что не требуетъ существенныхъ поправокъ, радикальнаго измѣненія. Русская администрація взяла на себя заботы о болѣе правильномъ распредѣленіи воды между населеніемъ, бережливомъ пользованіи ею, недопусканіи вреднаго для здоровья жителей заболачиванія почвы на рисовыхъ поляхъ вблизи большаго скопленія человѣческихъ жилищъ, предупрежденіи гибельныхъ наводненій отъ горныхъ силей (особенно въ Ферганѣ) и прорыва защитныхъ плотинъ отъ разлива рѣкъ (особенно въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ), и наконецъ о возможно большемъ расширеніи ирригаціонной сѣти

и даже о созданіи новыхъ растительныхъ оазисовъ путемъ прежде всего возстановленія старыхъ, заброшенныхъ арыковъ и проведенія совершенно новыхъ. Въ числѣ работъ послѣдняго рода особенно замѣчательны: возстановленіе орошенія въ Мургабскомъ Государевомъ имѣніи, расширеніе сѣти арыковъ въ Чирчикскомъ районѣ, орошеніе въ такъ называемой Голодной степи (между Сыръ-Дарьей на сѣверѣ и Туркестанскимъ хребтомъ на югѣ) и пр. Принимая во вниманіе количество не израсходованной еще на орошеніе воды, нужно съ увѣренностью сказать, что въ Туркестанскомъ краѣ возможно вновь оросить до 5 милл. десятинъ, т.-е. расширить ирригаціонную сѣть въ 2,5 раза противъ существующей въ настоящее время. Всѣ эти работы составляютъ, а еще вѣрнѣе—составятъ въ будущемъ великую культурную заслугу со стороны русскаго правительства и администраціи въ краѣ и будутъ имѣть громадное экономическое значеніе: отвоевывая для культуры болѣе или менѣе значительныя пространства у пустыни, мы тѣмъ самымъ будемъ увеличивать площадь поселеній и приготовлять свободныя мѣста для русской колонизаціи, которая вѣрнѣе и быстрѣе будетъ способствовать сліянію этой окраины съ Россіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы этимъ самымъ вѣрнѣе будемъ способствовать экономическому благосостоянію края, которому уже давно пора выйти изъ хроническихъ дефицитовъ и возвратить своей метрополіи по крайней мѣрѣ хоть то, что̀ послѣдняя затратила на него.

Самыми удобными мѣстами для заселенія служатъ, конечно, предгорья и особенно долины рѣкъ. Густота населенія здѣсь достигаетъ по мѣстамъ, какъ наприм. въ Ферганской области, до 930,5 человѣкъ на квадр. милю; наиболѣе рѣдкое населеніе,—36,9 человѣкъ на квадр. милю,—имѣетъ, вслѣдствіе крайней недостаточности ирригаціонной воды, Закаспійская область. Приростъ населенія Туркестанскаго края въ прежнемъ его составѣ, судя по оффиціальнымъ даннымъ, за 13 лѣтъ, къ 1893 г., составляетъ 37% (съ 2.269.520 душъ об. п. населеніе возросло до 3.102.385 челов.); при чемъ вся прибыль приходится

на долю осѣдлаго населенія, такъ какъ между кочевниками замѣчается въ послѣднее время усиленное стремленіе къ осѣданію (въ одномъ Ташкентскомъ уѣздѣ съ 1880 г. по 1893 г. осѣло киргизовъ 40 т. дворовъ). Мѣста, удобныя для сельско-хозяйственной культуры, которыхъ ни въ какомъ случаѣ не болѣе 3% всего пространства, заняты осѣдлымъ населеніемъ (русскіе, сарты, таджики, узбеки, татары и пр.); мѣста, годныя для пастбищъ, которыхъ болѣе 40%, заняты кочевымъ населеніемъ (киргизы, туркмены и др.); остальное громадное пространство причисляется пока къ безплоднымъ мѣстностямъ.

Русскихъ въ этомъ краѣ пока немного, около 2% всего населенія,—отъ 110 до 120 т. человѣкъ. Они занимаютъ болѣе или менѣе сплошныя пространства въ Семирѣченской области и въ Ауліеатинскомъ, Чимкентскомъ и отчасти Ташкентскомъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области, главнымъ образомъ—вдоль почтоваго тракта; въ остальныхъ мѣстностяхъ края русскіе живутъ преимущественно по городамъ. Чѣмъ далѣе идетъ время, тѣмъ все болѣе и болѣе усиливается изъ внутреннихъ губерній въ Туркестанскій край русская крестьянская колонизація, которая бываетъ особенно сильна въ неурожайные годы въ Россіи, что̀ видно изъ слѣдующихъ оффиціальныхъ данныхъ по Сыръ-Дарьинской области:

Численность къ 1 января.	Крестьянскихъ селеній.	Душъ обоего пола.
1890 г.	18	6.645
1891 »	20	7.702
1892 »	29	8.879
1893 »	42	13.695
1894 »	43	14.781
1895 »	45	15.330

Устроителями быта русскихъ колонистовъ были покойный Г. А. Колпаковскій въ Семирѣчьѣ и Н. И. Гродековъ въ Сыръ-Дарьинской области; память объ этихъ «отцахъ родныхъ», какъ ихъ называетъ туркестанскій русскій народъ, не изгладится надолго въ народномъ со-

знаніи и никогда—въ лѣтописяхъ русскаго владычества въ Средней Азіи. Эти мудрые администраторы въ своей дѣятельности всегда руководились тѣмъ убѣжденіемъ, что самымъ важнымъ и надежнымъ нашимъ орудіемъ въ дѣлѣ обрусенія края можетъ и должна быть широкая колонизація въ него русскихъ людей. Экономическое вліяніе русскихъ крестьянскихъ переселенцевъ уже благотворно отражается на средне-азіатскихъ кочевникахъ—киргизахъ, мало коснувшись пока осѣдлой части сельскаго туземнаго населенія—кишлачныхъ сартовъ. Причины этого весьма важнаго явленія указаны мною въ статьѣ «Возможна ли русская колонизація въ Туркестанскомъ краѣ?» («Сѣверный Вѣстникъ», кажется, за 1892 г., № 1, или за 1891 г., № 3).

Этнографическій составъ туземнаго населенія представляется болѣе однообразнымъ, чѣмъ въ Сибири. Самое первое мѣсто по своей численности среди осѣдлаго населенія занимаютъ здѣсь такъ называемые сарты, которыхъ насчитывается до 1.200 т. человѣкъ, т.-е. почти 22%. Названіе «сартъ» дано имъ другими туземными племенами; сами же себя они всегда называютъ по имени тѣхъ городовъ, въ которыхъ живутъ. Это—помѣсь арійцевъ съ тюрками, съ значительнымъ преобладаніемъ крови послѣднихъ. На югѣ, въ Ферганской и Самаркандской областяхъ, къ нимъ же относятъ и «таджиковъ», которые всегда гордятся этимъ своимъ названіемъ; это—уже иранскаго происхожденія, что̀ особенно рельефно сказывается въ ихъ физическомъ типѣ, съ небольшою примѣсью тюркской крови. Первые говорятъ особымъ тюркскимъ нарѣчіемъ—узбекскимъ; послѣдніе—на таджикскомъ, т.-е. сѣверномъ нарѣчіи персидскаго языка, хотя владѣютъ и сартовскимъ языкомъ. Между тѣми и другими такъ много общихъ чертъ характера, что вполнѣ возможно, хотя, нужно признаться, ненаучно, разсматривать ихъ вмѣстѣ; разница только та, что у таджиковъ всѣ характерныя черты выражены рѣзче, рельефнѣе. Всѣ они—весьма хорошіе горожане и сельчане. Какъ горожане, сарты—страстные торговцы и искусные ремесленники. «Купить,

говоритъ г. Гребенкинъ, что называется—на грошъ товару, достать на базарѣ мѣсто и сидѣть со своимъ грошевымъ товаромъ по цѣлымъ днямъ, выручая по нѣсколько чекъ въ сутки, это такое наслажденіе для таджика (вообще сарта), котораго не таджикъ и представить себѣ не можетъ.... Съ тѣхъ поръ, какъ таджикъ сдѣлался купцомъ, или вѣрнѣе—торгашемъ, торговля дѣлается уже его маніей, а прибыли и увеличеніе товаровъ—исходною точкою всѣхъ его помысловъ» [1]). Будучи отчаяннымъ торговцемъ и довольствуясь какъ въ своей жизни, такъ и въ торговыхъ прибыляхъ малымъ, заботясь только о томъ, чтобы его капиталъ сдѣлалъ возможно большее число оборотовъ въ годъ, обставляя свои торговыя операціи просто, незатѣйливо, безъ излишнихъ аксессуаровъ, сартъ продаетъ всегда дешевле русскаго, а потому и служитъ такимъ конкуррентомъ, что послѣднему невозможно съ нимъ бороться. Вслѣдствіе этого въ странѣ экономически господствуетъ не русскій, а сартъ. Все то громадное количество русскихъ денегъ, которое прожилъ нашъ Туркестанскій край, ушло въ руки сартовъ. Подъ вліяніемъ русскихъ многіе торговые сарты не только разбогатѣли, но и научились разнымъ пріемамъ европейской торговли: живо поняли всѣ банковыя операціи, отлично производятъ всякаго рода свои конверсіи, а теперь, кажется, уже обучаются техникѣ банкротствъ. Сарты вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма искусные ремесленники. «Какъ ремесленники, таджики (и вообще всѣ сарты) выказываютъ себя, замѣтилъ еще г. Гребенкинъ, положительно способнымъ народомъ и, что̀ весьма важно, у нихъ замѣтно желаніе усовершенствовать свои работы, перенимать лучшіе пріемы, инструменты и подражать хорошимъ образцамъ.... Если дать устѣ (мастеру) образецъ извѣстнаго ремесла, то онъ, не смотря на все несовершенство своихъ инструментовъ, на ихъ грубость и недостаточность, на іоту не отойдетъ отъ образца. Таджикъ перемѣняетъ инструменты,

---

[1]) «Русскій Туркестанъ». М., 1872 г., вып. 2, стр. 1—50, ст. «Таджики».

манеру работы; въ немъ незамѣтна жилка рутинера. О дешевизнѣ ихъ работы, сравнительно съ работою русскихъ мастеровыхъ, и говорить нечего». Послѣдняя ташкентская выставка наглядно показала, какъ туркестанскій сартъ постепенно все болѣе и болѣе совершенствуется въ ремеслахъ и оттѣсняетъ русскаго. Поэтому мы и видимъ, что среди осѣдлаго населенія русскаго Туркестана весьма развито кустарное производство. Вся довольно разнообразная и богатая туземная промышленность носитъ на себѣ кустарный характеръ и находится въ рукахъ сартовъ. Какъ сельчанинъ, сартъ—весьма трудолюбивый и прекрасный земледѣлецъ, садоводъ и огородникъ. Онъ преданъ землѣ, на которой сидитъ, обсаживая ее простыми и фруктовыми деревьями, удобряя и засѣвая ее хлѣбными и техническими растеніями, любовно и весьма разумно поливая ее. Онъ изучилъ уходъ за землею чисто практически, руководствуясь опытомъ не только своимъ, личнымъ, но и опытомъ своихъ предковъ; онъ такъ прекрасно ведетъ это свое дѣло, что возбуждаетъ чувство удивленія даже въ нашихъ спеціалистахъ по сельскому хозяйству, и можетъ быть не ученикомъ, но опытнымъ наставникомъ нашего русскаго колониста здѣсь.—Будучи такимъ трудолюбивымъ работникомъ въ довольно разнообразныхъ сферахъ труда, отличаясь громадною энергіей и гоняясь за всѣмъ, сартъ, какъ сангвиникъ, не чуждъ и противоположной крайности: онъ склоненъ къ лѣни и любитъ восточный кейфъ. Одни наблюдатели хвалятъ сарта за трудолюбіе, другіе, наоборотъ, ругаютъ его за лѣность. Объясненіе этого видимаго противорѣчія заключается въ томъ, что туркестанскій сартъ, какъ мелкій матеріалистъ, или, лучше сказать, утилитаристъ, любитъ не самый трудъ, а результаты труда въ формѣ обогащенія и довольства жизненными удобствами. Достигнувъ послѣдняго, онъ начинаетъ предаваться лѣни, эксплоатируя уже чужой трудъ—наемный или даже и даровой. Онъ, поступая въ разрядъ «баевъ» (богачей), дѣлается важнымъ, надутымъ и напыщеннымъ. Курьезно наблюдать эту метаморфозу: чуть не вчера онъ былъ мелкимъ разнощикомъ

и даже «тащишкою», а сегодня онъ уже важная особа, «бай». Вчера еще онъ былъ подвиженъ, суетливъ, бросался на всякое дѣло, работалъ «не покладая рукъ», былъ льстивъ, болтливъ, подобострастенъ, сгибался «въ три погибели» чуть не предъ всякимъ встрѣчнымъ, не смѣлъ уходить отъ кого-нибудь иначе, какъ только пятясь задомъ и поджимая свой животъ, былъ назойливъ, лѣзъ даже съ непрошенными услугами къ каждому болѣе или менѣе вліятельному человѣку, лишь бы только хоть чѣмъ-нибудь угодить послѣднему или даже пробыть нѣкоторое время на его глазахъ. Сегодня онъ вдругъ сдѣлался важнымъ и гордо выпрямился; спина его уже не гнется, животъ выпяченъ впередъ, голова откинута назадъ, взглядъ его серьёзенъ и важенъ, поступь и всѣ движенія его медленны; слово его—серебро, а молчаніе—золото; идеаломъ его служитъ кейфъ; только тщеславіе, стремящееся къ полученію почетныхъ халатовъ, медалей и даже орденовъ, не даетъ ему покоя. Корыстолюбіе и тщеславіе—основныя черты туркестанскаго сарта, а потому онъ безсердеченъ; нѣжныя чувства у него весьма неразвиты; женщина его заперта, на-глухо закрыта чадрою; превратившись въ самку, она сдѣлалась рабою, а онъ, мужчина, широко предался противоестественному разврату. Сартъ всегда былъ отчаяннымъ трусомъ и лгуномъ и никогда не былъ храбрымъ воиномъ; наглядным доказательствомъ этого служитъ занятіе нами страны и особенно штурмы Ташкента и Чупанъ-атинскихъ высотъ подъ Самаркандомъ. Корыстолюбіе и трусость всегда заставляютъ сарта быть на сторонѣ сильнаго; вотъ, главнымъ образомъ, почему онъ и преданъ русскимъ; только его такъ называемое духовенство, ученые муллы и особенно послѣдователи суфизма, яркіе представители косности, застоя и скрытаго, но тѣмъ болѣе сильнаго фанатизма, враждебно относятся къ русской власти, видя въ ней умаленіе своего вліянія на народъ и своего благосостоянія. Торгово-промышленный классъ народа, наоборотъ, служитъ представителемъ движенія впередъ, прогресса, и усвоиваетъ начала русской цивили-

зацiи, начавши предварительно съ обученiя торговымъ плутнямъ, пьянству, внѣшнему лоску и другимъ отрицательнымъ сторонамъ жизни. Впрочемъ, чѣмъ дальше идетъ жизнь, тѣмъ благотворное вліяніе русскихъ на сартовъ дѣлается сильнѣе; въ послѣднее время, съ открытіемъ въ краѣ низшихъ русско-туземныхъ школъ, молодое поколѣніе сартовъ начинаетъ воспитываться въ русскихъ началахъ. Эта довольно способная въ общемъ туземная народность обѣщаетъ въ будущемъ быстрые успѣхи на жизненномъ поприщѣ; можно и должно опасаться только того, чтобы эти успѣхи не послужили ко вреду русскимъ въ области экономическихъ явленiй. Сарты и теперь экономически господствуютъ въ краѣ. Но, не довольствуясь этимъ, они стараются захватить въ свои руки и Киргизскую степь. Эти мусульманскiе культуртрегеры являются сюда прежде всего къ качествѣ торговцевъ; за ними идутъ сюда ремесленники, а затѣмъ уже—муллы и ишаны, какъ духовные просвѣтители. Всѣ эти ярые эксплоататоры киргизовъ суть въ то же время и отличные ассимиляторы ихъ. На ряду съ этимъ движенiемъ сарта съ юга, на Киргизскую степь наступаетъ съ сѣвера татаринъ, вліяніе котораго еще вреднѣе сартовскаго. Добродушный и симпатичный киргизъ-простакъ очутился между двухъ огней; избѣжавъ одного, онъ наизбѣжно впадаетъ въ другое, потому что третьяго вліянiя, вліянiя русскаго, здѣсь почти нѣтъ. Все время на нашихъ глазахъ совершается возмутительная сартовско-татарская эксплоатацiя и ассимиляцiя киргизовъ. Киргизская степь годъ съ годомъ дѣлается все болѣе мусульманскою, фанатичною и враждебною русскимъ. Теперь по Киргизской степи уже начинаютъ раздаваться пѣсни далеко не въ пользу русскихъ; поютъ уже, что вотъ пронесутся черныя грозныя тучи, которыя висятъ надъ киргизами, стряхнутъ послѣдніе съ себя свое горе, заживутъ новою жизнью и вздохнутъ наконецъ свободною полною грудью; тогда уже запоются другiя пѣсни [1]). Крайне грустно, что

[1]) «Этнографическое Обозрѣніе» 1899 г., кн. 3.

это весьма печальное и въ высшей степени вредное явленіе не обращаетъ на себя должнаго вниманія съ нашей стороны. Чѣмъ скорѣе мы позаботимся объ изоляціи киргизовъ отъ этого вреднаго вліянія и о подчиненіи ихъ русскому воздѣйствію, тѣмъ будетъ лучше для насъ и для самихъ киргизовъ. Никакое самое образованное государство не потерпѣло бы у себя подобныхъ ненормальныхъ явленій; только мы русскіе, въ силу своей прирожденной славянской безпечности, закрываемъ глаза на то, какъ глубоко и явно нарушаются наши коренные національные интересы.

Слѣдующую за тѣмъ группу осѣдлыхъ туземцевъ составляютъ узбеки, до 6% всего населенія края, т.-е. болѣе 300 т. человѣкъ. Впрочемъ, узбеки ведутъ частью осѣдлый, частью кочевой образъ жизни. Названіе «узбекъ» скорѣе собирательное, чѣмъ племенное. Это—тюрки вообще, которые подраздѣляются на нѣсколько отдѣльныхъ племенъ: татаръ, киргизовъ и пр. Въ Туркестанскомъ краѣ принято называть «узбеками» тѣхъ тюрковъ, которые занимаютъ средину между киргизами и сартами. Отличаясь въ противоположность послѣднимъ воинственностью, будучи вольными сынами степей, любя больше всего свободу и набѣги съ грабежами, узбеки въ прежнее время играли здѣсь большую политическую роль: они вели войны, подчиняли своему господству другіе народы, возводили на средне-азіатскіе троны эмировъ и хановъ и низвергали ихъ, служили опорою туземныхъ правительствъ и производили возстанія противъ нихъ. Само собою понятно, что съ приходомъ русскихъ они превратились въ мирныхъ земледѣльцевъ и кочевниковъ и утратили свое прежнее значеніе.

Затѣмъ наиболѣе многочисленны каракалпаки въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ, также тюркскаго происхожденія; ихъ насчитываютъ болѣе 100 т. человѣкъ, или 2% всего населенія. Они—хорошіе земледѣльцы; избавившись, съ приходомъ русскихъ, отъ хивинскихъ набѣговъ, они достигли извѣстнаго благосостоянія.

Самымъ многочисленнымъ изъ кочевыхъ племенъ

этихъ тюрковъ служатъ киргизы, которыхъ въ краѣ до 48%, болѣе 2.500 т. человѣкъ. Это—монголо-тюрки, съ небольшою примѣсью арійской крови. Сами себя они называютъ всегда «казаками». Раздѣляясь на три орды: большую, среднюю и малую, киргизы, сверхъ того, дѣлятся на множество колѣнъ и родовъ. Родовое, патріархальное начало, не смотря на позднѣйшія неблагопріятныя для него вліянія, все еще довольно живуче между киргизами: глава, старѣйшина рода, пользуется большимъ авторитетомъ и вліяніемъ; вслѣдъ за нимъ и всякій почтенный возрастомъ, сѣдобородый (аксакалъ) окружается должнымъ уваженіемъ; этимъ же родовымъ бытомъ объясняется и тотъ обычай, котораго крѣпко держатся всѣ киргизы и по которому братъ покойнаго долженъ жениться на его вдовѣ, а сія послѣдняя не можетъ выйти замужъ за чужаго безъ согласія семейства умершаго ея мужа (законъ ужичества у древнихъ евреевъ). Чѣмъ далѣе идетъ время, тѣмъ этотъ родовой укладъ жизни у киргизовъ все болѣе ослабѣваетъ подъ вліяніемъ весьма сложныхъ причинъ новаго жизненнаго порядка подъ владычествомъ русскихъ, изъ которыхъ самою сильною оказывается новое административное устройство и управленіе киргизами. Послѣднее, не желая признавать родоваго начала и естественныхъ старѣйшинъ рода, выдвигаетъ выборное начало и признаетъ выборныхъ аксакаловъ, мингъ-башей (тысяченачальниковъ, волостныхъ управителей) и біевъ (народныхъ судей). Хотя я и противникъ выборнаго самоуправленія между нашими инородцами, но едва ли съ политической точки зрѣнія приходится сожалѣть объ упадкѣ между киргизами родоваго начала, родоваго быта и вытекающаго изъ него высокаго авторитета главы рода, какъ объ этомъ скорбятъ гг. Южаковъ, Мордвиновъ и другіе. Не приходится сожалѣть объ этомъ потому, что путемъ поддержанія родоваго быта у киргизовъ только усиливалась бы туземная аристократія, которая въ большей части случаевъ не оправдываетъ возлагаемыхъ на нее русскимъ правительствомъ надеждъ. Это усиленіе киргизскаго родоваго быта повлекло бы за собою

возвышеніе отдѣльныхъ родовъ и ихъ старѣйшинъ на счетъ другихъ родовъ и прочихъ старѣйшинъ, и создало бы то же положеніе вещей, которое мы застали въ Киргизской степи: отдѣльные ханы и султаны крупныхъ и сильныхъ родовъ стремились бы къ порабощенію другихъ родовъ и къ объединенію всѣхъ киргизовъ подъ своею властью, чтобы вслѣдъ за тѣмъ вступить если не въ открытую борьбу, то во всякомъ случаѣ во враждебныя отношенія къ намъ, русскимъ. При такой политикѣ мы никогда не достигли бы умиротворенія Киргизской степи: взаимные родовые счеты между киргизами, влекущіе за собою разорительную баранту, а также бунты, мятежи и нападенія на русскія поселенія, до которыхъ были большіе охотники киргизы въ прежнее время, разрослись бы до громадныхъ размѣровъ. Какъ, повидимому, ни демократичны киргизы съ перваго взгляда, но аристократическое начало у нихъ довольно крѣпко, такъ какъ весь народъ у киргизовъ дѣлится: на черную кость (кара-суекъ), состоящую изъ народной массы, и бѣлую кость (акъ-суекъ), немногочисленныхъ представителей аристократіи, потомковъ хановъ и султановъ, которые пользуются большимъ почетомъ и завиднымъ, съ точки зрѣнія киргиза, правомъ ничегонедѣланія. Киргизъ, какъ сынъ среднеазіатскихъ степей, вполнѣ зависитъ отъ природы своей родины какъ въ образѣ своей жизни, такъ и въ своихъ занятіяхъ. Прежде всего онъ—скотоводъ и кочевникъ. Занимаясь разведеніемъ овецъ, лошадей, верблюдовъ и отчасти коровъ, киргизы, проведя скучную и суровую зиму въ своихъ «кыстау», съ открытіемъ весны радостно, по праздничному, пускаются вмѣстѣ со своимъ скотомъ и всѣмъ хозяйственнымъ скарбомъ въ далекую перекочевку на сѣверъ, а осенью возвращаются обратно, при чемъ каждый родъ или аулъ строго держится своего пути, идя и останавливаясь въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, у однихъ и тѣхъ же степныхъ колодцевъ, и возвращаясь въ одно и то же свое мѣсто. Къ этому кочевому образу жизни приспособлено все у киргиза—до жилища (кибитка, юрта-утау) включительно, которое чуть не въ 5 ми-

нутъ разбирается и складывается. Въ этихъ перекочевкахъ проходитъ почти вся жизнь киргиза; въ нихъ же— и всѣ его радости. Любовь къ чистому степному воздуху, любовь къ перекочевкамъ со всѣмъ своимъ ауломъ по безбрежной степи, гдѣ горизонтъ ничѣмъ не стѣсненъ, любовь къ удальству, степнымъ потѣхамъ и забавамъ, скачкамъ, пѣснямъ и разнымъ празднествамъ, гдѣ почетное мѣсто занимаетъ вкусная баранина и полезный, освѣжающій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и опьяняющій напитокъ кумысъ, выработали въ киргизѣ страстную любовь къ свободѣ и праздности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отвращеніе къ сидѣнью на одномъ мѣстѣ и копанію на немъ, отвращеніе къ осѣдлости и къ земледѣльческому труду. Киргизъ только въ случаѣ крайней бѣдности, когда онъ сдѣлается байгушемъ (бѣднякомъ), переходитъ къ земледѣлію и осѣдаетъ, причисляясь къ разряду презираемыхъ «игенчей» (земледѣльцевъ). Вотъ почему киргизъ такъ презираетъ осѣдлаго сарта, который, къ тому же, и эксплоатируетъ его. Впрочемъ, чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ киргизы, страдая отъ частыхъ падежей скота (джутъ) во время суровыхъ зимъ и особенно гололедицъ и разоряясь въ эти тяжелыя годины, все болѣе и болѣе осѣдаютъ около воды и переходятъ къ занятію земледѣліемъ, о чемъ рѣчь уже была выше. Тѣмъ же кочевымъ бытомъ съ одной стороны и трудностью путешествій по степи съ другой объясняется большое гостепріимство киргизовъ и находящееся въ связи съ нимъ чрезвычайное любопытство ихъ. Будучи еще недавно язычниками-шаманистами, киргизы съ легкой руки нашей императрицы Екатерины II, усердно заботившейся о распространеніи между ними ислама, въ которомъ она стремилась видѣть переходную ступень отъ язычества къ христіанству, дѣлаются постепенно все болѣе и болѣе мусульманами, чему особенно способствуютъ рьяные пропагандисты ислама—татары съ сѣвера и сарты съ юга, а также и наша православная Казань, которая, посредствомъ своихъ типографій—университетской и частныхъ, съ большою энергіею, достойною лучшей цѣли, распространяетъ мусуль-

манскія изданія по всей Россіи и въ томъ числѣ—между киргизами. Грустно и больно видѣть, какъ, подъ русскимъ знаменемъ и даже при помощи его, въ Киргизской языческой степи насаждается исламъ, а не православное христіанство. Но время еще не окончательно упущено здѣсь для русскаго дѣла, потому что киргизская народная масса еще довольно индифферентна къ исламу, держась его чисто внѣшнимъ образомъ и не желая вполнѣ разстаться со своимъ старымъ шаманизмомъ. Для совѣсти и спокойствія души киргиза-простолюдина имѣютъ гораздо больше значенія его старыя языческія существа, какъ наприм. албасты, жезтырнакъ, жалмаузъ-кемпиръ, кульдургушъ [1]), марту, арвахи и пр., чѣмъ мало извѣстный арабскій пророкъ Мухаммедъ и всѣ святые ислама; въ глазахъ киргиза все еще болѣе полезенъ его старый баксы [2]) (соотвѣтствуетъ каму или шаману сибирскихъ инородцевъ), который такъ успѣшно можетъ излечивать разныя болѣзни, предохранять и избавлять его отъ нечистой силы, чѣмъ ненавистный для него татарскій, или сартовскій, или же наконецъ, хотя и свой, но невѣжественный мулла. Исламъ еще не успѣлъ окончательно подчинить своему вліянію киргизовъ и со стороны образованія, такъ какъ мусульманскихъ школъ въ Киргизской степи еще сравнительно немного и почти всѣ онѣ низшаго типа (мактабы), а потому и вліяніе ихъ на народъ довольно ничтожно. Чѣмъ скорѣе разовьется здѣсь православно-русская миссія и русское просвѣщеніе, посредствомъ разумно устроенныхъ школъ, чѣмъ скорѣе, наконецъ, будетъ возведено въ строгую русскую систему все управленіе киргизами, тѣмъ больше будетъ пользы какъ для киргизовъ, такъ и для насъ самихъ. Успѣхъ ассимиляціи киргизовъ съ русскими въ значительной степени можетъ облегчиться еще и тѣмъ положеніемъ, какое занимаетъ между киргизами женщина, и, наконецъ, ихъ

[1]) См. подробнѣе объ этомъ мои «Демонологическіе разсказы киргизовъ» въ Запискахъ Импер. Русск. Географ. Общ., по отдѣл. этнографіи, т. 10, вып. 3.

[2]) Тамъ же.

природнымъ національнымъ характеромъ. Хотя женщина лѣниваго киргиза-кочевника и обременена домашними работами, но она пользуется большою свободою: она не закрываетъ своего лица отъ мужчины и безпрепятственно допускается въ его общество, гдѣ она имѣетъ достаточный вѣсъ и значеніе. Киргизскую женщину скорѣе можно упрекнуть въ излишней вольности, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и въ циничности, чѣмъ въ недостаткѣ свободы. Разумно поставленное воспитаніе ея въ русскоправославномъ духѣ создастъ изъ нея прекрасную нашу союзницу. Національныя черты характера киргиза,—его добродушіе и кротость, довѣрчивость и откровенность, честность и стремленіе къ полезному, воспріимчивость къ русской цивилизаціи и уваженіе къ русскому,—служатъ лучшимъ ручательствомъ того, что русское дѣло можетъ встать прочно въ Киргизской степи. А ненависть, которую онъ питаетъ къ своимъ эксплоататорамъ татарамъ и сартамъ, докончитъ остальное наше дѣло.

Особую разновидность киргизовъ, болѣе близкую къ монгольскому племени, составляютъ каракиргизы (черные киргизы), которые занимаютъ горную страну Тянь-Шаня и Памира (дико-каменные киргизы), полукочевники, занимающіеся по горнымъ долинамъ и ущельямъ въ небольшихъ размѣрахъ земледѣліемъ.

Къ тюркамъ же принадлежатъ и туркмены въ Закаспійской области, которыхъ насчитываютъ болѣе 260 т. человѣкъ, или 5% всего населенія Туркестанскаго края. Они состоятъ изъ разныхъ племенъ: текинцевъ—самаго многочисленнаго между ними, іомудовъ, саларовъ, гокляновъ, сарыковъ и др. Они ведутъ полуосѣдлый, полукочевой образъ жизни; болѣе склонны къ занятію скотоводствомъ, хотя, впрочемъ, въ послѣднее время, подъ вліяніемъ русской администраціи, начинаетъ развиваться между ними земледѣліе. Очевидно, современные туркмены переживаютъ переходное время. По роду своихъ главныхъ занятій, отъ которыхъ зависитъ и ихъ образъ жизни, они раздѣляются на двѣ группы: чарва и чомуры. Чарва—болѣе зажиточны, занимаются главнымъ образомъ

скотоводствомъ и кочуютъ въ отдаленныхъ пескахъ, хотя имущество и семьи ихъ остаются въ постоянныхъ аулахъ. Чомуры—бѣдны, на кочевку не выходятъ и остаются въ аулахъ для охраны садовъ и посѣвовъ. «За-частую можно встрѣтить, что въ одной и той же семьѣ одинъ членъ семьи принадлежитъ къ чарвѣ, а другой—къ чомурамъ» [1]). Туркмены, взятые въ общемъ, довольно плохіе земледѣльцы, но хорошіе скотоводы. Главнымъ средствомъ къ жизни въ прежнее время служили у нихъ аламанство—хищническіе набѣги (баранта у киргизовъ), и калтаманство—мелкое воровство. Считаясь подданными то Хивы, то Персіи, они всегда враждовали со своими номинальными господами и стремились къ освобожденію отъ всякой зависимости, производя громадными вооруженными толпами на своихъ быстроногихъ коняхъ разбойническіе набѣги всего чаще на пограничныя владѣнія Персіи. Эти средне-азіатскіе разбойники однимъ своимъ появленіемъ производили панику на слабыхъ персовъ, съ которыми они поступали весьма жестоко, грабя все, что попадалось на глаза, убивая сопротивляющихся и продавая въ рабство на рынкахъ Хивы и Бухары мужчинъ и женщинъ. Подъ вліяніемъ русскаго владычества совершилась удивительно быстрая перемѣна въ этомъ отношеніи съ туркменами: аламанство и даже калтаманство почти уже отошли въ область прошлаго; всѣ туркмены оставили свои грабежи и разбои и предались мирнымъ занятіямъ—земледѣлію, скотоводству и даже торговлѣ, переходя все болѣе и болѣе къ осѣдлому образу жизни. Въ этомъ заключается громаднѣйшая заслуга русской администраціи, которая въ весьма короткое время съумѣла умиротворить это разбойничье средне-азіатское гнѣздо. Въ наслѣдство отъ прежней жизни осталось у туркменъ отвращеніе къ труду, лѣнь, которою особенно отличаются гокланы, и порабощеніе женщины, которая считается домашнею вещью и почти покупается и которая несетъ на себѣ всю

---

[1]) «Обзоръ Закаспійской области съ 1882 по 1890 г.» Асхабадъ, 1897 г., стр. 26—27.

тяжесть домашнихъ работъ, хотя, впрочемъ, она пользуется большею свободою, чѣмъ у осѣдлыхъ туземцевъ Туркестана. Русское владычество и съ этой стороны оказало свое благотворное вліяніе, облегчая понемногу тяжелое положеніе женщины. Въ умственномъ отношеніи всѣ туркмены и особенно изъ нихъ—гокланы стоятъ ниже сартовъ и киргизовъ, не отличаясь даже простою воспріимчивостью; поэтому русскимъ предстоитъ много труда въ перевоспитаніи ихъ. Религіозное чувство также слабо; вслѣдствіе этого нѣтъ, къ нашему удовольствію, и религіознаго фанатизма. Школьное образованіе пытаются насадить здѣсь бухарскіе и хивинскіе выходцы; но бывшій начальникъ Закаспійской области А. Н. Куропаткинъ не разъ высылалъ ихъ, за ихъ вредную дѣятельность, изъ края. Въ остальномъ общемъ туркмены имѣютъ большое сходство съ киргизами, къ которымъ они, впрочемъ, относятся съ презрѣніемъ и не роднятся, съ тѣмъ только различіемъ, что характерныя черты выражены у туркменъ рѣзче, рельефнѣе; лучшимъ племенемъ изъ нихъ считаются текинцы, а худшимъ—гокланы.

Остальную массу населенія, до 15% общаго состава, или до 800 т. человѣкъ, составляютъ разныя пришлыя мелкія народности. Арабы, хотя и потомки прежнихъ мусульманскихъ просвѣтителей, но пользуются дурною репутаціей, какъ лгуны и ловкіе мошенники. Евреи, презираемые и преслѣдуемые въ прежнее время, только съ приходомъ русскихъ сдѣлались равноправны; они занимаются ремеслами, торговлею и особенно ростовщичествомъ. Персы—рабы или потомки рабовъ, мусульмане шіитскаго толка, а потому держатся особнякомъ. Татары—выходцы изъ Россіи: или бѣглые прежняго времени, недовольные русскими порядками, или позднѣйшіе переселенцы; хотя они и занимаются земледѣліемъ, ремеслами, но больше всего любятъ торговать, быть переводчиками и проповѣдниками ислама въ качествѣ муллъ и школьныхъ учителей. Такая дѣятельность ихъ вредитъ русскому дѣлу въ краѣ. Таранчи и дунгане,—выходцы изъ Китая,—занимаются хлѣбопашествомъ и огородничествомъ. Ин-

дусы, занимающіеся исключительно ростовщичествомъ, приходятъ сюда, какъ на отхожій промыселъ; вредная дѣятельность ихъ заставила администрацію прибѣгнуть къ нѣкоторымъ ограниченіямъ по отношенію ихъ. Цыгане—паразиты мѣстнаго населенія, какъ и собратья ихъ въ Европѣ. Армяне, которыхъ всего больше въ Закаспійской области и дальше, вдоль по линіи желѣзной дорогѣ, занимаются торговлею;—и нѣкоторые другіе.

Въ религіозномъ отношеніи Туркестанскій край представляетъ замѣчательное однообразіе. Болѣе 96% всего населенія его—магометане и при томъ всѣ—суннитскаго толка. Остальные 4% составляютъ православные (русскіе), армяно-григоріане (армяне), евреи, мусульмане шіитскаго толка (персы), язычники (индусы) и самая незначительная часть временно проживающихъ въ краѣ католиковъ и протестантовъ. Такимъ образомъ наши средне-азіатскія владѣнія представляютъ изъ себя мусульманскую страну. Мусульманскій характеръ ея усиливается еще населеніемъ подвластныхъ намъ ханствъ, Хивы и Бухары, и сосѣдствомъ мусульманскихъ странъ Афганистана и Персіи на югѣ и Степнаго генералъ-губернаторства и Тургайской области на сѣверѣ. Мусульманство очень крѣпко засѣло въ осѣдлой части населенія, которая высылаетъ своихъ эмиссаровъ для религіозной пропаганды къ кочевникамъ. Всякій, кто хотя отчасти изучалъ исламъ, какъ религіозную доктрину, знаетъ, что въ немъ нѣтъ духовенства; обязанности лицъ, которыхъ мы считаемъ духовными, у мусульманъ можетъ совершать всякій совершеннолѣтній, свободный и грамотный человѣкъ, умѣющій читать, хотя бы даже и безъ всякаго пониманія молитвы, и знающій способъ совершенія ихъ, кромѣ женщинъ. Исламъ—это въ полномъ смыслѣ безпоповщина, какою онъ и доселѣ продолжаетъ оставаться въ мусульманскихъ государствахъ и въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ. Въ другихъ же частяхъ нашего государства,—замѣчу кстати,—мы снабдили исламъ оффиціальнымъ духовенствомъ. Вотъ почему тѣ лица, которыя по роду своей дѣятельности имѣютъ сходство съ духовен-

ствомъ, не имѣютъ въ Средней Азіи этого послѣдняго значенія и не пользуются, къ нашему удовольствію, особымъ вліяніемъ на населеніе. Имамы,—предстоятели на молитвѣ,—руководятъ молящимися во время намаза, совершаютъ нѣкоторыя такъ называемыя требы, лечатъ больныхъ и иногда занимаются дѣломъ первоначальнаго обученія. Дальше этого они не идутъ въ своей дѣятельности; роль ихъ совершенно стушевывается особенно въ городахъ; только въ деревняхъ они, какъ громадные люди, имѣютъ кое-какое значеніе. Остальные же низшіе служители при здѣшнихъ мечетяхъ имѣютъ еще меньше значенія и вліянія. Будетъ очень жаль, если мы признаемъ, по примѣру остальныхъ мусульманскихъ частей нашего государства, за этими лицами оффиціальный характеръ.

Главная сила, или, лучше сказать, главный оплотъ средне-азіатскаго мусульманства заключается въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя всѣ имѣютъ вѣроисповѣдной характеръ, и въ такъ называемомъ суфизмѣ. Низшими учебными заведеніями въ краѣ служатъ: болѣе общаго характера, первоначальная школа грамотности—мактабъ, спеціально для изученія нѣкоторыхъ молитвъ—далиль-хана, и для слѣпцовъ, изучающихъ Коранъ наизустъ—карыхана. Изъ нихъ особенно распространенъ первый типъ: мактабы существуютъ почти при каждой приходской мечети. Вліяніе всѣхъ этихъ школъ, вслѣдствіе крайней ограниченности, узкости и односторонности учебнаго курса, а также вслѣдствіе крайней механичности обученія и даже полнаго непониманія учащимися того, что̀ изучаютъ на арабскомъ и персидскомъ языкахъ, вліяніе всѣхъ этихъ школъ на народную массу незначительно. Результаты, достигаемые мактабами, въ большинствѣ случаевъ такъ плачевны, что въ ученикахъ этихъ школъ наблюдается громадный рецидивизмъ въ сторону безграмотности. Вотъ чѣмъ объясняется тотъ фактъ, что, хотя въ краѣ и много низшихъ мусульманскихъ школъ, но грамотныхъ въ средѣ взрослыхъ туземцевъ весьма мало. Высшія же мусульманскія учебныя заведенія, мадраса, наоборотъ, имѣютъ громадное значеніе въ дѣлѣ усиленія

ислама и громадное вліяніе на туземное населеніе. Здѣсь изучаются мусульманское вѣроученіе, Коранъ, толкованія на него и многочисленные отдѣлы шаріата, арабскій, персидскій языки и ихъ литературы и пр.; изъ высшихъ наукъ преподаются только нѣкоторыя, которыя или представляютъ изъ себя схоластическую дребедень, или такъ искажены, что не могутъ служить даже жалкимъ подобіемъ тѣхъ наукъ, имена которыхъ онѣ носятъ [1]). Все это крайне жалко, безжизненно, плохо и уродливо. Подъ «наукою», «изученіемъ» здѣсь разумѣется изученіе ислама, который весь ушелъ въ схоластику и обрядность. Такое образованіе не развиваетъ мысль человѣка, а подавляетъ ее, не расширяетъ горизонтъ, а съуживаетъ его, способствуетъ не прогрессу народа, а приводитъ его къ регрессу. Но самое вредное вліяніе этихъ школъ на народъ выражается въ томъ, что онѣ служатъ разсадниками ханжества, обскурантизма и заядлаго фанатизма. Преподаватели здѣшніе, муддарисы, старательно доказываютъ муллamъ (учащимся), говоритъ почтенный знатокъ Средней Азіи В. П. Наливкинъ, имѣвшій возможность по роду своей прежней службы близко изучить мадраса, что «на ихъ священной обязанности лежитъ истребленіе всѣхъ иновѣрныхъ, что каждый изъ нихъ долженъ жертвовать опредѣленную часть своего имущества (зякатъ) на бѣдныхъ мусульманъ и на веденіе священной войны» и пр. (№ 64). Отсюда всякій послѣдователь Мухаммеда, чѣмъ больше образованъ въ мусульманскомъ смыслѣ, тѣмъ болѣе фанатиченъ. Изъ этихъ высшихъ мусульманскихъ

[1]) Объ учебномъ строѣ средне-азіатскихъ мусульманскихъ школъ есть прекрасная статья большаго знатока края, В. П. Наливкина («Турк. Вѣд.» 1898 г., №№ 63 и 64). Затѣмъ я могу указать на еще болѣе обстоятельную и прекрасную статью по тому же предмету, подписанную Ѳ. Керенскимъ (главнымъ инспекторомъ училищъ Туркестанскаго края) въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1892 г., ноябрь, подъ заглавіемъ: «Медресе Туркестанскаго края». Но статья эта представляетъ изъ себя грубый плагіатъ, вполнѣ удостовѣренный даже и оффиціальнымъ путемъ. Настоящій авторъ ея—все тотъ же почтенный В. П. Наливкинъ; фиктивному же автору Керенскому принадлежитъ во всей статьѣ только 51 строка.

школъ выходятъ муддарисы (профессора), казіи (религіозно-народные судьи), муфтіи (ихъ секретари) и пр., словомъ—вся туземная весьма вліятельная интеллигенція, всѣ должностныя лица, которыя служатъ выразителями общественнаго мнѣнія и жизни. Всѣ эти мадраса устроены частными лицами и обезпечены въ своемъ существованіи доходами съ завѣщанныхъ въ ихъ пользу заповѣдныхъ имѣній, такъ называемыхъ вакуфовъ, этого «неотчуждаемаго достоянія Бога». Хотя какъ сами мадраса, такъ и ихъ вакуфы, находящіеся въ вѣдѣніи мутаваліевъ, должны находиться подъ контролемъ казіевъ, но уже давно контроль этотъ сдѣлался фиктивнымъ; вслѣдствіе чего вакуфы, изъ которыхъ многіе весьма значительны, безсовѣстно расхищаются какъ мутаваліями, такъ и казіями. На основаніи всего этого въ высшей степени опасно, вредно какъ для нашего дѣла, такъ и въ видахъ нашей политики, и даже преступно съ русской точки зрѣнія—оставлять безъ всякаго надзора туркестанскія мадраса, эти въ высшей степени важные разсадники мусульманскаго фанатизма, и ихъ богатѣйшія достоянія—вакуфы, какъ это сдѣлано совершенно неосновательно и крайне неосмотрительно въ послѣднее время управленія краемъ бар. Вревскаго, по почину дѣйствовавшаго изъ совершенно необъяснимыхъ побужденій г. Керенскаго. По ходатайству генералъ-губернатора Н. О. Розенбаха и по иниціативѣ бывшаго въ то время главнаго инспектора училищъ А. И. Забѣлина, была учреждена особая должность инспектора народныхъ училищъ, который вѣдалъ и управлялъ мусульманскими учебными заведеніями въ краѣ и тѣми, конечно, вакуфами, на средства которыхъ они содержатся. Спеціалистъ В. П. Наливкинъ, съ честью занимавшій эту должность съ 1890 по 1896 г., привелъ въ полную и всестороннюю извѣстность всѣ мадраса края, успѣлъ изучить во всѣхъ подробностяхъ ввѣренное ему дѣло, отлично управлялъ имъ, приводя въ должный порядокъ какъ мадраса, такъ и ихъ вакуфы, внося въ это дѣло новую, лучшую, русскую струю жизни, поддерживая все полезное и необходимое и искореняя постепенно все вредное и идущее въ

разрѣзъ съ русскими цѣлями и задачами, обнаруживая злоупотребленія разныхъ туземныхъ просвѣтителей и расхитителей общественнаго достоянія. Главною цѣлью своихъ служебныхъ стремленій онъ считалъ сохраненіе и упорядоченіе вакуфовъ съ тѣмъ, чтобы, при помощи этихъ крупныхъ матеріальныхъ средствъ, внести въ среднеазіатскую мусульманскую школу истинный свѣтъ русскаго образованія. Предъ нами, русскими туркестанцами, уже предносилась близкая, постепенно и осторожно проведенная реформа туркестанскихъ мадрасъ, со введеніемъ въ нихъ разныхъ русскихъ курсовъ, начиная отъ курсовъ русскаго разговорнаго языка до курсовъ разныхъ учебныхъ предметовъ включительно, которые способствовали бы сближенію туземцевъ съ русскими, какъ вдругъ совершенно неожиданно 8-го іюля 1896 г. за № 27 объявленъ былъ слѣдующій приказъ бар. Вревскаго: «Для болѣе правильной постановки надзора за низшими училищами ввѣреннаго мнѣ края разрѣшаю, съ согласія г. Министра Народнаго Просвѣщенія, раздѣлить ихъ съ 1-го сентября сего года на три района и третій районъ поручить коллежскому совѣтнику Наливкину, который завѣдывалъ только мусульманскими школами, съ подчиненіемъ всѣмъ тремъ инспекторамъ находящихся въ ихъ районахъ училищъ русскихъ и мусульманскихъ»... Прежде всего такое распоряженіе страдаетъ внутреннимъ логическимъ противорѣчіемъ, такъ какъ для болѣе правильной постановки надзора за мусульманскими школами нужно ввѣрить ихъ спеціалисту, каковымъ былъ только г. Наливкинъ, а не заурядным инспекторамъ, какими являются остальные двое. Затѣмъ это распоряженіе совершенно неожиданно, такъ какъ главный виновникъ этой реформы г. Керенскій въ сочиненіи, помѣщенномъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за ноябрь 1892 г., заявляетъ полное сочувствіе дѣятельности инспектора г. Наливкина. Вотъ что писано здѣсь: «Предъ лицомъ инспекціи, близко поставленнымъ къ этимъ школамъ, знатокомъ языка и быта туземцевъ, послѣдніе не только не скрываютъ настоящаго положенія медресе, но часто

сами указываютъ на укоренившіеся въ нихъ недостатки и безпорядки, просятъ поправить и улучшить дѣло. Каковы бы ни были въ настоящее время поправки и улучшенія въ высшей туземной школѣ, школа эта, оставаясь народною, или мусульманскою, не должна оставаться обособленною отъ русскаго вліянія, не должна чуждаться просвѣтительнаго воздѣйствія на нее со стороны русскаго правительства. Необходимыя для этого дѣла средства найдутся въ самихъ медресе. Для этого слѣдуетъ только упорядочить училищные вакуфы и наблюдать, чтобы доходы съ нихъ получались и расходовались правильно» (стр. 50—51). «Лицамъ учебнаго вѣдомства часто приходится выслушивать отъ туземцевъ вопросъ о томъ, скоро ли будутъ введены въ медресе новые порядки» (стр. 36). Послѣ всего этого трудно разобраться во всей этой путаницѣ, которая, очевидно, имѣетъ какую-то другую цѣль. Наконецъ, разбираемое мною распоряженіе вредно для самаго дѣла. Заурядные инспектора народныхъ училищъ, которымъ ввѣренъ надзоръ за мусульманскими школами въ двухъ районахъ, а въ настоящее время,—съ уходомъ г. Наливкина изъ учебнаго вѣдомства,—во всемъ краѣ, совершенно непригодны къ роли завѣдывающихъ мусульманскими школами, такъ какъ они совершенно не владѣютъ туземными языками и нисколько незнакомы съ исламомъ. Надзоръ со стороны такихъ не понимающихъ этого дѣла лицъ дѣлается не только вполнѣ фиктивнымъ, но и вреднымъ. Итакъ учебное вѣдомство въ лицѣ своего главнаго представителя здѣсь оказалось въ этомъ дѣлѣ, имѣющемъ громадную государственную важность, далеко не на высотѣ своего призванія. Чѣмъ скорѣе будетъ возстановлена должность спеціалиста-инспектора мусульманскихъ школъ въ краѣ, тѣмъ болѣе мы будемъ освѣдомлены о всѣхъ волненіяхъ и разныхъ политическихъ сюрпризахъ для насъ съ этой стороны, тѣмъ и положеніе наше въ краѣ будетъ прочнѣе. Вопросъ этотъ настолько важенъ, что я намѣренъ возвратиться къ нему при случаѣ.

Другою еще болѣе важною и крупною силою среднеазіатскаго мусульманства является суфизмъ, или дервиш-

шизмъ (у туземцевъ—тасавуфъ). Это—особое теченіе въ исламѣ, имѣющее нѣкоторое весьма отдаленное сходство съ нашимъ христіанскимъ монашествомъ. Хотя суфизмъ имѣетъ весьма мало общаго съ исламомъ, этою весьма сухою и слишкомъ прозаичною религіей, хотя онъ въ главныхъ своихъ основаніяхъ покоится на пантеистическихъ и мистическихъ воззрѣніяхъ, для которыхъ нѣтъ мѣста въ исламѣ, но тѣмъ не менѣе онъ, какъ порожденіе ислама, ухитрился слиться съ нимъ, какъ его болѣе возвышенная форма религіи. Суфи Султанъ Арефинъ (XII ст.) говоритъ: «шаріатъ—только оболочка религіи, содержаніе ея—тарикатъ» (путь духовнаго совершенства въ суфизмѣ). На высшихъ своихъ ступеняхъ, суфи, какъ пантеистъ, доходитъ не только до отрицанія ислама, но и до самообожествленія. Суфизмъ мусульманскій стремится къ полному уничтоженію индивидуальности въ человѣкѣ и къ сліянію его съ божествомъ; средствомъ для этого служитъ тарикатъ—путь духовнаго совершенства. Достигшіе наивысшей ступени тариката называются шейхами, пирами, ишанами (настоятели), ученики же ихъ называются мюридами (жаждущіе), которые принимаются въ общество послѣ долговременнаго искуса. Мюридъ не долженъ имѣть ничего своего и обязанъ отказаться отъ своей личности; въ рукахъ ишана находится вся жизнь и самая смерть мюридовъ, которые не имѣютъ ни своихъ желаній, ни своей воли, которые обязаны безпрекословно исполнять всякое желаніе ишана и которые могутъ спасти себя только чрезъ ишана; словомъ, мюриды въ рукахъ ишана—болѣе слѣпое орудіе, чѣмъ послѣдователи Лойолы въ рукахъ своихъ наставниковъ. Въ этомъ заключается громадная сила и громадная опасность для насъ суфизма. Однимъ изъ средствъ экзальтированія мюридовъ служатъ особыя радѣнія (зикръ) подъ предсѣдательствомъ ишана, состоящія изъ различныхъ тѣлодвиженій до религіознаго танца включительно, способствующихъ подавленію плоти, и многократнѣйшихъ повтореній разныхъ именъ Божіихъ, имѣющихъ цѣлью водворить ихъ сначала на своихъ устахъ, затѣмъ въ груди и наконецъ въ сердцѣ, что̀ всего

болѣе способствуетъ временному сліянію мюрида съ божествомъ. Дикую, но въ то же время весьма внушительную по силѣ развивающагося здѣсь фанатизма картину представляютъ изъ себя эти радѣнія. Одни послѣдователи суфизма произносятъ на этихъ зикрахъ имена Божіи про себя и называются хуфія, а другіе—вслухъ, громко и даже иногда неистово выкрикиваютъ ихъ и называются джагрія. Кромѣ того они раздѣляются еще на нѣсколько орденовъ (сулюкъ), между которыми нѣтъ существенныхъ различій; такихъ орденовъ въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ три: Накшбандія, Кадырія и Каляндари. Всѣ они имѣютъ въ разныхъ мѣстахъ края свои филіальныя отдѣленія, подъ управленіемъ второстепенныхъ ишановъ, всецѣло подчиняющихся своему главному ишану (пиру). Чѣмъ далѣе идетъ время, тѣмъ суфизмъ болѣе и болѣе распространяется въ мусульманскихъ странахъ. Онъ имѣетъ постоянныхъ своихъ мюридовъ, которые живутъ при ишанѣ въ особыхъ общежитіяхъ (такія) и всегда готовы идти всюду на всякое дѣло по первому его требованію, и такихъ, которые какъ-бы считаются въ отпуску, проживая въ своихъ домахъ и составляя, такъ сказать, запасъ, который въ важныхъ случаяхъ призывается ишаномъ къ исполненію. Численность послѣднихъ мюридовъ особенно значительна; нѣкоторые ишаны имѣютъ у себя до 10 т. человѣкъ послѣдователей. Ишаны весьма часто разъѣзжаютъ по городамъ, селеніямъ и ауламъ, находящимся въ чертѣ ихъ вліянія, усиленно собирая и выжимая подаянія, распространяя свои идеи и вербуя себѣ послѣдователей. Въ туземномъ населеніи они пользуются громаднѣйшимъ авторитетомъ; они—главные духовные руководители народа; изъ нихъ главнымъ образомъ вербуются мусульманскіе святые и даже разные политическіе дѣятели. Правда, нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе жадные до наживы, не пользуются симпатіями туземцевъ; но и они всегда окружены внѣшнимъ почетомъ и уваженіемъ. Къ числу наиболѣе излюбленныхъ и усердно распространяемыхъ ими идей относятся: подъемъ ислама и его исповѣдниковъ, недовольство существующимъ порядкомъ и нис-

проверженіе его. Вотъ почему они всегда производили и производятъ политическія волненія и смуты. «Достаточно сказать, говоритъ г. Наливкинъ, что всѣ мусульманскіе правители съ давнихъ временъ считали для себя обязательнымъ имѣть въ качествѣ духовниковъ и руководителей популярныхъ и вліятельныхъ ишановъ, дѣйствовавшихъ настолько искусно, что правители играли только фиктивную роль представителей власти. Былъ случай, когда суфи добылъ своей фамиліи тронъ. Иногда суфи поднимали руку на нежелательныхъ имъ правителей» («Туркест. Вѣд.» 1898 г., № 61). Во всемъ этомъ въ высокой степени оригинальномъ, сложномъ и сильномъ явленіи религіозной жизни ислама,—въ суфизмѣ,—заключается для насъ, русскихъ, сильный тормозъ нашему вліянію и величайшая политическая опасность для нашего господства въ краѣ. Суфизмъ со своими ишанами и мюридами никогда и ни въ чемъ не можетъ быть нашимъ союзникомъ; онъ можетъ быть только нашимъ врагомъ всегда и во всемъ. Непростительно и даже преступно съ нашей стороны оставлять его на произволъ судьбы, предоставивъ его собственному теченію и развитію, какъ дѣлали мы по своей безпечности до сихъ поръ. Мы должны во что бы то ни стало скорѣе изучить его во всѣхъ его деталяхъ, парализовать его вліяніе на народную массу и ослабить его численность; въ противномъ случаѣ наша либеральная вѣротерпимость, добродушіе и безпечность погубятъ наше дѣло въ Средней Азіи и породятъ еще болѣе грустныя явленія, чѣмъ послѣднія андиджанскія.

Во всемъ современномъ цивилизованномъ мірѣ, повидимому, прочно установился тотъ фактъ, что все населеніе русскихъ средне-азіатскихъ владѣній не только вполнѣ усмирено, но даже чуть не благословляетъ русское господство, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, 18-го мая 1898 года, намъ пришлось значительно разочароваться въ этомъ. Въ ночь на этотъ день шайка въ 2.000 слишкомъ человѣкъ, подъ начальствомъ ишана Мухаммедъ-Али-Хальфы изъ кишлака Минъ-тюпе, въ расплохъ напала на мирно спавшій лагерь изъ 163 человѣкъ подъ

Андиджаномъ, при чемъ убила 22 нижнихъ чина, ранила 18 человѣкъ и отняла 31 винтовку. При этомъ не могу пройти молчаніемъ, что въ этой шайкѣ бунтарей принимали участіе 16 волостныхъ правителей, народныхъ судей и ихъ кандидатовъ (вотъ достойные результаты нашей либеральной выборной системы, которую мы практикуемъ чуть не у всѣхъ своихъ дикарей и полудикарей!). Проснувшійся лагерь черезъ 15 минутъ разсѣялъ эту шайку. Первоначально замыселъ ишана былъ довольно серьёзный: предполагалось сразу напасть на русскихъ въ разныхъ мѣстахъ Ферганской области, перебить разныя части отдѣльно, затѣмъ поднять все туземное населеніе, провозгласить священную войну (газаватъ) и наконецъ ниспровергнуть русское владычество, которое, хотя, по признанію самого ишана, характеризуется мягкимъ характеромъ, но способствуетъ порчѣ туземныхъ нравовъ, отступленіямъ отъ требованій шаріата и ослабленію семейныхъ основъ. Заявленіе—весьма знаменательное. Ишанъ на слѣдствіи не жаловался ни на оскудѣніе денежныхъ средствъ, ни на обѣднѣніе народа, ни на притѣсненія русской власти, ни даже на эксплоатацію ея. Съ этой стороны мы должны утѣшаться. Выводъ изъ этого вполнѣ несомнѣненъ тотъ, что туркестанское туземное населеніе, подъ нашимъ владычествомъ, благоденствуетъ и даже богатѣетъ. Вѣсть объ этомъ дерзкомъ и безумномъ нападеніи, какъ громомъ, поразила своею неожиданностью не только всѣхъ русскихъ, но и самую русскую администрацію въ Туркестанѣ, которая въ то время страдала непростительною безпечностью и полнымъ непотизмомъ, ограничиваясь только воздыханіями объ ослабленіи своей власти и о подчиненіи себѣ русскаго суда и состоящаго при немъ прокурорскаго надзора. За этими своими безплодными занятіями она просмотрѣла свою коренную задачу—слѣдить за разными выходящими изъ нормы явленіями туземной народной жизни. Она, къ нашему удивленію, просмотрѣла давно подготовлявшееся возстаніе минъ-тюбинскаго ишана. Она упорно закрывала свои глаза на то, какъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ росъ и крѣпъ

этотъ ишанъ, какъ къ нему каждый день собиралось по нѣскольку сотъ его учениковъ, изъ которыхъ многіе жили и кормились у него постоянно; она не обратила вниманія на усилившіеся еще въ 1897 году въ Коканѣ весьма смѣлые грабежи и разбои; она игнорировала и разныя подметныя письма, въ которыхъ предупреждалось о священной войнѣ со стороны туземцевъ. Результатомъ такого непотизма администраціи временъ бар. Вревскаго и было то, что̀ случилось 18-го мая 1898 г. подъ Андиджаномъ [1]). Сильная русская власть, въ лицѣ слѣдующаго главнаго начальника края, генерала Духовскаго, съумѣла при тѣхъ же средствахъ, на недостаточность которыхъ все время жаловалась предшествовавшая власть, не только подавить возстаніе, но и смирить все населеніе этой мѣстности, которое на колѣняхъ выпрашивало себѣ прощеніе, а также и принять рядъ мѣръ къ устраненію подобныхъ явленій на будущее время. «Распространенію заговора, какъ совершенно справедливо заявило правительственное сообщеніе, способствовало совершенное отсутствіе контроля надъ проявленіемъ духовной жизни народа». Даже кавказскіе мюриды съ Шамилемъ во главѣ не послужили надлежащимъ урокомъ для Туркестана. Вотъ что значитъ отсутствіе стройной системы въ дѣлѣ управленія окраинами и разными нашими инородцами. Чѣмъ скорѣе будетъ организованъ этотъ надзоръ, чѣмъ скорѣе мы сбросимъ съ себя непростительную безпечность, доходящую до полной халатности, чѣмъ скорѣе мы разстанемся съ нѣкоторыми вредными либеральными взглядами вѣротерпимости до посѣщенія представителемъ русской власти въ краѣ могилъ мусульманскихъ святыхъ (зіяратъ—отчасти соотвѣтствуетъ нашей панихидѣ) включительно, тѣмъ управленіе наше въ краѣ будетъ разумнѣе и полезнѣе для той и другой стороны, т.-е. для насъ, русскихъ, и туземцевъ, тѣмъ скорѣе и прочнѣе край этотъ сольется со своею ме-

[1]) Напрасно петербургскій ахундъ Баязитовъ («Новое Время» 18 авг. 1898 г., № 8072) и Гаспринскій въ своей газетѣ «Переводчикъ» пытаются смягчить сильное впечатлѣніе, произведенное на насъ взрывомъ мусульманскаго фанатизма во время этого бунта.

трополіей.—При этомъ спѣшу напомнить еще объ одной опасной для насъ, русскихъ, силѣ средне-азіатскаго мусульманства—о маддахахъ, публичныхъ разсказчикахъ на туземныхъ базарахъ. Ждать добра отъ этихъ безконтрольныхъ и безцензурныхъ религіозныхъ и политическихъ ораторовъ, эксплоатирующихъ кошельки и сердце легковѣрной ко всему туземной толпы и доводящихъ ее даже до экзальтаціи, также не приходится. Чѣмъ скорѣе и они будутъ подобраны къ русскимъ рукамъ, тѣмъ благосостояніе края только больше выиграетъ. Въ настоящее время во всѣхъ большихъ туркестанскихъ городахъ невольно приходится поражаться контрастомъ между стѣсненіемъ, наприм., русской, даже столичной, печати и полною свободою, даже разнузданностью слова у здѣшнихъ туземцевъ.

При управленіи своими средне-азіатскими владѣніями мы не должны обольщаться внѣшнимъ, наружнымъ спокойствіемъ ихъ, а должны быть всегда на стражѣ и зорко слѣдить за всѣми проявленіями народной, а тѣмъ болѣе религіозной жизни населенія, которое вѣками и даже тысячелѣтіями воспиталось въ разныхъ смутахъ, междоусобіяхъ и измѣнахъ. Все историческое прошлое Средней Азіи, никогда не наслаждавшейся миромъ, ясно свидѣтельствуетъ намъ, что мы должны потратить слишкомъ много времени и труда на перевоспитаніе здѣшняго населенія прежде, чѣмъ предаться собственному спокойствію. Какъ только исторія помнитъ себя, край этотъ постоянно подвергается крупнымъ нашествіямъ и мелкимъ набѣгамъ разныхъ народовъ и ихъ честолюбцевъ, которые или искали здѣсь для себя культурныхъ земель и бо́льшаго простора, или желали распространить свое владычество и вѣру, или, наконецъ, стремились къ быстрой и легкой наживѣ и даже просто пограбить. Здѣсь прошли персы, греки, китайцы, арабы, монголы; всѣ они и разныя другія мелкія народности приносили съ собою не столько культуру,—хотя и въ этомъ нельзя отказать нѣкоторымъ изъ нихъ, особенно персамъ и грекамъ,—сколько раздоръ, мечъ, войну и народныя бѣдствія. Передъ приходомъ

русскихъ политическое господство въ этомъ краѣ дѣлилось главнымъ образомъ между тремя ханствами: Коканомъ, Бухарою и Хивою. Каждое изъ этихъ государствъ, управляя своею страною чисто деспотически, оспаривало другъ у друга въ пограничныхъ мѣстахъ съ безпощадною жестокостью свою власть; каждое стремилось расширить предѣлы своего вліянія на счетъ другаго и одному господствовать на всемъ пространствѣ этой части Средней Азіи. Отсюда—постоянные, нескончаемые между ними споры, раздоры, войны, крупные походы и мелкіе хищническіе набѣги. Будучи довольно слабыми внутри себя и не имѣя даже возможности держать въ повиновеніи разныя мелкія народности, входящія въ составъ ихъ, особенно киргизовъ, этихъ вольныхъ, какъ вѣтеръ, сыновъ средне-азіатскихъ степей, Коканъ и Хива не могли, а иногда, вслѣдствіе своей политической близорукости, даже и не хотѣли сдерживать набѣговъ послѣднихъ на наши пограничныя владѣнія. Средняя Азія представляла въ то время постоянно волнующееся военною бурею море; безпрерывныя волны этой средне-азіатской безурядицы, производя опустошенія на нашихъ берегахъ, постоянно и при томъ помимо нашей воли вынуждали насъ идти въ глубь Средней Азіи съ тѣмъ, чтобы положить конецъ такому безпокойному для насъ политическому порядку вещей. Покойный нашъ канцлеръ кн. Горчаковъ совершенно искренно давалъ Англіи твердыя обѣщанія не идти дальше въ Средней Азіи; но мы оказались не въ силахъ остановить историческія событія, слѣдовавшія съ безусловною необходимостью. Вотъ почему генералъ М. Г. Черняевъ и оказался какъ-бы ослушникомъ приказаній свыше не ходить дальше Чимкента; взятіемъ Ташкента храбрый и отважный генералъ «рѣшилъ судьбу Средней Азіи», какъ онъ самъ совершенно справедливо выразился въ одномъ изъ своихъ предсмертныхъ завѣщаній [1]). Неудержимая сила событій влекла насъ все далѣе

[1]) Конечно, самое приличное мѣсто для вѣчнаго упокоенія праха М. Г. Черняева—не въ Тубышкахъ, а на мѣстѣ его геройскихъ подви-

въ глубь страны «халатниковъ и кобылятниковъ», по образному выраженію Е. Л. Маркова, привела насъ, вопреки самимъ себѣ, до границъ Афганистана и Персіи и повлечетъ насъ въ будущемъ и еще дальше. Царившія въ Средней Азіи безурядицы, анархія и междоусобія съ одной стороны и политически развращенное крайнимъ деспотизмомъ населеніе съ другой — были самыми лучшими нашими союзниками. Грозныя издали, но совершенно ничтожныя вблизи Бухара, Хива и Коканъ быстро пали одно за другимъ. Вотъ чѣмъ въ значительной степени объясняются наши блестящія побѣды въ Средней Азіи, особенно побѣды генерала Черняева [1]); самая большая трудность выпадала нашимъ войскамъ на борьбу съ препятствіями природы, особенно во время хивинскаго похода. Съ особенною силою царила анархія среди киргизовъ, которые, никогда не составляя изъ себя единаго цѣлаго, дробились въ описываемое время на орды, орды на поколѣнія, поколѣнія на отдѣленія, подъ-отдѣленія, аулы и т. д. Все это враждовало между собою изъ-за разныхъ узко-племенныхъ, родственныхъ и семейныхъ, а также изъ-за пастбищъ и другихъ экономическихъ споровъ. Обычай родовой мести, усиливая и усложняя эту племенную безурядицу, развился до такой степени, что дѣлалъ ненужнымъ и послѣднее охранительное начало— судъ біевъ, судъ по адату (народному обычаю). Будучи большими охотниками до разбирательствъ своихъ дѣлъ у біевъ, киргизы не чувствовали нужды подчиняться рѣшеніямъ ихъ, а предпочитали самоуправство посредствомъ баранты у своихъ враговъ. Власть хановъ была здѣсь совершенно безсильна, такъ какъ громадная степь всегда давала бѣглецамъ просторъ укрываться отъ нея.

говъ около Ташкента, въ Шуръ-тюбе. Приличный памятникъ надъ его могилою дѣйствовалъ бы всегда импонирующимъ образомъ на туркестанскихъ туземцевъ.

[1]) Этимъ я вовсе не хочу умалить военныхъ заслугъ и личной отваги покойнаго генерала М. Г. Черняева. Хотя онъ никогда не былъ хорошимъ администраторомъ, но всегда былъ высоко опытнымъ и отважнымъ полководцемъ.

Такимъ образомъ самосудъ и баранта [1]) у кочевниковъ и полный деспотическій произволъ и хищничество хановъ, бековъ и всякихъ другихъ властей у осѣдлыхъ нисколько не обезпечивали спокойствія личности и права собственности въ Средней Азіи, на всемъ пространствѣ которой царилъ сильный и богатый надъ слабымъ и бѣднымъ; «богатому и міръ широкъ, бѣдному и міръ тѣсенъ»; «съ бекомъ не борись,—поясницу сломишь», говорилъ туземецъ въ то время. Внутренняя безурядица въ Средней Азіи усиливалась еще глубоко и издавна укоренившеюся враждою между двумя главными народностями края—сартами и киргизами, или даже вообще между осѣдлымъ и кочевымъ населеніемъ. Корни этой вражды, которая отчасти существуетъ и до сихъ поръ, лежатъ во всемъ жизненно-экономическомъ строѣ того и другаго народа. Сартъ относится къ киргизу свысока, считая его неучемъ, степнякомъ, дикаремъ, деревенщиною, глупцомъ, плохимъ мусульманиномъ, и позволяетъ себѣ не только третировать, но и нагло эксплоатировать его. Киргизъ въ свою очередь не любитъ сарта за его хитрость, лукавство и лесть, за его обманъ, ростовщичество и наружное фарисейство; видя въ немъ земледѣльца и чернорабочаго, онъ презираетъ его; считая его своимъ эксплоататоромъ, онъ ненавидитъ его. Сверхъ этого, въ Средней Азіи въ описываемое время существовало и рабство. Военные походы и хищническіе набѣги на непріятеля вообще и набѣги кровожадныхъ туркменъ на персовъ въ частности—были главными источниками рабства. У добродушныхъ киргизовъ и вообще у кочевниковъ положеніе рабовъ было болѣе удовлетворительно, чѣмъ у безсердечныхъ сартовъ.

Наши грозныя и блестящія побѣды и неразрывно связанное съ ними наше быстрое поступательное движеніе въ глубь страны, съ одной стороны, и высокогуманное, но въ то же время строгое отношеніе къ туземцамъ, разумное управленіе ими и твердая русская власть, съ

---

[1]) «Баранта» въ Средней Азіи—захватъ и угонъ скота, а также и грабежъ вообще; на Кавказѣ же слово «баранта» означаетъ стадо.

другой, — настолько высоко подняли въ Средней Азіи наше имя, нашъ престижъ, окруживъ его обаяніемъ, что всѣ наши требованія и распоряженія исполнялись туземцами безпрекословно по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ они были на виду и могли быть провѣрены нами. Вслѣдствіе этого прежніе бунты и мятежи, прежніе грабежи и разбои, прежнія баранты, съ общимъ умиротвореніемъ русскими войсками страны, постепенно отходятъ въ область прошлаго; ссоры и междоусобія между отдѣльными народностями и между родами прекращаются. Всѣ рабы вездѣ въ Средней Азіи, куда приходили наши славныя туркестанскія войска, немедленно получали свободу. Положеніе здѣшняго инородца сдѣлалось вполнѣ обезпеченнымъ въ гражданскомъ отношеніи, такъ какъ для каждаго жителя было обезпечено личное спокойствіе и право собственности—необходимѣйшія условія экономическаго развитія народовъ. Новый русскій край успокоился настолько полно, что онъ даже сталъ служить предметомъ стремленія, иммиграціи для нашихъ сосѣдей, которымъ или былъ тяжелъ экономическій гнетъ деспотическаго управленія и собственное безправіе въ Коканѣ, Бухарѣ и Хивѣ, или совершенно невыносима жизнь подъ властью кровожадныхъ китайцевъ въ восточномъ Туркестанѣ. Вслѣдствіе безконтрольной со стороны русскихъ властей того времени свободы переселеній, къ намъ потянулись массами загнанные, безправные и даже безжалостно вырѣзаемые выходцы изъ указанныхъ сосѣднихъ мѣстностей (однихъ кашгарцевъ бѣжало къ намъ болѣе 15 тысячъ человѣкъ). Всѣ они были приняты въ нашъ край съ полнымъ, широкимъ гостепріимствомъ и осѣлись на мѣстахъ. Посѣтившій въ 1878 году Туркестанскій край академикъ ф.-Миддендорфъ говоритъ слѣдующее: «Если мы подумаемъ о томъ, какъ юнъ новый порядокъ вещей въ русскомъ Туркестанѣ, и если мы припомнимъ, что Самаркандъ сдѣлался русскимъ владѣніемъ лишь 10 лѣтъ до моего посѣщенія Ферганы, а лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи въ Ферганѣ присоединенъ не болѣе, какъ 3 года предъ тѣмъ, то невольно возбудитъ наше удивленіе то,

какъ быстро исчезли господствовавшія тамъ прежде варварскія условія, и что вмѣстѣ съ русскими водворилась безопасность жизни и имущества, которую мы и въ настоящее время безплодно стали бы искать въ старо-европейскихъ государствахъ, каковы Грецiя, Испанія и въ особенности несчастная Сицилія» [1]). Скайлеръ [2]) еще ранѣе также призналъ замѣчательно хорошимъ порядокъ, встрѣченный имъ въ Туркестанѣ, равно какъ дружеское согласіе между русскими и туземцами и снисходительное отношеніе (свободное отъ всякаго пренебреженія) правящаго и цивилизованнаго класса къ побѣжденному народу. Если въ предпослѣднее время русская власть въ Туркестанѣ какъ-бы стушевалась и явились крупные безпорядки въ родѣ ферганскихъ бунтовъ и разбоевъ, то это въ значительной степени объясняется личностью стоявшаго во главѣ края бар. Вревскаго, который все время скорбѣлъ объ умаленіи своей власти, ходатайствовалъ о расширеніи данныхъ ему правъ и объ уничтоженіи послѣдней самостоятельности нѣкоторыхъ учрежденій въ краѣ, какъ наприм. русскаго суда, прокурорскаго надзора и особенно Ташкентской городской думы [3]). Вотъ почему съ особен-

---

[1]) «Очерки Ферганской долины». СПБ., 1882 г., стр. 448.

[2]) Тамъ же, стр. 456.

[3]) Эта послѣдняя борьба бар. Вревскаго настолько интересна (хотя это и не относится прямо къ моей цѣли, но за то служитъ до нѣкоторой степени характеристикою послѣдняго нашего управленія въ краѣ), что я позволю себѣ привести здѣсь тѣ обвиненія, которыя были возводимы на Ташкентскую городскую думу. По мнѣнію барона Вревскаго, Ташкентское городское самоуправленіе не только «представляетъ мало утѣшительную и крайне прискорбную картину безпорядочнаго веденія городскихъ дѣлъ», но въ то же время служитъ «ареною словопреній, безусловно вредно, тлетворно волнующихъ массу туземнаго населенія». Въ Ташкентѣ, главномъ административномъ мѣстномъ центрѣ, «менѣе всего умѣстно существованіе самоуправляющагося городоваго положенія, подрывающаго значеніе власти въ глазахъ туземцевъ». Всѣ предшественники бар. Вревскаго были совершенно другаго мнѣнія о способности ташкентскихъ горожанъ къ самоуправленію. К. П. фонъ Кауфманъ, который ввелъ общее городовое положеніе въ Ташкентѣ, находилъ, что городъ этотъ «соединяетъ въ себѣ всѣ необходимыя условія для введенія правиль-

ною радостью мы привѣтствовали твердую русскую власть въ Туркестанѣ въ лицѣ новаго генералъ-губернатора С. М. Духовскаго.—Итакъ, первая наша заслуга въ Средней Азіи та, что мы внесли сюда миръ и свободу, обезпечили личность и право собственности каждаго.

Вслѣдствіе общаго умиротворенія нашихъ средне-азіатскихъ владѣній, стало прогрессивно возрастать экономическое благосостояніе края. Туземные жители, пользуясь наступившимъ благополучіемъ и чисто отеческимъ отношеніемъ всѣхъ властей въ краѣ, начиная отъ обаятельной личности перваго генералъ-губернатора К. П. фонъ-Кауфмана и оканчивая низшими его агентами,—что̀ засвидѣтельствовано не только всѣми нашими тогдашними путешественниками по Туркестану, но даже и иностранцемъ Скайлеромъ,—занялись своими дѣлами и быстро улучшили свое экономическое благосостояніе. Такому экономическому росту края въ значительной степени способствовала та высоко-гуманная цѣль, которая была поставлена нашимъ правительствомъ еще въ самомъ началѣ организаціи управленія во вновь покоренной нами странѣ. Цѣль эта заключалась не во временномъ военномъ занятіи Туркестана, не въ эксплоатаціи его матеріальныхъ богатствъ въ свою пользу, а «въ прочномъ крѣпчайшемъ прикованіи земель этихъ навсегда къ Россіи и въ постепенномъ органическомъ ихъ сліяніи съ нею» [1]). Эта высокая цѣль присоединенія края, заключая въ себѣ главное

наго общественнаго устройства» (проектъ положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ 1873 г., стр. 97); Г. А. Колпаковскій утверждалъ, что «въ Ташкентѣ и Вѣрномъ городовое положеніе нашло уже достаточно подготовленную почву и общество способное пользоваться правами самоуправленія» (такой же проектъ 1881 г., стр. 46). Ни М. Г. Черняевъ, ни Н. О. Розенбахъ не имѣли никогда поводовъ аттестовать такъ дурно ташкентцевъ, какъ это сдѣлалъ бар. Вревскій. Но что всего замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи, такъ это то, что преемникъ бар. Вревскаго, генералъ С. М. Духовской, счелъ для себя возможнымъ принять отъ Ташкентской городской думы званіе «почетнаго гражданина г. Ташкента».

[1]) «Врем. полож. объ управл. Турк. краемъ» 1867 г., объясн. зап., 130.

руководящее начало и обозначая съ достаточною ясностью весь дальнѣйшій ходъ нашего здѣсь управленія, никогда не забывалась нашими лучшими туркестанскими администраторами и всегда съ чувствомъ особой гордости указывалась ими и подробно развивалась. Если иногда въ чемъ-либо и можно упрекнуть этихъ лучшихъ нашихъ дѣятелей въ Средней Азіи, то никакъ не въ забвеніи, не въ игнорированіи ея, а скорѣе въ излишней заботливости объ опекаемой ими окраинѣ, въ излишней поблажкѣ лукаво-хищнымъ туземцамъ ея, той поблажкѣ, которая и до сихъ еще поръ неблагопріятно отражается на экономическомъ благосостояніи Имперіи, на финансахъ ея. При такихъ въ высокой степени счастливыхъ условіяхъ начали свою новую жизнь и дѣятельность туркестанскіе инородцы, новые подданные великодушной Россіи.

Прежде всего русское правительство уменьшило количество податей и облегчило уплату ихъ для населенія. При занятіи края мы нашли слѣдующую податную систему. Кочевое населеніе въ разныхъ мѣстахъ платило разныя подати. Коканцамъ киргизы платили зякетъ въ количествѣ $^1/_{40}$ части скота; русскому правительству въ Оренбургскомъ вѣдомствѣ—1 р. 50 к., въ Алатавскомъ округѣ—1 р. 70 к., въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи—1 р. 50 к., около Ташкента—3 р. съ кибитки; въ Сибирскомъ же вѣдомствѣ киргизы платили ясакъ со скота; средняя цифра этой подати, по вычисленію такъ называемой «степной коммиссіи» 1865—1867 гг., падала въ 2 р. 3 к. на каждую кибитку.—Осѣдлое населеніе платило податей гораздо болѣе кочеваго. Фискальная часть его отчасти была основана на мусульманскомъ шаріатѣ, отчасти же зависѣла отъ усмотрѣнія и произвола хана. Населеніе это платило хераджъ, танабана, кошъ-пуль, богара, зякетъ и разные другіе случайные поборы. Хераджъ взимался со всѣхъ земледѣльцевъ, сидѣвшихъ на амляковыхъ, или общественно-государственныхъ земляхъ, въ размѣрѣ $^1/_{10}$, $^1/_5$ и даже $^1/_3$ части урожая натурою. Иногда, впрочемъ, хераджъ взыскивался и деньгами. Размѣры хераджа находились въ зависимости отъ качества земель, количества

воды для орошенія и отъ произвола хана. Отъ этой подати избавлены были владѣльцы мильковъ, которые имъ принадлежали на правахъ полной, или, выражаясь языкомъ туземцевъ, «чистой» собственности, а также вакуфы, т.-е. земли и угодья, завѣщанныя религіознымъ или благотворительнымъ учрежденіямъ. Подать танабана взималась съ танапа, равнаго $^1/_6$ части русской десятины; ею облагались или болѣе доходныя земли, или такія, съ урожая которыхъ неудобно было брать натурою; сюда относились земли, занятыя садами, огородами, люцерною и хлопкомъ. Размѣры этой подати были весьма разнообразны въ зависимости отъ рода воздѣлываемыхъ растеній, качества земли, количества воды, условій сбыта продуктовъ и опять-таки отъ произвола хана, и простирались отъ 40 коп. до 3 р. 60 коп. съ танапа, а, по свидѣтельству Миддендорфа, будто бы доходили до $^1/_5$ части урожая (стр. 421). Установленная въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подать кошъ-пуль взималась съ бахчей, т.-е. овощныхъ плантацій въ полѣ, съ того количества земли, которое можетъ быть обработано однимъ плугомъ, запряженнымъ парою воловъ или другихъ какихъ-либо животныхъ, годныхъ для этого, что̀ у туземцевъ называлось «кошъ» (отъ 3 до 7 десят.), также въ неопредѣленномъ количествѣ—отъ 1 р. до 3 р. 60 к. Подать богара имѣетъ сходство съ хераджемъ, но взималась въ меньшемъ размѣрѣ, не болѣе $^1/_{10}$ части урожая съ земель, которыя не были искусственно орошены и на которыхъ хлѣбъ сѣялся «подъ дождь». Зякетъ, или торговая подать, имѣетъ сходство съ нашими таможенными сборами; онъ взимался одинъ разъ въ годъ въ размѣрѣ $^1/_{40}$ части съ торговаго капитала, превышающаго 40 тиллей (около 160 р. на наши деньги), съ золота и серебра, а также со скота, продаваемаго гуртомъ или въ розницу на базарѣ. Кромѣ этихъ налоговъ, общихъ для всѣхъ мѣстъ мусульманской Средней Азіи, было много другихъ мелкихъ, налагаемыхъ и измышляемыхъ по произволу хана или даже бека (губернатора); перечислить всѣ ихъ и опредѣлить размѣры каждаго изъ нихъ не представляется возможнымъ, такъ какъ

они вытекали изъ личнаго призвола средне-азіатскихъ деспотовъ; вотъ нѣкоторые изъ нихъ: подать въ пользу хана—ханская подать, мирабъ-ана—налогъ въ пользу завѣдывавшихъ ирригаціей (мирабовъ), тарикана, шикахана и такжанъ—разные сборы со строительнаго дровянаго лѣса и углей, базарный сборъ за вырубку камыша, съ мельницъ, съ соломы урожая хлѣбовъ, на содержаніе полиціи, джигитовъ хана и бека, и пр. и пр. Особенно много налоговъ было измышлено въ Коканѣ послѣднимъ ханомъ Худояромъ, который положительно разорялъ своихъ подданныхъ.

Вся эта весьма неопредѣленная по своимъ размѣрамъ система податей, ложась весьма тяжелымъ бременемъ на населеніе и не принося особыхъ прибылей казнѣ, была весьма выгодна для сборщиковъ. Основнымъ принципомъ средне-азіатскихъ правительствъ въ ихъ фискальной политикѣ было, не вмѣшиваясь непосредственно въ это дѣло, сдавать сборъ податей на откупъ особымъ сборщикамъ, зякетчіямъ и серкерамъ, которымъ предоставлено было право самимъ вознаграждать себя за трудъ, что̀ они и дѣлали съ большимъ усердіемъ, въ прямой ущербъ казнѣ и къ отягощенію населенія. Сборъ зякета съ киргизскаго скота былъ крайне затруднителенъ, такъ какъ весьма трудно и даже невозможно было сосчитать въ обширной степи скотъ у киргизовъ, которые утаивали значительное количество его; а потому волей-неволей коканскимъ сборщикамъ приходилось ограничиваться взиманіемъ зякета съ объявленнаго киргизами количества скота; но «иногда, какъ говоритъ г. Мордвиновъ, зякетчи или его уполномоченный выѣзжалъ въ сопровожденіи вооруженнаго конвоя на кочевья и забиралъ столько барановъ, лошадей и верблюдовъ, сколько представлялось возможнымъ, или лучше сказать—небезопаснымъ» [1]). Вслѣдствіе этого часто между киргизами и коканцами происходили вооруженныя столкновенія. Отъ упрека въ неправильномъ способѣ взи-

---

[1]) «Землевладѣніе и подати въ Туркестанѣ». См. «Русскій Вѣстникъ» 1898 г., іюнь, стр. 69.

манія податей съ киргизскаго населенія нельзя освободить даже и русское правительство того времени. Прежде всего подати взимались съ киргизовъ въ разныхъ мѣстахъ неравномѣрно, что, конечно, не можетъ быть признано справедливымъ. Затѣмъ, ничего не было сдѣлано для населенія въ облегченіе уплаты податей, такъ какъ не было введено раскладки податей; вслѣдствіе чего весьма часто бѣдные киргизы платили даже больше, чѣмъ богатые, такъ какъ сборщики, получая взятки съ богатыхъ, показывали у нихъ скота меньше. По вычисленію «степной коммиссіи», по крайней мѣрѣ $^1/_3$ часть податей, не попадая въ казну, расхищалась сборщиками; правительство же не имѣло въ то время въ своемъ распоряженіи никакихъ средствъ для провѣрки правильности дѣйствій сборщиковъ въ степи. Сборъ съ осѣдлаго населенія, которому уже некуда было укрыться отъ многочисленныхъ зоркихъ сборщиковъ, былъ еще болѣе отяготителенъ. Поземельными сборами завѣдывали серкеры, которые назначались ханомъ. У каждаго серкера былъ свой значительный штатъ служащихъ, амлякдаровъ, которые всѣ, какъ и онъ самъ, не получая никакого содержанія отъ хана, кормились и богатѣли на счетъ казны и населенія; ему же до извѣстной степени подчинялись и завѣдующіе ирригаціею мирабы. Словомъ, это было весьма крупное, богатое и вліятельное, но въ то же время и ненавистное для населенія лицо въ ряду туземной администраціи. Хераджъ собирался слѣдующимъ образомъ. Въ теченіе лѣта сборщики приводили въ своемъ районѣ въ извѣстность число хозяевъ и количество засѣяннаго ими хлѣба; ко времени молотьбы составлялись хераджные списки; затѣмъ весь умолотъ каждаго хозяина измѣрялся тутъ же на мѣстѣ, въ полѣ, и назначался размѣръ хераджа; списки эти утверждались бекомъ. До уплаты хераджа никто изъ хозяевъ не смѣлъ увезти свой хлѣбъ съ поля или продать его. По окончаніи уплаты хераджа земледѣлецъ, какъ говоритъ г. Южаковъ, подвергался нашествію разныхъ властей: полицейскихъ, арычныхъ, духовенства и прокаженныхъ, и отсыпалъ каждому изъ нихъ, сколько

могъ [1]). Для сбора танапной подати составлялись коммиссіями на каждое селеніе особые списки, при чемъ ежегодно земля измѣрялась туземными землемѣрами (танапкешами). Эти списки также нуждались въ утвержденіи бека для сбора, который производился уже послѣ распродажи продуктовъ. Въ случаѣ недоимокъ сборщиками пускались въ ходъ побои, которыми всегда и выколачивалось все требуемое. При всѣхъ этихъ и другихъ сборахъ сборщикамъ открывалось широкое поле для угнетенія и разоренія населенія и воровства казенныхъ денегъ. Послѣднее, какъ оказалось впослѣдствіи, при первомъ взиманіи нами хераджа въ Ферганской области, доходило даже до половины всѣхъ слѣдуемыхъ въ казну денегъ. Для сбора зякета избирались ханомъ особые сборщики, зякетчи, у каждаго изъ которыхъ была масса служащихъ, досмотрщиковъ, содержавшихся на его счетъ. Это была еще болѣе крупная и важная особа; она разъѣзжала по своему району съ большою толпою, въ сопровожденіи значительной свиты, которая безжалостно обирала народъ. Ни одинъ торговецъ не смѣлъ вывезти изъ города или ввезти въ городъ свой товаръ; о томъ и другомъ онъ долженъ былъ дать знать зякетчи, который посылалъ своихъ служащихъ осмотрѣть товаръ и взыскать въ количествѣ $2^0/_0$ стоимости товара и 20 коп. съ каждаго вьюка за пропускной ярлыкъ. Только послѣ этого купецъ вывозилъ изъ города или ввозилъ въ городъ свой товаръ и имѣлъ право торговать имъ въ теченіе года на эту сумму по всему ханству. Въ каждомъ ханствѣ взыскивался снова зякетъ, хотя бы товаръ только проходилъ чрезъ него. Такъ же взыскивался зякетъ съ гуртоваго скота и со скота, продаваемаго въ розницу на базарѣ. Христіане и евреи, какъ кяфиры (невѣрные), уплачивали зякетъ вдвое, втрое и даже вчетверо больше мусульманскихъ торговцевъ. Сборъ зякета никогда не учитывался ханами, да и невозможно было это сдѣлать; онъ поступалъ полностью въ распоряженіе зякетчи, кото-

[1]) «Итоги 27-лѣтняго управленія нашего Туркестанскимъ краемъ» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1891 г., августъ, стр. 17.

рый посылалъ неопредѣленную сумму хану и беку и долженъ былъ время отъ времени исполнять всѣ денежныя ихъ требованія, подъ опасеніемъ потерять мѣсто.

Само собою понятно, что русское правительство не могло оставить во вновь занятой странѣ описанную фискальную систему во всей ея цѣлости. Избѣгая, по возможности, коренной ломки ея, оно въ то же время стремилось обосновать ее на болѣе разумныхъ началахъ, устраняющихъ излишнее отягощеніе народа и разныя злоупотребленія по сбору податей. При разрѣшеніи этого въ высшей степени важнаго вопроса, нельзя было не признать, съ одной стороны, крайнюю недостаточность агентовъ русской власти въ краѣ, и съ другой—ограниченность нашихъ финансовыхъ средствъ, не позволявшую сформировать громадный институтъ особыхъ вполнѣ благонадежныхъ лицъ, которымъ можно было бы поручить устройство и веденіе здѣсь дѣлъ государственнаго фиска. Стремясь избѣгать излишнихъ расходовъ, которые бы ложились тяжелымъ бременемъ на рессурсы края, наше правительство признало, что само оно не можетъ непосредственно слѣдить за правильностью сборовъ податей; признавая въ то же время, что всякіе посредники въ этомъ дѣлѣ приносятъ лишь только вредъ, оно предоставило сборъ податей самому народу чрезъ посредство выборныхъ имъ лицъ. Желая ввести болѣе равномѣрное и справедливое распредѣленіе податной тягости между плательщиками, пропорціонально ихъ матеріальному благосостоянію, оно ввело внутреннюю раскладку податей по обоюдному соглашенію между ними на народныхъ сходахъ. При выборѣ самаго рода податей съ разнаго населенія края, кочеваго и осѣдлаго, наше правительство вынуждено было отказаться отъ желаемаго однообразія. Хотя туземный зякетъ въ количествѣ $^1/_{40}$ части со скота кочеваго населенія въ принципѣ и долженъ быть признанъ справедливымъ, но въ дѣйствительности онъ былъ невыгоденъ для казны, такъ какъ не давалъ того, что онъ могъ бы дать, по причинамъ, изложеннымъ выше. Поэтому правительство остановилось на другомъ родѣ

подати для кочеваго населенія, на кибиточномъ налогѣ, который болѣе поддается контролю. Внутренняя раскладка по волостямъ и ауламъ должна была сгладить ту несправедливость обложенія, которое въ равной мѣрѣ ложится на бѣднаго, какъ и на богатаго. Самый учетъ киргизскихъ кибитокъ производился посредствомъ выборовъ должностныхъ лицъ низшей администраціи. Выборное начало, которымъ киргизы были заинтересованы въ сильной степени и которое было основано также на численности кибитокъ, служило болѣе или менѣе вѣрнымъ выразителемъ дѣйствительнаго числа киргизскихъ кибитокъ, съ точностью, какъ надѣялась «степная коммиссія», по крайней мѣрѣ $^{95}/_{100}$ для каждаго аула. Дѣйствительно, надежды эти въ значительной степени оправдались, какъ свидѣтельствуютъ два позднѣйшихъ оффиціальныхъ документа: проекты положеній объ управленіи Туркестанскимъ краемъ 1873 г. и 1881 г. За обнаруженную утайку кибитокъ былъ положенъ штрафъ съ должностныхъ лицъ въ количествѣ двойной суммы утаеннаго. Размѣръ кибиточной подати былъ опредѣленъ «степною коммиссіей» въ 2 р. 75 к. и сверхъ того 1 р. на содержаніе туземной администраціи. Впослѣдствіи былъ введенъ еще сборъ на земскія нужды, который съ 25 коп. постепенно возвышенъ былъ до 1 р. 25 коп. съ кибитки. Результаты такого устройства сбора податей съ кочеваго населенія не замедлили обнаружиться прогрессивнымъ возрастаніемъ изъ года въ годъ поступленій кибиточной подати и отсутствіемъ недоимокъ. До организаціи кочеваго населенія кибиточная подать по Туркестанскому краю давала въ годъ 144.329 руб.; съ уравненіемъ подати и болѣе правильнымъ исчисленіемъ кибитокъ она возросла въ 1869 году до 617.000 руб. [1]). По положенію объ управленіи Туркестанскимъ краемъ 1886 г., дѣйствующему и въ настоящее время, въ дѣло устройства податей съ кочеваго населенія внесены слѣдующія измѣненія и до-

[1]) «Прсектъ положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ» 1881 г., стр. 24.

полненія: кибиточная подать увеличена до 4 р.; исчисленіе кибитокъ производится одинъ разъ въ три года аульною и волостною администраціей; за утайку кибитокъ виновные подвергаются двойной суммѣ подати, слѣдуемой съ каждой кибитки, и отвѣтственности, какъ за преступленіе по должности; въ дѣлахъ внутренней раскладки кибиточной подати никто изъ мѣстныхъ властей не долженъ принимать участія, ограничиваясь только наблюденіемъ за порядкомъ на сходахъ; сверхъ этого, введено въ высшей степени благотворное въ экономическомъ отношеніи для бѣднаго населенія, но, къ сожалѣнію, довольно неопредѣленное, слѣдующее положеніе: въ случаѣ неуплаты юртовладѣльцемъ (кибитковладѣльцемъ) причитающейся съ него кибиточной подати, приступаютъ къ продажѣ имущества, «за исключеніемъ кибитки и той части скота, которая составляетъ крайнюю необходимость въ его хозяйствѣ» (ст. 300—313).

Не такъ легко было разрѣшить податной вопросъ для осѣдлаго населенія. Съ одной стороны задались цѣлью «строго избѣгать насильственнаго навязыванія чуждыхъ мѣстному населенію порядковъ, напрасной ломки его, а напротивъ, установлять общественное его устройство и управленіе, по возможности сообразное съ его нравами и обычаями»; а съ другой—нужно было для соблюденія достоинства русской власти въ краѣ устранить все то зло, которое вкоренилось въ туземную фискальную политику и даже органически слилось съ нею. Вопросъ оказался весьма труднымъ, запутаннымъ и крайне сложнымъ: трудность разрѣшенія его усложнялась особенно тѣмъ, что мы были знакомы съ нимъ лишь въ общихъ чертахъ, но не съ деталями его, которыя, какъ и во всякомъ дѣлѣ, имѣютъ весьма важное значеніе и полнѣе освѣщаютъ вопросъ. Сначала вновь покоренному осѣдлому населенію былъ данъ льготный срокъ, въ теченіе котораго оно было освобождено отъ уплаты податей. Вслѣдъ за этимъ была оставлена для него прежняя податная система во всей ея неприкосновенности. Но такъ какъ, вслѣдствіе оплошности, мы своевременно не вытребовали отъ туземныхъ

сборщиковъ хераджныхъ и танапныхъ списковъ, которые помогли бы намъ разобраться въ этомъ дѣлѣ, то серкеры и зякетчи нагло обманули насъ и дали весьма плохіе сборы. Между тѣмъ въ это время, не смотря на постоянные наши военные походы и обостреніе разныхъ политическихъ вопросовъ въ Средней Азіи, дѣятельно шло изученіе новаго русскаго края и организація его. Туземныя подати привлекали къ себѣ наши симпатіи по своимъ основнымъ принципамъ, такъ какъ онѣ имѣли видъ подоходнаго налога, самаго справедливаго изъ всѣхъ налоговъ. Настойчиво желая устранить участіе русскихъ властей въ дѣлѣ сбора податей и здѣсь, такъ какъ это участіе не обѣщало ничего утѣшительнаго и могло только компрометировать власть побѣдителей, и страшась хозяйственной съемки культурныхъ земель, на что потребовалось бы нѣсколько лѣтъ весьма дорогой работы, наше правительство, пользуясь, какъ оно выражалось, выработаннымъ здѣсь «вѣковымъ опытомъ», предоставило сборъ туземныхъ податей самому населенію посредствомъ выборныхъ имъ особыхъ коммиссій, подъ названіемъ «хозяйственныхъ общественныхъ управленій», вмѣсто упраздняемыхъ серкеровъ и зякетчіевъ. Такія коммиссіи изъ туземцевъ казались въ то время желательными особенно потому, что никто другой, какъ только туземцы, отлично знающіе прежніе порядки и количество ежегодно измѣняющихся у каждаго земледѣльца запашекъ и урожая, не могъ составить хераджныхъ и танапныхъ списковъ, которые въ этомъ дѣлѣ составляютъ все. Для вящшаго побужденія къ честности было предоставлено членамъ этихъ учрежденій въ вознагражденіе до $10^0/_0$ всего сбора съ населенія. Уѣздной администраціи было предоставлено право контроля сбора податей «неожиданнымъ перемѣромъ у нѣсколькихъ лицъ умолота и измѣреніемъ садовъ, виноградниковъ и пр.». Всѣ споры, которые могли возникнуть при взиманіи податей, были предоставлены разбору казіевъ (судей у осѣдлаго населенія). Изъ поземельныхъ податей были оставлены: хераджъ въ количествѣ $^1/_{10}$ части урожая по цѣнамъ, утвержденнымъ главнымъ

начальникомъ края, и танапъ, размѣръ котораго долженъ быть опредѣленъ тою же властью.—Зякетъ вслѣдствіе того, что контролировать его было весьма трудно, подвергся болѣе коренному преобразованію, чѣмъ предыдущія подати. Въ первый же годъ, при нашемъ сборѣ черезъ туземцевъ, зякетъ значительно понизился; такъ наприм., въ Ташкентѣ, имѣвшемъ въ то время до 20 милл. рублей годоваго оборота, зякетъ, дававшій при коканцахъ ежегодно отъ 240 т. до 320 т. рублей, далъ намъ въ этотъ годъ лишь только 25.595 р. Сверхъ того зякетъ, покровительствуя туземной промышленности въ предѣлахъ извѣстнаго района, стѣснялъ сбытъ русскихъ товаровъ въ Среднюю Азію; наконецъ, онъ требовалъ отъ насъ громаднаго количества лицъ для надзора за сборомъ его. Все это заставило наше правительство отказаться отъ зякета въ туземномъ видѣ и примѣнить его къ торговымъ пошлинамъ, но въ размѣрѣ того же зякета. Всякій торговецъ ежегодно долженъ былъ уплачивать $2^1/_2{}^0/_0$ съ объявленнаго торговаго капитала, который при надобности провѣрялся членами того же хозяйственнаго управленія посредствомъ осмотра товаровъ, а иногда могъ быть подвергнутъ и контролю уѣзднаго начальника. Иностранные азіатскіе купцы платили зякетъ также въ количествѣ $2^1/_2{}^0/_0$ со стоимости товара, но не одинъ разъ въ годъ, а каждый разъ при пропускѣ транспорта изъ-за границы, слѣдовательно за каждый торговый оборотъ. Устройство таможенныхъ линій было признано излишнимъ. За свою дѣятельность члены хозяйственныхъ управленій получали и здѣсь въ вознагражденіе до $10^0/_0$ всего сбора.

Все, повидимому, было вполнѣ хорошо устроено въ теоріи; но въ дѣйствительности оказалось совершенно другое. При устройствѣ хозяйственныхъ управленій «степною коммиссіей», бывшею подъ предсѣдательствомъ г. Гирса, было опущено одно весьма важное и отлично извѣстное ей обстоятельство—нравственный уровень туземцевъ и въ особенности сборщиковъ ихъ. Съ одной стороны, «степная коммиссія» считала туземцевъ развращен-

ными въ политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ, а разныхъ сборщиковъ ихъ даже безсовѣстными ворами; съ другой же стороны, она наивно довѣряла ихъ честности сборъ тѣхъ же податей и на тѣхъ же основаніяхъ. Это внутреннее грубое противорѣчіе въ работахъ «степной коммиссіи» есть одинъ изъ многихъ значительныхъ ея недостатковъ. Эта крупная и даже, если хотите, непростительная ошибка погубила все дѣло и была исходною точкою всей той податной безурядицы, которая царитъ въ краѣ и до сихъ поръ. Правда, «степная коммиссія» предоставила уѣздной администраціи право контроля надъ дѣйствіями хозяйственныхъ общественныхъ управленій, но въ такой неопредѣленной формѣ и малой дозѣ, что право это явилось фикціей. Правда, всѣ могущіе возникнуть споры по сбору податей подлежали разбирательству судей, но судей народныхъ, казіевъ, что̀ также довольно наивно. Хотя членамъ означенныхъ управленій и было назначено «степною коммиссіей» приличное вознагражденіе за труды, но оно нисколько не удержало туземцевъ отъ такого же хищенія казенныхъ денегъ, какое практиковалось ими въ широкихъ размѣрахъ въ доброе для нихъ старое время. Туземные сборщики въ обманѣ русскихъ властей и обкрадываніи казны дошли даже до виртуозности; они, какъ свидѣтельствуютъ вполнѣ оффиціальныя данныя, вели два списка по сбору податей: оффиціальный, сокращенный до произвольной степени, который представляли въ уѣздное управленіе, и свой домашній, по которому сборъ взыскивался съ населенія въ дѣйствительности. Болѣе же употребительною была иная система воровства—стачки, по которымъ одна часть оставалась въ пользу плательщиковъ, а другая, львиная доля переходила къ сборщикамъ. Въ одномъ только небольшомъ Зеравшанскомъ округѣ, какъ констатировано, было раскрадено этими плутами въ 1870 году 165 тысячъ рублей.

Вмѣстѣ съ этимъ были обнаружены крупныя хищенія въ Кураминскомъ (нынѣ Ташкентскомъ) и Ходжентскомъ уѣздахъ (дѣла Колзакова и бар. Нольде). Судебными

процессами было выяснено, что хозяйственныя общественныя управленія умѣли прекрасно расхищать казенныя деньги не только въ графахъ прихода, при поступленіи податей, но и въ графахъ расхода, при производствѣ работъ по устройству дорогъ, мостовъ и пр., которыя производили натуральною повинностью, а деньги, назначаемыя на нихъ, дѣлили между собою. Попытки къ устраненію зла, безъ измѣненія самой системы сборовъ, вызвали только значительные расходы со стороны казны; такъ наприм., учрежденіе подобнаго контроля въ Зеравшанскомъ округѣ въ 1871 году обошлось въ 40 тысячъ рублей [1]).

Все это вынудило туркестанскаго генералъ-губернатора К. П. фонъ-Кауфмана отказаться отъ установленной временнымъ положеніемъ податной системы и перейти къ другой, а впослѣдствіи закрыть и самыя хозяйственныя общественныя управленія (послѣднее было исполнено въ 1875 году). Какъ временная, переходная мѣра, въ ожиданіи окончательнаго переустройства края въ поземельномъ, податномъ и вообще хозяйственномъ отношеніи, въ Сыръ-Дарьинской области, вмѣсто хераджнаго и танапнаго сборовъ серкерами, былъ введенъ въ 1870 году окладъ, за норму котораго была принята цифра сборовъ въ той же области въ предыдущемъ году; податною единицею была признана волость, при чемъ введена внутренняя раскладка примѣнительно къ порядку, какой существовалъ при взиманіи кибиточной подати съ кочеваго населенія. Въ послѣдующіе годы, соотвѣтственно развитію сельско-хозяйственной производительности, были сдѣланы въ окладахъ надбавки, которыя къ 1880 году возросли до 41%. Эта же система была введена съ 1876 года и въ Зеравшанскомъ округѣ. Мѣра эта внесла нѣкоторый порядокъ въ дѣло сборовъ, упростила и удешевила процессъ взиманія, положила предѣлъ хищенію и увеличила

---

[1]) Проектъ положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ 1873 года, стр. 82. Проектъ положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ 1881 года, стр. 20.

податныя поступленія въ казну; такъ наприм., окладъ въ Сыръ-Дарьинской области, опредѣленный на 1870 годъ въ 330 т. р., возросъ къ 1880 году до 490 т. р. [1]). Отсутствіе недоимокъ также свидѣтельствовало объ удобствѣ такой системы. Но при всемъ томъ высшая администрація края не могла не сознавать всей произвольности, а вслѣдствіе этого и несправедливости настоящей окладной системы. Желая вполнѣ искренно облегчить податное бремя для населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и увеличить государственные доходы со вновь завоеваннаго края, желая обосновать дѣло государственнаго фиска въ странѣ на болѣе разумныхъ и справедливыхъ началахъ и придать государственнымъ податямъ характеръ самаго справедливаго изъ всѣхъ налоговъ—подоходнаго, администрація края пришла къ убѣжденію въ необходимости привести предварительно въ полную извѣстность всѣ тѣ земли, которыя не только обработываются, но и которыми вообще пользуется мѣстное осѣдлое населеніе. Только эта мѣра могла положить конецъ укрывательству податей. Выходя изъ такихъ побужденій, туркестанскій генералъ-губернаторъ фонъ-Кауфманъ учредилъ въ 1876 году во вновь присоединенной Ферганской области поземельно-податную коммиссію, которая, по измѣреніи посредствомъ инструментальной съемки всей годной къ обработкѣ земли и исчисленіи, на основаніи разспросовъ, средней урожайности съ десятины, должна была опредѣлить налогъ въ размѣрѣ $^1/_{10}$ части валоваго дохода по преобладающему въ посѣвахъ продукту. Податною единицею первоначально былъ принятъ дворъ, но впослѣдствіи, въ видахъ упрощенія и удешевленія работы,—сельское общество, которому было предоставлено право внутренней раскладки податей. Хотя администрація края и была сначала довольна работами организаціонной коммиссіи въ Ферганѣ, «гдѣ обороченіе податныхъ надѣловъ изъ $^1/_{10}$ части валовой доходности не уменьшило почти нисколько податнаго поступленія поземельныхъ сборовъ противъ прежней

[1]) Тамъ же.

ихъ высоты, не смотря на пониженіе на 50% податной нормы», хотя она и вполнѣ искренно надѣялась на блестящее окончаніе предпринятыхъ поземельныхъ работъ во всемъ краѣ и значительное увеличеніе государственныхъ доходовъ, такъ какъ въ другихъ областяхъ не предстояло дѣлать пониженія податнаго оброка вслѣдствіе того, что онъ былъ на 50% меньше, чѣмъ въ Ферганской области, и такъ какъ имѣлось въ виду подвергнуть такому же обороченію и киргизскій земледѣльческій промыселъ, который уже значительно развился и прочно установился [1]),—но тѣмъ не менѣе означенныя радужныя надежды администраціи не оправдались. Для поземельно-податныхъ работъ вдругъ явилось множество дѣйствительныхъ, но иногда и мнимыхъ препятствій и недоразумѣній. Законченное дѣло часто приходилось передѣлывать за-ново, что̀ непроизводительно увеличивало расходы казны, не уясняя, а только запутывая и усложняя податное дѣло. Обо всемъ этомъ рѣчь будетъ впереди; здѣсь же я отмѣчу только тѣ возраженія и недоразумѣнія, которыя касаются собственно податнаго дѣла. Прежде всего оказалось, что платить вновь опредѣленный поземельный налогъ въ $^1/_{10}$ часть валоваго дохода съ десятины, какъ заявляли туземцы Ферганской области ревизовавшему по Высочайшему повелѣнію въ 1882 году край тайному совѣтнику Гирсу, гораздо труднѣе, чѣмъ платить прежній хераджъ въ $^1/_5$ часть урожая. $^1/_{10}$ вдругъ оказалась больше $^1/_5$ по слѣдующимъ причинамъ. Въ прежнее время туземецъ уплачивалъ хераджъ въ размѣрѣ $^1/_5$ части съ дѣйствительнаго урожая, а при новомъ поземельномъ устройствѣ $^1/_{10}$ часть взималась не только съ обработываемыхъ, но и со всѣхъ годныхъ къ обработкѣ земель и при томъ по преобладающему въ посѣвахъ продукту. При устройствѣ такого порядка, конечно, имѣлось въ виду побудить населеніе заняться обработкою всѣхъ годныхъ для сельскаго хозяйства земель, чтобы послѣднія не пропадали для него и государства без-

[1]) Проектъ 1881 года, стр. 21.

плодно, и тѣмъ самымъ не поощрять народной лѣни. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать за такимъ порядкомъ разумности. По моему мнѣнію, съ этой стороны не слѣдовало смущаться временно обнаружившеюся тягостью новаго поземельнаго налога; явленіе это было только временное, скоро преходящее, такъ какъ мѣстное населеніе скоро пришло бы къ необходимости заключенія, что всѣ годныя для обработки земли должны быть использованы имъ. Много явилось возраженій и противъ внутренней раскладки податей между членами сельскаго общества. «Разверстать правильнымъ образомъ поземельную подать, говоритъ тайный сов. Гирсъ въ своемъ отчетѣ по ревизіи, представляется крайне затруднительнымъ не только для населенія, которому эти поземельныя новшества совершенно непонятны, но, думаю, и для тѣхъ коммиссаровъ, которые ее установили, если бы такая разверстка была на нихъ возложена. Въ каждомъ обществѣ, особенно въ многоземельномъ, земли обыкновенно значительно разнятся и по своимъ достоинствамъ и по своей доходности.... Громадная масса просьбъ и жалобъ, которыми была буквально засыпана ревизія во время пребыванія въ Ферганѣ и изъ которыхъ ни одной нельзя было разрѣшить, не касаясь всей системы податной организаціи, убѣдили ревизію, что вся эта система не выдерживаетъ ни малѣйшей критики». Г. Южаковъ въ своей статьѣ «Итоги 27-лѣтняго управленія нашего Туркестанскимъ краемъ» также возстаетъ противъ этой раскладки, доказывая, что туземное населеніе, никогда не знавшее общественной жизни, совершенно не подготовлено къ этому дѣлу, и утверждая, что раскладка податей между плательщиками соотвѣтственно ихъ матеріальному благосостоянію, въ самомъ принципѣ своемъ несправедлива: если на общественномъ сходѣ возьмутъ верхъ болѣе зажиточные и вліятельные люди, что̀ бываетъ всего чаще, то пострадаютъ бѣдняки, а это уже будетъ извращеніемъ принципа раскладки; если же на этомъ сходѣ одержатъ верхъ послѣдніе, то пострадаютъ зажиточные; но въ такомъ случаѣ поземельный налогъ перестанетъ быть таковымъ

и перейдетъ въ подоходный налогъ. Вслѣдствіе этой раскладки податей, вслѣдствіе круговой поруки сельскаго общества за каждаго изъ своихъ членовъ, положеніе отдѣльныхъ плательщиковъ, какъ утверждаетъ г. Южаковъ, сдѣлалось очень тягостнымъ, и населеніе стало бросать свои земли, какъ это, наприм., случилось въ 1881 и 1882 годахъ въ 5 кишлакахъ Андиджанскаго уѣзда, гдѣ 116 семействъ бросили свои земли и поселились на другихъ мѣстахъ [1]). Г. Мордвиновъ въ своей статьѣ «Землевладѣніе и подати въ Туркестанѣ» находитъ, что разверстка податей несообразна съ правилами и обычаями страны и противорѣчитъ всему жизненному строю и традиціямъ народа, у котораго нѣтъ общиннаго землевладѣнія и гдѣ личность—все, а міръ—ничто [2]). При чтеніи этихъ воплей противъ внутренней раскладки податей между членами сельскаго общества, невольно приходитъ на умъ уже избитая истина, что критиковать любое дѣло всегда гораздо легче, чѣмъ дѣлать самое дѣло или даже подать разумный совѣтъ. Чего собственно хотятъ указанные авторы, трудно даже понять. Раскладка податей практикуется всегда съ двоякою цѣлью: равномѣрнѣе распредѣлить между населеніемъ уплату податей, сообразно матеріальному благосостоянію плательщиковъ, и оградить интересы казны, ослабивъ количество податныхъ недоимокъ. Мнѣ кажется, нужно бы не возставать противъ этой разумной мѣры, а, напротивъ, привѣтствовать ее, какъ мѣру, посредствомъ которой возможно справедливѣе распредѣляется податная тягость. Всего страннѣе приходится слышать эти жалобы на разверстку податей отъ г. Гирса, который въ бытность свою предсѣдателемъ «степной коммиссіи» самъ же вполнѣ сознательно ввелъ ее въ 1867 году между кочевымъ населеніемъ, до того времени также никогда не слыхавшимъ о такой раскладкѣ. Хотя до сихъ поръ у киргизовъ и былъ крѣпокъ общественно-родовой бытъ, но не нужно забывать, что, по проекту г. Гирса, киргиз-

[1]) «Русскій Вѣстникъ» 1891 года, августъ, стр. 19—25.
[2]) «Русскій Вѣстникъ» 1898 года, іюль, стр. 117—118.

скіе аулы и волости, внутри которыхъ должна была происходить раскладка податей, были составлены не на основаніи родовыхъ связей, а совершенно искусственно, съ цѣлью именно разрушенія родоваго быта. Г. Гирсъ совершенно забылъ то, что̀ писалъ и сдѣлалъ 15 лѣтъ назадъ для киргизовъ. Сомнѣніе его въ возможности выполненія податной раскладки даже самими коммиссарами, разсчитанное на остроуміе, должно быть отнесено къ разряду «тупыхъ остротъ», потому что коммиссары, конечно, не могутъ исполнить этого вполнѣ удовлетворительно, такъ какъ они не знаютъ хорошо да и не могутъ знать матеріальнаго благосостоянія членовъ того или другаго туземнаго общества. «Громадная масса жалобъ и просьбъ, которыми была буквально засыпана ревизія» въ Ферганѣ, также неубѣдительна, особенно для того, кто знакомъ, насколько развито кляузничество среди туземнаго и особенно осѣдлаго населенія, стремящагося, къ тому же, всегда отстаивать все свое старое и противодѣйствовать новому. Если же встать на точку зрѣнія гг. Южакова и Мордвинова, что туземное населеніе, какъ жившее до сихъ поръ при другихъ порядкахъ, совершенно не подготовлено къ разверсткамъ податей между собою, то должно отказаться отъ внесенія всякаго, хотя бы и разумнаго, новшества въ туземную среду. Такіе взгляды ставятъ преграду всякому разумному движенію впередъ. Если почему-то нельзя вводить въ краѣ ничего новаго, то не зачѣмъ было устраивать здѣсь и русское управленіе, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ уживаться со всѣми старыми порядками и традиціями. Правда, обоснованіе какой-либо мѣры на прежнихъ добрыхъ порядкахъ есть одинъ изъ критеріевъ разумности и особенно практичности данной мѣры, но, во всякомъ случаѣ,—не единственный, исключающій всѣ другіе. Не хорошо, конечно, когда, при обсужденіи разверстки податей, берутъ на общественныхъ сходахъ верхъ надъ бѣдными и слабыми богатые и сильные; это, конечно, громадное зло, которое извращаетъ лежащіе въ основѣ податной раскладки принципы. Но для предотвращенія этого нужно

отрѣшиться отъ той вредной системы нашего невмѣшательства въ эти дѣла, которая началась со времени все того же Гирса (1867 г.) и уже окончательно возведена въ настоящее время въ систему. Скорбѣть же о томъ, что на общественномъ сходѣ могутъ подавить богатыхъ бѣдняки и поземельный налогъ превратится въ подоходный, едва ли придется часто; такіе случаи могутъ быть, какъ рѣдкое исключеніе; а подоходный налогъ нужно только привѣтствовать. Не согласенъ я и съ тѣмъ, что туземное населеніе, гдѣ, будто бы, личность—все, а міръ—ничто, не знало при прежнемъ владычествѣ общинной жизни. Можно ли согласиться съ тѣмъ, что среди осѣдлаго населенія Туркестана, гдѣ невозможо силами одного человѣка оживить землю, никогда не было, какъ утверждаетъ г. Мордвиновъ, общиннаго землевладѣнія, а было только личное? Всякому изъ насъ, старыхъ туркестанцевъ, а въ томъ числѣ и г. Мордвинову, должно быть извѣстно, что такія работы, какъ проведеніе новыхъ магистральныхъ и даже второстепенныхъ арыковъ (оросительныхъ канавъ), оживленіе, по выраженію туземцевъ, мертвой земли, ремонтъ и расчистка старыхъ арыковъ, устройство новыхъ и поддержаніе старыхъ плотинъ и дамбъ, производились въ Средней Азіи всегда цѣлымъ обществомъ. Отсюда вытекалъ, конечно, и общинный видъ владѣнія землею. Пахатныя земли въ прежнее время дѣлились по жребію между членами сельскаго общества, соотвѣтственно числу выставляемыхъ ими въ поле кошей (одинъ плугъ, запряженный парою воловъ или другихъ какихъ-либо животныхъ, годныхъ для обработки земли). Земельные участки переходили въ личное и потомственное владѣніе только тогда, когда кто-либо на своемъ участкѣ построилъ домъ, или обнесъ его заборомъ, или же засадилъ деревьями. Миддендорфъ свидѣтельствуетъ, что въ прежнее время община даже обязывала строго каждаго своего члена удобрять свою землю, подъ опасеніемъ потерять право пользованія ею [1]). Отсюда ясно видно, что средне-азіатскому осѣдлому

[1]) «Очерки Ферганской долины», стр. 465.

населенію вполнѣ извѣстно не только общинное землевладѣніе, но и общинная жизнь и общинные порядки; а потому раскладка податей, введенная между этимъ населеніемъ, нисколько не противорѣчитъ прежнему строю его жизни. Что же касается того факта, что однажды изъ Андиджанскаго уѣзда бѣжало отъ этой раскладки нѣсколько семействъ и поселилось на другихъ мѣстахъ, то, во-первыхъ, случай этотъ слишкомъ единичный, во-вторыхъ—недостаточно обслѣдованный и выясненный въ своихъ причинахъ, и въ третьихъ, что̀ всего важнѣе,—слишкомъ странный: куда могли бѣжать эти семейства и гдѣ въ Туркестанскомъ краѣ они могли встрѣтить иные податные порядки?!

По положенію объ управленіи Туркестанскимъ краемъ 1886 г. податное дѣло среди осѣдлаго населенія въ новомъ его видѣ введено только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже закончены организаціонныя въ этомъ отношеніи работы (прилож. къ ст. 255, 1). Въ общихъ чертахъ оно осталось въ томъ видѣ, какъ было установлено поземельно-податными коммиссіями въ Ферганской области. Государственнымъ поземельнымъ налогомъ въ размѣрѣ 10% съ средней валовой доходности обложены всѣ искусственно орошаемыя земли какъ населенныя, такъ и не населенныя, принадлежащія частнымъ лицамъ, обществамъ и установленіямъ, или состоящія только въ постоянномъ ихъ владѣніи, пользованіи и распоряженіи (ст. 285 и 287). Земли же, орошаемыя атмосферною влагою, облагаются налогомъ съ дѣйствительно собраннаго въ платежномъ году урожая (ст. 288). Оклады на земли перваго рода опредѣляются на 6 лѣтъ, а оклады на земли втораго рода—на 1 годъ (ст. 291). Средняя валовая доходность поземельнаго участка опредѣляется Казенною Палатою по соображеніи: 1) пространства земли, дѣйствительно обработываемой подъ произрастанія, 2) доставляемаго ими средняго урожая и 3) средне-справочныхъ за послѣднее пятилѣтіе цѣнъ на продукты, составляющіе главныя по своему количеству и стоимости произведенія участка (ст. 290). Раскладка причитающагося съ цѣлаго сельскаго общества

налога между входящими въ составъ его землевладѣльцами принадлежитъ самому обществу. Она составляется первоначально назначенными для сего отъ общества выборными и затѣмъ разсматривается сельскимъ сходомъ, который, выслушавъ предъявленныя ему заявленія плательщиковъ, буде таковыя послѣдуютъ, и сдѣлавъ въ первоначальной раскладкѣ нужныя, по его усмотрѣнію, исправленія, утверждаетъ оную. Постановленіе объ утвержденіи раскладки излагается письменно и обжалованію не подлежитъ (ст. 293). Попеченіе объ исправномъ поступленіи государственнаго поземельнаго налога возлагается на сельскія общества, по принадлежности. Для пополненія образовавшейся недоимки, обществу предоставляется обратить на покрытіе ея доходъ съ состоящей во владѣніи недоимщика земли, а въ случаѣ недостаточности этой мѣры—продать ту часть движимаго его имущества, которая не представляется необходимою для веденія сельскаго его хозяйства (ст. 297). Лица, не принадлежащія къ составу сельскихъ обществъ, вносятъ слѣдующій съ нихъ налогъ въ мѣстныя казначейства непосредственно (ст. 296). Приведенное дѣйствующее положеніе о податяхъ съ осѣдлаго населенія Туркестанскаго края страдаетъ во многихъ мѣстахъ недомолвками, неясностями и даже противорѣчіями. Прежде всего трудно съ достаточною ясностью установить, какія земли, принадлежащія осѣдлому населенію, подлежатъ обложенію государственнымъ налогомъ. Въ ст. 285 говорится, что такому обложенію подлежатъ всѣ земли, находящіяся въ постоянномъ владѣніи, пользованіи и даже только распоряженіи осѣдлаго населенія; на основаніи же ст. 290 облагаются только земли дѣйствительно обрабатываемыя. Такимъ образомъ, на основаніи первой изъ этихъ статей облагаются налогомъ не только земли обрабатываемыя, но и находящіяся подъ паромъ, перелогомъ, пастбищами, камышами и пр., такъ какъ населеніе пользуется и распоряжается ими; на основаніи же второй изъ этихъ статей земли послѣдняго рода не должны быть облагаемы налогомъ. Затѣмъ не выяснено, какими началами должно руководствоваться сельское обще-

ство при раскладкѣ податей: должна ли эта раскладка производиться по благосостоянію плательщиковъ, или по количеству обработываемой ими земли, или по количеству собраннаго тѣмъ или другимъ урожая, и пр. и пр.; должны ли при этомъ быть принимаемы во вниманіе или нѣтъ разныя случайныя, постигшія того или другаго плательщика, несчастныя обстоятельства; всѣ эти вопросы остались безъ разрѣшенія. Однимъ словомъ, сельскому туземному обществу предоставлено въ этомъ важномъ дѣлѣ слишкомъ широкое поле для личныхъ усмотрѣній, которыя весьма часто могутъ клониться во вредъ платежнымъ силамъ, истощая ихъ. Узаконенная же въ этомъ случаѣ вредная система невмѣшательства со стороны русскихъ властей даетъ еще большій просторъ для всякаго рода злоупотребленій въ этомъ дѣлѣ, вслѣдствіе которыхъ могутъ, дѣйствительно, не оправдаться тѣ надежды правительства, которыя оно возлагаетъ на податную разверстку. Съ этой стороны, но только не съ принципіальной, нужно, дѣйствительно, согласиться съ тѣмъ, что̀ говоритъ г. Южаковъ противъ этого мѣропріятія. Далѣе не выяснено, кого изъ туземцевъ считать частнымъ землевладѣльцемъ, а равно, какія изъ богарныхъ земель подлежатъ обложенію и какія не подлежатъ, что̀ весьма важно знать, потому что есть богарное хозяйство, носящее на себѣ болѣе или менѣе постоянный характеръ, и есть богарное хозяйство весьма случайное, такъ сказать пробнаго характера. Наконецъ такъ же, какъ и для кочеваго населенія, не дано никакихъ указаній относительно того, какая часть движимаго имущества осѣдлаго туземца считается необходимою для веденія сельскаго хозяйства и не можетъ быть обращена на покрытіе податной недоимки. Всѣ эти недостатки законоположенія создаютъ ту путаницу и безурядицу, изъ которой до сихъ поръ не можетъ высвободиться податное дѣло въ Туркестанскомъ краѣ.

Изъ всего изложеннаго ясно видно, что русское правительство, а вмѣстѣ съ нимъ и русская администрація въ Туркестанскомъ краѣ, въ продолженіе всего и до настоящаго времени стремилось и стремится не къ увеличенію

податей съ населенія, но къ уменьшенію и болѣе равномѣрному распредѣленію ихъ между плательщиками. Желая вполнѣ искренно достигнуть указанныхъ цѣлей и по возможности облегчить для населенія податное бремя, желая всесторонне выяснить для себя устройство государственнаго фиска въ прежнее время, чтобы избѣгнуть ошибокъ въ настоящемъ и организовать податное дѣло на началахъ разумности, цѣлесообразности и справедливости, русская власть въ краѣ часто жертвовала для этихъ цѣлей интересами казны въ пользу населенія и всегда не досчитывалась, но никогда не накладывала лишняго съ населенія. Не обогащеніе казны было въ данномъ случаѣ ея цѣлью, а наиболѣе легкое податное обложеніе населенія. По вычисленію бывшаго военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской области Н. И. Гродекова, нынѣ пріамурскаго генералъ-губернатора, туземное кочевое населеніе уплачиваетъ въ годъ, въ среднемъ выводѣ, 5 р. 25 к. съ кибитки, изъ коихъ кибиточной подати 4 р. и земскаго сбора 1 р. 25 к., а осѣдлое населеніе уплачиваетъ со двора 6 р. 38½ к., изъ коихъ 5 р. 13½ к. поземельной подати и 1 р. 25 к. земскаго сбора [1]). Считая среднимъ числомъ составъ кибитки и двора въ 5 человѣкъ обоего пола, изъ коихъ половина мужчинъ, выходитъ, что каждый кочевникъ уплачиваетъ въ годъ кибиточнаго налога 1 р. 60 коп., а съ земскимъ сборомъ—2 р. 10 коп., и каждый осѣдлый туземецъ уплачиваетъ поземельнаго налога 2 р. 5 коп., а съ земскимъ сборомъ—2 р. 55 коп. [2]). Принимая во вниманіе, что русскій подданный въ европейской Россіи, еще по вычисленію покойнаго генерала Фадѣева, платитъ круглымъ числомъ съ души болѣе 9 р. всякаго налога [3]), мы приходимъ къ заключенію, что русскій человѣкъ,

---

[1]) «Обзоръ Сыръ-Дарьинской обл. за 1886 г.», стр. 175.

[2]) По вполнѣ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ г. Мордвинова, бывшаго управляющаго туркестанскою Казенною Палатою, поземельный налогъ даетъ въ Туркестанскомъ краѣ слѣдующіе весьма скудные сборы: въ 1891 г.—2.521.652 р., въ 1892 г.—2.674.388 р. и въ 1893 г.—2.817.306 р. См. «Русскій Вѣстникъ» 1898 г., августъ, стр. 19, примѣч.

[3]) «Русь» 1884 г., № 2, стр. 15—16.

который пролилъ много крови на присоединеніе окраинъ, платитъ въ 4 раза больше туркестанскаго туземца. Отсюда и почти все экономическое благосостояніе послѣдняго въ 4 раза выше экономическаго благосостоянія русскаго поселянина. Если же присоединить къ этому въ высшей степени важное обстоятельство, что расходы Туркестанскаго края росли всегда прогрессивно, безъ всякаго соотвѣтствія съ доходами его, результатомъ чего явились увеличивающіеся изъ года въ годъ хронически-неизлечимые дефициты, то мы должны признать, что Туркестанскій край въ продолженіе всего времени жилъ и живетъ выше своихъ средствъ, на счетъ своей метрополіи, питаясь ея благотворительностью, истощая ее и высасывая изъ нея жизненные, экономическіе соки. Это слѣдуетъ поставить въ число самыхъ главныхъ упрековъ русской власти въ краѣ. Такая мягкая, гуманная по отношенію къ туркестанскимъ туземцамъ, но въ то же время жестокая, несправедливая по отношенію къ жителямъ метрополіи финансовая политика въ краѣ, весьма медленно развивая государственные доходы и быстро увеличивая непомѣрные дефициты, способствовала быстрому и прочному, но— на счетъ русскаго мужика, росту экономической жизни населенія и увеличенію денежныхъ цѣнностей.

Одновременно съ податною путаницею, отъ которой такъ много пострадали казенные интересы и значительно выиграло туземное населеніе, шла въ краѣ еще болѣе крупная и важная по своимъ послѣдствіямъ поземельная безурядица, пользуясь которою осѣдлое населеніе безнаказанно производило и до сихъ поръ производитъ земельные захваты, расхищеніе даже несомнѣнно казенныхъ земель. Осѣдлое населеніе обогатилось и здѣсь на счетъ казны, значительно обездоливъ ее. Поземельный вопросъ въ Туркестанскомъ краѣ настолько сложенъ и запутанъ разными частными вопросами и недоразумѣніями, изъ которыхъ многіе, по выраженію г. Дингельштедта, имѣютъ характеръ фикціи, что, хотя на рѣшеніе его потрачено болѣе 30 лѣтъ и болѣе 2 милл. рублей, но онъ остается неразрѣшеннымъ во многихъ своихъ частяхъ и до на-

стоящаго времени, и, что всего важнѣе, до сихъ поръ не выяснено окончательно, какія земли принадлежатъ населенію и чѣмъ владѣетъ въ краѣ казна, а въ зависимости отъ этого не разрѣшенъ во всей полнотѣ и податной вопросъ для осѣдлаго населенія. Перипетіи, какія претерпѣвалъ этотъ вопросъ, настолько многочисленны и вмѣстѣ съ тѣмъ неожиданны, что я чувствую большое затрудненіе при изложеніи въ краткомъ, сжатомъ очеркѣ всей этой поземельной безурядицы.

При первоначальной организаціи управленія Туркестанскимъ краемъ, въ проектѣ положенія 1867 года, поземельный вопросъ не только остался неразрѣшеннымъ, но и не былъ даже затронутъ. Если такое на первый взглядъ странное явленіе нѣкоторые находятъ вполнѣ естественнымъ, такъ какъ русская власть, будучи весьма мало знакома съ осѣдлымъ населеніемъ края, въ то время совершенно не была готова для рѣшенія столь важнаго вопроса, какъ вопросъ объ аграрномъ законодательствѣ, которое составляетъ основу прочнаго существованія общественной жизни и къ которому, поэтому, нужно приступать съ большою осмотрительностью,—то не нужно забывать и того обстоятельства, что полное замалчиваніе этого вопроса было въ высшей степени вредно для интересовъ казны и всего русскаго дѣла въ краѣ, такъ какъ давало туземному населенію полный просторъ къ обширнымъ земельнымъ захватамъ. Казна не предъявляла своихъ правъ на землю, не стояла на стражѣ своихъ интересовъ, вполнѣ забывая, что она въ данномъ случаѣ имѣетъ дѣло съ туземцами, которые въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ деспотическаго управленія съумѣли прекрасно воспитать въ себѣ хитрость, беззастѣнчивость и полное пренебреженіе къ чужой, хотя бы и государственной собственности. Этимъ земельнымъ захватамъ, расхищенію казенныхъ земель особенно способствовало одно весьма неудачное и вредное по своимъ послѣдствіямъ распоряженіе генерала Кауфмана, который, вслѣдствіе невыясненности, неопредѣленности юридическихъ правъ осѣдлаго населенія на землю, запретилъ въ 1871 г. какъ

русскимъ учрежденіямъ, такъ и туземнымъ судамъ совершеніе и свидѣтельствованіе всякаго рода актовъ о сдѣлкахъ на недвижимыя имущества внѣ городскихъ поселеній. Мѣру эту нельзя не признать весьма насильственною, потому что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, останавливать жизнь многомилліоннаго населенія цѣлаго края на неопредѣленно продолжительное время, впредь до тѣхъ поръ, пока будетъ разрѣшенъ вопросъ объ этихъ правахъ населенія на землю. Мѣра эта оказалась и весьма вредною по своимъ послѣдствіямъ, такъ какъ сарты оказались хитрѣе русскихъ и дальновиднѣе своихъ администраторовъ. Русскія учрежденія свято исполняли означенное распоряженіе Кауфмана, а потому русскіе люди были лишены возможности пріобрѣтать себѣ законнымъ путемъ земли внѣ городовъ. Туземные же народные судьи (казіи), будучи твердо убѣждены въ своихъ правахъ, основанныхъ на шаріатѣ, отговариваясь незнаніемъ русскаго языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ— и распоряженія Кауфмана, и не чувствуя надъ собою никакого контроля, продолжали усерднѣе прежняго свидѣтельствовать сдѣлки о куплѣ и продажѣ земель не только между туземцами, но между туземцами и тѣми изъ русскихъ, которые были посмѣлѣе и шли на рискъ, пріобрѣтая этимъ путемъ себѣ земли. Расхищеніе казенныхъ земель туземцами стало практиковаться съ этого времени еще въ бо́льшихъ размѣрахъ, особенно вблизи городовъ, гдѣ въ настоящее время уже совершенно не слыхать о свободныхъ, пустопорожнихъ земляхъ, которыхъ прежде было очень много. На всѣ эти земли у туземцевъ имѣются «казіевскіе документы». Но что̀ всего болѣе замѣчательно въ этомъ тонко обдуманномъ хищеніи казенныхъ земель, такъ это то, что русская администрація отлично знала все это, но закрывала глаза на неисполненіе туземцами вышеприведеннаго распоряженія Кауфмана и въ то же время строго слѣдила въ этомъ отношеніи за русскими учрежденіями. Тѣ же изъ русскихъ, которые рискнули пріобрѣсти себѣ земли посредствомъ заключенія торговой сдѣлки у казіевъ, оставались со своими сомнительными

документами и правами на землю вплоть до 1898 г., когда послѣдовалъ Всемилостивѣйшій указъ, въ силу котораго при-ташкентскіе русскіе землевладѣльцы получили наконецъ права полной собственности на свои земли.

Составители проекта 1873 г. объ управленіи Туркестанскимъ краемъ въ первый разъ поставили на разрѣшеніе поземельный вопросъ, но, къ великому сожалѣнію, съ первыхъ же строкъ своихъ разсужденій встали на неправильный путь, поставивъ въ основу своихъ взглядовъ два слѣдующихъ ложныхъ принципа: необходимость обосновать поземельное устройство на прежнихъ мусульманскихъ порядкахъ и признаніе сихъ послѣднихъ, какъ основанныхъ на предписаніяхъ Корана и шаріата, такими, которые, будто бы, удовлетворяли въ прежнее время правительство и народъ. Несостоятельность перваго изъ этихъ принциповъ, взятаго въ общемъ, мною уже была разъяснена; къ этому слѣдуетъ добавить здѣсь еще то, что составители проекта 1873 года слишкомъ много понадѣялись на свое знакомство съ аграрнымъ вопросомъ у туземцевъ, которое не оправдалось впослѣдствіи. Что же касается несостоятельности втораго изъ этихъ принциповъ, то нѣтъ нужды подробно разъяснять ее, такъ какъ сами авторы вслѣдъ за симъ же говорятъ совершенно противное: «народъ былъ слишкомъ обремененъ поземельными налогами и не былъ обезпеченъ отъ самыхъ значительныхъ злоупотребленій» (стр. 61). Этихъ два ложныхъ принципа много повредили ясности и успѣшности дальнѣйшихъ поземельныхъ работъ въ краѣ.

Прежде чѣмъ познакомиться со всѣми аграрными перипетіями въ краѣ, слѣдуетъ выяснить хотя бы въ общихъ чертахъ основы прежняго поземельнаго устройства здѣсь. По шаріату всѣ земли раздѣляются прежде всего на слѣдующіе виды: земли негодныя къ обработкѣ, земли годныя къ обработкѣ и земли уже обработанныя. Земли перваго рода, не составляя чьей-либо собственности, находились въ общемъ пользованіи, безъ платежа какихъ-либо податей. Земли годныя къ обработкѣ находились въ распоряженіи государства, но, съ разрѣшенія подлежащей

власти, поступали въ собственность всякаго, кто орошалъ и обработывалъ ихъ, на правахъ оживителя мертвой природы. Земли послѣдняго рода дѣлились на земли ушри, хераджи и мамлекатныя, или амляковыя. Къ разряду «ушри» принадлежали тѣ земли, которыя при раздѣлѣ вновь завоеванной страны невѣрныхъ достались правовѣрнымъ побѣдителямъ (т.-е. мусульманамъ) на правахъ военной добычи; онѣ были обложены податью въ размѣрѣ $^1/_{10}$ части урожая въ пользу государства. Земли «хераджи»—отданныя правительствомъ въ собственность населенія и обложенныя или пропорціональнымъ налогомъ въ размѣрѣ отъ $^1/_8$ до $^1/_2$ урожая (хераджъ мекосиме), или постояннымъ налогомъ съ извѣстнаго пространства (хераджъ муваззефъ). Мамлекатныя [1]), или амляковыя земли—тѣ, которыя предоставлены правительствомъ въ пользованіе, безъ обложенія податями, частнымъ лицамъ за какія-либо заслуги или подъ условіемъ обязательной службы, большею частью на извѣстный срокъ. Сюда же относятся и такъ называемыя «вакуфныя» земли, которыя, съ разрѣшенія правительства, завѣщаны въ пользу какого-либо религіознаго или богоугоднаго учрежденія. Основнымъ правиломъ всякаго владѣнія землею по шаріату было обязательное и непрерывное воздѣлываніе земли; трехлѣтнее запущеніе ея равнялось отказу отъ владѣнія землею и влекло за собою потерю правъ на нее. Само собою понятно, что землевладѣніе въ такомъ видѣ, какъ основанное на шаріатѣ, не могло удержаться до послѣдняго времени, во-первыхъ, потому, что вскорѣ послѣ омусульманенія населенія и смѣшенія побѣдителей съ побѣжденными должна была утратиться разница между землями «ушри» и «хераджи», а во-вторыхъ—и потому, что наступившее вслѣдъ за тѣмъ узбекское владычество внесло много новыхъ чертъ въ этомъ отношеніи. Отсюда—совершенно несостоятельны попытки обосновать русское аграрное законодательство на шаріатѣ.

[1]) Арабское слово «мамлекетъ» означаетъ государство, провинцію, область. См. «Сравнительный словарь турецко-татарскихъ нарѣчій» Будагова, изд. 1871 г., т. II, стр. 254.

Во времена коканскаго и бухарскаго владычества обработываемыя земли осѣдлаго населенія дѣлились на слѣдующія три категоріи: амлякъ, или хераджъ, милькъ и вакуфъ. Амляковыя, или хераджныя земли назывались тѣ, владѣльцы которыхъ уплачивали разнаго рода поземельные налоги и разные сборы и подати многочисленной администраціи; государственный фискъ почти всею своею тяжестью ложился на эти земли. Вслѣдствіе того, что государственная подать уплачивалась съ этихъ земель съ дѣйствительнаго урожая, государство было, конечно, заинтересовано въ томъ, чтобы земли эти постоянно обработывались; отсюда явилось обязательство для владѣльцевъ постоянной обработки своихъ земель. При исполненіи всѣхъ повинностей и указаннаго обязательства владѣлецъ пользовался всѣми правами полнаго собственника земли. Въ случаѣ же прекращенія обработки въ теченіе трехъ лѣтъ сряду, владѣлецъ терялъ право на землю, которая переходила въ собственность государства, а оно имѣло право передать ее другому. Мильковыми землями назывались тѣ, которыя принадлежали владѣльцу или на правахъ оживленія мертвой природы, или были пожалованы ему правительственною властью за какія-либо заслуги или за службу, или пріобрѣтены имъ у казны путемъ купли. Права собственности на эти земли утверждались ханскими жалованными грамотами, между которыми впослѣдствіи оказалось слишкомъ много подложныхъ. Мильковое право владѣнія землею было весьма непрочно, такъ какъ ханы могли раздавать и отнимать мильки по произволу. Вслѣдствіе этого бо́льшая часть мильковъ облагалась общими налогами наравнѣ съ прочими землями, безъ отобранія мильковыхъ грамотъ, которыя впослѣдствіи и были предъявлены въ громадномъ количествѣ русской власти. Гораздо прочнѣе было вакуфное право. Вакуфы—это земли, угодья или промышленныя заведенія, которыя «посвящены Богу», отданы въ пользу религіозныхъ и богоугодныхъ учрежденій и освобождены отъ государственныхъ налоговъ, въ доказательство чего ханы или эмиры выдавали особыя грамоты, вакуфъ-намэ. Съ тече-

ніемъ времени право утвержденія вакуфовъ, вопреки шаріату, было расширено: вакуфъ-намэ стали выдаваться беками и даже казіями, которые пользовались этимъ произвольно присвоеннымъ правомъ весьма широко. Отсюда явились вакуфы двухъ родовъ: одни—тѣ, которые всецѣло завѣщаны, съ разрѣшенія высшей правительственной власти, на благотворительныя учрежденія, а другія—тѣ, съ которыхъ только часть доходовъ, съ вѣдома второстепенныхъ административныхъ лицъ, поступала въ пользу этихъ учрежденій, а другая часть оставалась свободною и слѣдовательно подлежала государственному обложенію; вакуфы чистые и вакуфы смѣшанные, частные. Вслѣдствіе этого число вакуфовъ значительно возросло, а сверхъ этого явилось и здѣсь множество подложныхъ актовъ. Въ число вакуфовъ стали поступать даже земли, занятыя населеніемъ и обложенныя государственными податями. «Зажиточная часть населенія, говоритъ г. Мордвиновъ, убѣждаясь часто горькимъ опытомъ въ непрочности не только амляковаго, но и мильковаго владѣнія, стала учреждать, подъ предлогомъ религіозно-благотворительныхъ цѣлей, частные вакуфы, т.-е. такіе, доходы съ которыхъ распредѣлялись въ опредѣленной учредителемъ пропорціи между его потомками и благотворительными учрежденіями» [1]). Власть хана или эмира въ борьбѣ съ этимъ зломъ, порождаемымъ всесильнымъ такъ называемымъ духовнымъ сословіемъ, оказывалась безсильною. Зло это простиралось еще дальше: вакуфы, поступая въ исключительное завѣдываніе и распоряженіе мусульманскаго такъ называемаго духовенства, безсовѣстно эксплоатировались послѣднимъ, отчего особенно страдало населеніе на этихъ вакуфныхъ участкахъ, а также казна, которая лишалась громадной части доходовъ съ этихъ вакуфовъ, и наконецъ самыя учрежденія, въ пользу которыхъ были завѣщаны вакуфы, такъ какъ значительная часть доходовъ не доходила до нихъ, а расхищалась завѣдывающими и близкими къ нимъ лицами. Зло это было

[1]) «Русскій Вѣстникъ» 1898 года, май, стр. 37.

такъ велико, что населеніе разбѣгалось съ вакуфныхъ участковъ; вслѣдствіе чего ко времени завоеванія русскими края «вакуфныя земли болѣе, чѣмъ на-половину, лежали впустѣ».

Вслѣдствіе того, что временное положеніе 1867 года обошло совершеннымъ молчаніемъ вопросъ о землевладѣніи, русская власть въ краѣ, ознакомившись въ общихъ чертахъ съ прежнею туземною системою землевладѣнія, задумала упорядочить это важное дѣло, стремясь упрочить матеріальное благосостояніе туземныхъ землевладѣльцевъ, возможно справедливѣе распредѣлить между ними земли и податныя тягости, оградить интересы казны и въ то же время, по возможности, оставить нетронутою прежнюю систему землевладѣнія въ ея основахъ. Исходя изъ такихъ наилучшихъ стремленій, туркестанская администрація запуталась въ многочисленныхъ деталяхъ этого сложнаго дѣла, отчасти опустила изъ вида главное, существенное и предалась обсужденію неважныхъ мелочей и даже спору о словахъ. По отношенію къ мильковому землевладѣнію туркестанской администраціи удалось на первыхъ порахъ встать на правильный путь. Увидавъ, что невозможно съ точностью разобраться на началахъ прежняго землевладѣнія въ этомъ дѣлѣ, въ виду громаднаго количества подложныхъ грамотъ, принимая во вниманіе, что мильковое право было весьма непрочно и при ханахъ и что мильковыя земли весьма часто облагались налогами наравнѣ съ прочими землями, администрація поступила вполнѣ разумно, обложивъ всѣ мильки, впредь до разрѣшенія вопроса о нихъ въ законодательномъ порядкѣ, налогомъ наравнѣ съ прочими землями. Такая разумная отмѣна мильковыхъ привилегій не вызвала никакихъ волненій въ краѣ, и дѣло прошло спокойно. Къ сожалѣнію, не такъ энергично отнеслась русская власть къ вакуфамъ. Желая не столько воздержаться отъ мѣропріятій, могущихъ стать въ противорѣчіе съ будущими по этому предмету законоположеніями, что̀ едва ли можетъ быть отнесено къ разряду серьёзныхъ препятствій, сколько желая избѣгнуть столкновеній съ населеніемъ на

почвѣ религіозной, дабы не возбудить въ немъ фанатизма, но болѣе всего опасаясь навлечь на себя среди туземцевъ подозрѣніе въ посягательствѣ на религію и религіозныя учрежденія, мѣстная русская власть не только отнеслась къ вакуфамъ крайне осторожно, но и проявила непростительную и вредную для дѣла бездѣятельность. Хотя ст. 295 положенія 1867 года и вмѣнялось Областнымъ Правленіямъ въ обязанность разобраться въ вакуфныхъ документахъ, но означенныя правительственныя учрежденія не приступали къ этому дѣлу, ссылаясь на то, что въ томъ же положеніи не указано твердаго начала для такого пересмотра, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно забывая, что иниціатива отысканія этихъ «твердыхъ началъ» и проведенія ихъ законодательнымъ путемъ лежитъ на тѣхъ же Областныхъ Правленіяхъ. Послѣднія должны были твердо помнить, что, чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ труднѣе будетъ разобраться въ вакуфномъ дѣлѣ, такъ какъ число подложныхъ документовъ значительно возростаетъ, отъ чего страдаетъ не только населеніе, но и интересы казны, тѣмъ труднѣе будетъ впослѣдствіи отбирать тѣ вакуфы, которыми неправильно владѣетъ та или другая мечеть, то или другое медресе и пр., тѣмъ больше явится, вслѣдствіе этой мѣры, неудовольствій на русскую власть, тѣмъ скорѣе и съ большею силою вспыхнетъ религіозный фанатизмъ. Такое отношеніе русской власти къ вакуфному дѣлу тѣмъ болѣе непростительно, что, какъ показалъ неоднократный опытъ, мѣры ограниченія вакуфнаго права и обращенія вакуфовъ въ казну прошли благополучно, не вызвавъ никакого волненія среди населенія. Вотъ относящіяся сюда вполнѣ оффиціальныя данныя. «Русскій гарнизонъ Самарканда помѣстился въ цитадели, внутрь стѣнъ которой отошло нѣсколько мечетей. Вакуфы, принадлежавшіе этимъ мечетямъ, поступили въ казенное распоряженіе, не возбудивъ никакихъ признаковъ неудовольствія. Одновременно съ тѣмъ, и по иниціативѣ бухарскаго эмира, состоялось другое смѣлое по отношенію вакуфовъ рѣшеніе. Въ округѣ, нами занятомъ, оказалось довольно боль-

шое число вакуфныхъ имѣній, доходы съ которыхъ поступали въ распоряженіе бухарскаго правительства; съ другой стороны, и въ независимой части бухарскихъ владѣній находились имущества, принадлежавшія духовенству самаркандскому. Такъ какъ доходы послѣдняго съ бухарскихъ вакуфовъ относительно были больше доходовъ, собиравшихся съ самаркандскихъ вакуфовъ мутевалліями, то эмиръ призналъ за лучшее отказаться отъ послѣднихъ, секвестровавъ въ свою пользу доходы, поступавшіе въ пользу самаркандскихъ мечетей и медресъ. Узнавъ о такомъ рѣшеніи эмира—верховнаго главы средне-азіатскаго мусульманства, генералъ-губернаторъ счелъ себя вправѣ разрѣшить начальнику Зеравшанскаго округа взять доходы съ упраздненныхъ Музаффаръ-ханомъ вакуфовъ, около 10.000 р. ежегодно, въ пользу казны [1]). Въ 1873 году на правомъ берегу Аму мы нашли до 7.000 десятинъ заселенныхъ вакуфныхъ имѣній, принадлежавшихъ хивинскимъ учрежденіямъ лѣваго берега. Ханъ просилъ генералъ-губернатора объ утвержденіи за сими послѣдними вакуфныхъ доходовъ съ земель праваго берега на прежнихъ началахъ; но, принявъ во вниманіе, что, съ перенесеніемъ государственной границы нашей на Аму, за чертою ея, въ предѣлахъ новообразованнаго Аму-Дарьинскаго отдѣла уже немыслимы стали аграрныя отношенія, подчинявшія нашихъ подданныхъ оброчнымъ обязательствамъ къ чужеземнымъ установленіямъ, и что уваженіе домогательства хивинскаго хана было бы рѣшительно несогласно съ основными требованіями государственнаго права, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ отклонилъ безусловно это домогательство. Наконецъ, въ связи съ устройствомъ поземельнаго и податнаго дѣла въ Ферганской области, всѣ вакуфные кишлаки этой области обложены оброчною податью, на общихъ

[1]) Такое рѣшеніе и я готовъ признать смѣлымъ, но только не со стороны русской администраціи, а со стороны эмира, поставленнаго, въ качествѣ главы средне-азіатскихъ мусульманъ, блюсти интересы вакуфовъ. Что же тутъ смѣлаго со стороны русской администраціи, я не знаю.

основаніяхъ съ селеніями, пользующимися землями государственными; вакуфныя же учрежденія, уже отстраненныя отъ непосредственнаго взиманія налога, будутъ получать, взамѣнъ того, правительственныя пособія въ размѣрѣ окладовъ оброчной подати, установленныхъ въ бывшихъ вакуфныхъ селеніяхъ» [1]).

Вмѣсто того, чтобы обратить серьёзное вниманіе на вакуфы, разобраться въ этомъ сложномъ и запутанномъ дѣлѣ, ознакомиться съ вакуфными грамотами, точно установить «твердыя начала для пересмотра вакуфныхъ имѣній», на отсутствіе которыхъ (т.-е. началъ) жаловалась мѣстная администрація, положить конецъ безсовѣстному расхищенію вакуфныхъ доходовъ, облегчить тяжелую участь сидящаго на нѣкоторыхъ вакуфахъ населенія и пр., туркестанская администрація, оставивъ всѣ эти вопросы въ сторонѣ, какъ будто бы они должны быть совершенно чужды ей, занялась всецѣло однѣми только амляковыми или хераджными землями и ушла въ это дѣло вся безъ остатка. Но и здѣсь, къ сожалѣнію, весьма часто обуревала администрацію не суть дѣла, не интересы государственные или даже интересы населенія, но фикціи, разныя словопренія, желаніе поставить на своемъ. Иногда, какъ это ни странно, туркестанская администрація, при обсужденіи этого вопроса, даже впадала въ споръ о словахъ. Изложеніе дальнѣйшихъ перипетій поземельно-податнаго дѣла въ краѣ, надѣюсь, подтвердитъ справедливость такого жестокаго сужденія.

Туркестанская администрація при организаціи поземельно-податнаго дѣла въ краѣ, считая мусульманскія государства чисто теократическими, прочно усвоила и желала провести законодательнымъ путемъ тотъ ложный взглядъ, что у осѣдлаго населенія Туркестанскаго края не существуетъ полной поземельной собственности, что всѣ земли, а въ томъ числѣ даже и обработанныя, нахо-

---

[1]) Проектъ положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ 1881 года, страница 12. Въ послѣднемъ случаѣ еще менѣе смѣлости въ рѣшеніи русской администраціи.

дятся только въ пользованіи, но не въ собственности населенія. Придерживаясь такого теократическаго взгляда на земельную собственность, туркестанскіе администраторы дошли до слѣдующихъ странныхъ разсужденій: «Несомнѣнно, что высшая форма владѣнія и пользованія землею есть полная собственность надъ нею. Не отвергая въ принципѣ этого, нельзя однако не замѣтить, что понятіе о правѣ полной поземельной собственности, которое выражается фактомъ безусловнаго пользованія землею, правомъ продажи ея наравнѣ съ прочими собственностями человѣка, правомъ дара, завѣщанія и наслѣдованія, есть лишь новѣйшее развитіе юридическихъ и экономическихъ понятій европейскихъ политико-экономистовъ. Повсемѣстное измѣненіе низшихъ формъ владѣнія и пользованія землею въ болѣе совершенныя формы вообще желательно, но водвореніе всюду полной собственности частныхъ людей и корпорацій надъ землею не есть потребность, насущность которой была бы строго доказана наукою». Руководясь такимъ взглядомъ, администрація проектировала въ 1873 году признать всѣ земли Туркестанскаго края, за исключеніемъ земель Семирѣченскаго казачьяго войска, собственностью государства. Прежде всего нельзя не признать, вмѣстѣ съ г. Дингельштедтомъ, что такой взглядъ на поземельную собственность въ краѣ есть чистая фикція [1]). Хотя Коранъ и шаріатъ, дѣйствительно, пропитаны въ этомъ отношеніи теократическою тенденціей, хотя земли, какъ и все въ этомъ мірѣ, считаются собственностью Аллаха, который по своему милосердію и предоставляетъ людямъ право пользованія всѣмъ, хотя права Бога въ мусульманскихъ государствахъ переходятъ къ имаму, верховному главѣ мусульманъ, какъ «тѣни Бога на землѣ», а отсюда какъ-бы и къ русскому правительству, которое замѣнило собою въ Средней Азіи мусульманскихъ владыкъ,—но жизнь въ тѣхъ же мусульманскихъ государствахъ давно

---

[1]) «Поземельныя недоразумѣнія въ Туркестанѣ». «Вѣстникъ Европы» 1892 года, іюнь, стр. 770.

уже измѣнила этотъ теократическій взглядъ и перешла къ высшей формѣ владѣнія, къ полной собственности, подобно тому, какъ евреи, имѣвшіе въ древности чисто теократическіе взгляды на право владѣнія, также давно уже ихъ оставили. Иначе и быть не могло. Экономическая жизнь народа не можетъ мириться съ такими крайне ограниченными правами собственности; для своего развитія она требуетъ именно полныхъ правъ собственности. Только тогда земледѣліе и всякая другая промышленность будетъ прочно поставлена и будетъ широко развиваться, когда населеніе владѣетъ чѣмъ-либо на правахъ не пользованія, а полной собственности, съ правомъ продажи, дара, завѣщанія и наслѣдованія. Это—азбучная истина политической экономіи, выработанная цѣлою историческою жизнью народовъ. Послѣ этого странно слышать отъ туркестанцевъ 1873 года, что право полной поземельной собственности есть лишь новѣйшее развитіе юридическихъ и экономическихъ понятій европейскихъ политико-экономистовъ, что такая собственность не есть потребность, насущность которой была бы строго доказана наукою. Въ настоящее время во всѣхъ мусульманскихъ государствахъ, а равно и во всѣхъ бывшихъ средне-азіатскихъ мусульманскихъ владѣніяхъ, существовало и существуетъ право полной поземельной собственности. Но нашихъ изслѣдователей мусульманскихъ областей смущаетъ то обстоятельство, что право это имѣетъ два ограниченія: уплату податей и непрерывное воздѣлываніе земли. Если бы наши туркестанскіе администраторы постарались глубже поразсудить, то они пришли бы къ тому выводу, что эти ограниченія не уничтожаютъ правъ полной земельной собственности. Если уплата поземельныхъ податей уничтожаетъ право собственности на нее, то, разсуждая такъ, мы должны придти къ нелѣпому выводу, что уплата всякаго налога уничтожаетъ права полной собственности на то, съ чего налогъ взыскивается. Далѣе, если отъ владѣльца требуется непрерывное воздѣлываніе земли и если, въ противномъ случаѣ, она черезъ три года поступаетъ въ собственность государства,

то не нужно забывать, что въ такомъ случаѣ она поступаетъ въ разрядъ земель необработанныхъ; и если государство не будетъ само обработывать ее, то она сдѣлается собственностью всякаго другаго, кто пожелаетъ обработать ее. Слѣдовательно, это ограниченіе собственности одинаково касается какъ частнаго владѣльца, такъ и правительства. Основываясь на этомъ правѣ государства, не нужно забывать и вытекающее изъ него право частнаго лица, которое владѣетъ этою землею. Отсюда выводъ тотъ, что и государство не имѣетъ на эту землю правъ полной собственности. Туркестанскіе администраторы забыли посмотрѣть на данное ограниченіе правъ поземельной собственности съ этой другой точки зрѣнія и пришли къ невѣрнымъ выводамъ. Этотъ ложный взглядъ совершенно запуталъ составителей проекта положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ 1873 года и заставилъ ихъ даже доказывать, что «климатическія условія Европы таковы, что въ ней повсемѣстное допущеніе полной собственности желательно и полезно», а «климатическія условія Туркестанскаго края таковы, что государству должны быть предоставлены бо́льшія права по отношенію землевладѣнія, чѣмъ то необходимо въ Европѣ» (стр. 75), что, слѣдовательно, въ немъ полной поземельной собственности и не должно быть. При чемъ здѣсь климатическія условія Европы и Средней Азіи,— Аллахъ вѣдаетъ. Послѣ всѣхъ этихъ разсужденій мы должны признать, что право полной собственности на землю существуетъ и въ мусульманскихъ государствахъ, но понятіе о немъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему европейскому взгляду: европейская мѣрка въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, оказалась ложною. Въ видахъ чисто фискальныхъ мусульманскія государства обязывали владѣльцевъ непрерывно воздѣлывать землю, не нарушая этимъ правъ полной собственности, правъ купли и продажи, дара, завѣщанія и наслѣдованія ея. Это право полной земельной собственности настолько прочно утвердилось въ сознаніи народовъ, что въ настоящее время, какъ совершенно справедливо замѣтилъ г. Южаковъ, «никакими

законоположеніями, никакими умозаключеніями и никакими силами не убѣдить владѣльца, что доставшійся ему отъ отцовъ и дѣдовъ его участокъ земли не составляетъ его собственности, а принадлежитъ какому-то отвлеченному понятію—государству» [1]). Разсматриваемая поземельная фикція, если можно такъ выразиться, не только странна и ложна въ своихъ основаніяхъ, но и вредна по тѣмъ послѣдствіямъ, которыми она могла бы сопровождаться, если бы была проведена законодательнымъ путемъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ ужасномъ положеніи оказалось бы все населеніе Туркестанскаго края, если бы законъ объявилъ ему, что всѣ его земли не принадлежатъ ему на правахъ полной собственности!

Составленное, на основаніи довольно поверхностнаго знакомства съ дѣломъ, убѣжденіе, что у мусульманъ не должно быть полной земельной собственности, оказалось такою ловушкою, которая совершенно запутала администрацію края и породила множество разныхъ другихъ недоразумѣній. Отъ послѣднихъ поземельное дѣло не освободилось окончательно даже и до настоящаго времени. Эта фикція, такъ крѣпко укоренившаяся въ туркестанской администраціи, страшно повредила русскому дѣлу въ краѣ. Она помѣшала скорѣйшему выясненію правъ туземнаго населенія на занятыя имъ земли и обольщала надеждою на то, что послѣ принятія ея, т.-е. послѣ признанія всей земли государственною собственностью, окажутся громадныя пространства, удобныя для русскихъ поселеній. Въ ожиданіи такихъ благъ не только были отложены на неопредѣленное время изысканіе и отводъ мѣстностей для русской колонизаціи, но даже было строго воспрещено еще въ 1871 году пріобрѣтеніе русскими земельныхъ участковъ у туземцевъ внѣ черты городскихъ поселеній. Эта вредная мѣра для русскихъ оказалась весьма благодарною для туземцевъ, которые совершенно безпрепятственно совершали торговыя сдѣлки на земли и значительно расширяли свои земельные участки. Мало

[1]) «Русскій Вѣстникъ» 1881 г., августъ, стр. 28—29.

того. Для русскихъ людей не оказывалось свободныхъ земель, но разные выходцы изъ сосѣднихъ независимыхъ владѣній, изъ которыхъ иногда направлялись къ намъ массами туземцы, прочно осѣдали у насъ. Эта фикція, хотя и сулила казнѣ разныя обольстительныя перспективы въ будущемъ, но послужила причиною того, что казна въ этомъ дѣлѣ значительно проиграла, а туземное населеніе все время, пока шелъ безплодный споръ объ этой фикціи, все болѣе и болѣе обогащалось на счетъ той же казны, производя все бо́льшіе и бо́льшіе земельные захваты, расхищеніе казенныхъ земель.

Проектъ 1873 года поземельнаго устройства въ Туркестанскомъ краѣ встрѣтилъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ весьма серьёзныя возраженія. Министерство Иностранныхъ Дѣлъ въ реформахъ проекта 1873 года усмотрѣло мѣру, способную повлечь за собою не благо для мѣстнаго населенія и пользу общегосударственную, а «пагубные общественные перевороты въ странѣ и въ политическомъ отношеніи крайне опасные». Министерство Финансовъ нашло, въ основномъ принципѣ проектированнаго поземельнаго устройства, положительное намѣреніе совершить обширную экспропріацію земель отъ туземцевъ, ими пользующихся, въ пользу казны, для обращенія населенныхъ и обработанныхъ населеніемъ территорій въ казенныя оброчныя статьи. Наконецъ и государственный контролеръ, присоединяясь къ изложеннымъ взглядамъ министерствъ, пришелъ къ заключенію, что «въ коренномъ измѣненіи порядка поземельнаго устройства, которымъ довольно населеніе и которое можетъ обезпечить казнѣ значительный доходъ, не представляется неотложной надобности», и что «введеніе въ дѣйствіе такой аграрной системы, которая противорѣчитъ всѣмъ бытовымъ условіямъ неразвитаго и фанатичнаго населенія, представляется опаснымъ въ политическомъ отношеніи» (проектъ 1881 года). На основаніи этихъ вполнѣ вѣрныхъ замѣчаній, проектъ не былъ утвержденъ въ законодательномъ порядкѣ.

Тѣмъ не менѣе туркестанскій генералъ-губернаторъ

фонъ-Кауфманъ, желая положить начало поземельно-податному устройству края, учредилъ въ 1876 году во вновь присоединенной Ферганской области поземельно-податную коммиссію, о которой я уже имѣлъ случай говорить выше. Она обязана была привести въ извѣстность, посредствомъ инструментальной съемки въ масштабѣ 250 саж. въ дюймѣ, количество всей удобной и неудобной для обработки земли для каждаго селенія и, посредствомъ туземнаго измѣренія танакпешами, количество удобной и неудобной земли каждаго хозяина, съ приведеніемъ въ извѣстность посѣвовъ каждаго продукта. Затѣмъ эта коммиссія обязана была, на основаніи разспросовъ, исчислить среднюю урожайность съ десятины и наконецъ опредѣлить налогъ въ размѣрѣ $^1/_{10}$ части валоваго дохода по преобладающему въ посѣвахъ продукту. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ работы этой коммиссіи пришлось, въ силу необходимости, увеличить масштабъ для составленія межевыхъ плановъ съ 250 до 100 саженъ въ дюймѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ признать примитивное измѣреніе посредствомъ танакпешей тормозящимъ все дѣло организаціи, такъ какъ оно въ значительной степени расходилось съ инструментальною съемкою, и не удовлетворяющимъ своей цѣли, такъ какъ, вслѣдствіе ежегоднаго перехода земли отъ одного владѣльца къ другому, не давало возможности предвидѣть конца этимъ работамъ [1]). Такъ какъ поземельно-экономическая жизнь населенія не поддавалась такой точной, подворной регистраціи, которая къ тому же и оставалась бы надолго неизмѣнною, то, въ видахъ упрощенія и удешевленія работъ, пришлось, оставивъ танакпешное измѣреніе, избрать поземельно-податною единицею сельское общество, которому и предоставить права внутренней раскладки податей.

Хотя туркестанская администрація, какъ я уже говорилъ выше въ отдѣлѣ о податяхъ, и желала обосновать дѣло государственнаго фиска въ странѣ на болѣе разумныхъ и справедливыхъ началахъ и придать государствен-

[1]) Мордвиновъ. «Русскій Вѣстникъ» 1892 г., іюль, стр. 114—115.

нымъ податямъ характеръ самаго справедливаго изъ всѣхъ налоговъ—подоходнаго, но стремленіе это оказалось, какъ и слѣдовало ожидать, чистою фикціей, такъ какъ было обосновано на случайныхъ, а не на постоянныхъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи факторахъ. Посѣтившій въ 1878 году Ферганскую область академикъ ф.-Миддендорфъ далъ весьма неудовлетворительный отзывъ о работахъ поземельно-податной коммиссіи, по самому существу. По его совершенно справедливому и весьма цѣнному указанію, туркестанская администрація, стремясь сообразовать величину поземельнаго налога съ размѣромъ валоваго дохода съ земель, совершенно забыла, что въ Ферганѣ—чрезвычайно интенсивная и высокая земледѣльческая культура, при которой всегда, чѣмъ выше валовой доходъ, тѣмъ сильнѣе возростаютъ и расходы производства, при которой, говоря яснѣе, каждый новый рубль, затрачиваемый на производство, приноситъ дохода меньше, чѣмъ рубль предшествующій. Поэтому весьма несправедливо облагать такія земли по валовому, а не по чистому доходу. «Изъ всѣхъ способовъ, говоритъ этотъ ученый, для лучшей нормировки обложенія, примѣнительно къ Ферганѣ, рѣчь можетъ идти лишь о самомъ доступномъ, именно объ оцѣнкѣ прочныхъ качествъ и преимуществъ почвы поземельныхъ участковъ; самая же оцѣнка должна быть произведена чрезъ свѣдущихъ людей, знающихъ мѣстное сельское хозяйство, и при томъ на основаніи общаго впечатлѣнія, а не принимая во вниманіе случайное или произвольное, быть можетъ, кратковременное увеличеніе или уменьшеніе цѣнности». Къ этому я, съ своей стороны, долженъ добавить, что для опредѣленія земельнаго налога обязательно слѣдуетъ принять во вниманіе на орошенныхъ земляхъ и количество получаемой воды. Проектъ 1873 года былъ въ этомъ случаѣ около истины, когда совершенно вѣрно говорилъ о важномъ значеніи воды въ экономической жизни населенія. При этомъ кстати замѣтить, что болѣе правильное наблюденіе за водою устранило бы и тѣ случаи злоупотребленія правъ на нее, вслѣдствіе которыхъ многія поселенія разоряются

отъ расхищенія воды другими вышележащими селеніями (проектъ 1873 года, стр. 70—71). Итакъ главными факторами въ дѣлѣ податнаго поземельнаго обложенія должны быть: качество почвы и количество получаемой извѣстнымъ земельнымъ участкомъ воды, а не средній урожай даннаго года, который есть явленіе весьма случайное. Но, къ сожалѣнію, почти всѣ члены поземельно-податной коммиссіи, состоявшіе изъ военныхъ чиновъ и разныхъ чиновниковъ, были, какъ свидѣтельствуетъ Миддендорфъ, совершенно не подготовлены къ подобной нуждающейся въ спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ знаніяхъ работѣ. Все это вмѣстѣ взятое и послужило причиною слѣдующаго суроваго приговора ф.-Миддендорфа надъ работами Ферганской поземельно-податной коммиссіи: «Чтобы новый поземельный налогъ въ Ферганѣ хотя бы отдаленно соотвѣтствовалъ дѣйствительной производительности, т.-е. среднему доходу со средней десятины въ каждомъ мѣстѣ, и чтобы онъ сколько-нибудь удовлетворялъ принципу подоходнаго обложенія,—для этого онъ долженъ быть построенъ на началѣ, совершенно противорѣчащемъ способу его установленія, ибо теперешній фундаментъ его совершенно гнилъ. На такомъ фундаментѣ было выстроено очень шаткое зданіе. Правда, нельзя отрицать у новаго способа большой мягкости и оригинальности; но, конечно, раціональнымъ его назвать нельзя; конечно, при немъ совершенно отсутствуетъ регулированіе налоговъ» [1]).

Не смотря на всѣ весьма вѣскія и основательныя возраженія, какія встрѣтилъ проектъ поземельнаго устройства въ краѣ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, не смотря на компетентную критику академикомъ ф.-Миддендорфомъ самыхъ главныхъ основаній начатаго земельнаго устройства, къ сожалѣнію, не ослабѣла сила неосновательныхъ стремленій туркестанской администраціи, которая задалась цѣлью отстоять свои излюбленныя начала. Собравшись снова въ 1881 году, главные туркестанскіе администраторы пришли къ странному заключенію, что

[1]) «Очерки Ферганской долины». СПБ., 1882 г., стр. 446.

«выводы министерствъ и Государственнаго Контроля не вполнѣ безошибочны, быть можетъ, вслѣдствіе недостаточно яснаго и отчетливаго представленія сущности проектированныхъ преобразованій, но что проектъ (1873 года) вполнѣ цѣлесообразенъ и совершенно удовлетворяетъ дѣйствительнымъ нуждамъ и потребностямъ края». Проектъ 1881 года выражаетъ увѣренность въ томъ, что, со введеніемъ рекомендуемаго имъ поземельнаго устройства въ краѣ, «никакой существенной ломки въ земельномъ и податномъ отношеніи» не произойдетъ, что «мѣры, рекомендуемыя проектомъ, по отношенію собственно земельнаго устройства, не представляютъ сами собою для мѣстнаго населенія чего-либо новаго и для него неожиданнаго» и что означенныя мѣропріятія «вызовутъ только признательность туземнаго населенія, а отнюдь не перевороты, въ политическомъ отношеніи опасные». Всего болѣе поражаетъ насъ своею неожиданностью послѣднее завѣреніе. Буквально трудно понять, за что собственно должно быть признательно въ этотъ дѣлѣ туркестанской администраціи туземное населеніе: не за то ли, что земли, которыми оно искони фактически владѣло на правахъ полной собственности, будутъ признаны государственными?! Еще большею неожиданностью поражаетъ другое завѣреніе проекта 1881 г., что «податныя земли края.... вовсе не предполагается обратить въ казенную собственность и эксплоатировать такъ, какъ эксплоатируются разныя оброчныя статьи, что никакихъ правъ у населенія не отнимается, что та же форма землевладѣнія, какая сложилась въ туземномъ бытѣ искони, предлагается къ узаконенію и на будущее время», что, наконецъ, «всѣ *болѣе или менѣе рѣзкіе* признаки права собственности остаются вполнѣ ненарушаемыми проектомъ». Спрашивается: что же все это означаетъ?! не есть ли это пустой и безплодный споръ объ однихъ только словахъ и выраженіяхъ?! Туркестанская администрація, по моему мнѣнію, совершенно запуталась въ этомъ вопросѣ. Должно быть одно изъ двухъ: или земли, обработываемыя населеніемъ,—казенныя, и тогда онѣ не могутъ принадлежать

населенію на правахъ собственности; или же эти земли составляютъ собственность населенія, и тогда онѣ не принадлежатъ казнѣ. Туркестанской же администраціи хотѣлось совмѣстить въ одно два несовмѣстимыхъ права: право собственности на землю казны и право собственности на ту же землю населенія. Все это по меньшей мѣрѣ весьма странно. Если всѣ «болѣе или менѣе рѣзкіе признаки права собственности остаются ненарушимыми проектомъ», то совершенно излишне настаивать на признаніи этихъ земель казенными. Остается совершенно непонятнымъ, что̀ выиграла бы казна отъ такой путаницы юридическихъ понятій. «Принципъ принадлежности государству всей податной территоріи края, говоритъ проектъ 1881 года, предлагается къ узаконенію и какъ отвѣчающій воззрѣнію мусульманъ на правоотношенія къ землѣ, и какъ послѣдствіе вѣками установившейся податной системы, никоимъ образомъ несовмѣстимой и невозможной съ признаніемъ правъ частной собственности на земли, по общему законодательству, дѣйствующему въ Имперіи». Изъ всего вышеизложеннаго ясно видно, насколько вѣренъ этотъ принципъ и къ какимъ внутреннимъ грубымъ логическимъ противорѣчіямъ привелъ онъ туркестанскую администрацію.

Ревизовавшій въ 1882 году Туркестанскій край т. с. Гирсъ высказалъ, что амляковыя земли должны быть закрѣплены за населеніемъ на правахъ полной собственности, но основною формою поземельной собственности должно быть подворно-участковое владѣніе; вслѣдствіе этого, по его мнѣнію, совершенно неправильно «оброчныя табели выдавать не по каждому подворному участку отдѣльно, а на цѣлые участки, входящіе въ надѣлъ—рѣдко одного селенія, а чаще цѣлаго сельскаго общества». По отношенію вакуфовъ коммиссія Гирса рекомендовала особенно осторожный образъ дѣйствія, такъ какъ нарушеніе вакуфнаго права, имѣющаго въ глазахъ населенія религіозное значеніе, вызвало бы нежелательныя чувства въ туземцахъ. Поэтому «коммиссія полагала необходимымъ вакуфы обѣленные, т.-е. не платящіе пода-

тей (исключительно благотворительные), освободить отъ податей, при чемъ вакуфныя земли незаселенныя—укрѣпить за вакуфовладѣльцами, а заселенныя—за лицами ихъ населяющими, обложивъ послѣднихъ опредѣленнымъ налогомъ въ пользу вакуфнаго установленія. Что же касается вакуфовъ частныхъ, не обѣленныхъ, платившихъ подати и сборы,... то такія земли, по мнѣнію коммиссіи, надлежитъ освободить отъ государственнаго обложенія лишь въ той части, которая по «вакуфъ-нама» завѣщана въ пользованіе духовенства или благотворительныхъ учрежденій» [1]).

Такимъ образомъ теперь, вмѣсто одного затрудненія, явилось другое. Какъ-бы покончивъ съ только-что царившею фикціей, съ теократическимъ взглядомъ на принадлежность всей земли населенія государству, г. Гирсъ выдвинулъ въ поземельномъ дѣлѣ новую подробность, которая, хотя и была предусмотрѣна прежде, но была отвергнута въ виду ея крайней непрактичности. Тѣмъ не менѣе было возбуждено ходатайство предъ правительствомъ о переорганизаціи поземельнаго дѣла въ Ферганѣ, съ выдачею оброчныхъ табелей на отдѣльныя селенія, а не на цѣлыя общества, въ видахъ болѣе удовлетворительной раскладки податей между плательщиками. И вотъ поземельно-податныя работы въ Ферганѣ, какъ непригодныя, были остановлены. Громадные расходы, которые до сего времени были потрачены на это дѣло, оказались брошенными деньгами. Впереди же предстояли еще бо́льшіе денежные расходы.

Въ 1886 году вышло, наконецъ, давно всѣми ожидаемое «Положеніе объ управленіи Туркестанскаго края». Казалось бы, теперь всѣмъ недоразумѣніямъ по устройству поземельно-податнаго дѣла въ краѣ долженъ наступить конецъ; но, сверхъ ожиданія, настоящія-то недоразумѣнія и шатанія изъ стороны въ сторону въ такомъ важномъ, неотложномъ дѣлѣ только теперь и начались. Виною этого во многихъ случаяхъ оказался самый новый

[1]) «Русскій Вѣстникъ» 1898 года, іюнь, ст. г. Мордвинова, стр. 77.

законъ, страдающій по мѣстамъ неясностью выраженій, сбивчивостью понятій, излишними поблажками туземному населенію, недомолвками и даже уклончивостью рѣшенія, которая объясняется излишнею осторожностью законодателя: какъ будто бы поземельный вопросъ въ Туркестанѣ все еще «не достигъ достаточной степени зрѣлости». Вотъ этотъ законъ:

Ст. «255. За осѣдлымъ сельскимъ населеніемъ утверждаются земли, состоящія въ постоянномъ, потомственномъ его владѣніи, пользованіи и распоряженіи (земли амляковыя) на установленныхъ мѣстнымъ обычаемъ основаніяхъ, съ соблюденіемъ при томъ нижеслѣдующихъ правилъ (ст. 256 и др.).

«*Примѣч.* Правила о введеніи поземельно-податнаго устройства въ Туркестанскомъ краѣ при семъ приложены.

«257. Дикорастущіе лѣса на земляхъ, находящихся во владѣніи туземнаго населенія, а также свободныя земли, признаются государственною собственностью.

«258. На земляхъ, принадлежащихъ государству, мѣстному населенію предоставляется право пасти скотъ и собирать песокъ, камень и глину.

«259. Пользованіе землями, утвержденными за сельскими обществами, можетъ быть или общинное или подворно-участковое, сообразно существующему въ каждой мѣстности обычаю.

«260. Постройки и насажденія, произведенныя отдѣльными домохозяевами на состоящихъ въ ихъ пользованіи земляхъ, составляютъ полную собственность означенныхъ лицъ.

«261. Передача земельныхъ участковъ между туземцами, наслѣдованіе сихъ имуществъ и раздѣлы оныхъ совершаются по соблюдаемымъ въ каждомъ мѣстѣ между туземцами обычаямъ. Передача же упомянутыхъ участковъ лицамъ, не принадлежащимъ къ туземному сословію, но имѣющимъ право пріобрѣтать земли въ Туркестанскомъ краѣ, совершается крѣпостнымъ порядкомъ.....

«263. На земли, утвержденныя за туземнымъ населеніемъ (ст. 255), выдаются, по мѣрѣ снятія ихъ на планъ,

особыя на право владѣнія свидѣтельства, заготовляемыя по распоряженію Областнаго Правленія.

«265. Населенныя земли, входящія въ составъ признанныхъ правительствомъ вакуфовъ, остаются во владѣніи сельскихъ обществъ... Ненаселенныя земли, составляющія признанные правительствомъ частные вакуфы, оставляются за тѣми лицами, въ пользу которыхъ вакуфы учреждены, и наслѣдниковъ этихъ лицъ до пресѣченія ихъ потомства.

«266. Учрежденіе новыхъ вакуфовъ допускается не иначе, какъ съ разрѣшенія генералъ-губернатора, который дозволяетъ сіе единственно въ случаяхъ, заслуживающихъ особаго уваженія.

«267. Утвержденіе вакуфныхъ документовъ, устройство управленія вакуфами, наблюденіе за правильностью употребленія вакуфныхъ доходовъ и право ревизіи ихъ принадлежитъ Областнымъ Правленіямъ.

«*Примѣч.* Первоначальное изслѣдованіе вакуфныхъ документовъ и опредѣленіе правъ по онымъ, для постановленія рѣшеній Областными Правленіями, возлагаются на временныя поземельно-податныя установленія.

«269. Усадебные участки, отведенные городскимъ жителямъ въ чертѣ городовъ, признаются собственностью этихъ лицъ.

«270. Государственныя земли, занимаемыя кочевьями, предоставляются въ безсрочное общественное пользованіе кочевниковъ на основаніи обычаевъ и правилъ сего положенія.

«271. Находящіяся въ пользованіи кочевниковъ земли дѣлятся на зимовыя стойбища (зимовки), лѣтнія кочевья (лѣтовки) и обработываемыя земли.

«272. Зимовыя стойбища предоставляются въ безсрочное общественное пользованіе каждой волости отдѣльно, по дѣйствительному пользованію и согласно обычаямъ, а въ случаѣ споровъ—по количеству имѣющагося скота и размѣрамъ хозяйства.

«275. Каждый кочевникъ имѣетъ право возводить на отведенномъ въ пользованіе его для зимоваго стойбища

участкѣ жилыя и хозяйственныя постройки, и общества не могутъ требовать сноса ихъ. Означенныя постройки составляютъ собственность ихъ владѣльцевъ. Земли, занятыя ихъ постройками, переходятъ по наслѣдству, доколѣ существуютъ строенія. Съ уничтоженіемъ построекъ, земли возвращаются обществу.

«276. Лѣтнія кочевки предоставляются въ общественное пользованіе волостей цѣлаго уѣзда, и самое пользованіе ими опредѣляется народными обычаями.....

«277. По взаимному соглашенію обществъ, въ мѣстахъ удобныхъ, какъ на зимовкахъ, такъ и на лѣтовкахъ, отводятся особые участки для желающихъ заниматься хлѣбопашествомъ и сѣнокошеніемъ. Распредѣленіе участковъ между хлѣбопашцами предоставляется добровольному соглашенію ихъ между собою по обычаямъ».

Поземельно-податное устройство, согласно особымъ правиламъ, приложеннымъ къ ст. 255, вводится въ Туркестанскомъ краѣ постепенно, по мѣрѣ окончательнаго, въ каждой волости или группѣ волостей, находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ, приведенія въ извѣстность земель, какъ принадлежащихъ частнымъ лицамъ, обществамъ и установленіямъ, такъ и состоящихъ въ безсрочномъ ихъ владѣніи, пользованіи и распоряженіи, и по мѣрѣ опредѣленія слѣдующаго съ сихъ земель налога... (§ 1). Это поземельно-податное устройство возлагается на Областное Правленіе, поземельно-податную коммиссію и поземельно-податныхъ коммиссаровъ, при участіи начальниковъ съемочныхъ отдѣленій и землемѣровъ (§ 2). Всякаго рода и наименованія документы, установляющіе вакуфныя права на земли, не предъявленные по 1-ое іюля 1887 г. въ мѣстныя Областныя Правленія, признаются недѣйствительными. Войдя въ разсмотрѣніе представленныхъ въ срокъ документовъ, Областное Правленіе оставляетъ явно подложныя или утратившія силу записи безъ послѣдствій... (§ 6). Земли описываются и снимаются на планъ на основаніи показаній владѣльцевъ оныхъ и смежныхъ недвижимостей. Для присутствованія при приведеніи въ извѣстность недвижимаго имущества, принад-

лежащаго сельскому обществу или граничащаго съ его землею, подлежащимъ обществомъ избираются депутаты: въ первомъ случаѣ—отъ трехъ до шести, а въ послѣднемъ случаѣ—въ числѣ двухъ... (§ 8). По каждому владѣнію частнаго лица, общества и установленія поземельноподатнымъ коммиссаромъ составляется податной разсчетъ (§ 11). Въ податномъ разсчетѣ обозначаются: 1) владѣлецъ недвижимости и мѣстонахожденіе ея, а если земля состоитъ во владѣніи сельскаго общества, то и число домовладѣльцевъ въ селеніи; 2) общее количество земли (въ десятинахъ и туземныхъ мѣрахъ) и то пространство ея которое дѣйствительно обработывается подъ всякаго рода произрастенія; 3) границы участка; 4) система орошенія; 5) продукты, составляющіе главныя произведенія участка по своему количеству и стоимости; 6) доставляемый ими средній урожай; 7) средне-справочныя, по возможности, за послѣднее пятилѣтіе цѣны на означенныя произрастенія; и 8) сумма поземельнаго налога, ежегодно причитающагося съ участка (§ 12). Разсмотрѣвъ вакуфные документы въ связи съ заключеніемъ по каждому изъ нихъ поземельно-податныхъ коммиссара и коммиссіи, Областное Правленіе постановляетъ рѣшеніе о признаніи или непризнаніи вакуфнаго права (§ 15). Въ случаѣ признанія вакуфнаго права, Областное Правленіе, по документамъ, выданнымъ на землю ненаселенную, опредѣляетъ, въ какой мѣрѣ она освобождается отъ поземельнаго налога, а по документамъ, касающимся населенной земли, установляетъ права казны и вакуфа на причитающійся съ земли налогъ (§ 16). Опредѣленія Областнаго Правленія по вакуфнымъ дѣламъ поступаютъ на утвержденіе генералъ-губернатора (§ 17). Найдя представленный ему податной разсчетъ правильнымъ, Областное Правленіе утверждаетъ его.... (§ 18). Областнымъ Правленіемъ, на основаніи податныхъ разсчетовъ, утвержденныхъ установленнымъ порядкомъ, составляются свидѣтельства на владѣніе землею въ двухъ образцахъ. Одинъ образецъ онаго выдается владѣльцу участка, а другой хранится въ Областномъ Правленіи (§ 20). Опре-

дѣленія Областныхъ Правленій по вакуфнымъ дѣламъ, утвержденныя генералъ-губернаторомъ, а также податные разсчеты, утвержденные Областнымъ Правленіемъ, признаются окончательными и не подлежатъ обжалованію (§ 21). Общее направленіе работъ по введенію поземельно-податнаго устройства въ Туркестанскомъ краѣ и высшій надзоръ за движеніемъ сего дѣла принадлежитъ генералъ-губернатору (§ 22).

Особенною неясностью редакціи и уклончивостью рѣшенія вопроса, ненужными вставками и излишнею многословностью страдаетъ ст. 255 вышеприведеннаго законоположенія. Она утверждаетъ за осѣдлымъ населеніемъ земли, состоящія въ постоянномъ, потомственномъ его владѣніи, пользованіи и распоряженіи (земли амляковыя) и при томъ на основаніи установившихся мѣстныхъ обычаевъ. Прежде всего здѣсь невозможно понять, на какомъ правѣ утверждается земля за осѣдлымъ населеніемъ: на правѣ ли полной собственности, или только на правѣ пользованія. Съ одной стороны, владѣніе землею, пользованіе и распоряженіе ею, съ правами передачи ея другому посредствомъ купли и продажи, а также наслѣдства и раздѣла, что̀ признаетъ за населеніемъ ст. 261, можетъ и должно быть приравнено къ правамъ полной собственности на эту землю. Къ этому же заключенію приводитъ насъ какъ ст. 261, по которой передача земли отъ туземцевъ нетуземцамъ совершается крѣпостнымъ порядкомъ, такъ и другое выраженіе статьи 255, что земли эти утверждаются за населеніемъ на основаніи «мѣстныхъ обычаевъ», которые хотя полностью и никому изъ русскихъ неизвѣстны, но изъ которыхъ тѣмъ не менѣе вполнѣ достовѣренъ тотъ фактъ, что населеніе владѣло своими землями на правахъ полной собственности. Съ другой же стороны, этотъ послѣдній юридическій терминъ почему-то замалчивается статьею 255, хотя въ разбираемомъ законодательствѣ онъ примѣняется къ дикорастущимъ лѣсамъ и къ свободнымъ землямъ, которые признаются государственною собственностью. Сверхъ того, что̀ особенно важно, ст. 260 признаетъ полною собственностью только по-

стройки и насажденія, произведенныя домохозяевами на земляхъ, состоящихъ въ ихъ пользованіи, что̀, конечно, противорѣчитъ мѣстнымъ обычаямъ, на которые опирается ст. 255. Такимъ образомъ вся мусульмано-теократическая фикція, которая вызвала столько споровъ и шума, о чемъ была уже рѣчь выше, и стоила большихъ денежныхъ средствъ русскому государству, завершилась въ 1886 году законодательнымъ противорѣчіемъ и уже больше не появлялась на свѣтъ административный, потому что теперь стало до очевидности наглядно, что спорить объ этомъ уже не стоитъ, что споръ этотъ переходитъ въ споръ изъ-за словъ. И въ самомъ дѣлѣ, неужели постоянное, потомственное владѣніе, пользованіе и распоряженіе землею на основаніи обычаевъ туркестанскаго осѣдлаго населенія, съ правомъ продажи, наслѣдованія и раздѣла ея, не есть въ то же время право полной собственности надъ землею?!

Итакъ мусульмано-теократическая фикція разрѣшилась въ положеніи 1886 года (ст. 255) тѣмъ, что за осѣдлымъ населеніемъ, какъ и слѣдовало ожидать, земли признаны на правахъ полной собственности. Но то же положеніе совершенно опустило изъ виду опредѣлить, какія именно земли признаются за этимъ населеніемъ на такихъ широкихъ правахъ, не опредѣлило признаковъ владѣнія населеніемъ землею. Излишнее и совершенно туманное добавленіе въ этомъ случаѣ въ ст. 255, что за осѣдлымъ населеніемъ утверждаются «земли амляковыя», ровно ничего не разъясняетъ, потому что, хотя этотъ терминъ и означаетъ общественно-государственныя земли, но никому неизвѣстно, гдѣ онѣ начинаются и гдѣ оканчиваются. При этомъ, къ великому удивленію, была допущена поразительная снисходительность и излишняя поблажка населенію. Правила о введеніи поземельно-податнаго устройства въ Туркестанскомъ краѣ не требуютъ отъ населенія предъявленія какихъ-либо доказательствъ на его землю, а признаютъ только фактическое владѣніе землею. «Земли, говорится въ § 8 этихъ правилъ, описываются и снимаются на планъ на основаніи показаній

владѣльцевъ оныхъ и смежныхъ недвижимостей». Говоря яснѣе: населеніе владѣетъ тою землею, на которую оно указываетъ. Само собою понятно, что результатъ такой поблажки могъ быть только одинъ: страшные захваты и расхищеніе населеніемъ казенныхъ земель, такъ какъ почти вся земля оказалась во владѣніи туземнаго населенія, а у казны не осталось почти ничего. «Едва было приступлено къ съемкѣ, говоритъ одинъ совершенно оффиціальный документъ, какъ тотчасъ же оказалось, что населеніемъ были заявлены, можно сказать, безграничныя притязанія на все, что когда-либо можетъ быть обращено въ культуру, а нынѣ существуетъ въ видѣ пастбищъ и выгоновъ, прилегающихъ къ культурнымъ землямъ въ видѣ дѣвственныхъ степей и старыхъ, давно оставленныхъ, съ заброшенными арыками, пустопорожнихъ мѣстъ. Словомъ говоря, пошли захваты безъ мѣры, безъ числа и безъ всякаго стѣсненія; сельскія и аульныя общества и частныя лица, при видѣ проводимыхъ межъ и устанавливаемыхъ межевыхъ знаковъ, одушевлены были одинаковымъ желаніемъ: воспользоваться моментомъ и снисходительностью правительства, предоставившаго имъ самимъ указать свои владѣнія, и закрѣпить за собою побольше часто даже ненужной имъ земли».... Особенно много земель захватила та часть населенія, которая, занимаясь земледѣліемъ, не оставляла еще и скотоводства, такъ какъ она объявила за собою не только воздѣлываемыя земли, но и тѣ, которыми она пользовалась для пастьбы своего скота, хотя въ захватѣ пастбищныхъ земель не было никакой нужды, такъ какъ ст. 258 предоставляетъ населенію право пасти свой скотъ на земляхъ государственныхъ. «Къ концу третьяго года съемки Ташкентскаго уѣзда, говоритъ тотъ же докладъ, у казны, такъ еще недавно владѣвшей всею землею въ краѣ, не осталось ни одного годнаго клочка» [1]). Параллельно съ этимъ быстро пошло и расхищеніе частными лицами общественныхъ земель. На основаніи ст. 208

[1]) Мордвиновъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1899 г., № 9, стр. 420—421.

того же положенія, «въ доказательство правъ туземца на уступаемый земельный участокъ должно быть представлено свидѣтельство уѣзднаго начальника, основанное на удостовѣреніи мѣстнаго съѣзда народныхъ судей». Хитрые туземцы широко воспользовались этимъ весьма упрощеннымъ и облегченнымъ способомъ продажи земель, такъ какъ не было ничего легче для нихъ, какъ заручиться удостовѣреніемъ мѣстнаго съѣзда народныхъ судей, извѣстныхъ своею продажностью. Такимъ образомъ, какъ замѣчаетъ г. Южаковъ, явилось расхищеніе народнаго достоянія на законномъ основаніи [1]).—Одновременно съ этимъ шло расхищеніе туземцами и вакуфовъ. Хотя надзоръ за послѣдними, по шаріату, и возлагается на казіевъ (мусульманскихъ народныхъ судей), но, со времени занятія края русскими, этотъ надзоръ сдѣлался фиктивнымъ, такъ какъ казіи и другія причастныя этому дѣлу лица сочли за лучшее приняться за расхищеніе вакуфовъ, чѣмъ за охраненіе и упорядоченіе ихъ. Изъ многихъ относящихся сюда фактовъ достаточно указать на нѣкоторые. «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, говоритъ г. Наливкинъ, одинъ изъ ташкентскихъ казіевъ продалъ въ частныя руки вакуфныя земли мадрасы Ходжа-Ахраръ, а вырученныя деньги раздѣлилъ со старшимъ аксакаломъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ этой небезвыгодной для нихъ операціи. Самаркандскіе казіи самопроизвольно превратили мадрасу Махдумъ-и-Харазмъ въ кары-хану. Мударисъ и мутавалій одной изъ коканскихъ мадрасъ, войдя въ сдѣлку съ казіемъ и продавъ съ его разрѣшенія вакуфную землю, принадлежавшую этой мадрасѣ, подъ предлогомъ малой ея доходности, на вырученныя отъ продажи деньги построили хозяйственнымъ способомъ торговую баню, которая на слѣдующій же годъ развалилась, при чемъ мадраса безвозвратно лишилась вакуфнаго имущества. Въ свое время было констатировано значительное число случаевъ подобнаго хищенія вакуфовъ» [2]). Это расхищеніе

[1]) Южаковъ въ томъ же «Русскомъ Вѣстникѣ» 1891 г., августъ, стр. 36.

[2]) «Туркест. Вѣд.» 1898 г., № 64.

вакуфовъ, обогащая народныхъ воровъ, страшно разоряетъ тѣ учрежденія, въ пользу которыхъ они завѣщаны, а именно: мечети, школы и пр., и въ то же время отнимаетъ у насъ, русскихъ, возможность съ наибольшею пользою для края и туземцевъ утилизировать эти богатства, не отступая въ то же время отъ воли жертвователей. Здѣсь опять невольно приходится высказать глубокое сожалѣніе по поводу закрытія учрежденной по иниціативѣ бывшаго главнаго инспектора училищъ, покойнаго А. И. Забѣлина, особой должности инспектора-спеціалиста, завѣдывавшаго мусульманскими училищами въ краѣ и ихъ вакуфами. Но безпризорность вакуфовъ этимъ еще не ограничивается. Хотя положеніе 1886 г. съ относящимися къ нему правилами о введеніи поземельно-податнаго устройства въ Туркестанскомъ краѣ и стремится упорядочить вакуфное дѣло, но оно не достигаетъ своей цѣли. Возложивъ разсмотрѣніе вакуфныхъ документовъ и опредѣленіе права владѣнія вакуфомъ на Областныя Правленія, положеніе это забыло дать надлежащія указанія, чѣмъ эти правительственныя учрежденія должны руководиться въ своихъ постановленіяхъ. Назначивъ срокомъ для представленія въ Областныя Правленія вакуфныхъ документовъ 1-ое іюля 1887 года и предупредивъ населеніе, что всѣ не представленные къ этому времени вакуфные документы будутъ признаны недѣйствительными, положеніе забыло опредѣлить дальнѣйшую судьбу непризнанныхъ вакуфовъ, должны ли они оставаться въ пользованіи того учрежденія, которому завѣщаны, или должны перейти въ казну, къ сельскому обществу или къ кому-либо другому. Хотя на основаніи ст. 267 устройство управленія вакуфами, наблюденіе за правильностью употребленія вакуфныхъ доходовъ и право ревизіи ихъ принадлежитъ Областнымъ Правленіямъ, но это требованіе закона всегда оставалось и остается въ Туркестанѣ мертвою буквою по той простой причинѣ, что Областныя Правленія, вслѣдствіе вообще малочисленности своего состава, совершенно не имѣютъ для этого дѣла надлежащихъ агентовъ, которые къ тому же должны обладать

спеціальными знаніями. Вслѣдствіе всего этого безпризорные вакуфы расхищались и расхищаются въ Туркестанскомъ краѣ.

При такихъ-то неблагопріятныхъ условіяхъ начала свои работы коммиссія по устройству поземельно-податнаго дѣла въ Ташкентскомъ уѣздѣ съ 1887 года и въ Ферганской области, гдѣ работы прежней организаціонной коммиссіи были признаны неправильными, съ 1889 года. Слухи о расхищеніяхъ казенныхъ и общественныхъ земель осѣдлымъ населеніемъ въ Туркестанѣ дошли и до высшихъ правительственныхъ сферъ. Съ цѣлью выясненія на мѣстѣ этого въ высшей степени важнаго дѣла и принятія надлежащихъ мѣръ къ устраненію грозящаго казнѣ земельнаго обездоленія, поѣхалъ въ Туркестанскій край министръ финансовъ покойный И. А. Вышнеградскій. Основываясь на прямомъ и точномъ смыслѣ ст. 255, что за туркестанскимъ осѣдлымъ населеніемъ «утверждаются земли, состоящія въ *постоянномъ*, потомственномъ его владѣніи, пользованіи и распоряженіи (земли амляковыя) *на установленныхъ мѣстнымъ обычаемъ основаніяхъ*», министръ Вышнеградскій не могъ признать правильными захваты земель необработанныхъ, пастбищныхъ и даже пустопорожнихъ, а равно и изъ числа обработанныхъ тѣхъ, хозяйство на которыхъ носитъ временный, опытный характеръ (богарныя земли спорадическаго характера). При изученіи мусульманскаго землевладѣнія мы видѣли, что право поземельной собственности было ограничено непремѣннымъ условіемъ постояннаго воздѣлыванія ея владѣльцемъ; въ противномъ случаѣ земля черезъ три года поступала въ собственность государства. Отправляясь отъ этихъ вполнѣ вѣрныхъ данныхъ, министръ финансовъ Вишнеградскій остановилъ дальнѣйшую съемку на планы и замежеваніе въ собственность населенія необработанныхъ земель и предложилъ утверждать за населеніемъ, впредь до разрѣшенія вопроса въ законодательномъ порядкѣ, только земли орошенныя, обработываемыя, а изъ не орошенныхъ, богарныхъ только тѣ, хозяйство на которыхъ носитъ на себѣ постоянный характеръ

и которыя лежатъ сплошными массами вблизи орошенныхъ земель. Этимъ было пріостановлено расхищеніе казенныхъ земель, которыя крайне необходимы для русскихъ переселенцевъ, направляющихся въ край широкою волною. Чрезмѣрные поземельные захваты населенія, обездоливая казну, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлали невозможнымъ и устройство русскихъ поселеній, которыя такъ необходимы въ видахъ полнаго объединенія края съ Россіей, въ видахъ обрусенія его. Вслѣдствіе всего этого совершенно неправъ бывшій вице-губернаторъ Сыръ-Дарьинской области г. Дингельштедтъ (нынѣ покойный), который въ своей статьѣ: «Поземельныя недоразумѣнія въ Туркестанскомъ краѣ» говоритъ слѣдующее: «Вдругъ показался ужасный признакъ полнаго обездоленія казны, если такія работы будутъ продолжаться. Усердные охранители казеннаго интереса забили тревогу и объявили, что слово «амляковыя» вовсе не означаетъ «государственныя», а означаетъ только «обработанныя государственныя», и если за жителями будутъ замежевывать тѣ земли, которыя состоятъ въ ихъ дѣйствительномъ владѣніи, пользованіи и распоряженіи, а слѣдовательно и земли не обработанныя, то казна будетъ совершенно обездолена, и у нея никакихъ земель не останется. При новомъ толкованіи слова «амляковыя», тотчасъ установилось такое совершенно новое положеніе: за жителями признаются земли, не дѣйствительно состоящія въ ихъ владѣніи, а только однѣ обработанныя, и ни пяди не обработанной... Мало того, блюстители интересовъ казны пошли еще дальше, и толкованіе слова «амляковыя» съузили такъ, что оказалось, что подъ этимъ словомъ нужно разумѣть уже не просто обработанныя земли, а только земли, обработанныя подъ искусственное орошеніе» [1])... Не смотря на все свое остроуміе, неправъ г. Дингельштедтъ потому, что центръ тяжести всѣхъ разсужденій министра Вышнеградскаго не въ туманномъ терминѣ «амляковыя земли», а въ «постоянномъ пользованіи» ими на основаніи «мѣстныхъ обы-

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1892 г., іюнь, стр. 783—784.

чаевъ». Игнорировать это никакъ нельзя. Сверхъ того, трудно понять, къ чему стремится г. Дингельштедтъ въ этихъ своихъ разсужденіяхъ, такъ какъ нѣсколько выше онъ призналъ за закономъ 1886 г. излишнюю снисходительность, способствующую расхищенію земли населеніемъ, «излишнимъ аппетитомъ къ захвату земельной собственности» (стр. 783). Послѣ всего этого я долженъ сказать, что министръ финансовъ Вышнеградскій оказался въ этомъ дѣлѣ вполнѣ на высотѣ своего положенія—охранителя интересовъ казны, хотя его распоряженіе и затормозило работы поземельно-податныхъ коммиссій, которыя должны были передѣлать за-ново свои готовые планы и податные разсчеты. — Совершенно правиленъ и другой взглядъ, который требуетъ измѣненія ст. 288 и 291 положенія. Дѣйствительно, необходимо слѣдуетъ исчислить налогъ съ постоянныхъ богарныхъ запашекъ, которыя имѣютъ довольно опредѣленный урожай для каждой мѣстности и которыхъ въ Туркестанскомъ краѣ прежняго его состава насчитывается до 400.000 десятинъ, не съ урожая даннаго года, а такъ же, какъ и съ орошенныхъ земель, т.-е. по средней валовой доходности,—и при томъ предоставить это дѣло не уѣздной администраціи, которая, вслѣдствіе своей ограниченной численности, физически не имѣетъ возможности дѣлать его и исполняетъ его черезъ алчныхъ туземцевъ (т.-е. прежнихъ серкеровъ), а тѣмъ же поземельно-податнымъ коммиссіямъ.—Совершенно инымъ характеромъ отличается третій взглядъ министра Вышнеградскаго на права частныхъ владѣльцевъ земли. На основаніи правилъ о введеніи поземельно-податнаго устройства въ Туркестанскомъ краѣ, «по каждому владѣнію частнаго лица, общества и установленія поземельно-податнымъ комиссаромъ составляется податной реестръ» (§ 11); на основаніи ст. 296 самаго положенія, «лица, не принадлежащія къ составу сельскихъ обществъ, вносятъ слѣдующій съ нихъ налогъ въ мѣстныя казначейства непосредственно». Изъ этого вполнѣ ясно, что законъ, признавая этотъ классъ населенія особо полезнымъ, вслѣдствіе присущей ему сельско-хозяйственной предпріимчи-

вости, и желая оградить его отъ эксплоатаціи сельскихъ обществъ, взялъ частныхъ землевладѣльцевъ подъ свое покровительство и поставилъ въ податномъ отношеніи въ независимость отъ сельскаго общества. По приблизительному подсчету, такихъ частныхъ землевладѣльцевъ оказалось въ краѣ болѣе 50 тысячъ человѣкъ. Такое число испугало министра Вышнеградскаго, такъ какъ приходилось составлять для каждаго изъ нихъ отдѣльные планы и податные разсчеты, а также принимать казначействамъ отдѣльно отъ каждаго изъ нихъ подати и слѣдить за правильностью поступленія послѣднихъ. А потому министръ Вышнеградскій совершенно произвольно и вполнѣ противозаконно предложилъ считать частными землевладѣльцами только тѣхъ изъ нихъ, кто имѣетъ крѣпостные на землю документы. Такихъ лицъ оказалось во всемъ краѣ не болѣе 400 человѣкъ; всѣхъ же остальныхъ предположено было приписать, противъ ихъ воли, къ сельскимъ обществамъ. Такимъ образомъ интересы частныхъ землевладѣльцевъ были принесены въ жертву удобствъ и облегченія поземельно-податныхъ коммиссаровъ и агентовъ министерства финансовъ.

Для болѣе всесторонняго выясненія во всѣхъ подробностяхъ поземельно-податнаго дѣла и проектированія мѣръ къ правильной постановкѣ и скорѣйшему введенію поземельно-податнаго устройства въ краѣ, по почину министра финансовъ, была учреждена въ 1894 г. по Высочайшему повелѣнію особая коммиссія изъ мѣстныхъ, близко стоящихъ къ этому дѣлу лицъ, подъ предсѣдательствомъ тайн. сов. Кобеко, который и былъ командированъ въ Туркестанскій край. Для уясненія того, къ какимъ результатамъ пришла по этому дѣлу коммиссія г. Кобеко, я позволю себѣ воспользоваться статьей г. Островскаго, подъ заглавіемъ: «Работы по поземельно-податному устройству Туркестанскаго края въ законѣ и на практикѣ» [1]). Соглашаясь въ принципѣ съ тѣми взглядами на это дѣло,

---

[1]) Туркестанскія Вѣдомости» 1897 г., № 86.

которые установлены лично министромъ финансовъ Вышнеградскимъ, означенная коммиссія проектировала цѣлый рядъ мѣръ, изъ которыхъ наиболѣе важны слѣдующія: 1) исключить изъ ст. 255 положенія 1886 г. совершенно лишнее, весьма неопредѣленное и допускающее даже противорѣчивыя толкованія выраженіе: «замляковыя земли»; 2) замежевывать впредь за осѣдлымъ населеніемъ тѣ земли, которыми оно постоянно пользуется, владѣетъ и распоряжается; 3) измѣнить § 8 правилъ о введеніи въ краѣ поземельно-податнаго устройства такъ, чтобы коммиссаръ обязанъ былъ, при опредѣленіи правъ на владѣніе тою или другою землею, руководствоваться не одними только показаніями туземцевъ, но и собственными своими личными изслѣдованіями; 4) распространить поземельный налогъ и на тѣ богарныя земли, которыми населеніе постоянно пользуется и которыя будутъ замежеваны за населеніемъ на основаніи ст. 255; 5) установить особую плату за временное пользованіе богарными землями, какъ государственною собственностью, съ каковою цѣлью произвести поземельно-податными коммиссіями дополнительныя изслѣдованія; 6) произвести дополнительныя изслѣдованія въ Ташкентскомъ уѣздѣ съ цѣлью опредѣленія, какъ прочно бывшіе кочевники осѣли и сдѣлались земледѣльцами, чтобы и къ нимъ можно было примѣнить то же поземельно-податное устройство, какое введено для осѣдлаго населенія; 7) ненаселенныя вакуфныя земли обложить поземельнымъ налогомъ на одинаковыхъ основаніяхъ съ частными землевладѣльцами и сельскими обществами; 8) предоставить податныя льготы лишь вакуфамъ населеннымъ (ст. 265); 9) возложить изслѣдованіе документовъ всѣхъ вакуфовъ, какъ населенныхъ, такъ и ненаселенныхъ, на поземельно-податныя коммиссіи; 10) ограничиться нанесеніемъ на планы общей площади, занятой посѣвами, безъ выдѣленія преобладающихъ посѣвовъ, что крайне затрудняетъ и затягиваетъ поземельно-податныя работы, но болѣе детально изслѣдовать родъ и размѣръ характерныхъ культуръ; 11) наносить на планы, въ тѣхъ же цѣляхъ, лишь предметы, необходимые для цѣ-

лей поземельно-податнаго устройства и точно указанные въ законѣ, и пр. и пр.

Всѣ вышеприведенныя разсужденія, правила и законоположенія, труды разныхъ коммиссій, въ томъ числѣ и поземельно-податныхъ, а также множества подкоммиссій и разныхъ командированныхъ для изученія и руководства этого дѣла лицъ, стоившія большихъ денегъ русскому государственному казначейству, словомъ—всѣ перипетіи поземельно-податнаго вопроса завершились, какъ свидѣтельствуетъ постановленіе совѣта туркестанскаго генералъ-губернатора 4-го января 1896 г. за № 1, признаніемъ пока невозможности ввести новое поземельно-податное устройство въ краѣ. «Въ виду недоразумѣній, говоритъ этотъ оффиціальный документъ, возникшихъ при примѣненіи ст. 255 и нѣкоторыхъ другихъ туркестанскаго положенія, исчисленные поземельно-податными установленіями оклады государственнаго поземельнаго налога введены въ Ташкентскомъ уѣздѣ и имѣютъ быть введены въ Андиджанскомъ—на особыхъ основаніяхъ, установленныхъ по соглашенію гг. министровъ военнаго и финансовъ и государственнаго контролера, именно безъ выдачи населенію свидѣтельствъ, установленныхъ ст. 263 положенія и съ оговоркой въ податныхъ разсчетахъ о томъ, что таковые утверждаются, за исключеніемъ земель некультурныхъ, о коихъ имѣетъ послѣдовать законодательное разъясненіе» [1]). На такихъ же основаніяхъ въ 1896 году былъ введенъ государственный поземельный налогъ въ 4 волостяхъ Маргеланскаго уѣзда. Вслѣдствіе этого коммиссія тайн. сов. Кобеко имѣла полное основаніе подвести слѣдующій итогъ всему поземельно-податному дѣлу въ Туркестанскомъ краѣ: «такимъ образомъ, говоритъ она, съ 1887 года и по настоящее время поземельно-податныя работы закончены всего въ двухъ уѣздахъ, Ташкентскомъ и Андиджанскомъ, и начаты въ Самаркандскомъ и Маргеланскомъ. Впрочемъ, объ окончаніи работъ въ двухъ вышепоименованныхъ уѣздахъ

[1]) «Туркестанскія Вѣдомости» 1898 г., № 9.

можно говорить лишь въ смыслѣ прекращенія въ нихъ дѣятельности коммиссій, а не окончательнаго введенія поземельно-податнаго устройства по правиламъ 12-го іюня 1886 г.» [1]). Выработанный названною коммиссіею проектъ измѣненія нѣкоторыхъ статей положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ, съ чѣмъ мы уже знакомы въ общихъ чертахъ, переданъ былъ на разсмотрѣніе подлежащихъ министерствъ и затѣмъ въ февралѣ 1898 года препровожденъ на заключеніе туркестанскаго генералъ-губернатора, который, истребовавъ отъ мѣстныхъ военныхъ губернаторовъ соображенія по сему дѣлу, передалъ послѣднія вмѣстѣ съ проектомъ особой коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ знатока края генералъ-лейтенанта Н. А. Иванова (нынѣ туркестанскаго генералъ-губернатора), для выработки окончательнаго проекта измѣненія статей объ управленіи Туркестанскимъ краемъ, относящихся до поземельно-податнаго устройства его. Проектъ этотъ былъ составленъ и 24-го декабря 1898 года разсмотрѣнъ, измѣненъ и дополненъ совѣтомъ туркестанскаго генералъ-губернатора и наконецъ представленъ въ С.-Петербургъ для проведенія его въ законодательномъ порядкѣ. Въ напутствіе ему тѣмъ же учрежденіемъ было высказано, что онъ «несомнѣнно устранитъ многія въ высшей степени ненормальныя условія, въ какихъ находится это дѣло въ настоящее время, дастъ возможность произвести крайне необходимое отграниченіе земель государственныхъ отъ подлежащихъ утвержденію за населеніемъ и оградить казну отъ дальнѣйшихъ, изъ года въ годъ возрастающихъ захватовъ означенныхъ земель» [2]). Дай-то Богъ, чтобы всѣ эти надежды наконецъ сбылись и при томъ по возможности скорѣе! Дай Богъ, чтобы уже больше не возникало вновь какихъ-либо недоразумѣній въ дѣлѣ, которому насчитывается 35 лѣтъ, которое стоитъ казнѣ нѣсколько милліоновъ рублей, которое до сихъ поръ только разоряло казну и которое обогащало однихъ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) «Туркест. Вѣдом.» 1899 г., № 5.

ловкихъ на всякіе изворотьі и обходы закона туземцевъ! Всякое недоразумѣніе въ этомъ дѣлѣ стоитъ такихъ большихъ жертвъ,—потому что задерживаетъ ходъ дѣла и требуетъ новыхъ передѣлокъ,—что появленіе его въ какомъ-либо видѣ вновь совершенно нежелательно.

Настоящая статья была вполнѣ готова для печати, какъ 10-го іюня 1900 года вышелъ новый законъ о поземельномъ устройствѣ въ Туркестанѣ. Главныя основныя положенія этого закона слѣдующія:

I. Разъяснить: 1) что на основаніи ст. 255 положенія объ управленіи Туркестанскаго края утвержденію за осѣдлымъ населеніемъ областей Самаркандской, Ферганской и Сыръ-Дарьинской подлежатъ всѣ состоящія въ постоянномъ, потомственномъ владѣніи, пользованіи и распоряженіи сего населенія земли, какъ искусственно орошаемыя, такъ и орошаемыя атмосферною влагою (богарныя), а равно и земли необработываемыя, и 2) что предусматриваемый ст. 277 того же положенія отводъ, по взаимному соглашенію обществъ, въ мѣстахъ удобныхъ, какъ на зимовкахъ, такъ и на лѣтовкахъ, особыхъ участковъ для желающихъ заниматься хлѣбопашествомъ и сѣнокошеніемъ распространяется исключительно лишь на кочевниковъ.

II..... Ст. 208. Акты объ отчужденіи туземцами принадлежащихъ имъ земельныхъ участковъ стоимостью свыше трехсотъ рублей совершаются порядкомъ, указаннымъ для купчихъ крѣпостей.....

Ст. 235. Народнымъ судьямъ предоставляется свидѣтельствовать: а) сдѣлки объ отчужденіи земельныхъ участковъ между туземцами, если стоимость участка не превышаетъ трехсотъ рублей и право собственности на оный не утверждается на актѣ, совершенномъ по силѣ общихъ законовъ Имперіи, и б) всякаго рода другіе акты и договоры между туземцами.

Ст. 288. Земли, орошаемыя исключительно атмосферною влагой (такъ называемыя ляльми или богарныя), и необработываемыя земли облагаются государственнымъ поземельнымъ налогомъ въ размѣрѣ установленныхъ въ законодательномъ порядкѣ подесятинныхъ окладовъ.

Ст. 290. Средняя валовая доходность земель, искусственно орошаемыхъ, опредѣляется Казенною Палатою по соображеніи: 1) пространства земли, дѣйствительно обработываемой подъ произрастанія, 2) доставляемаго ими средняго урожая и 3) среднихъ мѣстныхъ, за послѣднее десятилѣтіе, цѣнъ на продукты, составляющіе главныя, по занимаемому ими пространству и доходности, произрастанія участка.

Ст. 291. Оклады поземельнаго налога съ земель, искусственно орошаемыхъ, опредѣляются отдѣльно по каждому землевладѣнію, принадлежащему сельскому обществу или селенію, установленію или лицу....

Ст. 293. Раскладка причитающагося съ сельскаго общества или селенія государственнаго поземельнаго налога между входящими въ составъ его земледѣльцами принадлежитъ самому обществу.... Постановленіе объ утвержденіи раскладки излагается письменно и представляется чрезъ волостнаго управителя уѣздному начальнику.

IV..... Примѣчаніе къ ст. 290. Средняя валовая доходность земель, занятыхъ посѣвами американскаго хлопка, отдѣльно не исчисляется, и земли эти облагаются государственнымъ поземельнымъ налогомъ въ одинаковомъ размѣрѣ съ орошаемыми полями, занятыми сухими посѣвами.

V..... Ст. 263. Владѣльцамъ земельныхъ участковъ въ предѣлахъ землепользованія сельскаго общества или селенія, которому выдано указанное въ предыдущей (262) статьѣ свидѣтельство, предоставляется ходатайствовать о выдѣлѣ сихъ участковъ изъ числа утвержденныхъ за обществомъ или селеніемъ земель и объ опредѣленіи на выдѣленный участокъ упадающей на него доли государственнаго поземельнаго налога.....

Ст. 279. Съ переходомъ кочеваго населенія къ осѣдлому быту, обработываемыя кочевниками земли подлежатъ утвержденію за ними...

Ст. 291. Если по какимъ-либо чрезвычайнымъ обстоятельствамъ (наводненіе, заносы пескомъ и т. п.) часть обложенныхъ государственнымъ поземельнымъ налогомъ

земель будетъ обращена въ бездоходное состояніе, то владѣльцу ея предоставляется ходатайствовать объ исключеніи означенной земли изъ оклада. Ходатайства сіи разрѣшаются Казенною Палатою, по соглашенію съ Контрольною Палатою.

Ст. 293. Если раскладочный приговоръ схода постановленъ не согласно съ закономъ или клонится къ нарушенію казеннаго интереса, то уѣздному начальнику или податному инспектору предоставляется, пріостановивъ его исполненіе, представить его не позже двухъ недѣль со дня составленія приговора вмѣстѣ со своимъ заключеніемъ на разсмотрѣніе уѣзднаго поземельно-податнаго присутствія.

Сверхъ того, законъ 10-го іюня 1900 года устанавливаетъ въ каждомъ уѣздѣ новый органъ—поземельно-податныя присутствія, главною задачею которыхъ является регулированіе окладныхъ платежей соразмѣрно платежной силѣ населенія.

Такимъ образомъ множество поземельно-податныхъ недоразумѣній, возникшихъ при примѣненіи прежняго закона, теперь устранены. Нужно надѣяться, что скоро, очень скоро устройство поземельно-податнаго дѣла въ Туркестанѣ, стоившее казнѣ громадныхъ денежныхъ средствъ, вполнѣ закончится.

Все это чуть не сплошное поземельно-податное недоразумѣніе, обогатившее однихъ только туземцевъ, повредило нашему русскому дѣлу главнымъ образомъ тѣмъ, что теперь почти совершенно не оказывается, особенно въ полосѣ культурно-земледѣльческой, свободныхъ земель для русскихъ переселенцевъ, о водвореніи которыхъ здѣсь, въ Туркестанскомъ краѣ, за исключеніемъ Семирѣченской области (покойный генералъ Колпаковскій), нѣкоторой части Сыръ-Дарьинской (генералъ Н. И. Гродековъ) и Закаспійской области (генералъ А. Н. Куропаткинъ), мало думали и заботились. Въ данномъ случаѣ мы, къ сожалѣнію, не оказались такими дальновидными политиками, какъ французы въ Алжирѣ. Имъ въ этой колоніи также пришлось заняться устройствомъ поземельнаго дѣла,

потребовавшимъ не мало трудовъ и издержекъ. До прихода французовъ, земли въ Алжирѣ дѣлились на три категоріи: а) бейликъ—государственныя земли, б) милькъ—родовая собственность отдѣльныхъ лицъ и фамилій и в) аршъ—общинное владѣніе туземцевъ. Какъ наши туземцы въ Туркестанскомъ краѣ, такъ и арабы въ Алжирѣ постарались захватить въ свои руки почти всѣ земли «бейликъ»—государственныя; вслѣдствіе чего оказалось, что для французскихъ колонистовъ, наплывъ которыхъ особенно усилился послѣ франко-прусской войны, почти нѣтъ земель. Тогда съ назначеніемъ генералъ-губернаторомъ Алжира генерала Шанзи была проведена, по свидѣтельству А. Н. Куропаткина, поземельная реформа на слѣдующихъ основаніяхъ. Земли «бейликъ», а также и тѣ, которыя были секвестрованы послѣ возстанія алжирцевъ въ 1871 году, поступили въ распоряженіе правительства. Земли «милькъ» остались родовою собственностью туземцевъ. Изъ земель «аршъ» оставлены за туземцами на правахъ личной собственности только тѣ, которыя дѣйствительно могутъ быть обработаны ими; всѣ же остальныя земли этой категоріи частью причислены къ поселеніямъ, какъ общинная собственность туземцевъ, а частью поступили въ распоряженіе правительства, которое и раздавало ихъ вмѣстѣ съ государственными землями своимъ колонистамъ. Постановленія по землевладѣнію туземцевъ, основанныя на мусульманскомъ правѣ, считаются недѣйствительными, если они несогласны съ французскимъ закономъ. Каждому туземцу-собственнику какъ земель «аршъ», такъ и земель «милькъ», выданъ документъ на владѣніе, сообразно съ тѣмъ же французскимъ закономъ. Вслѣдъ за тѣмъ «французское правительство, облегчая покупку земель европейцами у туземцевъ, въ то же время затрудняетъ всѣми зависящими отъ него способами покупку земель у первыхъ». На основаніи декретовъ 16-го октября 1871 г. и 15-го іюля 1874 г., свободныя земли раздаются французскимъ колонистамъ въ наемъ на 5 лѣтъ, по истеченіи которыхъ участокъ переходитъ въ полную собственность нанимателя, но съ тѣмъ непремѣннымъ

условіемъ, что онъ не имѣетъ права въ продолженіе слѣдующихъ пяти лѣтъ продавать его туземцу; у невыполнившихъ этого условія земля отбирается въ казну. Земли, предназначенныя подъ фермы, продаются съ аукціона; покупщиками могутъ быть какъ французы, такъ и иностранцы, но только не туземцы. Купившій землю, подъ страхомъ конфискаціи ея, не имѣетъ права перепродавать ее въ продолженіе 10-ти лѣтъ туземцу («Алжирія» г. Куропаткина). Результаты такой политики слѣдующіе: въ 1881 году французовъ въ Алжиріи уже было 268 т. человѣкъ; земель, купленныхъ у мусульманъ—175.034 гект.; земель, купленныхъ мусульманами у европейцевъ—16.861 гект.; общее количество земель, находящихся во владѣніи европейцевъ—1.081.000 гект. [1]). Вотъ примѣръ, достойный подражанія не только у насъ, въ Туркестанѣ, но и на другихъ нашихъ окраинахъ. Передовая и либеральная французская нація не стѣсняется отбирать лишнія земли у туземцевъ Алжиріи и отдавать ихъ своимъ колонистамъ, а мы, желая прослыть либералами, способствуемъ въ Туркестанѣ да и на другихъ окраинахъ расхищенію туземцами казенныхъ земель и вслѣдъ за тѣмъ открыто заявляемъ, что свободныхъ земель нѣтъ для русскаго переселенца. Не много найдется у насъ такихъ администраторовъ, какъ Н. И. Гродековъ, который, въ бытность свою сыръ-дарьинскимъ военнымъ губернаторомъ, не останавливался передъ такимъ заявленіемъ какъ низшихъ своихъ чиновъ, такъ и высшей въ краѣ власти, а бралъ на полную свою отвѣтственность и рискъ устройство русскихъ переселенцевъ въ Ауліеатинскомъ, Чимкентскомъ и Ташкентскомъ уѣздахъ. Не много найдется и такихъ дѣятелей, какъ настоящій главноначальствующій гражданскою частью на Кавказѣ князь Г. С. Голицынъ, который настойчиво отыскиваетъ свободныя земли для русскаго мужика на Кавказѣ. Большинство же нашихъ дѣятелей или опускаютъ руки передъ категоричнымъ заявленіемъ:

---

[1]) Э. Реклю: «Земля и люди». Всеобщая географія, пер. подъ ред. Зыкова. СПБ., т. 11, стр. 547 и 567.

«нѣтъ земли», или даже сознательно, систематически способствуютъ большему «объинородчиванію» нашихъ многочисленныхъ окраинъ.

Перейдемъ теперь къ занятіямъ туркестанскаго населенія, которое, съ приходомъ русскихъ, постепенно богатѣетъ и вполнѣ благоденствуетъ. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ земледѣліе и вообще сельское хозяйство. Выше уже было выяснено, какое громадное значеніе имѣетъ для земледѣлія здѣшняя плодороднѣйшая лесовая почва и ирригаціонная вода. Прибавьте къ этому и то, что туркестанскій осѣдлый житель съумѣлъ вполнѣ приноровиться къ условіямъ мѣстнаго земледѣлія, успѣлъ вполнѣ практически и прекрасно изучить ихъ и даже полюбилъ это дѣло, сдѣлавшись настолько образцовымъ земледѣльцемъ, что возбуждаетъ къ себѣ, какъ я имѣлъ случай замѣтить, удивленіе даже въ нашихъ спеціалистахъ по сельскому хозяйству. Не смотря на все несовершенство своего самаго примитивнаго плуга (омачъ), туземецъ прекрасно обрабатываетъ имъ свои поля, восполняя недостатки его частыми перепахиваніями и прибѣгая въ нужныхъ случаяхъ, для бо́льшаго измельчанія почвы и для разныхъ другихъ цѣлей, къ своему кетменю, универсальностью и практичностью котораго восхитился даже академикъ ф.-Миддендорфъ (стр. 232). Каждое поле подвергается вспахиваніямъ отъ 3 до 5 разъ, а подъ джугару (сорго) и табакъ даже до 15 разъ. Не смотря на все плодородіе почвы и богатство искусственнаго орошенія, сартъ стремится пополнить израсходованныя въ почвѣ нужныя для плодородія вещества посредствомъ удобренія; трогательно видѣть, какъ здѣшній земледѣлецъ собираетъ по мѣстамъ навозъ даже по городскимъ улицамъ и площадямъ для своего поля, на одну десятину котораго кладетъ онъ иногда до 4 т. пудовъ навоза. Весьма поучительно наблюдать борьбу того же земледѣльца съ солончаковою и песчаною пустынею и отвоеваніе у нея участковъ земли для земледѣлія посредствомъ скрѣпленія летучихъ песковъ

разведеніемъ растительности и выщелачиванія водою излишняго количества солей изъ почвы. Въ высшей степени важно для успѣховъ того же земледѣлія весьма умѣлое, вполнѣ раціональное и въ то же время экономное пользованіе туземца оросительною водою для своихъ полей, которая доставляется разнымъ растеніямъ въ теченіе каждаго вегетативнаго періода ихъ, а не чрезъ періодическіе, шаблонные промежутки времени по количеству дней. Туркестанскій осѣдлый житель старается обработать въ оазисахъ каждый клочекъ земли, если только можетъ быть проведена на него вода; вслѣдствіе этого площадь обработываемыхъ полей значительно возросла съ приходомъ русскихъ, что̀ отчасти видно изъ слѣдующихъ данныхъ по Ташкентскому, наприм., уѣзду: въ 1869 г. орошенныхъ земель здѣсь было 63.000 дес., а въ 1893 году уже 338.442 дес. Общая земледѣльческая площадь въ Туркестанскомъ краѣ, въ прежнемъ его составѣ, составляла къ 1896 году 2.079.370 дес. Обработка этихъ полей—всегда самая тщательная. Вслѣдствіе этого нѣкоторые изъ туркестанскихъ оазисовъ, какъ наприм. Зеравшанскій, при спускѣ на него съ сѣвера, представляютъ изъ себя à vue d'oiseau восхитительный видъ. Все это, вмѣстѣ взятое, ставитъ туркестанское земледѣліе въ разрядъ самыхъ интенсивныхъ хозяйствъ, а туркестанскаго осѣдлаго жителя дѣлаетъ образцовымъ земледѣльцемъ. Благодаря этому, здѣшній хозяинъ достигаетъ громаднѣйшихъ урожаевъ и беретъ съ одного поля два сбора въ лѣто; вотъ почему двѣ десятины орошаемой земли дѣлаютъ здѣшняго земледѣльца уже зажиточнымъ. Воздѣлываемыя поля бываютъ двухъ родовъ: богара, или ляльми, и терамои, или оби. Богарныя земли расположены по склонамъ горъ и вообще тамъ, куда не можетъ быть проведена вода, но гдѣ хлѣба произрастаютъ подъ дождь. Обработка этихъ полей подлежитъ иногда значительному риску, такъ какъ не всегда оправдываются надежды туземца на достаточное количество дождя; а потому значительное количество этихъ земель носитъ на себѣ временный характеръ, а нѣкоторыя изъ нихъ слу-

жатъ даже въ видѣ опыта. Производительность этихъ полей, не орошаемыхъ ирригаціонною водою и не удобряемыхъ ею, а также подверженныхъ разнымъ случайностямъ климата, вдвое меньше производительности терамойныхъ полей. Общая численность богарныхъ полей въ Туркестанскомъ краѣ, въ прежнемъ его составѣ, равнялась, судя по оффиціальнымъ даннымъ, къ 1896 году 462.010 дес.; земель же искусственно орошенныхъ, урожаи на которыхъ менѣе подвержены колебаніямъ, состояло 1.617.360 дес., т.-е. почти въ 4 раза больше, чѣмъ первыхъ. Вслѣдствіе такого веденія сельскаго хозяйства на земляхъ богарныхъ и терамойныхъ, населеніе русскаго Туркестана вѣрнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, обезпечено отъ голода: если не уродятся хлѣба на однихъ мѣстахъ, уродятся въ другихъ; тогда хлѣбъ поднимется въ цѣнѣ, но голода все-таки не будетъ. Голодъ здѣсь можетъ быть только тогда, когда предшествующая зима была крайне малоснѣжна, что повлечетъ за собою недостатокъ ирригаціонной воды и неурожай на терамояхъ, и когда вслѣдъ за тѣмъ наступитъ весьма сухая весна, что отразится крайне дурно на богарѣ; но стеченіе такихъ неблагопріятныхъ условій случается весьма рѣдко. Въ настоящее время сборъ зерновыхъ хлѣбовъ доходитъ, по даннымъ 1893 года, въ Сыръ-Дарьинской области до 14 милл. пуд., Самаркандской—16 милл. пудовъ, Ферганской—18 милл. пудовъ и въ Закаспійской, по даннымъ 1895 года,—до 5 милл. пудовъ, итого—до 53 милл. пудовъ; а въ Семирѣченской области, по даннымъ 1897 года,—до 1.857.022 четвертей. Изъ культивируемыхъ здѣсь хлѣбныхъ растеній—всего болѣе пшеницы, дающей урожаи самъ 20, проса—21, риса—до 40, сорго—болѣе 50, кукурузы и пр.

Изъ техническихъ растеній громадное экономическое значеніе для края и вмѣстѣ съ тѣмъ для всей Россіи имѣетъ хлопокъ. Но мѣстный хлопокъ, который разводится здѣсь съ незапамятныхъ временъ, даетъ довольно короткое и плохаго качества волокно; поэтому русскіе фабриканты всегда отдавали предпочтеніе американскому

хлопку. Съ занятіемъ русскаго Туркестана явилась возможность культивировать этотъ хлопокъ у себя, дома. Русская администрація не жалѣла для этой цѣли находящихся въ ея распоряженіи средствъ. И вотъ, благодаря энергичной дѣятельности двухъ генералъ-губернаторовъ, фонъ-Кауфмана и Розенбаха, культура американскаго хлопка не только привилась въ Туркестанѣ, но и широко развилась въ послѣднее время. При первомъ изъ нихъ были командированы особыя лица для изученія хлопковаго дѣла въ Америку, производилась безплатная раздача населенію сѣмянъ американскаго хлопка и была учреждена въ Ташкентѣ хлопковая ферма, пришедшая къ весьма цѣннымъ указаніямъ, изъ которыхъ наиболѣе важно слѣдующее: въ Туркестанскомъ краѣ, имѣющемъ континентальный климатъ, нельзя культивировать, какъ дѣлалось до сихъ поръ, тотъ сортъ американскаго хлопка, Sea Island, который разводится только въ приморскихъ мѣстностяхъ, а слѣдуетъ культивировать континентальный сортъ Upland. Эта же ферма познакомила мѣстныхъ хлопководовъ съ выгодами механической очистки хлопка. Вступивши въ кратковременное управленіе краемъ генерала Черняева въ полосу затишья, хлопковое дѣло встало на ноги, прочно окрѣпло и широко развилось во время плодотворнаго управленія краемъ генерала Розенбаха. Не довольствуясь безплатною раздачею населенію хлопковыхъ сѣмянъ, онъ возстановилъ закрытую хлопковую плантацію, которая, изучивъ детально культуру американскаго хлопка и особенно континентальнаго его сорта Upland и познакомивъ съ нею мѣстныхъ хозяевъ, принесла краю громадную пользу. Открытые вмѣстѣ съ тѣмъ ежегодные съѣзды хлопководовъ докончили начатое дѣло, распространивъ въ массѣ населенія необходимыя опытныя свѣдѣнія и пробудивъ въ немъ сильное стремленіе къ занятію хлопководствомъ, вслѣдствіе несомнѣнной выгодности послѣдняго. Результатомъ такой дѣятельности явилась чуть не хлопковая горячка въ краѣ, которая совершенно неосновательно поселила въ нѣкоторыхъ лицахъ опасеніе за сокращеніе хлѣбныхъ посѣвовъ; какъ будто

бы край съ субтропическимъ климатомъ не долженъ стремиться къ расширенію нѣжныхъ культуръ и не можетъ разсчитывать на обмѣнъ своихъ цѣнныхъ продуктовъ на хлѣбное зерно, которымъ такъ богата остальная Россія!! Слѣдующія оффиціальныя цифры наглядно представляютъ ростъ хлопководства въ Туркестанскомъ краѣ въ прежнемъ его составѣ:

Г О Д Ы.	Посѣвы хлопка, въ дес.	Очищеннаго волокна, въ пуд.	На сумму, въ рубляхъ.
1884	450	—	—
1885	1.110	—	—
1886	12.000	—	—
1887	14.500	200.000	1.500.000
1888	68.000	1.288.000	7.435.000
1889	86.180	1.208.000	7.189.000
1890	94.320	1.570.000	10.365.000
1891	128.000	2.000.000	12.728.000
1892	139.000	2.183.000	11.904.000
1893	136.000	2.204.000	14.646.000

Крайнею сѣверною границею разведенія хлопка въ Туркестанскомъ краѣ служитъ Ташкентскій уѣздъ, гдѣ хлопокъ весьма часто страдаетъ отъ раннихъ осенних заморозковъ; поэтому наиболѣе богатыми хлопковыми районами могутъ быть только болѣе южныя его части: Ферганская, Самаркандская и Закаспійская области, а также Бухара и Хива. Полуосѣдлое и полуразбойничье въ прошломъ населеніе Закаспійской области въ прежнее время никогда не занималось хлопководствомъ, а потому введеніе здѣсь этой отрасли сельско-хозяйственной промышленности потребовало слишкомъ много усилій со стороны мѣстной власти. Первыя попытки въ этомъ отно-

шеніи со стороны частныхъ лицъ, относящіяся къ 1884 году и выразившіяся въ раздачѣ сѣмянъ американскаго хлопка и въ выдачѣ задатковъ подъ будущій урожай, не привели къ положительнымъ результатамъ до тѣхъ поръ, пока во главѣ этого дѣла не всталъ въ 1890 году генералъ Куропаткинъ со всею свойственною ему энергіей. Населеніе Закаспійской области встрѣтило попытку введенія культуры хлопка весьма недовѣрчиво, а по мѣстамъ даже и враждебно. Хотя оно съ теченіемъ времени и поддалось настойчивымъ мѣропріятіямъ администраціи, но еще долго продолжало смотрѣть на свои занятія хлопководствомъ, какъ на повинность. Впрочемъ, время, опытъ и значительныя прибыли, полученныя мѣстными хлопководами, сдѣлали и здѣсь свое дѣло. Организованныя же въ 1893 году особыя совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ начальниковъ, изъ хлопкопромышленниковъ, вліятельныхъ старшинъ, мѣстныхъ хлопководовъ и торговцевъ, окончательно укрѣпили народившееся здѣсь хлопководство. Такимъ образомъ, благодаря усиленнымъ стараніямъ администраціи области, въ весьма короткое время удалось создать и здѣсь одну изъ важныхъ отраслей промышленности—хлопководство, ростъ котораго вполнѣ ясенъ изъ слѣдующихъ оффиціальныхъ данныхъ:

Г О Д Ы.	Посѣвы хлопка, въ десятинахъ.	Собрано хлопка, въ пудахъ.
1891	900	20.000
1892	1.700	100.000
1893	4.000	176.000
1894	—	196.000
1895	—	177.740

Но заботы средне-азіатской администраціи въ этомъ сложномъ хлопковомъ дѣлѣ еще не оканчиваются упроченіемъ и расширеніемъ культуры хлопчатника. Туземные ручные снаряды по очисткѣ хлопка въ Туркестанскомъ краѣ настолько плохи, что они портили волокно хлопка, засаривая его размельченными коробочками и окрашивая маслянистыми веществами раздавленныхъ сѣмянъ. Рыхлая примитивная упаковка хлопка въ мѣшки еще болѣе способствовала порчѣ его во время караванной отправки въ Россію по Киргизской степи; во время этого долгаго пути часть хлопка расхищалась и пополнялась пескомъ и даже камнями, подвергалась сырости, но за то тюки хлопка увеличивались въ вѣсѣ. Вслѣдствіе всего этого цѣны въ Москвѣ на средне-азіатскій хлопокъ всегда стояли низкія. Поэтому мѣстная администрація позаботилась объ устройствѣ хлопкоочистительныхъ заводовъ и прессовъ, изъ которыхъ первыхъ къ 1893 году въ краѣ было 100 съ 420 джинами, а вторыхъ—120.

Всѣ заботы и мѣропріятія администраціи по упроченію и расширенію культуры американскаго хлопчатника и вообще по хлопковому дѣлу въ краѣ блестяще оправдались, что̀ видно изъ оффиціальныхъ данныхъ о вывозѣ хлопка изъ всей Средней Азіи въ европейскую Россію въ прежнее время черезъ Оренбургъ и въ настоящее время черезъ Закаспійскую желѣзную дорогу.

Вывезено хлопка:

а) Черезъ Оренбургскую желѣзную дорогу:

въ 1883 г.	602.572 п.	въ 1886 г.	831.158 п.
» 1884 »	626.184 »	» 1887 »	544.545 »
» 1885 »	667.765 »	» 1888 »	417.182 »

и б) Черезъ Закаспійскую желѣзную дорогу:

въ 1889 г.	1.470.503 п.	въ 1892 г.	3.026.518 п.
» 1890 »	2.673.267 »	» 1893 »	3.588.025 »
» 1891 »	2.626.110 »		

Вывозъ 1893 года въ $3^1/_2$ слишкомъ милл. пудовъ хлопка оцѣнивается въ 28 слишкомъ милл. рублей, что̀

составляетъ около $^1/_4$ всего хлопка, потребляемаго русскими хлопчатобумажными фабриками; при чемъ на московской биржѣ средне-азіатскій хлопокъ изъ американскихъ сѣмянъ цѣнится отъ 11 р. до 12 р., а мѣстный бухарскій отъ 9 р. до 10 р. за пудъ. Такимъ образомъ въ настоящее время болѣе 28 м. р., которые мы уплачивали американцамъ за хлопокъ, уже остаются дома, въ Россіи. Отсюда ясно видно, какъ, съ одной стороны, были въ высшей степени благоразумны заботы мѣстной администраціи по развитію хлопководства въ краѣ, и какъ, съ другой, обогатилось и обогащается, подъ русскимъ владычествомъ, мѣстное населеніе. Имена генераловъ ф.-Кауфмана, Розенбаха и Куропаткина уже вписаны крупными буквами на страницахъ исторіи не только средне-азіатскаго хлопководства, но и вообще русскаго здѣсь господства. Заботы современной туркестанской администраціи въ этомъ отношеніи не окончились и въ настоящее время. Туркестанскому хлопководству предстоитъ еще болѣе громадная и блестящая будущность. Съ расширеніемъ площади искусственно орошаемыхъ полей, на что въ послѣднее время обращено серьёзное вниманіе правительства, расширится площадь и американскаго хлопчатника, который одинъ въ состояніи обогатить край и окупить тѣ дефициты, которые сдѣлались здѣсь уже хроническими. Съ особеннымъ удовольствіемъ нужно привѣтствовать появившееся въ послѣднее время извѣстіе въ печати, что министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ принимаетъ рядъ мѣръ по расширенію въ Средней Азіи площади хлопководства. Очень жаль только, что уже и сюда, въ этотъ край, уже и въ эту сферу русской экономической жизни начали появляться со своими заманчивыми на словахъ, но мало оправдывающимися на дѣлѣ предложеніями своихъ услугъ заграничныя торгово-промышленныя фирмы.

Слѣдующее за тѣмъ по важности производство составляетъ шелководство, которымъ съ незапамятныхъ временъ занимаются сарты и таджики. Центрами этой промышленности служатъ Фергана, Самаркандъ, Бухара и

въ послѣднее время Хива. Къ крупнымъ недостаткамъ туземнаго шелководства относятся плохой уходъ за червями и плохая размотка шелка на ручныхъ станкахъ. Такъ какъ червоводнями у туземцевъ служатъ жилыя довольно темныя и грязныя помѣщенія, то шелковичные черви страдаютъ отъ отсутствія достаточнаго количества свѣта и чистаго воздуха; вмѣстѣ съ тѣмъ и самая выкормка червей и уходъ за ними довольно небрежны. Вслѣдствіе этого черви страдали разными болѣзнями, а съ 1871 года распространилась между ними пебрина, которая къ тому времени уже настолько опустошила всю юго-западную Европу, что тамъ не осталось здоровой грены. Появленіе пебрины въ Средней Азіи совпало съ появленіемъ здѣсь западно-европейскихъ скупщиковъ грены. Эпидемія пебрины была настолько сильна, что шелководство здѣсь въ это время значительно упало, и туземцы стали даже вырубать шелковицу (тутъ) на дрова. Русская администрація и здѣсь пришла на помощь населенію. Безусловно былъ воспрещенъ вывозъ грены изъ края и учреждена въ Ташкентѣ въ 1871 году школа шелководства, которая, къ сожалѣнію, просуществовавъ здѣсь 10 лѣтъ и поглотивъ достаточно денежныхъ средствъ, не принесла ожидавшейся отъ нея пользы. Туземное шелководство значительно упрочилось и расширилось со времени управленія краемъ генерала Розенбаха, заботы котораго въ этомъ дѣлѣ были направлены къ тому, чтобы снабдить населеніе здоровою целлюлярною греною. Съ этою цѣлью въ 1885 году была учреждена въ Ташкентѣ центральная гренажная станція и три филіальныхъ отдѣленія ея въ Маргеланѣ, Самаркандѣ и Петро-Александровскѣ. Такъ какъ при гренированіи оказалось, что всѣ мѣстныя породы шелковичнаго червя были заражены пебриною, то туркестанскія гренажныя станціи обратились къ западно-европейскимъ породамъ, изъ которыхъ наиболѣе практичною и устойчивою оказалась корсиканская. Вслѣдъ за этимъ началась безплатная раздача населенію целлюлярной грены, что и спасло средне-азіатское шелководство; а затѣмъ появились въ краѣ заграничныя

фирмы, торгующія здоровою греною. Населеніе Закаспійской области въ прежнее время вовсе не занималось шелководствомъ, и на долю генерала Куропаткина выпало много труда въ борьбѣ съ косностью и апатіей туземцевъ и въ этомъ отношеніи; въ 1892 году здѣсь была открыта опытная станція для раздачи здоровой грены. Въ 1895 году въ Закаспійской области получено шелка-сырца 598 п. 34 ф. $9^1/_2$ з.—Въ Туркестанскомъ краѣ урожай шелковичныхъ коконовъ и шелка-сырца выражается за 1888—1892 гг. въ слѣдующихъ, хотя и оффиціальныхъ, но не вполнѣ достовѣрныхъ и отчасти противорѣчивыхъ цифрахъ (особенно по Ферганѣ):

Годы.	Въ Сыръ-Дарьинской области.		Въ Самаркандской области.		Въ Ферганской области.	
	Коконовъ.	Сырца.	Коконовъ.	Сырца.	Коконовъ.	Сырца.
	Въ пудахъ.					
1888 . . .	—	—	6.642	782	81.570	11.177
1889 . . .	600	101	11.160	1.113	—	—
1890 . . .	1.848	304	11.466	1.791	51.325	5.058
1891 . . .	6.981	1.636	14.297	1.551	49.885	5.450
1892 . . .	8.388	2.983	16.310	1.067	56.824	7.265

На основаніи этихъ данныхъ можно заключить, что размѣры шелководства въ настоящее время въ Туркестанскомъ краѣ выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ: коконовъ—болѣе 100 т. пуд. и шелка-сырца—болѣе 15 т. пуд., на сумму въ 2.400.000 р. Значительная часть шелка идетъ на мѣстное издѣліе шелковыхъ и полушелковыхъ тканей, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны: канаусъ, атласъ, адрясъ и бенорясъ. Послѣдняя ташкентская выставка показала, что выдѣлка шелковыхъ тканей въ Туркестанскомъ краѣ значительно подвинулась впередъ и даже, какъ наприм. у нѣкоторыхъ изъ самаркандцевъ, побы-

вавшихъ и отчасти присмотрѣвшихся къ этому дѣлу за границей, замѣтно въ этомъ дѣлѣ подражаніе западно-европейскимъ образцамъ. Остальная часть шелка, въ видѣ коконовъ, сырца и пряжи, вывозится въ сосѣднія ханства и въ Россію. Вотъ относящіяся сюда таможенныя свѣдѣнія:

ВЫВЕЗЕНО.	Въ 1889 году.		Въ 1894 году.	
	Пудовъ.	На сумму.	Пудовъ.	На сумму.
Въ ханства	6.321	178.206 р.	2.179	455.020 р.
Въ Россію	7.619	201.281 р.	4.393	672.815 р.
Итого.	13.940	379.487 р.	6.572	1.127.835 р.

Вслѣдствіе того, что московскія фабрики покупаютъ изъ-за границы ежегодно до 30 т. пудовъ шелка, русскому и вмѣстѣ съ тѣмъ туркестанскому шелководству предстоитъ еще слишкомъ много работы въ будущемъ.

Огородничество и садоводство особенно развито въ Туркестанскомъ краѣ. Субтропическій климатъ съ долгимъ и жаркимъ лѣтомъ, плодороднѣйшая почва и обильное орошеніе въ культурной полосѣ выработали изъ трудолюбиваго сарта прекраснаго огородника и садовника, который относится къ своему дѣлу съ особенною любовью и заботливостью. Огородничество въ краѣ весьма развито и прекрасно поставлено. Обработка почвы—самая тщательная; уходъ — весьма старательный; воздѣлываются самые разнообразные овощи не только мѣстныхъ, но и европейскихъ сортовъ. Продаетъ сартъ свои овощи весьма дешево, ставя даже ни во что свой трудъ; а потому и не имѣетъ въ этомъ дѣлѣ соперниковъ себѣ. Русскому поселянину приходится быть въ этой отрасли труда не учителемъ, а прилежнымъ ученикомъ сарта. Изъ мѣстныхъ овощей всего болѣе заслуживаетъ вниманія туркестанская дыня, нѣкоторые сорта которой, какъ наприм. бухарская,

чарджуйская и хивинская, занимаютъ первое мѣсто въ свѣтѣ [1]). Огородныхъ овощей въ краѣ такое изобиліе, что они даже вывозятся въ сосѣднюю Бухару и бѣдную не только въ этомъ, но чуть не во всѣхъ отношеніяхъ Закаспійскую область.

По части разведенія садовъ и вообще деревьевъ весьма трудно найти другаго бо́льшаго искусника и бо́льшаго любителя, чѣмъ туркестанскій сартъ. Всѣ его поселенія любовно и заботливо обсажены деревьями мѣстныхъ породъ. Русская администрація приложила также много заботъ по части обсаживанія улицъ деревьями европейскихъ и другихъ сортовъ, для каковой цѣли раздавались безплатно и продавались по дешевой цѣнѣ молодыя растенія изъ казенныхъ питомниковъ. Вслѣдствіе этого всѣ средне-азіатскіе города, хотя и не имѣютъ особенно красиваго вида издали, но представляютъ изъ себя прекрасные, иногда весьма густо засаженные парки съ широкими улицами и большими площадями, гдѣ изъ-за деревьевъ часто не видно домовъ. Лучшими украшеніями этихъ парковъ-городовъ служатъ карагачи (особенно сортъ «сада») съ громадными и густыми своими кронами; иногда подъ тѣнью одного такого красавца-великана помѣщается цѣлая биржа извощиковъ (въ Самаркандѣ). По части плодоводства Туркестанъ—поистинѣ «страна фруктовъ». Нехороши только мѣстные довольно сухіе яблоки и червивыя сливы; всѣ же другіе фрукты какъ мѣстные, такъ и европейскіе, культивированные здѣсь русскими, весьма нѣжны, очень вкусны и сахаристы; особенно превосходны разнообразные сорта весьма нѣжныхъ персиковъ. Очень жаль только, что туземная сушка фруктовъ на солнцѣ весьма примитивна; жаль также и то, что огневая плодосушильня по способу Ридера въ Ташкентѣ, вслѣдствіе кратковременности своего существованія, не принесла ожидавшейся отъ нея пользы. Громадная часть фруктовъ составляетъ пищевое подспорье для мѣстнаго населенія, и только незначи-

[1]) Эриванская «дутма» не выдерживаетъ никакого сравненія съ туркестанскими сортами дыни.

тельная часть ихъ въ сушеномъ видѣ вывозится въ Россію. Въ 1893 году черезъ таможенные пункты края вывезено фруктовъ 178.778 пуд., на сумму 407.799 руб.

Въ туркестанскомъ плодоводствѣ самое видное мѣсто принадлежитъ виноградарству. Начиная съ Чимкентскаго уѣзда на сѣверѣ, виноградъ разводится здѣсь повсемѣстно. Мѣстные сорта винограда довольно разнообразны и вмѣстѣ съ тѣмъ хороши, но, впрочемъ, хуже крымскихъ сортовъ, что, какъ мнѣ кажется, зависитъ отъ болѣе или менѣе небрежнаго ухода за нимъ и въ особенности отъ того, что въ большей части Туркестанскаго края виноградъ созрѣваетъ въ тѣни густыхъ аллей изъ виноградныхъ лозъ. Съ приходомъ русскихъ, культивируются здѣсь и разные европейскіе сорта—крымскіе, кавказскіе, французскіе и американскіе; плантаціями послѣднихъ сортовъ, принадлежащими такимъ почтеннымъ дѣятелямъ, какъ Н. И. Ивановъ, бр. Первушины, Д. Л. Филатовъ и др., съ успѣхомъ завѣдуютъ ученые винодѣлы. Къ великому удовольствію туркестанцевъ, ихъ виноградники, которые всегда могутъ быть затоплены водою, избавлены отъ опаснаго врага, гнѣздящагося на корняхъ виноградной лозы,—филоксеры, произведшей громадныя опустошенія въ Европѣ и на Кавказѣ. Общая площадь виноградниковъ въ Туркестанскомъ краѣ, въ прежнемъ его составѣ, равняется приблизительно 15 т. десятинъ, дающихъ винограда до 6 милл. пудовъ, на сумму до 3 милл. рублей; при чемъ въ Закаспійской области только еще начинаетъ зарождаться это дѣло. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Туркестанскаго края, какъ наприм. въ Самаркандской области, урожай винограда доходитъ до баснословныхъ размѣровъ: средній—въ 1.125 пудовъ и наивысшій—до 2.251 пуд. съ десятины, тогда какъ въ другихъ виноградныхъ районахъ, какъ наприм. на Дону и въ Кахетіи, урожай винограда не превышаетъ 300—400 пуд. съ десятины. Виноградъ потребляется въ Туркестанскомъ краѣ частью въ сыромъ видѣ, частью въ сушеномъ, какъ изюмъ и кишмишъ, и частью идетъ на винодѣліе. Между изюмомъ первое мѣсто занимаетъ превосходнѣйшій сортъ—каршин-

скій. Въ европейскую Россію изюма и кишмиша было отправлено по Закаспійской желѣзной дорогѣ въ 1890 г.—188 т. пуд., въ 1891 г.—259 т., а въ 1892 г.—452 т. пудовъ, на сумму до 700 т. р.

Винодѣліе въ Туркестанскомъ краѣ, населенномъ мусульманами, которымъ исламъ строго запрещаетъ не только употребленіе, но и приготовленіе вина, началось съ приходомъ русскихъ. Хотя въ краѣ есть много вполнѣ прекрасныхъ винъ съ весьма пріятнымъ вкусомъ и характернымъ букетомъ, хотя годъ съ годомъ винодѣліе все болѣе и болѣе развивается, но оно, вслѣдствіе новизны дѣла, а главное—вслѣдствіе отсутствія въ краѣ крупныхъ капиталистовъ, которые бы могли выдерживать свои вина, не успѣло еще прочно окрѣпнуть и широко развиться. Много вредятъ также этому дѣлу и высокія цѣны на вино, что̀ зависитъ отъ того, что туркестанское винодѣліе—по преимуществу заводское, хотя въ послѣднее время оно начинаетъ принимать кустарный характеръ. Во всякомъ случаѣ это—еще будущее богатство края, которому предстоитъ блестящая будущность. Въ настоящее время выдѣлывается въ краѣ виноградnаго вина до 80 т. ведеръ въ годъ, которое почти все, безъ остатка, расходуется на мѣстѣ.

Табаководство также должно составить одну изъ крупныхъ отраслей промышленности въ будущемъ. Туземцы, хотя и занимаются разведеніемъ табака мѣстныхъ сортовъ, но въ очень ограниченномъ количествѣ. Опыты разведенія американскаго и турецкаго табака въ Ташкентскомъ уѣздѣ дали прекрасные результаты, такъ какъ полученный табакъ превзошелъ по своимъ достоинствамъ всѣ русскіе табаки. Въ 1894 году подъ культуру этого табака занято было въ означенномъ уѣздѣ 37 десятинъ, давшихъ около 2.000 пудовъ табака; а въ Семирѣченской области въ 1897 г.—21 десятина со сборомъ въ 1.395 пудовъ.

Съ большимъ успѣхомъ могли бы быть культивируемы въ Туркестанскомъ краѣ и другія растенія, которыя могутъ дать населенію значительный доходъ, какъ наприм. кендырь, рами и пр.

Лѣсовъ въ Средней Азіи весьма мало. Если не считать скудной степной растительности, которую ни въ какомъ случаѣ нельзя причислять къ лѣсамъ, естественные лѣса встрѣчаются только въ горахъ; но и здѣсь ихъ не особенно много. Въ восточной части Тянь-Шаня есть арчевые и еловые лѣса; но на западѣ, ближе къ населеннымъ пунктамъ, особенно къ Ферганской долинѣ, въ передней части горъ—довольно много лиственныхъ лѣсовъ; общая площадь горныхъ лѣсовъ составляетъ 350 т. десятинъ. Туркестанская администрація не только всегда заботилась объ охранѣ этихъ лѣсовъ, какъ сберегателей горныхъ водъ, но и прилагала иногда старанія къ разведенію искусственныхъ лѣсовъ, которыхъ состоитъ къ настоящему времени около 650 десятинъ; изъ этихъ лѣсовъ заслуживаютъ наиболѣе вниманія разведенные въ Каратюбинскомъ ущельѣ. Въ Закаспійской области лѣсовъ уже совсѣмъ нѣтъ; поэтому высшая мѣстная власть, въ лицѣ генерала Куропаткина, проявила особую энергію въ разведеніи искусственныхъ лѣсовъ: въ продолженіе шести лѣтъ, съ 1890 по 1895 г., посажено въ области 4.976.000 деревьевъ, изъ которыхъ принялись 2.445.000; израсходовано на это дѣло 28.185 р. 85 к. Всѣ туркестанскія горныя лѣсныя породы не могутъ имѣть особаго промышленнаго значенія, за исключеніемъ грецкаго орѣха (juglans Regia), котораго насчитывается главнымъ образомъ въ Ферганской области до 100 десятинъ. Дерево это, отличающееся темною древесиною, даетъ хорошій матеріалъ для мѣстныхъ столярныхъ работъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высокоцѣнные наплывы, которые идутъ въ продажу на фанеры и достигаютъ громадныхъ размѣровъ, до 60 слишкомъ пудовъ. На эксплоатацію этихъ наплывовъ обращено съ 1885 года вниманіе администраціи, которая въ своихъ оптимистическихъ взглядахъ на это дѣло настолько увлеклась, что одно время даже мечтала о возможности искусственной прививки къ орѣховымъ деревьямъ этихъ наплывовъ. До сихъ поръ эксплоатація орѣховыхъ наплывовъ, сдававшихся съ торговъ, дала казнѣ, въ продолженіе десяти лѣтъ, по вычисленію лѣсничаго Даниленко,

115.555 р. 37 к. (въ томъ числѣ штрафныхъ денегъ—2.599 р. 91 к.); при чемъ снято 83 наплыва поштучно, вѣсъ которыхъ неизвѣстенъ, и 6772 п. 22 ф. до 550 шт., а всего—до 633 шт. Въ 1895 году всѣ въ краѣ орѣховые наплывы, вѣсомъ отъ одного пуда и болѣе, занумерованы, при чемъ ихъ оказалось, по свидѣтельству г. Даниленко [1]), 3.603 шт., изъ которыхъ въ Андиджанскомъ уѣздѣ 3.228 шт., въ Наманганскомъ—358 и Ташкентскомъ—17; всѣ же остальные меньшіе наплывы только сосчитаны, при чемъ ихъ оказалось 5.838 шт. Въ этомъ заключается весь запасъ орѣховыхъ наплывовъ въ краѣ. По приблизительному разсчету, все это богатство можетъ дать казнѣ дохода до 1 милл. р.; но при этомъ не нужно забывать, что образованіе наплывовъ на орѣховыхъ деревьяхъ совершается въ теченіе весьма долгаго періода времени и начальный возрастъ для сбыта этихъ наплывовъ составляетъ 60 лѣтъ. Очень жаль только, что при этой эксплоатаціи промышленники портятъ весьма много орѣховыхъ наплывовъ, пробуравливая ихъ съ цѣлью отысканія лучшихъ экземпляровъ.

Пчеловодство всего болѣе развито въ Семирѣченской области и особенно въ Лепсинскомъ и Пржевальскомъ уѣздахъ; въ 1897 году собрано въ этой области меду 21.301 пудъ на 58.666 р. и воску 1.158 п. на 15.609 р., а всего—на 74.275 р.

Скотоводство служитъ главнымъ и почти единственнымъ занятіемъ кочевниковъ; поэтому оно наиболѣе распространено въ Семирѣчьѣ, Сыръ-Дарьинской и Закаспійской областяхъ. Хотя въ послѣднее время въ прирѣчныхъ частяхъ средне-азіатскихъ степей и замѣчается стремленіе кочевниковъ перейти къ осѣдлому образу жизни и заниматься земледѣліемъ, но степи эти такъ громадны, а воды для искусственнаго орошенія въ нихъ такъ мало, что мы вполнѣ обезпечены продуктами степнаго скотоводства на будущее время. Какъ бы ни стѣснялъ земельно русскій поселенецъ средне-азіатскаго кочевника, для послѣдняго всегда останется широкій просторъ въ степи, куда почти никогда не проникнетъ осѣдлая земле-

[1]) «Туркестанскія Вѣдомости» 1899 г., № 57.

дѣльческая жизнь. Средне-азіатское скотоводство кочевниковъ подвержено громаднымъ невзгодамъ въ зависимости отъ неблагопріятныхъ условій вполнѣ континентальнаго климата; засухи, сильнѣйшіе морозы, глубокіе снѣга, бураны и особенно гололедица, не позволяющая скоту добывать кормъ, губятъ стада киргиза или туркмена въ иныя зимы (джутъ) почти на-половину. Только мѣстами киргизы устраиваютъ кое-какіе загоны для скота на зиму и только въ послѣднее время, подъ вліяніемъ русскихъ поселенцевъ, у киргизовъ появилась русская коса-литовка, а съ нею—и нѣкоторые запасы сѣна на зиму.

Первое мѣсто по своей численности и по важности значенія въ средне-азіатскомъ скотоводствѣ занимаетъ овцеводство; у нѣкоторыхъ кочевниковъ и до сихъ поръ еще встрѣчаются стада овецъ до 20 т. головъ. Самая распространенная здѣсь порода овецъ—киргизская, курдючная, отличающаяся необыкновенною стойкостью и выносливостью, съ весьма вкуснымъ мясомъ и жирнымъ курдюкомъ, который иногда достигаетъ до 30 ф. вѣса. Средне-азіатскіе солончаки съ ихъ соляными растеніями доставляютъ этой овцѣ самый лучшій кормъ. Въ Бухарѣ, около г. Каракуль, разводится особая каракульская порода овецъ, дающая знаменитыя смушки («каракульки»), которыхъ ежегодно отправляется въ Россію болѣе $^1/_2$ милл. штукъ. Стараніями генерала Куропаткина каракульскихъ овецъ начали разводить въ послѣднее время въ Закаспійской области. Нѣмцы-меннониты въ Ауліеатинскомъ уѣздѣ стали разводить мериносовъ и производить опыты помѣси ихъ съ курдючною овцою.—Мѣстный рогатый скотъ весьма мелокъ и мало даетъ молока; только съ приходомъ русскихъ, мясо этого скота пошло въ пищу, такъ какъ туземцы не долюбливаютъ говядины, разводя рогатый скотъ, какъ рабочую силу и для полученія молочныхъ продуктовъ. Для улучшенія рогатаго скота туркестанская администрація выписала въ 1882 г. изъ Голландіи 5 коровъ и 3 быка. Но вслѣдствіе крайне ограниченной численности этихъ производителей, не видно замѣтныхъ улучшеній на рогатомъ скотѣ края.—Слѣдующее за тѣмъ

мѣсто занимаетъ коневодство. Главныхъ породъ лошадей здѣсь три: въ Киргизской степи—киргизская лошадь, довольно малая ростомъ, но весьма выносливая, въ Закаспійской области—туркменская, аргамакъ, въ которой много арабской крови, легкая и быстрая на ходу, и у осѣдлыхъ туземцевъ Туркестана, въ культурно-земледѣльческой полосѣ,—карабаиръ, весьма удачная помѣсь первой и втораго. Частныхъ конскихъ заводовъ въ краѣ въ настоящее время только одинъ—коммерціи совѣтника Н. И. Иванова, близъ г. Ауліеата; въ 1890 г. у него было 59 матокъ и 230 штукъ приплода.—Верблюды въ краѣ двухъ породъ: одногорбые—весьма сильные, но чувствительные къ холоду, и двугорбые—болѣе выносливые. Для среднеазіатскихъ степей, не имѣющихъ во многихъ мѣстахъ на далекія пространства воды, верблюдъ, поднимающій вьюкъ отъ 12 до 16 пуд., служитъ единственнымъ животнымъ въ дѣлѣ транспортированія кладей. Въ послѣднее время Закаспійская желѣзная дорога, доведенная до Ташкента, нанесла значительный ударъ разведенію верблюдовъ; но степнякъ со своими верблюдами пока еще находитъ заработокъ, перевозя товары на Оренбургъ и Сибирь и обратно. Ословъ разводятъ въ краѣ, какъ вьючныхъ животныхъ, по причинѣ неприхотливости въ пищѣ, выносливости въ пути и какъ дешевый рабочій скотъ (отъ 7 до 10 р.). Слѣдующія оффиціальныя данныя наглядно представляютъ размѣры разныхъ отраслей скотоводства въ Туркестанскомъ краѣ:

	Семирѣченская область.	Сыръ-Дарьинская область.	Ферганская область.	Самаркандск. область.	Закаспійская область.	Итого въ Туркестан. краѣ.
Овецъ и козъ	4.500.000	3.907.000	933.000	523.000	2.300.000	12.163.000
Рогатаго скот.	400.000	578.000	207.000	154.000	44.000	1.383.000
Лошадей. . .	700.000	412.000	165.000	106.000	76.000	1.459.000
Верблюдовъ .	80.000	405.000	9.000	40.000	135.000	669.000
Ословъ. . . .	2.000	13.000	13.000	49.000	15.000	92.000
Итого. . . .	5.682.000	5.315.000	1.327.000	872.000	2.570.000	15.766.000

На 100 жителей населенія Туркестанскаго края приходится овецъ и козъ—231, рогатаго скота—26, лошадей—28, верблюдовъ—13 иословъ—2, итого—почти 300 головъ. Переводя мелкій рогатый скотъ на крупный и считая 10 овецъ и козъ на 1 штуку послѣдняго, получимъ: на 100 жителей—91 гол. крупнаго скота. Не смотря на разныя невзгоды, которымъ подвергается степное скотоводство, послѣднее, и при усиливающемся въ настоящее время осѣданіи кочевниковъ и переходѣ ихъ къ занятію земледѣліемъ, постоянно возрастаетъ, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ оффиціальныя данныя. Такъ наприм., въ Сыръ-Дарьинской области съ 1880 по 1893 годъ количество овецъ и козъ увеличилось на 38%, рогатаго скота—на 192%, лошадей—на 24% и верблюдовъ—на 25%, а всего—на 70%; при переводѣ мелкаго скота на крупный, получается увеличеніе въ 70%. Въ Закаспійской области съ 1890 по 1895 годъ увеличилось овецъ и козъ на 47%, крупнаго рогатаго скота—на 28%, лошадей—на 36%, верблюдовъ—на 103% иословъ—на 58%; итого въ переводѣ на крупный скотъ—на 56%.—Изъ продуктовъ скотоводства наибольшее значеніе имѣютъ шерсть, кожа, сало и шерстяныя издѣлія, какъ наприм. войлоки, армячина, веревки, мѣшки и ковры, изъ которыхъ наибольшею извѣстностью пользуются бухарскіе и особенно текинскіе. По свѣдѣніямъ администраціи вывезено изъ Туркестанскаго края въ прежнемъ его составѣ, въ 1893 году, черезъ таможенные пункты скота 55.591 гол. на 110.090 р. и животныхъ продуктовъ 159.790 пуд. на 1.048.888 р., итого—на 1.158.978 р. Сюда не входитъ гораздо большій вывозъ продуктовъ скотоводства черезъ города Оренбургъ, Троицкъ, Петропавловскъ и другіе пункты Сибирской линіи. Изъ Закаспійской области въ европейскую Россію и на Кавказъ вывозится животныхъ продуктовъ на 300 т. р. и въ сосѣднія ханства на 50 слишкомъ тысячъ рублей. Всего изъ Средней Азіи (безъ Семирѣченской области) продуктовъ скотоводства ежегодно вывозится до 3 милл. рубл.

Рыболовство въ краѣ стоитъ на низкой степени развитія. Хотя и встрѣчаются въ краѣ довольно разнообраз-

ныя породы рыбъ, но нѣтъ рыбъ цѣнныхъ сортовъ. Промысловое значеніе имѣетъ только ловля шипа (изъ породы осетра, которому шипъ уступаетъ по вкусу) въ низовьяхъ Сыръ и Аму-Дарьи и въ Аральскомъ морѣ. Рыболовство оживилось здѣсь только съ приходомъ русскихъ и особенно съ 1881 года, когда были поселены здѣсь ссыльные уральскіе казаки, которые, впрочемъ, на первыхъ порахъ широко практиковали хищническіе способы рыбной ловли; но съ 1884 года администрація нѣсколько упорядочила это дѣло. Въ 1892 году, судя по оффиціальнымъ даннымъ, рыбные промыслы дали слѣдующіе результаты:

ВЪ НИЗОВЬЯХЪ:	Рыбы красной.	Икры.	Рыбы др. породъ.	На сумму.
Сыръ-Дарьи . . .	18.000 шт.	500 пуд.	3.500 шт.	76.750 руб.
Аму-Дарьи. . . .	9.000 »	—	35.500 »	19.000 »

Общая доходность здѣшнихъ рыбныхъ промысловъ опредѣляется суммою во 100.000 р. — Гораздо болѣе могутъ имѣть значенія въ будущемъ рыбные промыслы на Каспійскомъ морѣ, въ Мангишлакскомъ и Красноводскомъ уѣздахъ Закаспійской области, гдѣ происходитъ ловля бѣлуги и осетра, бой тюленей и пр. Бывшій начальникъ Закаспійской области генералъ Куропаткинъ положилъ слишкомъ много заботъ объ упроченіи и развитіи здѣсь этихъ промысловъ, оказывая широкое покровительство и подавая помощь мѣстнымъ рыбопромышленникамъ, образовавъ здѣсь нѣсколько новыхъ русскихъ рыбачьихъ поселковъ и основавъ ссудный ватажный капиталъ. Въ 1893 году вывезено отсюда:

красной и частиковой рыбы . . .	117.898 пуд.
разнаго рыбнаго товара	2.000 »
тюленей	10.670 »

Въ Семирѣченской области водится только мелкая рыба, которой въ 1897 году наловлено 23.673 пуда на сумму 11.368 р.

Охота въ Туркестанскомъ краѣ, не смотря на разнообразіе фауны, стоитъ еще на болѣе низкой ступени развитія, чѣмъ рыболовство, и представляетъ, по отзыву знатока края Маева, скорѣе забаву, чѣмъ промыселъ; нѣкоторое промысловое значеніе имѣетъ только охота на фазановъ, которые хищнически истребляются въ послѣднее время московскими промышленниками. Въ Семирѣченской области убито въ 1897 году разныхъ звѣрей 29.127 шт. на сумму 30.104 р. 73 к.

Минеральныхъ богатствъ въ краѣ весьма много и при томъ самыхъ разнообразныхъ, но разработка ихъ слабо развита. Все это—еще богатства будущаго, которыя ждутъ солидныхъ предпринимателей. Прежде всего вниманіе русскихъ привлекло золото, на поиски котораго потрачено здѣсь весьма много денегъ; но всѣ эти попытки обогатиться благороднымъ металломъ привели пока къ тому выводу, что хотя золото и находится въ очень многихъ мѣстахъ края, но въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что заниматься промывкою его могутъ развѣ только тѣ бѣдные люди, которые не могутъ найти себѣ даже поденной работы. Всего болѣе добыто золота въ 1897 году на Ивановскомъ пріискѣ въ Семирѣченской области, а именно: 3 ф. 5 зол. 84 доли.—Гораздо болѣе въ краѣ желѣза свинца и мѣди. Желѣзо найдено въ горахъ Каратау Сыръ-Дарьинской области и въ Балханскихъ горахъ Закаспійской области; свинцовыя руды—въ весьма многихъ мѣстахъ края, а мѣдь—въ Сыръ-Дарьинской области; но разработываются эти руды въ самомъ ограниченномъ количествѣ, хотя спросъ на нихъ въ Россіи весьма значительный. Въ большемъ количествѣ добывается здѣсь каменный уголь, имѣющій громадное значеніе для края, бѣднаго лѣсами. Лучшими каменноугольными копями здѣсь считаются Татариновскія и Первушинскія въ горахъ Каратау Чимкентскаго уѣзда, Кокинесайскія Фовицкаго около Ходжента и другія. Въ 1891 году разработывалось,

	Копей.	На нихъ рабочихъ.	Добыто угля, въ пудахъ.
Въ Сыръ-Дарьинской области . .	2	23	1.800
» Самаркандской » . .	8	102	389.350
» Ферганской » . .	4	25	102.850
Итого.	14	150	493.850

Залежи бураго каменнаго угля открыты въ Мангишлакскомъ уѣздѣ въ 100 верстахъ отъ форта Александровска и въ двухъ мѣстахъ Красноводскаго уѣзда около залива Карабугазъ.—Нефть добывается здѣсь въ маломъ количествѣ: на о. Челекенѣ до 120 т. пудовъ и въ Ферганской области до 5 т. п. въ годъ; разсчитывать на значительное развитіе этой промышленности въ будущемъ не представляется возможнымъ, по причинѣ малыхъ запасовъ въ краѣ нефти. Асфальта добывается въ Ферганской области болѣе 11.000 пудовъ въ годъ; кира—на о. Челекенѣ до 3 т. пуд. Озокерита, изъ котораго получается церезинъ (горный воскъ), находится много въ Ферганской и особенно въ Закаспійской области; но добывается онъ пока въ весьма ограниченномъ количествѣ: въ первой изъ областей—около 300 пудовъ и на о. Челекенѣ—до 100 пудовъ въ годъ. Сѣра встрѣчается въ большомъ количествѣ въ Ферганской и Самаркандской областяхъ, а также въ Закаспійской области: около ст. Геокъ-тепе, въ Красноводскомъ уѣздѣ и близъ Узунъ-ада; но добывается она пока только въ Ферганской области до 300 п. въ годъ. Самосадочная соль добывается изъ Ахсыханскаго соленаго озера Наманганскаго уѣзда и во многихъ другихъ мѣстахъ края; прекрасная каменная соль, бурдунгульская,

получается изъ бухарскихъ владѣній; въ Закаспійской области соль добывается на о. Челекенѣ, близъ ст. Бала-Ишемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Всего въ Туркестанскомъ краѣ добывается соли до 2 милл. пудовъ. Между Ташкентомъ и Ходжентомъ и около Узунъ-ада найдена глауберовая соль. Гранитъ добывается въ окрестностяхъ Красноводска—до 240 т. пудовъ въ годъ. Въ Самаркандской области встрѣчается графитъ и ляписъ-лазури; около Асхабада—литографскій камень; около Красноводска добывается гипсъ высокаго качества—до 80 т. п. Извѣстны также мѣсторожденія серебра, цинка, сурьмы, марганца, селитры, нашатыря, квасцовъ, мрамора, и пр. и пр.; но всѣ эти богатства, повторю снова, еще ждутъ солидныхъ и энергичныхъ предпринимателей и могутъ составить въ будущемъ предметъ значительнаго вывоза въ европейскую Россію.

Въ Средней Азіи весьма развиты самые разнообразные кустарные промыслы, которые сосредоточены преимущественно по городамъ и доставляютъ значительное обезпеченіе мѣстному населенію. Сюда относятся: мѣстныя золотыя, серебряныя, мѣдныя и желѣзныя издѣлія, выдѣлка ножей, сѣделъ, конскихъ украшеній, обувь и шорныя издѣлія, кожевенные товары, шерстяныя издѣлія, ковры, палацы, хлопчатобумажныя и шелковыя издѣлія, плотничьи, столярныя, штукатурныя и пр. и пр. работы. Подъ вліяніемъ русскихъ, средне-азіатскій кустарь уже значительно усовершенствовалъ свой вкусъ, пріемы и даже орудія обработки своихъ издѣлій; поэтому его кустарное производство, какъ показала выставка ташкентская 1890 года, далеко опередило производства бухарцевъ и хивинцевъ, которые, въ силу своей замкнутости, еще лишены нашего цивилизующаго вліянія. Судя по оффиціальнымъ, хотя, впрочемъ, очень неполнымъ, даннымъ, слѣдуетъ заключить, что кустарные промыслы даютъ населенію большой заработокъ, а именно:

въ Сыръ-Дарьинской области	до . .	1.500.000 р.
» Ферганской	» » . .	4.000.000 »

въ Самаркандской	области до . . .	3.500.000 р.
» Закаспійской	» » . . .	500.000 »
	А всего . . .	9.500.000 р.

Фабрично-заводская промышленность появилась въ краѣ только съ приходомъ русскихъ, а потому находится еще въ зародышѣ. Изъ заводовъ первое мѣсто занимаютъ хлопкоочистительные и прессовальные, числомъ до 100, далѣе—кожевенные, винодѣльные, винокуренные, пивоваренные, спичечные и др. Общее производство этой промышленности достигаетъ въ годъ, судя по тѣмъ же даннымъ:

въ Сыръ-Дарьинской	области до . .	2.500.000 р.
» Ферганской	» » . .	3.000.000 »
» Самаркандской	» » . .	2.000.000 »
	А всего . . .	7.500.000 р.

Въ Закаспійской области фабрично-заводской промышленности пока не существуетъ.

Внутренняя и внѣшняя торговля въ Туркестанскомъ краѣ весьма развита; но о размѣрахъ первой нѣтъ данныхъ; для сужденія же о размѣрахъ второй могутъ до нѣкоторой степени служить слѣдующія данныя о количествѣ ввоза и вывоза товаровъ только чрезъ Закаспійскую желѣзную дорогу:

Ввезено изъ европ. Россіи въ край: въ 1889 г. на 3.749.079 р.
» 1894 » » 17.842.602 »
Вывезено въ европ. Росс. изъ края: въ 1889 г. на 2.817.152 р.
» 1894 » » 14.202.138 »

Главнымъ предметомъ вывоза изъ Туркестанскаго края въ европейскую Россію служитъ хлопокъ, который составляетъ до 80% всего вывоза: въ 1894 году его вывезено на 13.279.077 р. Торговля съ сосѣдними ханствами черезъ ту же дорогу выражается слѣдующими цифрами:

Ввезено въ край: въ 1890 г. на	2.056.695 р.
» 1894 » »	2.365.770 »
Вывезено изъ края: въ 1890 г. на	4.044.297 р.
» 1894 » »	2.689.426 »

Семирѣченская область ведетъ торговлю съ Китаемъ; въ 1897 г. ввезено въ область на 3.445.831 р. и вывезено изъ области, не считая сырыхъ животныхъ продуктовъ,— на 2.375.516 р.

Ростъ туркестанской торговли наглядно показываетъ слѣдующая роспись здѣшнихъ таможенныхъ доходовъ:

въ 1887 году	. . . . .	180.153 р.	47 к.
» 1888 »	. . . . .	247.917 »	81 »
» 1889 »	. . . . .	372.233 »	15 »
» 1890 »	. . . . .	496.897 »	93 »
» 1891 »	. . . . .	588.668 »	35 »
» 1892 »	. . . . .	618.041 »	— »
» 1893 »	. . . . .	662.709 »	30 »
» 1894 »	. . . . .	645.307 »	19 »

Такимъ образомъ количество товаровъ, прошедшихъ черезъ здѣшнія таможни и оплатившихъ пошлину, возросло въ 8 лѣтъ на 258%.

Такимъ образомъ изъ всего вышеизложеннаго краткаго очерка Туркестанскаго края съ несомнѣнностью вытекаетъ слѣдующее заключеніе. Въ продолженіе почти 35-лѣтняго владычества русскихъ край этотъ умиротворенъ, хотя, впрочемъ, андиджанское возстаніе 1898 года показываетъ, что наше господство здѣсь еще не вполнѣ обезпечено и мы пока держимся здѣсь благодаря физической силѣ. Но вполнѣ несомнѣнно то, что въ общемъ въ краѣ царитъ такой порядокъ, такъ обезпечены права собственности и личность каждаго, что край вступилъ на путь прочнаго экономическаго развитія. Прекрасная природа Туркестана: его теплый, почти субтропическій климатъ, богатѣйшій лѣсъ и орошеніе—съ одной стороны, прирожденныя качества населенія: его любовь къ труду, къ землѣ и къ занятіямъ ею, сноровка въ ремеслахъ и разныхъ производствахъ и стремленіе, даже страсть къ торговлѣ особенно среди осѣдлаго населенія—съ другой,

а также мягкая, гуманная политика русской власти, ея заботы о туземномъ населеніи, о развитіи его промышленно-торговой дѣятельности и проведеніи лучшихъ путей сообщенія,—заботы, доходившія даже до поблажки страстямъ туземцевъ, и пр. и пр., послужили причинами экономическаго процвѣтанія края. Населеніе увеличилось; годовой естественный приростъ его выражается 2,85%. Экономическая жизнь края улучшилась и развилась. Прежде всего уменьшены подати и значительно облегчена уплата ихъ; затѣмъ значительно возросла площадь искусственно орошенныхъ земель, но еще болѣе и при томъ въ громадныхъ размѣрахъ увеличилась площадь земледѣлія. Создалось и окрѣпло крупное и весьма прибыльное хлопковое дѣло, которому предстоитъ еще болѣе блестящее положеніе въ будущемъ. Спасено отъ гибели и также достаточно окрѣпло шелководство. Садоводство и огородничество достигли прекрасныхъ результатовъ. Завелось винодѣліе, табаководство, рыболовство и разнообразныя отрасли горной промышленности, но все это еще ждетъ опытныхъ и солидныхъ предпринимателей. Развилось винокуреніе, пивовареніе, кожевенное производство, и пр. и пр. Скотоводство отчасти улучшилось. Кустарные промыслы окрѣпли и далеко ушли впередъ. Торговля какъ внутренняя, такъ и внѣшняя, достигла небывалыхъ размѣровъ. Такимъ образомъ мы оживили край въ экономическомъ отношеніи, усилили торговый и промышленный духъ населенія,—вызвали сильный спросъ на трудъ и капиталъ. Туземное населеніе благоденствуетъ, наслаждается миромъ и развивается. Положеніе здѣшнихъ инородцевъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже можетъ составлять предметъ зависти для крестьянъ нашихъ внутреннихъ губерній. Тѣ громадныя денежныя средства, которыя прожилъ русскій Туркестанъ, почти цѣликомъ ушли въ руки сартовъ-торговцевъ, между которыми въ настоящее время очень много крупныхъ капиталистовъ, между тѣмъ какъ о русскихъ капиталистахъ въ краѣ пока что-то не слыхать. Словомъ, край и его населеніе богатѣютъ, что̀ не рѣшаются отрицать даже и наши враги,

какъ наприм. минъ-тюбинскій ишанъ, возставшій противъ русскаго господства. Вслѣдствіе этого мы пріобрѣли себѣ нѣкоторыя симпатіи въ торгово-промышленномъ классѣ туземнаго общества, въ людяхъ труда и капитала, которые служатъ нашими союзниками. Если же мы и видимъ между здѣшнимъ населеніемъ пролетаріевъ, имѣющихъ иногда страшную нужду въ самомъ необходимомъ, то вѣдь это явленіе было и прежде, при прежнемъ владычествѣ, и при томъ въ бо́льшихъ размѣрахъ. Если мы и замѣчаемъ въ настоящее время обѣднѣніе между нѣкоторыми киргизами, то причины этого явленія лежатъ не въ нашемъ управленіи, а въ климатическихъ и экономическихъ условіяхъ мѣстности, въ тѣхъ падежахъ скота и голодовкахъ, какіе случаются въ нѣкоторыя суровыя зимы. Хотя, конечно, и здѣсь иногда встрѣчались злоупотребленія со стороны русской администраціи, но злоупотребленія эти составляютъ весьма рѣдкое исключеніе изъ общей картины и при томъ они постепенно отходятъ въ область прошлаго. Все это, вся эта довольно блестящая страница въ русской исторіи и вообще въ исторіи христіанской цивилизаціи говоритъ о томъ, что русскіе явились сюда не эксплоататорами края, выжимающими сокъ изъ его населенія, каковыми всегда являются въ своихъ колоніяхъ, наприм., англичане, а въ качествѣ піонеровъ русской цивилизаціи, проводя въ покоренную туземную народную массу разными путями русскіе взгляды, порядки, обычаи и привычки. Такимъ характеромъ отличаются отношенія русскихъ къ инородцамъ не только въ Туркестанѣ, но и вообще во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя присоединены нами къ Имперіи посредствомъ правильныхъ войнъ, какъ наприм. и на Кавказѣ.

Но.... Но, къ великому прискорбію, эта прекрасная картина отношеній между побѣдителями и побѣжденными имѣетъ въ Туркестанѣ, какъ и на томъ же Кавказѣ, и при томъ на послѣдней окраинѣ несравненно въ большей степени, и другую, обратную, печальную сторону, которая заключается между прочимъ въ слѣдующемъ. Туркестанскіе туземцы, недавніе рабы своихъ деспотовъ, при-

выкшіе въ теченіе всей своей жизни къ жестокому управленію и выработавшіе въ себѣ хитрость и лесть, алчность и продажность, оказались не въ состояніи надлежащимъ образомъ оцѣнить мягкую, гуманную политику русскихъ, которую они весьма часто принимали за признакъ слабости власти. Русскіе же, какъ и вездѣ на своихъ окраинахъ, оказались самыми добродушными, но не мудрыми воспитателями туземцевъ. Заботясь объ экономическомъ развитіи и благосостояніи послѣднихъ и полагая въ этомъ даже почти всю цѣль своихъ стремленій, они упустили изъ виду ту основную истину здравой педагогики, что одно внѣшнее благосостояніе, одни внѣшнія позаимствованія культурныхъ формъ жизни не только не дѣлаютъ всего дѣла воспитанія,—перевоспитанія души туземцевъ,—но часто даже вредятъ нашему господству, о чемъ подробная рѣчь—когда-нибудь, при случаѣ. Вслѣдствіе этого дурныя качества туземцевъ стали культивироваться съ особою успѣшностью; туземцы научились еще больше лгать и льстить, обходить законы и проводить начальство, сутяжничать и кляузничать, утаивать и расхищать подати и обкрадывать казну, захватывать государственныя, общественныя и вакуфныя земли и обдѣлывать свои разныя дѣлишки. Стремясь къ быстрой и легкой наживѣ, они не только богатѣютъ, но и экономически господствуютъ въ краѣ, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ всяческими способами и повсюду оттѣснить русскаго. Словомъ, выражаясь просто, мы разбаловали туркестанскаго сарта. Расхищеніе послѣднимъ казенныхъ земель неминуемо повлекло за собою ограниченіе русской крестьянской колонизаціи въ край впредь до тѣхъ поръ, пока казна снова не затратитъ для этой цѣли нѣсколькихъ милліоновъ рублей и не создастъ новыхъ культурныхъ оазисовъ. Такимъ образомъ во вновь завоеванномъ русскими краѣ не оказалось мѣста для русскихъ, которымъ даже запрещалось покупать здѣсь земли. «Не можетъ быть, говорилъ еще покойный М. Н. Катковъ, ничего несправедливѣе и ничего опаснѣе политики, основанной на предпочтеніи инородцевъ той великой массѣ населенія, которая составляетъ основную силу госу-

дарства» [1]). Очень жаль, что здѣсь мало обращали вниманія на русскую колонизацію, что не позаботились сдѣлать русскихъ поселенцевъ тѣмъ ядромъ, къ которому впослѣдствіи должны примкнуть туземцы. Жаль также и то, что, подъ нашимъ владычествомъ, среди недовольной части туземнаго общества продолжаетъ крѣпнуть и развиваться мусульманскій фанатизмъ и что мы свое игнорированіе религіозной стороны жизни туземцевъ, которымъ мы даже гордились во времена генерала Кауфмана и считали его признакомъ государственной мудрости, простерли слишкомъ далеко, за предѣлы благоразумія. Мы до сего времени не желаемъ знать и слѣдить за тѣмъ, чѣмъ живетъ и какъ, въ какую сторону идетъ среднеазіатскій исламъ, развивающій въ своихъ нѣдрахъ постепенно, но неуклонно фанатизмъ, который, хотя проявляется наружу пока весьма рѣдко, въ видѣ, наприм., андиджанскихъ событій, но до поры до времени существуетъ въ скрытой формѣ. Жаль, что мы не воспользовались здѣсь громаднымъ обаяніемъ побѣдителей, чтобы встать ближе къ религіозной жизни народа, подробнѣе изучить ее и хоть немного овладѣть ею, хотя бы въ интересахъ предотвращенія разныхъ нежелательныхъ политическихъ сюрпризовъ намъ съ этой стороны. Въ своемъ игнорированіи этой важной стороны народной жизни мы дошли до непростительной и вредной для дѣла безпечности, отдавъ Киргизскую степь въ жертву татарамъ и сартамъ, которые годъ съ годомъ все болѣе производятъ здѣсь экономическихъ и религіозныхъ захватовъ, которые, если можно такъ выразиться, «отатариваютъ» и «осартиваютъ» добродушныхъ и преданныхъ намъ киргизовъ. Мы все время страдали и страдаемъ боязнью раскрыть свое вліяніе полнѣе и шире даже на довѣрчивыхъ киргизовъ, опасаясь вызвать въ нихъ чувства антипатіи къ себѣ и фанатизмъ, котораго, замѣчу кстати, въ прежнее время въ нихъ совсѣмъ не было, ибо они были не мусульманами, а язычниками,—и сочли за

[1]) Катковъ. 1865 г. М., 1897 г., № 207, стр. 592.

лучшее скорѣе видѣть киргиза мусульманиномъ, татариномъ или сартомъ, лишь бы только не русскимъ, а тѣмъ болѣе—не православнымъ. Такимъ образомъ, хотя мы и явились въ среднюю Азію въ качествѣ гуманныхъ воспитателей туземцевъ, но это воспитаніе прежде всего оказалось одностороннимъ, такъ какъ оно коснулось только экономической сферы жизни туземцевъ и было направлено на осѣдлую часть населенія, на сартовъ. Духовно-моральное же воспитаніе туземца, перевоспитаніе его души, было просмотрѣно нами (какъ и на другихъ окраинахъ); а кочевники были отданы нами въ жертву осѣдлой части населенія. Затѣмъ, какъ начинаетъ оказываться и еще яснѣе окажется въ будущемъ, такое одностороннее воспитаніе здѣшнихъ туземцевъ является вреднымъ для нашего русскаго дѣла въ краѣ. Наконецъ, это 35-лѣтнее воспитаніе туркестанскаго туземца стоитъ намъ, нашей русской казнѣ, не считая тѣхъ земельныхъ захватовъ и обкрадываній казны, о которыхъ я уже говорилъ, громадныхъ денежныхъ затратъ, такъ какъ Туркестанскій край даже до сего времени не вышелъ изъ области хроническихъ денежныхъ дефицитовъ.

Присоединяя вновь завоеванныя въ Средней Азіи области къ Россійской имперіи, русское правительство, какъ видно изъ представленія г. военнаго министра въ Комитетъ Министровъ отъ 30-го іюня 1867 года за № 1606, не только было убѣждено въ томъ, что содержаніе военно-народнаго управленія въ Туркестанскомъ краѣ не вызоветъ «ни малѣйшаго напряженія средствъ Государственнаго Казначейства, такъ какъ весь расходъ по содержанію военно-народной администраціи будетъ покрываться доходами самого края», но вмѣстѣ съ тѣмъ и надѣялось, что доходы Туркестанскаго края, при правильномъ ихъ взиманіи, настолько возростутъ, что явится «возможность содержать въ краѣ, на его же средства, не только все военное управленіе, но, можетъ быть, и покрыть значительную часть военныхъ расходовъ, необходимыхъ собственно на содержаніе войскъ, въ той пограничной полосѣ находящихся». Къ великому сожалѣнію, даже эти скромныя надежды

русскаго правительства далеко не оправдались на дѣлѣ. Очень жаль, что у меня нѣтъ подъ руками по-годныхъ свѣдѣній о доходахъ и расходахъ по Туркестанскому краю за все время его существованія подъ русскимъ владычествомъ, изъ которыхъ можно было бы видѣть, какъ колебались туркестанскіе дефициты. Но и то, что имѣется въ моемъ распоряженіи по этому вопросу, производитъ слишкомъ удручающее впечатлѣніе на русскаго человѣка. Составители проекта «положенія объ управленіи въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ» 1881 года оффиціально заявили, что за 12 лѣтъ, съ 1868 по 1879 г., всѣхъ доходовъ поступило 43.015.219 р. 43¾ к.; расходовъ же было 109.108.159 р. 53¾ к. Такимъ образомъ, дефицитъ за 12 лѣтъ—66.815.940 р. 10 к.; ежегодный дефицитъ—5.567.995 р. 01 к.

Въ 1880 году: доходовъ поступило . . . . . 4.119.491 р.
расходовъ было . . . . . 13.505.950 »
дефицитъ оказался въ . . . . 9.386.459 »
Въ 1881 году: доходовъ поступило . . . . . 6.537.222 р.
расходовъ было . . . . . 15.748.029 »
дефицитъ . . . . . 9.210.807 »

За 1882 годъ у меня нѣтъ свѣдѣній.

Въ 1883 году дефицитъ . . . . . 4.499.200 р.
Въ 1884 году дефицитъ . . . . . 1.720.000 »

Съ 1885 по 1888 годъ у меня также нѣтъ свѣдѣній.

Съ 1889 года по сіе время я могу представить по интересующему насъ вопросу слѣдующую таблицу:

Годы.	Доходы.		Расходы.		Дефициты.	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
1889. . . .	5.212.853	24	9.580.643	45	4.367.790	21
1890. . . .	5.410.337	49	8.751.184	07	3.340.846	58
1891. . . .	5.768.131	48	9.114.777	65	3.346.646	17
1892. . . .	5.894.736	86	9.502.466	63	3.607.729	77

ГОДЫ.	Доходы.		Расходы.		Дефициты.	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
1893. . . .	6.195.366	84	9.621.058	48	3.425.691	64
1894. . . .	6.041.575	03	10.078.832	06	4.037.257	03
1895. . . .	7.807.387	97	10.007.514	13	2.200.126	16
1896. . . .	9.142.491	24	9.582.562	47	440.071	23
1897. . . .	9.851.028	01	11.081.778	93	1.230.750	92
Итого за 9 лѣтъ. . .	61.323.908	16	87.320.817	87	25.996.909	71

Ежегодный дефицитъ за эти послѣдніе 9 лѣтъ равняется въ среднемъ 2.888.545 р. 52 к. Весь дефицитъ за 30 лѣтъ, съ 1868 г. по 1897 годъ, по содержанію Туркестанскаго края выражается въ громадной цифрѣ 135.562.351 р.; средній ежегодный дефицитъ за это время—4.518.745 р. Итакъ Туркестанскій край въ продолженіе 30-ти лѣтъ позаимствовалъ изъ казны колоссальную сумму въ $135^1/_2$ милл. рубл. Если къ этимъ туркестанскимъ дефицитамъ присоединить еще тѣ, которые потребовала на свое дополнительное содержаніе бѣднѣйшая Закаспійская область и о которыхъ, къ сожалѣнію, у меня нѣтъ свѣдѣній, то цифра получится еще болѣе значительная. Хотя предпослѣдній туркестанскій генералъ-губернаторъ бар. Вревскій и высказалъ вполнѣ оффиціально надежду на скорое «установленіе необходимаго равновѣсія между доходами, получаемыми съ богато-одареннаго природою и обитаемаго дѣльнымъ и трудолюбивымъ, зажиточно-живущимъ населеніемъ края, и расходами Казначейства Государственнаго не только на благоустройство края и содержаніе его гражданскаго управленія, но и на содержаніе въ немъ управленій военныхъ и войскъ», но, какъ видимъ, надежда эта не оправдалась, такъ какъ туркестанскіе дефициты, послѣ минимальной цифры въ 1896 г. въ 440 т. р., снова вступили на путь усиленнаго роста и дали въ слѣдующемъ 1897 году цифру уже въ 1.230.750 р.

Чтобы хоть нѣсколько ослабить громадность впечатлѣнія, какое всегда производили и производятъ на русскаго человѣка туркестанскіе дефициты, чтобы предотвратить могущее быть поставленнымъ правительствомъ требованіе этой окраинѣ «по одежкѣ протягивать ножки» и чтобы, наконецъ, не лишить край тѣхъ великихъ щедротъ, которыя изобильно изливаетъ на него Государственное Казначейство, на мѣстѣ, въ Туркестанѣ, постарались установить на эти дефициты совершенно другой, противоположный взглядъ, который въ послѣднее время проникъ даже и въ печать. Этотъ взглядъ утверждаетъ, что туркестанскіе дефициты суть простая фикція, что на самомъ дѣлѣ Туркестанскій край не только не знаетъ дефицитовъ, но что онъ даетъ русской казнѣ даже чистый доходъ. Нѣкто г. Стеткевичъ высчиталъ, что съ 1869 по 1896 годъ Туркестанскій край далъ чистаго дохода казнѣ 42 милл. рублей. Это открытіе такъ понравилось на мѣстѣ, что оффиціальный органъ «Туркестанскія Вѣдомости», отказавшись отъ того, что̀ писалъ 4-го октября 1898 года (№ 74) о туркестанскихъ дефицитахъ въ количествѣ 132 милл. рубл., призналъ доводы г. Стеткевича вполнѣ основательными. Ошибочность взгляда на убыточность содержанія Туркестанскаго края происходитъ, по мнѣнію послѣдняго автора, отъ того, что «въ финансовыхъ отчетахъ по Туркестанскому краю за первые 11 лѣтъ разсматриваемаго періода расходы чрезвычайные не выдѣлялись изъ обыкновенныхъ; слѣдовательно, въ огульной цифрѣ 132 милліон. рублей дефицита значатся и расходы по завоеванію, завершившемуся какъ разъ въ эти 11 лѣтъ, и по обезпеченію спокойствія на азіатской границѣ Имперіи вообще. Затѣмъ, въ послѣдующіе годы расходы чрезвычайные хотя и выдѣлялись въ отдѣльную рубрику, при чемъ ихъ набралось за 17 лѣтъ неполныхъ 10 милл., но въ этихъ расходахъ значатся, во-первыхъ, расходы по Кульджинскому походу 1880—1881 гг. въ суммѣ свыше 2 милл. р., который, окончившись мирнымъ путемъ, повелъ къ отторженію отъ Туркестана богатой Кульджи, а во-вторыхъ,

расходы по продолженію до Самарканда, а затѣмъ до Ташкента и Андиджана Закаспійской желѣзной дороги, до сихъ поръ ничего еще Туркестану не давшей, а въ будущемъ имѣющей служить главнымъ образомъ на пользу «центра», посредствомъ доставки ему болѣе дешеваго, чѣмъ американскій, хлопка и предоставленія удобствъ тѣмъ уроженцамъ этого центра, которые являются на окраину въ разсчетѣ на усиленные оклады или торговые барыши». Хотя все это отчасти и такъ, но въ то же время все это неубѣдительно. Совершенно вѣрно, что въ первое время изъ общихъ расходовъ по краю не выдѣлялись расходы чрезвычайные, изъ которыхъ первое мѣсто занимаютъ расходы по расширенію нашихъ средне-азіатскихъ владѣній: присоединеніе Зеравшанскаго округа (нынѣ Самаркандской области) и Ферганы, походы Хивинскій и Кульджинскій. Всѣ эти походы были крайне необходимы для насъ, въ видахъ умиротворенія самихъ нашихъ средне-азіатскихъ владѣній и ихъ границъ, а также въ видахъ поддержанія и поднятія необходимаго для насъ здѣсь престижа. Но спрашивается: что же все это доказываетъ? Это доказываетъ только то, что присоединеніе къ Имперіи Ташкентской области въ 1865 году неудержимо повлекло насъ на путь дальнѣйшихъ завоеваній, которыя были для насъ крайне убыточны; отъ всѣхъ этихъ завоеваній наша метрополія ничего не выиграла въ матеріальномъ отношеніи, а, напротивъ, должна была уплатить всѣ протори и убытки этихъ походовъ. Представьте себѣ, если бы мы не ходили въ Среднюю Азію, а сидѣли въ Оренбургѣ или въ Омскѣ и тамъ охраняли свои границы и свое населеніе отъ набѣговъ киргизовъ и коканцевъ, что вовсе не такъ было трудно, то вѣдь всѣхъ этихъ походовъ, всѣхъ этихъ чрезвычайныхъ расходовъ мы не произвели бы; тогда вѣдь вся громадная денежная стоимость ихъ осталась бы у насъ дома, на нужды нашихъ внутреннихъ губерній. При этомъ спѣшу оговориться, чтобы не быть ложно понятымъ, что я вовсе не противникъ движенія нашего въ Среднюю Азію; я только доказываю дороговизну содержанія нашихъ здѣсь владѣній. Итакъ, своимъ исключе-

ніемъ чрезвычайныхъ расходовъ изъ общаго числа расходовъ по Туркестану г. Стеткевичъ ровно ничего не доказываетъ; онъ только разъясняетъ, куда, на что именно пошла одна часть расходовъ и куда—другая. Но отъ этого разъясненія русской казнѣ не сдѣлалось легче, и мы никакъ не можемъ понять, почему наши средне-азіатскія владѣнія сдѣлались прибыльными. Какъ велика убыточность ихъ для насъ, туркестанскіе дефициты еще не говорятъ намъ съ достаточною полнотою, такъ какъ послѣ всѣхъ указанныхъ походовъ потребовалось еще дорого стоющее присоединеніе Закаспійской области; стоимость этого завоеванія составляетъ особую цифру, которая не входитъ въ число туркестанскихъ дефицитовъ. Но вѣдь и на присоединеніи Закаспійской области мы остановиться, кажется, не можемъ; навѣрно, скоро выступитъ на сцену Гератъ, за нимъ—западный Афганистанъ или восточная Персія, и т. д. и т. д., пока не дойдемъ въ своихъ «глиняныхъ» пріобрѣтеніяхъ до какого-нибудь конца. Выводъ изъ всего этого—одинъ: наши средне-азіатскія владѣнія крайне убыточны для насъ, такъ какъ постоянно требуютъ новыхъ походовъ и новыхъ громадныхъ денежныхъ жертвъ на нихъ. Но, можетъ быть, присоединяя новыя области, мы постепенно захватываемъ все болѣе лучшія, все болѣе богатыя и стремимся къ какой-нибудь такой, которая чуть не сразу окупитъ всѣ наши громадные расходы? Увы, и этого нѣтъ! Лучшія, богатѣйшія, плодороднѣйшія области нами уже давно присоединены; я разумѣю въ данномъ случаѣ Ферганскую и Самаркандскую области—эти средне-азіатскія житницы; первая изъ нихъ съ 1876 года, а вторая съ 1878 года входятъ въ составъ Туркестанскаго края; матеріальные результаты присоединенія этихъ областей намъ извѣстны: ничего другаго, кромѣ дефицитовъ. Въ послѣднее же время, присоединивъ бѣднѣйшую изъ всѣхъ Закаспійскую область, мы завоевали пустыню, которая на каждаго путника производитъ удручающее впечатлѣніе. Но, можетъ быть, нѣкоторымъ изъ насъ мерещится впереди богатая Индія? но, во-первыхъ, не нужно забывать, что на пути къ ней лежитъ воин-

ственный Афганистанъ и что намъ придется вступить въ упорнѣйшую борьбу съ Англіей, которая, если и уступаетъ намъ въ военномъ отношеніи на сушѣ, то далеко превосходитъ насъ въ богатствѣ золотомъ, а во-вторыхъ, въ обездоленной, а не въ богатой Индіи мы будемъ терпѣть также одни убытки.—Что же касается тѣхъ матеріальныхъ выгодъ, которыя сулитъ г. Стеткевичъ отъ Закаспійской желѣзной дороги, посредствомъ доставки чрезъ нее нашему центру болѣе дешеваго, чѣмъ американскій, хлопка, то на это нужно замѣтить слѣдующее. Прежде всего туркестанскій хлопокъ изъ американскихъ сѣмянъ совсѣмъ не такъ дешевъ по сравненію съ американскимъ, какъ думаетъ г. Стеткевичъ: американскій хлопокъ на московской биржѣ цѣнится отъ 11 до 13 р. за пудъ, а туркестанскій изъ американскихъ сѣмянъ отъ 11 до 12 р., при томъ низкомъ обложеніи послѣдняго государственнымъ поземельнымъ налогомъ, который сравненъ съ налогомъ съ орошенныхъ полей, занятыхъ сухими посѣвами. Выгодность туркестанскаго хлопководства для нашего отечества заключается совсѣмъ не въ этомъ, а въ томъ, что денежная стоимость полученнаго хлопка остается дома, въ Россіи, а не уплываетъ за границу. Затѣмъ, когда кончится привилегированное положеніе, которымъ пользуются, благодаря покойному министру финансовъ г. Вышнеградскому, туркестанскіе хлопководы, а оно должно скоро кончиться, какъ несправедливое по отношенію къ другимъ отраслямъ туркестанскаго земледѣлія, то туркестанскій хлопокъ поднимется въ цѣнѣ. Наконецъ, средне-азіатская желѣзная дорога можетъ служить въ этомъ отношеніи на пользу центра, но не съ того конца, какъ думаетъ г. Стеткевичъ, не Закаспійская ея часть (съ тремя перегрузками), а та, которая еще не построена и которая потребуетъ на свою постройку еще не одну сотню милліоновъ рублей, а именно Оренбургско-Ташкентская ея часть. Объ удобствахъ, которыя представляетъ Туркестанъ уроженцамъ центра, въ смыслѣ усиленныхъ окладовъ содержанія, о которыхъ говоритъ тотъ же авторъ, можно умолчать, изъ опасенія перейти въ шутливый тонъ.

Окончилась военная пора Туркестана, эпоха его присоединеній и расширеній; наступило мирное время; нѣтъ тѣхъ чрезвычайныхъ расходовъ, которые вызывались военными походами; но дефициты продолжаются и сдѣлались уже хроническими; правда, они значительно сократились, но все-таки достигаютъ и за послѣднее время весьма почтенной цифры, до 3 милліоновъ рублей въ среднемъ въ годъ. Здѣсь г. Стеткевичъ ставитъ такой вопросъ: чѣмъ, какими потребностями, мѣстными или общегосударственными, вызывается содержаніе туркестанскихъ войскъ? Принимая во вниманіе, что изъ 24-хъ существующихъ въ настоящее время въ Туркестанѣ баталіоновъ пѣхоты 13-ть существовали въ качествѣ сибирскихъ и оренбургскихъ баталіоновъ задолго до 1869 года и изъ 9-ти артиллерійскихъ батарей четыре существовали также раньше 1869 года, а также и то, что количество конницы, этого самаго дорогаго оружія, не увеличилось со времени умиротворенія края, а, напротивъ, уменьшилось, г. Стеткевичъ дѣлаетъ выводъ, что туркестанскія войска, значительная часть которыхъ существовала и раньше, имѣютъ значеніе общегосударственное для охраны нашихъ границъ; а потому все содержаніе ихъ, составляющее 60% всѣхъ расходовъ края, несправедливо относить на счетъ Туркестана, какъ несправедливо было бы относить на счетъ привислянскихъ губерній содержаніе войскъ, расположенныхъ въ Варшавскомъ округѣ. Исключая всю сумму стоимости содержанія туркестанскихъ войскъ изъ общей цифры расходовъ по Туркестану, г. Стеткевичъ приходитъ къ тому заключенію, что Туркестанъ за время своего существованія далъ на содержаніе общеимперскихъ войскъ чистаго дохода казнѣ въ 42 милліона рублей.—Прежде всего совершенно непонятно, почему г. Стеткевичъ для разсужденія объ убыточности или прибыльности содержанія нашихъ среднеазіатскихъ владѣній избралъ для себя 1869 годъ. Очевидно, онъ избралъ его исходнымъ пунктомъ только потому, что съ этого времени онъ самъ начинаетъ вести подсчетъ туркестанскихъ дефицитовъ. Но вѣдь это по мень-

шей мѣрѣ странно: неужели наше движеніе въ Среднюю Азію началось только съ 1869 года и неужели, наконецъ, дефициты по содержанію средне-азіатскихъ владѣній сдѣлались извѣстны намъ только съ 1869 года?! Въ своихъ же сравненіяхъ настоящей численности туркестанскихъ войскъ съ прежнею численностью онъ беретъ количество нашего войска, бывшее на Оренбургской и Сибирскихъ линіяхъ. Отсюда здравая логика и требуетъ, чтобы настоящая численность всего туркестанскаго войска была сравнена съ численностью войска въ то время, когда мы не ходили еще въ глубь Средней Азіи дальше Оренбурга и Омска. Началомъ нашего движенія въ Киргизскую степь съ этихъ пунктовъ слѣдуетъ считать по крайней мѣрѣ двадцатые годы минувшаго столѣтія, но ни въ какомъ случаѣ—какой-то произвольный 1869 годъ. Вотъ если бы г. Стеткевичъ съ документами въ рукахъ, которыхъ у меня, къ сожалѣнію, нѣтъ, доказалъ намъ, что настоящая численность военныхъ частей и состава ихъ во всемъ Туркестанскомъ краѣ осталась та же, что была и въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія на Оренбургской и Сибирской линіяхъ, тогда мы можемъ вмѣстѣ съ нимъ признать, что туркестанскія войска не предназначены для удержанія самого края въ повиновеніи, а только для охраны нашихъ границъ, а потому они имѣютъ не мѣстное, а общегосударственное значеніе, и слѣдовательно несправедливо относить содержаніе ихъ на средства Туркестанскаго края. Но этого г. Стеткевичъ никогда не докажетъ, такъ какъ уже съ 1869 г., по его же изслѣдованію, изъ существующихъ 24-хъ пѣхотныхъ баталіоновъ сформированы вновь 11-ть, т.-е. 45,8%, изъ 9-ти артиллерійскихъ батарей сформированы вновь пять, т.-е. 55,5%; а считая съ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, конечно, окажется гораздо болѣе вновь сформированныхъ частей. Сверхъ того, нужно доказать, что, вмѣсто вызванныхъ съ Оренбургской и Сибирской линій, на мѣстѣ не сформировано новыхъ частей также съ того же времени. Наконецъ, что всего удивительнѣе, г. Стеткевичъ утверждаетъ, что конница, это самое доро-

гое оружіе, со времени умиротворенія края, не только не увеличилась въ Туркестанскомъ краѣ, но даже уменьшилась, потому что расположенные въ немъ 4 казачьихъ полка и 2 сотни существовали на службѣ и именно «на линіи» еще тогда, когда о движеніи въ Туркестанъ никто и не думалъ. Конечно, со времени умиротворенія края не создано новыхъ кавалерійскихъ частей, но до умиротворенія края, въ эпоху его завоеванія? также развѣ нѣтъ? Почему же г. Стеткевичъ проходитъ молчаніемъ образованіе цѣлаго казачьяго войска въ Семирѣчьѣ? Объяснить ли это простою забывчивостью или непризнаніемъ большаго значенія за этимъ «самымъ дорогимъ родомъ оружія», судить не берусь. Далѣе меня буквально поражаетъ логика г. Стеткевича и въ дѣлѣ построенія умозаключенія; онъ разсуждаетъ такъ: если часть туркестанскихъ войскъ была сформирована раньше, еще на линіяхъ Оренбургской и Сибирской, и потому имѣетъ общегосударственное значеніе, для охраны границъ, то слѣдовательно и всѣ настоящія туркестанскія войска имѣютъ то же значеніе. Здѣсь у г. Стеткевича часть равна своему цѣлому и посылки силлогизма перепутаны. А все это насиліе надъ историческими фактами и здравою логикою произошло отъ слишкомъ сильнаго желанія доказать необходимость выдѣленія изъ общихъ расходовъ по Туркестану стоимости содержанія его войскъ, чтобы убѣдить, что этотъ край не только не убыточенъ для Россіи, но даже приноситъ ей чистый доходъ. Такъ всегда бываетъ съ тѣми, кто берется доказать что-либо, что нельзя доказать. Между словъ г. Стеткевича вырисовывается какая-то идиллія внутренняго состоянія Туркестанскаго края; согласившись съ нимъ, можно, пожалуй, заключить, что Туркестанскій край настолько ужъ спокоенъ, такъ уже умиротворенъ, что намъ совершенно не слѣдуетъ опасаться за свое существованіе въ немъ, что мы тамъ держимся не помощью штыка или ружья, а на такихъ прочныхъ народныхъ симпатіяхъ, какъ гдѣ-нибудь у себя дома, внутри Россіи, наприм. въ Тамбовской губерніи. Неужели послѣ андиджанскихъ событій 1898 года можно

утверждать, что для нашего господства въ Средней Азіи мы не нуждаемся въ помощи войска, существованіе котораго здѣсь, будто бы, объясняется только необходимостью защиты нашихъ границъ?! Да если когда-нибудь мы и доживемъ до такого идеальнаго положенія въ Туркестанѣ, то и тогда все-таки нельзя будетъ разсуждать такъ, какъ разсуждаетъ г. Стеткевичъ. Каждое новое завоеваніе, каждое новое расширеніе владѣній расширяетъ и границы государства; слѣдовательно, съ завоеваніемъ Туркестанскаго края границы наши значительно расширились, сравнительно съ линіями Оренбургскою и Сибирскою. Въ оцѣнку выгодности или невыгодности того или другаго территоріальнаго пріобрѣтенія должно всегда входить точное изслѣдованіе о стоимости укрѣпленія и охраны его границъ. Разъ Туркестанъ значительно расширилъ наши государственныя границы, то, конечно, увеличилъ и стоимость охраны ихъ. И если отъ Туркестана мы, кромѣ дефицитовъ, ничего другаго не получаемъ, слѣдовательно содержаніе его для насъ весьма убыточно. Въ заключеніе всѣхъ разсужденій объ убыточности для насъ Туркестанскаго края позволю привести прекрасныя слова передовицы № 74 «Туркестанскихъ Вѣдомостей» 1898 года, отъ которыхъ, какъ я упоминалъ выше, редакція, къ сожалѣнію, отказалась (№ 24—1899 г.): «Такимъ образомъ на нашу окраину, со времени занятія Самарканда и до послѣдняго времени, затрачено 132 милл. рубл. (а теперь уже больше 135½ милл. р.)—громадная сумма, которую русскій народъ, самъ нуждающійся во многомъ, вложилъ въ дѣло устроенія Туркестанскаго края, образованнаго изъ земель средне-азіатскихъ ханствъ, населеніе которыхъ, забитое и обобранное, было принято въ семью народностей Россіи. Она, какъ любящая и заботливая мать, не жалѣя ни трудовъ, ни денегъ, занималась неустанно дѣломъ устроенія новой своей окраины. Результаты этой дѣятельности на-лицо: тамъ, гдѣ прежде были пустыри, теперь лежатъ цвѣтущіе оазисы, а вмѣсто обездоленнаго туземца, дрожавшаго каждую минуту за свой жалкій достатокъ, видимъ спокойно живущихъ людей,

благосостояніе которыхъ сравнительно съ прежнимъ временемъ достигло высокой степени. Туземное населеніе за всѣ эти благотворныя заботы о немъ отплатило черною неблагодарностью—ферганскими безпорядками.... Казалось бы поэтому необходимымъ, чтобы это зажиточное населеніе приняло, наконецъ, само участіе въ защитѣ своего имущества отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ; пора, наконецъ, сложить бремя этой защиты съ кореннаго русскаго народа, и безъ того принесшаго крупную, въ 132 милл. ($135^1/_2$ милл.) рублей жертву деньгами и жизнью своихъ кровныхъ сыновъ на работу по устроенію Туркестанскаго края. Дальнѣйшія жертвы трудно было бы оправдать, трудно было бы найти для нихъ разумныя основанія, ибо, повторяемъ, благосостояніе туземца, по крайней мѣрѣ осѣдлаго, значительно выше благосостоянія крестьянина коренныхъ русскихъ областей»...

Имѣть одну такую дорого-стоющую, убыточную окраину, которая не только не окупаетъ своихъ расходовъ, но которая постоянно требуетъ крупныхъ дополнительныхъ ассигнованій отъ своей метрополіи, для такого огромнаго государства, какъ Россія, еще не составляло бы большаго зла и не было бы особенно тяжело для нашего почти двухмилльярднаго бюджета. Но если такихъ «избалованныхъ» окраинъ не одна, а нѣсколько, и если къ тому же такія окраины все продолжаютъ увеличиваться въ своей численности, то результатъ получается весьма печальный: расцвѣтъ окраинъ на счетъ центра, который все болѣе и болѣе начинаетъ страдать худосочіемъ. Въ послѣднее же время у насъ вошло въ какую-то постоянную систему—отдавать предпочтеніе интересамъ окраинъ предъ интересами центра. И вотъ одна за другою выростаютъ «неотложныя, насущныя» и при томъ дорого стоющія потребности окраинъ, которыя нужно удовлетворить во что бы то ни стало; а какъ будто у нашего центра нѣтъ самыхъ вопіющихъ нуждъ?! Такихъ окраинъ, живущихъ на счетъ центра, у насъ нѣсколько: Кавказъ, Туркестанъ, Закаспійская область и др., а въ послѣднее время явился

еще и Портъ-Артуръ. Если явится и еще какая-нибудь новая окраина, новое территоріальное пріобрѣтеніе, то и она, конечно, поступитъ въ разрядъ этихъ же убыточныхъ окраинъ. Остановимся не надолго по интересующему насъ вопросу, наприм., на Кавказѣ. Хотя у меня и нѣтъ подъ руками полныхъ свѣдѣній относительно кавказскихъ дефицитовъ, но и отъ тѣхъ отрывочныхъ, которыя имѣются на-лицо, получается еще болѣе удручающее впечатлѣніе, чѣмъ отъ туркестанскихъ дефицитовъ. Покойный генералъ Фадѣевъ, замѣчательный знатокъ Кавказа, утверждаетъ, что «на Кавказѣ, при общемъ расходѣ 44.560.000 р. и доходѣ 15.400.000 р., ежегодный дефицитъ составляетъ 29.160.000 руб., т.-е. доходъ относится къ расходу, какъ 1:2$^{3}/_{4}$» [1]). Въ среднемъ же за четырехлѣтіе 1892—1895 гг. на Кавказѣ доходы составляютъ 54.446.900 рублей, а расходы 60.057.800 р.; такимъ образомъ средній ежегодный дефицитъ равняется 5.610.900 р. [2]). Сколько Кавказъ далъ убытка Россіи въ прежнее время, когда дефициты доходили до 30 слишкомъ милліоновъ рублей въ годъ, Аллахъ вѣдаетъ. Но за послѣдніе 34 года, со времени окончательнаго покоренія Кавказа, если принять за норму минимальные дефициты послѣднихъ лѣтъ, Кавказъ далъ дефицита слишкомъ 190 милліоновъ рублей. Здѣсь такъ же, какъ и въ Туркестанѣ, находятся люди, которые стараются опровергнуть фактъ убыточности содержанія этой окраины. При этомъ обыкновенно указываютъ на то, что казна ежегодно получаетъ дохода только съ кавказской нефти въ формѣ акциза на керосинъ болѣе 22 милліоновъ рублей [3]). Хотя, дѣйствительно, нефтяной доходъ казны составлялъ въ 1896 г. 20,3 милл. рубл., но дѣло въ томъ, что, на основаніи акцизнаго устава, акцизъ можетъ быть вносимъ не на мѣстѣ производства продукта, наприм. въ Баку, а на мѣстѣ потребленія его, при выпускѣ въ про-

---

[1]) Собраніе сочиненій Р. А. Фадѣева. С.-Петербургъ, 1889 года, т. I, ч. 2, стр. 142.

[2]) Газета «Кавказъ» 23 декабря 1898 г., № 338.

[3]) Вермишевъ: «Очерки бакинской нефтяной промышленности» въ «Кавказскомъ Вѣстникѣ» 1900 г., № 1, отд. 2, стр. 48.

дажу изъ такъ называемыхъ подохранныхъ складовъ. Этимъ и пользуются нефтепромышленники, которые, отправляя свой керосинъ въ Россію, получаютъ обратно уплаченный акцизъ; послѣдній уплачивается уже тамъ на мѣстѣ потребленія. Вслѣдствіе этого изъ общей суммы нефтянаго дохода уплачивается Закавказьемъ только $^1/_6$ его часть, а остальныя $^5/_6$ уплачиваются все тою же европейскою Россіей.

Въ этомъ отношеніи весьма любопытенъ «финансово-статистическій атласъ Россіи», составленный по оффиціальнымъ даннымъ г. Антроповымъ (СПБ., 1898 г.). Очень жаль, что эти изслѣдованія касаются только европейской Россіи, со включеніемъ, впрочемъ, Закавказья; но и то, что̀ мы извлекаемъ изъ этого замѣчательнаго труда по интересующему насъ вопросу относительно Закавказья, крайне поучительно. Для лучшаго уясненія доходности или убыточности Закавказья, мы раздѣлимъ его на двѣ части: восточную часть, состоящую изъ Бакинской и Елизаветпольской губерній съ Дагестанскою областью, и западную, куда относятся губерніи: Тифлисская, Кутаисская и Эриванская. По своей доходности (здѣсь принимаются во вниманіе всѣ безъ исключенія государственные доходы какихъ бы то ни было наименованій: разные налоги, сборы, акцизы, пошлины, регаліи, и пр. и пр.) все Закавказье занимаетъ изъ 13-ти группъ 11-ое мѣсто и даетъ 3,87% всѣхъ доходовъ европейской Россіи; при чемъ восточная часть дала въ среднемъ за 1892—1895 гг. 15.141.700 р. въ годъ; средній доходъ на 1 кв. в. здѣсь—151 р. 40 к. и на 1 жителя 6 р. 34 к.; между тѣмъ какъ западная часть Закавказья дала въ среднемъ за тотъ же періодъ 25.841.300 р., или 220 р. 60 к. на 1 кв. в. и 7 р. 15 к. на 1 жителя. По своимъ же расходамъ все Закавказье занимаетъ уже 6-ое мѣсто и потребляетъ 5,20% всѣхъ расходовъ; при чемъ восточная часть произвела ихъ въ среднемъ 13.979.700 р., на 1 кв. в.—140 р. 70 к. и на 1 жителя—5 р. 86 к.; между тѣмъ какъ западная часть потребила ихъ 34.461.900 р., на 1 кв. в.—294 р. 20 к. и на 1 жителя—9 р. 54 к. Такимъ образомъ,

восточная часть Закавказья дала прибыли 1.162.000 р., т.-е. 10 р. 70 к. на 1 кв. в., или 40 к. на 1 жителя; между тѣмъ западная часть Закавказья, наоборотъ, дала убытокъ въ 8.620,600 р., т.-е. въ 73 р. 60 к. на 1 кв. в., или 2 р. 39 к. на 1 жителя. Общій дефицитъ по всему Закавказью въ среднемъ равняется 7.458.600 р. въ годъ. Этотъ громадный дефицитъ понижается только доходностью сѣвернаго Кавказа—1.847.700 р. въ годъ, т.-е. 50 к. съ каждаго жителя. Вслѣдствіе этого общій дефицитъ по всему Кавказу въ среднемъ за 1892—1895 гг. равняется 5.610.900 р. въ годъ; при чемъ нужно помнить, что самыми убыточными губерніями являются слѣдующія три: Тифлисская, Кутаисская и Эриванская, гдѣ расходы по разнымъ вѣдомствамъ идутъ въ слѣдующемъ нисходящемъ порядкѣ: военнаго и морскаго министерствъ—около 18.400 т. р., финансовъ—3.928 т. р., внутреннихъ дѣлъ—3.500 т. р., государственныхъ имуществъ—2.150 т. р., юстиціи—1.505 т. р., народнаго просвѣщенія—1.200 т. р., Св. Синода—800 т. р. и государственнаго контроля—300 т. р.

Такимъ образомъ, и кавказскіе дефициты остаются дефицитами. Присоедините къ нимъ почти за то же время туркестанскіе—и вы получите въ итогѣ колоссальную сумму въ $325^1/_2$ милліоновъ рублей за 30—34 года. Не забудьте принять во вниманіе еще дефициты Закаспійской области и другихъ бѣдныхъ окраинъ, а также портъ-артурскіе,—и вы ужаснетесь нашей тратѣ денегъ на окраины въ ущербъ центра. Это, вопреки всѣмъ западно-европейскимъ народамъ, которые стремятся или обогатиться на счетъ своихъ колоній, или по крайней мѣрѣ привести въ равновѣсіе доходы и расходы ихъ,—это какая-то особая у насъ благотворительность на окраины; мы въ данномъ случаѣ похожи, по удачному сравненію генерала Фадѣева, на тотъ филантропическій народъ, который, какъ пеликанъ на воротахъ воспитательнаго дома, питаетъ своею кровью птенцовъ. Неужели мы проливали свою кровь, завоевывая эти страны, только за тѣмъ, чтобы снова превратиться въ какихъ-то данниковъ новой Золотой Орды, т.-е. нашихъ азіатскихъ окраинъ?! При этомъ

нельзя не согласиться на первый взглядъ, можетъ быть, и съ жесткимъ, но глубоко правдивымъ отзывомъ Е. Л. Маркова о нашихъ «глиняныхъ пріобрѣтеніяхъ» въ Азіи, по поводу ахалъ-текинской экспедиціи. «Теперь, говоритъ онъ, у Россіи выросло своего рода неуклюжее и бездѣйствующее брюхо, выпирающее далеко въ глубь Азіи, до краевъ полное враждебныхъ элементовъ, требующее для своего питанія громадной затраты ея собственныхъ кровныхъ силъ и представляющее въ случаѣ какой-нибудь серьёзной опасности не опору намъ, не дружелюбную помощь, а самую злую внутреннюю болячку.... Оглянитесь, продолжаетъ тотъ же неподкупный писатель, мало ли у насъ кругомъ неотложныхъ, вопіющихъ задачъ? Мало ли кровныхъ народныхъ потребностей, на которыя гораздо нужнѣе было бы употребить тѣ десятки милліоновъ рублей, которые поглощаетъ каждая военная экспедиція, подобная ахалъ-текинской, ту чуть не сотню милліоновъ рублей, которую вынужденъ жертвовать русскій народъ изъ своей тощей мошны на мнимое благосостояніе азіатскихъ разбойниковъ, достойныхъ потомковъ Чингиза и Тимура? Или безъ туркменскихъ пустынь мало намъ пустынь въ собственныхъ нѣдрахъ нашей матушки-Россіи православной, пустынь, давно уже тщетно ожидающихъ плодотворнаго прикосновенія знанія и капиталовъ? Или безъ ахалъ-текинскихъ дикарей мало у насъ въ горахъ Кавказа, въ тундрахъ Сибири, по степямъ Заволжья своихъ прирожденныхъ и благопріобрѣтенныхъ дикарей, до сихъ поръ нетронутыхъ даже концомъ перста цивилизаціи?» [1])

Эти окраинные дефициты влекутъ за собою громадное государственное зло: экономическое оскудѣніе и даже по мѣстамъ вырожденіе нашего центра, нашихъ внутреннихъ губерній европейской Россіи. По прекрасному почину почтенной редакціи газеты «Новое Время», наша лучшая періодическая печать начала въ послѣднее время обращать серьёзное вниманіе общества и правительства

[1]) Газ. «Русь» за 1884 г., № 13.

на печальное во многихъ отношеніяхъ состояніе нашего центра. Оказывается, что нашъ центръ, долго жившій въ пользу своихъ окраинъ, постигло такое экономическое оскудѣніе чуть не во всѣхъ сторонахъ его народной жизни, что приходится серьёзно опасаться за дальнѣйшую его судьбу. Теперь это такой наболѣвшій вопросъ, надъ которымъ слѣдуетъ не только глубоко задуматься, но который слѣдуетъ какъ можно скорѣе и всестороннѣе изслѣдовать при посредствѣ соотвѣтствующихъ спеціалистовъ. Къ этой работѣ, имѣющей слишкомъ важное, общегосударственное значеніе, должны быть привлечены лучшія русскія силы, которыя бы не только всесторонне разъяснили степень оскудѣнія и даже вырожденія центра, но вмѣстѣ съ тѣмъ и намѣтили цѣлый рядъ правительственныхъ мѣропріятій къ поднятію его. Не претендуя на новизну сообщеній, я ограничусь только краткимъ абрисомъ современнаго положенія нашего центра на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя имѣются въ нашей печати. Знатокъ нашего сельско-хозяйственнаго быта, г. Ромеръ свидѣтельствуетъ, что населеніе центра въ послѣднее время увеличилось, но земельное обезпеченіе его въ общемъ осталось прежнее; такъ наприм., въ Ливенскомъ уѣздѣ на каждую ревизскую душу въ 1861 году приходилась 1 десятина въ каждомъ трехпольѣ, а теперь только 661 кв. саж. Общая численность домашнихъ животныхъ, по изслѣдованіямъ д-ра Загурскаго, въ послѣднія 28 лѣтъ (1864—1892) въ центральныхъ земледѣльческихъ губерніяхъ уменьшилась на 28,3%; принимая же во вниманіе увеличеніе населенія за это время, обезпеченность его скотомъ уменьшилась на 52,3%, т.-е. больше, чѣмъ на половину, сравнительно съ 1864 годомъ. Вслѣдствіе этого сократилось въ той же степени количество работы скота и количество удобренія для полей. Урожаи хлѣбовъ настолько понизились, что почти ежегодно то ту, то другую часть центра поражаетъ голодъ, который грозитъ сдѣлаться хроническимъ. Населеніе бѣдствуетъ, недоѣдаетъ, часто прямо голодаетъ и постоянно требуетъ отъ правительства и общества громадной денежной помощи. «Разоренъ преимуще-

ственно, если не исключительно центръ Россіи, и не одни только крестьяне, но и помѣщики. Разорены купцы, бѣдствуютъ городскіе мѣщане, бѣдствуетъ духовенство, даже кулаки и кабатчики перестали обогащаться». По мѣстамъ населеніе начинаетъ даже вырождаться за самое послѣднее время. Проф. Духновскій съ цифрами въ рукахъ удостовѣряетъ, что средняя смертность для Московской губерніи составляетъ 41,2 pro mille, достигая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 50% и болѣе; дѣтская же смертность достигаетъ по мѣстамъ 44 и выше pro centum. Недоборъ новобранцевъ по физическому недоразвитію все болѣе увеличивается. Народное невѣжество, безграмотность, незнаніе своей религіи, своихъ правъ, темное, безпросвѣтное существованіе, алкоголизмъ и сифилисъ, безпутное хозяйство, при которомъ трудъ не накопляется, оскудѣніе посторонних заработковъ составляютъ, по словамъ другаго знатока нашей деревни, г. Энгельгардта, общія явленія, общій фонъ крестьянства нашего центра. «Если крѣпкое, сытое и благополучное центральное ядро великорусскаго народа, говоритъ г. Ромеръ, съумѣло собрать вокругъ себя и сдержать своею притягательною силою, своимъ нравственнымъ и матеріальнымъ авторитетомъ то колоссальное государственное тѣло, которое именуется Россіей,— каковы же будутъ послѣдствія упадка силъ, вѣры и энергіи въ этомъ ядрѣ, если они окажутся не случайнымъ и временнымъ, но постояннымъ явленіемъ? Не въ немъ ли кроется истинная причина той разнузданности сепаратическихъ стремленій и происковъ, которая народилась въ нѣкоторыхъ нашихъ окраинахъ именно за послѣднія десятилѣтія?» [1])

Вотъ печальные плоды нашей политики предпочтенія окраинъ центру. Въ высшей степени грустно и больно становится на душѣ у всякаго русскаго человѣка, который начинаетъ углубляться въ детали этого достаточно наболѣвшаго вопроса; въ высшей степени опасно стано-

[1]) «Новое Время» 20 октября 1898 г., № 8135, а также 3 августа 1898 г., № 8057, и 19 іюня 1899 г., № 8371; «Московскія Вѣдомости» 1898 г., № 189, и пр. и пр.

вится за наше государственное будущее. Какъ по отношенію къ каждому организму всегда прилагается больше заботъ о центральныхъ, какъ наиболѣе важныхъ, органахъ, чѣмъ объ оконечностяхъ, такъ и каждое государство, какъ общественно-сложный организмъ, должно, въ видахъ самосохраненія, прежде всего заботиться о развитіи и усиленіи центра, никогда не допуская его до упадка, а потомъ уже и о подъемѣ своихъ окраинъ. Политика, противоположная этому, можетъ привести только къ нежелательному для насъ концу: къ полному расцвѣту нашихъ инородческихъ окраинъ и къ захуданію, оскудѣнію и даже вырожденію центра, который съ теченіемъ времени окажется бѣднѣе своихъ окраинъ не только въ экономическо-матеріальномъ, но и въ духовно-нравственномъ отношеніяхъ. Тогда нашъ центръ потеряетъ въ себѣ всякую силу притяженія и перестанетъ быть государственнымъ центромъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему тогда будутъ стремиться, съ чѣмъ объединяться наши окраины, если центръ нашъ окончательно упадетъ?! Ясно до полной очевидности, что тогда въ нашихъ окраинахъ еще болѣе будутъ развиваться не центростремительныя, а центробѣжныя силы, которыхъ уже и теперь накопилось достаточно много. Естественнымъ результатомъ всего этого будетъ то, что наше громадное государственное тѣло, оставшись безъ центра, разложится на свои составныя части. Такъ политика предпочтенія окраинъ центру ведетъ насъ къ государственному разложенію. Нашимъ многоразличнымъ окраинамъ и ихъ инородческому населенію, которое уже во многихъ мѣстахъ въ большей или въ меньшей степени заражено сепаратистическими стремленіями, весьма выгодно поддерживать эту политику, которая была особенно сильна въ 60-хъ и 70-хъ годахъ минувшаго столѣтія и которая начала ослабѣвать со времени царствованія великаго Царя-Миротворца, Александра III; политика эта выгодна для нихъ главнымъ образомъ потому, что она въ конечныхъ своихъ стремленіяхъ ведетъ къ главнымъ, затаеннымъ вожаками нашихъ инородцевъ, сердечнымъ цѣ-

лямъ,—къ разложенію Россіи и къ отдѣленію отъ нея окраинъ. Сепаратистическія тенденціи окраинъ, тщательно прикрытыя маскою любви къ родинѣ, въ узкомъ смыслѣ этого слова, и стремленія ко всестороннему развитію, проникли въ нѣкоторую часть нашей печати и, подъ флагами либерализма, гуманныхъ началъ, прогресса, любви къ ближнему, братства, равенства и другихъ красивыхъ и пышныхъ словъ и фразъ, нашли себѣ, къ великому сожалѣнію, сочувствіе даже во многихъ изъ насъ, русскихъ. Всѣ наши различные инородцы и даже мусульмане, когда дѣло касается окраинъ и ихъ самихъ, любятъ распинаться за самые возвышенные гуманные, христіанскіе принципы и доказывать, что великодушная Россія дѣлаетъ великое христіанское дѣло, не жалѣя своихъ иногда послѣднихъ денежныхъ средствъ, которыя она часто отнимаетъ у своихъ присныхъ и отдаетъ инородцамъ, что въ этомъ-то и заключается великая культурная и вмѣстѣ съ тѣмъ гуманная историческая миссія Россіи. Но тѣ же инородцы, глашатаи великой правды, бываютъ положительно глухи и нѣмы, когда идетъ рѣчь объ упадкѣ русскаго центра и о поднятіи его. Впрочемъ, виноватъ, еще объ упадкѣ нашего центра они охотно разсуждаютъ, изощряя на этой темѣ стрѣлы своего дешеваго остроумія и сарказма, которыми щеголяетъ наша періодическая печать, хотя бы и прикрывающаяся русскимъ шрифтомъ. Но когда рѣчь заходитъ о поднятіи русскаго центра, русскаго мужика, то слово ихъ окончательно отказывается служить, и на сцену въ это время выступаютъ «болѣе насущные окраинные вопросы и неотложныя нужды государственной важности», которыхъ всегда такъ много въ запасѣ, что хоть отбавляй. Такое фарисейское отношеніе и поведеніе нашихъ инородцевъ, отлично замаскированное со всѣхъ сторонъ, трогаетъ до глубины нашу простодушную славянскую душу, и мы, желая прослыть либералами, гуманными и опасаясь болѣе всего быть заподозрѣнными въ излишнихъ заботахъ о себѣ самихъ, откладываемъ въ долгій ящикъ мечты о своихъ самыхъ насущныхъ и необходимыхъ нуждахъ; позабывая сшить

себѣ рубаху, чтобы кто-либо не подумалъ, что она у насъ ближе къ тѣлу, наряжаемъ иногда даже въ пышный нарядъ свои окраины. Такая политика крайне недальновидна и не приноситъ намъ ничего другаго, кромѣ вреда.

«Если кто о своихъ и особенно о домашнихъ не печется, тотъ отрекся отъ вѣры и хуже невѣрнаго», говоритъ апостолъ Павелъ (1 Тимоѳ. гл. 5, ст. 8). Поэтому всякъ, кто утверждаетъ, что онъ любитъ всѣхъ людей, а о присныхъ своихъ нерадитъ,—ложь есть. Любить всѣхъ людей, а о близкихъ своихъ не заботиться,—совершенно неестественно; и такой человѣкъ, который поступаетъ такъ, но въ то же время утверждаетъ, что онъ любитъ всѣхъ людей,—утверждаетъ ложь. Естественнымъ образомъ развитая любовь къ человѣчеству прежде всего направляетъ свои заботы на самыхъ близкихъ людей, на родныхъ, затѣмъ—на знакомыхъ согражданъ, единоплеменниковъ, и наконецъ—на все человѣчество. Любить наоборотъ—неестественно. Всякій здравомыслящій родитель прежде всего любитъ и заботится о своихъ собственныхъ дѣтяхъ, затѣмъ уже въ указанномъ порядкѣ постепенности любовь его, сообразно нравственному усовершенствованію, переходитъ и ко всему человѣчеству. Мнѣ не разъ приходилось сталкиваться съ родителями, зараженными quasi-либерализмомъ и космополитизмомъ, которые въ своихъ горячихъ спорахъ увлекались даже до того, что позволяли себѣ утверждать, будто бы они такъ же сильно любятъ дѣтей какого-нибудь папуаса, живущаго гдѣ-нибудь въ Новой Гвинеѣ, какъ и своихъ собственныхъ дѣтей, что первыя имѣютъ такое же право на наши заботы, какъ и послѣднія. Но все это—только красивыя слова, не имѣющія никакого внутренняго реальнаго содержанія и не отвѣчающія душевнымъ настроеніямъ авторовъ ихъ, такъ какъ вслѣдъ за этими пустыми словами начинались заботы, весьма часто совершенно излишнія, о своихъ Леляхъ, Надяхъ, Костяхъ и пр., а дѣти того папуаса, о которомъ была рѣчь, никогда больше не приходили даже и на память. Мнѣ въ своей жизни еще не

удавалось видѣть практическаго осуществленія такихъ пустыхъ словъ; и это потому, что такая любовь противоестественна. Если это такъ по отношенію къ малой общественной ячейкѣ—семьѣ, то такая градація любви вполнѣ справедлива и естественна по отношенію и къ болѣе сложному общественному организму—разноплеменному государству. Вотъ почему я и утверждаю, что господствующій народъ въ государствѣ, который служитъ государственнымъ ядромъ, вокругъ котораго группируются остальныя мелкія народности, долженъ служить самъ себѣ цѣлью. Поэтому всѣ наши самыя главныя заботы должны быть направлены прежде всего на него, а потомъ уже и на другія народности. Когда этотъ господствующій народъ не только по своей численности и историческому значенію станетъ таковымъ, т.-е. господствующимъ же, но и во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, какъ наприм. въ экономическомъ и духовно-нравственномъ, тогда онъ долженъ, обязанъ идти на всестороннее служеніе своему меньшому брату, пріобщая его къ своему національному тѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ поднимая его до себя, до своего культурнаго уровня во всѣхъ отношеніяхъ. Только тогда и будетъ здорово это государство, такъ какъ оно будетъ идти по совершенно нормальному пути своего развитія; только тогда мы и въ состояніи окажемся вполнѣ выполнить лежащую на Россіи великую культурную историческую миссію по отношенію къ нашимъ инородцамъ. Итакъ прежде всего, на самомъ первомъ планѣ, должны стоять у насъ заботы о своемъ центрѣ, а потомъ уже объ окраинахъ. До тѣхъ же поръ, пока нашъ центръ не выйдетъ изъ своей захудалости, окраинамъ должно быть сдѣлано, какъ французами въ Алжиріи, предложеніе «по одежкѣ протягивать ножки», т.-е. окупать себя, свои расходы. А для этого, конечно, придется сдѣлать одно изъ двухъ: или сократить расходы, или повысить доходность окраинъ, наблюдая при этомъ, чтобы та или другая окраина окончательно утратила свой паразитный характеръ и не была въ тягость нашему государству, нашей государственной казнѣ. Конечно, было бы всего лучше,

если бы намъ не пришлось сокращать расходовъ той или другой окраины, такъ какъ это вызвало бы неудовольствіе въ туземцахъ ея, ибо многіе изъ нихъ уже достаточно привыкли къ извѣстнымъ культурнымъ формамъ жизни; но въ такомъ случаѣ необходимо повысить доходность ея, что̀ по отношенію къ Туркестану, населеніе котораго, по единогласному свидѣтельству всѣхъ оффиціальныхъ и частныхъ данныхъ, экономически благоденствуетъ и процвѣтаетъ, вполнѣ возможно. Если же по отношенію къ какой-либо другой убыточной окраинѣ нельзя сдѣлать этого, то необходимо сократить ея расходы и привести ихъ въ полное равновѣсіе съ доходами ея. По отношенію къ Туркестану, какъ свидѣтельствуетъ генералъ Фадѣевъ, была сдѣлана однажды такая попытка; но, къ сожалѣнію, осталась безъ послѣдствій. «Кому, спрашиваетъ онъ, выгодно введеніе въ азіатскую область русскаго порядка гражданскаго управленія, разоряющаго властелина и отталкивающаго отъ него подвластныхъ? Обсужденіе этого вопроса было возбуждено въ правительственной сферѣ только однажды, вслѣдствіе поданной записки генераломъ Черняевымъ въ 1874 году о туркестанскомъ управленіи. Записка осталась безъ послѣдствій въ силу мнѣнія, высказаннаго директоромъ азіатскаго департамента, что наша миссія въ Азіи существенно-просвѣтительная, а потому Россія не должна жалѣть издержекъ въ настоящемъ, въ виду благодѣтельныхъ послѣдствій ихъ для будущаго. Указаніе на нашу просвѣтительную миссію служитъ до сихъ поръ самымъ удобнымъ поводомъ для нещадной растраты трудовыхъ денегъ русскаго народа. Всматриваясь однакоже въ это мнѣніе, оказывается, что оно вовсе не мнѣніе, а не болѣе какъ фраза» [1]). М. Г. Черняева чуть не всѣ туркестанцы и значительная часть русской печати считали за его недолговременное управленіе Туркестанскимъ генералъ-губернаторствомъ гасителемъ свѣта и насадителемъ мрака.

---

[1]) Собраніе сочиненій Р. А. Фадѣева, т. I, ч. 2, СПБ., 1898 г., стр. 139—140.

Но оказывается, что для этого русскаго человѣка, управлявшаго Туркестаномъ, общегосударственные интересы, интересы нашего центра, были впереди окраинныхъ интересовъ.

Конечный выводъ изъ всего этого длиннаго заключенія слѣдующій. Предъ нами довольно трудная дилемма: съ одной стороны—Сибирь съ ея барышами, но бѣдствіями инородцевъ, а съ другой—Туркестанъ и Кавказъ съ благосостояніемъ ихъ туземцевъ, но съ громадными и хроническими денежными дефицитами. Россія уже давно имѣетъ владѣнія въ Азіи, но до сихъ поръ не установила для нихъ подходящей формы управленія, которая не отталкивала бы отъ насъ туземцевъ и не обращала бы новыхъ пріобрѣтеній въ тяжелое бремя для государства. Поэтому пора, давно пора дружными усиліями правительства и лучшихъ людей русскаго общества приняться за разсмотрѣніе не терпящихъ отлагательства вопросовъ нашей внутренней политики по отношенію къ нашимъ азіатскимъ инородцамъ.

ОПЕЧАТКИ,

замѣченныя въ книгѣ: „О положеніи русскихъ инородцевъ“

М. Миропіева.

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Нужно напечатать.
4	32—33	населеніе	поколѣніе.
5	10	такое или иное образованіе	такое или иное русское образованіе
6	7	(сдѣлать вставку:	въ 1887 г. «Отношенія ислама къ наукѣ и къ иновѣрцамъ».
13	22	намъ	нашъ
14	12	не боится никакой науки	не боится свѣта никакой науки
19	2	этого	это
40	38	8 в.	7 в.!
50	17	покровительствомъ всѣхъ правовѣрныхъ	покровительствомъ повелителя всѣхъ правовѣрныхъ
55	2	религіозной	религіозно-нравственной
58	29	духовной	осѣдлой
84	17—18	приготовляющими	приготовлявшими
116	4	другой	будущей
121	29	не удержишь	не удержишь его.
142	16	ублюдомъ	ублюдкомъ
186	15	истребленіе	ихъ истребленіе
238	12	способностей	особенностей
239	17	мусульманъ	мусульманство
247	23	въ смыслѣ государственномъ	въ смыслѣ государственномъ и политическомъ
249	10	въ Меккѣ	въ Мекку
260	9	наука	школа

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Нужно напечатать.
261	1	лежа на боку	которые цѣлые десятки лѣтъ лежа на боку
271	24	не арабы	не арабы по крови
316	26	1832 г.	1827 г.
326	37	привело	приведено
332	3	8324	8384
334	28	16, 22	16, 62
355	19	Алтай	Тарбагатай
381	9	громадные	грамотные
382	4	высшихъ	свѣтскихъ
402	23	$2^0/_0$	$2^1/_2$ $^0/_0$
423	26	этихъ	эти
430	27	жестокаго	жесткаго
433	9	владѣетъ	завладѣетъ
440	30	выдавать	выдавались
446	36	которые признаются	которые ст. 257 признаются
475	26	6	$6^1/_2$
484	въ графѣ: итого	493850	494000
487	31	лѣсъ	лёсъ
500	32	настоящаго	прошлаго
503	10—11	и жизнью	и отдававшаго много силъ, здоровья и жизней
504	14	въ среднемъ же	въ среднемъ
511	24	періодическая	инородческая